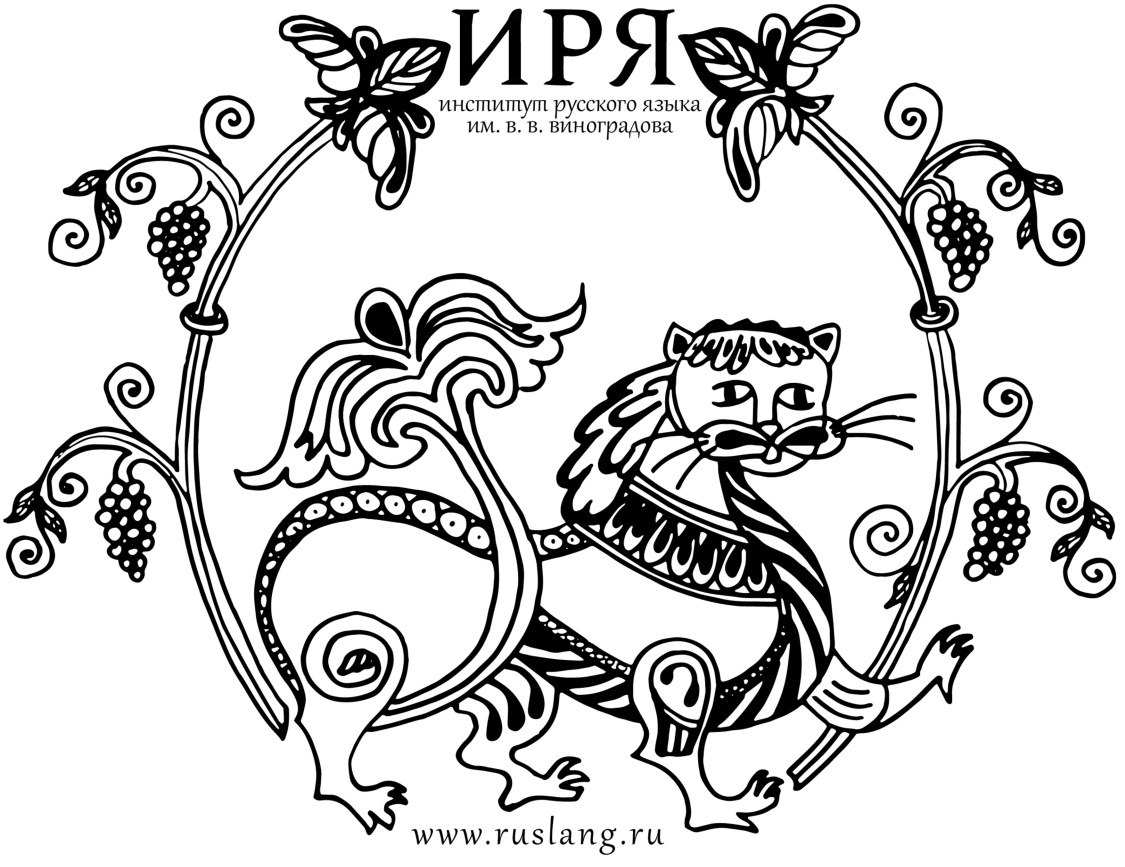
4
П-16

М.В.Панов

История русского литературного произношения XVIII-XX вв.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

М.В.Панов

История русского литературного произношения

XVIII—XX вв.

Ответственный редактор
академик Д.Н. ШМЕЛЕВ

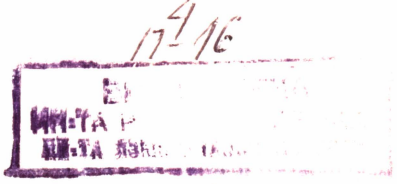

МОСКВА "НАУКА" 1990

ББК 81.2Р
П16

Рецензенты:

кандидат филологических наук *В.В. Борисенко*
доктор филологических наук *Л.Л. Касаткин*
доктор филологических наук *А.А. Реформатский*

Панов М.В.

П16 История русского литературного произношения XVIII—XXвв. / Ин-т рус. языка АН СССР; отв. редактор Д.Н. Шмелев. — М.: Наука. — 456 с.

ISBN 5-02-011002-7

Монография посвящена исследованию основных закономерностей изменения русской фонетической системы, изучению взаимоотношений внешних (социально обусловленных) и внутренних стимулов языковых изменений. Русское произношение описывается в связи с общими изменениями культуры — поэзии, театра, науки. Автор стремится связать изменение русского произношения с общей теорией языковой эволюции. Книга содержит новый фактический материал.

Для русистов, изучающих вопросы становления современного русского литературного языка, лингвистов, занимающихся общими проблемами развития языков, преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов.

Panov M.V.

History of the Russian Literary Pronunciation (XVIII to XX centuries).

The monograph presents results of a study of main tendencies in the development of the Russian phonetic system and the interrelationship of external (socially conditioned) and internal stimuli of linguistic changes. The Russian pronunciation is described in the context of general changes in different spheres of culture — poetry, theatrical arts and science. The author seeks to connect changes in the Russian pronunciation with the general theory of linguistic evolution. The book contains new factual data.

It is intended for specialists in the history of Standard Russian, for linguists concerned with problems of linguistic evolution as well as for university lecturers, postgraduates and students of philological departments.

П $\frac{4602020101\text{-}015}{042(02)\text{-}90}$ 704—90, I полугодие ББК 81.2Р

ISBN 5-02-011002-7

© М.В. Панов, 1990

Посвящаю эту книгу с благодарностью и любовью памяти замечательного ученого, педагога, мыслителя Владимира Николаевича Сидорова

ОТ АВТОРА

Эта работа была завершена в 1970 г. и тогда же утверждена к печати Ученым советом Института русского языка АН СССР. После этого она несколько лет безмятежно лежала в архиве одного из секторов Института. (Спасибо тем, кто сохранил рукопись.)

В настоящее время расположение светил стало опять благоприятно для ее издания, и Ученый совет снова утвердил ее к печати.

Ни при первом, ни при втором утверждении никаких принципиальных претензий к содержанию работы высказано не было, и можно было бы печатать текст 1970 г., но время идет, и автор решил дополнить текст отдельными вставками, а некоторые факты описать более ясно и точно. Концепция, которая выдвигается в этой книге, осталась прежней — и в целом, и в деталях. Никаких изменений, обусловленных конъюнктурой, сделано не было.

Автор исследования исходит из определенных теоретических положений, которые разработаны особым направлением в филологии — Московской (или фортунатовской) лингвистической школой.

В 1958 г., на Международном съезде славистов в Москве, Р.О. Якобсон сказал: и в языкознании, и в родственных науках накоплено много ценного — пора наводить мосты. Эта задача стала основной в работе многих коллективов, которые можно считать представителями разных направлений лингвистического структурализма. Идут поиски общих закономерностей, которые связывают: язык и другие семиотические системы, язык и всю совокупность явлений человеческой психики, язык и этнографически локализованные особенности поведения, язык и логику, язык и проблематику его практического применения и т.д.

Во всем этом разнообразии современных подходов к языку Московская лингвистическая школа занимает особое место. Она считает для себя наиболее важной задачей изучение сущности языка как уникальной человеческой ценности.

И.А. Бодуэн де Куртенэ и Ф.Ф. Фортунатов в отечественном языкознании, Ф. де Соссюр в европейской лингвистике стали рассматривать язык как систему. Термин "система" (по отношению к языку) сейчас стал затертым и изношенным. Говоря, что язык — система, большинство языковедов понимает под этим весьма тривиальную вещь: упорядоченность единиц в языке. Понятие системы в языке

гораздо глубже. Единицы языка подчиняются требованию: *А* может существовать в языке только в том случае, если есть соотнесенное с ней *Б* (и в то же время *Б* реально лишь при наличии *А*). Пример: формы мн. числа существительных возможны в языке лишь при их соотнесенности с формами ед. числа, а формы ед. числа непременно требуют существования форм мн. числа. Это требование относится и к фонетической системе: фонемы находятся в системных отношениях друг к другу.

Именно эта идея — системность языка — и была основной в научных построениях Ф.Ф. Фортунатова. Он впервые открыл существование немаркированных грамматических единиц, создал учение о грамматической форме (построенное именно на понятии системности языка), понял производное слово как функциональную соотнесенность назывных единиц... Это были не отдельные сдвиги в понимании частностей языка, а целостная теория.

Фортунатовские идеи развивали в своих трудах его ученики, первое поколение Московской лингвистической школы — Д.Н. Ушаков, Н.Н. Дурново, М.Н. Петерсон, А.И. Томсон, В.Н. Щепкин и др. Их ученики и последователи, второе поколение этой школы, сделали большой шаг вперед в понимании сущности языка: они стали рассматривать язык как позиционную систему. Понятие позиции, впервые блестяще использованное И.А. Бодуэном де Куртенэ, было осознано в Московской школе как необходимый и всеобщий принцип научного описания языка. Эти ученые — Р.И. Аванесов, Г.О. Винокур, И.С. Ильинская, П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский, В.Н. Сидоров, А.М. Сухотин — создали значительные труды не только в области фонетики ("московская теория фонем"), но и в теории словообразования, грамматики, лексикографии, диалектологии, истории языка.

Благодарю своих друзей, товарищей, советчиков, лингвистических единомышленников, сотрудников и помощников, которые на разных этапах содействовали моей работе. Когда-нибудь, в другое время, я назову их всех поименно. Сейчас по разным причинам сделать это неудобно. Должен только сказать, что без постоянной помощи кандидата филологических наук Н.Е. Ильиной (и при подготовке рукописи к печати, и при обсуждении частей текста) эта книга не могла бы увидеть свет.

Глава первая

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ

> Язык... исходит из такой глубины человеческой природы, что... обладает видимо проявляющейся самодеятельностью.
>
> *Г.Г. Шпет*[1]

Задачи. Во-первых, автор хотел показать читателю фактическую сторону изменения русского литературного произношения за последние три века. Во-вторых, он стремился найти языковые законы, которые определяют русское произношение в каждую эпоху, в каждое изучаемое столетие. Затем, в-третьих, он задумал сопоставить эти законы, идя от одной эпохи к другой, чтобы понять, имеют ли изменения общее направление, последовательность, единство развития. То есть: имеет ли произносительная сторона русского литературного языка подлинную историю. В-четвертых, автор считал важным определить, в какой степени произносительные изменения обусловлены внешними (социальными) воздействиями на язык и в какой степени — внутренними законами языка. Наконец, в-пятых: в книге сделана попытка определить (в качестве общего итога исследования), какой свет проливают все эти наблюдения на общую проблему развития языка.

Порядок изложения. Последовательность изложения материала внутри глав — от современности в глубь времен, к началу XVIII столетия. Такое расположение материала вряд ли надо считать особенно неожиданным. Ведь не случайно и А.А. Шахматов, и Н.Н. Дурново начинали свои исторические труды с описания современного русского языка.

Описание современного состояния языка всегда оказывается более детальным, чем описание предшествующих систем. Это неизбежно. Матрица звуковых явлений современности более "ячеи́ста", чем тех состояний, которые обращены в минувшее. Поэтому система терминов для современного языка выступает как метаязык для описания прошлого.

Синтагматика и парадигматика. Каждый язык имеет два ряда фонетических законов: синтагматические (законы сочетания единиц) и парадигматические (законы чередования единиц).

Сначала о синтагматике.

Ни в одном языке не могут все слова совпадать по своему звучанию, быть омонимичными. Омонимичность — удел некоторой части слов, далеко не большинства их. Как правило, слова должны различаться по звучанию. Например так: *лес* — *лезь* [л'эс'] — *лет* (род. мн.) — *лев* [л'эф] — *лещ* — *лень* — *лечь* — *лей*... Эти слова

---

[1] *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова. М., 1927. С. 11.

различаются, так как они составлены из разных звуков: у них разные конечные согласные.

Законами сочетания звуковых единиц в каждом данном языке и, следовательно, вопросами различения слов занимается фонетическая синтагматика[2].

Однако считать сегмент (звук) основной единицей в синтагмофонологии нельзя. Это привело бы к ряду противоречий[3]. Единственно возможная исходная (основная) единица в синтагмо-фонологии — это звуковой признак.

Поскольку синтагматика изучает звуковые сочетания с их различительной стороны, то важно выделить те звуковые признаки, которые являются различителями.

В конце слова *лес* стоит согласный [с], но в той же позиции может быть и [с'] (*лезь*). Значит, твердость у [с] в слове *лес* — признак различительный, он может быть в этой позиции единственным признаком, различающим слова.

Сопоставив *лес* и *лет*, найдем, что и признак щелевого образования (фрикативности) у [с] — различительный, "работающий" признак (по-другому говорят: релевантный, функциональный, значимый). Сравнение слов *лес* — *лев* показывает, что зубной характер [с] тоже значимый, различительный признак. Напротив, глухой характер согласного [с] в этой позиции — признак неработающий, он нерелевантен (неразличителен, нефункционален, незначим): не может быть [з] в той же позиции. Глухость [с] здесь не помогает различать слова.

Строго дихотомическую классификацию признаков удается построить только на акустической основе (не на артикуляционной). Поэтому дальше, при описании синтагматики, нередко применяется акустическая терминология. Артикуляционные термины используются только как двойники акустических (там, где это возможно), при этом их эквивалентность акустическим терминам достаточно ясна.

Различительные признаки будем называть синтагмо-фонемами. Согласный [с] в слове *лес* включает такие синтагмо-фонемы: твердый (недиезный), щелевой (непрерывный), зубной (высокий диффузный)[4].

Теперь — о парадигматике.

Смысловые единицы (слова и морфемы) надо не только различать, но и отожествлять. Почему говорящий воспринимает слова *водный, вóды, водовоз, пó воду* как однокоренные? Звуки-то разные[5]. Потому,

---

[2] А.А. Реформатский писал: минимальные звуковые единицы служат "для складывания и различения значимых единиц..." (*Реформатский А.А.* Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967. С. 211).

[3] См. подробнее в кн: *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967. С. 112—115.

[4] Иногда термин "синтагмо-фонема" будет применяться не к отдельному различительному признаку, а к их совокупности, образующей сегмент (звук). Так, например, может быть сказано: синтагмо-фонема /с/. Контекст всегда дает возможность понять, в каком значении употребляется этот термин. В книге автора "Русская фонетика" эти две сущности были терминологически разграничены, но здесь мы решили упростить терминологию, вводя объяснительные указания в контекст.

[5] Для морфемного отожествления необходимо и единство значения: все перечисленные слова включают понятие "вода". Но мы обращаем внимание читателя только на фонетическую сторону, обеспечивающую отожествление значимых единиц.

что все позиционно чередующиеся единицы (в частности, звуки) есть одна функциональная единица. Язык заставляет оценивать их как тождество. Здесь позиционно чередуются гласные [о|| а|| ъ]; функционально, как "отожествители" они "то же самое", значит, следует объединять, отожествлять звуки, которые позиционно чередуются. Единица, получившаяся в результате такого отожествления, — это парадигмофонема. Если синтагмо-фонема сформирована одной функцией звуков языка — необходимостью различать смысловые единицы, то парадигмофонема формируется другой функцией звуков языка — необходимостью отожествлять смысловые единицы.

Следовательно, парадигмо-фонема — это ряд позиционно чередующихся звуков, которые являются (ввиду того, что они чередуются позиционно) функциональным тождеством. Так, например, в словах *лес, лес бы* (*посадить*), *лесник* звуки [с — з — с'] составляют одну парадигмо-фонему <с>.

Позиционное чередование — такое, когда мена позиции всегда (во всех словах данной языковой системы или подсистемы) вызывает мену звуков, например:

Не на конце слова	На конце слова
звонкий шумный	глухой шумный

Это чередование позиционно, т.е. "повсюдно", оно касается не отдельных форм или лексем, а всех лексико-грамматических единиц.

Следует различать:

1. Фонетические позиционные чередования. Они осуществляются без исключений; позиция определяется в фонетических терминах: согласный [т] заменяется на [д] перед звонкими согласными (но не перед [в, в']).

2. Морфологические позиционные чередования. Они осуществляются без исключений, позиция определяется в грамматических терминах: фонема <д'> у глаголов в исходе основы, перед аффиксом *-ить* (в инфинитиве) заменяется фонемой <ж> перед окончанием *-у* 1-го лица, пример: *ходить — хожу*. С точки зрения фонетики это мена непозиционная.

3. Морфологические непозиционные чередования. Они совершаются в определенных грамматических формах с исключениями: *посветить — посвечу*, но *просветить — просвещу*. С точки зрения фонетики это мена тоже непозиционная.

Термин "позиционные чередования" мы в этой книге будем употреблять в смысле "фонетические позиционные чередования".

В косых скобках — транскрипция синтагмо-фонем: /вада/; в угловых — транскрипция парадигмо-фонем: <вода>; в квадратных скобках — фонетическая транскрипция.

И в синтагматике, и в парадигматике существует нейтрализация.

В синтагматике: в данном месте звуковой цепи нейтрализованы (не различаются) два противоположных признака. Так, в конце слова могут быть только глухие шумные согласные: *лес, влез, пляс, вниз*, в исходе слов — только [с], не [з]. Значит, нейтрализованы

признаки "звонкость — глухость"; в других позициях они различительны (нейтрализации их нет), например перед гласными: *влезали, плясали* и т.д.

Если вместо двух противоположных признаков в данной позиции возможен по законам языка только один, то он тем самым ликвидируется как различительный признак — нейтрализуется.

Как схематически показать, что признак является нейтрализованным, неразличительным? В слове *лесник* мягкость [с'] фонетически обусловлена: перед зубным мягким [н'] другой зубной согласный должен быть мягким. То есть закономерно сочетание [с'н'] и незаконно, нарушает нормы литературного произношения сочетание [сн']. Значит, мягкость [с'] не свободно избирающийся признак, он навязан соседом.

Наоборот, перед твердым зубным другой зубной не обязательно тверд. Твердость второго сегмента не требует твердости первого, ср.: *конская ярмарка* — с сочетанием [нс] и *июньская погода* — с сочетанием [н'с]. В схемах это можно показать так:

	мягкий	
1)	зубной	зубной
	н'	с'

Примеры: *лесник, на сосне, коснись, во сне, яснее...*

2)	мягкий зубной	твердый зубной
	н'	с

Примеры: *июньская, день-деньской...*

3)	твердый зубной	твердый зубной
	н	с

Примеры: *конская, без сна, лесной, сосну, коснусь...*

Схема показывает, что в первом случае ([н'с']) мягкость "левого" сегмента не избирается, она обусловлена вторым сегментом. Признак мягкости растекся на несколько, в нашем случае два, сегментов.

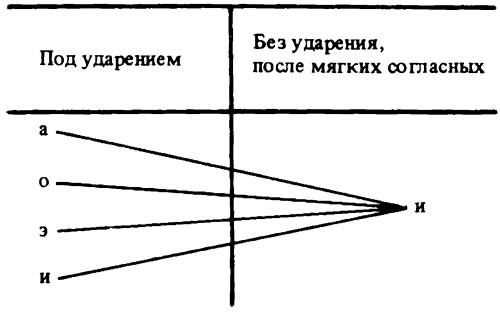
Таким образом, нейтрализация в синтагматике — это "растекание" признака, его обусловленность соседним сегментом.

Если признак самостоятелен, не обусловлен, то он в сильной позиции. Признак обусловленный — в слабой позиции (в нашей схеме он — "левая" мягкость в сочетании [н'с']; он присоединен к признаку в сильной позиции — "правой" мягкости в том же сочетании).

Нейтрализация в парадигматике. Парадигмо-фонема — это, как мы помним, ряд позиционно чередующихся звуков. Несколько таких рядов — не обязательно два, их может быть много — могут перекрещиваться. Например, под ударением различаются пять русских гласных: *ряд* — [а́], *нес* — [о́], *лес* — [э́], *низ* — [и], *тюк* — [у́]. В позиции "после мягкого согласного, в безударном слоге" все они, кроме [у], заменяются гласным [и]: *ряды, несу, леса, внизу*. Итак, четыре парадигмо-фонемы, четыре ряда позиционно чередующихся звуков: [а́ — и], [о́ — и], [э́ — и], [и́ — и]. Они скрестились в безударной позиции, они совпали в звуке [и]. (Гласный [у] остался "сам по

себе": *тюк — тюкú*, [у] сохраняется в безударной позиции, с [и] не совпадает, для [у] нейтрализации нет.)

Нейтрализация в парадигматике — это совпадение в определенной позиции нескольких парадигмо-фонем, несколько рядов звуков, позиционно чередующихся. Такую нейтрализацию можно представить схематически (см. схему).

Если в данном окружении данная парадигмо-фонема отличается от всех других, то окружение для нее — сильная позиция. Если же несколько фонем в данной позиции реализованы одним звуком, то для них эта позиция слабая.

Парадигматические законы могут быть "переведены" в синтагматические. Например: если звонкий согласный заменяется глухим перед следующим глухим (это чередование позиционное), то, следовательно, перед глухим невозможен звонкий шумный, сочетание "шумный звонкий + глухой" незаконно, сочетание "глухой + глухой" отвечает норме. Мы парадигматическую, "чередовательную" закономерность превратили в синтагматическую, сочетательную.

Также и законы синтагматики могут быть переведены в парадигматику: если нет сочетаний "шумный глухой + звонкий", то, очевидно, в данной позиции (перед глухим) звонкий шумный подвергается замене.

Всегда ли возможны такие переводы? Нет, не всегда. Есть такие парадигмо-закономерности, которые не переводятся в синтагматику. И сочетательные (синтагматические) законы не всегда находят себе чередовательное (парадигматическое) соответствие. Об этом будет сказано дальше.

Вообще отношения парадигматики и синтагматики исторически изменчивы, и мы понаблюдаем над их дружбой и соперничеством.

Выводы о синтагматике. 1. Есть языковые законы сочетания звуковых единиц. Они различны в разных языках и могут быть различны в одном и том же языке в разные эпохи его жизни. 2. Минимальной сочетательной единицей в синтагматике является признак звукового сегмента. Таким образом, звуковой сегмент с точки зрения синтагматики является дискретным, распадающимся на признаки. 3. Признаки могут быть различительными и неразличительными.

Различительные признаки будем называть синтагмо-фонемами. 4. В синтагматике есть свои формы нейтрализации. 5. Синтагматика изучает различительные функции звуковых единиц.

Выводы о парадигматике. 1. Существуют языковые законы чередования языковых единиц. 2. Чередуются сегменты, звуки; звук в парадигмо-фонологии предстает как континуум. Парадигмо-фонология не имеет механизма, который служил бы для расчленения сегмента[6]. 3. Звуки, которые позиционно чередуются, не могут быть различителями слов. Функционально они являются тождеством. Звуки, позиционно чередующиеся, составляют ряд, и этот ряд есть парадигмо-фонема. 4. В парадигматике существуют свои формы нейтрализации. 5. Парадигматика изучает, как звуки осуществляют функцию отожествления слов.

Синхрония — диахрония. Современное историческое исследование о языке должно начинаться с рассуждения о синхронии и диахронии.

Разграничивая эти два плана исследования, Ф. де Соссюр ввел в науку новый (и главнейший) объект исследования: язык как целое. Язык — система, которая не существует по кускам, а только как единство. Изучить язык — значит изучить связи, формирующие это единство.

Этапы изучения истории языка (или одного из его ярусов, например произношения) таковы: во-первых, познаются законы, образующие эту целостность в такую-то эпоху, законы определяют допустимые и недопустимые соотношения между единицами. Сами единицы определяются этими соотношениями (синтагматическими и парадигматическими).

Во-вторых, исследуются отношения того же типа в другую эпоху.

В-третьих, сопоставляются те целостности, которые найдены для каждой эпохи, и таким образом узнаются законы превращения одной системы в другую[7].

Говорят о том, что "непроходимой пропасти" между синхронией и диахронией нет. Точно так же можно сказать, что нет пропасти между правилами игры в шахматы и историей формирования этой игры.

Предлагают синхронию изучать "динамически", т.е. учитывать продуктивность или непродуктивность образований. Совет дельный. Но сама продуктивность может пониматься синхронически и диахронически. Диахроническая продуктивность: в определенный период было столько-то языковых фактов определенного типа, в следующий период их стало больше. Это приращение во времени, это чистая диахрония.

Синхроническая продуктивность: в языке определенного периода есть такое соотношение единиц (единовременно существующих), что,

---

[6] В синтагматике такой механизм есть: изучается различительная функция звукосочетаний, они сопоставляются, их сопоставление приводит к выводу, что минимальный различитель — признак звука.

[7] Первый — и притом блестящий — опыт такого исследования истории языка (его произношения) — это работа И.А. Бодуэна де Куртенэ: *Baudouin de Courtenay J.* Zarys historji języka polskiego. Warszawa, 1922.

зная одну, говорящий безошибочно создает другую, как только возникла в ней необходимость. Услышал формы *акклиматизировать, акклиматизируем* — и смело говорит: *акклиматизирую,* хотя такой формы никогда и не слышал (пример А.И. Смирницкого). Ни один историк не станет изучать, какая форма появилась в языке раньше — *акклиматизирует* или *акклиматизирую.* Ясно, что наличие одной дает уверенность в существовании другой; если есть одна, то появление другой — не событие в языке. Это синхронная продуктивность: такие отношения, при которых наличие одной единицы влечет за собой реальность другой, влечет не во времени, а так, как в силлогизме посылки влекут за собой вывод.

Фонетический пример: зная, что в русском языке на конце слова есть сочетание [с'т'], наверняка заключаем, что есть и [ст]. В современном русском языке бывает всегда так: если есть сочетание парных мягких, то всегда возможно и сочетание параллельных твердых.

Итак, синхрония может изучать продуктивность, но такую, которая не включает временны́е показатели.

Подчеркивают, что в речи старшего и младшего поколений (в любой момент существования языка) всегда есть существенные отличия. Как же их не учитывать даже в самом синхроническом описании? Учитывать нужно так же, как учитываются различия в языке мужчин и женщин или рабочих и служащих. Для синхронного языкознания все это — сосуществующие варианты, равноправные (или неравноправные) изводы языка. То, что старики умрут (и умрет их речь), а молодежь будет еще жить и ее речевые навыки сохранятся дольше, — это диахроническое соображение для синхрониста не так уж важно и даже не очень убедительно.

Приведем пример. В начале нашего века существовало два варианта произношения флексий у прилагательных и причастий муж. рода ед. числа им. падежа:

стар[ъи̯] — стар[ыи̯],
терт[ъи̯] — терт[ыи̯].

Окончание [ыи̯] произносила молодежь, другое окончание — старшее поколение. Помня о смертности человека, можно было предсказать, что в будущем победит окончание [ыи̯], останется единственно возможным. Оно ведь "молодое". Получилось не так. Действительно, окончание [ыи̯] распространилось в литературном языке, но распространилась и редукция [ы] до степени [ъ] (в заударных закрытых слогах). Сейчас едва ли не чаще слышим: *он терт*[ъи̯] калач, чем *терт*[ыи̯]. Знать возраст говорящих — не значит еще знать будущее языка (даже ближайшее).

Все попытки представить дело так, будто синхрония непременно должна быть "подпорчена" диахронией, основаны на том, что разграничение того и другого — дело сложное, непривычное, трудное для мысли (даже и сейчас, через полвека после выхода "Курса общей лингвистики" (1916) Ф. де Соссюра и спустя век после того, как И.А. Бодуэн де Куртенэ впервые потребовал различать статику и динамику языка). Возражатели вовсе не преодолели идею разграни-

чения синхронического и диахронического аспекта в языке: они не дошли до нее[8].

Однако верно, что синхрония связана с диахронией, но как? Зная сегодняшнее состояние того или иного языкового яруса, зная законы изменения языковых целостностей, можно предсказать, что это состояние M перейдет в другое, например M_1 или M_2 (обычно "формулы перехода" допускают несколько возможностей языковых изменений). Одна система устремлена к другой, предполагает вероятность определенных перемен.

Периодизация. История произносительной системы, с одной стороны, дискретна. Была система с шестью гласными фонемами, ее сменила система с пятью фонемами: сделан один шаг. Не может быть системы, включающей пять с половиной, или пять и три четверти, или 5,98 гласных. Между названными системами нет никаких переходных, промежуточных ступеней.

С другой стороны, история произносительной системы непрерывна, текуча. Одна система не сменяется другой, как солдат на карауле. Медленная, противоречивая, сложная и часто коварная борьба за господство предшествует победе одной из систем. Эта борьба протекает ежедневно и ежечасно[9].

Описывая пути и перепутья русского произношения за два с половиной века, надо не упустить эту двусторонность процесса: его дискретный, прерывистый характер (такой, что число изменений, "шагов", можно подсчитать) и его непрерывно текучий характер.

Нужна периодизация этого процесса. Начало XVIII в. не похоже на его конец (речь идет о произношении). В начале века еще существует два языка, каждый с особой фонетической системой: книжный язык, близкий к церковно-славянскому, приспособленный для выполнения функций церковных, государственно-официальных, назидательно-публицистических, поэтических, и другой язык — бытовой, неприхотливо-домашний. Ломоносовская теория трех стилей отмечает взаимопроникновение этих систем и слияние двух языков в один. М.В. Ломоносов говорит, собственно, о лексике; в фонетической системе протекал (хотя очень по-своему) тот же процесс изживания литературного двуязычия.

Двуязычие во второй половине XVIII в. исчезло. Возникло выразительное противопоставление высокого стиля "невысоким" (т.е. среднему и сниженному). Взаимодействие этих стилей составляет содержание языкового развития эпохи.

В начале—середине XIX в. категоричность стилистических противо-

---

[8] Здесь очень важно напомнить позицию В.Н. Сидорова. Он требовал строжайшего разграничения синхронии и диахронии. Например, он считал неверным употреблять термин "ассимиляция", когда в современном русском языке описывается мена звонких на глухие согласные перед глухими. Ассимиляция (процесс!) была в XIII—XIV вв., а при описании современного языка надо говорить о мене звонких на глухие по существующей сейчас модели. Попытки отказаться от разграничения синхронии и диахронии путем "динамического" понимания синхронии не находили сочувствия у В.Н. Сидорова.

[9] Дискретно развитие языка; непрерывно изменение речи.

поставлений сглаживается и, главное, они функционально изменяются: преобразуются в средства индивидуальной экспрессии.

С середины прошлого века в литературной речи возникает социальное многоголосие. Все большую роль играют демократические варианты литературного говорения. Но вместе с тем появляется (в качестве противовеса усиленному социальному дроблению литературной речи) единый общенациональный произносительный эталон: сценическая орфоэпия. Она едина для Москвы и Петербурга. Она получает признание как наиболее полное воплощение литературной нормы.

После 1917 г. русский литературный язык существует в новых социальных условиях. Широкая демократизация русского литературного языка протекает как сложный и противоречивый процесс. Политическая жизнь прямо не отразилась на изменении произношения, но косвенно все же повлияла на него. Эта эпоха особенно интересна для изучения взаимодействия внешних (социальных) и внутренних стимулов в развитии языка.

Следовательно, насчитывается пять произносительных эпох: первая половина XVIII в. (с двумя языковыми системами); вторая его половина; начало XIX в. — примерно до 50—60-х годов; середина XIX в. — начало нашего века; с 20-х годов до наших дней. В некоторые эпохи сосуществуют две системы. В наше время речь младшего поколения отлична от речи старшего. В предыдущий период тоже были две системы (одна — у старших, другая — у младших). В начале XVIII в., как сказано, было уже просто двуязычие. Очень громоздко обозначение: "произносительная система, воплощенная в речи старших носителей литературного языка конца XIX — начала XX в.". Введем условные названия (и пусть читателю они не покажутся претенциозными):

	Система:
1. Первая половина XVIII в. Книжный язык, близкий к церковно-славянскому	пурпурная
2. Первая половина XVIII в. Бытовой язык	лиловая
3. Вторая половина XVIII в.	синяя
4. Начало — середина XIX в.	голубая
5. Середина XIX — начало XX в. Речь старшего поколения	зеленая
6. Середина XIX — начало XX в. Речь младшего поколения	желтая
7. XX век (с начала 20-х годов) Речь старшего поколения	оранжевая
8. XX век Речь младшего поколения	алая[10]

Каждая система представляет собой "шаг" в развитии русского произношения (таким образом, эти восемь систем — отражение дискретности фонетического развития).

[10] Использовать название "красная система" в работе по истории произношения было бы семантически неудобно.

Композиция глав. Все главы построены по одному плану.

Вначале дается общая характеристика произношения в данный период. Затем следует раздел "Состав фонем" (рассматриваются синтагматика и парадигматика). Дальше — характеристика конкретных произносительных особенностей, сначала у согласных, потом у гласных. Отдельные главки названы по тем признакам, которые выделяет синтагмо-фонология. (Напомню, что для парадигмо-фонологии звуковой сегмент — целостность.) Однако в каждой главе описываются и синтагматическая, и парадигматическая стороны каждой закономерности. Таким образом, указание на синтагматический признак — не более чем композиционный прием.

Каков сам принцип распределения закономерностей по этим разделам? Если признак N является в каких-то позициях обусловленным, не избираемым, а навязанным, то эта закономерность рассматривается в разделе, озаглавленном: "N-ные"–не "N-ные".

Далее идут в каждой главе такие разделы:

"Фонетика заимствованных слов"; "Петербургское (ленинградское) произношение"; "Влияние диалектов"; "Художественная речь".

Жаль, что из всех локальных разновидностей литературной речи удалось дать характеристику (кроме московской) только петербургского произношения. Но нет материалов для исторического описания других местных изводов литературной речи.

Заканчивается каждая глава фонетическими портретами. Их назначение особое. В других разделах мало уделяется внимания экспрессивной функции произношения, фонетической стилистике, эмоциональной стороне фонетики; пробел частично восполняется орфоэпическими портретами. Они служат также иллюстрацией тех закономерностей, которые выясняются в предшествующих разделах, в их личном воплощении; они возвращают читателя от фонетических абстракций к человеку.

Так построена каждая глава. Каждая, следовательно, распадается на четыре большие части: общая характеристика; анализ отдельных синтагматических и парадигматических закономерностей; описание некоторых особых подсистем (фонетика заимствованных слов, петербургское произношение и т.д.); фонетические портреты.

Отношение этих четырех частей поясним сравнением. Первая — общий план здания (а здание — произношение данного периода); вторая — описание блоков, из которых собирается здание; третья — характеристика некоторых особых сочетаний этих блоков (ведь архитекторы говорят нам, что из блоков, по-разному их собирая, можно получить не похожие друг на друга строения). Наконец, пятая — портреты жильцов этого здания. Они могут любить одни комнаты, не любить другие, делать пристройки, портить и улучшать то, что сделали строители[11].

[11] Автор хотел бы представить полный список работ, посвященных русскому произношению. Тем более, что написано так много хорошего! Но возможности для этого нет. Поэтому ссылки на лингвистические исследования даются лишь в тех случаях, когда упоминаются индивидуальные, "именные" научные положения, непременно требующие указания автора. При цитации дореволюционных источников сохраняется старая орфография и пунктуация.

Глава вторая

СЕРЕДИНА XX ВЕКА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА

Опасения были большие: не утратит ли русский литературный язык во время революционных сдвигов свои традиции? Иные с надеждой говорили о сломе старого "буржуазного" языка. Другие боялись этого.

Но уже к концу 20-х годов стало ясно: революции в языке не произошло. Язык русской культуры, литературный русский язык отстоял себя и в новых социальных условиях.

Это относится и к его произносительной стороне. Бои шли вокруг московской (т.е. общекультурной традиционной, "заслуженной") нормы. Шумно высказывалось мнение, что эта норма не всенародная, а буржуазно-дворянская. Нашлось немало сторонников "погромить" эту норму. Это было "р-р-р-революционно" (как раз в это время, в конце 20-х — 30-е годы, лингвист Г.К. Данилов утверждал, что такое произношение, с долгим громыхающим *р*, присуще рабочему классу). Считалось: учить в школе этой московской орфоэпии — значит навязывать молодежи нечто отжившее, классово чуждое. И уже торопились рапортовать: да и нет никакой "московской орфоэпии"! Исчезла! Смела ее революция!

П.Я. Черных, рецензируя "Толковый словарь русского языка" (под редакцией Д.Н. Ушакова), писал: произносительные рекомендации в этом словаре « иногда вызывают недоумение. Очевидно, составители словаря и редактор стоят на той традиционной точке зрения, что образцовым русским произношением необходимо считать московское произношение со всеми его специфическими особенностями. Поэтому они рекомендуют, например, слово *садовод* произносить *съдавот* (с „неясным звуком, похожим на *ы*" после *с*), а слово *щука* — в виде *шшюка,* с долгим мягким *ш*. Но кто же теперь так произносит, кроме природных москвичей и уроженцев среднерусской полосы, да и то далеко не повсеместно? »[1] Ответ простой: все культурные люди так произносят. И сам Черных (по рождению сибиряк) именно так говорил[2]).

---

[1] *Черных П.Я.* [Рецензия] // Новая Сибирь. Иркутск, 1935. N 5. С. 106—107. — Рец. на кн.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М., 1934. Т. 1.

[2] Эта оценка касается именно приведенных П.Я. Черных примеров. В целом же в его речи были (в деталях) отступления от московской орфоэпии.

Время — большой насмешник, и оно посмеялось над усердием П.Я. Черных.

Что же выдвигалось вместо московской нормы? Либо признавалось право любой диалектной речи заменить литературную традицию, либо (это была, конечно, менее опасная мысль) выдвигалась в качестве ведущей ленинградская норма (С.П. Обнорский, Л.В. Щерба).

Те поколения, произношение которых сложилось до 20-х годов, т.е. носители оранжевой системы, естественно, владели традиционным литературным произношением. Но обнаружится ли разрыв между "отцами" и "детьми" — теми, кто "пришел" в русский литературный язык в 20-е, 30-е годы? Оказалось, что разрыва нет. Заупокойные службы московскому произношению пелись напрасно. Алая система в произношении отличается от оранжевой в деталях, но преемственность произношения сохранилась.

Сохранение языковых (в том числе и фонетических) ценностей — важнейший результат истории русского литературного языка XX в. Это сохранение было динамично. Оно завоевывалось в борьбе. Демократизация литературного языка, распространение его среди широких народных масс, сопровождалась временным (но часто длительным) ослаблением, расшатанностью его норм. Пострадала, например, сценическая речь, главным образом в периферийных театрах. Состав артистов постоянно пополнялся из самодеятельности. Цокающий Чацкий стал реальностью (например, в некоторых городских театрах Псковской области, по словам очевидцев, цоканье прорывалось в сценической речи). Явление было недолговечным и к нашим дням как будто исчезло. Школа, радио, звуковое кино, театр, граммофонная и патефонная пластинка помогли остановить натиск диалектов.

После революции сблизились локальные фонетические разновидности литературного языка, например московская и ленинградская. Перемешивание людских масс в годы великих исторических потрясений было постоянным и максимально широким, где тут устоять локальным особенностям.

Народная тяга к культуре, падение социальных перегородок, постоянное речевое взаимовлияние — все это привело к единству орфоэпии, к высокой орфоэпической культуре, не так ли? Нет, не так. Литературность речи пошла вширь, но не вглубь. Повсеместно распространился среднекультурный, сероватый уровень литературной речи. Таким оказалось в конце 30-х годов и произношение, на этом уровне оно и застыло. Были прекрасные артисты, с изумительной речью, были хорошие радиодикторы... И, конечно, есть немало людей, владеющих выразительной бытовой речью. Но мы говорим о другом: о массовом, распространенном, повседневно-бытовом говорении. Не об исключениях.

Господствует сравнительно упорядоченная, однообразно-невыразительная речь, со многими непоследовательностями в произношении, с безразличием к стилистическим различиям, к выразительным возможностям выговора. Так в быту, так и на трибуне, во время бесчисленных собраний-совещаний, с их стандартным словопроизводством.

Радио-руководители когда-то дали дикторам команду: оставить всякие выдумки об особой орфоэпической ответственности слова и звука, посланного в эфир, — и говорить, "как все". Мысль о том, что радио-речь — это особая речь (равная и одновременно не равная бытовой), оказалась для чиновников слишком сложной.

Причин такого орфоэпического запустения, несомненно, много. Одна из главных — отсутствие орфоэпической Горы. Болоту не по чему равняться. Нет общественно признанного, общезначимого авторитета в области культуры произношения.

В предшествующий период законодателем в произношении для культурных людей был театр. Литературный язык оставался достоянием интеллигенции — сравнительно небольшой группы населения; зрительные залы, рассчитанные на сотни зрителей-слушателей, были достаточны, чтобы значительная, может быть бóльшая, часть интеллигенции могла хотя бы изредка посещать театры. Высокий художественный, моральный, культурный, общественный (в широком смысле слова) авторитет театра поддерживал значительность его влияния на речь.

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. ВИНОГРАДОВА

В.В. Маяковский писал:

И чист,
как будто слушаешь МХАТ,
московский говорочек...

Слова Маяковского представляют собой логический перевертень: причина и следствие поменялись местами — живая речь рассматривается как отражение, как проекция театральной речи. И этот перевертень имеет свой резон: не только театр впитывал речь жизни, но и в жизни речь строилась по театру. (Слова Маяковского сказаны в 1927 г. и характеризуют состояние, в это время уже уходившее в прошлое.)

84652

После революции число людей, желающих говорить литературно, стремительно возросло. Если до революции русский литературный язык — это большое озеро (с проточной водой — пополняемое из народной речи), то теперь он — море.

Но количество театров, орфоэпически авторитетных, не увеличилось. Влияние их на всю эту людскую толщу, естественно, не могло быть таким значительным, как раньше. Да и орфоэпическое единство речи во многих театрах оказалось поколебленным (причина — резкие изменения в составе театральных трупп и т.д.).

Массовым зрелищем стало кино, с 30-х годов — звуковое. Но никогда не было безоговорочно авторитетным учителем культурной речи — не потому ли, что оно было для нас самое главное искусство? Культурное влияние всегда связано с независимостью и достоинством...

Не стали таким учителем ни радио, ни телевидение.

Сложилась неожиданная сравнительно с предыдущим периодом ситуация: нет общенародного орфоэпического авторитета, чьи рекомендации определяли бы в речи, что такое хорошо и что такое плохо. Нет Учителя звучащей речи.

Да, литературный язык уже не озеро, он — море... Не стал бы он Сивашским морем. Опасность "осивашивания" до сих пор велика.

www.ruslang.ru

В последние десятилетия возникли разные социальные отсеки в нашем обществе, более или менее отъединенные друг от друга. Это почва для появления новых социальных жаргонов, с их произносительными и всякими другими особенностями. Некоторое слабое "шевеление" в этой области можно заметить.

"На самом верху" в некое время обнаружились некоторые произносительные устойчивости.

«Я так и не понял, — пишет Федор Бурлацкий, — почему он с таким упорством произносил „коммунизьм" с мягким „з". Свое горловое „г", вероятно, он действительно не мог исправить, хотя я и не исключаю, что и здесь была игра. Что же касается „коммунизьма", то я на сто процентов убежден, что он так произносил умышленно, создавая некий эталон, которому должны были следовать все посвященные, как авгуры. И один за другим окружавшие его лица, в том числе получившие образование в университете, склонялись к подобному произношению. Этот сленг как бы открывал дорогу наверх, в узкий круг людей, тесно спаянных между собой не только деятельностью, но и общим уровнем культуры»[3].

Откуда взялся мягкий согласный [з'] в словах *социализм* и других на *-изм*?

В речи потомственной интеллигенции, в соответствии с давними категорическими нормами, перед мягкими губными согласными (например, [м']) всякий зубной согласный (например, [з']) мог быть только мягким. Эти интеллигенты говорили, да многие из них и сейчас говорят (см. дальше об оранжевой норме): [з'м']*ей, ра*[з'м']*ер, о кли*[з'м']*е*... В формах *социализм, социализма, социализму*... было твердым все сочетание [зм]. Но в предложном падеже, где это сочетание находится перед окончанием *-е*, произносили (по общему закону): *о социали*[з'м']*е;* так же: *о протоплазме, о реализме* и т.д. — с сочетанием [з'м']. Все сочетание получало мягкость: [м'] — перед *-е*, а [з'] — перед [м']. По закону: перед мягким губным всякий зубной обязан быть мягким[4].

Внимание "новобранцев интеллигентности" привлек этот последний факт — они усвоили произношение о *социали*[з'м']*е* и распространили [з'м'] на всю парадигму, на все падежи. Обычный случай гиперизма при усвоении ранее неизвестной нормы: не знают, где границы закономерности, и перебарщивают в приверженности к ней.

Если бы обучение литературной речи прошло свой путь до конца, то гиперизм бы исчез — норма была бы усвоена в ее естественных границах. Но дело остановилось на полпути. Глубина в этом месте оказалась "сивашской".

Ф. Бурлацкий, вероятно, прав, полагая, что иногда такое произношение играло роль опознавательного знака. В массы оно не пошло. Не было признано "маяком" в произношении.

---

[3] Бурлацкий Ф. После Сталина // Новый мир. 1988. N 10. С. 182.

[4] Это не относится к зубным боковым, которые вообще ведут себя иначе, чем все другие зубные, составляют особый класс согласных. Так и в данном случае: *балбес, в чалме, о халве* (здесь везде сочетание твердого бокового [л] с мягким губным).

Последние десятилетия — время оказенивания языка, перегрузки его штампами, понижения его стилистической гибкости и отзывчивости. Мы говорим не о языке писателей — среди них никогда не исчезали талантливые мастера. Имеется в виду повседневная речь, официальная и полуофициальная. Она заполнила наш быт и полностью господствует в служебных, деловых, общественных и производственных, тем более — официально учрежденческих отношениях.

И вполне естественно, что появился противовес этой казенной речи. Возникла особая коммуникативная система: разговорный язык (РЯ). Он противопоставлен кодифицированному литературному языку (КЛЯ), тому языку, который является героем всех учебников, описаний и руководств (ему посвящена в основном и эта книга).

РЯ — некодифицированный. Для него нет словарей, справочников, учебников[5]. Он усваивается только путем непосредственного общения между культурными людьми. Ведь РЯ — одна из двух систем, составляющих литературный (культурный) язык, поэтому его носители — те же лица, которые владеют КЛЯ.

Для того чтобы в речи обнаружился, "объявился" РЯ, нужны определенные условия. Основное — неофициальные отношения между говорящими.

Всякое разграничение в языке имеет смысл, наделено значением. Значимо и разграничение КЛЯ — РЯ. На РЯ говорят в тех случаях, когда нужно показать, что отношения между говорящими дружеские, приятельские, добрососедские, отношения хороших знакомых или незнакомых, но расположенных друг к другу людей. Таким образом, РЯ говорит о самом говорящем и о его собеседнике (или собеседниках), об их отношениях.

КЛЯ в этом отношении нейтрален: на нем можно говорить всегда. Но при этом в известных случаях речь будет обеднена. Тот смысл, который во всем своем строе несет РЯ: мы связаны не только официально, наше общение — не сфера холодно-деловых отношений, — этот смысл окажется непереданным; конечно, можно время от времени вставлять фразы: *Мы друзья; Я к вам отношусь как к приятелю,* — но такие вставки не заменят неофициальной дружеской окраски всей речи.

РЯ находит полное выражение прежде всего в устной речи. Могут быть письма, записочки, отражающие РЯ, но поскольку их писали культурные люди (не надо забывать, что РЯ — составная часть литературного языка), то они написаны орфографически нормативно, следовательно, фонетическое своеобразие РЯ в письменной форме не проявляется. Кроме того, письмо налагает и ряд других ограничений на реализацию характерных признаков РЯ. Полностью передать РЯ, во всем его своеобразии, письмо не способно.

Именно из-за этой скрытности РЯ (появляется только в определенных условиях, не способен точно и всесторонне фиксироваться на письме) он долго оставался незамеченным исследователями. Под-

[5] Недавно появился первый учебник РЯ: *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979; 2-е изд. М., 1988.

линное его открытие произошло в 60-х годах нашего века. Первые систематические записи его произвели смятение, многим показалось, что это запись речи "некультурных" людей. Тогда лингвисты, сделавшие эти записи, сообщили, что записана речь людей известных, с очень высокой культурой — профессоров, писателей, академиков. Понемногу филологи стали привыкать к мысли, что такая система (одна из форм литературного языка) действительно существует; причем стали замечать и за собой, что они тоже пользуются РЯ — и даже часто.

РЯ имеет свою особую фонетическую систему, законы ее не совпадают с законами КЛЯ. Характеризовать особенности РЯ можно так: сравнительно с КЛЯ очень усилено приноровление, приспособление соседних звуков друг к другу; расширены те отрезки, те звуковые совокупности, которые объединены общим фонетическим согласованием (синтагматика). С другой стороны, более вариативны и достигают большего фонетического разнообразия различия между звуками, позиционно заменяющими друг друга; велик диапазон этих различий (парадигматика). Вот, для примера, фонетическая транскрипция текста на РЯ:

...мн'ɜ̀пр'ьшлòс' (пауза) фслýшъ̆ъцъ ф̂'ĥ'â т' м'ɪ̯нут / пр'ɜ̀жч'ьм jанáч'ълъ ръзл'ч̆'а̀т' слава / 'уɜ̀т'ьх мáл'ч̆'ькъ̂ф (пауза) // настóл'къ̆ ун'их / н'ɪ̯ч'óткъɪ̯ д'икцыӓ //[6]

Лингвисты заметили, как уже сказано, РЯ в 60-х годах нашего века. А когда возникла эта система — РЯ? Насколько ученые опоздали его расслышать и признать? Не существовал ли он уже в начале века? А может быть, он и в XVIII в. преспокойно себе благоденствовал, но чопорная наука тех времен его, нечиновного, не заметила? Как определить, сколько времени он существовал тайно, не давая повода себя научно обнаружить?

Фиксировать даже с помощью изощренных транскрипций этот язык трудно. Это было не по силам исследователям прежних эпох. И не было привычки обращать внимание на такую приватную, частную систему общения. Всем было известно, как вести себя в департаменте, в суде, на торжественных приемах у должностных лиц, и были эти правила фиксированы. Но никто не счел нужным сформулировать правила, как вести себя за утренним (resp. вечерним) кофейком, во время благопристойной дружеской пирушки... Эти правила никем не утверждены. Не так ли было и с РЯ?

Можно построить такое рассуждение. Две особенно заметные стороны РЯ — произношение и синтаксис. Произношение трудно-фиксируемо. Но синтаксис передать можно. Тоже нелегко: нужно точно описать ситуацию, в которой происходит обсуждение, как-то с помощью пунктуации обозначить интонацию и т.д. Но все же можно. И если разговорный язык существует, то хотя бы в редких случаях

---

[6] Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978. С. 34. ˌ(ɪ̯) — открытость гласного; (ɜ̀, ч̆) — напряженность артикуляции звука; ˘(ъ̆) — краткость звука; (ɜ̂, ш̂) — усиление напряженности артикуляции звука; ˆ(а̂) — оглушенность звонкого согласного или гласного; цифры обозначают интонационные конструкции.

его синтаксис найдет свое письменное отражение — в художественной литературе, в переписке. Пусть редко, но они бы иногда обнаруживали этот синтаксис — с его необычной (для КЛЯ) смелой эллиптичностью, с широтой синтаксических связей между словами (любая часть речи может быть связана с любой; если это и не совсем так, то близко к истине), с особой ролью служебных слов, с определяющей ролью интонации... Если такой синтаксис, характерный для РЯ, хотя бы иногда был запечатлен — есть основание говорить о существовании и всей системы РЯ, с его особой фонетикой. Эти две стороны: синтаксис и произношение — сплавлены в РЯ, наличие одного говорит о наличии другого.

В XX в. такое отражение синтаксиса РЯ есть:

А-у-у-у!
К Садовой аж выкинул "у"!
Оглоблей
или машиной,
но только
мордой
аршин в снегу.
Пулей слова матершины.

И дальше:

Ах!
Да ведь
я медведь.
Недоразуменье!
Надо — прохожим,
что я не медведь,
только вышел похожим.[7]

В. Маяковский

В поэзии XX в. можно найти и другие случаи передачи такого синтаксиса. В XIX в. их как будто нет. Не говорит ли это о том, что РЯ возник в XX в.? "Накапливался", может быть, долго, но как целостная система он, скорее всего, дитя XX в. Возник в качестве отпора слишком строгой официальщине жизни[8].

Неизбежно взаимодействие КЛЯ с РЯ. Пока — это взаимодействие отталкивания. Проникновение РЯ в сферу КЛЯ считается нежелательным и неуместным. Случаи такого проникновения служат предметом шуток ("Бу сделано!").

Социальные бури, как сказано, не разрушили литературный язык. В нем продолжали действовать те же внутренние закономерности, которые определяли его историю в XIX в., а именно: упрощение системы гласных, усложнение системы согласных (и то и другое — в согласии с законом Бодуэна де Куртенэ), выравнивание системы.

---

[7] Вероятно, Маяковский считал, что это место в его поэме "Про это" находится на пределе, на границе литературного языка. Отсюда — "аж, матершина".

[8] Следует различать: *а.* Разговорный стиль. Он существует в пределах КЛЯ. Это о нем помета в словарях — "разг." Язык "Горя от ума" — разговорный — это тоже о нем, о стиле. *б.* Разговорный язык. Существует вне пределов КЛЯ. Вместе с ним образует современный русский язык. О нем мы здесь и говорим.

Главнейшими явлениями в произношении этого периода (с 20-х годов до современности) были:

1) победа йканья;

2) медленное угасание ассимилятивной мягкости согласных.

Победа йканья — завершение процесса, начавшегося ранее. Он — частное выражение многовекового устремления к упрощению вокализма в русском языке. Это устремление породило в XX в. и новые явления: стали сильно редуцироваться гласные верхнего подъема; безударный [у] между мягкими согласными спорадически превращается в [и]; безударный [ы] — в [ъ]. Процесс еще не зашел далеко; он не последователен и не повсеместен.

Все это в духе закона Бодуэна де Куртенэ.

Но явились факты, явно противоречащие этому закону: поведение безударных гласных после твердых шипящих в первом предударном слоге. Здесь количество гласных различителей не уменьшилось, как мы бы ожидали, веря той исторической перспективе, которую рисует закон Бодуэна де Куртенэ, а, наоборот, увеличилось. Не поворот ли это — фонетической эволюции в сторону от Бодуэнова закона? Это подлежит обсуждению (см. гл. 6).

С другой стороны, и появление непоследовательностей в системе ассимилятивного смягчения, и ряд других консонантных процессов в современном русском языке по-прежнему демонстрируют действие этого закона.

В современном русском литературном языке существуют (с 20—30-х годов) по крайней мере две орфоэпические системы. Условно назовем их (как уже сказано) алой и оранжевой. Алая чаще встречается у молодежи, оранжевая — у более старших поколений. Но возрастной признак не абсолютен: немало молодых людей говорят "оранжево", и есть приверженцы алой нормы среди старшего поколения.

Оранжевая система не равна той, которую описал Р. Кошутич в начале нашего века (см. дальше).

Обе системы не строго стабильны; они текучи, выражены во многих индивидуальных (непоследовательных!) вариантах.

Тенденции, которые заметны в оранжевой системе, более ясно и резко выражены в алой. Поэтому, хотя обе они принадлежат одному синхронному срезу — середине XX в., считаем по своей фонетической сущности алую систему стоящей "после" оранжевой, т.е. логически ее продолжающей.

СОСТАВ ФОНЕМ

Синтагматика. Как уже говорилось, синтагмо-фонемы — это различительные признаки. Звуки состоят из признаков, они — пучки, совокупности признаков; из звуков состоят слова.

В алой и оранжевой системах такой состав синтагмо-фонем:

1) вокальная—невокальная;

2) консонантная—неконсонантная;

3) диффузная—компактная;
4) низкая—высокая;
5) бемольная—небемольная;
6) диезная—недиезная;
7) прерванная—непрерывная;
8) резкая—нерезкая;
9) звонкая—глухая.

Признаки дихотомичны (в звуке есть либо этот признак, либо его противоположность). Надо повторить, что выделены они на акустической основе[9]. Мы, однако, будем пользоваться и другими названиями-заменителями, более привычными, чтобы не затруднять читателя. Поскольку эти легкие названия используются лишь как перевод основных, постольку принципиальные основы классификации (дихотомичность, корреляция звуковых типов с акустическими данными) не нарушаются.

К этим необычным терминам такие пояснения:

1—2. Вокальные звуки — гласные и сонорные согласные; невокальные — шумные согласные. Консонантные звуки — согласные; неконсонантные — гласные. Сочетая эти две классификации, можно получить ряд из трех членов: гласные (вокальные неконсонантные) — сонорные согласные (вокальные консонантные), шумные согласные (невокальные консонантные).

3—4. Диффузные звуки — губные и зубные согласные, гласные верхнего подъема; компактные звуки — все нёбные согласные и гласные неверхнего подъема. Низкие звуки — губные и заднеязычные согласные, гласные непереднего ряда; высокие звуки — зубные и переднеязычные согласные, гласные переднего ряда.

Сочетая эти две классификации, можно получить такой многочленный ряд:

1) согласные —
губные (низкие диффузные)
зубные (высокие диффузные)
передне- и средненебные (компактные высокие)
задненебные (компактные низкие);
2) гласные —
верхнего подъема (диффузные) и
неверхнего подъема (компактные)
переднего ряда (высокие) и
непереднего ряда (низкие).

5. Бемольные звуки — огубленные, небемольные — неогубленные.

6. Диезные звуки — мягкие (не только согласные, но и гласные, сдвинутые кпереди: [ä], [ö]...). Недиезные — немягкие.

7. Прерванные — смычные звуки, непрерывные — щелевые и гласные.

8. Резкие звуки — слитные, т.е. аффрикаты; нерезкие — все остальные.

9. Признаки "звонкие — глухие" звуки относятся к согласным, но

[9] Описание этих признаков см. в работе: *Якобсон Р., Фант Г., Халле М.* Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 173—230.

также могут характеризовать и позиционную глухость гласных: например, в слове *точка* последний гласный (безударный) может произноситься глухо.

Как видно, эта классификация позволяет в одних и тех же терминах характеризовать и гласные, и согласные. Это важное ее преимущество: она открывает, что все звуки языка — единство и составляют систему. Это объясняет широкие пределы взаимодействия соседних гласных и согласных в словах и сочетаниях слов.

Не все признаки звуковых сегментов являются различительными. Различительный характер признаков выясняется сопоставлением слов. Например, [т] и [д] различают слова *том* и *дом* (и множество других); [т] и [д] имеют несовпадение только в одном признаке: [т] — глухой, [д] — звонкий. Следовательно, глухость и звонкость — различительные признаки.

Есть признаки неразличительные, которые постоянно сопровождают различительные признаки. В алой и оранжевой системах существуют звуки [ш'] и [ж']; у них мягкость сопровождается длительностью звука: *и*[ш':]*у, до*[ж':]*и*. Если представлено сочетание признаков: диезный (мягкий), непрерывный, высокий компактный (из этих признаков складываются согласные [ш':] и [ж':] — глухой и звонкий), то непременно присутствует в той же совокупности, в том же сегменте, и признак длительности. Но в состав синтагмо-фонем он не введен, он только сопроводительный, сам по себе он не способен различать звуки и слова. Другой пример: перед [ч'] согласный всегда мягок: *нянчить, каланча* и т.д. Мягкость у [н'] не своя — от соседа. И она неразличительна: сочетание [н'ч'] есть, а сочетания [нч'] нет в русских словах.

Парадигматика. И в алой, и в оранжевой системе набор согласных парадигмо-фонем такой: <п — п' — б — б' — ф — ф' — в — в' — м — м' — т — т' — д — д' — с — с' — з — з' — ц — н — н' — л — л' — ш — ш' — ж — ж' — ч' — р — р' — j — к — к' — г — х>.

Гласных парадигмо-фонем в современном литературном языке пять: <а, о, э, у, и>. Каждая парадигмо-фонема представляет собою ряд позиционно чередующихся звуков.

Некоторые фонемы требуют комментария.

В середине XX в. фонема <к'> (отличная от <к>) занимает в языке вполне прочное и устойчивое положение. Фонема <к'> не противопоставлена фонеме <к> в таких позициях: а) на конце слова и перед любым согласным, обе фонемы реализуются звуком [к][10]; б) перед [э, и] обе реализуются звуком [к'].

В звуковом потоке речи заднеязычные большей частью и встречаются в этих слабых позициях. Однако есть позиция, где эти два согласных различаются; следовательно, налицо две разные парадигмо-фонемы. Эта позиция — перед гласными непереднего ряда, и [к], и [к'] могут предшествовать гласным [а—о—у]: *рука — ткя, кот — ткёт,*

[10] Перед [j] произношение колеблется: у одних — *Лу*[к]*ьян*, у других — *Лу*[к']*ьян*, но положение [к—к'] явно неразличительное.

куры — маникюр. В слабых позициях эти две согласные фонемы позиционно чередуются друг с другом, следовательно, составляют одну фонему. А если оба звука живут в одной позиции — они, конечно, разные фонемы.

Но слов, где [к'] представлено в позиции различения с [к], все же немного. Кроме приведенных еще: *ткёшь, ткём, ткёте* (для фонетики это разные факты), а также *паникер, киоскер* — сейчас это уже не Fremdwort'ы, а общеупотребительные, вполне прижившиеся слова.

Представляется, что возможно в дальнейшем пополнение этого депо — собрания слов, принятых русским языком, с сочетаниями [к'о], [к'а], [к'у]. Пример: двое сидят на скучном заседании: — *Давай утекём? — Давай.* В этой ситуации *давай утечем* маловероятно (такая форма годится только для прямого значения глагола *утечь*). Шутливая речь — ворота, сквозь которые прорываются новые языковые факты. Если форма *утекём* станет полностью литературной (пусть только для некоторых значений глагола *утечь*), то положение фонемы <к'> еще больше упрочится в современном языке[11]. (В желтой, в зеленой системах ее еще не было.)

Постепенно пробирается в литературный язык фонема <г'>. Полупризнанной остается форма *берегя.* Все-таки в строго контролируемой литературной речи она невозможна. Индивидуальны *жгя, выжгя,* они тоже не отвечают строгим нормам. Но все чаще эти формы в виде оговорок, шуток, диалектных "цитат" появляются у людей, говорящих литературно. Так-то может и <г'>, пользуясь шуткой и прикрываясь произносительной цитатой, проникнуть в литературный язык.

Для <х'> видимых путей туда нет.

Особого рассмотрения требует судьба фонемы <ӂ> = [ж':]. Она произносится в словах: *дрожжи, езжу, визжать, дребезжать, жужжащий, мозжечок, взгромозжу, размозжить, дожди...* Так — в оранжевой системе.

Полную параллель этой фонеме составляет <щ> = [ш':], глухой согласный. Слова *щи, плащи, ищи, щука, еще* большинство литературно говорящих людей произносит со звуком [ш':]. В наше время это норма и для Москвы, и для Ленинграда, для алой и для оранжевой систем.

Но поведение их, этих двух фонем, в современном языке не параллельно. Глухой [ш':] — сама устойчивость. Наоборот, [ж':] ведет в алой системе тревожную, неспокойную жизнь. Много "алых" говорунов вместо этого звука произносят твердый долгий, вот так: *дро*[ж:]*и, е*[ж:]*у, по*[ж:]*е,* [ж:]*еный...* Закон Бодуэна де Куртенэ покровительствует согласным, почему же эта того гляди захиреет?

Нельзя сказать, что судьба ее решена. За нее горой и театр, и радио, ее широко употребляют в речи даже многие "алые" носители

[11] Есть еще один источник для пополнения сочетаний "[к'] + гласные непереднего ряда": аббревиатуры. Но языком пока этот источник не использован (КЮТ — Клуб юных техников — не общеупотребительно).

литературного языка. Но все же ее положение неуверенное. Какая причина?

Можно вспомнить, что признак мягкости у [ж':] нестандартный, эта мягкость связана с длительностью, а у других мягких сопровождения нет. Не действует ли стремление к выравниванию системы? Стремление убрать все из ряда вон выходящее? Тогда проще было бы расстаться с длительностью и тем учредить единообразие в отношениях всех мягких и твердых. Но для кого "проще"? У языка свои пути.

Примем во внимание, что пошатнулось только [ж':], а парный глухой [ш':] стоит крепко, не заметно в языке желания избавиться от него. А ведь если бы причина была в нестандартности признака, то и согласный [ш':] был бы под ударом.

Если произносят *дро*[ж:]*и, е*[ж:]*у, дребе*[ж:]*ать* и т.д. с твердым согласным [ж:], то этот звук можно рассматривать как двухфонемное сочетание: [ж:]=<жж>, или <зж>, или <сж>. Ср.: *сжать, разжать, стало уж жарко...* Произношение [ж:] вообще снимает вопрос о фонеме <ӂ>. В системе остается только фонема <ж>, которая, разумеется, в словах может удваиваться.

С согласным [ж':] так не выйдет. Он никак не получится из сочетания каких-то двух фонем. Нельзя найти такие фонемы, которые в сочетании давали бы [ж':].

А [ш':]? Есть чередования: *разносить — разносчик, перевозить — перевозчик, размешать — размешчик, перебежать — перебежчик.* Во всех существительных произносится [ш':], долгий глухой мягкий шипящий. В этих случаях [ш':] — двухфонемно: равно <сч>, <зч>, <шч>, <жч>. Учитывая позиционные чередования, мы определяем здесь [ш':] как сочетание фонем.

Но так можно рассматривать и все случаи употребления [ш':] — и там, где нет чередований. Ничто этому не препятствует. Тогда вопрос о фонеме <щ> тоже отпадает, ее нет, есть сочетание фонем. Это не может пройти, пока у [ш':] есть параллель [ж':]. Русская система фонем симметрична в отношении твердых — мягких и при наличии [ж':] (как мы знаем, этот согласный не поддается двухфонемному истолкованию), и [ш':] оказывается тоже параллельно нечленимым. Но как только уходит [ж':], открывается возможность и [ш':] трактовать как сочетание.

Так экономно, только изменением мягкости на твердость у [ж':] язык избавляется от нарушителей последовательности в системе согласных. Выравнивание системы — вот глубокий стимул фонетических перемен. Синтагматического анализа (характеристики синтагмо-фонемы "мягкость + длительность") для этого вывода оказалось недостаточно, потребовалось принять во внимание парадигматические чередования.

Пожалуй, надо также вспомнить, что <щ> и <ӂ> морфонологически чередуются с сочетаниями парадигмо-фонем: *искать — ищу, гостить — гощу, визг — визжать, ездить — езжу* (чередования фонем: <ск> || <щ>, <ст> || <щ>, <зг> || <ӂ>, <зд> || <ӂ>). Это помогает признать и в звуках [ш':], [ж':] двухфонемные сочетания.

Кроме внутренних причин действовали и силы, для фонетики внешние, безразличные. Во-первых, этот звук представлен в очень ограниченном кругу единиц. Только в каком-нибудь десятке корней. К тому же некоторые из них редковаты в речи: *размозжить, брезжить, брюзжать*...

Во-вторых, для буквенной передачи <ж> существуют такие способы, которые провоцируют чтение [ж:] (значит, поддерживают такое же произношение и не при чтении). Фонема передается буквосочетаниями *зж, жж,* а они-то в большинстве случаев (на стыке приставки и корня) и читаются как [ж:]. В слове *дожди, дождей* та же фонема передается (единственный раз) буквами *жд;* естественно, побеждает обычное чтение этих букв, такое же, как в других словах.

В-третьих, возможно влияние диалектов. Во многих южнорусских городах преобладает и даже является всеобщим произношение [ж:].

У Николая Асеева такие рифмы:

а) *позже ли — ожили, брызжет — ближе, брезжит — реже, вожжи — кожи, дрожжи — прóжил;*

б) *поджав — вожжа, дрожжи — строже, зажат — вожжа*...

В рифмах типа "а" [ж:—ж] перекликаются после ударного гласного, т.е. несомненно уже входят в состав рифмы. Рифмовка долгих — кратких (тожественных по качеству) звуков давно усвоена русской рифменной традицией; наоборот, вовлечение в рифму твердых — мягких (даже при установке на неклассическую рифму) является скорее случайностью. Поэтому следует предполагать: *по*[ж:]*ели — о*[ж]*или.*

Особенно важны рифмы типа "б" (*поджав — вожжа*). Русская рифма требует переклички не менее двух звуков, начиная с ударного слога. В рифмах *поджав — вожжа, зажат — вожжа* таким рифменным минимумом может быть только отрезок [жá].

О том, что Н.Н. Асеев считал возможным (и желательным) произношение [ж:] в стихах, есть и такое свидетельство: «„В свое время Асеев строки Пушкина: „Подъезжая под Ижоры"... читал так: „подъижжая подъижоры"...» (Н.С. Тихонов)[12]. То есть, желая подчеркнуть звуковые повторы в стихе, использовал произношение с [ж:]. Важный знак — распространение такой нормы. Но важна и реакция (тихоновская) на такое чтение: оно кажется непривычным и даже незаконным. Оно "бросается в уши".

Н.Н. Асеев — представитель того поколения, которому свойственна оранжевая система. И мы бы ожидали у него господства [ж':]. Почему же он сторонник [ж:]? Причина вот какая:

Стойте крепче. Вы мое оплечье,
вы мои деды и кумовья,
вы мое обличье человечье —
курские края...

[12] Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. М., 1934. С. 508.

Курск стоит в плотной массе говоров, где главенствует согласный [ж:] твердый[13]. Влиятельны эти говоры!

Но снова повторим: положение <ж':> опасно, но не безнадежно. На ее стороне та тенденция языка, которую, пожалуй, надо считать главнейшей: язык должен сохранять тождество с собой, он обязан пронести себя через века.

Язык меняется, сохраняя свою стабильность.

Фонема <γ>, когда-то чувствовавшая себя вполне уверенно, сходит на нет. Ее уже не стоит вводить в перечень парадигмо-фонем. "Свело в могилу" ее то же, что "подкузьмило" <ӂ>: к началу XX в. она встречалась в небольшом числе корней и не было особой буквы, которая могла бы поддержать ее престиж. Фонема <γ> произносится только в словоформах: *бо*[γ]*а, бо*[γ]*у, бо*[γ]*ом, о бо*[γ']*е*. Но произношение и этого слова *с* [γ], [γ'] факультативно (оно скорее оранжевое, чем алое). Даже и в формах одного-единственного слова, где <γ> нашла последнее пристанище, слышится она все реже[14]. Стало распространенным произношение: *бо*[х], *бо*[г]*а, бо*[г]*у* и т.д. — с непозиционным чередованием [х] || [г].

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОНЕМ

СОГЛАСНЫЕ

Вокальные—невокальные[15]

Синтагматика. Если слово кончается сонорным (вокальным) согласным, то перед ним желателен гласный (вокальный) элемент. Последние слоги в словах *авиатор, препаратор, педиатр, психиатр* произносятся одинаково : [тър].

У "алых" носителей современного литературного языка это произношение полностью господствует. Произносят: *теа*[тър] (как *лёк*[тър]), *смы*[съл], макрок[съм] и т.д. Очень устойчиво такое произношение после звонких шумных согласных: *бо*[дър], *же*[зъл], *греци*[зъм].

В оранжевой системе наряду с такой нормой после глухих согласных вместо сочетания гласного с сонорным нередко возможен просто глухой сонорный: *теа*[тр̂], *ли*[тр̂], *смы*[сл̂], *мы*[с'л̂'], *макроко*[см̂] и т.д. После звонких согласных (в словах типа *бодр, жезл*) такое произношение редкостно и у "оранжевых" носителей языка.

---

[13] Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Карты. М., 1986. Вып. 1: Фонетика. Карта 52.

[14] Не говорю о междометиях: *ага, ого, эге, угу, ей-богу,* где [γ] произносится постоянно. Но междометия имеют особую исторически малоизменчивую фонетику, поэтому здесь они рассматриваться не будут.

[15] Раздел называется "Вокальные—невокальные", если рассматривается позиционная обусловленность вокальности либо невокальности; раздел называется "Консонантные—неконсонантные", если он посвящен позиционной обусловленности консонантности—неконсонантности, и т.д.

Если произносятся глухие сонорные: [р], [л], [н], [м] (и их мягкие "собратья"), то, естественно, слога они не образуют. Если же произносятся звонкие сонорные с предшествующим гласным, то они вместе образуют слог[16].

Парадигматика. В позиции "рядом с гласным" находим какой-то сонорный. Что с ним станет в позиции "не соприкасаясь с гласным"? Возможны два варианта:

1. Рядом с сонорным появится "нефонематический" гласный (т.е. вызванный сонорным в этой позиции). Случай, хорошо поддающийся синтагматической интерпретации, и с ним мы уже познакомились. Чередование:

Рядом с гласным	Не рядом с гласным
м, н, л, р	ъм, ън, ъл, ър
м' н' л' р'	ъм', ън', ъл', ър'

Так — после твердых согласных; после мягких появляется призвук [ь] (не [ъ]). В непринужденной, разговорной речи такое чередование господствует. При такой реализации фонем совпадают, нейтрализуются в этой позиции <м> и <ом>, <р> и <ор> и т.д., ср.: *куратор* и *психиатр*.

2. Сонорный в этих условиях оглушается. Вероятно, лишь в том случае, когда после сонорного идет диэрема (потенциальная пауза — конец слова). Менее актуальная норма, более свойственная, кажется, оранжевой системе:

Рядом с гласным	Не рядом с гласным (перед диэремой)
м н л р	м̂ н̂ л̂ р̂
м' н' л' р'	м̂' н̂' л̂' р̂'

Сонорный согласный, попав в неблагоприятную для него позицию (не рядом с гласным), переоборудует ее в удобную: загораживается с одной стороны гласным (это дает повод всякий гласный рядом с сонорным считать делом его рук и его позиционной активности).

Гласный, попав в неблагоприятную для него позицию, не всегда умеет за себя постоять. Заударный гласный, если он не соприкасается со звонкими звуками, часто сам оглушается. Это чередование факультативное, но частое. Особенно часто оглушается заударный гласный после глухого согласного в абсолютном конце слова: *бабушк*[а̂], *овц*[ы̂], *старалс*[ъ̂], *плох*[ъ̂] и др. Но нередко такое глухое произношение и между глухими: *о бабушк*[ъ̂]*х*, *факт*[ъ̂]*в*, *хох*[ъ̂]*т*, *выс*[ъ̂]*сем*, *кош*[ъ̂]*к* и проч.

[16] В аллегровом произношении такой заударный [ъ] перед сонорным может быть доведен до нуля, но слоговость сонорного сохраняется. Притом до нуля сокращается [ъ] в *педиатр*, *психиатр*, так же как и в *ординатор*, *препаратор*, *император* и т.д.

Речь пойдет о йоте.

Синтагматика. Йот непременно должен прикасаться, с одной стороны или с обеих, к вокальному-неконсонантному, т.е. к гласному. Это его важнейшее синтагматическое свойство.

С йотом происходят многие позиционные приключения. Синтагматика дает мало возможностей списать все капризы йота. Парадигматически легче изобразить его маскарадный облик.

Парадигматика. Перед ударными гласными йот — это йот, <j>=[j] — согласный не палатализованный, а палатальный; средненебный, сонорный, но с значительным участием шума. Он жужжит: *яблоко, еж, ешь, юг, семьи.* В этом положении, перед ударными гласными, он не всегда одинаков. После мягких: *князья, тканье, судья* — его артикуляция более передняя (*и*-обра́зная), чем после твердых: *ружье, шью* (более *ы*-обра́зный звук). Это заметно просто по мышечному ощущению, хотя разница и невелика.

После гласных верхнего подъема перед согласными он — [и̯], неслоговой гласный: *уйду, выйду, историйка.*

После гласных [а, о, э] перед согласными йот реализован неслоговым гласным [э̯]: *игра*[э̯]*те, сто*[э̯]*те, суме*[э̯]*те, ла*[э̯]*ка, мо*[э̯]*ка, скаме*[э̯]*ка.*

Этот неслоговой [и̯] или [э̯], после гласного перед сонорным, может становиться слоговым; возможны оба типа произношения: *войн*=*во*[э̯]*н* и *во*[э^{и}]*н*, в последнем случае совпадает с *воин.* Еще примеры: *сейм*=[с̑э̯э̯м] (один слог) и [с̑э̯э^{и}м] (два слога). В последнем случае *сейм* произносится так же, как глагол *сеем.* Слово *тайм* в одном из возможных своих произносительных вариантов (т.е. когда оно двусложно) не отличается от глагола *таем*[17].

И вестник тайн
Сияет уже вблизи;
А я всё в пыли у окраин
Моей богоданной стези.

Е. Кузьмина-Караваева

Также и после гласных [у, и] (перед ауслаутным сонорным), *уйма* — *уйм*=[у̯и̯м] и [у̯им] — только после гласных верхнего подъема вокализуется в более закрытый гласный: не [и^{э}], но [и].

В эмфазе, при повышенно-эмоциональном произношении, конечная фонема <j> может быть выражена глухим [ç] (Ich-Laut'ом): *Не твой!*=[н'и^{э}твóç]!; *Играй*=[играç].

Наконец, после гласного перед [и] (а также [э^{и}]) <j> представлен нулем: *строй — строить, беспокой — беспокоить, мой — мои, стая — стаи* и под.

В случае: *стая*=[ста́ӓ], *стаю*=[ста́ӱ], *играя*=[игра́ӓ], *играют*=[игра́ӱт] и под. — <j> выражается передвижением артикуляции <а; у> кпереди.

---

[17] Следовательно, *кофейня — кофеен, зайка — заек,* т.е. [за̑йка] — [за̑э^{и}к] только потому надо считать формами с нефонетическим, морфологизованным чередованием, что произношение [за̑э^{и}к] не одно из возможных, а единственное: вариант [за̑йк] отсутствует. Так же, конечно: *двойня — двоен, стройка — строек.*

Наконец, в конце слова после безударного [и] фонема <j> может быть не представлена отдельным сегментом; ее представитель — слоговая интонация на [и], характерная именно для закрытых слогов.

На такое произношение намекают любопытные детские написания: *эти рукий* (=*руки*), *еслий* (=*если*), *вместий сор* (=*вмести*). Значит, орфограмма *-ий* (например, в словах *синий, громкий* и др.) оценивается как средство передать [и]; слышат *сини, громки* — и знают, что пишется *синий, громкий;* поэтому [ру́ки] записывают *рукий.*

Ноль может представлять и фонему <j> в начале слова, перед безударным гласным: [ат-ыйо́ и́м'ьн'ь], [атв'э́т ыго́рушк'и]; [ижы́]; [ило́выи̯].

И в алой, и в оранжевой системе [j] не произносится в начале слова перед [и] ударным. Говорят: *им, их, ими* — с начальным [и].

Итак, фонема <j> — Протей: она представлена звуками [j—j̈— — и̯—ɜ̯—и—э—ç—0 (ноль)—ä~]¹⁸.

На всем протяжении XVIII—XX вв. существовали эти способы выражения йота. Но менялась частотность различных вариантов. Так, только в последние десятилетия распространилось в бытовой речи произношение: *мо*[ç], *поигра*[ç], *поле*[ç] — с глухим йотом в конце слова.

Диффузные—компактные

Речь пойдет о свистящих (высоких диффузных) и шипящих (высоких компактных) согласных, т.е. о переднеязычных шумных.

Синтагматика. Современное состояние описывается просто формулой: свистящие перед шипящими невозможны, а шипящие перед свистящими возможны. Произносится: *сшить*=[ш:ыт'], *исчезнуть*=[иш':э́знут'], *сжать*=[ж:ат'], *без жжения*=[б'иж:э́н'ийа] и т.д. В фамилиях *Цшокке, Ницше,* вопреки внушению буквы, произносится твердый согласный [ч]: [н'и́чшы̯].

С другой стороны: *стараешься, рижский, кожсырье...* — с сочетанием [шс]. Закономерность обнаруживается на стыке морфем, так как таких внутриморфемных последовательностей нет, они лексически не представлены.

Эти закономерности относятся и к алой, и к оранжевой системе.

Парадигматика. В позиции перед шипящими все шумные свистящие заменяются шипящими. (Сильная позиция — перед гласными, перед нешипящими согласными: *слить — сшить, без каления — без жжения.*)

В другие периоды русского литературного языка состояние этих сочетаний и чередований было иным.

Высокие—низкие

Синтагматика. Легко найти в словах сочетания [нт, нд, мп, мб] (и мягкие к ним параллели): *абонент, агент, антагонизм, антенна, десант, антракт, антоновка, винт, гарантия, бунт, бант, бинт, лента,*

---

¹⁸ Знак ä — указание на гласный непередний, чья артикуляция сдвинута кпереди; ~ — знак особой внутрислоговой интонации.

контора, пентюх, янтарь; аренда, бандит, блондин, дурында, хандра, индивид; ампир, вампир, амплуа, вымпел, джемпер, компас, лампа, лампасы, рампа, темп, температура, чемпион, шампанское; амбар, амбра, бомба, имбирь, дамба, каламбур, ромбический, эмблема и др.

Редко встречаются сочетания [нп, нб, мт, мд], но все-таки они есть: *ломти, ломтик, почтамт, Вера Инбер...*[19] Если бы этих слов не было, можно было бы говорить о такой синтагматической закономерности: перед шумным смычным зубным возможен носовой только зубной, перед шумным смычным губным — носовой только губной.

Р.И. Аванесов спрашивал у разных собеседников:

— Забыл фамилию поэтессы... "Пулковский меридиан"... Вы не помните?

— Инбер! — спешил ответить вопрошаемый.

— Вы сказали *И*[м']*бер,* — говорил Р.И. Аванесов. И собеседник вспоминал своим пост-слухом, что он именно так и сказал.

Следовательно, закономерность близка к позиционной; она подчиняет себе произношение. (При тщательном выговоре звучит, конечно, *И*[н]*бер.*)

В другие периоды эта закономерность, возможно, была ближе к позиционной или дальше от нее — в связи с изменениями лексического состава языка.

Эта закономерность не имеет своей парадигматики. Низкие и высокие согласные подчиняются и другой закономерности.

Синтагматика. В современном русском языке не допускаются сочетания [стн], [здн]. Произносится *че*[сн]*ый, окре*[сн]*ый, по*[зн]*о, пра*[з'н'ик] и т.д., т.е. высокий шумный невозможен между [с...н] и [з...н].

По-другому (более обобщенно): запретны сочетания "высокий непрерывный + высокий прерванный + [н] или [н']", при этом два первых звука — шумные. Но сочетания со вторым низким возможны: *распнут, пискнут, взвизгнут, изгнали...*

Закономерность относится и к оранжевой, и к алой системе.

В бытовой, обыденной речи (нейтральный стиль) описанная норма полностью господствует. Легче всего наблюдать ее при произношении слова *проездной.* Входя в трамвай или троллейбус, люди говорят: *Проездной* (если у них есть такой билет). В московском трамвае было услышано (1967—1969) 986 раз *прое*[зн]*ой* и ни одного раза *прое*[здн]*ой*[20]. Так же произносятся все слова этой группы.

На сцене — дело другое. Слова высокого стиля могут произноситься с [здн]: *бе*[здн]*а* и проч.

Другие трехсегментные сочетания не знают таких ограничений Произносят *счаc*[сл']*ивый,* но *ко*[стл'а]*вый.* "Произношение *ко*[с'л'а]*вый...* в настоящее время характеризует просторечно-диалектную речь"[21].

---

[19] См.: *Аванесов Р.И.* О соотносительном ряде носовых согласных фонем по признаку "дентальность / лабиальность" // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.

[20] Московские маршруты N 13 и 36 (впрочем, может быть, на два-три случая автор обсчитался).

[21] *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение: Учебное пособие для студентов педагогических институтов. 4-е изд. М., 1968. С. 162.

Значит, сочетание [стл'] не отвергнуто синтагматикой. Произношение [сл'] в слове *счастливый* — личное дело этого слова, его особая судьба.

Произносят: *пове*[стк]*а, неве*[стк]*а* и т.д.; произношение таких слов с сочетанием [ск] считается просторечным. Так в алой, так и в оранжевой системе. Сочетание [стк], следовательно, тоже допущено в современный русский литературный язык — нет на него запрета.

Парадигматика. Чередование позиционно только для сочетаний <стн>, <здн>:

не перед [н], [н']	перед [н], [н']
[ст] [с'т']	[с] [с']
[зд] [з'д']	[з] [з']

Примеры: *честен — честный, уместен — уместный, прелесть — прелестна, проездом — проездной, звезда — звездный, бездонный — бездна.*

И парадигматика, так же как и синтагматика, не берет под свое крыло такие факты, как *сча*[сл']*ивый* (или *сча*[с'л']*ивый*). Здесь отсутствие [т'] уже лексикализовано. (Морфемная связь между *счастье* и *счастливый*, конечно, сохраняется: морфонологическое усечение основы, а не фонетическое чередование).

Мягкие — твердые

Синтагматика. Признак "мягкость (диезность)" у согласных может по-разному относиться к своему окружению. Говоря об окружении, мы имеем в виду другие признаки того же сегмента, которому принадлежит мягкость, и признаки его соседа справа, т.е. последующего звука.

Отношения могут быть такие:

1. **В данном** окружении мягкость у первого сегмента можно заменить на твердость и получить другое звуковое сочетание, тоже (как и наше исходное) употребительное в языке. Пример:

1-й сегмент	2-й сегмент	
зубной: мягкий, высокий, диффузный	низкий, компактный	заднеязычный

Верхняя правая клетка не заполнена; это значит, что безразлично, твердый или мягкий сегмент.

Пример: звукосочетание [с'к] (или [с'к']) — *Васька, о Ваське.*

Заменив мягкость на твердость у [с'], получим сочетание [ск] (или [ск']), оно тоже существует в языке: *маска, о маске.* Следовательно, перед заднеязычным (мягким и твердым) могут быть зубные и мягкие, и твердые.

Это сильная позиция для мягкости—твердости.

2. В данном окружении у первого сегмента может быть только мягкость. Пример:

зубной: мягкий, высокий, диффузный	мягкий, высокий, диффузный	зубной

Пример: звукосочетание [с'т'] — *кость, стих, нести, растекаться* и т.д.

Заменив мягкость на твердость в первом сегменте, получим сочетание [ст'] с твердым первым согласным; но такие сочетания отвергаются современной произносительной нормой. Следовательно, перед мягким зубным может быть только мягкий зубной. В такой категорической формулировке закон существует только для сочетаний шумных согласных.

Это позиция слабая для твердости—мягкости.

3. В данном окружении у первого сегмента может быть только твердость. Пример:

$$\text{губной} \begin{cases} \text{твердый} \\ \text{низкий} \\ \text{диффузный} \end{cases} \quad \begin{cases} \text{высокий} \\ \text{диффузный} \end{cases} \text{зубной}$$

Пример: сочетания [пн], [пн'] — *топнуть, топнет.*

Сочетание [п'н'] в русском языке отсутствует.

Это тоже позиция нейтрализации твердости — мягкости, т.е. слабая позиция; нейтрализованные признаки представлены твердостью.

4. В данном окружении у первого сегмента мягкость можно заменить на твердость, но слово при этом остается тем же самым — замена не приводит к звуковому облику другого слова. Пример: согласные перед йотом. Можно произносить *о*[б]*ьем* или *о*[б']*ьем*, *соло*[в]*ьи* или *соло*[в']*ьи* — и то и другое распространено, и то и другое приемлемо. Позиция слабая.

Обратимся к сильным позициям (к случаю 1, см. выше). Они одинаковы для алой и оранжевой систем.

Твердые (недиезные) и мягкие (диезные) согласные различаются в таких сочетаниях:

1. Перед гласными, включая [э]: *дай — дятел, дом — десны, дельно — модель, думать — дюжина, дым — дико.*

Перед [э], как показывает наш пример (*дельно — модель*), тоже противопоставлены твердые и мягкие. Но обратим внимание, как лексически разыгрывается это противопоставление. Мягкие согласные перед [э] встречаются в словах, давно бытующих в литературном языке: *дельно, тесто, лето, первый* и т.д. Твердые перед [э] встречаются в словах, которые недавно стали равноправными членами общеупотребительной литературной лексики (их или вовсе не было в начале XX в., либо они входили в особую группу заимствованных слов): *нэп, нэпман, ГЭС, модель, антенна, мартен, патетика, стенд, тезисы, фрикаделька, кашне, туннель* и проч.

В периодику 20-х годов хлынули заимствованные слова, в которых надо было произносить твердый согласный перед [э]. Например, в очерке Б. Пильняка "Это не сказка": *Гарнэт, в дэльте, лэди, называл сэром, клэрк, по Бедэкеру, сидя на спардэке, "Пэлл-Мэлл", "Ивнинг Стэндэрт", "Гэлсворси; эта книга была положена в кэз* (журн. "30 дней." М., 1925. N 6. С. 56—58). В очерке А. Ветрова "Париж днем и ночью": *около храма Мадлэн, кафэ, Рю-де-ля-Пэ, ароматы Терлэна, у прославленных "мэтров", варьетэ, кабарэ, Делонэ, "Кларгэ"* (там же.

N 9. С. 30—44). Обрадовались люди, что слабая позиция стала сильной... Что язык не мешает согласным быть твердыми перед [э]... Пожалуй, переборщили.

(Написание *лэ*, может быть, обозначает сочетание [l] европейского непалатализованного и невеляризованного с гласным.)

2. На конце слова: *угол — уголь, зелен — зелень, идут — путь*... (Это не относится, как уже сказано, к заднеязычным: на конце слова они только твердые.)

Губные, как показывают некоторые факты, не прочь отвердеть в данной позиции, но им этого не позволяют. В говорах широко распространена обязательная твердость губных на конце слова. Проникает она и в литературный язык, очень сильно — в ленинградской его разновидности: *любо*[ф], *голу*[п], *упал назе*[м]. Все это в литературном языке не признается нормой.

3. Перед заднеязычными: *Васька — маска, серьга — кочерга; о Ваське — о маске, о серьге — о кочерге.* В языке это противопоставление представлено обильной лексикой, и она показывает, что перед заднеязычными, будь они твердыми или мягкими, различаются твердые и мягкие согласные.

4. Перед твердыми губными: *резьба — изба, впотьмах — без ритма, кутерьма — казарма, мальва — молва.*

5. Различаются твердые и мягкие зубные перед твердыми зубными: *конская стать — июньская погода.* Правда, сочетание "мягкий зубной + твердый зубной" представлено только в слове *июньский.* Но так как все остальные закономерности, связанные с твердостью—мягкостью, охватывают весь класс зубных, то и здесь можно сделать вывод обо всем классе.

Слово-то одно, но модель предъявлена. И поэтому так легко возникают новообразования с [н'с], хотя в большинстве случаев они остаются употребительными только в ограниченном кругу текстов: *алшаньский, амгуньский, аньюаньский, березаньский, булоньский, гданьский, гдыньский, диканьский, ибиньский, иньчуаньский, ирпеньский, корсуньский, коростеньский...*[22] Эти слова и произносятся с [н'].

6. Всегда, во всех положениях различаются [ш] и [ш'], [ж] и [ж']. Для них всякая позиция сильная[23].

Если даны признаки:

x
высокий
компактный
непрерывный
консонантный,

то *x* в этой позиции может быть равен и твердости (тогда сегмент=[ш]), и мягкости (тогда сегмент=[ш']).

---

[22] *Левашов Е.А.* Словарь прилагательных от географических названий. М., 1986. В некоторых случаях указаны и параллельные образования с [н]: *диканьский* и *диканский* (от *Диканька*).

[23] Но не перед самими шумными переднеязычными! Сочетания [шч'] и [ч'ш] невозможны. Ср. *лучше* с [ч] твердым.

Теперь перейдем к случаю 2, когда есть нейтрализация твердости—мягкости и нейтрализованный признак реализован мягкостью.

7. Перед мягкими зубными зубные бывают только мягкими: *шесть, здесь, коснись, возня* и т.д. (Боковые [л] — [л'] в этой игре не участвуют, они — особый класс согласных.)

В алой системе обнаруживаются, непоследовательно и неустойчиво, отступления от этого закона, например в сочетании [н'с']. Иногда произносят *вака*[нс']*ия, о танге*[нс']*е...*[24]. Еще, пожалуй, чаще и притом устойчиво в отдельных словах несмягчение [с, з] перед [л']. Произносят: *если* (здесь [с']), но *в кресле* (здесь возможен [с]), *по́сле* (говорят: [с']), но о *нашем после́* (говорят: [с]). Не знак ли это того, что по крайней мере для некоторых зубных данная позиция преобразуется в сильную? Делает первые шаги на этом пути?

Мягкость зубных перед мягкими зубными засвидетельствована рифмой. Например, у Н.Н. Асеева: *винтики — синь, теки; троньте — фронте; гости — бросьте; выньте — винтик; весь — песнь.*

8. Перед мягкими губными зубные согласные получают мягкость: *две, разве, Тверь* и т.д.

В алой системе и здесь намечается путь к непоследовательности в данных сочетаниях: *разве* (непременно с [з']), но *развит, развитие* (с [з]), *о ведьме — надменный....*

И здесь в качестве далекой цели возникает преобразование в сильную позицию.

Говоря о различиях в алой и оранжевой системах, мы должны подчеркнуть размытость границ (в этой именно области произношения) между ними. Отличия от закона смягчения более свойственны алой системе, чем оранжевой, но и оранжевая в той или иной степени затронута ими. Ни та, ни другая не стараются держать фрунт неумолимо строго.

Рифма обнаруживает, что перед мягким губным произносится мягкий зубной:

Ты в ветре, веткой пробующем,
Не время ль птицам петь,
Намокшая воробышком
Сиреневая ветвь!

Б. Пастернак

Для русской рифмы нужна перекличка двух звуков. Так и здесь: [п'ӭт'] — [в'этф'] не составляют рифмы (и дело, конечно, не в разных оттенках э, а в различии [т'] — [т]). Перекличка [п'ӭт'] — [в'эт'ф'] достаточна для рифмы.

У Пастернака же рифмуются: *возьми — жа*[с']*мин, жа*[с']*мина — осьмину*. Все это вместе — свидетельство, что стихи Пастернака требуют сочетаний "мягкий зубной + мягкий губной".

Так же у Николая Асеева:

---

[24] Первоначально в рукописи этой книги было сказано более категорично о том, что постоянно сохраняется мягкость в сочетании [н'с']. А.А. Реформатский на полях рукописи сделал заметку: "А как же *романсик*?" Следовательно, он считал, что в этом слове возможен твердый зубной [н] перед [с'] (оранжевая система).

Хоть и вспомнишь после — это ветвь,
на минуту сердцу помертветь.
А если
над умолкнувшим потоком
протянутая
засыхает ветвь —
то как же нам
в суровом и жестоком
молчанье
не застыть,
не помертветь?[25]

9. У шумных переднеязычных мягких: соседями слева могут быть только те зубные, которые обладают признаком мягкости. Шумные переднеязычные мягкие — это [ч' — ш' — ж'].

У зубных (соседей слева) выбывают из строя [с' — з' — т' — д'], а также [ц]: перед шипящими не могут произноситься свистящие.

Поэтому наш закон можно переформулировать так: перед [ч'] [ш'] может быть [н'], но не [н][26]. Примеры: *барабанщик, барабанчик...* Закономерность очень прочна, неколебима ни в алой, ни тем более в оранжевой системе. Почему такая строгость?

Повышенная устойчивость диезности у сегмента [н'] (перед [ч'], [ш']), может быть обусловлена тем, что диезность здесь морфологизована. В огромном большинстве случаев между [н'] и [ч', ш'] проходит морфемная граница: а) *барабанчик, диванчик, болванчик, балаганчик, органчик, чемоданчик, розанчик, пузанчик, стаканчик, карманчик, султанчик, сарафанчик, блинчик, апельсинчик, графинчик, помпончик, прыгунчик, щелкунчик, дворянчик, стригунчик, скакунчик, сосунчик, кувшинчик, вагончик, флакончик, балкончик, талончик; банщик, барабанщик, балаганщик, фуганщик, чемоданщик, чеканщик, обманщик, шарманщик, филигранщик, ресторанщик, автогенщик, денщик, поденщик, мороженщик, бакенщик, зеленщик, каменщик, временщик, доменщик, сменщик, гонщик; цыганщина, партизанщина, гетманщина, панщина, иностранщина, деревенщина, поденщина, обыденщина, женщина, казенщина, военщина,* (во всех этих словах после [н'] следует суффикс); б) *одуванчик, тушканчик, бубенчик, венчик, леденчик, мизинчик, червончик, вагранщик* (здесь после [н'] следует суффиксоид). Лишь в немногих случаях сочетание [н'ч'], [н'ш'] относится к одной морфеме: *бренчать, кончить, кончик, кончина, клянчить.*

---

[25] У Пастернака может рифмоваться твердый с мягким: *кошениль — сочинил, пингвин — придвинь, выкинься — Диккенса, прелесть — шелест* и др. Но это возможно в том случае, когда "рифменный минимум" (перекличка двух) обеспечен и без помощи твердого — мягкого. Произносительный анализ рифм можно вести "по верхам" — для эпох, когда господствует точная рифма. Точная — такая, где все звуки рифмующихся слов, начиная с ударного гласного, "соответствуют" друг другу (или совпадают, или традиционно приравниваются к совпадающим). Анализ исходит именно из максимальной полноты сходства. Но этот же анализ может вести и "по низам" — для эпохи неточной рифмы. При этом следует исходить из того, что в любой самой неточной рифме должно быть минимальное сходство, обеспеченное поэтической традицией; например, перекличка не менее двух звуков (традицией, которая, однако, не для всякого поэта — нерушимый закон; ср. рифмы К. Олимпова: *мочь — гремуч — зряч*).

[26] Сочетание [н'ж'] реально в словах не представлено.

Действует закон: перед таким-то суффиксом (или суффиксоидом) с начальным [ч'] или [ш'] согласный [н] меняется на [н']. Перед суффиксом: т.е. позиция определяется морфологически.

Сложность здесь в том, что морфонологическая позиция поддерживает фонетическую, одна накладывается на другую. Была бы позиция только фонетическая — диезность здесь имела бы ту же судьбу, что и в сочетаниях "губной + мягкий зубной" или "губной + мягкий губной".

Этого не случилось. Почему? Помогла морфонология. Фонетическая и морфонологическая системы, поддерживая друг друга (и маскируя друг друга), сделали позицию прочной. На вопрос, отчего в слове *обманщик* звук [н'] мягкий, надо отвечать: по фонетическому закону: перед мягким [ш'] должен быть мягкий [н'], а также по морфонологическому (грамматическому) закону: перед суф. *-чик, -щик* последний согласный основы должен меняться на мягкий, ср.: *стекольщик*.

Верно ли это заключение? Может ли морфонологическая закономерность накладываться на фонетическую, усиливая ее? Обычно полагают, что морфонологические чередования возникают только как результат разрушения фонетических. Чтобы проверить, так ли это, нужно привлечь дополнительный материал, факты других языков, дать их фонологический анализ. Пока оставляем наш вывод как предположение.

10. Губные в сочетании со следующим губным тоже хотят быть мягкими. В оранжевой системе это им лучше удается, чем в алой.

В оранжевой часто произносят: *о ри*[ф'м']*е,* [в'м']*есте, о лю*[б'в']*и, на да*[м'б']*е* и т.д.

В алой обычно говорят: *о ри*[фм']*е,* [вм']*есте, о лю*[бв']*и, на да*[мб']*е...*

Для оранжевой системы это второй случай, может быть реализованный не совсем последовательно. Алая система переводит его, тоже непоследовательно, в третий случай.

Заднеязычные в сочетании со следующими мягкими заднеязычными тоже устремляются к мягкости: *мя*[х'к']*ие, ле*[х'к']*ие* (других примеров нет).

Эти два случая можно обобщить: низкие перед мягкими низкими стремятся и сами к мягкости, если оба сегмента обладают однородно либо компактностью, либо диффузностью.

Речь шла у нас о втором случае: мягкость — твердость нейтрализована, и результат нейтрализации — в признаке мягкости.

Переходим к третьему случаю: результат нейтрализации — в признаке твердости. Уже десятая позиция в алой системе перестраивается в этот третий случай, хотя и непоследовательно. А вот последовательные позиции:

11. Любой губной перед следующим согласным (кроме мягкого губного, см. позицию 10) обязан быть твердым: *лапта, замша, папка; о лапте, мщу, в папке...* Алая и оранжевая системы единодушны[27].

[27] Но: *познакомьтесь, готовься, отправьте, расслабься* — с мягкими губными. Здесь торжествует фонетика стыка слов: частицы *-ся* (*-сь*), *-те* ведут себя именно как частицы — не части слов, а служебные слова. Ср.: *приготовь-ка, познакомь же...* Впервые это показал А.А. Реформатский в ряде работ.

По общему правилу перед заднеязычным возможны только твердые губные: *в папке, лапки, стопки, уступки, на Покровке, плутовки, обновки, без остановки, немки, в дамки, постромки, лакомке, семги, нет тамги, во мге.* Здесь перед мягкими [п' — ф' — м'] произносятся твердые губные. Так и в алой, и в оранжевой системе. В другие времена было по-другому.

Сравнение позиций наводит на мысль, что признаки "диффузный" и "высокий" — покровители мягкости (диезности). Напротив, признаки "низкий", "компактный" — недруги, "убивцы" общей мягкости у двух сегментов.

12. Перед дрожащими переднеязычными, т.е. перед [р] и [р'], не бывает мягких зубных. Есть слово *три,* но нет слова *тьри,* и это звукосочетание при русских артикуляционных навыках труднопроизносимо. О том, что налицо фонетическая закономерность, а не лексическая случайность, догадываемся по тому, что остракизму здесь подвергнут весь класс зубных, без исключения.

Эта закономерность не видна со стороны парадигматики: нет чередований, которые бы устраняли в этой позиции твердые согласные, заменяя их мягкими. Примеры *тереть — тру, задирать — драть* сразу дисквалифицируем: при беглых гласных происходят морфонологические чередования, которые полностью определяют мену предшествующих согласных.

Теперь переходим к четвертому случаю.

13. Перед йотом могут в одном и том же слове произноситься то твердые, то мягкие согласные. Одни скажут *обе*[з'j]*яна,* другие (и не менее хорошие) — *обе*[зjа]*на.* Или даже одно и то же лицо говорит то так, то этак.

Губные, предшествуя йоту, в алой системе чаще всего тверды: [б]*ьет, о*[б]*ьят, ска*[м]*ья, соло*[в]*ьи.* Только в некоторых морфемных образованиях мягкость здесь обязательна: *по-жира*[ф']*ьи, покоро*[в']*ьи, по-ры*[б']*ьи, по-со*[м']*ьи;* может быть, обязательна мягкость и в таких образованиях: *граф*[ф']*ье, ба*[б']*ье* (формы в литературной речи не частые, и наблюдать за ними трудно). Во всех этих случаях мягкость морфологизована (ср. *по-медвежьи* при *медведь, по-рачьи* при *рак, по-сокольи* при *сокол; дурачье, воронье*).

Зубные, предшествуя йоту, в значительном числе случаев мягки: *статья, коньяк, друзья, адъютант* и т.д. Это сказано об алой системе. В оранжевой системе мягкость перед йотом встречается чаще, чем в алой. Положение близко к тому, которое характерно для второго случая.

И здесь, как видно, признак "высокий" (у зубных) покровительствует мягкости, "низкий" (у губных) к нему не склонен.

Произносят *не*[р]*вый, се*[р]*п, зе*[р]*кало, звезды поме*[р]*кли* — с твердым [р]. Заметим, что "оранжевое" произношение допускает [р'] в словах *четверг, Пермь, черви* (в карточной игре). "Алое" и в этих словах предпочитает [р]. Но слово *церковь* и в алой нередко произносится с [р']. Слово это дети часто узнают не от родителей, а от бабушек, и оно может сохранять произносительный архаизм[28].

В более давних системах, которые будут описаны дальше, в данном окружении чаще будет встречаться [р'].

Итак, в некоторых позициях мягкость перестает быть вынужденной, вызванной; появляются слова, у которых она постоянна, и другие слова, которым в той же позиции свойственна твердость (*разве — развит*). Следовательно, слабая позиция перерастает в сильную. Это одно из проявлений Бодуэнова закона: ограничения на появление согласных в определенных позициях снимается, т.е. набор возможных согласных в этих позициях увеличился, консонантизм — усложнился. Таковы позиции 7 и 8.

Это шаг по пути к цели, очень далекой и, вероятно, недостижимой: к созданию новых сильных позиций. Языковое развитие редко полностью осуществляет свои намерения.

Впрочем, наши выводы несколько упреждают ход событий. Алая система сшита нами на вырост. Для "старых" сильных позиций (таких, которые сильны и для алой, и для оранжевой систем) нетрудно найти минимальные пары:

1) *гроза — грозя, мёл — мол...*
2) *уголь — угол, конь — кон...*
3) *редко — редька, зорька — зорко...*
4) *пальбу — по лбу, на пальму — напалму...*
5) —[29]
6) *плющ — плюш, мощна — мошна, щёк — шок...*

Для новых сильных позиций (тех, которые сильны для алой, но не для оранжевой системы) таких минимальных пар нет. Это и говорит о неустойчивости новшеств. Вероятно, и в новых позициях могут появиться такие пары. Интересно мнение заслуженной артистки РСФСР Н.С. Порудоминской, высказанное на заседании Методического совета по сценической речи (при ВТО): если говорят *нет света,* то [с] произносится скорее твердо; если же произносят имя *Света,* то [с'] или [ć], мягкий или полумягкий звук. Пока это — индивидуальное мнение, не факт языка, даже не факт речи, а отношение к речи, к ее возможностям, но высказывание рисует один из вероятных путей появления таких минимальных пар.

Если перед определенным мягким согласным другой определенный согласный может быть только мягким, то признак мягкости — общий для обоих сегментов, он растекается на два звука. Так, сочетание [с'т'] равно:

---

[28] Фонетисты проводили опрос: как произносится слово *консервы*. Выясняли: [о] или [а] в предударном слоге, мягкое сочетание [н'с'] или твердое [нс]. Обратились к Б.В. Горнунгу (оранжевая произносительная система). Он ответил: — Как произношу? Конечно, [кан'с'эр'вы]! По нормам XVIII в.! Притом — в новозаимствованном слове. Шутил? Но он был не шутливый человек. Розыгрыш? Вряд ли. Странный случай.

[29] На сочетание "зубной + зубной" минимальных пар нет (см. с. 35).

мягкий	
высокий диффузный консонантный	высокий диффузный консонантный

Оранжевая система предполагает существование в русских словах синтагмо-фонем (дифференциальных признаков) 4-кратной длины (их немало в потоке речи); например, в слове *же*[н'с'т'в']*енный* синтагмофонема диезности принадлежит четырем сегментам:

мягкий			
высокий диффузный консонантный	высокий диффузный консонантный	высокий диффузный консонантный	низкий диффузный консонантный
[н'	с'	т'	в']

В оранжевой системе перед губным [в'] позиционно закономерна мягкость [т']; перед [т'], зубным, должен быть мягкий зубной [с'], а перед ним другой зубной, [н'], тоже должен быть мягким. То есть признак "диезный" представляет собою целостность, пронизывающую четыре сегмента.

В алой системе таких длинных кирпичей (скорее, досок), из которых строятся слова, значительно меньше, преобладают признаки для одного или двух сегментов. Так, сочетание [н'с'т'в'] может произноситься (это характерно для алой) как [нств'], так как перед [в'] не обязательно смягчение зубного. Мягкость осталась только у одного [в'].

Большая разница! Были четырех-, трехкратные единицы, а остались в большинстве коротышки, длиною в один-два сегмента.

Случаи, когда перед мягким согласным другой согласный тоже должен непременно получить мягкость, очень пестры. Нет ли какой-нибудь закономерности, объединяющей их?

Перечислим эти сочетания. Введем обозначения: В — высокая тональность, Н — низкая тональность; Д — диффузность, К — компактность.

Тогда сочетания с мягкостью, растекшейся на два сегмента, можно обозначить так:

1. ВД (зубные) + ВД (зубные).
2. ВД (зубные) + ВК (переднеязычные шумные).
3. ВД (зубные) + НД (губные).
4. НД (губные) + НД (губные).
5. НК (заднеязычные) + НК (заднеязычные).

Во всех случаях, когда перед мягким сегментом другой сегмент испытывает (в той или иной степени) тягу к диезности (мягкости), оказывается: либо оба сегмента низкие, либо оба они высокие, либо оба компактные, либо оба диффузные. Необходима общность по этим признакам.

Подберем все сочетания, где нет переклички признаков "низкий — высокий", "компактный — диффузный":

1. ВД (зубные) + НК (заднеязычные).
2. НД (губные) + ВК (переднеязычные).
3. ВК (переднеязычные) + НД (губные).
4. НК (заднеязычные) + ВД (зубные).

Ни в одном из этих сочетаний диезность (мягкость) не растекается на два сегмента.

Итак, случаи "ассимилятивной" мягкости не так пестры. В них проявляется общая закономерность. Оставаясь только в пределах парадигматики, мы бы этой закономерности не заметили.

Такова синтагматика диезности—недиезности.

Парадигматика. По алой норме существуют такие чередования:

а) перед мягкими зубными твердые зубные заменяются мягкими (но не [л]: он вообще по своему позиционному поведению — не зубной). Произносят: *ко*[с'т'] (ср. *косточка,* где [с] в сильной позиции по твердости—мягкости), *у*[з'д']*ечка* (ср. *узда*), *о рома*[н'с']*е* (ср. *романс*), *ви*[н'т']*ик* (ср. *винт*).

Перед [л'], как говорилось в разделе о синтагматике, может быть твердый зубной: по алой норме чередования нет, но по оранжевой оно и здесь налицо, перед [л']: *ослы — о*[с'л']*ик* и др.

Закономерность, конечно, не действует между зубными, разделенными словесной границей: *говорил раз десять, голос тихий, он тяжелый* :

б) в оранжевой системе перед мягкими губными твердые зубные обычно заменяются мягкими: *два* — [д']*ве, ботва — в бо*[т']*ве, канва — по ка*[н']*ве, искусство — об иску*[с'т'в']*е.*

В алой системе чередование часто отсутствует: [д]*ве, в бо*[т]*ве, по ка*[н]*ве, об иску*[ств']*е;*

в) в оранжевой системе твердые губные перед мягкими губными меняются на мягкие же губные: *рифма — в ри*[ф'м']*е.*

В алой такая мена факультативна и даже просто редкость;

г) в обеих системах твердые губные перед мягкими переднеязычными (но не [р']: этот ведет себя позиционно не как передненебный) меняются на мягкие зубные: *обман — обма*[н'ш']*ик, чемодан — чемода*[н'ч']*ик* и др.;

д) в обеих системах твердые заднеязычные перед мягкими заднеязычными меняются на мягкие заднеязычные, ср.: *мя*[хк]*ого — мя*[х'к']*ие, ле*[хк]*ая — ле*[х'к']*ими.*

Смычные—щелевые

Синтагматика. Наша орфография, склонная к мистификациям, намекает, что в словах *легко, легкие, легкость, мягко, мягкий, мягкота* и т.п. произносятся подряд два взрывных заднеязычных (компактных низких). Сочетание двух одинаковых взрывных согласных — долгий взрывной; долгий взрывной — звук, у которого после смыкания следует долгая выдержка и потом размыкание.

Орфография обманула: на самом деле произносится *ле*[хк]*о, лё*[х'к']*ие, мя*[хк]*о, мя*[х'к']*ий.* Сочетаний [кк], [к'к'] в середине морфемы

нет. Слова типа *мокко, Марокко* произносятся с неудвоенным [к]. И даже если бы в них произносился долгий, то все равно эти свидетели были бы ненадежны: они из особой группы слов, со своей фонетикой; у них заграничное прошлое[30].

Итак, внутри слов сочетаний [кк], [к'к'] нет. Синтагматический запрет? Закон о несочетаемости двух взрывных заднеязычных внутри слова? Уверенности в этом нет.

Синтагматическая закономерность относится к звуковым признакам, иначе говоря — к классам звуков. Если звуки a_1—a_2—a_3—a_4—a_5—a_6... обладают общим признаком (и только эти звуки им обладают), то они составляют звуковой класс. Синтагматические законы говорят о том, что такой-то класс звуков сочетается (или не сочетается) с таким-то классом. Но при малочисленности класса — у нас он состоит всего из двух звуков, [к] и [к'] — трудно утверждать, что они фонетически нетерпимы в сочетании с такими-то звуками. Когда в составе класса звуков так мало, то их "неприсутствие" в определенном соседстве может быть лексической случайностью. Мало ли самых законопослушных сочетаний отсутствует только потому, что их не затребовала лексика! В языке нет достаточного материала, чтобы считать сочетания "взрывной заднеязычный + взрывной заднеязычный" запретными в современной русской синтагматике, внутри слов.

А как эти сочетания чувствуют себя на стыках слов? Любят ли эту позицию? На стыке полнозначных слов, конечно, они вполне возможны (*пятак катится по полу*), но это положение не показательно: на стыках полнозначных слов все, или почти все, возможно. От этого положения нельзя перекинуть мост к положению внутри слова.

Возьмем сочетания "предлог + полнозначное слово". Рассмотрим отдельно оранжевую и алую системы.

Алая система. На стыке предлога и слова произносится долгий взрывной: *к кому, к Коломне, к Кате* (с [к:]); *к городу, к гавани, к Глебу* (с [г:]). Начальная долгота плохо сохраняется, и часто произносят просто [к] и [г]. Но в принципе сочетания двух взрывных заднеязычных, как видим, возможны. Если бы мы обнаружили запрет на такие сочетания на стыках, то это пролило бы свет и на положение внутри слова: если уж на стыках они нежелательны, то тем более внутри слов. Но у нас такого подтверждения не получилось. Следовательно, для алой системы синтагматика вопрос оставляет открытым: нет убедительного основания считать такие сочетания запретными, нет доказательства и их разрешенности.

Оранжевая система. На стыке "предлог + слово" в оранжевой системе произносится в тех же случаях [хк] и [γг]: [х] *кому*, [х] *Коломне*, [х] *Кате*, [γ] *городу*, [γ] *гавани*, [γ] *Глебу*. Сочетания [кк], [гг] отсутствуют.

Как видим, стык позволил расширить класс исследуемых компонентов сочетаний; речь может идти уже не только о [кк], но и о звонкой паре этого сочетания, [гг], о большем числе звуков, подпадающих под закон. У некоторых (многих?) представителей оранжевой системы

[30] См. ниже рассуждения о группе заимствованных слов.

(в том числе у автора этой книги) такое произношение имеет последовательный характер. Как видно, сочетаний [кк] и [гг] (и их мягких вариантов) у них нет ни внутри слов, ни на стыке слов.

Внутри слова фонетические законы, как правило, более жестки, более запретительны, чем на стыке слов. Очень часто позволенное на стыке не допускается внутрь слова. Но не наоборот! Если в оранжевой на стыке нет сочетаний двух взрывных заднеязычных, то тем более они невозможны в пределах слова.

Значит, для оранжевой системы существует синтагматический закон: два взрывных заднеязычных (компактных низких) не образуют звукосочетаний — ни внутри слова, ни на стыках. Дело прояснила именно стыковая ситуация.

У алой системы мы такой закономерности обнаружить не смогли. (В дальнейшем мы вернемся к этой проблеме, по-иному выделив звуковой класс — объект исследования.)

Парадигматика. Возьмем смычные, далекие по месту образования от [к, г], а именно зубные [т, д]. Перед ними нет мены заднеязычных смычных на щелевые: *кто, доктор, акт.* Лишь иногда, как индивидуальную черту (в семействах, приверженных оранжевой системе, но и то не у всех), можно вместо *кто* услышать *хто*[31]. Сопоставляя *к-то — к-ого — к-ому...* и *ч-то — ч-его — ч-ему,* можно выделить корни *к-* и *ч-*; следовательно, в слове [хто] можем видеть мену корневого *к-* на *х-* перед зубным [т]. Но мена, конечно, не позиционная: в других словах множество раз встречается сочетание [кт].

Следующий шаг в глубь ротовой полости: [к, г] перед [ч'].

Говорят так: *ле*[г]*ок,* но *ле*[х]*че, ле*[х]*чайший; мя*[г]*ок,* но мя[х]*че, мя*[х]*чайший.* И вместе с тем: *тя*[г]*отиться — тя*[к]*чайший.* Ясно, что мена:

не перед ч'	перед ч'
к, г	х

непозиционна. Позиционные чередования не знают исключений. Но заметим и то, что от признания позиционной ее отделяет одна ступень: слово *тягчайший.*

Наконец, перед [к] во всех словах происходит мена [к, г] на [х]. Правда, самих фактов немного: *мягко, легкий* и т.д. (см. выше), но это факты, полностью отвечающие понятию позиционного чередования.

Чем ближе место артикуляции [к] и смычного после него, тем последовательнее чередование; при тождестве места артикуляции, т.е. в сочетании <кк>, это чередование достигает и предела последовательности, т.е. должно оцениваться как позиционное.

При этом парадигматика не различает, анализируя внутрисловные факты, алую и оранжевую системы: ведь в обосновании выводов исполь-

---

[31] На такое произношение, может быть, рассчитана рифма Н. Асеева:

По проводам бежит тих ток,
не видал его бег никто.

Тих ток рифмуется с *ни*[х]*то.* Вторая, отзывающая, часть рифмы — *никто* — должна перекликаться и с *тих,* и с *ток.* То есть стих обнаруживает произношение автора: *нихто.*

зованы факты (степень позиционности—непозиционности чередований), общие для обеих систем.

Что касается чередования [к, г] — [х] на стыках слов (предлог + полнозначное значимое слово), то здесь различие между двумя системами, оранжевой и алой, видно и со стороны парадигматики.

Законно ли положение взрывного заднеязычного перед заднеязычным? Оказалось, что вопрос надо расчленить: для парадигматики и для синтагматики; для алой системы и для оранжевой; для положения внутри слова и для стыков.

Для сочетания "предлог к + полнозначное слово". Парадигматика и синтагматика единодушны: в алой запрета на такую последовательность нет; в оранжевой она запрещена.

Для внутрисловного положения. Алая и оранжевая системы не различаются. Парадигматика утверждает: невозможно, чтобы согласный взрывной заднеязычный был рядом с взрывным заднеязычным. Синтагматика отказывается сформулировать запретительный закон: недостаточно материала для запрета.

Для ясности сведем наши ответы в две таблицы. Обозначения: "о" — оранжевая система, "а" — алая система; "п" — парадигматика, "с" — синтагматика. Задан вопрос: возможно ли, чтобы взрывной заднеязычный был перед зубным заднеязычным? Ответы:

Внутри слова

	п	с
о	нет	?
а	нет	?

На стыке

	п	с
о	нет	нет
а	да	да

Не является ли расхождение во мнениях между парадигматикой и синтагматикой тем условием, которое обеспечивает движение фонетической системы, ее изменчивость? Парадигматика закрывает дверь для определенного соседства, синтагматика ее приоткрывает. Парадигматика запрещает, синтагматика попустительствует...

Слитные—щелевые

Синтагматика. В языке существует и сочетание [ч'н], и сочетание [шн] (так же сочетания и с мягким [н']): *удачный — смешной.* Так и в алой, и в оранжевой системе. Признаки "слитный—щелевой" здесь, перед [н, н'], позиционно не закреплены.

Парадигматика. Ни в алой, ни в оранжевой системе нет позиционного чередования [ч' || ш].

Есть группа слов: *булочная, прачечная, скворечник, гречневая каша* и т.д., — где возможны и <ш>, и <ч>: *було*[ч'н]*ая* и *було*[шн]*ая*. При этом алая система обычно избирает [ч'н], а оранжевая склонна к [шн].

Чередование налицо, но оно непозиционно, <ч'> заменяется на вариативную единицу <ш/ч>: *булочка — булочная, скворчиха — скворечник...*

Однако количественная сторона фактов имеет определенную направленность. В некоторых словах вероятность появления [шн] равна нулю для алой системы и вполне возможна для оранжевой. А.А. Реформатский говорил: "Каша, конечно, не *я*[ч']*невая*, а *я*[ш]*невая*. Мы в детстве так и говорили: *каша-яша*!" Для следующих поколений существует только *я*[ч']*невая каша*.

Д.Н. Ушаков (представитель желтой системы) подтрунивал над студентами — приверженцами оранжевой системы: "В известной прибаутке *Друг серде*[ш]*ный, таракан запе*[ш]*ный* у меня получается хорошо: рифма есть! А у вас плохо: *серде*[ш]*ный — запе*[ч']*ный*". Алая система исправила дело, рифма вернулась, и получилось: *серде*[ч']*ный — запе*[ч']*ный*...

Таким образом, круг слов с вариативными [шн] постепенно уменьшается. Следовательно, при движении в прошлое он, возможно, будет становиться все шире. Поэтому возникает вопрос: не являлось ли это чередование — [ш || ч'] перед [н, н'] — когда-то позиционным?

Глухие—звонкие

Поведение глухих и звонких шумных согласных было в течение трех веков очень устойчивым.

Синтагматика. И глухие, и звонкие могут сочетаться: 1) со следующим гласным: *дом — том;* 2) со следующим сонорным: *знать — сосна*; 3) со звонкими шумными [в], [в']: *звон — свой.* Это сильные позиции.

Слабые позиции: 1) в сочетании со следующим глухим шумным согласным возможен только глухой шумный: *сказки, маски*, ср. *сказок, масок*; 2) в сочетании со следующим звонким шумным (но не [в], [в']) возможен только звонкий шумный: *резьба, просьба*, ср. *резать, просить*; 3) со следующей паузой сочетаются только глухие шумные: *сад, кот*, ср. *сады, коты*[32].

Парадигматика. В одних позициях (см. выше) звонкие шумные заменяются глухими, в других позициях (см. выше) глухие заменяются звонкими.

В последние десятилетия стали заметны некоторые факты, как будто противоречащие этим закономерностям.

В новых звательных формах: *Володь!; Сереж!; Лиз!; Надь!* возможно произношение звонких шумных согласных на конце слова, перед паузой. Новая сильная позиция? Нет. Формы — звательные, они требуют громкости (и неважно, как такая форма произнесена в данной реплике, — важно, что в ее модели заложена громкость). Увеличена сила ударного гласного, поэтому уменьшена длительность заударного гласного, он может доходить до нуля. Но в модели данной формы он, хотя бы и нулевой, все равно есть, и звонкие согласные здесь не на конце слова, а перед гласным. Он может быть очень кратким, кратким вплоть до нуля. Но позиция все равно не на конце слова.

---

[32] Некоторые детали позиционного размещения глухих — звонких опускаем. В историческом исследовании они не нужны: они не герои звуковых превращений.

Краткие—долгие

И в алой, и в оранжевой системе могут быть удвоенные (долгие) согласные. Они встречаются и на стыке морфем, и внутри морфемы. Реже других встречаются долгие взрывные (прерванные шумные)[33].

В сочетаниях двух или трех разнородных согласных долгота сокращается: *колонна — колонка, манная крупа — манка* и т.д.

ГЛАСНЫЕ

Ударные—безударные

Синтагматика. Под ударением различаются пять гласных: /а—о—э—и—у/. После твердых согласных они реализуются звуками [а—о—э—ы—у]. После мягких (тем более — между мягкими) артикуляция этих гласных сдвинута кпереди. Например, вместо [ы] произносится [и], вместо [а]—[а̀] или (между мягкими) [ӓ].

В первом предударном слоге после твердых согласных набор возможных гласных меньше — их всего три: [а, ы, у]: *трава* и *вода* (с [а] предударным) — *бывать — суров*. Фонемы — /а—и—у/.

Во всех остальных безударных слогах после твердых согласных возможен такой набор гласных: [ъ—ы—у]: *выгнал, выбыл, выдул*. Фонемы — /а—и—у/.

После мягких согласных во всех безударных слогах возможен гласный [у]: *любить, лютовать, колют*. Возможен и гласный [и]: *пилить, питьевой, вылить*. Фонемы — /и—у/.

В этой позиции минимальный набор фонем.

Если набор фонем в разных позициях различен, то и набор различительных признаков у них различен. Когда фонем пять, то /и/ должна отличаться и от /у/ (поэтому имеет признак "нелабиализованная", или, по-другому, бемольная) и от /э/ (поэтому имеет признак "диффузная"; /э/ — компактная). Следовательно, в ударной позиции гласной синтагмо-фонеме принадлежат два признака.

Если фонем в данной позиции, в безударном слоге после мягкого согласного, всего две, то для противопоставления фонемы /и/ ее напарнику — /у/ — достаточно учитывать один признак: "нелабиализованность".

Итак, и в алой, и в оранжевой системе произносят *т*[и]*ни́, н*[и]*си́, л*[и]*чи́, п*[и]*ли́, вы́т*[и]*ни, вы́н*[и]*си, вы́л*[и]*чи, вы́л*[и]*ли...*

Но в оранжевой системе есть разновидность произношения гласных в этой позиции. В отличие от описанного и́кающего произношения существует экающее произношение. По этой норме произносят: *т*[э^{и}]*ни́, н*[э^{и}]*си́, л*[э^{и}]*чи́,* но *п*[и]*ли́*. То есть в предударном слоге после мягких различают: [и] (диффузный) и [э^{и}], "*и* склонное к *э*", т.е. гласный передне-среднего ряда, верхне-среднего подъема (компактный). В этом случае в позиции после мягкого согласного в первом предударном слоге возможны три гласные фонемы: /э—и—у/.

[33] *Гловинская М.Я.* Написание двойных согласных в заимствованных словах // Проблемы современного русского правописания. М., 1964.

Сейчас такое произношение в Москве вообще большая редкость, чаще встречается в Ленинграде (среди представителей оранжевой системы), но и там не слишком часто. Непоследовательно она сохраняется и в театре.

Парадигматика при чередовании ударных и безударных гласных будет рассмотрена в следующей главе.

Важные процессы протекают в произношении гласных после твердых шипящих [ш, ж] в первом предударном слоге.

Синтагматика. В оранжевой системе здесь возможны два гласных:

во-первых, [ыᵌ] (*"ы, склонное к э"*). Примеры: *ш*[ыᵌ]*ры, ш*[ыᵌ]*гать, ж*[ыᵌ]*ра, чуж*[ыᵌ]*ка*, а также: *ж*[ыᵌ]*лтеть, ш*[ыᵌ]*сты;*

во-вторых, гласный [у]: *шуты, жуки...*

В алой системе не два, а три гласных:

во-первых, [а]. Примеры: *ш*[а]*ры, ш*[а]*гать, ж*[а]*ра, чуж*[а]*ка...*

во-вторых, [ыᵌ], в словах: *ш*[ыᵌ]*сты, ж*[ыᵌ]*лтеть...*

в-третьих, [у]: *шуты, журавль...*

Мы встретились со случаем, когда система более молодая дает приращение числа гласных в определенной позиции. Вопреки закону Бодуэна де Куртенэ! Причины этого "антибодуэнства" удастся, может быть, выяснить в связи с более общим взглядом на русский вокализм (см. дальше).

Парадигматика. В описанных фактах есть важные стороны, которые синтагматика не схватывает. Чередования фонем <а>, <о>, <э> в оранжевой системе такие:

Под ударением после [ш], [ж]	В первом предударном слоге после [ш], [ж]
[á], [ó], [э́]	[ыᵌ]

Примеры: *шаг — ш*[ыᵌ]*ги, жар — ж*[ыᵌ]*ра, шёлк — ш*[ыᵌ]*лка, жёлтый — ж*[ыᵌ]*лтеть, шест — ш*[ыᵌ]*сты, жердь — ж*[ыᵌ]*рдей.*

Чередование у тех же фонем <а>, <о>, <э> в алой системе:

1) Под ударением после [ш], [ж]	В первом предударном слоге после [ш], [ж]
[á]	[а]
2) Под ударением после [ш], [ж]	В первом предударном слоге после [ш], [ж]
[ó], [э́]	[ыᵌ]

Фонемы <а>, <о>, <э> в безударных слогах в оранжевой системе реализуются одинаково, в алой же для <а> реализация не та, что для <о>, <э>.

Смысл движения, может быть, в том, чтобы после [ш, ж] реализовать парадигмо-фонему <а> так же, как после других твердых согласных. Выравнивание системы?

В заударных слогах, относящихся к флексии, нужен особый учет гласных.

Синтагматика. В этих слогах мягкие согласные допускают после

себя [ъ]: *во*[л'ъ], *вре*[м'ъ], *донель*[з'ъ]; *они хо*[д'ът], *ды*[н'ъм] и проч. Но в этих же позициях может быть и [ь][34]: *дворя*[н'ь], *он хо*[д'ът], *кам*[н'ьм].

В безударных слогах, не относящихся к флексии, здесь возможен только [ь]: *вы*[н'ь]*с, делить на́* [п'ьт'], *гли*[н'ь]*ный* (ср. *песчаный*) и т.д.

Парадигматика. Следует отметить поведение <а> и <о> в последнем открытом заударном слоге: обе фонемы реализуются гласным [ъ]: *поле*=<пол'о>, *поля*=<пол'а>, *видя*=<в'ид'а> — все такие формы заканчиваются звуком [ъ]. Фонемы <а>, <о> нейтрализованы, как и всегда в безударных слогах. Только нейтрализованы они не в звуке [ь], а в звуке [ъ].

Другое отличие: нейтрализованы только две фонемы: <а>, <о>; в других безударных позициях после мягких согласных слились в одном реализаторе не две, а четыре фонемы. Здесь же <а>, <о> противопоставлены фонемам <э>, <и>.

Во флексиях, в последнем заударном слоге, если предшествующий согласный мягкий, а последующий — твердый, фонема <а> реализуется звуком [ъ], фонема <о> — звуком [ь][35]. Примеры: *ды*[н'ъм], *о ды*[н'ъх] (ср. *коням, конях*), но *под ка́м*[н'ьм] (ср. *огнем*).

Здесь обнаруживается "своеобразное оканье" — различение <а> и <о> в одной фонетической позиции[36].

Нет случаев, где бы в одной позиции одна и та же фонема (!) реализовалась в одних грамматических формах звуком [ъ], в других — звуком [ь]. А это и значит, что распределение [ъ — ь] в заударных слогах, принадлежащих флексии, определяется только фонетическими законами. Если бы; определяя позицию, приходилось говорить: фонема реализуется у глаголов так-то, а у существительных — по-другому, тогда пришлось бы признать, что грамматическая аналогия врывается в фонетику. Что явление фонетическое перекочевывает в область морфонологии. Для середины XX в. это не так.

В современном русском языке вокальные слабее консонантных — не физически, а функционально: они могут, в заударной части, в закрытом слоге, рассматриваться только как помощники консонантных, их фиксаторы, как прокладочный материал между консонантными.

Эта же тенденция проявляется и в судьбе заударного [ы] (не в открытом конечном слоге). Слова *выжал—выжил* в произношении не различаются, а если уж очень необходимо, то говорящим приходится явно утрировать, искусственно прояснять заударные гласные. Звук [ы] норовит превратиться в [ъ].

Маленькие литературно говорящие москвичи, школьники 5—7-х классов, не смущаясь, пишут: *выбол* (=*выбыл*), *пробал* (=*пробыл*), *выпрогнули* (=*выпрыгнули*), *белай* (=*белый*); с другой стороны: *вырыс* (=*вырос*), *запых* (=*запах*), *замыраски* (=*заморозки*) и др.

---

[34] [ь] — гласный переднего ряда, средне-верхнего подъема, сильно редуцированный.

[35] См.: *Кузьмина С.М.* О фонетике заударных флексий // Развитие фонетики современного русского языка.

[36] Там же.

Поэтому блоковский стих:

И нежный — нежной жал он руку... —

сейчас нелегко произнести естественно и притом произносительно разграничить героев. (В эпоху Блока были иные орфоэпические навыки и возможности.)

Если [ы] в заударном положении (в закрытом слоге) действительно превратится в [ъ], то и в этой позиции произойдет сокращение числа возможных фонем до двух: [ъ, у]=<а, у>. То же, что после мягких согласных. Выравнивание системы...

Диезные—недиезные

Синтагматика. Синтагмо-фонемы /а—о—э—у/, когда рядом с ними нет мягких согласных, реализуются под ударением так: [а—о—э—у]. Если с одной стороны к ним примыкает мягкий согласный, то артикуляция становится слегка более передней: [а̇—о̇—э̇—у̇]. Если ударные гласные с обеих сторон соприкасаются с мягкими согласными, то продвижение кпереди более сильное: [ӓ—ӧ—ӭ—ӱ].

Иначе говоря, рядом с диезными ("повышенными" по тону) согласными становятся диезными и гласные. Пример: *по*[сат]*ка,* [с'а̇д]*у,* *по*[са̇д']*ит,* [с'ӓт']=*сядь*! Притом гласные непереднего ряда артикуляционно сдвигаются главным образом кпереди и слегка кверху, т.е. становятся более закрытыми; артикуляция [э] приобретает более закрытый характер.

Пауза на [а—о—э—у] действует так же, как твердый согласный.

Парадигматика. Закон чередования таков:

Не рядом с диезным	Между диезным и недиезным	Между двумя диезными
а	а̇	ӓ

Здесь а̇ — гласный, но сдвинутый кпереди; ӓ — сильно сдвинутый кпереди.

Если <j> поглощается следующим безударным гласным, то сам гласный сильно сдвигается кпереди:

Не рядом с нулизованной <j>	Рядом с <j>, доведенной до нуля
а, у	ӓ, ӱ

Другое дело синтагмо-фонема /и/. Она ведет себя по-своему: после паузы она реализуется так же, как после мягкого согласного; ср.: *иск — тискать, ил — вилы.* Не мягкие заставляют артикуляцию стать более передней (как у фонем /а—о—э—у/), а, напротив, твердый согласный сдвигает ее "кзади": произносится [ы].

Итак, после твердых согласных — [ы], не после твердых [и]. Это две разновидности одной и той же синтагмо-фонемы /и/.

Синтагматическое основание для такого вывода: эти звуки имеют одну и ту же функциональную характеристику; они гласные (т.е. вокальные, неконсонантные), диффузные, небемольные. Никак их нельзя не объединить в одну синтагматическую функциональную единицу.

Парадигматическое основание: [ы] — [и] всегда находятся в условиях позиционного чередования[37]. Вот так:

После твердых согласных	Не после твердых согласных
[ы]	[и]

Примеры: *ищет — подыскивает, искра — с* [ы]*скрами* и т.д. Следовательно, [и]/[ы] составляют одну парадигмо-фонему <и>.

Некоторые факты говорят, что положение когда-нибудь может измениться (для системы, которая будет после алой): [и] появится в тех же позициях, где сейчас возможен только гласный [ы]. Во фразеологизме *поставить все точки над і* часто (может быть, даже обычно) произносится: *точки* [нади́]. В аббревиатурах типа *РСМ* [эрэ́с эми́] тоже гласный [и] идет после твердого согласного. В перечислении букв: *м* и *т*=[э́митэ́] тоже — без паузы! — после твердого согласного может произноситься [и].

Все это, однако, непоказательные примеры. Везде у нас [и] следует после твердого на стыке служебного слова и названия буквы. Внутри морфемы сочетание "твердый согласный + [и]" невозможно. Появись такие устойчивые сочетания внутри морфемы, победила бы тенденция к увеличению симметрии системы: ведь все гласные, встречающиеся после паузы, могут находиться и после твердых согласных, и только [и] идет наперекор этому правилу.

Пока еще далеко до появления таких внутриморфемных сочетаний.

ФОНЕТИКА ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

В XX в., несомненно, существует особая фонетическая система заимствованных слов. В термине "заимствованные слова" мы видим часто синхронное содержание: это слова, связанные с импортом вещей или идей. У них, значит, семантическая особенность: в значении этих слов есть указание на пришлый характер вещи или межнациональный характер понятия (научного, политического, культурного).

XX век усилил обмен вещами и идеями; и хотя "почвенники" по-прежнему существуют, но требования их стали скромнее: чтобы другие не пользовались импортом. Для себя же импорт они считают благотворным.

Усиленный обмен, конечно, затушевывает границы между своими и чужими, и это отражается в языке. Легко *лавсан* счесть заимствованным словом, а *космос* — исконно русским. Число фонетических особенностей, характерных для группы заимствованных слов, невелико, и у младшего поколения меньше, чем у старшего.

Только у интеллигенции, речевые навыки которой формировались еще до 20-х годов нашего века, можно встретить в заимствованиях гласные [ă], [ĕ], [œ], [ʌ], [ǖ]. Притом не только в книжном стиле, но и в самом разговорном:

— *Ну,* [ĕ]*терьер очень славный, мне нравится.*

— *Портф*[œj]*чик возьму и — на службу.*

[37] Речь идет о лексике общеупотребительной, не о терминологии (в том числе — не о названиях букв), не о топонимах и проч.

— *Где мой портф*[œj]?

— *Из б*[ü]*ро принесли перепечатать.*

Даже для оранжевой системы это не типично, скорее — каприз, индивидуальное чудачество.

Гласный [о] в безударных слогах полнозначных слов обязателен в очень немногих словах (например, *б*[о]*а;* самое слово ушло из бытовой речи и известно большинству из "Евгения Онегина"); ср. еще: *рококо, реноме, ноктюрн, трио.* Часто говорят: *п*[о]*эт, п*[о]*эзия,* но и это не обязательно.

Пожалуй, только слово *радио* настойчиво протекционирует безударному [о]. Но и у него уже есть обычные замены в литературной речи: говорят *ради*[â], *ради*[ъо][38], *ради*[ъ]. И хотя все знают, что его изобрел А.Н. Попов, но интернациональный характер объекта называния (радиовещания) определяет самое слово как интернационализм — отсюда устойчивость и его своеобычной фонетики.

Ни в одном слове не обязательно произношение [э] безударного; и вообще он встречается как примета заимствованных слов, редко.

Никаких привозных согласных в современных русских словах алая система не имеет. Иногда они мелькают в оранжевой системе, но как индивидуальные, сравнительно редкие особенности произношения. Встречаются, например, [h] в слове *габитус*, но само-то слово редко встречается. В словах *бухгалтер, бюстгальтер* в оранжевой системе остается типичным [h], а в алой, наверное, уже нет.

"Исчезло [l] среднее, или европейское. По свидетельству Е.Д. Поливанова, употребление [l] было обязательно в названии музыкальной ноты la. Теперь и в названии ноты звучит [л'] мягкое"[39]. И это у той рафинированной части носителей литературного языка, которую изучала Гловинская! Что уж тут говорить...

Осталась одна очень распространенная примета заимствованных слов: перед [э] произносятся твердые согласные. Эта особенность характерна для многих слов: *мо*[дэ]*льные туфли, о*[тэ]*ль, э*[нэ]*ргия* (*Ему энергии не занимать, очень деловой человек*), *про*[тэ]*кция, па*[нэ]*ль* и др. Примета обессилена именно тем, что слов таких много и многие из них уже стали бытовыми; импортный характер объекта называния утрачен. И, кроме того, появились аббревиатуры, явно местные, с такой же фонетической приметой (*ГЭС,* нэп). Так что примета заимствования хотя и распространенная, но не яркая.

Тусклой стала и такая примета: [к', г', х'] перед гласными непереднего ряда [а, о, у]. Когда-то слова *маникюр, кювет, гюрза* несли в себе фонетическое указание на заимствованность. Теперь сочетание "[к']+гласный [о] или [у], или [а]" стало встречаться и в русских словах. *Кюре* понимаем как заимствование, но по значению, а не по фонетике.

---

[38] Лабиализованный [ъ], гласный среднего ряда среднего подъема.

[39] *Гловинская М.Я.* Об одной фонетической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М., 1971. С. 20—32.

В оранжевой системе знаки заимствования представлены шире, чем в алой, но и они все же невыразительные.

В речи интеллигенции (именно она главный, хотя и не единственный, хозяин литературного языка) характерны иноязычные инкрустации. В речь вставляются французские, немецкие, английские слова, словосочетания, предложения, сохраняющие свою исконную нерусскую фонетику. У носителей алой системы это бывает очень редко, хотя иностранные слова некоторые из них знают в большом количестве (а у иных есть даже свой экземпляр словаря Бабкина). У "оранжевых" носителей русского языка это случается чаще[40].

Сейчас усвоение иноземных слов идет почти исключительно через газету (радио тоже исходит из газетного текста).

Что же оказалось более прочным в системе заимствованных слов? То есть: какие черты иноязычной фонетики не устраняются из импортных лексем (независимо от того, остаются ли эти черты опознавательным признаком заимствований)? Устойчива: твердость согласных там, где она для простой лексики еще необычна.

Что показало свою непрочность в заимствованной лексике? Всякие явления вокализма: [о] и [э] без ударения, иноязычные гласные, например [œ].

То есть: устойчиво лишь то, что отвечает Бодуэнову закону.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ

История произношения должна рассмотреть и процесс появления, развития слияния друг с другом локальных разновидностей литературной речи. Или, напротив, не слияния, а все большего обособления. Нужно знать, как менялась фонетическая сторона в речи образованных ярославцев (в Ярославле — истоки русского театра), орловцев (Орел — родина многих "властителей дум" русских людей, а такие властители всячески влияют на своих современников, в том числе и своею речью, своим произношением). О многом хотелось бы знать, но сейчас придется ограничиться сопоставлением двух локальных разновидностей литературного языка — московской и ленинградской. Да и здесь много неясного.

Про ленинградское произношение написано много путаного.

И путано было с двух концов. Во-первых, смешивали произношение петербуржцев — носителей литературного языка и петербуржцев — просторечников[41]. Во-вторых, соотношение орфоэпических норм Москвы и Петербурга рисовалось в духе местного "патриотизма".

---

[40] Разговор. Б.В. Горнунг:

— Читали статью ММ? Какой blœf!

А.А. Реформатский:

— Да, blʌf несомненный.

Фонетическая инкрустация на французский и на английский манер. Ср. русифицированное у В.В. Маяковского: "Леф или блеф?"

[41] Об этом говорил С.И. Ожегов; он считал, что некоторые наблюдения В.И. Чернышева характеризуют мещанский и отчасти чиновничий говор Петербурга, а не речь интеллигенции.

Постараемся избежать этих двух уклонений от истины, старательно придерживаясь фактов.

Московскому и ленинградскому произношению традиционно приписывают такие отличия. В Москве господствует: 1) йканье: [н'исý] или [н'иᵊсý]; 2) произношение [а] в первом предударном слоге после твердых согласных: [вадá]; 3) *щ*=[ш':]: [иш':ý]; 4) конечные согласные губные в одних словах твердые, в других — мягкие: [глуп], но [гóлуп']; 5) более или менее устойчивая "ассимилятивная" мягкость согласных: *пе*[с'н']*я*, [з'д']*есь*... В Ленинграде (Петербурге) преобладают: 1) э́канье: [н'эсý] или [н'эᵎсý]; 2) произношение гласного средненижнего или среднего подъема в первом предударном слоге после твердых: [ваъдá] или [въдá]; 3) *щ*=[ш'ч']: *и*[ш'ч']*у*; 4) конечные губные — только твердые: [гóлуп]; 5) отсутствие "ассимилятивной" мягкости согласных в тех случаях, когда она обладает устойчивостью в московском произношении: пе[сн']*я*, [зд']*есь*. Ленинградскому произношению свойственно следование букве в исполнении некоторых грамматических форм.

Так дело обстоит в алой и оранжевой системах. Однако в алой есть новшества: орфоэпические различия Москвы и Ленинграда сильно сглажены. Они потеряли свою категоричность и резкость. Широко распространилось йканье, господствующей нормой стало произношение [ш':]. Осталась одна достаточно резкая ленинградская (петербургская) черта: несклонность к "ассимиляции" по мягкости. Но в этом отношении Москва постепенно (медленно-медленно) приближается к Ленинграду.

Таким образом, все совершается по закону Бодуэна де Куртенэ: побеждает московское йканье (количество гласных в определенной позиции уменьшается), побеждает "несмягчение" согласных, т.е. превращение слабых позиций (по твердости—мягкости) в сильные, где есть выбор между этими контрастными качествами. Слыша *пе*[сн']*я*, мы, увы, смотрим в свое орфоэпическое будущее.

Вопрос о ленинградской (петербургской) норме произношения хорошо освещен в литературе (см. работы В.И. Чернышева, С.К. Боянуса, Л.В. Щербы, А.С. Еремина и И.А. Фалева и др.). Желтая—оранжевая система прекрасно представлена в речи Н.К. Крупской; она запечатлена на пластинках с выступлениями Надежды Константиновны. Это — классика петербургской—ленинградской орфоэпии. Алая система хорошо отражена в речи Ольги Берггольц; есть пластинки с выразительными записями ее стихов в авторском исполнении[42].

ВЛИЯНИЕ ДИАЛЕКТОВ

Те, кто говорит диалектно, стали стыдиться своей речи. И раньше, бывало, стыдились, если попадали в городскую, недиалектную среду. Сейчас и в своей семье старшие слышат от младших, что они, стар-

[42] Для характеристики современного состояния ленинградской нормы особенно существенны наблюдения, описанные в работе: *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Ленинградское [ш'ч'] // Развитие фонетики современного русского литературного языка: Фонологические подсистемы. М., 1971.

шие, говорят "неправильно", "некультурно". Голос лингвистов, советующих сохранять уважение к диалекту и использовать местную речь в семье, среди односельчан (а в иных условиях пользоваться речью, которой учит школа), — этот голос не был услышан. Да и звучал он тихо, не широковещательно.

При таких условиях, конечно, значительное влияние диалектной речи на литературную исключено. Но отдельные черты встречаются часто. С севера идет в литературную речь оканье, с юга — произношение щелевого [γ]. Эти черты известны всем по речам литераторов и общественных деятелей: радио делает эти диалектизмы всесоюзно слышными. Сравним, насколько свободна от фонетических диалектизмов речь артистов и поэтов, читающих стихи. И то, и другое в жанровом отношении[43] тождественно: поэтическая речь, исполняемая для большой аудитории. У профессиональных артистов (московских и ленинградских театров) фонетические диалектизмы полностью исключены.

Напротив, у поэтов Москвы и Ленинграда диалектные черты в произношении не редкость. Южнорусские произносительные диалектизмы встречаются в речи Н. Асеева, А. Твардовского, М. Исаковского, И. Сельвинского, С. Щипачева, Э. Багрицкого, С. Кирсанова[44]. Севернорусские произносительные диалектизмы не чужды речи А. Прокофьева, Д. Яшина.

В прежние периоды развития литературного языка (конец XIX — начало XX в.) казалось возможным появление его локальных городских вариантов. Если вся интеллигенция Архангельска, или Вологды, или Ярославля окает, то, очевидно, можно говорить, что есть особые местные разновидности культурной речи.

Но сейчас, пожалуй, этой возможности нет. Не вся интеллигенция в Вологде окает, в Курске не вся придерживается произношения с [γ]. В речи гуманитарной интеллигенции — у большинства городских учителей, у артистов, дикторов, преподавателей вузов — диалектных черт в произношении нет или они проявляются только спорадически.

Поэтому сложение целостных локальных подсистем русского литературного языка маловероятно.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ

В этой книге было бы неуместно анализировать поэтическое творчество или театральную игру в их собственно эстетических моментах. Наша задача иная: понаблюдать, как в искусстве использовалась звучащая речь, что́ понадобилось поэтам и артистам.

В 20—30-е годы можно заметить две тенденции:

1. Словесное произведение искусства строится на энергичной деятельности согласных. Их активность подчеркивается и торжественно провозглашается:

[43] Мы говорим о речевом жанре.

[44] У И. Сельвинского, Э. Багрицкого и С. Кирсанова — не диалектизмы в узком смысле слова, а следы южнорусского городского арго.

Есть еще хорошие буквы:
Эр,
ша,
ща!

В. Маяковский

Поэт избрал напряженные, несущие энергию согласные.

Консонанты играют первую роль в стихах В. Маяковского, Н. Асеева, В. Каменского, Д. Петровского, С. Кирсанова. Консонантен стих молодого Б. Пастернака:

Увалы хищной тишины,
Шатанье сумерек нетрезвых, —
Но льдин ножи обнажены,
И стук стоит зеленых лезвий.
Немолчный, алчный, скучный хрип,
Тоскливый лязг и стук ножовый,
И сталкивающихся глыб
Скрежещущие пережёвы.

На эстетике согласных строится стих П. Антокольского, В. Луговского, Н. Тихонова. Согласные взаимодействуют с общим звуковым контекстом, подчиняя его себе. Сценическая речь тоже может отдавать предпочтение консонантной стихии языка (театр Вахтангова, театр Мейерхольда, сценические эксперименты И. Терентьева).

Эта любовь к консонантной энергии переплескивается и в массовое искусство (в "масс-культуру"): для агитколлективов журнал "Синяя блуза" (М., 1924. Вып. 2. С. 23) предлагает такой текст:

Слушайте чечеточный мой звук вы,
Я отчеканиваю буквы.
Чи, чу, чи, ча...
Заменить их сгоряча
Чем?
"Ч" у нас как символ прозвучало,
"Ч" в середине, "ч" сначала,
"Ч" концовка к слову клич
и последнее в Ильич.
"Ч"!
"Ч" буква боевая, чистокровная:
Чичерин и червонец, чека и чистка,
И чечеточка — чечечистка...

2. Другая тенденция — уравновесить вокальный и консонантный элемент, дать их в выразительном пластическом единстве (поэты-акмеисты, Камерный театр). Такой стих, такая речь создают особый звуковой мир: напряженно и непрестанно изменчивый, но притом слитный и целостный.

Динамизм господствует и в той, и в другой тенденции, но в одном случае — динамизм звуков, вырывающихся из ряда, а в другом — динамизм пластически-уравновешенных частей слога и такта.

В 30-е годы и позднее постепенно падает культура звука в словесных искусствах. Идет "борьба против формализма". Господствует непременное мнение: форма в искусстве — очень важная второстепенная сторона. Творческое внимание к звуковой ткани произведения, к звуковым повторам считается проступком.

Диалог поэта с редактором:

«— Отлично у вас в поэме: „Не марево здесь будет — море"... Но зачем вам, с позволения сказать, эти нарочитые *м* и *р* — *марево, море?*.. Подумаем, чем заменить *марево*... Скажем: *мираж* и *море*, нет, не скажем: опять *м* и *р*. Скажем: *фата моргана* и *море*... ей-богу, мистика: опять *м* и *р*... Давайте выкинем и *море*...

— Нет, не согласен, товарищ редактор. Помните, у Пушкина:

Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой...

— Как не помнить, но все это шалости XIX столетия.

Не слишком ли долго, страшась формализма, старались мы раздеть стих, пустить его голеньким в мир, лишить стих того, что подсказано языком»?[45]

Внимание к звуку все же могло быть оправданно — путем его прямой идеологизации. Так, писали (и это вошло в методические рекомендации для школы), что строка:

Широка страна моя родная... —

особенно выразительна потому, что везде под ударением широкая гласная *а*. Читая эту строку, мы наглядно показываем, до чего у нас страна широка — путем широкого разевания рта.

В это время падает и само живое исполнение стиха. Традиции В. Маяковского, С. Есенина, В. Яхонтова, традиции массового внимания к звучащему стиху забываются. "Потеряна культура звука, — говорил в 50-е годы А. Крученых. — Как мы тогда читали свои стихи, нынче никто не умеет. Мы своим чтением показывали конструкцию звука нашей поэзии. Ощущался контраст бытовой речи и новой поэтической"[46].

В 40—50-е годы появляется в поэзии и обнаруживает жизненность третья тенденция, она скрашивает звуковое безвременье в искусстве слова. "Выпячивать" звуковую сторону нельзя (т.е. нельзя использовать слово в его полноценности, в его полновесности, когда активны и его звучание, и его смысловая сторона). А что можно? Представить в стихе русскую фонетику во всем ее разнообразии. Поставить целью не звуковой отбор, а звуковую полноту. Дать в стихе все цветущее изобилие звуков. Это стремление нашло полноценное выражение, пожалуй, только в поэзии А. Твардовского":

Девчонка стоит у колодца,
Она обернется, я знаю,
И через плечо улыбнется,
Гребенку свою поправляя.
Другая мне девушка снится,
Но я не боюсь порицанья;
Спасибо и вам, озорница,
За ваше вниманье...

---

[45] *Ушаков Н.Н.* Узнаю тебя, жизнь! Киев, 1958. С. 25.
[46] Сов. культура. 1989. 4 апр.

В 60-е годы выступило новое поколение поэтов, и с ними вернулось в наше искусство внимание к слову как к звуковой и смысловой эстетической целостности: именно внимание к звуку, к его выразительным возможностям неприятно поразило старших современников новой плеяды поэтов. При этом важно было не только возрождение традиций, сильно заявленных в 20-е годы, но и приращение этих традиций (произведения А. Вознесенского, Ю. Мориц, Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, В. Сосноры, Б. Окуджавы, С. Евсеевой). В творчестве этих поэтов соединились: внимание к силе и экспрессии согласных и стремление пластически их включать в текст, в общую звуковую ткань произведения. Если поэзия "прежних" поэтов (пристрастных к стихии согласных) вызывала представление о графике, то "новые" поэты скорее заставляют вспомнить о живописи.

Воскресла и культура принародного чтения стихов поэтами. Поэтому шло в ход название этой поэзии — "эстрадная".

В театре разрушение внимания к звуку и в 30-е годы, и позднее было очень сильным. Отказ от культа звука привел к отказу от культуры сценической речи. Главное, чтоб было естественно! Главное, чтоб на сцене была жизнь духа! Но ее не может быть, если в пренебрежении звук.

В 60-е годы театр пережил определенное возрождение, но звук остался на задворках.

Своей укромной и напряженной жизнью жила в это время художественная проза. В отличие от беллетристики, она тоже не была равнодушна к особенностям слова, к его звуковой стороне ("ритм прозы"). Здесь тенденции развития скрытны, подспудны, и мы на них останавливаться не будем.

В чем же лингвистическая мораль нашего краткого обзора? В том, что художественная речь развивается по своим внутренним законам и в значительной степени свободна от общеязыковых устремлений. В языке — активная работа закона Бодуэна де Куртенэ, усиление его консонантной связи. В художественной речи сосуществуют разные тенденции: и опора на согласные, и стремление к равновесию консонантных и вокальных элементов. Вспомним, что ранние символисты были приверженцами гласной стихии языка. (А закон Бодуэна работал и тогда.)

Значение художественной речи для общеязыкового развития в том, что она преодолевает однолинейность этого развития, многообразно реализует возможности языка.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В.Н. Яхонтов
А.А. Реформатский
М.А. Реформатская
А.А. Вознесенский

Обоснование выбора. В.Н. Яхонтов и А.А. Реформатский представляют оранжевую систему, М.А. Реформатская, А.А. Вознесенский — алую.

Важна театральная речь (В.Н. Яхонтов). Но в наше время все бóльшую роль играют жанры научной информации, необходимо представить и эту речь; портретировать надо ученых (Реформатские).

В последнее время общественное внимание привлечено к совершенно особому жанру сценической речи. Поэты читают свои стихи, собирая большие аудитории, очень живо воспринимающие "звучащую поэзию" (пошло в ход и стало уже штампом такое выражение). Пластинки со стихами в исполнении авторов расходятся огромными тиражами. Это объясняет, почему нужен был фонетический портрет А.А. Вознесенского.

Особая проблема, очень важная в нашу эпоху, — это проблема орфоэпической преемственности поколений. В какой степени сохраняются, не разрушены культурные традиции русского произношения? Ведь пророчили их "самоликвидацию", и многие радовались этому. Сопоставление речи А.А. Реформатского и М.А. Реформатской позволяет сделать несколько оптимистических выводов на этот счет.

В.Н. Яхонтов

Яхонтов читает "Заклинание" Пушкина:

ō jэс$^{л'}$ипрáвдъ штôвнач'й|
кагда пакôнуцъ жывы́и|
ис'н'э́бъ лу́ны́и луч'й|
скал'э'а́т нака́мн'и гръблвы́и|
о jэс'л'ипрáвдъ штотагда́|
пус't'э́jут т'йх'ии маг'и́лы|
jат'э́н' завý| jаждý л'э^{и}йлы|
камн'э́ мо́ндру́к| суда́| суда|
jи^{э}ви́[с] ваз·л'у́бл'ьнъиъ т'эн'|
къ^{а}к тыбыла́ п'ър'ьдразлу́къи|
бл'и^{э}дна́| хладна́ кагз·и́мн'ьи д'эн'|
искъжы^{э}на́ пас'лэ́дн'ьи му́къи|
jи^{э}ви́с къ^{а}гда́л'нъиа зв'и^{э}зда́|
къ^{а}кл'о́хкъи звук| ил'дунав'э́н'jъ
ил' къ^{а}кужа́снъа в'и^{э}д'э́н'jъ
мн'эфс'о́ равно́| суда́| суда́|
завý т'и^{э}б'а́| н'и^{э}дл'ътаво́
штопукар'а́т'| л'уд'э́и| ч'jазло́бъ|
уб'и́лъ дру́гъ мъиво́|
ил'штопизв'э́дът' та́эны гро́ба|
н'и^{э}дл'ътаво́ штоинагда́[47]
самн'э́н'jъм му́ч'ус·| нотаску́jа|
хачý сказа́т' штофс'о́ люблу́jа|
штофс'о́ jатво́и| суда́| суда́|.

Если при чтении стихов осуществляется особый высокий стиль произнесения[48], то изучать его надо именно у Яхонтова. Взволнованность и благородная сдержанность, глубокое чувство стиха, умение его читать с величайшей естественностью, но и совсем не в духе бытовой непринужденности — все это у Яхонтова сочетается с удивительной артистичностью, эмоциональной напряженностью, яркостью. У него-то и искать высокого орфоэпического стиля.

Прежде всего об эканье. Ведь всюду говорится: [л'эса́], [п'эт'и́] — высокий стиль. И факты подтверждают такое мнение. Но у Яхонтова эканья нет; чтец не отделен стеклянной стеной от слушателей. Когда играют "Вишневый сад", то стена отделяет; точка зрения тех, кто слушает пьесу: это у них т а м все происходит. Когда на сцене чтец, то "там" относится к персонажам его рассказа, а рассказчик-то здесь, с нами, со зрителями. И Яхонтов, тонко чувствуя особенности сценического жанра, им избранного, не хотел, видимо, в своих речевых привычках противопоставлять себя зрительному залу. Зал-то — и́кальщики.

Впечатление торжественности создается более тонким путем: избранием формы и́канья. Не явное [и] и, конечно, не [э]. Кажется неверным изображать этот звук знаками [э^{и}] или [и^{э}]. Не [и], склонное к [э], а $\frac{и+э}{2}$, полное равновесие э-образного и *и*-образного качества в гласном. Слишком ясный оттенок [э] — выспренность? Вот и нет э-образного оттенка. Очень явная артикуляция типа [и] — сниженность, бытовизм? Нет оттенка, явно смахивающего на [и]. Полное равновесие двух чаш: это [и], которое в то же время [э]. Мы все же избрали знак [и^{э}] по соображениям фонологическим: ведь таким знаком обозначается звук, в котором совпадают <и> — <э> (такое совпадение и есть и́канье).

Соответствует этому и тип предударного [а]: произносится настоящее, хорошее [а], но не слишком открытого типа, не навязчиво-панибратское, откровенно бесцеремонное, каким часто бывает в бытовой болтовне.

Наставления по декламации стихов требуют, чтоб всюду выискивались логические ударения. Иногда, правда, признается, что в пушкинском *Я помню чудное мгновенье* выделение любого слова было бы неуместным. Оговорка касается некоторых случаев. У Яхонтова — всё "некоторый случай", т.е. он легко отказывается от обычного актерского нажима на слова особенно значительные. Его сдержанное чтение стиха не напирает на слова, а создает, напротив, равенство ударений. Некоторые из них усилены удлинением — не из-за семантического веса, а ритмически: они (см. транскрипцию) усиливают 4-й и 8-й слоги в стихе. Отступление от такого расположения становится экспрессивной краской, сигналом сдержанного (не значит: слабого) волнения. См. строки 8, 11, 12. Иногда такое растяжение слога — почти незаметное, легчайшее, Яхонтов никогда себя не навязывал слушателю — заменяется паузой (строки-стихи 14, 16, 22, 24).

[48] *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение...

Но строгая выравненность ударений (т.е. тактов, раз уж каждый такт характеризуется ударением) — не мертвый обязательный прием, не произносительная догма. В письме Онегина к Татьяне он, наоборот, резко выделяет такты:

1 2 1 2
Предвижу все: вас оскорбит
1 2 2
Печальной тайны объясненье.
1 3 1
Какое горькое презренье
1 3 1
Ваш гордый взгляд изобразит!
3 1 3 2
Чего хочу? с какою целью
1 3 1 1
Открою душу вам свою?
1 3 2
Какому злобному веселью,
1 2 1
Быть может, повод подаю!
2 1 1 1
Случайно вас когда-то встретя,
1 3 1
В вас искру нежности заметя,
1 3
Я ей поверить не посмел:
1 1 3 2
Привычке милой не дал ходу;
1 3 2
Свою постылую свободу
1 1
Я потерять не захотел...
3 2 3 2
Чужой для всех, ничем не связан,
1 3 1
Я думал: вольность и покой
3 1 3 2
Замена счастью. Боже мой!
2 1 3 3 2
Как я ошибся, как наказан.
2 1 1 1
Нет, поминутно видеть вас,
1 2 3
Повсюду следовать за вами,
1 2 1 3
Улыбку уст, движенье глаз
3 3 3
Ловить влюбленными глазами,
3 2 3
Внимать вам долго, понимать
2 1 2
Душой все ваше совершенство,

1 3 3
Пред вами в муках замирать,
3 3 2 2
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!..
1 1 1 1
Я знаю: век уж мой измерен;
1 1 2 1
Но чтоб продлилась жизнь моя,
2 1 1 1
Я утром должен быть уверен,
1 2 1 1
Что с вами днем увижусь я...

Ступенчатость ударности сопровождается и паузами разной глубины. Например, соседство тактов 3+3 требует значительной ("явной") паузы между ними.

Почему же, несмотря на подлинность и силу эмоции, слово у Яхонтова всегда чувствуется как слово художественно выверенное, эстетически конструированное; эмоция не взята "сырьем", а преображена по законам искусства? Яхонтов, по своему стилю, глубоко конструктивен[49]. Темперирована его эмоция; темперирована ударность тактов (явно трехступенчатая; у нас отмечена тремя разными цифрами, см. выше), организована их последовательность. Характерно построение типа 1 3 2 (варианты: 1 3 3 2, 2 3 2 и др.). Это падение силы[50] в конце строфы, главы, всего текста — частный случай построения 1 3 2; в конце куска текста обычно падение усилено: ...3 1; или: ...3 1/2[51].

Для Яхонтова характерно: отказ от игры на звуке; все, что относится к выразительно-артистической стороне чтения, перенесено в суперсегментность: в интонацию, соотношение ударений, длительность гласных, паузировку, изменение тембра фразы.

С этим последним (неуловимым для современных фонетистов) связана передача иронии, подавленности, горести, волнения и т.д. Яхонтов читает сцену из "Онегина":

Так видно небом суждено.
Полюбите вы снова! но!
Учитесь властвовать собою...

До этого текст был окрашен в тона лирического волнения и участия (голос может передавать, используя какие-то суперсегменты, участие). Стих *Полюбите вы снова! но!* — вводит новые краски; *но* звучит шутливо (при желании легко услышать и игривость, и

[49] Его искусство вызывает ассоциации с искусством Весниных, мастеров "Бубнового валета", Сергея Прокофьева.

[50] Речь идет о падении именно силы ударения, а не об интонации (не о движении тона во фразе).

[51] Пластинка: "Неизвестные записи Владимира Яхонтова". ГОСТ 5289-68. Д-06522. Пушкин, Лермонтов, Есенин, Грибоедов. Далее использована пластинка Д-6456. Владимир Яхонтов. Пушкин: "Певец", "Деревня", "Песня о Степане Разине", "Послание в Сибирь". Лермонтов: "На смерть Поэта". Маяковский: "Во весь голос" и др.

равнодушие); далее — тон ментора, участливость становится рассудочной. Это нужно для образа Онегина; он строится в пространстве многих измерений. И все — без влияния на чисто звуковое, сегментное построение текста. Пляттовское "высшее [öп°ш'с'ъ]" (с [п°] — лабиализованным и полумягким) — антипод стилистического принципа Яхонтова[52]. У него все осуществляется минимальными средствами, большими плоскостями звуковой выравненности, без лепнины "характерологических" гласных и согласных[53].

Именно строгое единство звукового ряда, его верность норме, не разрушаемой для выразительных целей, создает фон, на котором любое, малейшее даже, отклонение от обычной длительности, от интонации и экспираторной "середины" воспринимается как экспрессивное средство. Вся фоника выравнивается по такому требованию: не контрастировать с обыденной речью слушателей, но не быть обыденной речью слушателей. Например, почти нигде сочетание "[j]+гласный" (в заударной части слова) не заменяется сильно продвинутым вперед гласным, при отсутствии йота. Произносится *тоску*[ja], а не *тоску*[ä], или *пусте*[jy]*т*, а не *пусте*[ÿ]*т* или *возлюбленна*[jъ], а не *возлюбленна*[ä]. В бытовой речи (вообще–не в сценическо-высокой речи) господствовали бы безйотовые варианты. Но все же попадались бы и с йотом — они не отвергнуты бытовой спешащей непритязательной речью, а только редки в ней. Особенность произношения, которая почти без исключения выдерживается в речи Яхонтова, — не контраст с речью повседневности, но и не тожественна ей.

Зубные всегда мягки перед мягкими зубными, часто тверды перед мягкими губными, здесь — тесное следование ало-оранжевой системе.

Обратим внимание на фонетику флексий: слово *сомнением*, с [ъ] в заударном окончании, говорит о том, что система здесь оранжевая. Произношение флексий (с [ъ] или [ь] после мягких) трудно контролируется сознанием, ни один вариант: *сомнень*[jъм] — *сомнень*[jъм] — не режет уха слушателям, поэтому и у говорящего нет поводов остановить на нем внимание. Поэтому заударные флексии — хорошие свидетели, какая система: алая или оранжевая. Трудно их подделывать. Вероятно, и вся произносительная система Яхонтова — та, что мы называли оранжевой. Ср. в транскрипции: *по*[с'л']*едней, во*[з'л' ý]*бленная*. Но: [зв']*езда, и*[зв']*едать*, а это уже не очень показательно для оранжевой[54].

Об этом же говорит и произношение <а> после твердых

---

[52] Мы позволили себе щегольнуть современным красиво-математическим выражением: смысл тот, что образ Онегина — не плоскостной.

[53] В последних вещах Яхонтова ("Горе от ума") эта темперированность и конструктивность начинает затушевываться. Монолог Чацкого — почти Малый театр. Конечно, Яхонтов не становится Провом Садовским вторым, он по-прежнему Яхонтов, но утрата внутренней структурности в чтении чувствуется. (В это время уже не строили братья Веснины, реже выставлялся Дейнека, у Сергея Прокофьева пошла чреда "неудач".)

[54] Отступление в другую, алую, сторону: произношение (иногда [ж̄] вместо [ж']. Может быть, это оговорка?

шипящих в первом предударном слоге: *Я ш*[ы᷉]*гну через лирические томики...*

В иных случаях пробивается сквозь "оранжевость" "желтизна": *и все пове*[р᷉]*х зубов вооруженные войска;* менее резкий пример: *готовая и к сме*[р᷉]*ти и к бессме*[р]*тной славе...*[55]

Вероятно, о том же свидетельствует и гласный [ъ] в случае [дл'ъ] *того* (во втором предударном слоге; 2 раза). У более младшего поколения в этой позиции была бы скорее всего — но не обязательно — редукция до степени [ь]: [дл'ь] *него.*

Сказано о том, что: а) на произношение звуков у Яхонтова мало влияет характерологическая функция — она действует на суперсегментные величины; б) орфоэпия Яхонтова не порывает с обыденной бытовой, она — крайне экономное (по расходуемым средствам) превращение будничной речи в праздничную.

Если вы, читатель, хотите узнать сценическое произношение (именно: оранжевую систему) в его сердцевине, в его наиболее чистом выражении, не осложненном характерологическими наложениями, то изучайте яхонтовскую речь. И вам откроется, что для нее характерны: иканье[56]; [ы᷉] после [ш, ж] в первом предударном слоге (не [а]); безударный гласный [о] в очень ограниченном круге слов; заударный [ъ] после мягких согласных во флексиях (в том числе во флексии *-ем* твор. пад.); мягкие зубные перед мягкими зубными, твердые зубные перед губными мягкими; произношение [ш᷉] (не [ш'ч']): все — по оранжевой системе.

Не считать ли яхонтовскую орфоэпию нормой для современной сценической речи? Разброд ведь там стоит страшный, и это затрудняет художественное воздействие произношения; затуманено различие между характерологическим и выразительно-нейтральным. Всему этому противостоит Яхонтов.

И хорошо, что у Яхонтова оранжевая система: сценическая речь должна быть устойчивее (традиционнее) бытовой. Положительно это — ориентир в современной произносительной смуте на сцене; это — эталон сценической речи, еще не учтенный палатой мер и весов. Эталоном сценической речи может быть только эстетически полноценная речь. Яхонтовская — полноценна. Звук его голоса "производил впечатление магическое...

Сверкающий и словно ломкий высокий светлый звук его рассекал сдержанную мужественность глубоких регистров.

Он знал прелесть медленного звучания стиха, эмоциональную силу скандированного слога, тайну ниспадающих укороченных окончаний, в совершенстве владел тем, что, по аналогии с музыкой, я бы назвал фразировкой.

---

[55] Некоторые грамматические показатели тоже указывают на оранжевую систему: твердость [с] у частицы *ся, сь*; *лёг*[къ̣] *звук; -ут* в безударных флексиях глаголов II спряжения. См. транскрипцию.

[56] Экающее произношение присуще: заимствованиям и именам собственным (см. выше: *Леила*), частице *не* и иногда приставкам, и иногда — удивительно для Яхонтова! — словам с буквой *я*: [р'э]*довой* и др.

Воспроизведение на сцене характерных особенностей бытовой речи, правдоподобие повседневных интонаций, иллюстративное чтение не привлекали его. Слово интересовало Яхонтова не в житейском своем звучании, а как первоэлемент поэтической речи. Одни слова звучали у него подчеркнуто протяженно — так в музыке звучат половины и целые ноты; другие произносил также отчетливо, но пробегал их словно четверти и восьмые. Пауза значила у него столько же, сколько слово.

Основная сила, основная энергия яхонтовской речи заключалась в ее ритме — устойчивом и многообразном. Это составляло одну из важнейших особенностей его исполнения.

Это, в сущности, и позволило Яхонтову по-новому подойти к исполнению стиха и — я не боюсь слова — совершить в этой области подлинную реформу.

Попытка подвести стих под общие законы сценической речи, привычка читать стихи как психологический монолог и не могли привести к удачам. Нужно было отрешиться и от декламационной напевности, продолжавшей звучать на литературных вечерах еще в 20-х годах, и от распространенного отношения к стихам как к зарифмованной прозе.

Яхонтов нашел ключ"[57].

А.А. Реформатский

Те, кто слышал лекции Александра Александровича Реформатского, знают, насколько они своеобразны — не только по содержанию, но и по стилю. Полная раскованность — вот их стилистический девиз. Но не анархия, не разброд; раскованность такая, что каждое устремление в сторону от нейтральной речевой основы функционально оправданно и строит общий целостный речевой облик Сан Саныча. Раскованность, свобода стиля (тем не менее единого) контрапунктно сочетается со строгостью мысли, с глубиной и сложностью теоретических построений, создаваемых тут, на глазах у слушателей (по крайней мере так кажется).

В произносительной стороне лекции — та же легкость переключения из одного плана в другой. Сочетаются: отчеканивание кусков текста, терминов, неожиданных mot (до которых Александр Александрович и в лекции был большой любитель), и скороговорка дружески-непринужденной беседы (неожиданная, когда она — с кафедры), и несколько стихотворных строк из Державина, произнесенных со всеми куриозами XVIII в., и латинский анекдот, так, по-латыни, и рассказанный несколько растерявшимся студентам (с паузой после рассказа, в ожидании смеха), и демонстрация орфоэпии пения (но, конечно, без пения), и французские и "аглицкие" сентенции, и чтение отрывков из статей с типичной интонационно-орфоэпической монотонией чтения, которое тут же прерывается оживленным

[57] *Андроников И.Л.* Владимир Яхонтов // Яхонтов В.Н. Театр одного актера. М., 1958. С. 3—5.

диалогом с аудиторией (но так, что аудитория в нем участвует молча).

Вот орфоэпический диапазон лекций Реформатского! К сожалению, они не записаны. Мы располагаем только такими источниками, позволяющими судить о произношении доктора филологических наук, профессора А.А. Реформатского:

1. Текст "Антоныч", записанный в его чтении[58].
2. Ответы на "Вопросник по произношению".
3. Запись его непринужденной речи-беседы.
4. Стихи Реформатского (с рифмами).

Наконец, располагаем самим Александром Александровичем, и можно с ним обсуждать и довыяснять особенности его произношения.

Начнем с "Антоныча". Это искусственно[59] составленный текст, включающий все (вернее — едва ли не все) интересные произносительные особенности современного литературного языка. Этот текст был прочитан Реформатским; есть запись чтения. Набор фактов по этому источнику особенно полон. (Мы и будем переходить от одного источника к другому, сопоставляя их.)

И в бытовых, и в книжных словах — всюду нейтрализованы <э> — <и>, они реализуются звуком [и^{э}]: *лесник, лесной, экспедиции, очевидно, темно, решительно, разъезжаются, яснее, взялся, тяжелые* и т.д.

Эканье появляется в случае подчеркнуто посложного произношения. Примеры: [н'е — пр'э — цта — вл'а́ — jу] (контекст: *Знаю, что она охотница потанцевать, попроказничать, а как у нее дела с учением, с геологией — не представляю*); [н'и — ч'э — во́] (контекст: *За завесой дождя | ничего не видно на этом бескрайнем поле*).

И без посложного разбива, если слово выделено, подчеркнуто, то эканье возможно: *навер*[н'э^{и}]*ка,* [б'э^{и}з] *дела,* [н'э] *прав,* [jэ^{и}]*зыческий, на*[пр'э^{и}]*мик* (2 раза). Контексты: *теперь он на пенсии; ему известна вся окружающая местность чуть не на тысячу верст вокруг, а уж на 600—700 верст — это наверняка!; Скучно ему без дела, а силы-то еще есть...; Иногда яснее ясного, что Матвей неправ, а он все-таки стоит на своем; Маша заявляет, что это языческий пантеон, то есть старинные боги; Напрямик давай! Вплавь! — подзадоривает Матвей; Напрямик до нашей цели 57 верст, а в объезд — 62.* Видно, что во всех случаях эканье сопровождают логически выделенные слова.

Но экающее выделение — вещь редкая в речи А.А. Реформатского. Чаще выступает у него не высокая, а "сниженная" разговорная стихия. Редуцируются гласные до нуля, увлекая за собой иногда и "купы" согласных. Вот так: *гарцевать на своем лихом с*[к̥к]*уне; в нашей экс*[п'иц̥ц]*онной группе; экс*[п'иц̥ц]*онным бухгалтером;* [ч'ил^{ъ}э́к] *строгий и властный; все-то вре*[м'] *распевает;*

[58] Об этом тексте см.: Развитие фонетики современного русского языка...

[59] Не знаем, искусно ли?

пле[ч̄]*кой помахивает; И бомбили меня, и* [ва]*бще...; она* [ва]*бще обидчива; Маня щебечет,* [к̊к] *ни в чем не бывало.*

Надо учесть, что текст читался, а чтение враждебно разговорной фонетике; здесь же она прорывается то и дело. Разговорные орфоэпические черты характерны, как говорилось, и для лекций Реформатского. Они вообще важны для мотивировки строения его текстов. Разговорная речь не только мирится с пестротой, с текучей переменчивостью произносительных установок (на протяжении одного разговора, даже одной — но не очень короткой — реплики). Вводя фонетическую разговорность, Реформатский мотивирует, оправдывает многоликость своего фонетического стиля. Надо помнить, что в этой мотивировке есть игра: такая фонетика характерна для него в самых неразговорных жанрах. Тем-то и остра, и неожиданна разговорность у Реформатского[60].

Особые острова в потоке речи — заимствованные слова. Бытовые произносятся обычно: *гастр*[ъ]*н*[а]*мический, ге*[а]*фака, пр*[а]*фессор, к*[а]*нсервами* и проч. Но: *пан*[тэ]*он, Риг*[о]*летт*[о] (с очень подчеркнутой напряженностью — долготой [т]).

В слове *романс,* поданном явно игрово-иронически, звучит не только [о] безударное, но и носовое [ã]: *ро*[ã]*с.*

Рядом — разговорное и книжно-рафинированное. "Сшибка" стилей, иная орфоэпическая "точка зрения".

Произношение гласных в первом предударном слоге после твердых шипящих — очень приметная черта современной орфоэпии. Здесь А.А. Реформатский орфоэпически молод (и моложе своей дочери). Игра или не игра? Посмотрим: *ж*[а]*смина, вож*[а]*ком, ж*[а]*леть, ж*[а]*ра, лош*[а]*дей* и здесь же *лош*[э]*дей* (2 раза); *ж*[а]*кет, ш*[а]*рами, ш*[а]*лаш* (2 раза), *ш*[а]*гаем, ш*[а]*лашик; ш*[а]*лунья,* но к *сож*[э^{ы}]*лению.* Ох, игра. Подозрительны *лошадей, жалеть* с [а]. Надо сопоставить с непринужденной речью, с беседой. А то ведь записывалось чтение, да и текст искусственный. Все толкало к игре (и Александр Александрович очень тактично, предельно естественно сыграл этот текст. Подчеркнем: предельно естественно).

Интереснейший материал — о произношении заударных "еровых" флексий после мягких. Здесь-то трудно сыграть. По ним хорошо определять "орфоэпический возраст" (оранжевая или алая система?). Флексии эти выразительны, фонетически ясны: *каплет, льет на дорогу, на тихо зреющее по*[л'ъ^{а}]. Но: *За завесой дождя ничего не видно на этом бескрайнем по*[л'и^{э}]...

Противопоставлены в заударном слоге после мягких фонемы <а,о> — <э,и>. Другие примеры: а) *кап*[л'ъ], *Ма*[н'ъ], *шалунь*[jъ]; б) *вре*[м'ъ] (2 раза); в) *су*[ч̄ъ] (=*сучья*); г) *Матве*[jъ] (род. п.); д) *мол*[ч'ъ]; е) *деверем, руководителем* — с -[ъм]; *казначеем* — с -[им]; еще раз *руководителем* — с -[л'м] в конце, без гласного; ж) *руководителям, вишням* — с -[ъм]; *листьям* — с -[т'м]; з) *поводьями,*

[60] Отметим, однако, что нет в записанном тексте многих редукций гласных, которые не преминули бы сделать самые молодые (при той же степени разговорности речи): *раскомандовались, некоторые, зеленовато, видимо* и мн. др.

вишнями, тучами (2 раза), деревьями=[д'и^{э}р'э́в'ъм'и]; *камнями* — все с -[ъми], но: *листьями — с* -[ими], без [j] (см. еще: *при*[н'ъ]*т* — причастие).

"Диагностичны" формы "е" и "э": *руководителем* и под., *тучами* и под. Для представителей более традиционных орфоэпических навыков (оранжевая система) характерно произношение безударных -[ъм], -[ъм'и] в этих формах; более новое произношение — с -[ьм], -[ьм'и].

Значит, показания гласных в безударных флексиях велят орфоэпическую систему А.А. Реформатского считать оранжевой[61]. Так и решим.

Конечно, зубные всегда мягки перед зубными: *здесь, проводник, лесник, местность, пенсии, ве́сти, приветливая, мастер, сделает, ко*[с'л']*явый, лентяй, отличный, нае*[з'н']*ик, попроказничать, тала*[н'т'л']*ива, стекол, уродливые, пусть, везде, снять, петли, мастер, уча*[с'н']*ица, и*[н'с'т']*итуте;*[с'л']*ева, ко*[с'л']*авый, по*[з'л']*ить, заро*[с'л']*и, по*[с'л']*едние, во*[з'л']*е* (2 раза), [с'л']*едуя, по*[с'л']*е, ра*[з'л']*илась, ма*[с'л']*ицем, ко*[з'л']*ик, ле*[хк]*омы*[с'л']*енна, е*[с'л']*и.* Это сочетание, как говорилось, неустойчиво по мягкости в описываемой орфоэпической системе. У Александра Александровича — устойчиво.

В слове *пото*[лст']*еешь* согласный [с] сохраняет твердость, но это, как известно[62], особая позиция — после твердого [л], его влияние оказывается сильнее, чем последующего [т'].

И зубной перед мягким губным неукоснительно мягок: *эк*[с'п']*едиции, Матвей* — около 10 раз, всегда с [т']; *рассвет, в избе* (2 раза), *спит, светится, чрезмерно, свежей, змеится, сбегал, разве, сверху, спеющим, ветвистыми, ли*[с'т'в']*енный, с ветвей, испечь, свежими, беспечности, смей, измеряю, с ним.* Все с очень сильной, ясной мягкостью первого (зубного) согласного в "двойке". Произнесено: [иис'т'э́с'т'нъ]=*естественно*; откуда мягкость зубных в сочетании [с'т'н]? Это влияние следующего [в']: он исчез, редуцирован до нуля, а влияние его осталось. Особо интересный случай: *напу*[ц'т'в']*ие* — с [ц'] мягким. А все потому, что [т'] перед [в'] полностью (не половинно) мягко. Исключение: *по*[дм']*ел.* На стыке. Но здесь явная оговорка, вообще-то и на стыках мягкость — норма у Александра Александровича (Явная ли?) Другая оговорка: [дв'е].

Перед йотом положение сложнее. Зубные, кажется, должны быть мягкими; йот влияет даже и через словораздел: *и*[з' j]*мки.* Внутри слова тем более: *съезжаем, съесть, подъехали* — все с мягкостью зубных перед [j]. Но губные в этой позиции обычно тверды:

---

[61] Заметим мимоходом. Об этом говорят и такие факты: *попросют, спорют, ссорются, поводют ушами, уходют, варют, дышут, ходют, водют...* (но: *вы*[с'ъ]*тся*). Факты не фонетические, но они тоже указывают на оранжевую систему. Частица *-ся, -сь* произносится и с твердым, и с мягким [с']. Преобладает твердость: *испугал*[съ], *взял*[съ], *принял*[са́], *расстаем*[съ], *разлила*[с], *приходило*[с], *утопили*[с]; конечно: *спа*[с̄ъ], *проне*[с̄ъ]. Конечно: *зля*[с']. Еще: *поска*[къ]*вает, пома*[хъ]*вает, покри*[къ]*вать, потря*[хъ]*вать.* Кроме того: *стро*[гъ]*й* (муж. р.), *крет*[къ]*й* и т.д. Все это знаки оранжевой системы.

[62] Но, естественно, нет общей мягкости на стыках: *вря*[т-л]*и* (*Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. С. 123).

въехали, навьючивает; но *объездчик* может быть с [б']. Слово *объезд* встречается в тексте три раза: первый раз произносится [б'] полумягкий, второй раз — [б] твердый, третий — [б'] мягкий. Но преобладает твердость губных. Тем более — перед словоразделом: [в] *яме.*

Губные перед мягкими губными обычно ведут себя скрытно, их трудно прослушать, но как будто сказано было: *лю*[бв']*и*; "ассимилятивного" смягчения нет[63]. В наречиях *ре*[в'м']*я* и *ли*[в'м']*я* мягкость [в'] ярка, но, думаем, это уже работа грамматики, а не фонетики. Всё это явления ярко-оранжевые[64].

Некоторые согласные "тройки" упрощаются в "двойки": *позно, извесна, месность, прихваснуть, наезник, жизнерадосна, безна, власный, посная, шеснадцать, безвозмезно; кослявый, заслано* (=*застлано тучами*), *услал* (=*устлал ветвями*); *голланский; сонце, невеска, под усцы.* Из этих случаев важнее всего *костлявый, застлано* и *устлал* без [т]; алой системе это чуждо. И еще: *неве*[ск]*а.* Тоже не свойственно алой.

Без упрощения произносятся сочетания согласных в таких словах: *студентка, куртка, немилосердный...* "Диагностической" силой обладает здесь слово *студентка*: этак в желтой системе говорить не принято. Значит, в произношении нулизованных согласных наш информант (Реформатский-то) строго последователен: граница, включающая его произношение, проходит после желтой системы до алой. Это — оранжевая система.

Нас не удивит теперь, что последовательно произносится [ж̄']: *выезжать, жжет, брызжет, разъезжаются, дрожжах,* везде с [ж']. Вот набор слов с одним корнем: *до*[ж̄']*я* (2 раза), до[ш̄'], *до*[ж̄']*емер* (последнее слово как книжное могло бы иметь "буквенную" орфоэпию, но не у А.А. Реформатского).

Конечно, щ=[ш̄']: [ч'ш']*едушный,* [ш̄']*итает, весну*[ш̄']*атый,* [ш̄']*ас, объе*[ш̄']*ик, и*[ш̄']*езает.* Видно, что [ш̄'] — даже на стыке приставки и корня; даже в нормах оранжевой системы здесь возможно[ш'ч'] (так, например, у Р.И. Аванесова).

Для разграничения с ленинградскими произносительными особенностями отметим: *мо*[ш']*ные* (не [шн]).

Все это ожиданно. Еще ожиданность, но с оттенком: *нале*[х']*ке, ле*[х]*комысленна, ле*[х]*че, тя*[х]*чайшая;* оттенок в том, что сочетание [хч'] произносится и в слове *тягчайший.* Последовательность (если не считать случайных оговорок) — черта не только научных работ А.А. Реформатского, но и его орфоэпии[65].

Перечислим слова в произношении А.А. Реформатского, в кото-

---

[63] На конце слова губные, разумеется, по-московски сохраняют свою мягкость: *впла*[ф'], *се*[м'], *приготo*[ф']*тесь* (перед частицей *-те-* выступают все явления конца слова; [ф'] здесь конечное).

[64] Из явлений мягкости согласных отметим такие "оранжевости": *Архa*[н'г']*ельское, a*[н'г']*ел, Гео*[р'г']*ий, Се*[р'г']*еевич* (несколько раз). Молодежь, увы, так уже зачастую не говорит.

[65] Впрочем, надо учитывать и другую сторону орфоэпии Реформатского; имя ей — игра.

рых ожидалось бы [γ] или [γ']: *а*[γ]*а*, [γ]*осподи* (междометия) *бла*[г]*ополучно*, *бо*[г]*атство*, *бла*[г]*одарим*, *бу*[γ]*алтер*. Примечательно поведение корня *бог*: он орфоэпически ведет себя по-ушаковски (Д.Н. Ушаков — учитель Реформатского, но, конечно, это еще не основание для того, чтобы видеть здесь следование орфоэпическому примеру учителя; традиция была общей): *бо*[γ]*а*, *бо*[γ']*е*, но *языческие бо*[г']*и*. Языческим богам не полагалось щелевого [γ].

Интересно, что в форме *о бо*[γ']*е* это [γ] предельно близко к [j] — менее шумно, чем обычно в речи младших поколений; произношение, живо напоминающее мнение Ф.Е. Корша об этом звуке (см. в следующей главе) и убеждающее в праве Корша отожествлять эти два звука.

Пока прервем обзор того, что слышит ухо, и посмотрим, как сам А.А. Реформатский оценивает свое произношение. Сопоставим "Антоныча" с ответами Реформатского на "Вопросник по современному русскому произношению"[66]. Заранее можно предполагать, что полного совпадения не будет. Магнитофонная запись "Антоныча" — это запись реального факта; в ответах на вопросник отражено представление о фактах, причем сами эти факты типизированы. Магнифотон запечатлел речь, в вопроснике, как правило, отражется нечто языковое.

Вопросник начинается с биографических сведений.

Год роджения: 1900.

Родной язык: русский.

На каких других языках Вы свободно разговариваете? С каких лет? Французский с детства, немецкий — несколько позднее.

Образование: Московский государственный университет.

Профессия: научный работник, языковед.

Место, где прошло детство: Москва.

Место наиболее длительного пребывания: Москва.

Профессия родителей: отец — профессор химии; мать — преподавательница русского языка и литературы.

Из какой местности они происходят? 1) отец из Костромской губернии; 2) мать — москвичка.

Фамилия, имя, отчество: Реформатский Александр Александрович.

Добавим к этим сведениям: наиболее чтимым учителем Александра Александровича в университете был Дмитрий Николаевич Ушаков. И даже его произношение стало для молодых филологов (в том числе для А.А. Реформатского) предметом постоянного внимания, изучения (но вряд ли — подражания.)

Что же дает вопросник? В ответах на вопрос, свойственно ли спрашиваемому йканье или эканье (таких вопросов несколько) Реформатский отвечает: йканье. Мы видели, что и "Антоныч" свидетельствует об этом же.

Даны слова: *бокал, зоопарк, конгресс, меморандум, ноктюрн, оазис, портфель, поэма, поэт, прогресс, процесс, революция, рояль,*

[66] О вопроснике см.: Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы.

сонет, эволюция. Спрашивается: в каких произносится безударный [о]? А.А. Реформатский выделил такие слова: *ноктюрн, оазис, поэма, поэт, сонет.* Об остальных либо вовсе нет ответа, либо сказано, что произносится [а]. Снова данные двух источников совпадают: и по магнитофонному тексту видно, что А.А. не очень многие слова склонен произность по нормам, существующим для Fremdwort'ов.

Ответы Реформатского:

Как вы произносите гласный после [ж] в следующих словах (подчеркните):

"жара": ж^{э}ра, или ж^{а}ра, или ж^{ы}ра?

"жалеть": ж^{э}леть, или ж^{а}леть, или ж^{ы}леть?

"жакет": ж^{э}кет, или ж^{а}кет, или ж^{ы}кет?

"ржаной": рж^{э}ной, или рж^{а}ной, или рж^{ы}ной?

"нет вожака": вож^{э}ка, или вож^{а}ка, или вож^{ы}ка?

Слова *шалят* и *Шаляпин* А.А. Реформатский затранскрибировал (есть вопрос об их произношении): [шы^{э}л'а́т], [ш^л'а́п'эн].

В словах *шалаш, шаблон, Ушаков* он произносит, судя по ответу на вопросник, предударный [а], в словах *лошадей, шаги* — предударный [ы^{э}][67].

Еще его транскрипции из вопросника: [жыс'м'ин], [ужыс'н'оц:^] (с. 11).

Видна явная закономерность: перед мягким согласным произносится [ы^{э}], перед твердым — [а]. Исключение понятно: *жакет* для А.А. Реформатского связан с французским *jaquette.*

Слова *вожака, жакет, шалаш* и в "Антоныче", и на страницах вопросника одинаково идут с [а]. *Жалеть* в вопроснике и *к сожалению* в "Антоныче" — одинаково с [ы^{э}]. По-разному: *лошадей* — с колебанием в записи "Антоныча" (и с [а], и с [ы^{э}]); по вопроснику только с [ы^{э}]; *жалеть* — с [а] в "Антоныче", с [ы^{э}] — по вопроснику.

Ответы на вопросник "геометричнее", последовательнее, чем речевые факты, — и это естественно (хотя, как уже сказано, и речевые факты, если их сопоставлять с другими речевыми манерами, у А.А. Реформатского последовательны). По вопроснику произносится: перед мягкими согласными (после [ш], [ж] в первом предударном слоге) [ы^{э}], перед твердыми — [а]. Исключений почти нет: *жакет,* как сказано, имеет особую фонетику — фонетику заимствованных слов; настоящим исключением надо считать только *рж*[ы^{э}]*ной* (произношение, неизбежное сейчас для литературно говорящих лиц). Понятно, что двоится фонетический облик формы *шаги*: с одной стороны, это позиция перед мягким согласным, с другой — во всех других формах нет безударных перед мягким: *шагов, шагам...* Эти формы и влияют на произношение им. падежа мн. числа *шаги.*

Флексии после мягких согласных, судя по "Антонычу", Реформатский произносит по оранжевой норме. Вопросник говорит о верности алой. Вопрос:

---

[67] Но на вопрос, одинаков ли гласный в словах *шаги* и *цедить,* А.А. Реформатский отвечает: нет (с. 9).

Одинаково ли Вы произносите окончания существительных и глаголов:

(мы) плачем — (с громким) плачем
(мы) едем — (ревет) медведем...?

В каких окончаниях гласный больше похож на И? Или там и здесь он одинаково похож на И? Ответ: одинаково. В этом случае верим "Антонычу". Самонаблюдение заударных флексий вряд ли возможно; ошибки здесь неизбежны.

Вопросник согласен с "Антонычем", что зубные перед мягкими зубными у А.А. Реформатского мягки [68], в том числе и перед [л']. Непоследовательна мягкость зубных перед мягкими губными. Слова: *в битве, ветви, отвел, две, подвиг, подмел, подвесить, подвел* — произносятся, по вопроснику, с твердым зубным (перед мягким губным); слова: *Тверь, зверь, извините, возвел, разве, в избе, избить, спинка, спи, испечь* — с мягким зубным. Правило такое: щелевые зубные в этой позиции мягки, взрывные — тверды. Нарушить эту закономерность могут только пограничные сигналы: *с пивом, с берега, без берега, спишет, без вилки, с вилкой* — все это произносится с твердыми [с], [з]. Исключение — *Тверь*, загадочное слово с собственной фонетикой (это известно давно)[69].

Но другое показывают такие произношения: *есте*[с']*твенно, ли*[с']*твенный, же*[н']*ственный, бе*[ц']*твенный, благоде*[н']*ствие;* все они предполагают сочетание [т'в']. Очевидно, в "двойках" согласные ведут себя так, а в "тройках" или в четверных сочетаниях — по-другому.

Вопросник и "Антоныч" и здесь поют в унисон. Но "Антоныч" берет еще выше: по данным магнитофонной записи, в сочетаниях "взрывной зубной + мягкий губной" первый согласный тоже мягок. Например: *ветвистый, с ветвей* и др. — с сочетанием [т'в']. В вопроснике Александр Александрович выбрал другое: *ве*[тв']*и*. То есть здесь "Антоныч" оказывается "старше" (т.е. ближе к традиционной, желтой системе), чем вопросник. Вопросник "алее" "Антоныча".

О произношении губных перед мягкими губными "Антоныч" свидетельствует невнятно. Вопросник дает такие сведения: в словах *о бомбе, обмяк, бомбить, вместе, ревмя, вбежать*; из двух соседних губных первые везде "м.б. средние, не мягкие, но и не твердые" (ответ А.А. Реформатского).

А.А. Реформатский произносит: *ко*[с'л']*авый, за*[сл]*ано* — с редукцией <т> до нуля. Так в записи "Антоныч". По вопроснику обычно произношение с [т'], хотя и слабым. И здесь вопросник дает более "алые" факты, чем "Антоныч". В остальном данные двух источников совпадают.

---

[68] Исключение А.А. Реформатский делает для слова *во*[н]*зить*. См. об особенностях произношения этого слова в кн.: *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. С. 125.

[69] У А.А. Реформатского колебания, по его собственному мнению, в слове *дверь*: говорится и с твердым, и с мягким [д'].

Что же характеризует речевую манеру А.А. Реформатского? Она выражена в оранжевом ключе. Иногда есть отступления в алую систему, но сами эти отступления не единичны, не отдельных слов касаются, а подчиняются закономерностям (охватывают целые разряды случаев). Александр Александрович последователен даже в тех случаях, когда он отступает от оранжевой системы (т.е. когда он в общем-то непоследователен).

Контрастное сочетание разговорного и академического в произношении, оказывается, не мешает последовательности. Видно, потому, что и разговорная, и академическая разновидности современной русской фанетики — обе имеют алую и оранжевую разновидности; так что можно быть фонетически последовательным, даже контрастно сталкивая академнорму и разговорность.

М.А. Реформатская

Марии Александровне свойственна нейтрализация фонем <э> — <и> в первом предударном слоге (после мягких согласных). И даже выделение, логическое подчеркивание, эмоциональное выделение, слова не стимулирует эканья — достаточны интонация и темп речи. Разумеется, и те слова, которые у Александра Александровича были разыграны в экающем стиле, у Марии Александровны — обычные слова с [и]-обра́зным предударным: *нап*[р'и^{э}]*мик*, [б'и^{э}з']*дела*, [ји^{э}]*зыческий*, [н'и^{э}]*прав*, *навер*[н'и^{э}]*ка*, *нап*[р'и^{э}]*мик* (2 раза)[70].

Только заимствованные слова могут показывать свою необычность с помощью [э] безударного; впрочем, и это очень неустойчиво: [э^{и}]*кспедиции*, но [ъ^{э}]*кспедиционным* (притом после мягкого согласного: *быть экспедиционным бухгалтером*); [г'э^{и}]*олог*, но [г'и^{э}]*офака*.

Разговорность меньше проникла в чтение М.А. Реформатской сравнительно с произношением А.А. Реформатского. Это обусловлено, вероятно, различием в стиле исполнения текста. А.А. Реформатский его разыграл, естественно и тактично, без актерского нажима, но речь была предельно нескованной. У М.А. Реформатской господствовала манера чтения очень выразительного — эмоционального, но чтения. Черты разговорной фонетики здесь менее уместны и менее возможны. Все же: *некторые*, *тыщу*[71], *зельновато*, *из сли*[в̯в̯ъ] *джема*, [м̯ м]*олча шагаем* (т.е. *мы молча*); числительные: [п'и]*сят*, *шыисят*; *пусь Матвей...*; *реши*[т͡н]*о* (=*решительно*); [ъ]*чевидно руководителем...* Все это не очень яркие, не предельно разговорные факты. Гораздо больше, чем у А.А. Реформатского, выдержано единство нейтрально-книжного интонирования; установка — не на перепады, контрасты в орфоэпии, а на единство произносительных реализаций.

Сопоставим две произносительные манеры:

---

[70] М.А. Реформатская прочитала текст "Антоныч", была сделана запись.

[71] Так и у А.А. Реформатского. Но там не было отмечено, потому что были гораздо более необычные (для чтения) случаи.

	А.А.Р.	М.А.Р
вожаком	[а]	[а]
шапчонке	[а]	[а]
шалаш	[а]	[а]
(2 раза)		
шалашике, -а	[а]	[а]
шарами	[а]	[а]
шалунья	[а]	[а]
шагаем	[а]	[ы^{э}]
жара	[а]	[ы^{э}]
жалеть	[а]	[ы^{э}]
лошадей	[а]	[ы^{э}]
к сожалению	[э^{ы}]	[ы^{э}]
жасмина	[а]?	[ы^{э}]

Произношение Марии Александровны "архаичнее". Это очень хорошо[72]. В произношении благо — его устойчивость, медлительность изменений. Александр Александрович, поторопившись усвоить "новое" произношение (следуя, как говорилось, своему орфоэпическому стилю), забежал вперед Марии Александровны, а она очень благоразумно отстала. Перевыполнять план фонетического развития не нужно.

С флексиями (где [ъ] после мягкого) все так, как ожидалось. Слова *капля, Маня, шалунья, молча, сучья, Матвея, варенья, время — с* [ъ]. Но *лис*[т'иф] (2 раза); так же с [и] (или [ь]): *руководителем, руководителям* (но [лйс'т'ъм]=*листьям*), *вишнями, поводьями* (произнесено: [павóд'им'и]), *тучами,* т.е. по алой норме. Так что в этой области проблема "отцов и детей" явно существует (но к конфликтам не приводит).

Число [ъ]-ов после мягких как будто уменьшилось? Ничуть. Увеличилось, потому что глагольные формы произносятся так: *попро*[с'ът], *спо*[р'ът], *ссо*[р'ъцъ], пово[д'ът], вы[с'ъцъ]. И даже: *хлопо*[ч'ът]! Это увеличение числа [ъ] после мягких важно для фонетики.

Зубные согласные перед мягкими зубными всегда мягки: *здесь, лесник, местность, пенсии, вести, приветливая*[73], *мастер, сделает, лентяй,* [о˙т'л']*ичный, нае*[з'н']*ик, яснее, есть, охо*[т'н']*ица, попроказничать, тала*[н'т'л']*ива, жи*[з'н']*ерадостна, сняла, стекол, уродливые, везде, листьям, снять, в институте, уча*[с'н']*ица, десантником, бесстыдник* — везде и первый, и второй зубной в каждом сочетании мягки.

Но: *по*[с˙л']*еднее,* [с˙л']*ева,* [сл']*едуя, заро*[сл']*и, во*[з'л']*е,* (2 раза), *ма*[с'л']*ицем, легкомы*[с'л']*ена, ко*[з'л']*ике, ра*[зл']*илась, по*[с'л']*е, е*[с'л']*и...* Видно, в сочетании с [л'] у зубных полное смятение и разброд, но мягкость все еще преобладает.

Однако впередистоящий боковой [л] уже не сдерживает мягкости

[72] Не сказалось ли здесь влияние материнского языка?

[73] Но *словоохо*[т]*ливая* с твердым началом фаукального. Видно, важно, чтобы впереди был переднерядный ([э]) и помогал мягкости. А может быть, [ó] слышится хуже, чем [ӭ], и не помогает опознавать [т'] ?

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

у [с'] в группе [с'т']: *пото*[лс'т']*еешь*. Видно, что зубные "ассимилируются" по мягкости вовсю.

Не то в сочетаниях "зубной + мягкий губной". Преобладает уже твердость (у первого согласного в сочетании): *экспедиции, -ию* (но один раз: *эк*[с'п']*едиции*), *Матвей* (много раз), *женственна, экспедиционный, рассвет, в избе* (2 раза), *свежей, змеится, резвее, жасмина, ветвистыми, лиственном, с ветвей, подмел, испечь, беспечность, распевает*.

Хотя и мягкость не полностью исчезла: [с'] *виду*, [с'п']*ит*, *в*[з'б']*ирается*, [с'в']*етиться*, [с'п']*ющим*, *не* [с'м']*ел*, *и*[з'м']*еряю*[74].

Напротив, мягкость согласных перед йотом сохраняется — даже сохраняется она последовательнее, чем у А.А. Реформатского: [в']*ьехали на*[в']*ьючивает*, *о*[б']*ьезд* (2 раза), [в'] *яме* (на стыке!); [с']*ьезжаем*, [с']*ьесть*, *по*[д']*еъхали*. Но: *и*[з] *ямы*.

"Губной + мягкий губной" — такое сочетание тоже ведет себя очень традиционно: [ф'п']*ереди*, *бо*[м'б']*или*, *бо*[м'б']*е; конечно, ре*[в'м']*я* и *ли*[в'м']*я;* но: [вб']*итая* (на стыке) и *лю*[бв']*и* (ср. *лю*[б]*овь*: влияние парадигмы). Хоть не очень устойчива мягкость в этих сочетаниях — под влиянием грамматических сопоставлений может и пошатнуться, см. два последних примера, но тоже более последовательно-традиционна, чем у А.А. Реформатского.

Замечено, что от поколения к поколению мягкость зубного перед губным мягким на протяжении последнего полувека падает, но мягкость губного перед губным мягким остается на том же уровне, правда очень низком. Смягчают губной в этой позиции немногие, но они-то держатся очень стойко. Этакое орфоэпическое неколебимое сектантство. Мария Александровна, видно, принадлежит к таким "орфоэпическим сектантам"[75].

Тройки согласных. Средний пропадает в сочетаниях <здн>, <стн>, <нтк> и др. (примеры те же, что у А.А. Реформатского). Отличия только в сочетаниях <стк>, <стл>, Мария Александровна говорит: *неве*[стк]*а, ко*[с͡тл']*явый, у*[с͡тл]*ал*, но *за*[сл]*ано тучами*. Для алой системы характерны именно [стк] и [стл] (и его двойник [стл']; алая система, напоминаем, не требует смягчения зубных перед мягким боковым).

У М.А. Реформатской, конечно, встречаем только [ш'] (не [ш'ч']); [ж'] она произносит там же, где А.А. Реформатский. Орфоэпический конфликт отцов и детей здесь отсутствует. Мария Александровна говорит: *нале*[хк]*е, ле*[хк]*омысленна, ле*[х]*че*, но *тя*[к]*чайшая* — в точном соответствии с орфоэпическими правилами. Новшество — только в слове *тя*[к]*чайшая*. Но ведь у А.А. Реформатского как будто

---

[74] Как и в других портретах, слова с группой "зубной + мягкий зубной" перечисляем просто по тексту рассказа про Антоныча. Ведь все типы этих сочетаний подчиняются общему правилу, нет больше нужды здесь их классифицировать и разделять. А разнообразие типов этих сочетаний, мелькающих в примерах, разнообразит для читателя приведенный перечень. (Так поступаем и дальше.)

[75] Она, скажем здесь в параллель тому, что написано об А.А. Реформатском, произносит тоже *Арха*[н']*гельское, а*[н']*гел*, но в словах *Георгий, Сергей* <г> бывает и твердым, и мягким.

мена [к, г] || [х] (перед [ч']) позиционна? У М.А. Реформатской, во всяком случае, нет. Разница в одном словечке, но это — большая разница.

Согласный [γ] является в междометие *а*[γ]*а*, но: *дай* [г]*осподи, бла*[г]*одарим, бла*[г]*ополучно, бо*[г]*атства.* В слове *бухгалтер* — тоже [γ]. Отличие несущественно: только в слове *господи.* Несколько деталей.

У Реформатского: *муд*[р^{ъ}]*ствовали.* У Реформатской: *муд*[р]*ствовали.* Вероятно, отеческая форма — более разговорная, дочерняя — более книжная (так ли?).

У Реформатского: *беспокойст*[ф] (с исчезающе-невнятным [ф]). У Реформатской: *беспокойст*[$\underset{\circ}{\text{ф}}$]. Разница, вероятно, имеет ту же причину[76].

Произношение Марии Александровны, как видно, во многом совпадает с произношением Александра Александровича, но есть и существенные расхождения. Сопоставим эти две орфоэпические системы, отметив затем, где алая, где оранжевая система.

А.А.Р.	М.А.Р.
1. Иканье, с редким эмоционально-выделительным эканьем.	1. Иканье; эмоциональное выделение слов не выражается эканьем.
2. Фонема <а> после шипящих твердых обычно реализована звуком [а].	2. То же, но, пожалуй, менее последовательно: звук [ы^{э}] часто проскальзывает в этой позиции.
3. В заударных флексиях после мягких согласных [ъ] появляется по законам оранжевой системы.	3. Явление [ъ] во флексиях (после мягкой) отвечает алой системе.
4. В заимствованных словах безударный [о] встречается, но не в бытовых словах.	4. Очень редок безударный [о] (как сигнал Fremdwort'a), в нашем тексте и вовсе не встретился.
5. Всегда мягки зубные перед мягкими зубными.	5. Зубные мягки, если следующий — зубной же мягкий. Но перед [л'] — колебания.
6. Зубные мягки и перед мягкими губными.	6. Здесь различие резкое: такие зубные произносятся обычно твердо.
7. Перед йотом зубные мягки, губные — тверды.	7. Перед йотом не только зубные мягки, но и губные!
8. В сочетании губного с губным первый может быть твердым, хотя второй мягок.	8. В таком сочетании обычно оба губных мягки.
9. В сочетаниях трех согласных редукция среднего отвечает оранжевой норме.	9. Здесь господствует алая система: [стк] и [стл] произносятся без редукции среднего.

[76] Особенности грамматические, но тоже важные для разграничения алой и оранжевой систем: частица *-ся,-сь* постоянно произносится с [с'] мягким, даже *пронесся.* У прилагательных: *стро*[гъ]*й;* у глаголов: *покри*[къ]*вать, пома*[хъ]*вает...* И здесь, как видим, явная и последовательная верность оранжевой системе.

А.А.Р.	М.А.Р.
10. щ=[ш'].	10. То же.
11. Согласный [ж'] произносится в тех корнях, где он традиционно должен произноситься.	11. То же.
12. "Диссимиляция" <к> перед <к> и <ч> — очень последовательна.	12. Почти то же, но исключение (одно) делает чередование непозиционным. Значит, существенное "почти".
13. В ряде слов произносится [γ], [γ']. Между прочим, произношение этих слов в слове *бог, боги* отвечает традиционной (ушаковской) норме.	13. Ряд тот же (отличия несущественны); и "боги" тоже ведут себя по-ушаковски.

Разница в деталях, но детали существенные. То есть[77]:

	А.А.Р.	М.А.Р.		А.А.Р.	М.А.Р.
1.	АО	АО	8.	А	О
2.	А	А–	9.	О	А
3.	О	А	10.	АО	АО
4.	О	А	11.	О	О
5.	О	А–	12.	О	А
6.	О	А	13.	АО	АО
7.	А–	О			

Мария Александровна орфоэпически моложе Александра Александровича — см. пункты 3, 4, 5, 6, 9, 12. Но он моложе (орфоэпически!) Марии Александровны, судя по пунктам 2, 7, 8. Как это могло случиться? Уже говорилось, что хронология алой и оранжевой систем в первую очередь логическая (см. с. 11) и лишь во вторую очередь — конкретно-временна́я и возрастная.

На произношение Марии Александровны, конечно, влияла речь ее матери, известного литературоведа, автора ценных работ о творчестве Маяковского — Н.В. Реформатской. Влияло, вероятно, более широкое окружение, орфоэпические пристрастия которого нам неизвестны. Факты, описанные здесь, важны. Они указывают, во-первых, на устойчивость орфоэпических традиций, на то, что дети вовсе не обязаны быть орфоэпически "впереди" отцов. И это хорошо. Пусть выбирают. Во-вторых, оказывается, системы, алая и оранжевая, могут "чередоваться, как кожа зебры" (сказано поэтом, но не про орфоэпию). Не противоречит это взглядам на дискретность развития произношения, на целостность системы? Думаем, что нет.

[77] АО — произношение отвечает и алой, и оранжевой системе; А — только алой; О — только оранжевой; А с минусом указывает не на очень алую систему, с оранжевым оттенком.

А.А. Вознесенский

Откроешь радио — кто-то читает стихи. Очень знакомая манера чтения, только тембр голоса (и качество стихов) выдают, что это не Андрей Вознесенский. Его чтение стало образцом для многих поэтов и стихотворцев. Лингвист это обязан принять во внимание: очевидно, дело не только в моде (сама мода требует объяснений); в чтении Вознесенского есть что-то отвечающее эстетическим пристрастиям нашего времени (пусть даже не всех поколений и не всех общественных групп).

Самое важное впечатление: стиховая речь сейчас так же далеко отстоит от прозаической, именно в своей фонетике, как отстояла она, например, в XVIII в. Но контраст осуществлен другими средствами: в первую очередь суперсегментами. Интонация[78], паузировка, соподчинение ударений, изменение темпа — на этом строится особая стиховая фоника:

в͡дн'и || н'э^{н}слы́хъна бъл'и^{э}вы́ји ||
бы̀т' б'и^{э}с'э́рцъ || — м'э^{н}чта́ ||
ч'э́мп'ио́ны || луп'и́л'и навы̀л'ит — ||
н ѝчи^{э}рта́! ||
пра́дър'а́вл'инъи̯ | то́чнъ р'э^{н}шо́та, ||
ӯт'и^{э}ша́ју || ажыта́ш: ||
па̀глаз'э́т'и вм'и^{э}н'а́ || каквр'э^{н}шо́тку, ||
та̀к шыка́р'ин || п'э^{н}иза́ш. ||
нон'и^{э}у́шта || узна́ит ружјо́ ||
гд'э́ || пр'и^{э}в'а́знъ н'и́т'ју бал'э́з'н'инъи̯ ||
б'јо́шс'ъ ты̀ || вм'ил'и^{э}м'э́тр'э^{н} а̀т | л'э́з'в'и̯а́ ||
а̀х' | х'и^{э}л'э́съва || с'э́рцъ^{э} || мајо́ ? ||
а̄старо́жн'ии, м'и́лъа́, || т'ишы^{э}... ||
нъшум'э́ла || м'ин'а́ӓ м'и^{э}ста́
јъ | наш у́с пърас'и́и || какпт'и́ца ||
атвл'и^{э}ка́ит || аго́н' || ад^{ъ}гн'и^{э}зда́ ||
фс'о бал'и́ш? || нач'а́м'и пашал'ивъиш? ||
нуипл'ус! ||
н'э^{н}каса́т'э^{н}с' || рука́м'и || шы^{э}ршавъм'и, ||
ја || атсу́дърър'г'и̯ || вал'у́с.
н'э^{н}вазмо́жна || распра́в'иц̄ъ || сна́м'и
н'э^{н}вазмо́жн'эјэ̀ || вынас'и́т. ||
ноиш̄'о́ н'ивазмо́жн'ии — || вдрук || сна̄зп'ир ||
ср'э́жыт || н'и́т'[79].

---

[78] Под интонацией везде понимается движение тона во фразе.

[79] В дни неслыханно болевые / быть без сердца — мечта. /
Чемпионы лупили навылет — / ни черта!
Продырявленный точно решета, / утешаю ажиотаж: /
"Поглазейте в меня, как в решетку — / так шикарен пейзаж!"
Но неужто узнает ружье, / где, / привязано нитью болезненной, /
бьешься ты в миллиметре от лезвия, / ахиллесово / сердце / мое?!
Осторожнее, милая, тише... / Нашумело меняя места, /
я ношусь по России — / как птица / отвлекает огонь от гнезда.
Все болишь? Ночами пошаливаешь? / Ну и плюс! /
Не касайтесь руками шершавыми — / я от судороги — валюсь.
Невозможно расправиться с нами. / Невозможнее — выносить
Но еще невозможней — / вдруг снайпер / срежет / нить!

"В дни неслыханно болевые"

Здесь не передано ни движение тона, ни темп — и все-таки видно, насколько фонетически непрозаичен этот текст. Необычна насыщенность его сигналами разграничения. Они могут быть такими:

паузы разной глубины (знаком передается мгновенная пауза-запинка);

усиленное ("логическое") ударение, отрубающее одну фразу от другой;

полуударение, расчленяющее одно слово (которое несет еще и полноценное ударение) на два такта;

удлинение гласного — в качестве замены полуударения;

удлинение согласного — в качестве замены удлинения гласного. (Примеры на этот случай — ниже)

Вот запись авторского чтения, в котором ясно видна эта "взаимозаменяемость", эквивалентность всех сигналов выделения такта во фразе (так, что в такт может быть превращена и часть слова):

л'ў || б'и́т'и пр'исв'и³ч'а́х.
та̀н || цу́йт'и дъгутка́.
жы̆в' || и́т'и³ пр'ис'и³ч'а́с.
л'ў || б'и́т'и пр'икагда́?
р'й³ || б'а́ть пр'ич'и³са́х.
д'й³ф || ч'а́тъ пр'ис'и³р'га́х.
жы̆в' || и́т'и пр'ис'и³ч'а́с.
лў || б'и́т'и пр'ифс'и³гда́. ||
пр̄'йч'о́ск'и нъпл'и³ч'а́х. ||
ш̄'й³ка́ усв'иты³рка́. ||
нач'н'и́т'и пр'й с'и³ч'а́с. ||
ач'н'и́т'ис' пр'й фс'и³гда́...[80]

Полуударение может достигать силы "настоящего" ударения и даже подавлять его, становиться сильнее:

йэ́с'л'и пра́вдъ душа́ фка́ждъ̮ кл'э̏тъч'к'и
сваи́ фо́ртъч'к'и || а̀твар'и́ ||
вмӑи́х по́ръх || стр'ижам'и запл'э̆ш'и°ц̄ъ
ду́шы || по̀э̯ | мъныйэ́ || тваи́![81]

Здесь в слове *пойманные* два ударения, и первое настолько сильно, что слово распадается на два такта; похоже (по распределению слоговой силы) на *пой, Маринэ*. В слове *моих* полуударение на первом слоге, подкрепленное, кажется, и его растяжкой, перевешивает по силе второй слог; впечатление такое, что оно оттянуто, сдвинуто на один слог.

Первое вступление в поэму "Мастера" Вознесенский читает так:

Вам, —
Микеланджело,
Барма, Дант!
Вас молниею заживо
Ис[п'э^{и}п'э^{и}]лял талант.

---

[80] Любите при свечах. / Танцуйте до гудка/ Живите — при сейчас. / Любите — при когда? / Ребята — при часах. / Девчата — при серьгах. / Живите — при сейчас. / Любите — при Всегда. / Прически — на плечах. / Щека у свитерка. / Начните — при сейчас. / Очнитесь — при всегда... ("Вальс при свечах").

[81] Если правда, душа в каждой клеточке, / свои форточки отопри. / В моих порах / стрижами заплещутся / души пойманные твои ("Замерли"). В слове *клеточки* ударение усилено, и поэтому особенно ясно слышится нераскрытое конечное [и] (не [и³]).

Ваш молот не колонны
И статуи [т'э]сал —
Сбивал со лбов короны
И троны сотрясал.
Художник [п'э]рвородный —
Всегда трибун.
В нем дух переворота
И вечно — бунт...
Искусство воскресало
Из казней и из пыток
И било, как к[р'э^{и}]сало[82],
О камни Моабитов.

Видно, что эканье непоследовательно, поэтому-то оно и способно выделять слова. И даже слоги, работая вместе с полуударением.

Средством выделения такта надо, стало быть, считать и эканье. Вообще у А. Вознесенского всюду норма современной Москвы: <и> и <э> не различаются (в позиции $t'\alpha^{\prime}$). Примеров можно привести множество; достаточно посмотреть запись "Вальс при свечах" (только что была дана)[83]. Но когда слово выделено, то может явиться и эканье.

Если на такой предударный гласный типа [э] не падает полуударение, то он может лишь незначительно отличаться от [и^{э}]. При выделении такта (при его эмфатическом, эмоциональном обособлении) таким звуком может реализоваться не только <э>, но также... <и> (или <и/э>). И слух человека, говорящего литературно, не бывает этим поражен. Примеры:

[н'э^{и}м'э^{и}ну́имъ м'э^{и}ну́им]...
[в н'и^{э}м и^{э}ну́имъ н'и^{э}му́ју]...[84]

Правда, случаи такие редки; все-таки они говорят, что эканье у Вознесенского стало чем-то иным сравнительно с традиционным эканьем. Просто экспрессивным заменителем звука [и^{э}] (или безударного [ы^{э}]).

Заударное *о* бывает иногда представлено звуком [а] (после твердых): *кол*[а]*к*[а]*л, гол*[а]*с, гол*[а]*й, гол*[а]*д* и проч. ("Мастера", вступление). Еще чаще такой полновесный звук достигается в открытом последнем заударном слоге. И эта черта однородна с эканьем.

Прямо противоположный по фонетической реализации, но функционально, вероятно, тождественный — [ъ] вместо ожидаемого [а]:

Люблю тебя. За это и пр[а]сти
пр[ъ]сти за черноту вокруг зрачков...[85]

(Как будто сквозь зубы.) И эта замена, кажется, используется для эмоционального подчеркивания.

---

[82] Варианты в другом чтении: *ис*[п'и^{э}пи^{э}]*лел,* [т'и^{э}]*сал, к*[р'и^{э}]*сало.*

[83] Отступления, требующие особого внимания, такие: [ја]*зыки* ("Тишины!"), [ја]*йцевидных,* <ја>*зык* ("В воротничке я"). Но, конечно, <а> не обязательно реализуется по нормам яканья; чаще — так: *п*[л'э^{и}]*сали, сот*[р'и^{э}]*сал* ("Мастера", вступление), [э]*годиц* ("Гость").

[84] И неминуемо минуем / твою беду / в неименуемо немую / минуту ту / ("В воротничке я...").

[85] Во флексиях, где [ъ] возможен после мягких согласных, он тоже может быть преобразован в [а]:

Ведь знала мама — меня разда[в'а]т.

Контрастность лексики в стихах Вознесенского, многопластный, слоистый словесный строй его произведений отражается в фонике гласных. Может быть оканье, выделяющее книжные слова или слова, поднятые над обыденностью: *в стены Ма*[о]*битов, п*[о]*эма* и др. ("Мастера", "Плач по двум нерожденным поэмам"). Отсутствует редукция гласных у редковатых слов: *на*[вы́jэ] ("В воротничке я"), *ч*[а]*баны* ("Тишины!"), *Микеланджел*[о] ("Мастера"), *и*[jэго]*вист*.

Стихотворение называется: "Длинноного". Это необычное краткое прилагательное так поэтом и произносится: с [о] в исходе слова. Иначе неожиданность этого слова (оно используется как наименование) не была бы понятна слушателям.

Его поэтическая система не принимает претенциозного произношения, введения слов с иноязычной (нестабильной для русского языка) фонетикой. В заграничных стихах все лексические экзотизмы фонетизированы в обычных нормах русского произношения (во "Франс-Обсёрват...").

Многослойность лексики и многослойность ее фонетической реализации Вознесенский не превращает в пестроту.

Все фонетические средства, образующие особую — свойственную поэзии — звуковую ткань в стихах Вознесенского, особенно ясно выступают на фоне разговорной фонетики. Разговорная фонетика это: недоговаривание, замена ясного менее ясным, стяжение, наложение звуков друг на друга[86]. Вот несколько примеров: *со*[р^{ъ}к] *не*[рвvъ] года... ("Мастера"); [и͡о] *я за плечи возьму* ("Осень"); *впиваешься в* [ы]*краны* (не разговорно было бы: в [э^{ы}]*краны*) ("Прости меня..."); *Как складн*[ы^{ъ}] *ножи* ("Плач..."); [Токъ] *кровь на крючке его крохотном* ("Зов озера").

Недоговариваются, "измяты" окончания причастий в таком тексте:

А вчера, столкнувшись в гостях,
я увижу, что ты — не ты,
сквозь проснувшиеся черты —
тревожно и радостно,
Как птица, в лице твоем,
как залетевшая в фортку птица,
бьет пропавшая красота...
"Потерянная баллада"

Все же фонетических "разговоризмов", "бытовизмов" в стихах А. Вознесенского, им самим читаемых, немного. Стихи не рассчитаны на бытовой говорок. И если разговорная фонетика дает о себе знать, то потому, что она прокрадывается в стих. Не вводится поэтом (сознательно или бессознательно) как работающая составная стиха, а проникает, потому что очень сильна разговорная стихия[87].

Сильны суперсегменты как сигналы особой — поэтической (эмоционально организованной) — речи. Иногда, как было видно, звуки выступают как подставные лица, они работают вместо суперсегментов — и тоже оказываются своеобычными, не такими, что в обыденной речи. А в остальном звуковые цепи в стихах А. Вознесен-

[86] Все же в пределах КЛЯ, не РЯ.

[87] Особый случай: разговорная реализация очень книжного варианта словоформы: *молниею*=[молн'иу], с полной редукцией одного слога ("Мастера", вступление).

ского полностью отвечают литературной системе в ее московском изводе. Мы ожидали алой системы, так это и есть, но со значительными отступлениями в сторону оранжевой. Поэзия — хранительница традиций (она хранит их, чтобы отталкиваться; "отталкиваться от" можно до тех пор, пока существуют общие условия игры, действия). И от поэта она требует известной традиционности — в общеязыковом отношении. Этим оправданы отступления в оранжевую систему.

Очень неожиданно А.А. Вознесенский после твердых шипящих [ш], [ж] в первом предударном слоге фонему <а> произносит как [ы^{э}], [э^{ы}]. Его поколение обычно говорит уже [шагú], [жарá]. Приятная неожиданность, ориентированная на традиции литературной (значит, и поэтической) речи. Иногда это может быть вызвано фонетическим замыслом стиха. Примеры:

Прости меня. А впрочем, не ж[ы^{э}]лей,
Вот я живу. И это тяжелей.
"Прости меня"

Падает по железу
с небом напополам
снежное сож[ы^{э}]ление
по лесу и по нам
В красные можжевелины —
снежное сож[ы^{э}]ление,
ветви отяжелелые
светлого сожаления!
"Сны в октябре"

Примеры не во всем однозначные. Во-первых, слова *жалеть, сожаление* до сих пор для всех норм (и алой тоже) сохраняют произношение с [ы^{э}] или [э^{ы}] как господствующее. Во-вторых, произношение с [ы^{э}] после твердого [ж] здесь может быть вызвано инструментовкой: в окружении *тяжелей, железу, можжевельника, отяжелелые* — все с [жы^{э}]! — и *сожаления, пожалей* могут зазвучать с [жы^{э}], независимо от обычной, "прозаической" орфоэпии автора. Вообще слово произносится этак, а в данной строфе так: организация стиха требует! — вот обычный конфликт нормы и декламации.

Ну играл! Таких оттягивал
"паровозов"! Так играл,
что ш[ъ]рахались рейхстаги
в 45-м наповал!
"Лонжюмо"

В обыденной речи, бесспорно, было бы *ш*[а]*рахать*. Но здесь — звук сжат, передает энергию, напряженность действия.

Во флексиях после мягких согласных у поэта, естественно, появляется [ъ] в тех формах, где ему свойственно появляться по законам литературного языка: *гос*[т'ъ], *сту*[л'jъ] ("Потерянная баллада"), *молча*[н'jъ] ("Плач..."), *го*[н'ъ]*т, зару*[б'ъ]*т, си*[л'ъ]*сь* ("Потерянная баллада"), *шу*[т,ът] ("Лонжюмо") и проч. Алая и оранжевая системы различаются двумя формами:

медведем=[ъм] (оранжевая), [ьм] (алая)

медведями=[ъм'и] (оранжевая), [ьм'и] (алая).

Слово *горем* ("Плач...") было произнесено так: [гóр'ьм]=[гóр'им]; это указывает на новую норму. В стихотворении "Замерли": *ладонями — ладо*[н'и]*ми.* Фактов, конечно, недостаточно, хотя, вероятнее всего, они показывают типичное произношение: безударная флексия [ъм] после мягких (для твор. п.) мало свойственна молодому поколению.

Вот наиболее характерные черты вокализма в речи Вознесенского, когда он читает стихи.

Теперь о консонантизме. Наше внимание привлечет произношение двух "диагностических" (для москвичей) звуков: [ш'] и [ж']. У Вознесенского — везде [ш':], самая постоянная и твердая норма. Он произносит и [ж':] — тоже постоянно: *проезжал, брезжит* ("Лонжюмо"), *забрезжит* ("Осень"), *выжженные* ("Мастера"), *разожжет* ("Потерянная баллада"), *обожжены* ("Тишины!"). Только в слове *можжевеловые* ("Потерянная баллада") произнес он [ж͡ж] твердый; но слова *можжевельник, можжевеловый* многими так произносятся, даже если в других словах (вернее — в других корнях) этого ряда и произносится доброе традиционно-московское [ж':]. Нет, слово *можжевеловые* имеет небольшой орфоэпический вес.

Мягкость и твердость согласных, стоящих перед мягким согласным у Вознесенского, как у большинства наших современников, образует сложные и капризные узоры.

Правда, в сочетании "зубной + мягкий зубной" (но не [л']) все достаточно просто: здесь зубной всегда мягок. Примеры: [с't']*ены* ("Тишины!"), *спа*[с't']*и* ("Прости меня"), *ра*[с't']*енья* ("Снег в октябре"); *ра*[з'д']*еты* ("Монолог Мерлин Монро"), *гро*[з'д']*и* ("Гойя"), *ра*[з'д']*ельно* ("Снег в октябре"); [с'н']*егом* ("Баллада сплетен"), [с'н']*ежное* ("Снег в октябре"); *ли*[з'н']*ет* ("Снег в октябре"), *гла*[з'н']*ицы* ("Гойя"), [с' н']*ими* ("Монолог Мерлин Монро"); *про*[н'з']*или* ("Лонжюмо"), *бе*[н'з']*ином* ("Монолог Мерлин Монро"); *лаборa*[н't']*е, хиромa*[н't']*ии, в Атла*[н't']*ике* ("Плач по двум поэмам"), *ле*[н't']*е* ("Потерянная баллада), *гара*[н't']*ией* ("Параболическая баллада"); *ба*[н'д']*е* ("Плач по двум поэмам") и т.д.

Обычно плохо слышна мягкость первой части в отрезке [т'л']; но в случае *о*[т'л']*ивом* ("Тишины!") она как раз очень ясно слышна. Очевидно, что все же в сочетании [т'л'] мягкость первой части не стабильна; произнесено: *тала*[нтл']*ив* ("Монолог Мерлин Монро") с твердым [н], но это возможно лишь при твердости следующего [т] (в сочетании [т͡л']). Впрочем, [т] здесь имеет особый характер, это не зубной, а "щечный" согласный. На него могут не распространяться законы сочетаний из двух зубных[88]. Перед [л'] мягкости, как правило, у зубных нет; [с]*лезы,* [с]*лизывал* ("В воротничке..."), [с]*летая...*

Утиных крыльев переплеск.
И на тропинках заповедных
По[с]ледних паутинок блеск,
По[с]ледних спиц велосипедных.

[88] В сочетании [т͡л'] (или [т͡л'], или [т͡л]) — одна выдержка, поэтому оно может рассматриваться как один звук. Первая часть его образуется "отщелкиванием" языка от зубов, но не передних, а сбоку ротовой полости, и поэтому такое [т] не есть зубной.

И ты примеру их по[с]ледуй,
Стучись проститься в дом по[с]ледний...
. . . . . .
До железнодорожной линии
Протянутся мои [с]леды.

"Осень"

Почти всегда тверды зубные перед мягкими губными. Примеры: *за*[св']*етом* ("Тишины!"), [св']*итерка, не*[см']*еняемы* ("Вальс при свечах"), *и*[сп']*епелял* ("Мастера"), [св']*етел* ("В воротничке я..."); [зв']*ёзды* ("Гойя"), *звезд* ("Монолог Мерлин Монро"), *звездою* ("В воротничке я..."), *звери* ("Плач по двум поэмам"), *известно* ("Монолог Мерлин Монро"), *звенит* ("Лонжюмо"); [зб']*иваешь* ("Прости меня"), *и*[зм']*яты* ("Монолог Мерлин Монро"), *во*[зм']*ездья* ("Гойя"), *ве*[тв']*ях* ("Плач по двум поэмам").

Конечно, [цв']*етом* ("Тишины!") — произношение [ц'в'] редкость даже у "оранжевых".

Несколько неожиданно произносится *ра*[зв']*е*:

Я баба слабая... Я разве слажу?
Уж лучше — сразу.

"Монолог Мерлин Монро"

Обычно произносится *ра*[з'в']*е*: все поколения здесь единодушны. Но знать о таком произношении А. Вознесенского — важно: оно дает "чистый" звуковой повтор: [р]*а*[з]*ве* — *с*[р]*а*[з]*у*.

Однако неверно, что в сочетании "зубной + мягкий губной" полностью обеспечена твердость первого согласного; может быть и полумягкость, и мягкость: *торже*[с'т'в']*енно* ("Плач по двум поэмам"), [с'в']*ет*, [з'в']*енел* ("Параболическая баллада"), [с'в']*етлого*, [с'в']*ежее* ("Снег в октябре"), [с'м']*еясь* ("Осень"), [с'в']*истопад* ("Замерли"). Твердость зубного в этой позиции у А. Вознесенского скорее закон, а нетвердость — случайное отступление.

Конечно, полностью выдержана мягкость [н'] в сочетании с [ч'], [ш']: *же*[н'ш']*ины* ("Гость"), *студе*[н'ч']*еской* ("Лонжюмо") и др.

Перед йотом могут быть и твердые, и мягкие: твердость губных может быть продемонстрирована примером *о*[б]*ьятьях* ("Монолог Мерлин Монро")[89].

Сонорные на конце слова от предыдущего согласного отделены у Вознесенского микрогласным и поэтому не оглушаются:

Лежат две поэмы,
Как белый бино[къл'] театральный.

"Плач по двум поэмам"

Здесь максимально благоприятны условия для оглушения сонорного: [л'] зажато между двух глухих. Но оглушения нет. Еще пример:

Минис[тър], вы мечтали, чтоб юнгой
в Атлантике плавать...

"Плач..."

Что бродит жи[з'ън'] в дубовых рощах...

"Осень"

[89] Ср.: *соло*[в']*ьиных* ("Плач по двум поэмам"), [б']*ьет* ("Потерянная баллада").

Оглушение сонорных в такой позиции (между согласными фонемами), когда-то характерное для высокого стиля, ушло в разговорную речь. А стих большей частью потворствует сохранению звонкости.

Представлена форма с частицей *сь*, где [с] произносится твердо: *замкнули*[с]. Традиционное, классическое произношение! В другом случае, наоборот, дана новомосковская интерпретация: *заслушаем*[с'а]. Деепричастие же *прислонясь* не диагностично: у таких деепричастий, с ударением на последнем слоге, и старомосковская, и новая форма требует мягкого произношения [с'] в возвратной частице. Вообще у Вознесенского возвратные формы произносятся непоследовательно, но очень часто с твердым [с]:

Мы с нею учили[с], зачеты сдавали...
"Параболическая баллада"

В глагольных формах после [и] — наиболее благоприятны условия для орфоэпической мягкости согласного в возвратной частице, и тем не менее она здесь сохраняет свой благородный традиционный облик. Другие примеры:

Горлопаны не наорали[с]?
"Тишины!"

Подойдет, улыбнуться силя[с]:
Я в кого-то переселила[с]!
"Разбежала[с], как с бус стеклярус.
Потеряла[с] я, потеряла[с]!"
"Потерянная баллада"

Уне[с̆ъ], забыв сумасшествие денег...
"Параболическая баллада"

Слышен колокол доминикан[къ̯и]
"Лонжюмо"

Кроме того, встретим у Вознесенского и произношение *высо*[къ̯и]*свет* ("Параболическая баллада"), есть и еще такое же, но скорее как редкость[90]. Конечно, все это уже не фонетика — и возвратная частица, и прилагательные на *-кий, -гий, -хий,* но для вывода, что поэту свойственны традиционно-московские орфоэпические пристрастия, и это важно.

Поэтическая речь должна быть традиционнее обычной. Каждое произносительное новшество убивает фонику уже существующих стихотворений, которые были созданы не в расчете на новшество. Произношение *ве*[тф'] (свойственное, в частности, и Вознесенскому) убивает пастернаковскую рифму *петь — ветвь.* Естественно, что тот, кто живет стихом, чуток к уже существующей поэтической речи; каждый поэт создает заново организацию языкового материала, но вовсе не нужно ему менять сам материал, т.е. убивать предшественников. Ведь только в сравнении с системами предшественников существует и его поэтическая система.

---

[90] Но глаголы с *ки, ги, хи* в суффиксах произносятся Вознесенским не по-традиционно-московски: *вздра*[г'и]*вали, оття*[г'и]*вал* ("Лонжюмо").

Так можно объяснить "профессиональными интересами" традиционность орфоэпии едва ли не большинства поэтов. И у молодого поколения она, может быть, более строго выдержана, чем у предшествующего поколения; почему это так — пусть решает сам читатель.

А.А. Вознесенский вошел в русскую поэзию в 60-х годах, вместе с рядом других талантливых поэтов. Начался новый подъем в русской поэзии, новый виток диалектической спирали самодвижения русской поэзии. Строй их стиха был новым и неожиданным.

Но черты литературной нормы у Вознесенского строго выдержаны (строже, чем у многих поэтов старшего поколения — И. Сельвинского, М. Светлова, А. Прокофьева и др.). Часто это нормы не только литературные, но и явно традиционные "старомосковские" — те самые, которым уже столько раз пророчили гибель:

зъв'ид'и́ мн'э ладо́н'и || запл'э́ч'и ||
абаэ̯м'и́ ||
то́л'къ гу́бы дыхну́т || а̄бмай ||
тол'къ мор'ъ || зас'п'и́нъм'и пл'ш̄'ит ||
на́шы с'п'и́ны || как лу́н̄ыи ра́къв'ины ||
штъза̄мкну́лиз зана́м'и с'и³ча́с ||
мы заслу́шъимс'а пр'ислан'а́с' ||
мы как фо́рмула || жы́з'н'и || двájáкъ̣а ||
нъв'и³тру́ || м'и³равы́х || клъуна́т ||
за̀слан'а́им свайм'и пл'и³ч'а́м'и ||
штос'и³ча́с въз'н'ика́ит м'эж на́м'и ||
как ладо́н'им'и пла́м'а хран'а́т ||
апака́ нажыма̋э̯ зъва̄ру́хъ ||
нъскарлупъ упру́гъи[91] с'п'ин!
этъ || нас || пр'ижыма́ит друк || другу.
с'п'им[92].

Здесь:

и — и́канье,

и — произношение [ш̄'],

и — мягкость зубных перед мягкими зубными,

и — мягкость зубных перед мягкими губными[93],

и — реализация фонем <а>, <о> во флексиях (после мягких согласных) заударным [ъ] в одних случаях, заударным [и] — в других (точное соответствие алой системе)[94]. (Этой неожиданности до сих пор многие не могут им простить.)

У А.А. Вознесенского неожиданна энергия смены суперсегментных

---

[91] Оговорка (вместо: [упру́г'ии]).

[92] Заведи мне ладони за плечи, / обойми, / только губы дыхнут об мои, / только море за спинами плещет. /

Наши спины — как лунные раковины, / что замкнулись за нами сейчас. / Мы заслушаемся, прислонясь. / Мы — как формула жизни двоякая.

На ветру мировых клоунад / заслоняем своими плечами / возникающее меж нами — /как ладонями пламя хранят./ [...] А пока нажимай, заваруха, / на скорлупы упругие спин! / Это нас прижимает друг к другу. / Спим. ("Замерли").

[93] Более последовательная, чем в других случаях у Вознесенского.

[94] Некоторые из этих флексий с [ъ] преждевременно были объявлены фонетическим архаизмом.

единиц, неожиданно их многообразное выражение, преобразование по их требованию сегментных единиц: сами звуки выступают как заменители суперсегментов (ударения, интонационного выделения), как поддержка суперсегментов (например, внутрисловной паузы). Таким образом, звуки, сегменты, оказались полифункциональными.

Для такой живой динамичности текста оказалась нужна прочная нормативная основа. Лишь на ее фоне играют фонетические краски. И верное следование строгостям орфоэпии — алой, а часто даже и оранжевой системы — важная сторона звуковой организации стиха Вознесенского.

Итоги. 1. Никогда еще русский язык не подвергался такому яростному воздействию разных социальных факторов, как в последние 60—70 лет.

Изменился социальный состав носителей литературного языка. Иным стал его образовательный уровень, социальные пристрастия, отношение к культуре. Все это давало возможность усилить свое давление на литературный язык говорам, просторечию, профессиональным арго. Распространилось благоговейно-почтительное отношение к печатному тексту (особенно — официальному). Грамотность для многих была внове и ценилась невероятно высоко. Это могло бы дать простор для буквенного произношения. Постоянные перемещения огромных людских масс, непрестанные образования и распадения социальных контактов, всегдашние миграции из одного места в другое, из одного общественного слоя в другой — все это могло бы вести к образованию самых неожиданных языковых новшеств...

Да, такие социальные воздействия на язык были. Но все существенное, что произошло в русском произношении в эту напряженную эпоху, было обусловлено внутренними законами языкового движения.

2. Медленно, но неуклонно усиливались процессы редукции гласных. После мягких согласных в безударных слогах [у] спорадически, но все чаще сближалось с [и]. Пока это факультативные явления, и обычно [у] сохраняет свое отстояние от [и], но эти факультативные явления встречаются все чаще.

3. Фонетика заударных флексий показывает уменьшение различительной силы гласных.

4. Напротив, среди согласных идет не "конвергенция", а "дивергенция" единиц: там, где были возможны N звуков-различителей, стали возможны N + 1. Для некоторых согласных позиция из слабой, неразличительной стала различительной. Таково положение твердых и мягких согласных перед [э]; может быть, положение мягких и твердых зубных перед мягкими губными.

5. Все эти процессы отвечают закону Бодуэна де Куртенэ. Напомним этот закон: в русском языке на протяжении длительного периода из эпохи в эпоху число гласных различителей уменьшается, число согласных различителей увеличивается. Счет идет и по отдельным

позициям, и по всем позициям в целом, т.е. относительно всего языка.

6. Есть одно фонетическое движение в алой системе, противоречащее закону Бодуэна де Куртенэ: после твердых шипящих в первом предударном слоге вместо традиционно известных трех согласных стало возможно явление четырех. Количество гласных в этой позиции увеличилось. Этот бунт против Бодуэнова закона нам остался непонятен: зачем он? Каков фонологический смысл этого антибодуэнства?

7. Есть и другие изменения, внутренний смысл которых нам остается неясен. Так, ранее в позиции перед мягкими заднеязычными были возможны только мягкие же губные (*на Покро*[ф'к']*е*). В алой и оранжевой систем норма изменилась: в этой позиции возможны только твердые губные. Позиция и была, и осталась слабой для твердых—мягких губных. В чем же смысл изменения?

Возможно, дальнейшее наше движение от эпохи к эпохе, от главы к главе — в глубь истории русского литературного языка — прольет свет на эти процессы.

8. Обобщая многообразные факты в жизни русского литературного произношения в последние десятилетия, мы можем заключить: социальные факторы готовят материал фонетических изменений, а что взять из этого материала и превратить в языковую действительность, решают внутренние законы языка.

Глава третья

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА

Эпоха напряженной общественной борьбы, реформ, революций. Наивно было бы ожидать, чтобы социальные столкновения нашли прямое отражение в законах фонетики, в их изменениях. Отражение было, но косвенное. Многочисленные изменения в социальном составе людей, говорящих литературно, в их общественных связях так или иначе влияли на произношение. И эти пестрые воздействия оказывались прочными, влиятельными, устойчивыми, отпечатывались в самой звуковой системе языка только в том случае, если они помогали внутренним тенденциям развития фонетической системы, в нашем случае — отвечали закону Бодуэна де Куртенэ.

Уже в 40-е годы XIX в. начал меняться взгляд на нелитературные формы говорения — на диалектную, просторечно-городскую и профессиональную речь, на речь непривилегированных социальных групп. Они перестали быть объектом осуждения, насмешки, неприятия.

Молодая портниха Оленька в пьесе А.Н. Островского "Старый друг лучше новых двух" поет:

Я тиха, смирна, уединенна,
Целый день сижу одна
И сижу обнаковенно
Близ камина у огня...

Здесь слово *обнаковенно* — не для того, чтобы посмеяться над Олей. Автору дорога героиня пьесы, он ей желает счастья. И это неверное слово говорит о незащищенности девушки, о ее трогательной простоте[1].

Да, именно так: произносительный штрих — *обнаковенно* — вводит тему социальной незащищенности человека.

Нелитературное произношение на сцене стало приемлемо и в тех случаях, когда персонаж вызывает сочувствие зрителей. В более ранние времена отступление от литературной произносительной нормы было только комической краской. В 1839 г. театральный рецензент писал о такой новости: по его словам, русский купец является на сцене "всегда с смешной стороны". Но в одной из пьес Н.А. Поле-

[1] *Обнаковенно* — в рифме с *уединенно*, со словом книжного произношения... Песенка, которой начинается комедия, — как бы звуковой эпиграф к образу Оленьки: простодушная открытость и затаенное стремление к жизни-служению, сознание своей человеческой значительности.

вого артист, играя роль купца, "показал, что умеет передать теплые звуки благороднейшей из добродетелей — благодарности тем же купецким выговорам, которым... [в другой пьесе] смешит до упаду"[2].

В другой рецензии читаем: «Госпожа Репина, в роли Лизы ("Барышня-крестьянка") была прекрасна... Она была так непринужденно сельской крестьянкой, так естественно говорила по правописанию „Басурмана"[3], что вы приняли бы ее за настоящую деревенскую искательницу грибов»[4].

"Неотрицательное" воспроизведение диалекта или просторечия на сцене в конце 30-х годов, в 40-е, как видим, считается новшеством. Потом оно становится привычным. Все это означало, что народная речь, отличная от литературной, перестала третироваться как нечто недостойное.

Изменение отношения к внелитературному говорению, видимо, связано с тем, что "культура низов" завоевывает уважение и высокую оценку. Словарь Даля становится любимой книгой у интеллигенции. Ходовая шутка в это время: — Что должно быть в комнате у образованного человека? — Стол, стул и Даль[5]. Происходит открытие былинных сокровищ русского Севера. Увлеченно, во много рук собирается народное песенное богатство. Бесконечны оказались фольклорные сокровища народа. Диалекты впервые познаются в их своеобразии и "самооправданности". На них не смотрят как на испорченную речь, они оказались достойными партнерами литературного говорения. В противопоставлении "литературная речь — диалектная речь" стали пользоваться уважением обе стороны.

Признание в них полноправных участников общекультурного процесса имело своим результатом дальнейшее оттачивание норм литературного языка, их "устрожение", их бóльшую определенность и четкость. В эту эпоху впервые единство и устойчивость литературного говорения оцениваются как национальное сокровище. В грибоедовской Москве этого еще не было:

На всех московских есть особый отпечаток...

От этого еще очень далеко до признания этого отпечатка (в области произношения) образцом.

Это устрожение норм шло на пользу литературному языку. Оно отвечало внутренним потребностям его развития. Каждый литературный язык, совершенствуясь именно как язык, все более опре-

---

[2] Репертуар русского театра. СПб., 1839. N 8.

[3] В 1838 г. И.И. Лажечников издал свой роман "Басурман" с очень скромными попытками приблизить правописание к реальному литературному произношению. В XIX в. журналисты были так же филологически невежественны, как и в наше время. Вот и наш (цитируемый) рецензент рассудил: Лиза на сцене говорит не по литературным нормам, "Басурман" напечатан не по орфографическим нормам; значит, Лиза говорит по изданию "Басурмана". Рецензент шутит, но невежествен всерьез. Нас не интересует его серость, он для нас просто поставщик фактов: артистка играет прекрасную крестьянку, и положительному восприятию зрителей не мешает ее простонародный выговор...

[4] Репертуар русского театра. 1839. N 12.

[5] *Сухотин А.М.* Владимир Иванович Даль и его словарь // Рус. яз. в шк. 1937. N 6.

деленно разграничивает свои функциональные разновидности, все четче строит свои нормы.

Нужен был эталон, который воплощал бы в себе эти новые орфоэпические строгости и ценности. Таким эталоном стала театральная речь. Об этом будет еще сказано ниже.

В более раннее время хозяином литературной речи была дворянская интеллигенция; хотя в ее составе тоже были демократические слои, но серьезных социальных контрастов внутри культурной речи, вероятно, не было. Новая культурная сила, ясно заявившая о себе в послереформенное время, разночинцы, заговорили на свой лад. Произношение Базаровых и Кирсановых было неодинаково, и Базаровы не стыдились своей речи.

На произношение разночинцев оказывало влияние городское просторечие. Такое влияние испытывали и представители "верхушечной" интеллигенции — через "челядь", через нянюшек, горничных и т.д., но у них пятна просторечия выводились под влиянием среды (об этом выразительно писал Р. Кошутич). Другое дело разночинцы: их знакомство с просторечием начиналось и продолжалось в семье, и преодоление его не считалось делом сословной чести. Такое произношение или оставалось на всю жизнь как социальный знак, или изменялось под влиянием самой разночинческой среды.

Вероятно, речь разночинцев была более книжной, буквенной. Ф.Е. Корш, упоминая о привычке в произношении следовать написанию, этот выговор ехидно назвал семинаристским: так-де они говорят "из излишней старательности".

Разночинцы были "выходцами". Из духовенства, из мелкопоместного дворянства, из мещанства, из чиновничества, из крестьянства. "Выходя", они меняли свои речевые навыки — и руководителем для них, когда они освобождались от просторечия, от чиновничьего арго, от сословно-языковых привычек духовенства, была книга. Наблюдения Ф.Е. Корша, видимо, верны.

Особенно приметной чертой разночинческой речи было произношение заимствованных слов (базаровский "прынцып"). Эти слова были сильно русифицированы. Иностранным языкам многие "выходцы" обучались по книгам, и только. Вот любопытный рассказ: "У нас в реальном училище, в начале века, было что-то вроде кружка, изучали французский язык. Кто не мог дома или с учителем, те и решили: своими силами. Взаимообучение. Вел занятия один старшеклассник, шутник, заводила. На первом занятии он начал так:

— Латинский язык — жесткий, твердый. По-латыни человек — homo. Французский язык деликатный, мягкий, субтильный. По-французски человек... лом! (то есть l'homme).

Общий хохот"[6].

---

[6] Записано от учителя 235-й московской школы Е.М. Рождественского. В семинарии, на уроке французского языка: «Семинарист из наиболее подготовленных читает французскую фразу с русским акцентом: „Коман ву порте ву". — „Что ты французишь-то? — прерывает его учитель. — Ведь все равно французом не будешь. Читай просто, как все читают: Комент воус портес воус..."» (*Кирпичников А.П.* Первые дни в университете: Воспоминание о студенческой жизни. М., 1899. С. 163).

Разумеется, когда заимствованное слово встречалось в русской речи, оно у людей этой социальной группы тоже грозило превратиться во что-то похожее на "лом".

Семинаристское произношение, т.е. разночинческая орфоэпия, оказалось неустойчивым: оно исчезало обычно во втором поколении.

По свидетельству современников, духовенство в речи имело свои сословные отличия, в том числе фонетические. Главные черты: оканье, произношение [γ] (или [h]) вместо [г] (во всех словах или по крайней мере в большем кругу слов, чем требовал литературный язык); может быть, отсутствие ассимилятивного смягчения согласных в книжных словах; наконец, буквенное произношение некоторых грамматических форм, например прилагательных и причастий в род. падеже ед. числа с [γ] во флексии: *добро*[γ]*о, идуще*[γ]*о*. Последняя черта — не фонетическая, но косвенно и она может влиять на фонетику: изменяет частоту звуков. Если формы род. падежа произносятся с [γ], то этот согласный из редкого сразу становился весьма представительным и поэтому — живучим и социально значимым.

Если духовенство сохраняло эти фонетические особенности (возникшие под влиянием церковного языка) в своей обыденной, бытовой речи, то реакция собеседников в эту эпоху была нередко неодобрительной. И эта сословная орфоэпия тоже была обречена на исчезновение.

Обреченность сословно-речевых подсистем имела общественные причины: сословная отчужденность уходила в прошлое, отступала вместе с феодальной стариной. И не нужны были знаки кастовых размежеваний.

Была и собственно языковая причина: язык культуры может благоденствовать только при условии, что он охватывает все общество, не создавая никаких зон изоляции.

Литературный язык этой эпохи ни в какой мере не был социально ограниченным, "буржуазно-дворянским". Он не обслуживал какой-нибудь отдельный общественный слой в ущерб другим слоям.

Но литературному языку всегда и везде учатся. Он требователен, он велит знать нормы говорения и безупречно владеть ими. В обществе, где обучение и образование не были достоянием всех, само собой возникало предвзятое отношение к литературному языку: это язык образованных, ученых, вышколенных, привилегированных... Мнение несправедливое, так как сословно ограниченной была система образования, а не собственно язык. Но отсюда возникала, с одной стороны, неприязнь к "образованной" речи, с другой — возможность самодовольно отгораживаться этой речью от "простецов".

Ф.Е. Корш писал в 1906 г. А.А. Шахматову: «Совесть моя чиста. Сомневаюсь, чтобы в таком состоянии могла оказаться совесть Чернышева, если найдутся такие учителя, чтецы или артисты, которые усвоят себе его „Законы и правила русского произношения". И он называет этот выговор московским! Скорее уж это выговор „калуцкий"... „Быстрота" с той же гласной в первом слоге, как в „сапоги", то есть будто бы „сыпаги"! „Тяжело" в виде „тижыло"! „Явился",

исковерканное в „ивилса"! „Отвернул" — „атвирнул" вместо „атьве'рнул" (если уж по-московски!) "Помощь будет" — „поможжбудит"! „По тряской" — „патьряскый"! И еще Вас осрамил благодарностью! Поговорил бы об ударениях и — скромно — о формах, а то куда ему, сиволапому, лезть в физиологию звуков!»[7]. Для Ф.Е. Корша неприемлемы оказались у В.И. Чернышева: во-первых, упрощенная транскрипция (но она была в интересах демократического читателя, стремящегося овладеть орфоэпией) и, во-вторых, йкающее произношение. (Об отношении Корша к йканью будет сказано дальше.)

Итак, в обществе, где все было социально напряжено, эта напряженность перекидывалась и на отношение к литературному языку. Но сам язык не был частью социальной системы, в которой он существовал. Он жил своей увлекательной жизнью языка.

Существовал ли разговорный язык (РЯ), о котором сказано во 2-й главе, в середине — конце XIX в.? Вероятно, нет. Снова используем наш критерий: если была особая система — РЯ, то хотя бы синтаксис ее должен был найти свое отражение в письмах, в художественной литературе.

Приведем пример; он, на наш взгляд, показывает ту предельную разговорность, которой могла достигать речь середины — конца XIX в. Письмо известного артиста А.Е. Мартынова своему приятелю о семейных делах (ссорах с отцом), 1846 г. И тематика, и жанр здесь поощряют разговорность — и она действительно есть: и в синтаксисе, и в лексике. Надо обратить внимание на активность интонации. (Например, частые логические выделения слов: "на которые я́ имею право сердиться... а на самом-то деле о́н мне делает их"...) Но вся эта разговорность — в пределах КЛЯ; это с т и л ь разговорный, а не особая коммуникативная система — РЯ.

А.Е. Мартынов пишет, что он ищет защиты «против неудовольствий отца, который, ты сам был свидетель, как палит, особенно после смерти матушки. А причина та, что та бывало отдаст ему все деньги на бумаги, а сама с семейством целый месяц бьется, как рыба об лед. А теперь, как он уже сам и хозяин дома и ходатай по делам, так то и дело: Сашинька! дай 10 рублей, Сашинька, дай 5 и т.д., а у меня дома больная Сашинька. Не дашь — придет ночью и давай кастить меня самыми гадкими словами.Даже вот один случай, который надобно описать. Мы <с отцом> в ладу — Сашиньку мою целует, достает доктора, сам ходил в детскую больницу, и приходит в три часа обедать, спрашивает водки. Принесли! Нет не то!!! Посылаю за другой, — словом, угождение, учтивость донельзя; садимся за стол — и пошла писать. Заметь, он не пьяный!.. Я же ни слова. А тут на беду был Максимов 1-й, уж он его чесал, чесал, так, что тот ушел. Вечером является во всей красе часов так в двенадцать или половине первого, где уж я! вышел из терпенья. И так у нас с тех пор пошло все хуже, хуже и хуже, ругает меня, называет пьяницею, картежником, „а ты знаешь меня?", словом, негодяем, какого свет не производил. И все эти разговоры

[7] Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, N 729. Л. 308—308 об.

начинаются у Федьки Дмитриева, на которые я имею право сердиться и делать неприятности... а в самом-то деле он мне делает их, и я хочу только спросить, за что??? Иногда я его в душе ругаю, а иногда подумаю и говорю сам в себе — бог с ним»[8].

Синтаксис не говорит о существовании возможностей РЯ. Очевидно, и фонетика РЯ, столь своеобычная в XX в., в ту пору еще не заявила о себе.

В этот же период вполне определенно и требовательно Петербург заявил свои претензии быть вторым орфоэпическим центром России. Различия в произношении между двумя столицами стали рассматриваться как различия между двумя орфоэпическими образцами. Петербургские черты — книжность выговора, неотграниченность некоторых норм от городского просторечия, — казалось бы, должны были придать петербургской норме более демократический характер. Этого не случилось. Различие: демократический вариант — недемократический вариант литературного произношения — в Петербурге было в большинстве признаков нейтрализовано; те черты, которые в Москве оценивались как признак демократического варианта, в Питере были лишены этого качества.

Итак, середина — вторая половина XIX в. — время орфоэпического раскола. Разночинцы contra дворянская интеллигенция, Москва contra Петербург, ученые люди, любившие употреблять "приезжие" слова, contra простецы, избегавшие их... — все они произносительно размежевались, отклонились в разные стороны.

Как бы стремясь уравновесить эту новую дробность, возникает образец, живое воплощение орфоэпического идеала: театральная речь. Малый театр в Москве, Александринский в Петербурге — вот непререкаемые авторитеты в области литературного произношения.

В более раннее время (в первой половине XIX в.) этого не было: не сформировалась еще единая сценическая норма, не приобрела общенационального значения, не завоевала всенародный авторитет. На сцене господствовала условная речь; она вполне отвечала стилистическим намерениям театра, но была далека от речевой реальности. Преобладала установка на ораторски-взвинченную, пафосную речь или на речь напевную. Во второй половине XIX в. на сцене стал господствовать разговор. Появилась плеяда замечательных артистов, мастеров речи, которая могла быть примером для зрителей в их бытовом говорении (династия Садовских, династия Бороздиных—Музилей—Рыжовых, Никулина-Косицкая, Стрепетова, Федотова, Ермолова, Савина, Варламов, Давыдов, Ленский, Южин-Сумбатов, Турчанинова...).

Театр в России в XIX в. не был сословным. Его посещали не только верхи общества, но и все демократические круги города. Партер — верхам, верхние ярусы и галерка — низам (архитектурные и социальные градации не совпадали). В воскресенье давались особые

[8] Письма А.Е. Мартынова / Публикация А.Г. Альтшуллера // Театральное наследство. М., 1956.

представления "для народа". Выступали одни и те же артисты; современник писал: знаменитый трагик В.А. Каратыгин играет и в воскресные дни, ну разве что он в воскресенье побольше покричит и побегает по сцене...

Именно в эту эпоху стали ценить особое умение "говорить" куплеты в водевиле, т.е. так их петь (припевать), чтобы было впечатление естественного разговора.

Все это, вместе взятое, обеспечило театру ведущую роль в распространении орфоэпической культуры...

Начало XX в. — взлет "условного театра" (В.Э. Мейерхольд, А.Я. Таиров). Эти театры создавали сценическую речь, часто далекую от бытовой. Но своей ориентацией на речевую эстетику, своим вниманием к выразительным возможностям речи эти театры воспитывали такое же внимание у зрителя — и, следовательно, "работали" на орфоэпию. Требования к высокому качеству речи — вот чему помогали эти театры.

Уже сказано, что в эту эпоху полностью выявилось различие между московским и петербургским произношением.

Сцена и здесь противостояла орфоэпическому разброду. Театры Москвы и Петербурга в основных чертах имели одну и ту же орфоэпическую норму: московскую. Артисты Александринского театра, переходя в Малый, не чувствовали необходимости менять свои произносительные привычки.

В эту эпоху продолжал действовать диахронический закон И.А. Бодуэна де Куртенэ. Главными фонетическими событиями эпохи были такие:

1) йкающая норма стала наравне с акающей вполне законной в литературном языке;

2) появились, пока еще очень слабые, признаки того, что расшатывается ассимилятивное смягчение согласных.

Ясно, что это орел и решка Бодуэнова закона.

Выдвижение демократической разновидности литературного произношения, общественное признание сценической речи орфоэпически образцовой, "двустоличность" фонетической нормы, формирование — в связи с культурной жизнью народа — особых произносительных подсистем, в первую очередь — подсистемы заимствованных слов, — как взаимосвязаны эти непосредственно социальные изменения с изменениями внутриязыковыми, определяемыми законом Бодуэна де Куртенэ?

Эпоху характеризовало орфоэпическое разнообразие. Был широкий выбор орфоэпических вариантов (демократическое — недемократическое, московское — петербургское произношение, орфоэпия заимствованных — незаимствованных слов). Закону Бодуэна было из чего выбирать. И он выбирал то, что ему нужно. Иканье — из речи демократической интеллигенции, расшатанность (первоначальную, несмелую) ассимиляции согласных по мягкости — из петербургской (и вообще — немосковской) речи, из фонетики заимствованных слов.

А те особенности фонетики, социально обусловленные, которые противоречили закону Бодуэна, оказались недолговечными и в оранжевой и алой системах были преодолены (оканье, характерное для фонетики заимствованных слов, петербургское и старинное московское эканье и т.д.).

Зеленая норма принадлежит поколению О.О. Садовской, Ф.Е. Корша и их сверстников и старших современников. Желтая — поколению Д.Н. Ушакова и Н.Н. Дурново. Различие не только во времени, но и в областях употребления, и в функциях. Зеленая система продолжала жить на сцене театров и в начале XX в., и позже... С другой стороны, бытовая речь, видимо, достаточно рано освоила желтую систему (см. об этом дальше).

СОСТАВ ФОНЕМ

Состав парадигмо-фонем в желтой и зеленой системах отличается от их состава в оранжевой.

Главное: нет <к'>; нет вообще мягких заднеязычных фонем. Мягкие согласные [к'], [г'], [х'] были, но они позиционно чередовались с твердыми заднеязычными [к], [г], [х]. Правила чередования описаны во 2-й главе: они одинаковы для оранжевой и алой, желтой и зеленой систем.

В одной позиции, как видно, твердые и мягкие заднеязычные (недиезные и диезные компактные низкие) не встречались. Поэтому они представляют попарно одну фонему:

[к], [к']=<к>
[г], [г']=<г>
[х], [х']=<х>.

После появления (в общеупотребительной лексике) слов и словоформ *ткёшь, ткёт, ткём, ткёте, ткя, киоскёр, паникёр, маникюр* оказалось, что [к] и [к'] возможны в одной позиции: *рука — ткя, рукой — ткёт, киоскёр, руку — маникюр*. Это было уже в оранжевой системе. Тогда-то и появилась фонема <к'> (и потенциально — <г'>, <х'>).

Но появление этих слов и словоформ — за временны́ми пределами желтой—зеленой системы.

Формы *ткёшь, ткёт, ткём, ткёте* считались диалектными. Еще в 1916 г. С.П. Обнорский писал в рецензии на одну из работ Р. Кошутича: "Автор дает формы спряжения глагола *ткать*, причем подчеркивает, что в наст. вр. основа глагола всюду содержит [к] (не [ч]): *тку, ткёшь* и т.д. В утверждении автора, очевидно, какое-то недоразумение. Конечно, такое спряжение известно и весьма обычно в живой речи, как и спряжение *жгёт, пекёт, текёт* и под., — но не в языке собственно литературном. Литературный язык употребляет только формы с [ч] — *тчёшь, вытчешь* и под., и во всяком случае только эти формы следует рекомендовать в качестве литературных"[9].

[9] *Обнорский С.П.* [Рецензия] // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. Пг., 1916. Т. 21. Кн. 1. С. 337. — Рец. на кн.: Кошутић Р. Граматика руског језика. 2. Облици. Београд, 1914.

И не было в языке слов *киоскёр, паникёр, маникюр*[10].

Положение фонемы [γ] было еще прочным. Она наличествовала в словах и словоформах: *бог* (=[*бох*]=[*боγ*]), *бога, богу, богом, о боге*[11], *господь, господень, благо, благодарить, благодарность, благодетельный, благоговеть, благодать, благосклонно, богатый*[12], *богатство, государь*[13], *убогий, богатырь;* у некоторых лиц — в слове *Петербур*[х] (=*Петербур*[γ]), *Петербур*[γ]*а* и т.д.

Гиперфонема <$\frac{х}{γ}$> представлена в словах (и словоформах): *где, нигде, негде, когда, тогда, никогда, некогда, всегда, иногда* и др., *их, твоих, злых* и др.

Во многих словах, где традиция требовала [γ], было уже возможно произношение [г]; молодое поколение (желтая система) часто пользовалась этой возможностью. Неустойчив [γ] был в словах: *богатый, богатство, благодарность, благодетельность, благоговеть, убогий, богатырь.*

У "желтой" молодежи (но не у "зеленых" старцев) даже формы *бога, богу* могли быть с [г][14].

Многие заимствованные слова имели [γ]: [γ*амл'ьт*] ЙЛ: 12, *Гера, герметический, гимн, Генрих* ФК: 79 и т.д. Написание с *г* "вводит в обман огромное большинство, не знакомое с происхождением этих слов, заставляя его произносить *Гера, герметический, гимн, Генрих* и т.п. с *г=g*", — писал Ф.Е. Корш. По его мнению, произносится: *јений, јенерал* ФК: 79[15].

---

[10] Еще в 1933 г. К.А. Федин в статье "К дискуссии о языке" протестовал против употребления новообразования *киоскёр* ("продавец газет и книг в киоске"). И позже, в 1940 г., в "Записной тетради", писатель снова повторил свой протест: *киоскёр* — это, по его мнению, "увечье языка". В эти годы слово вошло уже в общее употребление. Впервые отмечено в словаре под ред. Д.Н. Ушакова в 1935 г. Слово *маникюр* впервые введено в тот же словарь в 1938 г. Ранее в текстах встречалось слово *маникур* (написание отражает ту произносительную форму, которая была единственно возможной при отсутствии фонемы <к'>). В 17-томном словаре пример из Боборыкина. Слово *паникёр* впервые дано в ушаковском словаре (1939 г.)

[11] Но *богиня, богини, богине, богиней, о богине* и во мн. числе: *боги, богини, богов, богинь, богам, богиням, богами, богинями, о богах, о богинях* — следует уже произносить с обыкновенным *г* (ПШ: 20). Согласный [γ] в этих словах играл ту же роль, что большая буква на письме у слов этого корня: *Бог, Бога, Богу, Богом, о Боге,* но *богиня, боги, богам* и т.д. (для обозначения языческого пантеона).

[12] См. у Й. Люнделля: [баγа́д, да хвара́ит] ЙЛ: 28.

[13] Слово *государь,* по словам Ф.Е. Корша, имело чаще [г], "и так всегда в *милостивый государь*" (РК: 80). По его же словам, в слове *господин* был всегда [г], но есть и противоположные свидетельства.

[14] Сведения о вариантности [г —γ] см. в РК: 67-68, ЙЛ: 12, 24, 36, 66, ПШ: 20; ДУ 11:93. Ср. транскрипции П.Г. Шарова: *бла*[г]*ородный, бо*[г]*ачей, бо*[г]*атых* ПШ: 57, 67.

[15] Ф.Е. Корш отожествлял [γ'] и [j]. Этому противоречит такое его заявление: "Сочетание *ге* хотя не встречается в начале чисто русских слов, однако не противоречит нашей нынешней фонетике — ср. *ноге, в пироге* и т.д." (ФК: 79). Но если "*ге*"=[jэ], то такое начало в русских словах встречается часто: *ель, ехать, ест* и т.д. Звуки, несомненно, были качественно близки (как и в современном языке, ср. *о боге — о бое*). Но, видимо, [γ'] сохраняло более напряженную, шумную артикуляцию; сближение языка с нёбом было напряженнее, чем при [j].

В желтой и зеленой системах положение <γ> укреплялось терминологией. Ведь именно в то время, когда господствовали желтая и зеленая системы, складывалась группа заимствованных слов, обособленная фонетически; терминология входит в эту группу.

Один неискусный, но правдивый наблюдатель пишет так: "Буква *г*, называемая громкою, или твердою, согласною гортанною буквою, называется неполно, то есть по одному звуку, образуемому плотным сжиманием верхней части гортани; другой же звук, образуемый слабейшим сжиманием, или только суживанием верхней части гортани, остался безучастным в названии буквы. Так, в словах: *гвардия, губернатор, губерния, гибель, голод,* звук, изображаемый буквою *г*, произносится твердо; в словах же: *гармония, Господь, господин, государь, госпиталь,* звук, изображаемый тою же самой буквою *г*, произносится смягчённо, намного громче звука, изображаемого гортанною шёпотною буквою *х*. В других языках звукам этим для их письменнаго изображения присвоены особыя буквы: звуку, образуемому точным сжиманием верхней части гортани, присвоена буква *g*, произносимая громко и твердо, как русская буква *г* в слове *губернатор,* звуку же, образуемому слабейшим сжиманием, или суживанием верхней части гортани, присвоена буква *h*, произносимая, как русская буква *г* в слове *господин*"[16].

А.И. Орлов вводит особую букву: *'г* — для передачи [γ]. В словаре отмечены многие слова с этим звуком, но часто они малоупотребительны:

'гагиографія (гр.) 'жизнеописание святых',
'гагиомах 'противник почитания святых',
'гагиопневмóника 'учение о святых духах',
'гармонúты 'секта в Северной Америке в местечке Гармони',
'гармониум 'род орга́на',
'гармонифон 'духовой инструмент',
'гармоту́н (тамб., нижег.) 'бубенчик, гремок',
'гарпи́т (лат.) 'окаменелая раковина',
'га́рпиус (лат.) 'отвердевшая смола',
'гарпия 'чудовище',
'гарпократ 'бог молчания',
'гасло (польск.) 'пароль',
'гасна (араб.) 'частная жизнь султана',

Многие из этих рекомендаций явно искусственны — хотя бы потому, что слова у Орлова часто им самим изобретены и явно не имеют естественной звуковой традиции[17].

---

[16] *Орлов А.И.* Полный филологический словарь русского языка. М., 1885. Т. 2. С. 7.

[17] Искусственность выдает себя и в подборе лексики. У Орлова толкуются такие слова: *гирляндчонка, горбатенье* (становление горбатым), *горбоносоватый, гиблемый* (подверженный гибели), *горнорабочеин* (к горнорабочему относящийся), *глумительничий* (к глумителю относящийся), *громковатенько, глобусничиха* (жена того, кто делает глобусы...). Ясно, что от такого словариста-затейника нельзя ожидать строгой объективности в описании произносительных норм. Он и здесь непременно будет изобретателем.

Но в некоторых случаях, очевидно, рекомендации А.И. Орлова были отражением произносительных намерений наших книжников: они хотели, сообразуясь с этимологией слова, использовать [γ] как "правильный" перевод греческого ' и латинского *h*[18]. И сами они, вероятно, произносили: *гармонически, гармонический, гармонично, гармонитость, гармоничный, гармония, гектар, гектограмм, гектолитр, гектоэдрический, гелиоскоп, гемостат, гелиотроп, гельминтолог, гегемония, гедонизм, геенна, гейзеры, гекатомба, гекзаметр, геммы, геморрой, гербарий, гермафродит, герой, героизм, геройски, геройствовать, героически, гетера, гиацинт, гигиена, гидравлика, гидрат, гиероглифы, гименей, гимнастика, гимнаст, гимназия, гимназист, гипербола, гипподром, гиппопотам, гиена, гортензия* — с начальным [γ] (или, может быть, [ɦ]).

Самый этот "нажим" на [γ], энергичная его утилизация (пусть только в кругах книжников) свидетельствует о важном процессе: формируется в языке группа заимствованных слов (в том числе — терминов), обладающая не только семантическими опознавательными признаками, но и своей фонетикой. Этот процесс приходится как раз на середину и конец XIX в.

Устойчивым было и положение фонемы <ж>. Она была в словах *жжет, жужжать, дрожжи, выжженный, позже, езжу, брызжу, пригвоздю, визжу, дребезжать, вожжа, можжевельник, дождя,* РК: 127, *мозжечок* ВЧ 15:41. Те же слова перечисляют и другие наблюдатели (РБ 92: 136; ЙЛ: 12, 17, 44, 50, 62; ДУ 11: 77; ПШ: 43 и др.).

Произносительные привычки передавались по семейным традициям, от матери к детям, и поэтому влияние письма не играло решающей роли. Но оно оказалось крайне неблагоприятным и для <ж>, и для <γ> в следующую эпоху.

Фонема <ш'> реализовалась в Москве звуком [ш̄'] (на этом сходятся данные всех наблюдателей); в Петербурге часто произносили ее как [ш'ч']; может быть, это была даже безысключительно господствующая там норма.

При неколебимости, устойчивости <ж'> безразлично, произносится [ш'] или [ш'ч']: все равно надо учитывать фонемы: <ж> и <ж'> и (параллельно) <ш> и <ш'>, как бы <ш'> ни реализовалась.

Итак, в желтой и зеленой системах было 33 согласные парадигмофонемы: <п—п' — б—б' — ф—ф' — в—в' — м—м' — т—т' — д—д' — с—с' — з—з' — ц — н—н' — л—л' — ш — ж — ш' — ж' — ч — j — к — г — х —γ>.

Гласных парадигмо-фонем было пять: <а — о — э — у — и>; набор их одинаков для алой — оранжевой — желтой — зеленой систем.

---

[18] Этот принцип проведен в словаре непоследовательно.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОНЕМ

СОГЛАСНЫЕ

Вокальные—невокальные

Для зеленой и желтой произносительных систем существовали те же закономерности в распределении синтагмо-фонем "вокальность—невокальность", как для оранжевой и алой. Те же были и законы чередования: сонорный после согласного, если попадал в позицию конца слова, заменялся сочетанием "гласный + сонорный согласный". Наиболее ясно об этом свидетельствует Р.Ф. Брандт. Он постоянно пишет в своих стихах (Брандт писал не только ученые статьи, но и стихи): *тигор, оркестор.* "Этим я хотел сказать читателю, — говорит автор, — чтобы он не вымучивал из себя вовсе не свойственных живой русской речи бессложных окончаний *стр, гр...* а произносил бы попросту *оркестор* — в три слога, *тигор* — в два, с тем глухим гласным звуком, который... передается буквой *о* в каких-нибудь *хутор, свекор, угол, стекол.* Ср. с этими примерами слова *перламутр, мокр, смугл* и *Прокл,* представляющие на них, при непринужденном выговоре, вполне хорошие рифмы"[19].

Как и в более позднее время, во второй половине XIX в. сонорные могли, вбирая в себя гласный, становиться слогообразовательными; вот записи Люнделля:

з'ъл'о̯н'къ̯и 16
ф-са̯̄м д'е̯л'ъ 16,54
аст'а̯н'ца 48
кал'э̯н' (=колени) нъч'ьн'а̯уд дража̯т' 52
ф-сам̯ в'и̯е̯з'д'ь 42
тржъству̯и̯ь 56.

Ср. у И.А. Бодуэна де Куртенэ (1881):

до̯м̄ (=домом)
програ̯ма̯̄, програ̯ма̯̄'и (=программам, -ми)
хо̯лда (=холода)
на̯крму (=на корму)
што̯ ѣтъ за̯л'д'и? (БдК: 86).

Ср. у В.А. Богородицкого (1887):

да̯м̄м'и (=дамами) 174
д'э̯̄лла (=делала) 175
д'э̯̄лл'и (=делали) 175
н̄н'иза̯л (=нанизал) 175

Более того, и звонкие шумные согласные могут становиться слоговыми, если рядом гласный заменен нулем; у Й. Люнделля:

но̯в̯а (=нового) 16
ш̄'ес'л'и̯в̯а 28 (2 раза)
как адна̯ка, в̯ въража̯ньтъс 27
бу̯д̯'т'ъ (=будете) 26, 38
ув'и̯д̯'т'ъ 26, ув'и̯д̯'т' (инфинитив) 58.

[19] *Головнин О.* [*Брандт Р.*]: Басни. СПб., 1910. С. X.

у В.А. Богородицкого (ВБ: 87):

но́в̄ва 175
пра́в̄ва 175
лука́в̄ва 175.

Нередко, судя по записям Люнделля, и глухие шумные, заменяя собой сочетание "гласный + глухой шумный", становятся слоговыми:

ç с'л'э́дуўш'ьм 48
пс̥мат'р'эт' 58, пс̥матр'и́ 38
твои̯ эт̯ тапо́р 32
ппала́м 58
пс̥н'ьма́л'ь 58
ста̯ч'нъи̯ь д'эла́ 40
мо́жът ыспор'т̯са 44
т͡ш'т'в'ьртака́ 48
дватс̥т' 54 (2 раза), 58 (2 раза)
ад'и́нътс̥т' П-20, ч'ты́рнътс̥т' 46.

Заметно, что такое произношение очень вариативно: иногда согласный может утрачивать свою слоговость, и гласный исчезает тогда совсем уж бесследно; ср. записи: эт̯-тапо́р (=это тапор) 23 и эт-то́л'ка 44.

Люнделль отмечает точкой под знаком того или иного звука возможность его бесследного исчезновения. Вот его записи:

абра́дъвълса 23, 28
пр'ьвъ̣схад'и́т'ьлсва̯ 26, 27
с'л'э́дъ̣вът'ьл'на 27
хо́лъдны (=хо́лодны) 31 — и т.д.

Чаще всего, как видно, склонны "выпадать" (т.е. "чередоваться с нулем") гласные [ъ,ь]. Особенно они любят это делать в том случае, когда согласный ими окружен с обеих сторон, тогда один из гласных исчезает.

Примеры, чутко записанные Люнделлем, пожалуй, можно рассматривать как первое движение русской фонетической системы в сторону современного РЯ. Свидетельство Люнделля драгоценно.

Как описать синтагматические и парадигматические закономерности приведенных фактов?

Синтагматика. Слоговые согласные могут сочетаться с гласными и с согласными:

αtα	но́ва
αt̯#	кале́н̯' (=колени)
αt̯t	тро́н̯'ца, в'и́д̯'т'ь
#t̯t	пс̥пала́м, ç-с'л'э́дуўш'им
tt̯t	тржъствý̯ь, пс̥мат'р'и́

(повторяем примеры Люнделля).

Это заключение куце? Большего в области синтагматики не установишь.

Парадигматика. Закономерность чередований такая:

В тщательном, неаллегровом произношении	В небрежном, убыстренном произношении

Сочетание неслогового согласного с гласным	Слоговой согласный.

Все вышеприведенные случаи описываются этой парадигматической закономерностью.

Во всех описанных случаях согласный "попирает" гласный. Вытесняет его, становится слоговым (или не становится — и тогда следы гласного бесследно исчезают) и торжествует. Это — господствующий случай. Но возможен и противоположный: согласный терпит ущерб. Сонорный, не соприкасающийся с гласным, может оглушаться. Губные [м], [м'] тогда становятся неслышимы. Остальные — [н], [н'], [л], [л'], [р], [р'] — еле слышимы.

Свидетельство Р.Ф. Брандта: он считал рифму *завязав — журавль* "чистой", т.е. точной.

В.И. Чернышев транскрибирует: *журафь, йираслафь* (=*Ярославль*), *карапь* и т.д. Впрочем, его транскрипции не во всем надежны. Не имел ли он в виду просторечие? При произношении [карáпл'] мягкости у [п] неоткуда взяться. Морфологическая аналогия? Но такая аналогия действует именно в просторечии: *рубь, корабь* (по образцу: *голубь, червь*).

Произношение *тема*[тр], реже — *Ярос*л*а*[фл'] существует и сейчас, но оно более редко, чем *тема*[тʼр], *Ярос*л*а*[вʼл']. Вероятно, оно было редким и в начале нашего века — об этом можно судить по транскрипциям Люнделля: в большинстве случаев он фиксирует в своих записях слоговой сонорный.

Оглушаются и носовые, не соприкасающиеся с гласным. У Люнделля:

драхм 14
п'ёс'н' 14.

Отмечены колебания в произношении:

п'óтр 14
п'óтр 52 (2 р.), 56
м'ьн'йстр 42 (2 р.), 44 (2 р.)
м'ьн'йстр 54 (3 раза), 56 (1 раз).

Отмечено Люнделлем и произношение *рупь, журафь, ераслафь* (14). У Р. Кошутича такие варианты (*рупь, карапь, журафь*) отнесены к просторечию; образованные же люди говорят: *руб*[л'], *кораб*[л'], *журав*[л'] (166).

Видно, и впрямь полный нуль вместо сонорного был на ущербе, и глухой сонорный оказался не в чести; господствовал (в этой позиции) слоговой сонорный.

Как и в алой и оранжевой системах, гласный рядом с сонорным (в безударных слогах, обычно заударных) мог исчезать, не оставляя ни малейшего следа о себе. Для этого рядом с сонорным нужен был редуцированный [ъ] и [ь]. Транскрипции И.А. Бодуэна де Куртенэ:

параход=[praxót]
переворот=[p'er'varót].

Транскрипции В.А. Богородицкого:

п'ър'б'эрý (=переберу) ВБ 87:173

(так же: *перенесу, переведу, перелечу*);

кълкалá 173

в'ър'т'энó 173.

Другие примеры с онуленным гласным: *полотно, колокольня, колесо, голоса, пароход, караул, конопель* ВБ 87:168. "Гласный иногда вовсе не слышится во втором слоге перед ударением", — пишет В.А. Богородицкий (ВБ 87:161).

Свидетельства стиха:

День тяжелый, мутно-белый
Настает.
Кровъ земли одервенелой
Плугъ дерет.
С. Городецкий[20]

Как видно, в желтой и зеленой системах вокальность—невокальность парадигматически и синтагматически ведет себя так же, как в алой и оранжевой.

Консонантные—неконсонантные

В предыдущей главе сказано, как изменчиво реализуется оранжево-алая фонема йот в разных условиях. В желтой и зеленой системах, судя по всему, была такая же реализация: ее капризная сложность исторически оказывается очень устойчивой.

Парадигматика. Многие лингвисты, описывая произношение второй половины XIX — начала XX в., отмечают закономерность: перед ударным гласным — [j], в других позициях — [и̯].

А.И. Томсон различал[и̯] — [э̯]; например, в фамилии *Айвазовский* он транскрибирует начальные [аэ̯]. Все эти факты не̇ расходятся с данными современного русского языка. Одного примера А.И. Томсона, конечно, недостаточно, но он намекает, что и позиционное распределение между звуками [и̯] — [э̯] было подобно современному[21].

У Й. Люнделля находим такие обозначения фонемы <j>. Он приводит ряд примеров, где различаются [j] и [j˩] (продвинутый кзади, *ы*-образный), он его изображает знаком [ы̯]. Такая реализация <j> у Люнделля показана на стыке слов:

у вас — ыэс'т' 26

стал ы̯а ф̂ч'ьрá 40

н'эт, ы̯а н'ьс'м'ьиýс 40

вы́шъл ы̯эи̯ навс'т'р'еч'у 40

так ы̯а н'ьсý и̯эи̯ 40

вóлк ы̯эи̯ сказáл 42 и т.д.

[20] См. его книгу "Русь" (М., 1910, без пагинации). Стихотворение "Неотвязная картина".

[21] Ср. у И.А. Бодуэна де Куртенэ: што jтъ (=*что это*); [э] становится в беглой речи неслоговым, и его удобно обозначить так же, как [и] неслоговой; у Бодуэна — знаком [j]. Значит, после [о] (здесь в слове *што*) произносился обычно не [и̯], а [э̯].

Но в других позициях: да и̯а 38; эта и̯а 42 и т.д.

Так ли сейчас? В *ружье, шью* и проч. [ы̯], как уже сказано, — реальность. Но на стыках слов, может быть, произошла стандартизация всех начальных выразителей йота: произносится, скорее всего, просто [и̯]. Если раньше (по данным Люнделля) сочетание "твердый согласный (но не [ц, ш, ж, к, х]) + [ы̯]" указывало на границу слов, то теперь и на границе слов произносится t + [и̯][22].

В начале безударного слова анлаутный <j> может стать звуковым нулем; но это факультативно; обычно произношение с йотом:

па о́пш'ьму и̯ьво́ в'и́ду 32
сажа́т' и̯ьво́ 38
ан'и́ и̯ьво́ 38
да и̯а́ ьво 38 (да я его!).

Примеры, где начальный <j> (после гласного предыдущего слова) равен нулю:

зъ-ьво́ (=за его) 23
што ьво́ (=что его) 27
слы́шна ьму́ 28
мн'э ьш'о нужна́ 28.

Такой же нуль может быть после согласного (и он тоже факультативен):

н'е да́л ыму́ 23
ьжа́р'ьл ыво́ 29
и̯ес'т' ьш'о 32
над'э́л ыи̯о 42.

Это у Люнделля. У других фонетистов:

[аб ыи̯о́] ДУ, НД: 346
держал [ыи̯о́] ДУ, НД: 346.

Видно, что в ноль йот превращается и после твердых, и после мягких согласных, и после гласных предшествующего слова.

В заударных слогах, по Люнделлю, [ју]=[ў]; эта реализация тоже факультативна:

быва́ут 30 или быва́и̯ут 31.

Другие примеры:

с'м'ёўт 17	с'м'ёў 28
н'икала́ў 25	с кра́ў 42
спра́шъвъў 24	с'л'эдуўш'ьм 48
абраш'а́ўс 27	нъч'ьна́ўд дража́т' 52.

Примеров у Люнделля очень много [23].

У Д.Н. Ушакова — Н.Н. Дурново:

ажывл'а́ўт 346	с'јида́ўц̆ъ 347
мъладу́ў 347	над'ёўс 347.

[22] Напоминаем, что в алой системе сочетание t + [и̯], [j] (а не [т́] + [и̯], [j]) стало обычным внутри слова: *о*[би̯]*явление о*[тj]*явленный* и пр.

[23] В редких случаях Й. Люнделль звук [ў] слышит рядом с последующим [и] после твердого! Например: кра́снўи̯у 40,42 (малодостоверно!); или рядом с последующим

Само обилие транскрипций (у Й. Люнделля, который, скорее всего, слушал речь, а не просто транскрибировал "по правилам") говорит о распространенности явления. Из двух вариантов: *видне*[ў]*тся* и *видне*[jу]*тся*, кажется, в обычной (не театральной, не ораторской) речи преобладал первый — так же, как и сейчас.

Значительно отличалось от современного, по Люнделлю, произношение <j> перед [и]-образными заударными звуками. Сейчас, в алой и оранжевой системе, такой <j> представлен нулем, если он интервокален; Люнделль обычно его обозначает как звук [и̯]:

свъи̯имý 28	пъм'ьш'а̂и̯ьца 30
хвара́и̯ит 28	пакр'йк'ьвъи̯ьт 31
называ̂и̯ьца 30	по́и̯ист 46 и т.д.

Можно предположить одно из трех:

1) транскрипции Люнделля в этом случае условны: они скорее транслитерация русских орфограмм, чем транскрипция произношения. Но, судя по другим случаям, Люнделль — наблюдатель, тонко подмечающий факты, а не специалист по транслитерации[24];

2) транскрипции Люнделля передают ораторскую и сценическую манеру. Ведь и сейчас нередко на сцене говорят: *по*[и̯ь]*зд, зна*[и̯ь]*те* и т.д.

Однако обычно у Люнделля транскрибируется как раз непринужденная речь, стиль более разговорный, чем в записях у Р. Кошутича—А. Шахматова и Ф. Корша. И среди приведенных примеров с [и̯] перед [и]-образным звуком есть явно непригодный для сцены: [то-и̯ьс] ЙЛ: 34. Нет, это предположение маловероятно;

3) возможно, что в зеленой–желтой системе чаще использовались формы с [и̯] перед [и]-образным заударным гласным. Сейчас из двух вариантов: [свъи̯имý] и [свъимý] — всюду решительно преобладает второй. Даже на сцене, на трибуне, на кафедре. В те времена, видимо, было по-другому.

Безйотовая форма была уже очень широко распространена. Ее отмечают и другие наблюдатели:

рисýит ФК: 85
тваиво́ ДУ, НД: 346
а̄ч'а́ийъиъ (отчаянное) ДУ, НД: (дополнения).

Но она еще уживалась мирно, даже в бытовой речи, с формами, где было сочетание "[и̯] + [и]-образный заударный гласный".

Произношение типа [свъи̯имý] (с сочетанием [и̯и]) поддерживалось в желтой и оранжевой системах, видимо, тем, что существовало узаконенное произношение местоименных форм *им, их, ими* с

нулизованным [j]: с'л'э́дўьт (?) 115, или между мягким согласным и последующим [и̯]: с'йн'у̯иу 17, в'е́р'хн'ўу̯иу 30, с'р'е́д'н'ўу̯иу 30, н'йжн'ўу̯иу 30. Все это у него — единичные транскрипции.

[24] Заметим, что Я.К. Грот отрицает существование произношения: *твойи* и проч. (*Грот Я.К.* Заметки о сущности некоторых звуков русского языка // Сб. ОРЯС АН. СПб., 1878. Т. 18, N 8. С. 1).

начальным [и̯]: [и̯им], [и̯их], [ий́м'и], а при ударности местоимения даже, видимо, с начальным [j].

Часто местоимение было безударным: *зна́ем мы* [и̯их], *вы́* [и̯им] *не помыкайте, она горда́* [и̯им'и]. В интервокальной позиции, перед безударным [и], произносили [и̯]. Это поддерживало и произношение: *гуля́*[и̯им], *сара́*[и̯им'и]. Но когда в алой и оранжевой системах стали говорить преимущественно (или только) [им, их, им'и], без начального [и̯], то поддержка со стороны местоимений пропала. Быстрее пошло вытеснение произносительных вариантов с заударным сочетанием "гласный+[и̯и]". Косвенным, но убедительным подтверждением того, что в заударной части перед [и] (в интервокальном положении) произносился [и̯], что он не превращался, как сейчас, в нуль, служат такие наблюдения: по Ф.Е. Коршу, одинаково произносятся *о боге* и *о бое* ФК: 80. Он считал, что [γ']=[j] (близость этих согласных несомненна, а их полное совпадение, может быть, было одной из возможностей литературного языка той поры). Но произношение *о боге* как [а-бо́и] невозможно; значит, и совпадающее с ним *о бое* произносилось с согласным — это мог быть только [и̯], акустически и артикуляционно очень сходный с [γ']. О том же говорит и Р.Ф. Брандт: он тоже сравнивает выражения *о боге* и *о бое*: "Разница между ними только в том, что первое представляет после *о* сильный, настоящий j, а второе — слабый, полугласный (неслоговое i); таково же отношение между выраженьями *о благе* и *об лае*" (РБ 92: 114—115).

Итак, реализация <j> в желтой и зеленой системах та же, что в алой и оранжевой; но одно изменение все же можно предполагать: после гласного перед [и] фонема <j> реализовалась не только нулем, но часто и звуками [и̯], [j]. Сейчас обычен именно нуль.

Диффузные—компактные

В желтой и зеленой системах перед шипящими невозможны свистящие. То есть возможны сочетания [ш+ш], [ч+ш], но не [с+ш], [т+ш] (так же и у мягких согласных). Примеры:

сквош'-ш'эл' ЙЛ: 44
б'ъш-ша́пък (без шапок) ЙЛ: 58
ш'ш'эм (с чем) ЙЛ: 29
ж̄а́тъи̯ (сжатый) ЙЛ: 30
в'еж жьл'езнъи̯ (весь железный) ЙЛ: 38
иш'ш'е́л'и ДУ 11: 93

У П.Г. Шарова: *ш шу́мом, иш шу́бы, рашши́рить, шшить, нави́шший, жжено́й, чаж жи́зни, беж жа́ла, иж жа́лости, жжима́ть, ражжига́ть, жжа́литься* и проч. (ПШ: 41—43).

У В.И. Чернышева: *щем* (с чем), *бещести* (без чести), *бещо́тки* (без щетки), *разно́щик* (разносчик) (ВЧ 15: 42).

Сочетания [чш] и [ч'ш']: *очше́льник, обвечша́лый, расцве́чший, Ни́чше* (=Ницше); *чще́тно, во́чще, чща́тельно, очще́лкивать, чщеду́шный, чщесла́вный* и др. (ПШ: 43, у других наблюдателей тоже

есть ряд подобных примеров). Напротив, сочетания [тш], [т'ш'], отличающиеся от [чш], [ч'ш'], не отмечены — в достаточно точных транскрипциях[25].

Сочетания [ч'ч']: *скла*[ч̄']*ина, моло́*[ч̄']*ик, на*[ч·ч']*е́м, во*[ч̄']*им, о*[ч̄']*его* (ЙЛ: 42), *о*[ч̄']*алить, о*[ч' ч']*еловека* (РК: 155).

Сочетание [ш̄'], не [ш'ч'], в Москве было и на стыках ("предлог + имя", "приставка + корень"). Это показывают многие транскрипции фонетистов (см. примеры выше). В Петербурге всюду было [ш'ч'], так же и на стыках (ср. варианты, отмеченные Д.Н. Ушаковым: *иш'ёл'и* (*иш'ч'ёл'и*) (ДУ 19)[26].

В современном русском (т.е. для алой и оранжевой систем) языке вполне возможны сочетания "шипящий + свистящий": [шс] (сочетание [жз] лексически не представлено, могло бы быть: *межзонный*); говорят: *серди*[шс]*я, ри*[шс]*кий* и т.д.

Такое произношение считалось правомерным и в конце XIX — начале нашего века, т.е. для желтой и зеленой систем. Но было и другое, тоже литературное, произношение: в позиции перед свистящими могли быть только свистящие, а не шипящие. (Это — синтагматический взгляд; парадигматическая же формулировка такая: всякий шипящий перед свистящим внутри слова менялся на свистящий[27].) Р.Ф. Брандт приводит такие примеры:

с'т'р'им'и́с'с'а РБ 92: 134

н'ис'о́с'с'а РБ 92: 135

(обозначение здесь полумягкости у частицы *ся* и предшествующего согласного — отражение петербургской черты, притом фонетически несущественной). Он же с согласным [с] транскрибирует слова *пражский, волошский, мужской* (РБ: 92, 135).

У Й. Люнделля отмечено: *баи́ca* (15), *баи́c͡a* (60); примеры на [шс] отсутствуют. В транскрипции Д.Н. Ушакова и Н.Н. Дурново даны варианты: [ты валнуишсь] (Д.Н. Ушаков) и [ты валнуись] (Н.Н. Дурново). Но оба отмечают и такой вариант (в глаголах типа *волнуешься*): "[c̄] с твердым началом и мягким концом" (ДУ, НД: 346).

П. Шаров приводит множество примеров (он считает, вряд ли справедливо, для сценической речи законной только эту норму): *ты занимаесса, сердисса, одеваесса, отправляесса, собираесса, ругаесса, мотаесса, ворочаесса, смеса, злисса, решаесса, шатаесса, прячесса, дуесса, горячисса, возмущаесса, маесса, белисса, мажесса, ухмыляесса, выдвигаесса, сопьесса* (ПШ: 31).

---

[25] Сочетание [т'ш'] от [ч'ш'] отличалось бы (будь оно реальностью) только тем, что начальный затвор у этого звукосочетания был бы зубной, а не передненебный.

[26] Р. Кошутич, однако, транскрибирует: *бе*[с ч']*естно* и *бе*[ш' ч']*естно*, такие же два варианта даются для слов: *из числа, с честным, расчистить* и даже *чересчур* (!). В быстром выговоре, добавляет Р. Кошутич, здесь звучит [ш']. Но ввиду явно ошибочного утверждения, что возможно произношение (в естественной, не в деланной речи) *чере*[с'ч']*ур, ра*[с'ч']*истить* и др. все Кошутичевы наблюдения этого круга ненадежны. См. РК: 70, 141.

[27] Напоминаем, что свистящие — шумные зубные, шипящие — шумные передненебные.

Справедливо, судя по всему, наблюдение В.И. Чернышева: "Окончание глаголов *шься* прежде произносилось *сса*: *сердисса, вертисса, занимаисса* и т.д. Теперь книжное окончание *шса* (твердое в живой речи) заметно вытеснило старое произношение и, кажется, господствует в языке книжных людей" (ВЧ 15: 42). Может быть, в желтой системе вариант [байсъ] был более распространен, чем [баишсъ]?

Парадигматика. Чередования надо представить так:

1) Не перед шипящими	Перед шипящими
S	Š
2) Не перед свистящими	Перед свистящими
Š	S

Здесь S — символ свистящих, Š — символ шипящих. Первая схема действительна и для смычных, и для щелевых; вторая — только для щелевых.

Чередование это относится не к одной грамматической форме (глагол 2-го лица ед. числа), а ко всем случаям, когда щелевой "шип" был перед "свистом". Так, В.И. Чернышев отмечает произношение прилагательного *волошский*: «Вообще последнее слово для многих представляется темным по своему происхождению, так что встречается даже написание по произношению: *волоские*. "Один из этих фокусов состоял в том, что он разбивал лбом *волоские* орехи" (Короленко).

...В современном литературном языке допускаются только "*волошский*"»[28].

Снова отмечаем (вслед за Чернышевым), что норма была не доминирующая. Она входила в пределы литературной нормы (см. выше примеры из речи бесспорных носителей), но была не всеобщей. В конце XIX — начале XX в. она явно была окраинной.

Высокие—низкие[29]

В современном русском языке есть позиционные чередования согласных с нулем звука: *несчастен — несча*[сн]*ый*. Вполне позиционным в алой системе является только одно: [ст] (не перед [н, н'] || [с] (перед [н, н']). Даже параллельное чередование –[зд] (не перед [н, н']) || [з] (перед [н, н'])–уже поколеблено. *Бездна* в определенных случаях уже произносится с [д] (см. гл. 2).

---

[28] *Чернышев В.И.* Правильность и чистота русской речи: (Опыт русской стилистической грамматики). 2-е изд. Вып. 1: Фонетика. Пг., 1914. С. 71.

[29] Заглавие раздела (напоминаем) подчеркивает, что только высокие согласные подвергаются "аннулированию" (или "онулированию"?) в определенных позициях; параллельные сочетания с низкими все возможны: *спн* (распнут), *скн* (рискнут) и т.д.

В желтой системе, видимо, было не так. Никакие стилистические задачи не освобождали от необходимости следовать позиционным законам:

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.
Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растет туман... Но я молчу и жду,
И верю, я любовь свою найду...
Я конквистадор в панцире железном.
Н. Гумилев (1905)

В сочетаниях [стл] (*костлявый, завистливый*), [стк] (*невестка, известняка*) был приведен к нулю средний согласный; чередования являлись позиционными. И для желтой, и для зеленой системы. В алой, как вы помните, оба они потеряли позиционный характер. Были и другие позиционные чередования с нулем согласного.

Твердые—мягкие

Сильные позиции для твердых (недиезных) и мягких (диезных) в желтой и зеленой системах те же, что и в алой и оранжевой, за исключением одной. Перед гласным [э] позиция была слабая. Перед этим гласным могли быть только мягкие парные согласные. Так внутри слова, так и перед окончанием.

Все примеры с сочетанием "t+[э]", указанные в гл. 1 (для оранжевой и алой систем), не существовали для конца XIX — начала XX в., и фонетические руководства даже нашего времени, несколько отставая от языкового движения, отражают эту закономерность, например: "В противоположность положению перед всеми другими гласными фонемами перед фонемой [э] твердые и мягкие парные согласные не различаются... Ср. в твердых и мягких основах (*пила — земля, пилы — земли, пилу — землю*) отсутствие различия в согласных основы перед флексией, выраженной фонемой [э]: в *пи*[л'э́] — на зем[л'э́]. Таким образом, перед [э] выступают... согласные, которые произносятся мягко. Что же касается парных твердых согласных [п — б — м — в — т — д — с — з — н — л — р], то они перед [э] отсутствуют"[30].

Для желтой — зеленой системы действительно положение перед флексией, выраженной фонемой [э], являлось позиционно слабым. Ведь в этой позиции, как и внутри корня, были только парные[31] мягкие согласные. Не было оснований позицию перед флексией выделять среди остальных. Но уже в оранжевой системе все изменилось: в корнях-то (притом в общеизвестных, употребительных словах) появились твердые перед [э], а флексия [э] по-прежнему требовала, чтоб перед ней были только мягкие. Диезность согласного

[30] *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. С. 175—176.
[31] Говоря о парных мягких согласных, мы исключаем из игры [ц—ш—ж].

перед флексией [э][32]... стала грамматикализованной. Или (по-другому): замена t на t' в конце основы предупреждает, что дальше следует флексия; эта замена стала, значит, пограничным сигналом, свидетельством о следующей (другой!) морфеме...

Прямо противоположными оказались изменения на стыке "приставка + корень". Как и в предыдущем случае, физико-артикуляционных изменений не было; произошла системная переинтеграция фактов. И в XIX в., как сейчас, были такие русские слова: *разэтакий, разэхался, трехэтажный* и т.д. Здесь после твердых согласных произносился гласный [э].

Кроме того, говорили[33]: *вот этот, звучит эхо, перевод эпоса, никакой нет экстренности, учет экспорта, прибыл экс-президент, шалун-эльф, он* [э^{ы}]*стет, цвет* [э^{ы}]*мали* и проч. — с твердым согласным перед [э]. В последнем случае отклонение от норм, существующих внутри морфемы, должно оцениваться как сигнал границы, как фонетический словораздел. Тогда и слова *разэтакий* и под. — тоже с сигналом границы, но уже между приставкой и корнем. Основание: сочетание "t +[э]", незаконное внутри морфемы.

И вот оно стало законным. В оранжевой и алой системах. Внутри морфемы сразу сочетание "t +[э]" утратило значение сигнала границы — и межсловной, и послеприставочной: ведь оно — после появления общеупотребительных слов *нэп, гэс, модель* — оказалось всюду возможным, кроме стыка основы и флексии. Итак, есть ли сигнал границы?

	Приставка + корень Сочетание t +[э]	Основа + флексия Сочетание t' +[э]
В ало-оранжевой системе	нет	да
В желто-зеленой системе	да	нет

Теперь о слабых позициях.

I. Перед мягкими зубными (т.е. диезными диффузными высокими) могли быть только мягкие зубные; это требование было непоколебимо. Только [л], с известным нам уже упрямством, не теряло в этой позиции твердость.

1. Мягкий [с'] перед мягкими зубными отмечен в таких случаях:

1) на стыке предлога и имени: *с тех пор*=[с'т'эх...] ЙЛ: 28, *без тебя*=[б'ьс'т'ьб'а́], *из тюрьмы* РК: 142, *с тебя* РК: 155; *с ним* ЙЛ: 23, *с него* ЙЛ: 28, 29, *с неба* ЙЛ: 62, *с ниткой* РК: 242, *с ненавистью* ДУ, НД: 347[34], *с ним* АШ 11: 111[35], *с няней, с ним* ПШ: 23, *с ними* ПШ: 58, *с людей* РК: 155, *с людьми* ПШ: 23;

---

[32] Формулировать можно более широко: диезность согласного перед любым аффиксом, начинающимся с [э].

[33] И, конечно, продолжают так говорить и сейчас.

[34] Вызывает сомнения пример [ч'ьр'ьс-н'ьд'эл'у] ЙЛ: 36. Разве не [ч'ьр'ьз] — (перед [н'])? Эта сомнительная деталь заставляет с осторожностью отнестись ко всей данной транскрипции и к мягкости [с'].

[35] См. замечание А.А. Шахматова о произношении *с зимы*: "Первая часть *з* твердая, а вторая смягченная" (АШ 11: 107). Сомнительно!

2) на стыке приставки и корня: *стесненный* ФК: 85, *снесли* ЙЛ: 36, *снеси* ЙЛ: 40;

3) в других случаях (т.е. внутри морфемы или на стыке корня и суффикса): *невесте* ВБ 87: 68, *на месте* РБ 92: 92, *истине* АШ 11: 110, *кость, постель, нести, пасти* АШ 11: 111, *гостьи* ДУ 11: 93, *коростель, постели* ДУ, НД: 346, *стесним, гостям, милости* ДУ, НД: 348, *нести* ЙЛ: 23, *в гости, гостьи* ЙЛ: 24, *честь* ЙЛ: 25, *по шести, съесть* ЙЛ: 26, *шестеро, костяного* ЙЛ: 30, *крестьяне* ЙЛ: 31, *в точности* ЙЛ: 36, *гостиницы, постель* ЙЛ: 40, *пустился* ЙЛ: 42, *пустился* ВЧ 15: 101, *кость, стирать, упустить, растет* РК: 155, *счастье* РК: 243, *скрестил* РК: 246; *частенько* ПШ: 53, *радостен* ПШ: 57;

в снегу ВБ 87: 69, *во сне* РБ 92: 131, *песни* РБ 92: 132, *песнях, снег* ФК: 74, [вес'н'ик] АШ 11: 111, *песни* ЙЛ: 15, 31, *снимать* ЙЛ: 26, *снять* ЙЛ: 28, 29, *снег* ИЛ: 31, *снится* ДУ, НД: 346, *во сне, песни, басня* ВЧ 15: 45, *снег, песня* РК: 155, *сняла* РК: 244, *песнь* РК: 250, *басня, коснеть* ПШ: 22[36];

слепнуть, слепой, следить, след ВБ 87: 69, *мысль* ФК: 85, [с'н'ьс'л'и] РБ 92: 36, *следует* ЙЛ: 26, *следовательно, слишком* ЙЛ: 27, *следователь* ЙЛ: 32, *если* ЙЛ: 28, 40, *счастлив*=[ш̄'ес'л'иф] ЙЛ: 42, *следу* ЙЛ: 46, *несли, принесли* ЙЛ: 50, *после* ЙЛ: 52, *последний* ЙЛ: 54, *ослепла* ЙЛ: 66, *слишком* АШ 11: 258, *слеп* АШ 11: 111, *счастливы*=[ш'ас'л'ивы] ДУ, НД: 346, *нависли* ДУ, НД: 347, *слеза, слезы* ВБ 13: 87, *слива, слюда, если, после, последний, слеза, слепой, след, мыслить, после* РК: 155, *если* РК: 241, *слёз* РК: 245, *преследователи* РК: 246, *слива, слюда* ПШ: 22, *напраслину* ПШ: 50, *нависли* ПШ: 54, *вослед, неслись* ПШ: 57, *следам* ПШ: 60, *мыслью* ПШ: 63, *слеп* ПШ: 65.

2. Мягкий [з'] перед мягкими зубными:

1) на стыке предлога и имени: *из дерева* РБ 92: 42, *с девочкой* РК: 143, *с детей, из деревни* РК: 155; *из них* ЙЛ: 50;

без любви, из лекарства ПШ: 23;

2) на стыке приставки и корня (или двух корней сложного слова): *сделал* ЙЛ: 6, 23, 25, 32, 42, 44, *шестьдесят* ЙЛ: 15, *безделица* ВЧ 15: 101, *сделать* ВЧ 15: 45, *сделать* АШ 11: 111, *раздирающих* ПШ: 63;

изливал ФК: 85, *разлетелась* ЙЛ: 28;

3) в других случаях: *здесь* ДУ 11: 94, *здешний* АШ 11: 111, *здесь* ЙЛ: 27, *ездили* ЙЛ: 28, *ездят* ЙЛ: 31, *гнезде* ЙЛ: 46, *здесь* РК: 155; *громоздить* ПШ: 23, *воздвиг* ПШ: 63;

мазня АШ 11: 109, *жизнь* АШ 11: 110, *кузнецы* АШ 11: 111, *пра*[з'н']*ик* ЙЛ: 15, *укоризненный* ЙЛ: 25, *кузница* ЙЛ: 28, *болезни* ДУ, НД: 347, *кузнец, узник, возникнуть* РК: 155, *любезнее* РК: 249, *жизнь* РК: 247, *возня* ПШ: 22;

злить РБ 92: 132, *влезли* ДУ 11: 13, *везли, влезли* ЙЛ: 24, *различных* ЙЛ: 30, *грызли* ЙЛ: 32, 38, *злить* ВЧ 15: 45, *привезли* ДУ, НД: 346, *грызли, боязливо* АШ 11: 258.

---

[36] Транскрипция *под*[с]*нежник* (АШ 11: 111), может быть, ошибочна. Или влияние предыдущего [т]?

3. Мягкий [т'] перед мягкими зубными:

1) на стыке предлога и имени: *от села*=[ат'-с'э^{и}ла́] РК: 155[37];

от неги РК: 155, *от них* ПШ: 23;

от лета ЙЛ: 26, РК: 155[38];

2) на стыке приставки и корня, отсюда РК: 165, отнести ЙЛ: 28;

3) в других случаях: *стукотня* ВБ 13: 81, *познатней* ВЧ 15: 101, *курятник* ПШ: 50;

приветливой ДУ, НД: 347, *петля* АШ 11: 111, *отлично* ЙЛ: 17, *котлета* ЙЛ: 26, *тлеет* ЙЛ: 46, *отличить* ЙЛ: 60, *запечатлен* ПШ: 55.

4. Мягкий [д'] перед мягкими зубными:

1) на стыке предлога и имени: *над землей, от зимы* РК: 155;

под ним, над ним РК: 244, *перед ним* РК: 240, *перед няней, перед небом* РК: 255[39], *перед ним* ПШ: 23[40];

перед ликом ПШ: 23;

2) на стыке приставки и корня — примеров нет. (Подошли бы такие слова: *поднести, подлезть* и под.);

3) в других случаях: *Днепр, Днестр* ВБ 87: 69, *на дне* РБ 92: 131, *днѣ* [ад'н'э́] ФК: 74[41], *ледник, передник* АШ 11: 111, *дни* ДУ, НД: 347, *задний* ЙЛ: 15, *поднять* ЙЛ: 23, *переднее* ЙЛ: 28, *среднюю* ЙЛ: 30, *дни* ЙЛ: 131, *сегодня* ЙЛ: 46, *поднялась* ЙЛ: 64, *передний, на дне* ВЧ 15: 45, *передник* ПШ: 22, *поднимают* ПШ: 61;

продлить РБ 92: 131, *для* ЙЛ: 54, *подле* ПШ: 22.

В сложных звуках [д'͡н'], [д'͡л'], а также [т'͡н'], [т'͡л']. Р. Кошутич обозначает в транскрипции общую мягкость всего фаукального (щелчкового) или взрывно-бокового, согласного; он пишет: д͡н', д͡л' и т.д. И оговаривает, что мягкость первого компонента этих сложных звуков плохо слышна. Но, видно, она все же значительна: перед этими согласными он транскрибирует закрытое [е]: [л'ётн'ьи̯], [м'ёд͡л'ит'], [п'ёт͡л'ъ] (РК: 155).

5. Мягкий [ц'] перед мягкими зубными только внутри основы: [ац'в'отшшы] РБ 92: 118, *бе*[ц'т'в']*ие* РБ 92: 133; также *следствие, отсутствие* РБ 92: 118.

Р.Ф. Брандт считал желательным, при фонетической орфографии (которую он пропагандировал), написание *бецьтвийа=бедствие* (РБ 1904: 55)[42]. Точнее было бы, очевидно, *бецьтьвийа.*

Транскрипции Р. Кошутича: *родственникам*=[роц'т'в'ьникъм] РК: 249, *детстве*=[д'ец'т'в'ъ], также: *бедствие, следствие* и др. РК: 159.

Но уже в ту пору были колебания в произношении: перед мягким зубным у одних был [ц'], у других [ц]. Уже Ф.Е. Корш

---

[37] "Стыковые" сочетания с частицей *ли*, по Р.Ф. Брандту, вариативны: *нет ли=не*[т'л']*и* или *не*[т'л']*и*, или *не*[тл']*и* РБ 92: 8. Может быть, это только петербургское колебание?

[38] Ср. у П. Шарова: *пере*[т-с']*иними рядами* ПШ: 57.

[39] У Й. Люнделля *по*[д-н']*ебеса* ЙЛ: 46.

[40] У А. Шахматова: *пере*[д-н']*ими* АШ 11:25.

[41] В рифме *мнѣ — днѣ.*

[42] В более ранней работе: [б'ёц'т'в'ьиа] РБ 92: 133.

говорит о колебании в произношении: *бѣдствіе — бедствіе* (ФК: 70); у него ѣ — знак гласного [э] открытого, *е* — знак гласного [е] закрытого; значит, имеется в виду колебание произношения [ц'] — [ц]. Ведь [е] закрытый всегда вызван мягкостью следующего согласного — [ц']; открытый [э] — только в позиции "не перед мягким", т.е. перед [ц].

Й. Люнделль записывает: [цв']*етов* ЙЛ: 30.

У Д.Н. Ушакова и Н.Н. Дурново (оранжевая система) в транскрипции фонетических сочетаний того же типа — [ц] твердый: [ро́цт'в'иникъф], [ро́нт'в'ин'ик'и] ДУ, НД: 347.

6. Мягкий [н'] перед мягкими зубными. На [н] — [н'] не оканчиваются (в современном русском языке) ни приставки, ни предлоги. Внутри основ же, корней и сочетаний "корней + суффикс", есть сочетания : "[н'] + мягкий зубной": *ремонтера* АШ 11: 258, *Индия* АШ 11: 111, *ерунде, монтер*[43], *вонзить* (NB!) РК: 155; *Индия, мундир, интерес* ПШ: 22.

Примеры подтверждают: к согласным [т'—д'—с'—з'—н'] слева примыкают только [т'—д'—с'—з'—н'], а не их твердые сотоварищи. Правило это вряд ли знало какие-нибудь исключения в зеленой и желтой системах.

Отступлений от этого закона Кошутич не отмечает: ни у младшего ("желтосистемного") поколения, ни в провинциальных разновидностях литературной речи. Однако транскрипция В.А. Богородицкого: *ра*[зд']*ел* (ВБ 87: 68) — все же намекает, что в окающих разновидностях литературной речи, может быть, на стыках уже могло существовать сочетание [зд'][44].

В сопоставлении с транскрипцией (недосмотром?) В.А. Богородицкого не приобретает ли значение и транскрипция (недосмотр?) Й. Люнделля? Вот она:

ръзд'ъл'йд' гу́с'ь (=разделить гуся)[45]

ръзд'ъл'у́ 29

разд'ъл'йт' (sic!) 30.

Возможно, что на стыке морфем уже встречалась твердость зубного перед мягким зубным? Это маловероятное предположение. Если и было, то, очевидно, очень редко (у литературно говорящих людей).

Решительное свидетельство А.А. Шахматова нельзя принять безоговорочно: "Зубные согласные в конце предлогов вообще не смягчаются перед следующей согласной: [падн'ат'], [атн'ат'], [падд'елът'] (но и [под'д'елът']). Но [с'н'ат'], [с'н'им]" (АШ 11: 111). Ведь и сейчас (в оранжевой—алой системах) говорится: *ра*[з'д']*елить, по*[д'н']*ять*, тем более *по*[д']*елать*. В Москве эта норма прочна. (Другое дело В.А. Богородицкий, его волжский вариант литературной речи,— там могло быть иное.)

---

[43] Но с твердым [н]: *Исландия, Скандинавия, кондитер;* возможно и [н'] (АШ 11: 111).

[44] Вероятно, простой недосмотр такая транскрипция: *порызнь* ВЧ 15: 101.

[45] Явная описка вместо *ръз...*

Еще примеры, показывающие сочетание "t+t'" на стыках: *а*[тн']*ей=от ней* ВБ 13: 81, *под сенью гор*=[патс'ен'ју] ФК: 85. Все это редкие свидетельства.

Очень важно другое (по форме — негативное) свидетельство — Ф. Кошутича. Он, перечисляя случаи, когда на стыке предлога и имени или приставки и корня нет ассимилятивной мягкости, указывает около двух десятков слов — и все они с сочетаниями "зубной + мягкий губной" или "зубной, губной + [j]". Отсутствие примеров на "зубной + зубной" весьма красноречиво — и перевешивает по доказательности отдельные примеры (недосмотры?), приведенные выше. Итак, общая мягкость у двух зубных:

мягкий	
диезный	диффузный
высокий	высокий

— прочная норма для зеленой и желтой систем; она господствует и внутри морфем, и на всех стыках[46]. Отступления — индивидуальны.

Это сохраняется и в оранжевой, и в алой норме, хотя с меньшей последовательностью (сейчас уже можно услышать: *с ней, из нее* — с твердыми [с], [з]).

Значительно такое частное изменение: перед [л'] зубные были непременно мягкими. Даже на стыке "предлог + имя". Сейчас положение иное: *без людей, от лета* и т.д., *изливать, разлететься* и т.д. произносятся почти всегда с твердыми зубными перед [л'], и на стыке "корень + суффикс", и даже внутри морфемы господствует это произношение. Исключение составляют несколько слов с устойчиво мягкими зубными перед [л'] (*если, после...* — пожалуй, все?).

Мягкий [ц'] встречался перед мягкими зубными главным образом в сочетании [ц'т'], но уже широко известно было и конкурирующее произношение: [цт'].

Вероятно, в разных русских говорах произношение сочетаний "зубной + мягкий зубной" было не совсем одинаково. В волжском варианте литературной речи были возможны такие колебания: *ле*[н'т']*е* и *ле*[нт']*е* ВБ 87: 273. Даже и сейчас, когда "ассимилятивная" мягкость сильно потеснена, в Москве произношение *ле*[нт']*е* показалось бы странным. Не то, очевидно, в том варианте литературной речи, которую записывал В.А. Богородицкий.

II. Перед всеми мягкими губными могут быть зубные только мягкие.

1. Мягкий [с'] перед мягкими губными:

1) на стыке предлога и имени: *с верой* РК: 143, *с ветвей* РК: 250, *без пива* РК: 142, *с пира, из перевода* РК: 156;

с места ЙЛ: 44, 50, *с мерой* РК: 156;

---

[46] Транскрипции Р.Ф. Брандта: [ус'н'и], [з'л'ука] РБ 92: 107 — дискредитированы здесь же приведенной транскрипцией: [пал'к'и]. *Теснины* ПШ: 54, *стеной* ПШ: 59 с неотмеченной мягкостью [с] — явные недосмотры.

2) на стыке приставки и корня: *свели* ЙЛ: 56, *с виду* РК: 156, *смятый* РК: 156[47];

3) в других случаях: *сфера* РК: 156;

сведение, свет ВБ 87: 68, *свирепый, свирепее* ВБ 87: 70, *свет* РК: 74, *священные* ФК: 84, *свел, на свету* ВЧ 15: 101, *свечкой* ДУ 11: 93, *в полуосвещенных* ДУ, НД: 346, *свет* ЙЛ: 15, *свечкой* ЙЛ: 25, *свинку* ЙЛ: 29, *свидетель* ЙЛ: 32, *сверни* ЙЛ: 56, *освещают* ЙЛ: 60, *на свете* ЙЛ: 64, *свет, свидетель, светло* РК: 156, *светлее* РК: 239, *освеженный* РК: 250, *свищет* РК: 243, *просветление, свет, святость* ПШ: 22, *свищут* ПШ: 54, *свежий* ПШ: 59[48];

спеть, успех ВБ 87: 67, *спиной* ЙЛ: 54, *спит, спина, сперва* РК: 140, *спине* РК: 239, *спит* РК: 289, *поспешил* РК: 252, *воспитать* РК: 140, *спесиво* ПШ: 67;

смех ВБ 87: 68, *смертный* РБ 92: 55, *смеют* ФК: 85 (?), *насмешник* АШ 11: 111, *смеют* ЙЛ: 17, *смерть* ЙЛ: 23, 48, 115, *смею* ЙЛ: 27, *смеяться* ЙЛ: 40[49], *сметь, смело* РК: 156, *засмеялся* РК: 247, *смейтесь, смерти* РК: 252, *смерть, смех* ПШ: 22, *присмирев* ПШ: 56, *смелый, смех* ПШ: 22.

2. Мягкий [з'] перед мягкими губными:

1) на стыке предлога и имени: *без веры*=[б'ъз' в'эры] РК: 143, *из веры, из ведра* РК: 156;

из бюро ПШ: 23, *с бедой* РК: 156, *из бездны, с берегу* РК: 239;

из мести, без меры ПШ: 23;

2) на стыке приставки и корня: *извлечь* РК: 140, *развязать* РК: 141, *изведу, без ведома* ПШ: 23;

сбегай ВЧ 15: 45, *сберег* ЙЛ: 16, *избил* ЙЛ: 29, *взбешенный. разбил* ЙЛ: 36, *избить* РК: 140, *сберечь, разбитый* РК: 140, *разбивать* ПШ: 22, *взбешуся* ПШ: 52;

измять РК: 140;

3) в других случаях: *известно* РБ 92: 42, *и*[з'в']*естка* РБ 92:140, *за*[з'в']*инела* РБ 92: 129, *известился* ВЧ 15: 101, *звезда, звезды* ВБ 13: 87, *разве* ДУ, НД: 346, *известно* ЙЛ: 15, *звезды* ЙЛ: 16, *разве* ЙЛ: 26, 40, 50, *извините* ЙЛ: 26, *зверь* ЙЛ: 48, *звезда, зверь, разве, развитой* ЙЛ: 16, *низвергнуть* РК: 140, *разве, звезды* ПШ: 22;

избе АШ 11: 112, *избе, сбирать, неизбежный* РК: 156, *Казбек* ПШ: 22;

змея РК: 156.

Но: [рáзв'и] РБ 92: 29, [сп']*ишу* РБ 92: 40, *ра*[зм']*ер* ФК: 85.

3. Мягкий [т'] перед мягкими губными:

1) на стыке предлога и имени: *под феской* РК: 156, *от ветра* РК: 143, 156;

от передней РК: 156;

от меня ЙЛ: 40, *от места* РК: 156;

---

[47] Ср. у Кошутича: [сп']*ерва* РК: 239.

[48] Д.Н. Ушаков уже отмечает колебания: [с'в']*ечкой* и [св']*ечкой* ДУ 19.

[49] Но *посмеялся* — 2 раза без обозначения мягкости (ЙЛ: 30). Опечатка? Ср. *по*[с'м']*еялся* ЙЛ: 58.

2) на стыке приставки и корня: *отвисала* ДУ, НД: 347;

отпить РК: 140, *надпись* ЙЛ: 32;

отмерить РК: 156;

3) в других случаях; *подтвердили*=[път'в'ърд'ил'ъ] ЙЛ: 54, *ветвь*=[в'ет'ф'] ВБ 87: 68[50], *ответить* ВБ 87: 68, *отвечал* ЙЛ: 25, *в качестве* ЙЛ: 34, *в Литве* ЙЛ: 46, *четвертак* ЙЛ: 48, *в крестьянстве*=[фкр'ьс'т'јан'с'т'в'ъ] ЙЛ: 56, *в довольстве* ЙЛ: 66, *в богатстве* ЙЛ: 66, *четверо, ветви* ВЧ 15: 45, *рытвины, странствие* ВЧ 15: 101, *в одиночестве* ДУ, НД: 346, *отвернулся* ДУ, НД: 348, *ветви, Тверь, четверть* АШ 11: 112, *ответ, Тверь, ветви* РК: 156, *ответ* ПШ: 22, *твердостью* ПШ: 54;

отпирался ЙЛ: 64[51];

затмить РБ 92: 129.

4. Мягкий [д'] перед мягкими губными:

1) на стыке предлога и имени: *над вершинами* ПШ: 23, *под березой* РК: 156;

2) на стыке приставки и корня: *подбегает* ЙЛ: 52, *предвидел* ПШ: 22, *предвечным* ПШ: 63;

3) в других случаях: *дверью* ВБ 87: 170, *медведь* (несколько раз), *дверь, в неподвижности* АШ 11: 258, *утвердилась* ДУ 11: 94, *неподвижный* ДУ, НД: 346, *две* ДУ, НД: 347, *две, двери, двигать* АШ 11: 112, *две* ВЧ 15: 45, *дверь* ЙЛ: 25, *две* ЙЛ: 29, 30, *подвинуть* ЙЛ: 36, *двести* ЙЛ: 42, *двинулись* ЙЛ: 50, *дверь, двести, медведь, двигать* РК: 156, *неподвижно* РК: 251, *движется* РК: 252, *дверь, подвиг* ПШ: 22;

предмет ЙЛ: 16, *Людмила* РК: 156, *надменный, Дмитрий, администратор* ПШ: 22.

5. Мягкий [ц'] перед мягкими губными; встречается только перед [в'] в корне *цвет-*.

Большинство исследователей в этой позиции отмечает твердость [ц]: [цв'эт] ВБ 87: 68, *рас*[цв']*ести* РК: 141, [цв']*етов* ЙЛ: 30, *разно*[цв']*етными* АШ 11: 258, *бес*[цв']*етный* ПШ: 65. Но [ац'в'отшиы] ВБ 92:118.

6. Мягкий [н'] перед мягкими губными. Слов с таким сочетанием немного (*на канве, конверт, конфета...*), и в наших материалах мало данных о его произношении.

А.А. Шахматов считал произношение *ко*[нф']*ета* с твердым [н] искусственным (АШ 11: 112). Ср. у Кошутича: *ка*[н'в']*е* РК: 156.

"Ассимилятивная" мягкость зубных перед губными, как показывает материал, для зеленой и желтой систем не на стыках прочна. Р. Кошутич, отметив произношение слов *дверь, Тверь, змея, смех* с твердыми зубными, добавил: произношение это нелитературно (РК: 160). Другое дело на стыке "предлог + имя", "приставка + корень". Здесь возможна твердость зубного (перед мягким губным, находящимся по ту сторону раздела). Примеры Р. Кошутича: *под березой,*

---

[50] И.А. Бодуэн де Куртенэ транскрибирует: *ветвь*=[v'ėt'], с [f'] редуцированным до нуля. Транскрипция [t'] показывает, что упрощено сочетание [t'f']. Но здесь же: [v'etv'i] (БдК: 31).

[51] Здесь же: *о*[тп']*ерся*; вероятно, недосмотр автора или опечатка.

от ветра, от передней, от места, из веры, с пира, с виду, с мерой, подбить, ответ, измятый, свитый РК: 161.

Такое сочетание "твердый зубной + граница между приставкой и корнем + мягкий зубной" встречается в речи образованных людей, пишет Кошутич, но чаще вне Москвы (на севере). На стыках же предлога и имени может быть и в Москве. Причем у зубных, завершающих приставки, такая твердость значительно реже, чем у зубных в конце предлогов. Распространено такое произношение у молодежи (РК: 161).

А.А. Шахматов пишет: "Согласные [т, д] предлогов вообще не смягчаются перед губными: [падв'э"н' éч'нъи], [падв'ет'р'енъиъ стърана́], [атв'э́т], [атв'э́дът], [атв'а́звът'], [атм'э́ткъ]" (АШ 11: 112), см. также: *о*[дб']*ить* (АШ 11: 111)[52].

Свидетельство менее надежное, чем у Кошутича, ввиду того что Шахматов и в случаях *раздеть, снять* отметил (преждевременно) твердость первого зубного. Но Шахматова поддерживает В.И. Чернышев: "Однако приставки *под* и *от* обыкновенно не смягчаются, особенно перед губными: *падби́л, атвёт, по́дпись, атпёй, пытсидёл, атсю́да...* (не вполне последовательно)" (ВЧ 15: 45).

Считаем, что мягкость зубных перед губными была устойчивой в середине морфемы и неустойчивой на стыках. Устойчивость внутри морфемы подтверждается такими случаями:

вои[нс'т'в']*енный* РБ 92: 132
в довольстве=[вдавóл'с'т'в'ъ] ЙЛ: 66
в богатстве=[вбаγа́т'с'т'в'ъ] ЙЛ: 66
в крестьянстве=[фкр'ъс'т'и̯ан'с'т'в'ъ] ЙЛ: 56
вои[нс'т'в']*енный* АШ 11: 109
вои[н'с'т'в']*енных* ПШ: 58
простра[н'с'т'в']*е* ПШ: 63
торже[с'т'в']*енный* ПШ: 22
боже[с'т'в']*енный* ПШ: 22
вои[н'с'т'в']*енный* ПШ: 22
же[н'с'т'в']*енный* ПШ: 22.

Перед [в'], губным, мягок зубной [т'], а перед ним — несколько других зубных. Ведь прочность мягкости (первого сегмента) в сочетании "зубной + мягкий зубной" была очень большой. Мягкость [т'] в сочетании [т'в'] фиксируется, дублируется, подтверждается рядом других мягких зубных.

Видно, что [н'] в этой цепи иногда не поддается волне диезности, идущей от [в'], и остается твердым (см. транскрипции Р.Ф. Брандта и А.А. Шахматова среди приведенных). Это, наверное, не ошибка транскрибирования, а отражение реальных фактов. (И сейчас многие из лиц, говорящих *есте*[с'т'в']*енно,* не смягчают *н* в случаях типа *о крестьян*[с'т'в']*е.)*

III. Перед [j] все согласные, кроме *ц, ш, ж,* обязаны быть мягкими.

[52] О позиции внутри слова он замечает: "Произношение с отвердевшими язычными нередко: [тв'ер'], [дв'инут']" (АШ 11: 112). Впрочем, свидетельства А.А. Шахматова о мягкости—твердости согласных иногда сомнительны.

В зеленой и желтой системах так было даже на стыке предлога и имени:

с елкой ПШ: 23, *с елки, с ясного неба* РК: 156;

без юности, через яму, из ягод ПШ: 23, *из Европы, из ясель* РК: 156, *из ямы* РК: 143;

от Якова РК: 156;

над юртой ПШ: 23, *под елушкой, под их домом*=[пад' јих дóмъм] РК: 156, *под яблоней* РК: 143;

в яблоках=[в' јáблъкъх] АШ 11: 258, *в ясли, в ель* РК: 154, *в ясном* ПШ: 23, 65.

Видно, что даже губные (предлог *в*) были мягкими в этой позиции.

На стыке приставки и корня: *съедаются* ДУ, НД: 347, *съесть* ЙЛ: 26, *съели* ЙЛ: 40, *съехать, съезд* РК: 79, *съежиться* РК: 156, *съесть, съел* РК: 244, *съехать* ПШ: 23;

разъединить РК: 79, *разъяриться* РК: 156, *разъяренный, разъяснить, разъезд* ПШ: 23;

отъезд РК: 156;

подъезжают ЙЛ: 62, *подъехать* ПШ: 23, *подъехать* РК: 156; [в']*ъезд*, [в']*ъезда* РБ 92: 132;

объехать РК: 154.

В других случаях: *изъян* ПШ: 23, *изъяснить* РК: 79;

предъявить ПШ: 23, *адъютант, адъюнкт* РК: 78, 79, *подъем* РК: 156; *конъюнктура* РК: 79 пр.;

объявил ЙЛ: 66, *объявить* РК: 154, *объем, объявить, объект, субъект* РК: 78, 79, *объявление* ПШ: 23.

Конечно, мягкие согласные произносились перед йотом в таких случаях: *вьется* ЙЛ: 48, *вьюга, сыновьям* РК: 241, *копье, пьяный* ЙЛ: 25, *пьяному* РК: 239, *пьет* РК: 242, *бьетесь* РК: 245, *воробья* РК: 251. Во всех этих случаях наблюдатели транскрибируют мягкий губной: тем более очевидно, что и зубные в этой позиции были мягкие (примеры здесь не приводятся).

Заднеязычные, однако, были перед [j] твердыми: *двухъярусный, трехъязычный* РК: 79 — с твердым [х].

По словам Р. Кошутича, в литературном языке было возможно вариантное произношение: с твердыми согласными в этой позиции. Он дает ряд примеров: *объем, съезд, разъяриться; отъезд; подъехать; в ясени; с Яковом, из яиц, от ягод, под елью* РК: 161.

Чаще такое произношение встречается вне Москвы, а на стыке "предлог + имя" — и в Москве.

Р. Брандт несколько раз замечает, что в этой позиции согласные — полумягкие; вот его транскрипции: [б'ју, п'ју, в'ју] РБ 92: 131[53]. О согласных перед [j] в словах *объявить, съесть* и под. он пишет: "Выговор в таких случаях, правда, не очень мягкий, однако и не твердый" (РБ 1904: 36). Об одной из своих ранних статей он в 1892 г. пишет: "В этой статье я, впрочем, напрасно приписывал *съесть* и *объявить* *с* и *б* мягкие" (РБ 92: 132).

[53] "...слово [аб'јóм] отличается от слова [паб'јóм] только отсутствием звука [п]" (РБ 92: 132). Р.Ф. Брандт отмечает здесь полумягкость [б'].

Очевидно, сохранность "ассимилятивной" мягкости в сочетании "р, t + j" находилась на той же ступени, как и сохранность в сочетаниях "t + р' " (зубного с мягким губным).

IV. Только мягкий [н'] мог находиться перед [ч'] и [ш']: *кончик, гончая, кончать* АШ 11: 111, *стаканчик* ЙЛ: 14, *нынче* ЙЛ: 42, *гончар* РК: 155, *кончить, увенчанный* ПШ: 22, *саранча* ПШ: 61;

денщик ЙЛ: 48, *женщина, деревенщина* РК: 155, *женщина, барабанщик* ПШ: 22.

Закономерность на редкость прочная; о причинах этой прочности (может быть, не только фонетической) говорилось в гл. 2.

V. Перед [к'—г'—х'], заднеязычными мягкими, могли быть мягкие губные: *кре*[п']*кие, не*[м']*ки, та*[п']*ки, ла*[ф']*ки, рю*[м']*ки, ще*[п']*ки, де*[ф']*ки, сё*[м']*ги, про*[п']*ки* АШ 11: 112, *де*[ф']*ки,* [ф'] *хитрости* (!) ВЧ 15: 46, *чере*[п']*ки* ВЧ 15: 101, *ро*[п']*кие, ще*[п']*ки, кре*[п']*кие, ла*[ф']*ке, де*[ф']*ке, ло*[ф']*кие,* [ф'] *хитрости* (!), *сё*[м']*ге, рю*[м']*ке, не*[м']*ки, гро*[м']*ким* РК: 153—154.

Норма уже теряла свою неколебимость. "Весьма, однако, распространено отвердение губных в таком положении" (АШ 11: 112).

Й. Люнделль дает транскрипции: с указанием мягкости — *девки* 15; без указания на мягкость — *лáпки* 30 (явно не опечатка, так как для *á* у Люнделля — особый знак, а здесь — знак для *а*), *лавки, лавке* 62, *травке* 66 (2 раза).

По словам Р. Кошутича, в словах *ловкие, робкие, крепкие, сёмги* губные могли быть и твердыми, но он не склонен эти отклонения считать литературными. Они — вне нормы (РК: 160)[54].

Норма была еще достаточно устойчивой, но только в зеленой системе; в желтой она была поколеблена. Вероятно, не сильно: даже на стыках она еще осуществлялась, ср. приведенный пример (у двух авторов): [ф'] *хитрости.* Пусть это только в зеленой системе, но контраст между зеленой и желтой невелик; трудно допустить, чтобы закономерность, такая еще сильная в зеленой системе (действует даже на стыках), была сильно разрушена в желтой.

Мы уже говорили, что позиционная мягкость возникает там, где оба согласных сегмента объединены либо признаком "низкий", либо признаком "высокий", либо признаком "компактный", либо признаком "диффузный". В сочетании *р'k'* (*на Покро*[ф'к']*е*) мы не писали: в оранжево-алой системе оно уже умерло для общей диезности (мягкости). Сейчас оно возникло перед нами в желто-зеленой системе. И оно нас не подвело: подтвердило замеченную закономерность. В сочетаниях "губной + мягкий заднеязычный" оба сегмента низкие.

VI. Перед мягкими губными и зубными произносился [р'] мягкий:

а) *ка*[р']*тина* ЙЛ: 32, *четве*[р']*ть* АШ 11: 112, *ме*[р']*твенный, вече*[р']*ний* АШ 11: 120, *пе*[р']*стень, вто*[р']*ник* ВЧ 15:45, *го*[р']*диться, сме*[р']*ть, па*[р'т'н']*иха, бо*[р']*зятник, пе*[р']*стень, ше*[р']*сть, о*[р']*линый, све*[р']*лить, запе*[р']*ли, уме*[р']*ли, вто*[р']*ник, пека*[р']*ня, ве*[р']*теть*

[54] По Ф.Е. Коршу (адепту зеленой системы), однако, могло быть два варианта произношения (ни один он не считает нелитературным): *дѣфки* и *дефки* (ѣ у него означает [э] открытый, е — [ɛ] закрытый, что, конечно, зависит от твердости—мягкости следующего согласного — [ф] или [ф'] (ФК: 70). Ср. РБ 92: 132.

РК: 158, *сме*[р']*ть, че*[р']*ти, Пе*[р']*сия, ца*[р']*ствие* ПШ: 22. Но колебания в сторону твердого [р] были уже велики.

"...Господствует [р] твердое перед мягкими язычными после гласных заднего ряда: *вто*[р]*ник, дво*[р]*ник, ку*[р]*ник, па*[р]*ни*"... (АШ 11: 120); но там же транскрибировано: *вто*[р']*ник* АШ 11: 111;

б) *по фо*[р']*ме* ЙЛ: 30[55], *ко*[р']*мить, ско*[р']*бь* АШ 11: 112, *ско*[р']*бь, ско*[р']*пион,* [р']*ви, ко*[р']*мить* РК: 157, *Пе*[р']*мь, Се*[р']*бия, ско*[р']*пион, по*[р']*фира* (!), *те*[р']*мин, а*[р']*мяк* ПШ: 92.

И здесь норма была расшатана. А.А. Шахматов приводит транскрипцию *ко*[р']мить, а пятью строчками ниже замечает: "обычно отвердение: *ко*[р]*мить*" (АШ 11:112). Р. Кошутич и здесь к транскрипциям с [р'] приводит параллельные (тоже литературные) с [р]: *ко*[р']*мить* — *ко*[р]*мить* и др. РК: 56;

в) мягким [р'] был и перед [ч'], [ш']: *дове*[р']*чивый* АШ 13:120, *по*[р']*ча* ВЧ 15:45, *осе*[р']*чать* ПШ: 22, *ла*[р']*чик, по*[р']*ченый, ве*[р']*ченый, бо*[р']*щ* РК: 158.

Р. Кошутич почти ко всем приведенным примерам с мягким [р'] приводит параллели с твердым.

Мягкий [р'] произносился в таких "особых" словах: *первый, серп, стерва; верх, четверг, церковь*[56].

Одни (преимущественно старшее поколение) произносили *пе*[р']*вый, ве*[р']*х* и т.д., другие (представители уже не зеленой, а желтой системы) в этих словах предпочитали [р].

Неустойчивый [р'], как видно, здесь появлялся в двух условиях: после [э] перед губным и заднеязычными (то и другое объединим: перед низкими). Сами эти низкие не обязаны были являться диезными: *четве*[р']*г* и *о четве*[р']*ге* — одинаково с [р'] (а у других говорящих — одинаково с [р]).

У некоторых из этих слов мягкость сохранялась (хотя бы факультативно) довольно долго; ср. у В. Маяковского рифму: *стерва — с дерева,* предполагающую произношение *сте*[р']*ва.* Но Р. Кошутич считал, что в этом слове [р] уже твердо.

Несомненно, что мена была не позиционна. В словах *нервы, верфь, мерка проверка* дрожащий был не мягкий, а твердый. Значит, обязательностью эта мягкость не обладала сразу в двух отношениях: были слова, где никто в описанной позиции не произносил мягкого [р']; были другие слова, где [р'] произносился (в том же положении) мягко, но такое произношение уже стало факультативным, не обязательным для говорящих на литературном языке.

Обратим, однако, внимание на то, что положение после [э] было благоприятным для сохранения мягкости [р'] и ряда других, ранее описанных, согласных (см. выше мнение А.А. Шахматова).

В этих системах (желтой и зеленой) сразу две причины способствовали мягкости [р']: положение перед мягкими согласными: по-

---

[55] Неудачный пример: *оско*[р']*бляя* ЙЛ: 34.

[56] См. РБ 1904: 36, РК: 158, ВЧ 15: 49 и мн. др. Разнобой в показаниях современников все же не очень велик: устойчивее эта мягкость была в словах *верх, четверг, церковь,* может быть в *первый.*

*Таблица 1**

Дрожащий находится перед:	Является ли мягким этот согласный?	Находится ли дрожащий после [э]?	Результат позиционного воздействия: мягок ли в этой позиции дрожащий?
губными	+	+	+
"	+	–	+?
"	–	+	(+)
"	–	–	–
зубными	+	+	+
"	+	–	+?
"	–	+	–
"	–	–	–
переднеязычными (шумными)	+	+	+
"	+	–	+?
"	–	+	–
"	–	–	–
среднеязычным		+	+
(йотом)		–	+
заднеязычным	+	+	+
"	+	–	+?
"	–	+	(+)
"	–	–	–

* Плюс означает: [р'] может приобретать здесь мягкость (у одних лиц — позиционную, у других позиционность была уже разрушена). Плюс в скобках означает вариативную мягкость, но и в желтой, и в зеленой системе уже явно не позиционную. Плюс со знаком вопроса свидетельствует, что мягкость [р'] в этой позиции была уже оттеснена более, чем в случаях, отмеченных "чистым" плюсом. Минус показывает, что в этой позиции [р'] обычно был твердым (а если в отдельных словах оказывался мягким, то мягкость эта — фонематически обусловленная, различительная, а не позиционная).

ложение после [э]. Действие этих двух причин было различно в позиции перед согласными разных классов (табл. 1).

В оранжевой системе позиционная мягкость [р] во всех перечисленных случаях (см. табл. 1) сильно пошла на спад (остались отдельные слова, с [р'] мягким — в описанном окружении). В алой системе нет случаев, когда мы мягкость [р'] сохранилась в старых позиционных условиях.

VII. Й. Люнделль слышал перед [р'] только мягкие зубные: *с*[т'р']*ела* 15, [т'р']*ещит* 17, *и*[з'р']*еки*, [т'р']*и* 23, [т'р']*ёх*, *рассмо*[т'р']*ел*, *му*[д'р']*ец* 28, *а*[т'р']*езал* 29, [с'р']*еднюю* 30, *с*[т'р']*екотанье* 31, *навос*[т'р']*ился* 60, *яс*[т'р']*еб* 90 и т.д.

Другие исследователи, наоборот, перед [р'] слышали только твердые зубные; такие твердые отмечены перед [р'], например, в транскрипциях Р. Кошутича: *мудреный, ведре, ноздри, издревле, среда, зря, зреет* 157, *встреча, пострел* 159, *трепетал, ветреный* 243, *пострел, смотри* 244, *навстречу* 245 и др.

Так же транскрибируется сочетание "[т, д, с, з]+[р'] у всех остальных наблюдателей. И можно было бы принять мнение Й. Люнделля за

ошибочное, если бы не два свидетельства в его пользу. Ф. Финк записал такое произношение: *посмо*[т'р']*ела,* [т'р']*етий.* Об этих же сочетаниях А.А. Шахматов говорит: "В индивидуальном произношении они мягки не в начале слова: *ве*[т'р']*еный, абве*[т'р']*ить, ме*[т'р']*ика"* (АШ, 11: 111). Здесь же транскрипции для начала слова: [тр']*и,* [зр']*я,* [зр']*ел.*

Сопоставив свидетельство А.А. Шахматова с данными Ф. Финка ([т'р']*етий*) и Й. Люнделля, можно предположить, что были три нормы:

а) зубные должны были быть мягкими перед [р'] и в начале, и в середине слова (норма отражена у Ф. Финка, Й. Люнделля);

б) зубные подчинялись этому закону, но не в начале слова (норма отражена у А.А. Шахматова);

в) зубные не подчинялись этому закону ни в начале, ни в середине (норма отражена у Р.Кошутича, В.А. Богородицкого, Р.Ф. Брандта, Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново, В.И. Чернышева и др.).

Это заставляет думать, что начало слова — особое место для ассимиляции по мягкости. Подобные же факты были давно замечены для других сочетаний: начальное [с] перед мягким зубным может оставаться твердым (в алой системе); [в] перед мягким губным тоже преспокойно не смягчается (в алой же).

Впрочем, факты наши не вполне безупречны. Бесспорно существовала как литературная только норма "в", многократно подтвержденная свидетелями. О норме "а" свидетельствуют записи Ф. Финка. Но он записал произношение одной провинциалки, которая хотя и ладила с литературными нормами, но в данном случае могла и отступить от них. Норма "б", по словам А.А. Шахматова, свойственна индивидуальному произношению. Это — очень широкое понятие; Шахматов к индивидуальному произношению относит, например, такие факты: [óпшєсвъ]=*общество,* [з'ем'л'у] АШ 11: 112—113 и др., т.е. явно нелитературные. Поэтому вопрос о литературности произношения *смо*[т'р']*и* и проч. остается открытым — он опирается только на показания Й. Люнделля, наблюдателя надежного, но здесь остающегося в одиночестве.

Н.С. Трубецкой замечает, что в произношении людей его поколения губные бывают полумягкими перед мягкими зубными. Вероятно, это мнение ошибочно. Оно не подтверждается больше ни одним наблюдателем. Кроме Р.Ф. Брандта, транскрибирующего: [ка́м'н'и], [гра́б'л'и], [ло́п'н'и], [ва́ф'л'и], [дро́в'н'и] РБ 92: 107. Брандт здесь же дает такие транскрипции, дезавуирующие его показания о мягкости в сочетаниях согласных: [зван'к'и́], [к'н'и́га] и др. Между тем перед заднеязычными, как известно из всех источников, мягкость—твердость зубных хорошо различалась, это была явно сильная позиция — и взяться мягкости или полумягкости в сочетании [нк'] просто неоткуда (ср. выше пример *звонки*). Заднеязычные перед всеми согласными (кроме мягких заднеязычных) — твердые, и транскрипция [к'н'] в слове *книга* (см. выше) несомненно ошибочна[57].

[57] О неверности транскрипций Р.Ф. Брандта с [ж'] мягким и [ш'] мягким (*внешний, черешня, грешник,-ица, насмешник,-ица, гречневая каша*=[г'р'эш'н'ъвъиъ], *ви*[ш'н']*я* (РБ 92: 115, 116) писал Ф.Е. Корш.

Другие исследователи последовательно отмечают твердость губных перед мягкими зубными: [пт']*ице* ВБ 13: 76 и др.

Велика ли разница между желтой и зеленой системами (мы имеем в виду в отношении диезности—недиезности)? Невелика. Некоторые закономерности, прочные в зеленой, оказались слегка расшатанными в желтой; именно: мягкость зубных в сочетаниях с мягкими губными. Далее: некоторые закономерности, видимо расшатанные в зеленой, еще более непрочны были в желтой; именно: мягкость [р'] перед мягкими губными и зубными.

А колебания в словах *верх, четверг* и *первый, стерва* были уже малоинтересны для фонетики: они давно были непозиционны. Надо рассматривать колебания *ве*[р']*х* — *ве*[р]*х* так: это лексические факты, некоторые слова имели вариативный фонемный состав (ср. *шхуна — шкуна, калоши — галоши, колодезь — колодец, шкаф — шкап;* в этом же ряду: *ве*[р]*х* — *ве*[р']*х, сте*[р]*ва* — *сте*[р']*ва* и под.).

Велика ли разница между желтой и оранжевой системами? Велика. Исчезло произношение: *де*[ф']*ки, не*[м']*ки, сё*[м']*ги, про*[п']*ки,* губные здесь стали твердыми. И стал твердым [р] в позиции перед мягкими губными и зубными.

Еще в начале века первая закономерность (*де*[ф']*ки*) казалась прочной, а вторая не была сильно расшатана, и вот... всего за четыре десятилетия — полностью ушла эта норма (недавно еще стойкая) в прошлое.

Не кажется ли странной эволюция этих сочетаний, "губной + мягкий заднеязычный"? В ало-оранжевой системе губной здесь непременно тверд, в желто-зеленой он постоянно мягок. Позиция и в том, и в другом случае слабая: нет выбора, нет противопоставления твердых и мягких согласных. Какая-то бессмысленная перетасовка звуковых качеств, какое-то суетливое топтанье на месте... Не видно смысла в этом изменении.

Язык ничего не делает бессмысленно и "просто так", но здесь его намерения ускользают от нас.

Может быть, справедливым будет такое предположение. В русском языке заметно движение от эквиполентных противопоставлений к привативным. Такое движение отмечено в грамматике. И именно на материале грамматики легче всего пояснить, в чем суть таких преобразований. Есть ряды грамматически соотносительных существительных: *москвич — москвичка, киевлянин — киевлянка, парижанин — парижанка, украинец — украинка, француз — француженка, датчанин — датчанка...* Названия лиц по месту жительства и по национальности. Слово муж. рода называет мужчину, слово жен. рода — женщину.

Есть другой ряд слов: *поэт — поэтесса, лифтер — лифтерша, учитель — учительница, повар — повариха, переводчик — переводчица, тракторист — трактористка...* Наименования по профессии. Здесь слово жен. рода обозначает женщину, а слово муж. рода может относиться и к мужчине, и к женщине: *Мария Петровых — известный поэт; Она работает лифтером; Я кончила курсы и теперь работаю переводчиком...* В одних словах выражен семантический признак "женщина", в других вместо него — семантический ноль. Поэтому-то

в контекстах эти слова, муж. рода, и выступают в любом значении, называют и лицо женского, и лицо мужского пола.

Первый тип противопоставлений Н.С. Трубецкой назвал эквиполентным: обе противопоставленные единицы обладают положительными (и — противоположными) признаками. Они обе — маркированные.

Второй ряд противопоставлений, по Н.С. Трубецкому, — привативный: одна из противопоставленных единиц обладает признаком, а другая им не обладает. Признак превращен в ноль. Такие беспризнаковые единицы употребляются всюду, где не нужно выражение данного признака. Беспризнаковые единицы называются немаркированными, а несущие признак носят название маркированных[58].

Эти типы противопоставлений существуют и в области фонетики, более того: впервые Н.С. Трубецкой их и обнаружил, изучая фонетические системы разных языков.

Пока в одних позициях, где нейтрализуется твердость—мягкость, выступали мягкие согласные, а в других позициях нейтрализации — твердые согласные, ни те, ни другие не могли считаться немаркированными. (Или: как те, так и другие в равной степени могли претендовать на статус немаркированных, но и те, и другие различающиеся единицы не могут одновременно считаться лишенными различительного признака[59]. Поэтому и те, и другие должны отказаться от звания немаркированных.)

Что же изменилось, когда в сочетании "губной + мягкий заднеязычный" первый согласный перестал быть по положению мягким и оказался по положению твердым? Формируется состояние, при котором в позиции нейтрализации выступают губные только твердые:

а) в сочетании "губной + мягкий заднеязычный";

б) в сочетании "губной + любой негубной твердый согласный";

в) в сочетании "губной + мягкий губной" (такое состояние, с первым твердым согласным, как мы видели, формируется в алой системе):

г) в сочетании с йотом губной чаще бывает тоже твердым (как об этом сказано в гл. 2).

Таким образом, губной твердый выступает всякий раз, когда его мягкость—твердость нейтрализована. Твердый губной формируется как немаркированный член противопоставления.

---

[58] Впервые широко применил понятие немаркированного признака Ф.Ф. Фортунатов в своих лекциях конца XIX — начала XX в. (не используя для этого особой терминологии). Следующий блестящий этап развития теории привативных отношений в языке — труды Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона.

[59] Мы всюду здесь говорим не о наличии/отсутствии физического признака "мягкость" или "твердость", а только о его функциональном значении. Если нет противопоставления, то признак функционально мертв. Его функционально нет. Ср.: *Маша и Олег — переводчики.* Позиция нейтрализации: невозможен в данном контексте свободный выбор между словами *переводчик* и *переводчица.* В позиции нейтрализации — немаркированный член (*переводчик*). *Маша и Олег — москвичи.* В позиции нейтрализации маркированный член (*москвич*, см. об этом выше). Когда [ф'к'] изменилось в [фк'], то произошел сдвиг: сочетание типа *Маша и Олег — москвичи* превратилось в сочетание типа *Маша и Олег — переводчики.*

Был разлитый на два сегмента признак мягкости:

мягкий	
диффузный низкий	компактный низкий
ф'	к'

Но теперь мягкости первого сегмента нет. Есть беспризнаковость. Такое отсутствие сигнализируется твердым губным. Он — немаркированный:

мягкий	
диффузный низкий	компактный низкий
ф	к'

Нет разлитого признака. Мягкость обозначена в одном сегменте, а не в нескольких.

Сам процесс, возможно, шел так. Среди сочетаний губного с заднеязычным особенно часто встречается [ф'к'] (*на Покровке, плутовки, у остановки, без подготовки, маленькие подковки...*). Но это же сочетание обычно для стыка "предлог + полнозначное слово": *в кителе, в Китае, в кислых щах, в Керчи, в керосине, в келье...* Пока "ассимилятивная" мягкость была сильнее, она подчиняла себе и эти сочетания. Но предлог бунтовал: он хотел везде быть равен себе, т.е. везде реализоваться звуком [к]. Сочетания *в Костроме, в костюме, в комнате* влияли на сочетания *в Керчи, в кителе, в келье.* Возникло стыковое сочетание [фк], с твердым первым согласным. Пользуясь тягой языка к немаркированности единиц, к привантивным противопоставлениям, это сочетание проникло и в середину слова[60]. Так, *на Покро*[ф'к']*е* стало *на Покро*[фк']*е.*

Вспомним: точно то же заметно и в сочетаниях "губной + мягкий губной". Здесь особенно сильно отпадение от мягкости тех согласных, которые стоят в начале такта: *в мире, вмятина, вмиг, вместе...*

Даже в сочетаниях зубных начало слова провоцирует твердость: встречается произношение *с ним, сниться...* — с твердым [с]. Случаи *с ним* влияют на случай *сниться.*

Везде можно видеть влияние сочетаний с предлогом на сочетания звуков внутри морфемы.

Так формируется особая позиция: начало слова; она неблагоприятна для "ассимилятивной" мягкости.

Позиция, спровоцированная предлогом, обобщается и для других случаев, когда предлог уже не является виновником твердости. Формируется особое фонетическое место: начало слова. Поэтому-то и в сочетании /т'р'/ оказывается, как и в других сочетаниях, нежелательна мягкость [т'], хотя и нет предлога [т].

---

[60] Не подобный ли процесс заметен и в грамматике? *Перепись населения охватила весь этот район с его двумястами пятьюдесятью шестью тысячами семьюстами восемьюдесятью жителями...* Значение твор. падежа выражено предлогом *с* и падежными флексиями — всего 12 раз. Современная речь обычно избегает такого нагромождения показателей. Фразу стараются построить так, чтобы числительное было в им. падеже, а им. падеж в русском языке все чаще выступает как немаркированный...

Мы уже сделали предположение о том, куда направлены изменения в сочетании "зубной + мягкий губной". В одних словах устойчива мягкость зубных (*разве*), в других укрепилась твердость (*развит*). Мы высказали мнение, что дело идет к превращению этой позиции в сильную: перед мягким губным оказался возможным выбор — твердый (в одних словах) или мягкий (в других словах) зубной. Возможно, это предположение верно.

Но вероятен и другой путь: все зубные в этой позиции будут постепенно завербованы в твердые. И среди зубных будет формироваться немаркированность. (А что *разве* упорно держится за мягкость [з'], то не потому ли, что это — частотное слово в речи? Такие слова изменяются медленно. Тогда *разве* просто отстало от *развит*, но идет по тому же пути — в конце концов к твердости.

Впрочем, наверняка сказать невозможно: язык настолько своеобычен и себе на уме, что может избрать и какой-нибудь третий путь.)

Итак, обнаружилось движение в сторону превращения некоторых слабых позиций в сильные; действует закон Бодуэна де Куртенэ. Количество звуков-различителей в определенных позициях увеличилось. С достоверностью это устанавливается в двух случаях:

1. Перед [э] были возможны только мягкие парные фонемы, стали возможны и мягкие, и твердые.

2. Перед гласными непередними оказались возможны заднеязычные не только твердые, но и мягкие согласные.

Почему в первом случае с уверенностью говорим об увеличении различительной способности позиции? Есть минимальные пары: тест, род. п. теста — и тесто, род. п. теста и др.

Но ведь произношение твердых согласных перед [э] в большинстве слов вариативно? Одни говорят *бак*[тэ]*рия*, другие — *бак*[т'э]*рия*. Однако массовое наблюдение показало, что есть много слов, которые каждое новое поколение произносит все более часто с [э] (например, *энергия*). И есть другая группа слов, где от поколения к поколению возрастает число произношений с мягким согласным перед [э] (например, *консервы*)[61]. Это и значит, что различительность данной позиции возрастает.

Не следует ли из наших примеров, что фонетические перемены обусловлены словарем? Появилось слово *маникюр* (ср. *перекур*) — изменилась позиция для заднеязычных перед [у]. Нет, видимо, это упрощенный взгляд. Ведь раньше было слово *маникур*... Не фонетика ли в своем саморазвитии позволила появиться слову *маникюр* (и другим), чтобы демонстрировать позиционный сдвиг?

Прерванные—непрерывные

Произносили: [х] *кому*, [γ] *горé* РБ 92: 138, [х] *кому*, [γ] *городу*, [γ] *горé* РК: 74—75, [х] *камину*, [γ] *городу* ЙЛ: 54, 60, 15, [х] *кому*, [х] *кумовьям*, [х] *кораблю*, [х] *квадрату*, [х] *костюму*, [х] *Киеву*, [х] *келии*, [х] *Кузьме*, и даже *ля*[х] *косатик* (=*ляг, косатик*) ПШ: 80, [х] *кому*, [х] *камню*

[61] См.: *Гловинская М.Я.* Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

ВЧ 15: 42. Для старшего поколения (зеленая система) это было нормой (РК: 74—75).

Внутри слова тоже невозможны были сочетания [к] + [к] и [г] + [г]: *легкий, мягкий* РБ 92: 138, *легкий, легкость, мягкий, мягкость* произносили с сочетанием [хк] (РК: 74). Другие данные: *ле*[хк]*а* ЙЛ: 31, *ле*[хк]*ий* ЙЛ: 15, *ле*[хк]*о* ПШ: 80, *мя*[хк]*ий* ВЧ 15: 42.

Молодое поколение (желтая система) уже произносило на стыке "предлог+имя" и [кк], и [гг]: [к] *кому,* [г] *городу,* [г] *горе* РК: 74.

Произносили: [х] *чему* РБ 92: 138, [х] *часам,* [х] *чуду,* [х] *чистоте,* [х] *четырем* (ПШ: 80), [х] *чему* ЙЛ: 15, [х] *чему* ВЧ 15: 42. Вероятно, тоже не все: молодые уже отказывались от этой нормы. Думаем так потому, что в более поздних системах (в оранжевой, например) эта закономерность более расшатана (изжита?), чем произношение <кк>=[хк], <гг>=[γг). В середине слова: *ле*[х]*че, мя*[х]*че* РБ 92: 138, *ле*[х]*че, тя*[х]*чайший, мя*[х]*че* РК: 74, *ле*[х]*че* ЙЛ: 15, *мя*[х]*че* ПШ: 80. Даже: *Ара*[х]*чеев* ПШ: 80.

Вспомним, что слово *тягчайший* было той препоной, которая помешала нам признать мену [х'||х] перед [ч'] позиционной для алой и оранжевой систем. Здесь этой препоны нет. Мена, в высшей степени вероятно, позиционная для зеленой системы (даже если свидетельство П.Г. Шарова об *Ара*[х]*чееве* недостоверно: имена собственные имеют свою фонетику).

Произносили: [х] *тебе,* [х] *тому* РБ 92: 138, [х] *тебе,* [х] *тому,* [х] *товарищу* ВЧ 15: 42. В середине слова: *хто* РБ 92: 136, *а*[х]*тер* (!), *до*[х]*тор, о*[х]*тябрь, но*[х]*ти, ко*[х]*ти, дё*[х]*тя, я*[х]*дташ,* но *ло*[к]*ти* ПШ: 79, [х]*то* ЙЛ: 15, 28, 42, 64, *ни*[х]*то* ЙЛ: 28, 64, *ко*[х]*ти* ЙЛ: 15, [х]*то, но*[х]*ти, ко*[х]*ти, де*[х]*тю* ВЧ 15: 42, *то*[γ]*да* ЙЛ: 23, 24, 28, 38, *по-все*[γ]*дашнему* ЙЛ: 24, *нико*[γ]*да* ЙЛ: 24—25, [γ]*де* ЙЛ: 15, 26, 52, *ко*[γ]*да* ЙЛ: 15, 34, 38, *все*[γ]*да* ЙЛ: 38, 74, *ино*[γ]*да* ЙЛ: 50 (!)[62], *но*[х]*тя, ко*[х]*тю, де*[х]*тя* РК: 74.

Ср. замечание Д.Н. Ушакова: "*Ноготь, ногти* произносим *ноготь, нокти*... При *коготь, когти* произносим не *кокти,* как бы ожидали, а *кохти*: произношение, естественное для тех, кто произносит *коуоть,* и, может быть, перенятое от них" (ДУ 11: 32). У Р.Ф. Брандта: *ля*[к]*те, ло*[к]*те* РБ 92: 138, хотя [х] *тому,* [х] *тебе.*

Ср. у В.И. Чернышева: *ло*[к]*ти, та*[к]*-то, ля*[к]*те* ВЧ 15: 42, но *но*[х]*ти* (!), *ко*[х]*ти, де*[х]*тю* ВЧ 15: 42.

Судя по тому, что разные исследователи приводят разные исключения, норма была уже изрядно расшатана. Близка к позиционной, но не позиционная.

Р. Кошутич говорит, что в речи молодых москвичей (желтая система) обычно было уже <кт>=[кт], <кч>=[кч] (РК: 75). Но <гк>, <гг>, <гч>=[хк], [хг], [хч] (РК: 75). Он же отмечает варианты: *все*[γ]*да — все*[г]*да, то*[γ]*да — то*[г]*да* РК: 238, 241 и, конечно, [х]*то* — [к]*то* РК: 239. Молодым свойственно произношение с согласными взрывными (РК: Х).

---

[62] См. также ЕК: 43 (примеры те же).

Таблица 2

Позиция	Зеленая система	Желтая система
	<к>	<к>
1. Перед гласным непереднего ряда	[к]	[к]
2. Перед гласным переднего ряда	[к']	[к']
3. Перед взрывными губными	[к], [г]*	[к], [г]
4. Перед взрывными зубными	[к], [г]	[к], [г]
5. Перед [ч]	[х]	[к]
6. Перед заднеязычными	[х], [γ]	[х], [γ]

* Перед глухими — [к], перед звонкими — [г] или [γ].

Совершенно особняком стоят транскрипции Й. Люнделя: [γ] *богатому* ЙЛ: 24, 28, [γ] *барину* ЙЛ: 29, 30, [γ] *бабушке* ЙЛ: 40, [γ] *бедному* ЙЛ: 42. Очевидно, они отражают очень малораспространенное, индивидуальное произношение некоторых носителей литературного языка. Другие наблюдатели не подтверждают этой нормы, и мы не будем ее считать литературной. Итоги см. в табл. 2.

Чем ближе место артикуляции [к], [г] и предшествующего взрывного, тем значительнее сила диссимиляции. В зеленой системе еще достаточно для диссимиляции было расстояние передненебный—задненебный; в желтой — это расстояние уже не дает диссимиляции, близость места артикуляции здесь недостаточна: надо, чтобы расстояние между ними равнялось нулю. Иначе говоря, диссимиляция с задненебным наступала только у предшествующего задненебного же. Наконец, в алой системе и при таких условиях диссимиляции нет (см. гл. 1).

По мере того как шел этот процесс "отпадения" от живой диссимиляции групп согласных, все больше становилось слов с лексикализованными группами [хк], [хч] (см. об этом в гл. 1).

Резкие—нерезкие

Во многих словах произносилось сочетание [ч'н]: *отлично, млечный, мрачный, точный, порочный, личный* и т.д.

В Петербурге даже чаще, чем в Москве, звучало [чн] вместо [шн]. У молодежи [чн] произносится в тех словах, которые старшее поколение произносит с [шн] (РК: 73). Некоторые слова с [шн] стали восприниматься как просторечные; их в литературном языке произносят только с [чн], например *печник* РК: 73.

Распределение [шн] — [чн] по словам часто прихотливо: например, москвичи говорят *булошник, сливошник,* но *булочная, сливочная* — с [чн] пишет Р. Кошутич, может быть ошибаясь в этих конкретных примерах (РК: 72; см. еще: РБ 92: 139, АШ 11: 96; ВЧ 15: 43; РК: 71).

Во многих словах произносился перед [н] согласный [ш], чередующийся с [к, ч, ц]: *будошник*, булавошный*, булошная, булошник, взятошный*, водошный*, всеношная, горнишная, горчишник*, горячешный, грешневый, загадошный*, загранишный*, калашник, калаш-*

ный, картошный (долг), клюшница*, конешно, коришневый*, крошешный*, лавошник*, лодошник*, лубошный*, мелошная* (лавка), месяшный*, молошник, молошный, нарошно, перешница*, подсвешник, порядошный, прачешная, пробошник*, проволошный*, птишник*, сердешный, сказошный*, скушно, сливошник*, сливошный*, табашный*, шутошный*, язышник*, яишница*[63].

Видно, что набор слов, где произносилось [шн] (с чередованием <ш> || <к>, <ш> || <ч>, <ш> || <ц> или без чередований, см. слова *конешно, нарошно*), больше для начала века, чем для нашего времени. Конечно, и тогда, и теперь это чередование не было позиционным. Достаточно напомнить, что мы говорим: *мрак — мрачный, точен — точный, лицо — личный* и т.д. Ведь позиционные чередования тем и отличаются, что они повсеместны: в данной позиции мена происходит во всех морфемах, во всех словах.

Есть, следовательно, два полюса: чередование не знает исключений, оно позиционно, и чередование осуществляется лишь в некоторых, немногих словах, где есть данная позиция (например, [г] заменяется согласным [з'] перед <j> только в формах *друзья, друзьям, друзьями, о друзьях*). Но между этими полюсами есть шкала переходных случаев, и возможно движение по этой шкале — к тому или другому полюсу.

В зеленой системе по сравнению с оранжевой и тем более с алой непозиционное чередование: <к> (или <ч>, или <ц>) не перед [н] || [ш] перед <н> — на один шаг ближе к чередованию позиционному. Оно охватывает большее число слов (а ведь позиционным оно стало бы, если бы охватило все слова с этой позицией)[64].

Глухие—звонкие

Отношения глухих и звонких в желтой и зеленой системах были такие же, как в алой и оранжевой.

Обратим внимание на одну деталь. В наше время перед [в] и [в'] появление глухих и звонких подчинено как будто такому закону: если после [в], [в'] следует звонкий шумный согласный, то перед сочетаниями [вб], [вд], [вг], [вз], [вж] (и соответствующими диезными их собратьями) возможны лишь звонкие. Вероятно, так было и в желтой, и в зеленой системах. Вот свидетельство: И.А. Бодуэн де Куртенэ, рецензируя книгу В.И. Чернышева, усомнился в некоторых транскрипциях автора: "Если написано *тагздружился* (*так сдружился*), то следовало бы, кажется, написать тоже *водвздумылыс* вместо *вотвздумылыс* (*вот вздумалось*)"[65]. То есть: И.А. Бодуэн де Куртенэ предполагает, что перед сочетанием [вз] может быть только звонкий шумный согласный и не может быть глухого. Это именно та законо-

---

[63] Звездочкой отмечены слова, которые в алой системе не произносятся с [шн], а только с [ч'н] (см. РБ 92: 139; РБ 1904: 55; ПШ: 40; АШ 11: 96; ВЧ 15: 43. См. также ЕК).

[64] К чередованиям, которые мы рассматриваем, не относятся такие: *слышный* (*слух, слышу*), *пушной* (*пух*), *смешной* (*смех*), *сплошной* (*сплошь*) и т.п. Здесь <ш> перед [н] || <ш> или <х> не перед [н]. Ср. *слышен, пушистый, смешон, сплошь*. Такие чередования были устойчивы на всем протяжении XVIII—XX вв.

[65] Это высказывание И.А. Бодуэна де Куртенэ нами уже цитировалось (Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967. С. 87).

мерность, которая приписывается (вполне ли доказательно?)[66] современному, ало-оранжевому, произношению. Изменений даже в деталях, видимо, нет. Звонкость—глухость — на редкость устойчивые признаки в системе русской фонетики.

ГЛАСНЫЕ

Ударные—безударные

В алой и оранжевой системах существует аканье.

Парадигматика. Чередования, характерные для литературного аканья:

Под ударением	В первом предударном слоге после твердого	В любом другом безударном слоге после твердого
а о	а	ъ

Примеры известны: *травы — трава — травяной; водный — вода — водяной — заводь.*

В первом предударном слоге гласный слабее, чем ударный, но сильнее всех остальных безударных (в прикрытых слогах; в неприкрытых — гласные той же "наполненности" и силы, что и в первом предударном). Формула: ...1 1 2 3 1 1... (где 3 — ударный слог). Безударные, обозначенные единицей, не все равны: последний безударный сильнее предпоследнего безударного; кроме того, третий предударный, пятый предударный сильнее, чем второй и четвертый; второй и четвертый заударные сильнее, чем первый и третий (неконечные). То есть если ударный слог обозначить цифрой 4:

...2 1 2 1 3 4 1 2 1 2...

Примеры:

вывернувшиеся	*пересортировавшими*
4 1 2 12 3	2 1 2 1 3 4 1 3

В зеленой и желтой системах формула слогового строения слова такая же, как в алой и оранжевой: ...1 1 2 3 1 1...

Транскрипции:

кълъкала́	вы́дъч'а, вы́бъры	сав'э́тъвът'
зъстръхава́т'	за́мъръск'и РБ 92: 35	скъвърада́
нъ пъхърана́х	сълав'е́ц	наро́дъм РК: 32

Гласный первого предударного слога был сильнее остальных безударных, но и остальные не все являлись равными. Второй предударный был слабее, чем третий (если оба были прикрытые); первый

[66] В современной фонетической литературе высказывались некоторые (впрочем, неуверенные) сомнения на этот счет.

заударный был слабее, чем второй (если оба были закрытые). Сведения об этом есть у Ф.Е. Корша, Р. Кошутича и других исследователей.

П.Г. Шаров так обозначил силу слогов:

½	¼	¾	1	¼	½
па	да	ба	страст	на	ва
га	ла	са	ва	ни	ем
вы	са	ка	мер	на	ва
без	ат	на	си	тель	на
ат	ка	ла	коль	чи	каф

Эта закономерность сочетается с другой — последний заударный слог сильнее предпоследнего:

¾	1	¼	½
за	об	ла	кам
са	вре	ме	нем

Другие примеры:

½	¼	¾	1	¼	¼	½
са	сре	да	то	чен	на	ва
аб	ва	ра	жы	тель	ны	ми

В этих двух словах последний слог усилен (по сравнению с предыдущими) тем, что он: а) последний; б) открытый.

1	¼	½
силь	на	ва
крас	на	ва

В этих двух словах (ПШ: 72—73) последний слог усилен (по сравнению с предыдущим) тем, что он: а) последний; б) открытый; в) второй заударный.

Ср. схемы у Р. Кошутича:

перенести=1 + 1 + 2 + 3

вынести=3 + 1 + 1

староста=3 + 1 + 1

старостой=3 + 1 + 1

(Знак 1 означает слог, немного более сильный, чем обозначенный знаком 1; в последнем примере, по Кошутичу, оба заударных слога равны, так как последний — закрытый.)

Другие примеры:

предрасположение=1 + 1 + 1 + 2 + 3 + 1 + 1

распоряжающийся=1 + 1 + 2 + 3 + 1 + 1 + 1

коленопреклоненный=1 + 1 + 1 + 1 + 2 + 3 + 1

(Последний слог — закрытый, значит, равен не 1, а 1, см. РК: 63).

Данные Р. Кошутича согласуются с данными других наблюдателей. Расхождения в незначительных частностях: по Кошутичу, закрытость заударного последнего слога так его угнетает, что не действует уже ритмически выигрышное место (второе после ударения, см. пример: *старостой*).

Все данные в пользу того, что слоговая модель слова для алой—оранжевой—желтой—зеленой системы — одна и та же.

Совпадали ли [ы] и [ъ] в заударных закрытых слогах?

Мнение Ф.Е. Корша: они различаются — *выжать*=[вы́жът'] и *выжить*=[вы́жыт'] ФК: 60.

Мнение Й. Люнделля: нет, не различаются, [ы́] редуцируется до [ъ]: [за́жъл]=*зажил* ЙЛ: 68[67]. Другие примеры у Люнделля: *обман*[ъ]*вают* 17, *во-перв*[ъ]*х* 30, *различн*[ъ]*х* 30, *для бедн*[ъ]*х* 32 (в этой форме [ъ] транскрибируется постоянно), чтоб[ъ] 42 и др. Но: *эт*[ы]*го* 32, *харош б*[ы] 44[68].

Р. Кошутич согласен с Ф.Е. Коршем. Он слышал, что у старшего поколения (зеленая система) совпадает произношение форм *добрый* и *доброй* (жен. р.); это явление грамматическое, давно известное. У молодых же (желтая система) различаются: *добр*[ы]*й* (им. п. муж. р.) и *добр*[ъ]*й* (род., дат., твор., предл. п. жен. р.). Значит, даже у молодых [ы] и [ъ] были хорошо разграничены, если на этой примете основывалось противопоставление выговора разных поколений.

У него же транскрипции: *добр*[ы]*х, м*[ы]*ловар, б*[ы]*строта* и т.д. (РК: 41).

Различает [ы]—[ъ] в заударных слогах и Д.Н. Ушаков (ДУ 11:50).

Приведенные данные надо сопоставить с судьбой <у> в тех же позициях. В.И. Чернышев писал: "Неударяемые окончания прилагательных винительного падежа женского рода единственного числа *-ую, -юю* заменяются в произношении окончаниями *-ыю* (вместо *-ою*) и *-ию* (вместо *-ею*): *до́брыю сестру́, ка́минныю сте́ну, си́нию кра́ску, зде́шнию жы́тильницу* и т.п." (ВЧ 15: 48). У него [ы] в заударных слогах условно обозначает [ъ] (но сама условность очень характерна); поэтому его записи надо интерпретировать: *до́бр*[ъ]*ю, ка́менн*[ъ]*ю*...

Большинство же исследователей указывает на произношение здесь [у]. Очевидно, В.И. Чернышев берет крайнюю возможность — крайнюю, но не типичную.

Данные В.И. Чернышева, хотя они относятся к <у>, подтверждают то, что Й. Люнделль говорил об <и> (после твердых в заударной части слова), гласные верхнего подъема могли в описанной позиции (т.е. -ˊtɑt) редуцироваться до [ъ], хотя такое произношение не было единственным[69] и даже не было распространенным. Господствовало различение [ъ] и [ы] в закрытых заударных слогах (тем более — в открытых заударных).

Есть способ убедиться, что в конце XIX — начале XX в. такое произношение уже существовало: посмотреть, как было в более раннюю эпоху. Если такое произношение отмечено и для голубой системы, то, бесспорно, оно существовало и для зеленой. Что-то нам покажет изучение голубой?

---

[67] У Люнделля и в предударных слогах (кроме первого предударного) <и>=[ъ] после твердых: *с*[ъ]*новьям* ЙЛ: 30 (2 раза).

[68] Надо обратить внимание на то, что у Люнделля очень много примеров на глаголы с суф. *-ыва-*. Они могли произноситься с [ъ] под влиянием глаголов с суф. *-ова-* (*выторговать, унаследовать* и проч.). В таком случае эта особенность — не фонетическая, а грамматическая; здесь мена суффиксов (ср. *ходют, видют* и др.). Но и без этих глаголов у Люнделля остается несколько случаев с [ъ] вместо [ы].

[69] Оно и сейчас не стало единственной нормой, хотя встречается нередко.

Гласный [и] после мягких согласных в безударных слогах в желтой (и́кающей) системе был полновеснее, яснее в первом предударном слоге, короче, редуцированнее — в остальных, но качественно представлял во всех безударных слогах один и тот же тип: гласный переднего ряда, средне-верхнего подъема (или средне-верхне-верхнего), нелабиализованный. Поэтому у одних фонетистов отмечается разница между *и*-обра́зным гласным первого предударного слога (используется знак [и^{э}]) и другими слогами (используется для них знак [ь]); другие транскрибируют одинаково во всех слогах.

После мягких согласных в первом предударном слоге были возможны такие гласные.

Вот экающая (зеленая) система, с набором единиц из трех в этой позиции:

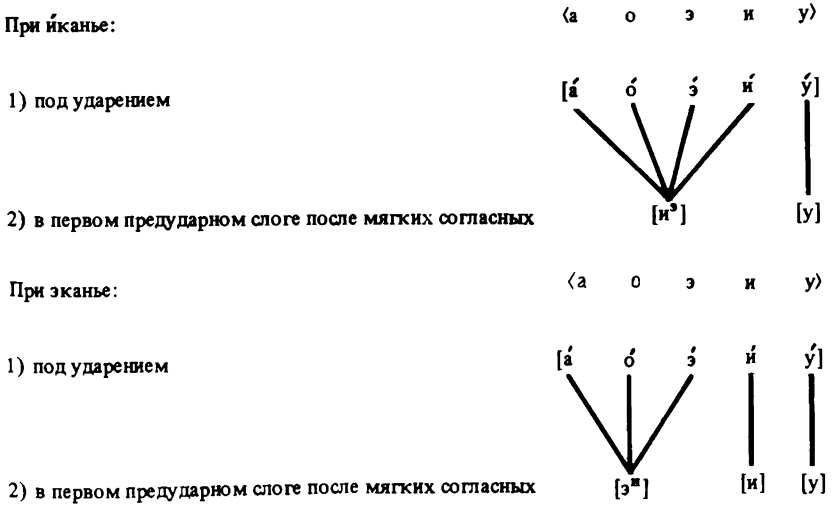
Она была свойственна старшему поколению; в меньшей степени — младшему.

Существовала вместе с тем и́кающая (желтая) система, с таким набором единиц в этой позиции:

Знак [и^{э}] указывает на гласный средне-верхнего подъема ("недотянутый" артикуляционно до положения [и]).

Почему два гласных? Почему три? Объяснение находим в парадигматике. Чередования были разными: одно — для алой, оранжевой и желтой систем, другое — для зеленой. Парадигматика и́канья—эканья должна быть показана так.

Это основная черта, разделяющая желтую и зеленую системы. Произносили:

в желтой	в зеленой	
<у> [л'уб'и́т']	[л'уб'и́т]	одинаково
<и>[п'и^{э}л'и́т']	[п'ил'и́т']	по-разному
<э> [л'и^{э}ч'и́т']	[л'э^{и}ч'и́т']	"
<о> [н'и^{э}с'т'и́]	[н'э^{и}с'т'и́]	"
<а> [в'и^{э}за́т']	[в'э^{и}за́т']	"

Ясным это различие было только в первом предударном слоге; во всех остальных и́кающая норма уже господствовала. Эканье могло реализоваться и в заударных слогах, и в непервых предударных, но для этого нужны были особые условия (логическое ударение на слове, эмоциональное выделение слова, его особое интонирование и т.д.).

Когда возникла и́кающая манера в русском литературном языке? Для первого предударного слога время можно назвать более или менее точно: конец XIX — начало XX в. (в другие слоги и́канье пробралось в более раннее время). Вот рассказ Д.Н. Ушакова: Ф.Е. Корш еще в 1909 г. сомневался в реальности и́канья (как варианта литературного произношения). Д.Н. Ушакова и Н.Н. Дурново, открывших и́канье — в литературном языке и в собственном произношении — он "шутливо старался уличить в притворстве, потом примирился с существованием такого произношения и придумал нам кличку *питух*"[70].

Однако тот же недоверчивый Корш в 1886 г. так спорил с Я.К. Гротом. Речь шла о законности написания *абонимент*. Не считать ли и его приемлемым? "*Абонимент,* — говорит Я.К. Грот, — сходно с произношением, несмотря на фр. abonnement. С произношением — чьим? Есть произношение *писок* вместо *песок* и даже *питак* вместо *пятак*. Возьмется ли г. Грот во всех случаях точно и ясно определить, какая из двух гласных слышится в самом деле — *е* или *и*? На каком же основании отступать от этимологии, когда выговор сомнителен!"[71]

Ф.Е. Корш здесь явно пишет не о диалектном произношении (не было и речи о том, чтобы в правописании отражать диалекты). Значит, и́канье проникло в литературный язык уже в конце XIX в. Ф.Е. Корш сам это заметил, а потом, очевидно, запамятовал — и стал вышучивать молодых "и́кальцев"[72].

Р. Кошутич заметил, что многие москвичи из интеллигентных семей в молодости говорят под влиянием "челяди", т.е. прислуги, а потом, в зрелые годы, меняют свое произношение: действует "взрослая" среда, ее традиции. Не так ли было и с забывчивым Ф.Е. Коршем?

---

[70] *Ушаков Д.Н.* Воспоминания о председателе Московской диалектологической комиссии академике Ф.Е. Корше // Памяти Ф.Е. Корша. М., 1915. С. 23.

[71] *Корш Ф.Е.* [Рецензия] // Газета А. Гатцука. СПб., 1886. N 20. С. 278. — Рец. на: Грот Я.К. Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге "Русское правописание", 1886.

[72] Такая забывчивость при изучении и́канья—эканья — вещь, к удивлению, обычная. См. высказывания Л.В. Щербы на эту же тему.

О том, что появление йканья в литературном произношении — факт по крайней мере конца XIX в., говорят и высказывания Р.Ф. Брандта. Он писал: "Богородицкий глагольной форме *плету́* приписывает *э*, а форме *плети* — э̂. Тем более Богородицкий в этом случае видит различие между звуками *е* и *и*. По-моему, предударное *е* и предударное *и* совпадают, как совпадают предударные *о* и *а*; как те являются в виде довольно ясного *а*, так *е* и *и* звучат как довольно ясное *и*. Сравним глагольную форму *наплету* и выражение *на плиту*, сравним существительные *предел* и *придел*, *петух* и *питух*, родит. падежи *венца* и *винца*, *певца* и *пивца*; *развелась*...и *развилась*..."[73].

Таким образом, первым надежным свидетельством о распространенности в литературном произношении йканья надо считать наблюдения Р.Ф. Брандта и Д.Н. Ушакова—Н.Н. Дурново.

Д.Н. Ушаков постоянно отмечает существование двух норм — указывает два произносительных варианта:

[п'ирó] ([п'е^{и}рó])
[пр'ин'исý] ([пр'ин'е^{и}сý])
[с'идóи̯] ([с'е^{и}дóи̯])
[уб'ид'и́т'] ([уб'е^{и}д'и́т']) (ДУ 11: 15)
[jизы́к] ([jе^{и}зы́к])
[ч'исы́] ([ч'е^{и}сы́])
[п'ита́к] ([п'е^{и}та́к])
[н'исý] ([н'е^{и}сý])
[jизда́] ([jе^{и}зда́]) (ДУ 11: 36, 37).

Но, конечно, только в одном варианте [пр'ишóл] и под. (ДУ 11: 38).

Д.Н. Ушаков пишет: "...*леса́, плету́, несу́* в московском произношении не являются в виде *л'эса́, пл'эту́, н'эсу́* (с э̂ ненапряженным), а или с э̂ напряженным: *л'э̂са́, пл'э̂ту́, н'э̂су́*, или с промежуточным между *э* и *и* звуком: *л'э^{и}са́, пл'э^{и}ту́, н'э^{и}су́*; эти два варианта произношения, очень близкие, принадлежат старшему поколению москвичей; в младшем здесь вместо *э* уже *и* (ненапряженное): *л'иса́, пл'иту́, н'ису́* (первые два безразлично, следовательно, и для *леса, плету* и для *лиса, плиту*). Так в первом перед ударяемым слогом. В остальных неударяемых слогах являются те же по качеству гласные, но полуглухие" (ДУ 19: 42).

Иканье в литературном произношении отмечает и Й. Люнделль, с одной, впрочем, странностью: <а> реализуется, судя по его записям, в [э], <о, э, и> — в [и^{э}]. Примеры:

в'ьна́, и̯ьд'а́т 48
ръс'т'ьр'а́фшъс 52
пъъч'ьр'о́дна 52.

В заударной позиции:

по́и̯ьст (=*поезд*) 46
в'е́ч'ръм 48
ма́с'т'ьра 56
т'е́т'ьр'ьф 58 и т.д.

[73] *Брандт Р.Ф.* Лекции по исторической грамматике русского языка. М., 1892. Вып. 1: Фонетика. С. 38.

Но:

иейц 46
зъиевл'а́иьт 52
зъиев'йл 54.

Может быть, это разграничение все же не искусственное построение. Перестройка эканья и и́канья, возможно, проходила "поэтапно", и тогда, естественно, фонема <а> оказывалась наиболее устойчивой в своем экающем традиционализме. Надо вспомнить, что и сейчас у "и́кальцев" встречаются в речи случаи произношения <а> как [а] (в предударном слоге после мягкого согласного). Но переходная ступень, если именно она описана Люнделлем, неустойчива; другие исследователи молчат о ней. У Люнделля нам важнее всего отражение и́канья, а не загадочные отступления от него.

История распространения и́канья в Москве тщательно описана Р. Кошутичем. Под влиянием южных великорусских диалектов, проводником которых являются домашняя прислуга, родом с юга, и южные переселенцы, можно среди молодых образованных москвичей слышать полное и́канье, т.е. вместо [э^{и}] произносится [и] (перед ударным слогом — более ясное и длительное, чем в других безударных). Вместо [с'ьр'э^{и}бро́, б'ъл'изна́, п'ьр'ьн'э^{и}с'т'и́][74] произносят [с'ир'ибро́, б'ил'изна́, п'ир'ин'ис'т'и́] (РК: XIII). В этом просторечном произношении не различаются: *винца́ — венца́, пивца́ — певца́, на плиту́ — наплету́, развила́сь — развела́сь*. Но это — не литературная, это жаргонная речь (РК: XIV).

Между этим жаргонным произношением и литературным находится так называемое и́канье, которое можно услышать у ряда младшего и совсем молодого поколения образованных москвичей. В их произношении старое безударное [и] несколько изменилось в сторону звука [е], а старое безударное [е] и ['а] пошло навстречу звуку [и], и в этом произношении нет в безударных слогах ни чистого [э], ни чистого закрытого [и], но уже нечто среднее между ними, то есть звук [ь], который перед ударным слогом ближе к [э^{и}], а в остальных слогах ближе к [и] (после [ж, ш, ц] — к [ы]). Это произношение может рассматриваться как переход от жаргонного и́канья к литературному произношению образованной Москвы, и различие между тем и другим было бы главным образом в первом предударном слоге" (РК: XV). Об этом же говорится и в другом месте: "В произношении младшего поколения образованных москвичей безударное [е] и безударное [и] сузились в один звук, который звучит как [и], несколько более открытое, чем ударное"; [с'ило́, п'иту́х, п'ир'ин'ис'т'и́, ч'исы́, ч'исаво̯и̯]. "После [ж, ш] слышится [ы], несколько более открытое по сравнению с ударным: [жына́, шыстóй, жыл'ёт', шыры́]". Но это произношение, по мнению Р. Кошутича, неустойчиво: письмо и традиционное литературное произношение делают свое дело, и обычно тот, кто в детстве говорил [с'ило́], [ч'исы́], [п'исо́к], когда подрастет, говорит уже [с'и^{э}ло́], [ч'и^{э}сы́], [п'и^{э}со́к], а в зрелом возрасте все эти слова — с [э^{и}] (РК: XV—XVI).

[74] Знак [ь]=[и^{э}] (очевидно, так: см. РК: 34—35).

Итак, различаются такие типы произношения: 1) [п'ита́к] — с ясным [и], просторечие; 2) [п'э^{и}та́к] — традиционно литературное; оно разграничивает <и—э>; 3) [п'и^{э}та́к] — новое литературное, еще неустойчивое, не различающее <и—э>.

Какого качества был безударный гласный [э] при эканье? Возможны два предположения: 1) это был гласный средне-верхнего подъема, переднего ряда[75]; 2) это был гласный среднего подъема, переднесреднего ряда.

Посмотрим, что говорит в пользу первого предположения. Исследователи сообщают, что безударное [э] было закрытым, "напряженным". Обозначение "напряженный", вероятно, используется как синоним слова "закрытый"; сама же мускульная напряженность (даже в ударном слоге возможная у [э] лишь перед мягким согласным) вряд ли имеется в виду. По Д.Н. Ушакову, "экальщики" слово *леса* и под. произносят либо с [э] напряженным, либо со звуком, средним между [э] и [и]: [э^{и}] (ДУ 19: 42). Разграничение этих оттенков не совсем ясно: гласный [э] напряженный и есть именно сдвинутый кверху (к [и]) гласный.

А.А. Шахматов, транскрибируя слова *рядами, тянулись, телеги, за телегами, ямские, крестьянские, боязливо, степными, гнедые, метались, глядели, метали,* предударный звук отмечает знаком ê, т.е. [э] закрытое напряженное... По Шахматову, это гласный "среднего ряда, среднего образования, напряженный" (ОБ: 257—258), т.е. закрытый? Действительно, в таблице гласных из литографированного "Курса истории русского языка"[76] предударный [э] показан тоже среднего ряда (более передний, чем [ъ]), и притом в двух разновидностях: он напряжен перед мягкими согласными (*рябина*) и не напряжен перед твердыми (*сестра*). Наблюдение более детализованное, а поэтому и обладает преимуществом. Итак, предударный [э] мог быть как напряженным, так и ненапряженным. Важно, что он был средне-переднего ряда.

Примечание О. Брока к характеристике А.А. Шахматова: "По-моему, впрочем, переднего ряда" (ОБ: 257).

Это примечание позволяет примирить два предположения. У одних предударный гласный [э] был сдвинут из переднего в передне-средний ряд (так у А.А. Шахматова, по таблице, в "Очерке" (АШ 11), но [ъ] у него еще более сдвинут кзади; таким образом, если [ъ] считать гласным среднего ряда, то предударный [э] — средне-передне-переднего ряда). У других этот гласный был средне-средне-верхнего подъема. Это согласовалось бы с мнением Д.Н. Ушакова (см. выше) о двух типах такого [э]. И, кроме того, поправка О. Брока относилась бы к одному типу, а наблюдения А.А. Шахматова — к другому.

Можно высказать два предположения. Позиционное влияние сдвигало гласные с их основных мест, изменяло их ряд и подъем. Притом действовали две тенденции. Гласные под влиянием мягких согласных сдвигались к положению [и]: вперед и вверх. Безударное положение

[75] А [и^{э}]надо характеризовать так: средне-верхне-верхнего подъема.

[76] *Шахматов А.А.* Курс истории русского языка. СПб., 1910—1911. Ч. 1. С. 34—76.

сдвигало гласные в положение "нейтральное", среднего ряда среднего подъема. Это последнее сдвижение вело к тому, что безударное [и] становилось "недотянутым" до верхнего положения, не верхним, а верхне-верхне-средним. Оно сближалось є положением [ъ] — с центром, к которому толкала гласные безударность[77]. Эта же тенденция передвигала безударный гласный [э] кзади, опять-таки к [ъ]; гласный [э] приобретал более заднее образование: становился передне-среднерядным.

Но ведь безударный [э] — участник и другого передвижения: он испытывает влияние предшествующего мягкого. Мягкие согласные требовали сдвижения гласных позиций в сторону [и]; так появился второй вариант эканья, с [э] переднего ряда, но средне-верхнего подъема.

Дальнейшее действие обеих тенденций приводит к тому, что [и] без ударения еще сильнее сдвигается вниз (к [ъ] — гласному среднего ряда)[78], а [э^{и}] — еще сильнее вверх, повинуясь другой тенденции. Здесь обе артикуляции встретились. А так как нейтрализация гласных была санкционирована одним из законов развития русской литературной фонетики (именно — законом Бодуэна де Куртенэ), то эта "встреча" двух артикуляций оказалась надежной и прочной. Йканье стало вытеснять эканье.

Значительно раньше конца XIX в. йканье проникло в наиболее слабые безударные слоги, т.е. во все, кроме первого предударного. Правда, Ф.Е. Корш транскрибирует [э] (разного типа) во всех типах безударных слогов. А.А. Шахматов — по-другому: [л'ёт'ёт'], но [вы́л'ет'ет'] (АШ 11: 109). И разъясняет: є — гласная среднего ряда ненапряженная, по условиям произношения близкая к [ė] (средний ряд), но представляющая ослабленную артикуляцию: [в'ес'ел'йъ̄], [п'етач'о́к] (АШ 11: 101).

Значит, все же и в непервом предударном, и в заударных слогах был [э]-обра́зный гласный; речь идет только об ослабленной его артикуляции.

Возможно, это был более "архаический" (более традиционный) тип эканья сравнительно с тем, который отмечен другими исследователями, либо Ф.Е. Корш и А.А. Шахматов в своих исследованиях ориентировались на сценическую речь, на так называемый полный стиль произношения.

Но большинство исследователей, характеризуя эканье, во всех слогах, кроме первого предударного[79], транскрибирует особый гласный, используя другой знак. Так, у В.И. Чернышева: *насьв'ету́, безьде́лица, изьвесьти́лся,* но *вме́сьти, чирепки́* ВЧ 15: 101. Различает гласные в этих позициях Р. Кошутич. При эканье, по его наблюдениям, в любом безударном слоге, кроме первого предударного, произносится не э-обра́зный гласный, а средний между [и] и [э], т.е. [и^{э}] или [ь].

---

[77] Разумеется, нельзя утверждать, что это общеязыковая тенденция. Она была характерна для русского языка описываемой эпохи — только об этом идет речь.

[78] Ср. у Р.Ф. Брандта: "У иных, может быть, *е* и *и* совпадает в *ѐ* узком. Конечно, и мое предударное *е—и*, будучи не вполне ясным, смахивает на *ѐ*" (РБ 92: 145).

[79] Слоги, связанные с безударными флексиями, — не в счет, о них разговор особый.

В первом же предударном — [э] более слабый, чем ударный (РК: 34—35).

Йканье быстрее завоевывало господствующее положение в Москве, чем в Петербурге. Но и там оно было. Петербуржец по своей речи, Р.Ф. Брандт (но хорошо знакомый и с московской культурной средой и ее речью) первый отметил йканье; уже в 1892 г. он транскрибирует: [пл'иту́] (=*плету*), [с'ику́] (=*секи*) РБ 92: 34.

В более поздних работах, однако, им отмечено эканье: *чесоф, мелашная лафка* РБ 1904: 55.

Но вместе с тем совпадение [э—и] отмечено им даже в заимствованных словах: в слове *иммиграция* "при непринужденном произношении без удвоения *м* и с неявственным выговором начального *и* — совпадает с противоположным понятием эмиграции" (РБ 1904: 16).

Не очень уверенно размышляет он об этих вариантах и в 1913 г. Отметив совпадение <о—а> в безударных слогах, Р.Ф. Брандт продолжает: "Не столь определенно можно говорить о предударных [е] и [и], которые, пожалуй, не вполне совпадают, в чем, может быть, сказывается провинциальное произношение; иные даже различают [и] и [е] в этом положении. Впрочем, кажется, нормальным, непринужденным выговором следует считать довольно ясное [и], лишь слегка смахивающее на [е] (и^{е}).

Иные исследователи, как академик Корш, видят здесь [е] узкое (е^{и}). Это отмечено уже выше, причем оговорено, что [е^{и}] и [и^{е}] почти одно и то же" (РБ 13: 43).

Сама противоречивость и неуверенность высказываний говорит о том, что в Петербурге становление йканья шло труднее и противоречивее, чем в Москве.

Показательно, что так же противоречивы данные Л.В. Щербы. В 1912 г. он писал, что его поколение не отличает слова́ *мила* — *мела* в произношении, о том, что [э—и] перестали различаться, хотя предшествующее поколение их в безударных позициях различало. Но позднее (уже в 30-х годах) Л.В. Щерба вдруг стал настаивать на эканье как на единственно приемлемой норме, которую как раз хранит Петербург (Ленинград)[80].

После [ш, ж] фонема <а> реализовалась в первом предударном слоге: у "экальцев" — звуком [э^{ы}] (у них *жиры́* и *жары́* звучало по-разному: *ж*[э^{ы}]*ры́* и *ж*[ы]*ры́*), у йкальцев — звуком [ы^{э}] (у них, по-видимому, такие формы совпадали). Примеры:

1) жѐл'ѐт' ФК: 60
лъшѐд'а́м АШ 11: 258
лъшъд'ѐ̯ ЙЛ: 62[81]
жэ^{ы}ра́

[80] Здесь соблазнительно отнести к Л.В. Щербе слова Р. Кошутича, что образованная молодежь в детстве склонна к просторечному йканью (под влиянием "челяди"), потом — к йканью литературному, а в зрелом возрасте — к эканью. Но вряд ли в данном случае это так.

[81] Было уже сказано, что звук [ѐ] (среднего подъема, средне-переднего ряда, более передний, чем [ъ]) — одна из возможностей реализовать <э> в предударном слоге. После твердых, очевидно, артикуляция могла быть еще несколько более задней. Отсюда у Й. Люнделля — [ъ]=<э>; несомненное отраженье эканья.

жэ^{ы}рк'и́м шэ^{ы}л'и́т
жэ^{ы}л'е́т' шэ^{ы}лу́н
шэ^{ы}га́т' лъшэ^{ы}д'е̯и̯ РК: 37—38.

П. Шаров записывает: *шэлить, шэры, шэги, шэлун, шэтёр, шэгнуть, шэжком; шэльной, шэрахнуться, нашэтырь, варшэвянка, лишэй, кушэки, шэтался, жэлеть, жэсмин, жэровня, ужэснуться, жэркое* ПШ: 16;

2) жыра́
шыры́ РБ 92: 40
шыры́ ДУ 11: 38.

Р. Кошутич сопоставляет обе нормы:
жыра́ — жэ^{ы}ра́
жы^{э}ле́т' — жэ^{ы}л'е́т РК: XIV.

Одна из них (*жыра*) не признана им литературной (хотя так, под влиянием "челяди", говорят и образованные молодые москвичи). Р. Кошутич такое произношение ставит в один ряд с сильным (просторечным) и́каньем типа *п*[и]*ро́*. Получаются такие параллели:

1) московское просторечие, возникшее под влиянием южных говоров (свойственное и некоторым молодым образованным москвичам, которые, однако, в зрелые годы от него обычно освобождаются): [п'ита́к], [жыра́];

2) традиционное для литературного языка эканье: [п'э^{и}та́к], [жэ^{ы}ра́];

3) произношение, среднее между первыми двумя типами, и́кающее (свойственно молодым образованным москвичам): [п'и^{э}та́к], [жы^{э}ра́]. Последнее произношение — [жы^{э}ра́] — не отмечено Р. Кошутичем, но есть основания полагать, что оно существовало.

При эканье мы отмечали два типа э-обра́зного звука: 1) переднесреднего ряда, среднего подъема и 2) переднего ряда, средневерхнего подъема. Судя по приведенным транскрипциям, после [ш, ж] тоже выступали две разновидности [э^{ы}]: одна — "направленная" к [ъ] (см. приведенную транскрипцию Й. Люнделля, а также А.А. Шахматова), другая — "направленная" вверх, но не к [и], а к [ы]. Такое произношение при ослаблении открытости артикуляции давало [ы^{э}], гласный средне-верхне-верхнего подъема, — третью норму.

Но уже в желтой и зеленой системах из этого правила были исключения: заимствованные слова. "В словах, заимствованных из иностранных языков, гласная, *а* в большинстве случаев сохраняет свое произношение: *жа̯кет, ша̯мпанское, жа̯рдиньерка* и т.д." (ПШ: 16).

По Р. Кошутичу, говорят и так, и этак:

шымпа́нскъи̯ъ шампа́нскъи̯ъ
шырма́нкъ шарма́нкъ
жык'э́т жак'э́т РК XIV.

Только второе произношение он считает литературным. Но и незаимствованные слова некоторыми литературно говорящими лицами произносились не по традиционной норме.

Й. Люнделль, всегда чуткий к колебаниям норм, отмечает одновременно:

лъшъд'е̯д 62
и лъшад'е̯д 28,31 (2 раза)

Итак, появляются первые свидетельства о новой норме.

И еще у него:

жале́т' 16
пъжал'е́л 23
пъжал'е́т' 115.

"Произношение *жара́, шары́* надо признать новым, явившимся под влиянием *жар, шар*", — это наблюдение А.А. Шахматова (АШ 11: 109). Так же и В.А. Богородицкий одновременно указывает на два варианта: [шали́т'] и [шел'и́т'] (ВБ 13:76).

Фонемы <о>, <э> после [ш, ж] реализовались в безударных слогах так же, как <а>:

жэ^{ы}н'и́х
шэ^{ы}сто́й РК: 37 и т.д.

Фонема <и> после твердых согласных в безударных слогах была представлена звуком [ы]: *ш*[ы]*ро́ко*, *ж*[ы]*ры́*. В и́кающей манере это могло быть "недотянутое до верха" [ы], т.е. [ы^{э}].

Итак, при и́кающем произношении после [ш, ж] в безударных слогах совпадали фонемы <а—о—э—и>; при экающем <и> жила особняком, во всяком случае в первом предударном слоге.

Смена эканья на и́канье отразилась и на произношении предлога *для*. В зеленой системе было так: *для* в первом предударном слоге имело гласный [э^{и}], совсем в духе этой системы, во втором-третьем предударных слогах у этого предлога произносился гласный *и*-обра́зный ([ь] = сильно редуцированный [и^{э}]):

1) дл'е-збо́ра ЙЛ: 32
дл'е-б'э́днъх ЙЛ: 32;
2) дл'ъ-рабо́ты ЙЛ: 54
дл'ъ-прада́жы ЙЛ: 31
дл'ъ-п'ъшъхо́дъф ЙЛ: 62
дли меня́ РБ 13: 46
дли миня́[82].

Как и в других случаях, некоторые наблюдатели экающего произношения отмечают [э^{и}] не только в первом предударном слоге:

дле студе́нтаф РБ 1904: 55
дле профе́саров РБ 1904: 55
дле земл'и́ ПШ: 63.

О.Э. Озаровская заметила: "Многие произносят предлог *для* с сильным ударением (*для меня*). Особенно это любят делать волжане"[83].

С изживанием эканья, можно было бы ожидать появления произношения [дл'и^{э} збо́ръ], [дл'и^{э} б'э́днъх]. Но этого не случилось. Возобладало произношение [дл'а збо́ръ]. Оказалась обозначенной

[82] *Озаровская О.Э.* Моей студии. М.; Пг., 1923. С. 46.
[83] Там же.

отдельность этого служебного слова; безударные гласные, необычные для данной позиции, надо считать характерной чертой всяких проклитических служебных слов (союзов и предлогов). Вот и здесь она появилась. Выросла новая диэрема.

Произношение *для* в непервом предударном слоге также не осталось прежним, и оно стало подчеркнуто диэремным: [дл'ъ рабóты], [дл'ъ с'и³б'á].

Но, впрочем, и для зеленой нормы диэремное произношение не было вовсе чуждо: см. у Ф.Е. Корша: [дл'ъ н'евó] (ФК: 85). Из нескольких возможных реализаций победило (в алой—оранжевой) "диэремно" выразительное.

Диэрема — пограничный сигнал, выраженный фонетически. Есть разные типы диэрем: между словами, между приставкой и корнем, между полнозначным словом и частицей и т.д. Заметно, что во времена алой—оранжевой—желтой—зеленой систем (т.е. примерно за последние сто лет) диэремы в русском языке усилились. Это верно по крайней мере для пограничных сигналов между приставкой и корнем, между предлогом и полнозначным словом. Перечислим факты:

а) некоторые служебные слова (предлоги и союзы) отделены от соседей и выделены тем, что в них нет качественной редукции гласных, хотя они большей частью находятся в безударном положении. Например, союзы *но...; то... то...* произносятся с гласным [о]. В ало-оранжевой системе к ним присоединился предлог *для,* как мы только что видели;

б) предлог *близ* [бл'ис'] (по нормам произношения он имеет мягкий согласный в конце, вопреки орфографии[84]) входит в такие сочетания: *близ реки, близ ручья...* Сочетания мягкого зубного с дрожащим были приемлемы в желто-зеленой системе, но они стали архаизмом в ало-оранжевой. В середине слова они оказались противозаконны, но остались в сочетании "*близ* + следующее слово, начинающееся на [р']". Тем самым это сочетание стало диэремным;

в) в сочетании предлогов *с, из, без...* со следующим словом, в начале которого — мягкий зубной, нередко встречается (или редко, но встречается) твердость зубного в конце предлога. Говорят, пусть немногие: [с] *ним, бе*[з] *них* и т.д. Следовательно, сочетания [сн'], [зн'] и под. оказались диэремными.

В предыдущем случае произношение осталось прежним, изменилась позиционная система, поэтому появилась диэрема. В последнем случае изменилось произношение, позиционная система (внутри слова) осталась прежней, поэтому появилась диэрема;

г) по господствующей норме произносят: *трепе*[ш:уш':]*ий, и*[ш':]*у,* [ш':]*екотать...* — с долгим мягким согласным [ш':]. На стыках

[84] Орфография прежних времен иногда отмечала эту мягкость: ...И воскликнул тоненьким, дрожащим своим голоском: — Я близь Кавказа рождена... (Записки о жизни и сочинениях Н.А. Полевого. СПб., 1888). У А.С. Грибоедова: *в близьлежащих монастырях* — мягкость [з'] могла быть позиционной (перед мягким зубным). См.: *Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. 3. С. 28.

существует два типа произношения: *расчистить, исчерпать, из чести, без часов...* — либо с согласным [ш':] (так говорил А.А. Реформатский), либо с сочетанием согласных [ш'ч'] (так говорил Р.И. Аванесов). Первая норма более традиционна. Сочетание [ш'ч'] на стыках — сравнительное новшество. Оно диэремно, так как появляется лишь на стыках.

Все эти случаи показывают, что роль пограничных сигналов в русском литературном языке последних эпох постепенно усиливается.

Гласные во флексиях ведут себя прихотливо. Так в алой и оранжевой системах, так и в желтой и зеленой. И в этих-то, более давних, — еще прихотливее.

Вот в каких безударных флексиях произносился [ъ] после мягких согласных — в желтой и зеленой системах (данные Р. Кошутича):

1) *поле, море, училище, купанье;*
2) *дыня, воля;*
3) *время, имя;*
4) *листья, братья;*
5) *жителя, моря, училища, обычая;*
6) *жителем, морем, училищем, обычаем;*
7) *жителям, училищам, обычаям, братьям;*
8) *братьев, листьев;*
9) *жителями, училищами, обычаями, братьями;*
10) *краснее* (сравнительная степень=[крас'н'е̯иъ];
11) *краснея* (деепричастие=[крас'н'е̯иъ], *видя, муча;*
12) *сине*=[с'ин'ъ], *тоще*=[тóш'ъ];
13) *двое, трое;*
14) *лисье, волчье;*
15) *лисья, волчья.*

В алой и оранжевой системах еще добавляется:

16) *ходят, видят.* (Раньше произносили: *ходют, видют,* в безударных окончаниях II спряжения так же, как в I спряжении.)

В алой и оранжевой системах размещение по позициям такое:

	t'а̲	t'а̲t	t'а̲t'а
а	ъ	ъ	ь
о	ъ	ь	ь

Примеры для этих позиций:

	t'а̲	t'а̲t	t'а̲t'а
а	дыня	дыням	дынями
о	поле	полем колем	колете

Проверка фонем: *дыня — головня́, дыням — карася́м, дынями — карася́ми; поле — сырьё, полем — сырьём, колем — берём, колете — берёте*[85].

[85] См.: *Кузьмина С.М.* О фонетике заударных флексий // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 11. Обе схемы не включают фонем <а>, <о> в положении перед <j>.

Три позиции откололись от общих норм.

В желто-зеленой системе:

	t'α	t'αt	t'αt'α
а	ъ	ъ	ъ
о	ъ	ъ/ь	ь

Примеры те же, но произносятся они, как показано, по-другому.

По оранжевой норме произносят (в отличие от желтой):

1) не *медве*[д'ъм], а *медве*[д'ъм];

2) не *жите*[л'ъ]*ми*, а *жите*[л'ь]*ми*.

Система гласных в безударных флексиях упростилась. В желтой и зеленой системах она была обусловлена фонетико-грамматически. Каким звуком представлена фонема <о> в заударной позиции t'αt? Нельзя было однозначно ответить на этот вопрос. Если дан глагол, то гласный [ь]; если имя, то [ъ]. В алой и оранжевой системах ответ один: произносится [ь]. Незачем узнавать, какая часть речи. Из фонетико-грамматической закономерность стала чисто фонетической. Раньше в этих позициях гласные [ъ] и [ь] были приметой: один — глагола, другой — имени. Теперь эти гласные освобождены от обязанности давать слушателю такую информацию.

И в другом отношении упростилась здесь система гласных. Раньше в позиции t'αt'α фонема <а> была представлена гласным [ъ], а фонема <о> — гласным [ь]. Оканье особого типа. Теперь оно в этой позиции исчезло: <а> и <о> нейтрализовались в звуке [ъ].

Итак, две позиции, которые были особыми, отказались от своей "особливости". В безударных слогах после мягких согласных обычным является гласный *и*-обра́зный, редуцированный: [ь]. Вот он и появился в позициях t'αt, t'αt'α. (Отметим, что и формы *листьев, братьев* теперь в алой системе избрали гласный [и].)

Торжествует закон Бодуэна де Куртенэ: в позициях, где были возможны и гласный [ъ], и гласный [ь], теперь оказался уместен только гласный [ь]. *Полем* (существительное) и *полем* (глагол) стали омоформами.

На все это можно посмотреть и с другой стороны. Это явления диэремные. Если гласный [ъ] следует после мягкого согласного, то перед гласным проходит морфемная граница, а само применение в данном месте именно [ъ] есть пограничный знак. Выходит, закон Бодуэна де Куртенэ потеснил другую тенденцию — тягу к усилению диэрем? В двух позициях изгнан [ъ] после мягких согласных.

Но зато появился гораздо более многочисленный класс форм, где есть это сочетание — "мягкий согласный + [ъ]". *Ходят, видят, лепят, терпят, носят, косят, весят, возят, выпросят, вырубят, вылечат* — и т.д., несколько сотен употребительнейших слов. С флексией, выраженной звуками [ът] после мягкого согласного в заударном слоге. В желтой и оранжевой системах произносили *ходют, видют,* а сочетание мягкого согласного с [у] вполне обычно, представляет собою общую норму и никакой диэремы не включает.

Значит, несмотря на убытки, которые были причинены законом Бодуэна, все же и здесь наблюдается рост диэремности.

Артикуляция гласных под влиянием соседних мягких согласных сдвигалась вперед (для [у], [о], [а]) для непередних и вверх (для [э]) для переднего. Не после твердого согласного произносился [и], после твердого — [ы]. Так же, как в алой и оранжевой системах.

Во всех фонетических сочинениях о русском языке начала нашего века — масса фактов, подтверждающих это заключение, и было бы ненужно (и скучно) их приводить.

Но положение после [j], видимо, было для ударных гласных иным. А.А. Шахматов писал о сочетаниях с йотом: "[а] звучит чисто, не [ä], ср.: *яд* и *мясо*" (АШ 11:101). Это замечание о гласной <а> — только пример; наблюдение относится ко всем ударным гласным.

Итак, предположение, верное для алой—оранжевой нормы, о том, что [j] не меняет значительно качество соседнего ударного слога, подтвержденное современными наблюдениями, оказывается, по свидетельству А.А. Шахматова, верным и для желтой, и для зеленой систем. Потом убедимся, что и для голубой системы очень вероятно то же (равнодушное) отношение [j] к гласному соседу. Вместе эти свидетельства поддерживают, укрепляют друг друга и говорят об исторической устойчивости этой нормы.

По свидетельству всех наблюдателей, и в желтой, и в зеленой системе могли появляться глухие гласные, всегда в соприкосновении с глухими согласными: *мальч*[ь̂]*к, шап*[ъ̂]*чка* и под. Только первый предударный слог избегал такого ущемления прав гласного.

Положение, очевидно, было такое же, как в алой и оранжевой системах; закон Бодуэна не протекционировал этому процессу: глухой гласный все же хранит свое место, свое достоинство гласного и остается различителем. Оснований для торжества Бодуэнова закона нет.

Сначала были нейтрализованы три фонемы (в безударных слогах, после мягких согласных). Потом бросились в нейтрализацию четыре фонемы. Раньше они в позиции нейтрализации объединялись звуком типа [э], потом стали объединяться звуком типа [и]. В чем смысл этих изменений?

Н.С. Трубецкой ввел понятие немаркированных членов. В конце слова *кот* звук [т] не может противостоять звонкому [д]. Его глухость бессильна — не выполняет своего назначения различать слова. Король, который не выполняет обязанностей короля, наверное, на самом деле не король. Так и конечный глухой [т] — функционально не глухой. Он никакой. В отношении глухости—звонкости он ноль. Это немаркированная, беспризнаковая единица.

Нейтрализация единиц происходит в немаркированных единицах.

А какие могут быть немаркированные единицы у гласных? Н.С. Трубецкой проверил, в каких звуках происходит нейтрализа-

ция гласных. На множестве языков он установил: либо в гласных верхнего подъема, либо в гласных нижнего подъема.

И это понятно: гласные верхнего подъема — гласные с "никаким" раскрытием. Его нет. Только такой раствор, который нужен для гласности. Ясно, что он годится быть немаркированным членом противопоставления, т.е. членом с никаким признаком. Гласные нижнего подъема не имеют никакой степени сжатия. Они тоже, по иному отсчету, могут быть немаркированными.

Вспомним, что нейтрализация возможна в немаркированных членах. Тогда понятно, что гласные <а—о> нейтрализуются в звуке [а], в гласном нулевого сжатия.

И понятно, что безударный гласный [э^{и}] должен был в позиции нейтрализации смениться гласным [и]. Эканье — только промежуточная станция на пути к и́канью. Язык задумал нейтрализацию гласных, а для этой цели пригодны звуки верхнего подъема. Туда и лежал путь русских безударных гласных (в указанной позиции). После станции "эканье" поезд должен был дойти до станции "и́канье".

Обнаруживается, что языковые процессы, казалось бы ничего общего не имеющие, по сути своей родственны: превращение, т.е. историческая замена, мягких согласных в твердые в некоторых сочетаниях (*на Покро*[ф'к']*е* — *на Покро*[фк']*е*) и редукция гласных направлены в одну сторону — к созданию в языке немаркированных фонетических единиц.

ФОНЕТИКА ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Итак, в русском языке есть группа заимствованных слов: они имеют знак "пришлости". Их заимствованность узнаваема. Эти слова в языковой системе выделяются не с помощью справок об их прошлом, а по их актуальным признакам. Они обозначают либо реалии чужой жизни (*кюре, гюрза*), либо научный термин (*кюри* — физическая единица), либо профессиональное понятие (*гюйс* — особый флаг во флоте). Во всех этих примерах есть сочетания *кю, гю,* не свойственные словам исконным. Они знаки заимствованности[86].

Такие слова не усваиваются с молоком матери, они семантически сложны, поэтому требуют внимания и приглядки. Фонетические (и грамматические) их особенности — знаки — предостерегали: будьте внимательны! (Это предупреждение-напоминание и для говорящего, и для слушающего.)

Такая группа слов стала формироваться именно во второй половине XIX в. Что было до этого?

Состояние русско-французского двуязычия в первой половине XIX в. отражено Л.Н. Толстым — в тех живых диалогах, которые ведут персонажи "Войны и мира". Переход с русской речи на фран-

[86] Очевидно, что пределы этой группы не совпадают с границами этимологической группы заимствованных слов.

цузскую и наоборот был совершенно свободным и обыденным. В русскую речь могли быть вставлены: французское предложение, сочетание предложений, отдельное словосочетание и даже слово. Вставка была именно инкрустацией: подчинялась законам не русской, а французской фонетики. Такая лоскутность постепенно становилась все менее терпимой. Вставки французских слов в русскую речь были осмеяны и в прозе, и в стихах. Возникает проблема адаптации иноземных слов, которые приходится включать в русский текст. Проблема их приспособления к нашей фонетике.

Застрельщиком изменений, наверно, выступала грамматика. Нельзя же сказать: он эти деньги взял avances; т.е. можно, но неловкость скоро заставит говорить *avanc'e* или об *avanc'e*, а затем произойдет и перевербовка слова: взятое напрокат из французского, оно превратится в заимствованное, но русское, хотя бы и с особыми фонетическими чертами заимствованности.

Возобладало общественное мнение, что французские слова в русской речи не должны оставаться подлинными "французами"; но и слишком ярко одомашниваться тоже не должны. Так-то и появилась группа заимствованных слов, имеющих свою фонетику. Не французскую, а русскую, но особенную русскую.

Происходила ассимиляция, но особого рода. Какое-нибудь иноязычное слово время от времени вставлялось в русскую речь. Оно являлось, как гость, как приезжий иностранец. Естественно, оно отвечает всем требованиям инофонетики (не надо забывать о двуязычии русской интеллигенции XIX — начала XX в.). Оно же начинает включаться — уже постоянно! — в русскую речь. Здесь оно подвергается грамматическому и фонетическому подравниванию к окружающей массе слов; и в первую очередь исчезают чисто количественные отличия чужих звуков от своих (например, напряженность или долгота гласных). Оно ассимилируется контекстом. Но какие-то признаки иммиграции слова оставались. Они были не одинаковы в разных социальных слоях.

Различия между произношением разночинческой интеллигенции и другой, кирсановского типа, касались в первую очередь именно заимствованных слов.

В зеленой системе все же господствует кирсановский "принсип", а не базаровский "прынцып".

Ф.Е. Корш, представитель зеленой системы, писал: "У нас есть несомненно стремление к более или менее точному воспроизведению иноязычных звуков..." Примеры: по́т, jакоб'и́нец, сӱже́т, бӱро́. Не: пajет, па́т, jекаби́нец, с'уже́т, б'уро́, "что, пожалуй, также можно услышать, но от людей малообразованных" (ФК: 84).

Вот свидетельства А.А. Шахматова: "Некоторыми произносится [ü] в словах как брошӱра, бӱвар, бӱро. В последнем слоге слышится по французскому произношению напряженное (закрытое) ô: бӱрô, ср. то же в д'епô" (АШ 11: 94). "В словах *финансы, авансы, провенансы* нередко вместо *ан* носовое ą: финąнсы, авąсом" (АШ 11: 94).

Характерно, что А.А. Шахматов, описывая те же особенности

произношения, которые характеризует Ф.Е. Корш, не отожествляет себя с теми, кому они свойственны: "некоторые произносят". Он, может быть, в данном случае представитель желтой орфоэпической системы.

Он отвергает заботы тех, кто излишне печется о сохранении признаков заимствованности (а слова-то часто уже прижились и стали обычны). А.А. Шахматов говорит, что произношение слов *аллея, балласт, иллюстрация* с долгим [л'] или [л] "представляется искусственным, слишком книжным" (АШ 11: 107). Произношение *ш*[вэ]*ды, п*[о]*эма, пр*[оф]*эссор*, по его мнению, искусственное (АШ 11: 111). Но все же такое произношение "довольно обычно у представителей образованных классов" (АШ 11: 94).

Фонетика заимствованных слов и в это время была требовательна и неуступчива. Она заставляла говорящих держаться в строгих рамках: тактично, не "переигрывая", сохранять признаки заимствованности в определенном кругу слов и избегать их за пределами этого круга.

В речи демократической интеллигенции избегалось, очевидно, слишком частое включение "чистых" фонетических варваризмов, инкрустаций, полностью выдерживающих, например, французский облик слова. Уже в середине XIX в. это осуждалось как претенциозная манера недемократических слоев (притом едва ли обязательная даже для них). Поэтому произношение [kõnserv] не было частым гостем в речи интеллигенции.

С другой стороны, и произношение слишком обруселое тоже было нежелательно: [кан'с'э́р'вы] оценивалось как мещанское, просторечное, вульгарное. Фонетические формы [кõнсэ́рвы], [консэ́рвы] оказывались социально немаркированы: в них не было ни претензии на "аристократизм", ни вульгарной грубости. Они и получали распространение.

Какие же черты оказались устойчивы? Те, которые шли навстречу закону Бодуэна де Куртенэ. Они касались согласных. Напротив, разные "излишества" в области гласных, ненужные Бодуэнову закону, оказались неустойчивы.

К таким неустойчивостям относится произношение [о] безударного. В.И. Чернышев отмечает такое "образованное произношение с [о]: *бокал, вокзал, команда, комиссия, компания, комплект, компот, компресс, лорнет, монарх, нотариус, портрет, полиция, поэт, розетка, роман, сосиска* и под. и простонародное московское с аканьем и другими изменениями: *бакал, вакзал, каманда, камиссия, кампания, камплект, кампот, кампресс, ларнет, манарх, натариус* и т.д. Однако и образованные говорят: *кандитерская, канфорка, салдат* и др., давно заимствованные. Также сохраняем в таких словах неударяемые *е, я*: *бенефис, бертолетка, вентиляция, ветеринар, геометрия, георгина, депутат, кенгуру, легион, менуэт... ляпидарный* и др." (ВЧ 15: 58)[87].

[87] Ср. список слов, произносящихся с [о] безударным, у П.Г. Шарова (ПШ:12).

Все слова, перечисленные В.И. Чернышевым, утратили в алом произношении безударные [о], [э].

Преобразование [о] в [а] (в безударных слогах после твердых согласных) связано с постепенной ликвидацией фонетической подсистемы заимствованных слов: алое произношение уже сильно не склонно к ее особенностям.

Но некоторые черты оказались на руку русской фонетической эволюции. Во-первых, положение твердых перед [э]. По закону Бодуэна позиционная обусловленность согласных постепенно ослабляется. В желтой и оранжевой системах перед [э] были только мягкие парные согласные. Такая позиционная ограниченность была преодолена в фонетической системе заимствованных слов: в ней были разрешены также и твердые перед [э]. Это же затем (уже в алой системе) было усвоено и общей фонетической системой.

Почему только в алой? В желтой и зеленой системах слово с [тэ], [дэ] и проч., став общепринятым, покинув группу заимствованных слов, меняло свое произношение: избавлялось от примет "не своей" фонетики. Так, *бу*[тэ]*рброд* стало обычным бытовым словом, поэтому усвоило себе произношение с [т'э]. В алой системе оно вернулось к [тэ]: алая система допускала [тэ] и в бытовых словах.

С.И. Ожегов в своих устных советах отдавал предпочтение *бу*[т'э]*рброду* ("потому что это не термин"). Но в своем "Словаре"[88] рекомендовал: против времени спорить бесполезно — все-таки [тэ].

На руку русской фонетической эволюции оказалось и наличие мягких заднеязычных перед гласными непереднего ряда: *гяур* = [г'аур], *кюре, кювет, гюрза* и др. В алой системе эта привычка произносить [г'а], [г'у], [к'у] и проч. была использована для легализации фонемы <к'> (см. об этом выше).

Итак, не языковыми причинами было вызвано появление особой фонетической подсистемы — фонетики заимствованных слов, потому-то и оказалась она недолговечной. Но языковая эволюция сумела приспособить некоторые особенности фонетической подсистемы заимствованных слов для торжества закона И.А. Бодуэна де Куртенэ.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ

"Борьба между Петербургом и Москвой за нормы общерусского произношения" — так называется глава в книге В.В. Виноградова, посвященная именно той эпохе в истории языка, которую мы описываем[89]. Название очень верно: именно во второй половине XIX в. орфоэпический антагонизм Москвы и Петербурга принял явные и даже резкие формы.

Этому способствовало само укрепление произносительной нормы. Она стала строже. Пока особенной строгости не было, орфо-

[88] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 3-е изд. М., 1953.

[89] *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938. С. 439.

эпические различия между Москвой и Петербургом не бросались в глаза. Но стоило ей приобрести большую жесткость — и различия стали заметны.

Конфликт приобретал острые формы; перевес все же был на стороне Москвы. "В сущности, вопрос о нормальном литературном произношении оставался окончательно не разрешенным, хотя явный перевес был на стороне московского произношения, которое культивировалось и поддерживалось театральной традицией"[90]. Добавим: в том числе и театральной традицией Петербурга.

Петербургское произношение обычно сводят к трем "обвинениям" (эти три особенности действительно могут формулироваться в осудительном тоне):

1. Петербургское произношение более буквенно, педантично-книжно. Оно возникло в городе, который заселялся поспешно и в языковом отношении беспорядочно. Образовался диалектно-пестрый конгломерат; произносительного единства в нем можно было добиться только при ориентации на письмо. Другого объединителя не было. О.Э. Озаровская в книге "Моей студии" пишет (обращаясь к воображаемому студийцу-петербуржцу): «Ваше... произношение очень отчеканенное (я бы сказала — чересчур), слишком книжное. Видно, что русскому языку вы учились в Петрограде. Петроградцы этим грешат. Они верят начертанию звука и выговаривают именно буквы. Первейший же закон московского произношения: "не верь глазам, а уху"»[91].

Иное дело — в Москве: город естественно рос веками среди говоров, в значительной степени однородных, городская речь не нуждалась в искусственном ее выравнивании с помощью буквенных форм произношения

2. Петербургское произношение испытывает влияние северно-великорусских говоров; в нем, например, есть рецидивы оканья. Опора на диалектный Север означает отрыв от тех традиций, на основе которых уже издавна (в Москве!) складывался литературный язык.

3. В Петербурге граница между литературным говорением и просторечием то ли смещена в сторону просторечия, то ли вообще была размыта и неясна. С точки зрения москвичей, свет просторечности лежал на некоторых произносительных нормах Петербурга.

Это пейоративное перечисление характерностей Петербурга можно переформулировать в мелиоративном тоне:

1. Книжное произношение Петербурга уменьшает пропасть между русским письмом XIX в. и произношением[92].

---

[90] Там же.

[91] *Озаровская О.Э.* Указ. соч. С. 43. Ср. у В.И. Чернышева: «Даже для образованных жителей Петрограда правильное русское произношение так мало известно, что у нас возможно встретить лиц, которые говорят: "учащиеся и учащияся" [то есть юноши и девушки], очевидно считая этот ломаный язык совершеннейшим средством выражения своей мысли» (ВЧ 15: 49). Было орфографическое правило: *-ие* — для муж. рода, *-ия* — для женского и среднего. В нормальной речи они (заударные гласные) произносились одинаково.

[92] Надо добавить, что это явно идет на пользу письму (облегчает овладение им), но не на пользу самому произношению, так как разрушает его традиции. А хранить традиции в орфоэпии... это важно!

2. Опора на северно-великорусскую диалектную основу говорит о том, что петербургское произношение было не так искусственно, как принято думать, основа его не так конгломератна, как считают его "недруги".

3. Не говорит ли о большей демократичности петербургской нормы неясность границы между литературной речью и просторечием? С другой стороны, в Петербурге были и такие особенности выговора, которые уж никак не свойственны были языку кодифицированному (и петербургской интеллигенции абсолютно чуждые)[93].

При оценке петербургской нормы надо помнить обе стороны дела: и минусовую, и плюсовую.

Какие же особенности речевого Петербурга отмечали наблюдатели во времена желтой и зеленой систем?

Чисто фонетическими были такие закономерности:

А. Предударные <о>, <а> (не после мягких) произносились более закрыто, чем в Москве: *в*[аˬ]*да, тр*[аˬ]*ва* (это же потом стали обозначать знаком [ʌ]). Происхождение этой особенности понятно. Она — рецидив оканья. Звуки [ъ], [аˬ], [ʌ] — это [о], переделываемое в [а], но еще не до конца переделанное. Например, [ʌ] — это нелабиализованный [о], [ъ] — это [о], у которого изменены (в направлении к [а]) признаки "лабиализованность", "задний ряд", но остался неизменным признак "средний подъем".

Однако эта черта, связанная по происхождению с оканьем, перестала уже быть компонентом оканья (различения безударных <а> — <о>). Ведь и <а> у петербуржцев реализована теми же звуками [аˬ], [ʌ][94].

Б. На конце слов мягкие губные были заменены твердыми: не *се*[м'], а *се*[м], не *любо*[ф'], а *любо*[ф]. Тоже результат диалектного влияния.

В. "Ассимилятивная" мягкость согласных была более повреждена, чем в Москве (в Москве-то она была внутри морфемы незыблема, только в мелочах были отступления).

В.В. Виноградов сопоставляет: петербургское *е*[ст']*е*[ств']*енный* — при московском *е*[с'т']*е*[с'т'в']*енный; у ла*[фк']*и* — при московском *у ла*[ф'к']*и*[95]. Впрочем, [ст'] вместо [с'т'] — верно ли это? Особенно для желтой и зеленой систем?

Г. Вместо московского [ш':] питерцы произносят [ш'ч']: *и*[ш'ч']*у* и под.

---

[93] Такие черты исследователи не всегда отделяют от особенностей литературной петербургской речи. На это обращал внимание в своих высказываниях С.И. Ожегов.

[94] Не считать ли свидетельством о петербургском произношении такие рассуждения: «"Срезневский, — сказано тут [у Бётлинга], — считает это *о* [безударное] за звук, стоящий посредине между *á* и *ó*, и отличает его знаком *ă*. Я, — продолжает Бётлинг, — при всем моем старании, не мог подметить никакого различия между *о* без ударения и таким же *а*". В этом случае он... расходится и с автором "Филологических наблюдений", который тоже говорит, что в произношении *о* без ударения слышится что-то среднее между *о* и *а*: "*Огонь, говорю* и пр. не произносим прямо *агонь, гаварю*, но вместе с тем избегаем ясного выговора *о*..." Не имеет ли *а* без ударения тоже какого-то среднего звука?» (*Грот Я.К.* О некоторых особенностях в системе звуков русского языка // Грот Я.К. Филологические разыскания. СПб., 1873. С. 280—281).

[95] *Виноградов В.В.* Указ. соч. С. 439.

Все эти особенности были описаны В.И. Чернышевым в его статье "Как говорят в Петербурге"[96].

У петербуржцев были речевые своеобычности, которые для желтой и зеленой систем нельзя считать фонетическими. Отмечаем их, так как в других, более ранних, системах, которые нам еще предстоит описать, эти нефонетические особенности либо приближаются к фонетическим, позиционным, либо, напротив, становятся вообще позиционно невозможными. Вот эти своеобычности:

Д. Во многих словах, где москвичи (особенно "зеленые") говорили [шн], петербуржцы предпочитали [ч'н].

Е. "...Петербургскому образованному произношению свойственны формы *хишный, насушный, в сушности, изяшный.* Несомненно, это старые, чисто русские формы, в которых [ш] произошло из [ч] (сравните произношения *табашный, молошный* и под., соответствующие написаниям: *табачный, молочный*).

Дитя мое! Сквозь сон твердишь
За мной молитву ты послушно
И, засыпая, говоришь:
Господь, даждь днесь нам хлеб насущный...
Под вольным ветром голубым
Возрос и вызрел хлеб насущный,
Пригретый солнцем золотым,
Обвеян ласкою воздушной.

Е.А. Бекетова"[97]

Ср. у Е.Ф. Карского: говорится после слов о произношении *чн* как [шн]. "Так же изменяется и *щн...*: ъвашнóи (*овощной*)... немошный..." (ЕК: 24). (Здесь петербургскую норму демонстрирует не только [шн] вместо [ш'н], но и [ъ] в неприкрытом слоге слова *овощной*)

Ж. Неправильно свойственное петербургскому произношению удвоение [н] в окончаниях прилагательных *румяный, юный, песчаный* и т.п. В письмо оно не проникло, но отражается иногда в рифмах петербургских поэтов.

И тихий свет зари румяной
Дробил в волне непостоянной
Мятежно дышащий Евфрат.

К. Фофанов

Хотел упиться розой юной,
Хотел разлиться в сумрак лунный.

К. Фофанов

И сидя у камней, среди косы песчаной,
Больная, побледнев, с улыбкой шепчет странной...

О. Чюмина[98]

Эта черта важна, потому что не на стыках в желто-зеленой системе удвоение согласных фонем (т.е. произношение долгих звуков) было не очень желательно. "...Некоторая нелюбовь к удвоению

[96] Голос и речь. 1919. N 1, 2.

[97] *Чернышев В.И.* Правильность и чистота русской речи. С. 93.

[98] Там же. С. 70.

все-таки существует в русской речи и ясно сказывается в обыкновенном выговоре, отчасти и в написании многих иностранных слов: *профессор, Савва* и т.д." (РБ 1904:14).

Еще более интересно свидетельство В.И. Чернышева: «Не очень еще давно русский литературный язык в иностранных словах часто сокращал долгие согласные. Говорили: *акорды, акуратный, алея, милион, паралельный, професор, класический, групировка, програма, коректор* и т.п. Произношение с двойными (точнее: долгими) согласными приписывали "добросовестным семинаристам". Теперь, кажется, книжные произношения, с двойными согласными, преобладают. Это объясняется влиянием письма и тем, что многие узнают такие слова из книг, а не из живого говора» (ВЧ 15: 59).

Питерцы были более пристрастны к долгим согласным, если к этому толкало правописание, а иногда даже в тех случаях, когда (как видим) правописание долготы не подсказывало[99].

3. Непроизносимые согласные в некоторых тройных сочетаниях: [стк], [стн], [здн], [стл] — в Питере весьма произносимы.

И. Частица *ся, сь*, произносимая с твердым [с] в Москве, в Питере произносится с мягким [с'].

Особенность как будто для фонетики совсем безразличная. Но это не так. Доказательство — в последующей ее судьбе. Она стала распространенной и в Москве, приобрела значение общепринятой языковой черты. Притом оказалось, что после [л] остается частым произношение с твердым [с]: *пришелся, зазнался, укрылся, уговорился* и др.; после гласных переднего ряда, напротив, почти безысключительной нормой стал мягкий [с']: *неслись, зазнавшийся, укроемтесь, уговорились* и др., т.е. формируется закономерность, ранее совершенно незнакомая русской фонетике: прогрессивная ассимиляция[100]. Формируется уже в алой системе. В "желто-зелено-оранжевом" Питере она сделала первые заметные шаги.

ВЛИЯНИЕ ДИАЛЕКТОВ

Во время желтой и зеленой систем диалекты, пожалуй, меньше **влияли на литературное произношение, чем в предыдущий (голубой)** и последующий (ало-оранжевый) период.

Время голубой системы, начало — середина XIX в., — это время, когда еще не полностью установилась (в бытовой речи) литературная произносительная норма, именно в это время и шло ее упрочение. Пестрота была большая. Речь дворянской интеллигенции, еще в значительной степени связанной с поместным бытом, не была вполне свободной от произносительных **диалектизмов.** Блестящая

---

[99] Во всех трех случаях, обычно приводимых в качестве примера: *румяный, юный, песчаный,* — возможно влияние грамматической аналогии: ***румянный, юнный*** — как *конный, обманный; песчаный* — как *оловянный.* Но аналогия почему-то действовала в Петербурге, **не в Москве.** Почему? Вероятно, потому, что долгие согласные были больше в произносительных привычках питерцев, чем москвичей.

[100] См. работы С.М. Кузьминой в кн.: Русский язык и советское общество: Фонетика современного русского литературного языка. М., 1968.

французская строго регламентированная речь еще уживалась с полудиалектной, не вполне литературной русской речью.

В более позднее время литературный язык пережил довольно сильный напор диалектов (см. гл. 2).

Поэтому и можно считать, что в период желтой и зеленой систем литературное произношение испытывало сравнительно более слабое влияние диалектов. Столкнулись две тенденции: с одной стороны, демократизация литературного языка, влияние на его судьбу разночинцев, что могло бы усилить влияние диалектов и городского просторечия. С другой стороны, развивающаяся общественная жизнь, потребности культурного внесословного общения требовали "орфоэпической консолидации", укрепления всенародных произносительных норм. Сочетание этих двух тенденций привело к созданию речевых заповедников. Сценическая речь — торжество орфоэпической всеобщности. Но большим успехом пользовались вечера писателей, их выступления с чтением своих произведений, их участие в самодеятельных спектаклях. И здесь был простор для индивидуальных, диалектных, арготических отклонений от норм. Например, блестяще читал художественные произведения А.Ф. Писемский, и мемуаристы пишут, что он не стеснял себя строгой орфоэпией[101].

После судебных реформ 1860 г. в суде было введено состязание сторон, зазвучали речи защитников и обвинителей (профессионалов, речи которых были в пределах литературных норм). Но выступления истцов, обвиняемых, свидетелей были, конечно, во власти всей пестроты, всей разноголосицы речевых манер. Так они и сочетались — верность орфоэпии у должностных участников судоговорения и свобода от нее — у недолжностных. Заседания суда были открытыми, и так в официальной сфере возник еще заповедник, где можно было публично говорить, не следуя законам литературной речи.

Студенты "перемалывали" свою речь в процессе общего культурного общения. Но были землячества студентов, тех, кто прибыл в крупные города из провинции. На собраниях землячеств можно было говорить по-домашнему на свой местный манер. Тоже — речевой заповедник диалектов. Ясно, что многие из этих заповедников были недолговечны, они постепенно теряли яркое своеобразие.

Диалектное и просторечное говорение вклинивалось в литературную речь, но крупных областей, где бы оно господствовало, захватить не смогло.

Отметим одну черту, отличающую влияние диалектов в конце XIX — начале XX в. от влияния их в более позднее, послереволюционное, время. В период господства желтой и зеленой систем упрямо слагались локальные разновидности литературной речи — слагались под влиянием диалектов. Они требовали признания их литературности. Об отношениях московской и петербургской орфоэпии уже говорилось.

[101] *Кони А.Ф.* Петербург: Воспоминания старожила. Пб., 1922. С. 43.

Была особая разновидность литературного произношения, свойственная интеллигенции из городов Верхнего и Среднего Поволжья; она описана В.А. Богородицким. Ее главнейшая черта — несовпадение <а> и <о> в одном безударном гласном: в соответствии с <о> в безударных позициях произносится гласный "*а*, склонный к *о*", отличный от [а], которым реализована фонема <а>. Мягкость согласных (в позиции перед мягким согласным) выступает не так последовательно, как в московском произношении. В.А. Богородицкий описывает ее, считая вполне литературной.

Была прибалтийская разновидность литературного языка, близкая к петербургской. Но не тождественная с ней! Например, перед гласными в начале слова был твердый приступ: ['он], ['э̀тът] и др. Об этом есть свидетельство Е.Д. Поливанова.

Были, вероятно, и другие местные изводы литературного произношения.

В 20-е и последующие годы нашего века положение изменилось. Натиск говоров усилился. Но локальные городские разновидности произношения не покрыли дальнейшего развития. Бесперспективность "диалектного дробления" литературной речи стала постепенно утверждаться в умах. Орфоэпическая провинция потеряла свой задор (см. гл. 2).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ

Вдруг со сцены зрители услышали разговор...

Раньше в театре господствовала либо декламационно-ораторская речь, либо напевное произношение. А во второй половине XIX в. сцену завоевал разговор[102].

Артистов, продолжавших "петь" в драмах и трагедиях, рецензенты осыпали упреками. А.Н. Баженов пишет о Л.П. Никулиной-Косицкой: "Она сильно набралась того, что Белинский называет классической певучестью". Более категоричен А.Е. Мартынов, замечательный артист разговорного театра: "Косицкая же, эта Рашель московская... Я бы ее высек за растягивание, завывание и бессмысленную интонацию!"[103]

Рецензент упрекает артистов одного провинциального театра за то, что они не умеют "говорить куплеты" в водевиле, и слово *говорить* выделил курсивом.

М.П. Мусоргский, задумав оперу "Женитьба", ходит в Александринский театр, записывает с помощью нотных знаков речь артистов (их разговор на сцене) и так говорит о замысле оперы: это будет "разговор на сцене, разговор без зазрения совести".

Итак, стихия разговора стала предметом искусства. Нет надобности напоминать, что в эту же эпоху пластическая изменчивость разговора, динамика спора, исповедальная искренность монолога

[102] *Баженов А.Н.* Сочинения и переводы. М., 1869. Т. 1. С. 25.

[103] *Мартынов А.Е.* Письмо И.Е. Чернышеву (1860) // Театральное наследство. М., 1956. С. 225.

стали огромной художественной силой в драматургии и художественной прозе.

Не только старинные три стиля, но и мутабильные фонемы стали помехой. О них в середине — конце XIX в. уже не вспоминали. Стал бесконечно далек трагизм, выпестованный театром и художественной литературой XVIII в. (людям 60—90-х годов он был более чужд, чем последующему поколению). Вместо архаического трагизма с особой силой зазвучала новая трагичность текущей жизни. Ее сверхнапряженность, ее диалектическая игра утверждениями и отрицаниями требовали материала непосредственных переживаний сиюминутной данности: материала современности. Читатель и зритель должны были в искусстве узнавать то, что их повседневно волнует — и не только узнавать, но и оценивать эту знакомую жизнь с эстетической дистанции.

Близоруким показалось: художники, писатели, артисты захотели, чтобы было очень похоже на реальность. Чтобы — точь-в-точь. На сцене — то же, что вне сцены. На самом деле искусство искало человеческой высоты — и хотело ее открыть в напряженных трагических столкновениях, и родилось убеждение, что трагичность истинна, глубока и бесспорна, когда она связана с современной реальностью. Шел поиск новой эстетической правды, и сближение с непосредственной данностью мира было вызвано поисками этой правды. Новые задачи и потребовали на сцене разговора.

Решить новые задачи театр смог, творчески включив в свое искусство все многообразие суперсегментных средств: интонацию и ее бесконечные окрестности. Звуки — всегда в пределах единых орфоэпических норм, это — единый фон, "задник", на котором действуют перемены тона, тембра, громкости, темпа, создавая непрестанное движение, создавая разговор, создавая его диалектическую напряженность... (Ранее интонация была в загоне; недаром А.Е. Мартынов у Л.П. Никулиной-Косицкой одновременно осуждает и "пение", и невыразительную интонацию; напевность речи оставляла интонацию без работы, во всяком случае — сдерживало ее выразительные возможности)

Вот как пишет Н.Е. Эфрос об игре М.Н. Ермоловой: "Всех поразил и был совершенною неожиданностию в начинающей ingenue голос — низкий, густой, почти баритонального тембра и большой силы, с мощными, из груди идущими и отдающимися в сердце нотами. Впечатление, произведенное этим голосом, было до того сильное, главное — неожиданное, что зрительный зал, за минуту еще совершенно равнодушный к дебютантке, пожалуй, даже настроенный против нее, на первые же прерывистые слова глубоко взволнованной, встревоженной Эмилии Галотти ответил громом дружных рукоплесканий.

— Это было что-то до того необычайное, — рассказывал мне один из присутствовавших в театре, — до того неожиданное в начинающей худенькой актрисе, что публика невольно зааплодировала, едва Ермолова произнесла первую фразу...

Жесты вначале были правдивы, но угловаты; мимика — выра-

зительна, но однообразна; голос — могуч, с трогающими нотами, но совсем не гибок, даже несколько груб; интонации — искренни, но монотонны.

Вот те недостатки, с которыми энергично вступила в борьбу Ермолова и вела эту борьбу со всем напряжением воли, ума и сил. Она борется с голосом, умеряет его силу, развивает мягкость, добивается благородства тона и разнообразия интонаций. И к восьмидесятым годам, пора расцвета ее таланта и славы, эта сторона игры достигает уже большого совершенства: Ермолова чарует подчас музыкою речи, лирические излияния удаются уже не хуже бурных протестов и напряженной страстной речи"[104].

Все, о чем здесь говорится, — это выразительные надстройки, которые наслаиваются на звук-различитель, все это суперсегментно.

Именно в ту эпоху, о которой идет речь в настоящей главе, в русском стихе наступили изменения. А.К. Толстой, один из первых (или первый), стал рифмовать так: *словом — суровым, юно — струны, пытливо — ниву, сопротивленья — по теченью, тяжелый — долу, груда — отовсюду, убежденья — тенью, покрыла — силы, буду — чудо, понуря — бурей, мною — покоя, ресницы — вереницей, во взоре — горя, укора — споры, за нею — благоговея, учении — течения, святого — покровы, движенье — тенью, семя — всеми, умирая — проклинаю, твоими — имя, похоже — рожа, в Заднепровьи — кровью, вереницы — шелковицей, навстречу — сеча, колеснице — божницы, веча — далече, в тени мы — мимо, складу — диди-ладо, двое — бородою, гордо — в морду* и т.д.

Видно, что такая рифмовка у А.К. Толстого не случайность, а система. (Притом мы взяли не его шутливые стихи, где небрежность могла бы быть оправдана "несерьезностью" содержания, а его лирику и баллады)

Поэт сознательно отстаивал свою систему рифм: "Остается обвинение Тургенева — хромые рифмы!.. Неужели Тургенев принадлежит к французской школе, которая хочет удовлетворить глаза, а не уши? — которая побоялась бы сопоставить avoir с dressoirs — во множ. числе? Я составил маленький список моих неправильных рифм, хотя, конечно, далеко не полный... Но вот он: 1) *широкий — потока,* 2) *стремнины — долину,* 3) *пустыня — отныне,* 4) *знаменитый — разбита,* 5) *имя — ими,* 6) *пробужденье — дуновенья,* 7) *неугодны — свободны,* 8) *чуя — всуе,* 9) *суровый — слово,* 10) *синклита — ланиты,* 11) *сына — кручины,* 12) *нивах — счастливых* и т.д. Гласные, которые оканчивают рифму, — когда нет на них ударения — по-моему, совершенно безразличны, никакого значения не имеют. Одни согласные считаются и составляют рифму. *Безмолвно* и *волны* рифмует, по-моему, гораздо лучше, чем *шалость* и *младость,* чем *грузно* и *дружно* — где гласные совершенно соблюдены... Я могу ошибиться, но это у меня интимное чувство — последствие моей эвфонической организации, и вы

[104] *Эфрос Н.Е.* Мария Николаевна Ермолова // Ежегодник императорских театров: Сезон 1895—1896. СПб., 1897. С. 435—442.

знаете, насколько у меня требовательное ухо... Я увлекся, говоря, что гласные безразличны: я бы не желал поставить в рифму *у* с *и*, но *а, о, ы* и *у* — все родные..."[105]. Рифмовать *у* с *и* А.К. Толстому неудобно потому, что такая рифма предполагает и разницу в согласных: буква *у* показывает, что перед нею — твердый, буква *и* — что перед нею мягкий согласный. Ср.: *мелу — мели, полену — колени.* А он допускает вариативность гласных, а не согласных[106].

Эта вариативность художественно значима: "Неточность рифмы в некоторых пределах не только меня не пугает, но, по-моему, может сравниться с храброю кистью венецианцев, которых никогда не достигнет никакой Карло Дольче, или, чтобы не поминать этого злодея, венецианцы достигают того, что Рафаэль не мог достигнуть со всею своею чистотой линий. Есть некая живопись, которая требует неуклонной точности линий, — это в исторических картинах умбрийская школа, флорентийская, даже венецианская. Есть другой род живописи, где краски — главная вещь, а с линиями не церемонятся. Это Рубенс, Рембрандт, Рюздаль и другие фламандцы и голландцы. И вот, horrible dictu, эти последние картины потеряли бы, если бы линия в них была неумолимо правильною... Есть некоторые вещи, которые должны быть выточены; есть другие, которые имеют право и даже обязаны не быть отделанными под страхом быть холодными"[107].

Итак, несовпадение гласных в рифме — не небрежность, оно имеет художественное значение.

Что важнее всего в рифменной реформе А.К. Толстого? Рифма как норма, как заданность не отменяется. Но на фоне нормы допускается варьирование, чередование гласных. Из сказанного А.К. Толстым ясно, что предмет эстетического "любования" — перемены гласных, их неполное совпадение. Их разговор, их диалог. Как в разговоре, реплика должна попасть в тон другой реплики, быть откликом на нее, но в то же время не повторять ее, а вносить движение, новость, несовпадение, так и рифмы у А.К. Толстого: неожиданная реплика в ответ на предыдущую. Было так: рифмы пели в унисон; А.К. Толстой сменил этот напев разговором рифм.

Художественная речь второй половины XIX в. избрала для себя (в качестве творческого образца) разговор, постоянное и непредсказуемое движение совпадений и несовпадений, освобождение от диктата неподвижной нормы... Это стремление сближает и художественные поиски театра, и творческие пути поэзии. Разумеется, мы ограничиваемся анализом звучания.

---

[105] *Толстой А.К.* Собр. соч. М., 1964. Т. 4. С. 108.

[106] Встречаются и "перебои" согласных, но как исключение, а не как система.

[107] *Толстой А.К.* Указ. соч.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Обоснование выбора. Это время (когда жили желтая и зеленая системы) — господство непререкаемого речевого авторитета Малого театра. Поэтому даны три портрета мастеров этого театра — О.О. Садовской (старшее поколение) и Е.Д. Турчаниновой, В.Н. Рыжовой (младшее поколение). Всегда считалось, что на сцене господствовало и господствует эканье; эканье — признак зеленой системы. Но принадлежат ли все эти три артистки к носителям именно такой системы?

В тот же период сделала большие успехи научная фонетика. Пропаганда орфоэпических знаний (на научно-фонетической основе) стала активной. Влияние ученых, в первую очередь Д.Н. Ушакова, идущее через учебную книгу, через школу, через вузы, было большим. Поэтому уместен и его фонетический портрет.

В контраст с этим портретом дается описание произношения Р.Ф. Брандта — ученого, очень активно выступавшего со статьями для широкой публики (статьи его горячо отстаивали реформу орфографии, но в них было очень много и фонетических страстей). Брандт был (произносительно) петербуржец. Он представлял старшее поколение. Все это интересно для сопоставлений — не только с Д.Н. Ушаковым, но и с другими объектами нашего портретного искусства.

О.О. Садовская

"Определить талант Ольги Осиповны Садовской очень просто, — писал С. Дурылин. — Этот великий талант есть речевой талант, это талант русского языка"[108]. "Она даже мало играла в обычном смысле этого слова. Ей надо было сесть лицом к публике, на полном свету, и начать говорить, и этого было довольно, чтобы ее красочное, емкое, охватистое и теплое слово, желанное, как подарок, само творило и образ художественный, и характер, и действие, и все" (с. 182).

О выразительности речи О.О. Садовской, о заразительности ее речи, о ее речевой власти говорят воспоминания современников. С. Дурылин пишет об исполнении Садовской роли Анфусы ("Волки и овцы"): «В виде этих "ну уж!", "да где уж!" Островский составил своеобразные ноты, по которым нужно спеть жизненную мелодию Анфусы так, чтобы из нее вышел ее образ. И как же Садовская ее пела! Все эти "уж" у Ольги Осиповны так пелись, так она оживляла их своими ритмами, каденцией, темпами, своими фермата, рубато и стоккато, что ее Анфуса, даже если зажмурить глаза, стояла совершенно живьем — путаная на слова, беспомощная фефелушка, с куриным умом, но и с куриным же беззлобием и добродушием. Эти Анфусины "что уж!", "где уж!" с интонациями Садовской пошли бродить крылатыми словечками сначала по Москве, потом всюду. Я помню, как, отмахиваясь от какой-то надоедливой

[108] *Дурылин С.* Ольга Осиповна Садовская // Семья Садовских. М.; Л., 1939. С. 180 (везде дальше указаны страницы этого издания).

похвалы, иной московский актер, писатель или профессор тоном Садовской Анфусы возглашал: "что уж!", "где уж!" Слово у Садовской здесь отчеканивалось, как монета, и, как монета, пошло бродить, переходило в общее обращение. Это — одна из величайших и труднейших задач, возможных для актера» (С. 193).

Но была ли речь О.О. Садовской в полном смысле литературная речь? Не заслоняла ли у артистки характерологическая, живописная сторона речи ее обычную, бытовую, свойственную самой О.О. Садовской речевую привычку? Иначе говоря, не играла ли она просторечие?

Сначала — несколько свидетельств, заставляющих задать этот вопрос. С. Дурылин о роли кухарки в "Плодах просвещения" Л.Н. Толстого: «Речь кухарки была удивительна: это было яркое сплетение крестьянского мягкого говора с бойким таратором московской кухни и мелочной лавки, и "московский отпечаток" убыстрял только темп, но не менял ритма добротной бабьей речи. Хочется сказать: речь у Садовской-кухарки была румяная, как кулебяки, что она пекла» (с. 201).

Садовская в роли Глафиры Фирсовны в "Последней жертве" Л.Н. Островского: «"Да что же мудреного? Разве долго помереть? Оборвется нутро, жила какая-нибудь лопнет, — вот и конец", Читаю эти слова, — продолжает С. Дурылин, — и они кажутся бледным остовом смытого великолепного красочного рисунка. А в устах Садовской это было целое откровение из области... русской народной бытовой медицины, что ли. Слушая эту ее фразу, это ее ругающее "ло-о-опнет", вы несомненно знали: что так, вот именно так сотни тысяч русских баб, просвирен, купчих, боярынь, цариц — от Иоанна Грозного до дней недавних, объясняли себе умирание и смерть, с теми же интонациями, в том же вздыхательном тоне, с той же покорностью в голосе и с той же нелепостью смысла. Это была показательная экскурсия в русскую народно-бытовую медицину» (с. 191—192).

Значит, не беззаконен вопрос: можно ли рассматривать сценическую речь Садовской (ее произношение) как литературную речь? Не было ли это художественным воспроизведением просторечия и диалекта? То есть: не так ли относилась сценическая фонетика у Садовской к литературной норме, как у Зощенко относится к этой норме семантика, лексика, грамматика?

В таком случае ее речь не представляла бы первостепенного интереса для исследователя истории русского литературного произношения.

"Л.Я. Гуревич так передает впечатление от первого слова, произнесенного Садовской: когда она заговорила громко, быстро своим полнозвучным московским говором, в котором каждая интонация художественно выпукла и выдает определенный, изображаемый артисткою темперамент, — казалось, что в какую-то вяло разыгрываемую переводную пьесу с бесцветными действующими лицами вдруг ворвалась яркая фигура, созданная настоящим русским художником, говорящая великолепным, сочным и характерным русским языком:

так красноречивы у Садовской и звуки ее голоса, и жесты, и все движения..." (с. 210). Видно, что зрители не воспринимали ее как артистку, живущую в одной только характерности; ее речь была и высоким образцом общенациональной (т.е. литературной) речи.

«Главным учителем Садовской с полным правом можно назвать самого Александра Николаевича Островского. Он с первых шагов следил за ее сценической деятельностью. Записывая кое-что о своей жизни в альбом Семевскому, он писал: "Артистический кружок некоторым образом заменил театральную школу: он дал московской сцене М.П. Садовского, О.О. Садовскую..." Островский мог бы добавить, что учителем в этой школе был он сам, — притом разносторонним учителем. Как драматург, он дал Садовской, с первого же ее шага, великолепный материал для сценического воспроизведения... Но этого мало. Островский был замечательным чтецом и хорошим актером, а в Артистическом кружке, сверх того, он был и режиссером. По каждому из этих разделов — драматург, чтец, актер, режиссер — он был учителем Садовской.

Вот почему ни одна из русских артисток не может с большим основанием сказать, что она училась у Островского, как Ольга Осиповна Садовская» (с. 162).

Малый театр стал образцом и высшей школой русской культурной речи. Естественно, и речь его корифеев, в первую очередь речь Садовской, была принята интеллигенцией как авторитетнейшее (и притом высокообаятельное) воплощение нормы, воплощение должного в языке. О ее речи создавались легенды. «Писавшая так, как она произносила (с буквой "а" вместо безударного "о" — например, "Арлеанская дева"[109]) с твердым знаком во втором лице, с "ш" вместо "ч" в словах типа "конечно", которое ею писалось "канешна"[110], она редко ошибалась в написании слов, имевших букву "ѣ"; на заданный мною ей однажды вопрос, откуда она знает, где пишется "ѣ", я получил ответ: "слышится, голубчик, иначе" — лишь такое "пушкинское" ухо могло улавливать различие в звучании "е" и "ѣ"»[111].

О.О. Садовская писала букву ѣ так: **весѣлы** (Письмо М.П. Садовскому, 76, 432), не знаѣмъ (Письмо М.М. Садовскому, 76, 433, 2), тѣплая (там же, 1 об.), пишѣшъ (76, 434, 1), с Мишелѣмъ (76, 436, 2) **новостѣй** (76, 491, 2 об.), налѣтелъ (76, 461, 3 об.), крѣщу (там же, 76, 436, 2)[112] и т.д. Видно, проф. В. Филиппов заблуждался, хваля Садовскую за умелую расстановку ѣ. Ее орфография в отношении ѣ, чудовищна. А ухо у нее действительно "пушкинское": различие ѣ—*е* не существовало уже и для Пушкина.

Вот типичная запись О.О. Садовской: ...въ настоящая время Мартынова находится у Кокорева, | а Сергей, каждый день туда пу|теше-

[109] В дошедших до нас письмах Садовской это слово пишется так: "Арлианская" (76, 444, 1).

[110] Она писала "конечно".

[111] *Филиппов Вл.* Шкѳла Садовского // Семья Садовских. С. 43.

[112] Архив Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина. Ф. 76. Ед. хр. 444. С. 1.

ствуетъ, а живетъ съ| атцомъ, но вѣроятно скоро отнихъ съѣдить; это я, только предполагаю| он мнѣ ничего неговорилъ. Еще у меня былъ Урусовъ, Евгений, | который, тебѣ кланиется, и изви | няется что не приѣхалъ тебя проводить, но этому причина была, | погода, и его здоровья (76, 434, 1—1 об.).

Сохранилось несколько десятков писем Садовской ее сыну Михаилу Михайловичу Садовскому. Они орфоэпически очень откровенны. Автор не скрывает своего аканья, буквы *а* и *о* гордо и прямо заявляют об этом: увожаемой, съ увоженіемъ (76, 494, 1), давольно (76, 433, 1), пагода (76, 433, 1 об.), марозовъ (76, 434, 1), паклонъ (76, 434, 1 об.), саборъ (76, 437, 1 об.) и т.д.

В непервом предударном слоге (тоже не после мягких согласных): надо а себе подумать и а Лизѣ (76, 443, 1 об.), недорозуменія (76, 439, 1), апоздали (76, 486, 1), атнасительно (76, 486, 2 об.), павидаюсь (76, 477, 1 об.), сагласится (76, 494, 1).

В заударных слогах тоже не различаются <а>—<о> (например, в последнем открытом слоге): все это кончиласъ (76, 497, 1 об.), или очень дорого, или далека (76, 432, 1), давольно это все скучнавата (76, 433, 1), снѣгу навалила пропасть (76, 433, 1 об.), упало ручка съ перомъ и все забрызгало черниломи (76, 437, 1)[113], сегодня прояснилаъ (76, 438, 1 об.; предложение безличное), сделай эта (76, 477, 2), прошлое лѣта (там же), ничего подобного не была (там же), у нихъ все уже расчислѣна... (76, 488, 1).

Какой звук скрывается за этим *а* (реже — *о*): гласный [а] или [ъ]? Какой был обычен в речи Садовской (в позиции конца слова, в заударном открытом слоге, после твердых согласных)? Надо обратить внимание на то, что эта буква *а* часто замещает *о*: обратная замена сравнительно редка. Предположим, фонемы <а>—<о> здесь нейтрализованы в гласном [ъ]. Он не похож ни на [а], ни на [о]. Звуковое сходство [ъ] с [а] (или с [о]) не толкает к тому, чтобы чаще использовать в позиции нейтрализации букву *а* (или букву *о*). Будь у этого звука сходство явно большее с [а], чем с [о], это вызвало бы более частое использование для его обозначения буквы *а* (ведь именно она обозначает в сильной позиции гласный [а]).

Но так это и есть: *а* на месте *о* встречается часто, наоборот, *о* на месте буквы *а* — редко. Это можно объяснить, нам кажется, тем, что гласный, обычно произносимый О.О. Садовской в данной позиции, был [а][114]. Гласный открытый, нижнего или средне-нижнего подъема, [а] или [а^{ь}], но не [ъ].

---

[113] В этом случае нельзя понять: *забрызгала* — тогда здесь предложение с однородными сказуемыми (*упала, забрызгала*) или *забрызгало* — и предложение сложносочиненное, второе — безличное.

[114] Не рискованно ли по тому, как часто встречается та или иная буквенная передача, судить о самом звуке? По количественным и притом письменным данным о качественном и притом звуковом характере единицы? Пример такого подхода — блестящий "Polabische Studien" Н.С. Трубецкого. (Остается, конечно, вопросом, обусловлен ли успех подобных заключений у Трубецкого достоинствами его методики или его гениальной интуиции, облагородившей сомнительный метод?)

Сейчас в этой позиции мы слышим и [ъ], и [а]; одни говорят: *сильн*[ъ], другие — *сильн*[а], одни — *она рад*[ъ], другие — *рад*[а]. Стилистически эти варианты не тождественны. Произношение с [а] — разговорно-непритязательно, это сниженный вариант. А в случае, когда реализована фонема <о> (*сильн*[а] *ушибся*, ср. *зло рассмеялся*), то произношение с [а], может быть, даже просторечно.

Можно предположить, что и 70 лет назад (письма Садовской относятся к началу нашего века) [а]-норма была ближе к непритязательному городскому говору (оставаясь, однако, в пределах литературной нормы), чем [ъ]-норма. Оправдывается, видимо, предположение, что речь Садовской будет придерживаться тех вариантов, которые сближаются с народной некодифицированной речью, но притом остаются все же литературными[115].

Если *а* часто подменяет букву *о*, то, наверное, и буква *и* подменяет так же часто *е?* Так мы рассуждаем, зная современное состояние произносительной системы.

Нет, у Садовской такая мена редкостна. Видимо, и сама система была иная. Господствовало эканье. Однако в убыстренной речи, в небрежно диалогическом общении, в бытовом говорении (его и отражают письма артистки) возможна была уже редукция <о>, <э> до степени *и*-образного звука. Просмотрим материал.

Частица *ни* в безударном положении постоянно заменяется частицей *не* — следствие их фонетического совпадения? Примеры: онъ не можетъ мнѣ сказать ни нѣтъ не да (76, 488, 1), не кто не поверитъ (76, 446, 2), унего въ Петербур[гѣ] не каго нѣтъ (76, 940, 1), до сихъ поръ не начемъ не остановиласъ да и астановится не начемъ... (76, 443, 1), улучшений не какихъ (76, 443, 1 об.), нѣтъ не какихъ (76, 476, 1 об.), не чего не писала (76, 444, 1), отвѣта не какого не было (76, 445, 1 об.), не чего не сделали (76, 483, 1), не было воды не какой (там же).

Фонетические ли причины вызвали эту мену (т.е. совпадение ли <э>—<и>)? Возможно: примеры все больше на второй предударный слог, а здесь йканье стало господствовать очень рано, во второй половине XIX в. Но может быть и иная причина: лексическое смешение. Есть люди, которые не разграничивают по смыслу слова *обратно* и *опять*, вместо *опять* могут сказать *обратно*. Здесь фонетика ни при чем, это лексическое неразграничение. Так же смешивают *не* и *ни* под ударением: *где бы он не был, я его найду* (вместо *ни был*); фонетика и здесь ни при чем. Так могло быть и у О.О. Садовской. Значит, надо искать другие, безупречно фонетические факты и на их фоне интерпретировать двусмысленное поведение частиц *не* — *ни*.

Для фонетики предударной части слова важны такие факты: нанела (76, 439, 1), абезательно (76, 486, 1 об. — 2), въ Сен-

[115] Еще один пример: сложный случай, когда слог то ли в предударной, то ли в послеударной позиции: что-же тебѣ еще написать? да ватъ что про дядьку Николая... (76, 436, 1 об.). То есть: [да́ въ̀т што́]. Скорее всего — с краткой паузой после [да́].

тебре (76, 476, 1 об.). Они говорят об эканье. Фонема <а> реализована звуком [э] — черта, характерная именно для эканья. Конечно, звуком [э] представлены в той же позиции (после мягких согласных и [j] в первом предударном слоге) фонемы <о>, <э>.

Этому выводу противоречат, однако, такие написания: распориженіе (76, 450, 2; там же: распорядились), подридился (76, 439, 1), ждать предется (76, 454, 2), преложеніе къ "Рускому слову" (76, 465, 1 об.), мекстуру (76, 472, 1), въ... универсѣтетѣ (76, 473, 1 об.). Эти факты говорят об йкающем произношении. Написать *предется* мог только человек, который в данной позиции не различает <э>—<и>. Неразличение здесь, конечно, связано со звуком [и]: написание *предется* — свидетель произношения [пр'и^{э}д'о́цъ].

Очевидно, что господствует эканье. Доказательство — малое число смешений букв *и—е* (сравнительно с числом неверных написаний букв *а—о*). Но, видимо, <э> (и <а>, <о>) реализовалась все же достаточно закрытым звуком, чтобы спорадически возникало йканье, особенно в положении между мягкими (см. примеры: *подридился, предется*). Произношение тщательное, отчеканенное — царит всюду эканье. Произношение стало (в бытовой ситуации) более беглым и небрежным — появляется, пока еще спорадически—йканье; уж очень мало примеров, говорящих о нем. О.О. Садовской не было никаких резонов откровенничать насчет нейтрализации <о>—<а> после твердых и скрытничать из-за нейтрализации <э>—<и> после мягких. Видимо, и не скрытничала: сама нейтрализация была еще редкостью.

Если так, то можно наше допущение проверить. В заударных слогах[116] йканье должно получить больший простор, чем в первом предударном. Заударные — слабее (в литературном языке) первого предударного. Примеры: маслиницы (76, 451, 1 об.), маслѣницу (76, 480, 1), кланиется (76, 432, 2; 436, 1 об.; 438, 1 об.; 453, 1 об.; 445, 2 об.; 471, 1 об. и др.), кланяится (76, 443, 2), кланиются (76, 438, 1 об.; 493, 2 об.; 449, 2 об.; 451, 2). Во флексиях: въ послѣднимъ (76, 434, 1; 452, 1; 476, 1), очень рада была Ольги (76, 442, 1), на этой недѣли (76, 493, 1 об.), письма за паздывают въ разноски (76, 449, 1—1 об.), в поѣздки (76, 484; 1—1 об.; предл. падеж. ед. числа), живемь на дачи (76, 453, 1 об.); ср.: из деревнѣ (76, 445, 1)[117]. (Наряду с такими написаниями — очень много и с буквой ѣ (или *е*), передающей флексию дат.- предл. падежа.) Явно, здесь <и>—<э> нейтрализовались достаточно часто; чаще, чем в первом предударном слоге. Мы этого и ожидали. Следовательно, предположение о спорадическом йканье в первом предударном слоге подтверждается тем, что в заударных относительно чаще случаи такой нейтрализации, как и должно быть.

Теперь остановимся на флексиях, где можно было бы подо-

[116] Пока не берем те, где можно подозревать [ъ] после мягких и йота.

[117] Ср. еще: въ настоящая время (76, 432, 1). Ср. после [ш]: самое лучшае (76, 449,2), взять у Сашѣ (76, 491, 1 об.).

зревать [ъ] после мягких и йота. Примеры: ты пишешь что увасъ погода плохая, унасъ тоже мое почтѣнья, холодно (76, 437, 1), в воскресенья (76, 437, 1—1 об.), сегодня... твое рожденья (76, 488, 1 об.), въ Воскресенья (76, 496, 1 об.), жалованья мы получили 25-го (76, 476, 1 об.?), было на насъ нападенія (76, 460, 1), цѣлуемъ тебя всѣ троя (76, 432, 2). Как будто после <j> в произношении О.О. Садовской был [ъ] там, где ему и положено быть, судя по описаниям Ф.Е. Корша и других фонетистов. Но есть и такие сюрпризы: измѣненіеми (76, 435, 1); за некоторымъ исключеніимъ (76, 455, 1). Эти флексии — <ам'и>, <ом> — после мягких произносились (в заударном положении) так: [ъм'и], [ъм]; так было и в желтой, и в зеленой системе; только позднее (в алой) наступило господство [ь] в этих флексиях. А у О.О. Садовской оно уже исподтишка пролезает в них. Написание *исключеніимъ* явно об этом говорит. И *измененіеми* скорее всего допускает такое же истолкование. Ср.: о твоемъ путешествіе (76, 497, 1), по полученіе твоего письма (76, 449, 1), — где *е* передает несомненно *и*-образный гласный[118].

Нам кажется, что йканье — в эпоху, когда эканье считалось строгой нормой, — а также замена [ъ] на [ь] во флексиях — такие черты орфоэпии О.О. Садовской, которые опять-таки говорят о близости ее литературных норм к нормам народной речи, скорее всего городского просторечного произношения.

А то, что зрители не относились к ним как к изъянам, верно, объясняется и талантом артистки, умевшей полностью овладеть вниманием аудитории, и тем, что такие нормы уже стали распространяться в литературном языке.

В слогах, которые в формуле Потебни обозначены индексом "1", была сильная редукция гласных: [ы]—[ъ] различались плохо; может быть, [ы] редуцировалось до степени [ъ]: быть все время вне спокойнымъ састаяніе (76, 442, 1)[119].

Выразительны такие примеры: верх[н']ию старую челюсть; нижнию челюсть; нижнию челюсть (76, 940, 1): [у] между мягким согласным и гласным переднего ряда [ӳ] редуцируется до [и] — верх[н'иӳ]. Здесь фонетика очень разговорна. Ведь и сейчас эта норма (<у> как [и]) не стала господствующей[120].

Нам кажется, что письма Садовской кое-где робко отражают очень разговорное произношение, с проглатыванием гласных. Конечно, такая сильная редукция не характерна для сценической речи, но письма-то отражают бытовую речь артистки. Она пишет: въ средине ничего нѣтъ (76, 434, 1 об.), въ средине положена (76, 490, 1) — вряд ли это славянизм, скорее подделавшаяся под сла-

[118] Но в таком случае: приноситъ разные известіе (76, 448, 2 об.) — тоже [ни]. Ср. еще интересные записи: принелъ (76, 460, 1 об.), принела (76, 460, 2), принели (76, 461, 2 об.); они говорят, скорее всего (но не наверняка), о произношении здесь [ь].

[119] Может быть, и <у> могло редуцироваться в заударных слогах в [ъ]: советаю (76, 463, 2). Или здесь грамматическая аналогия?

[120] Отметим обычную для того времени безударную флексию *-ут* у глаголов II спряжения: многихъ гонютъ вонъ (76, 433, 1), слушут (76, 454, 1об.) и др.

вянизм разговорная форма слова *середина;* первый гласный редуцирован до нуля. В заударном положении: мальнкіи казусъ (76, 436, 2). Мягкий знак после буквы *л* как будто говорит, что это не описка, не пропуск буквы *е*, а передача очень разговорного произношения с редукцией <э> до нуля (а мягкость [л'], конечно, сохраняется).

Письма передают оглушение и озвончение согласных, обычные в русском языке: такда (76, 494, 1 об.), здѣлаю (76, 440, 2), ознопъ (76, 442, 1 об.), нарот (76, 435, 1), гдѣ не буть (76, 494, 1), назатъ (76, 433, 1 об.), по не мношку (76, 449, 2 об.), **ротствѣникъ** (76, 449, 1 об.), лоткахъ (76, 438, 1). Конечно, это не очень интересные факты.

Малооткровенна была О.О. Садовская относительно мягких согласных перед мягкими согласными. Фактов совсем немного: Мишаньчик (76, 433, 1), безь тебя (76, 435, 2). Ясно, что мягкими были шумные зубные перед переднеязычными мягкими, а также зубные перед зубными мягкими.

Сохраняли мягкость губные на конце слова (и это естественно, конечно, для артистки Малого театра): оставь ты этот Петербургъ ну его (76, 486, 3), и много других примеров[121].

Трехсогласные сочетания реализуются так:

<дск>, <тск>=[цк]: Арбатцкой (76, 484, 1 об.), гарадцкого (76, 484, 2), гороцкой (76, 454, 1 об.);

<стк>=[ск]: павѣску или телеграмму (76, 447, 2 об.);

<здн>=[зн]: съ празникомъ (76, 489, 1).

Глагольные сочетания <тс>, <т'с> **дают [ц]**: не может остановится (81,001,2), нельзя съ этимъ не согласится (76, 447, 1 об.), добится до правды нельзя (76, 450, 2), волнаватся (76, 454, 2), можетъ испортится (76, 455, 1 об.), годитца (76, 499, 2) и т.д.

Долгих согласных О.О. Садовская недолюбливала: Въ Москвѣ у насъ тихо совершено (76, 450, 1), совершено не можетъ (76, 476, 1), странымъ показалось (76, 453, 1); здесь позиция для долгого согласного — после ударного слога, т.е. сильная позиция для долготы. Та же позиция и в следующем случае: совершено не знаю (76, 440, 1 об.); но оборот фразеологизован именно с кратким [н].

Естественно, нет долготы у согласных, находящихся в контакте с другими согласными: въ расрочку (76, 491, 1), растроеному (76, 447, 2)[122]. Любопытно написание: страсшно (76, 432, 1)= [ш̄]—[шн] (так как долгота не удерживается в сочетании с согласным иного качества, здесь — рядом с [н]). Еще пример: даволенъ съ своей квартирой (76, 476, 1). **Ложный предлог, так как с+с=[с], но рядом с [в] долгота** "невещественна". Иначе говоря, приведенное написание читается с поглощением предлога, т.е. фактически нарушения грамматики нет. Ср.: она приѣдитъ 20-го Воскресенья (76, 461, 4), т.е. в воскресенье, но

[124] Грамматическая подробность: частица *-с* была твердой: потрудисъ (76, 432, 2), остаюсъ (76, 433, 2; 435, 2), тороплюсъ (76, 433, 1 об.; 436, 1), не волнуйса (76, 499, 1).

[122] В обоих случаях членимость на приставку и корень (т.е. наличие <з>+<с>) очень слаба; ср., впрочем, *настроение* и *бессрочный.*

долгота [в] не сохраняется даже на стыке "предлог + имя". Видно, О.О. Садовская в своей нелюбви к долгим согласным во всем следовала общелитературной норме.

С этой чертой связана другая. Переносы О.О. Садовской заставляют подозревать, что слогоделение у нее могло быть не совсем такое, как у нас: волнова-лся (76, 447, 1 об.), с бо-льшимъ (76, 433, 1), въ по-льзу (76, 437, 1 об.), неско-лько (76, 477, 2 об.), Алекса-ндровичемъ (76, 493, 2), те-мпература (76, 442, 1 об.), конвѣ-ртѣ (76, 457, 2 об.), квита-нцію (76, 463, 1 об.), въ фо-рмѣ (76, 436, 2), ко-мнату (76, 438, 1 об.), относите-льна (76, 444, 1)[123], въ по-лнѣ (76, 466, 1 об.).

Есть много случаев и привычного для нас разделения: въ кон-торѣ (76, 477, 1). Эта особенность — перенос перед группой "сонорный + глухой шумный" или "сонорный + другой сонорный" (а сама группа интервокальна) — говорит, может быть, об особенностях слогоделения. Вероятно, были разные типы слогоделения, в том числе и необычные для современного русского языка. Это, на наш взгляд, связано с нелюбовью к долгим согласным (ср. перенос: соверше-нно, 76, 484, 1). Подробнее обо всех этих вещах говорится в гл. 6.

Группы заимствованных слов в произношении Садовской нет. Она все чужое делала своим. Иногда значительно переодевала пришельцев: дюбютов (76, 488, 1 об.), путафоры (76, 454, 1 об.)[124], пупликація (76, 456, 1 об.); правда, вскоре уже появляется написание: публикаціи (76, 490, 2). Не удваиваются, не продлеваются согласные: телеграмы (76, 447, 2 об.), **телеграму** (76, 483, 1; 457, 1), Атестатъ (76, 490, 1 об.), Атестата (76, 456, 1 об.), професора (76, 444, 2), съ апаратомъ (76, 497, 2), афекта (76, 436, 1 об.), илюминацію (76, 435, 1).

Долгие согласные в таких словах были бы возможны в книжном произношении, но у О.О. Садовской их и не следовало ожидать.

Невосстановимо интонационное своеобразие речи Ольги Осиповны. "Совершеннейшее воплощение русской живой речи. Ольга Осиповна Садовская давала возможность слышать в театре все богатство ее музыкального строения, всю сложность и выпуклую выразительность интонаций, все причудливое разнообразие ее ритмов. Небрежностью и грубым промахом со стороны наших ученых филологов нужно считать, что дикция, интонации, акцентировка, ритмика речи Садовской не запечатлены фонографом и не вошли в обиход филологической науки" (с. 180)[125]. Рецензент (П. Россиев) услышал у Садовской "большое разнообразие интонаций в бытовых ролях, есть юмор, есть смелость в комических местах и постоянное чувство меры. На сцене держит она себя свободно, без резкостей и владеет прекрасно тем особенным московским жаргоном, который сказывается не в одном только употреблении слов и выражений, а также в звуках голоса, в своеобразной мимике лица" (с. 170).

Уже говорилось, что время после 60—70-х годов — это, в истории

---

[123] Конечно, надо учитывать и возможность искусственных переносов; пропасть 76,433,1 об.; челю-сть 76,488,1 **об. и др.**

[124] "Мелкие сослуживцы, какъ на примеръ, путафоры и тому подобные".

[125] Цит. по кн.: *Дурылин С.* Указ. соч.

русского произношения, эпоха формирования демократического типа литературной орфоэпии; кроме того, это эпоха, когда театр стал главным законодателем культурной русской речи. В Ольге Осиповне Садовской соединились эти два течения эпохи: она была ярчайшей выразительницей демократических устремлений русского театра; она же была, как артистка, пропагандисткой их со сцены.

Действительно, есть все основания считать ее типической представительницей демократического типа русского литературного языка (нетипичной была только эстетическая отточенность, гениальная выразительность ее речи). Ведь она была воспитана в демократической среде, и только ее влияние впитывала и в детстве, и в зрелые годы. Разночинец А.Н. Островский влиял не только на стиль ее игры, но, бесспорно, и на самую "фактуру" ее речи. Один из современников (М. Цуканов) писал Островскому: "Что касается артистов... тут честь этого ансамбля принадлежит вам: артисты сами говорят, что они играли хорошо потому, что слышали ваше чтение пьесы и старались держаться того тона, который вы давали им при чтении" (с. 168). Сам Островский постоянно выделял О.О. Садовскую среди других исполнителей его пьес.

Е.Д. Турчанинова

Посетителям театра «представляется, что удача каждой блестяще сыгранной ею роли объясняется полным совпадением воплощаемого Турчаниновой образа с личностью самой Евдокии Дмитриевны. Зрители обычно убеждены, что именно та роль, которую она сегодня исполняет, особенно подходит к ней как к человеку. Каждый образ русской женщины, воплощаемый Турчаниновой, именно потому так и пленяет, — утверждают зрители, — что сама Турчанинова „вся такая русская". И та же актриса, выступая в пьесах иностранных авторов, убеждает в том, что ей прекрасно известны зарубежные нравы, обычаи, характеры, — несомненно, она долгие годы прожила за границей»[126].

В. Филиппов верно указал одно из замечательных свойств Турчаниновой-актрисы: невозможно поверить, что она играет. Она просто говорит — конечно, так же она и в жизни всегда говорит. «Поэтому те, кто видел Турчанинову всего лишь в нескольких ролях, могут и не поразиться ее огромному артистическому мастерству. В самом деле, чему тут „поражаться"? Актриса говорит просто, как в жизни. Никакой ее жест не бросается в глаза. Походка самая обыкновенная. Нет никакой „игры"»[127].

Е.Д. Турчанинова вспоминает: «По праздникам мы посещали матушкину родню: маленький домик, комнаты-светелки с лоснящимися крашеными полами, герань на окнах, лампадки — старинный московский быт, с блинами на масленой, с говением великим постом,

---

[126] *Филиппов В.* Евдокия Дмитриевна Турчанинова. М.; Л., 1948. С. 5.

[127] *Там же.* С. 5. Конечно, вся эта естественность далека от натурализма. Е.Д. Турчанинова **рассказывала**: "Меня все учили: на сцене говори, как в комнате. А я вышла на сцену, да посмотрела в зал, а там на галерке сидят и тоже хотят слышать — тут я поняла, что как в комнате не скажешь" (слышано от В.Н. Сидорова).

с гаданьем в крещенский вечер, когда тетушки „за ворота башмачок, сняв с ноги, бросали", и курицу кормили, и под окнами слушали... В дом к ним часто ходили свахи, устраивались там „девичники", составлялась роспись приданого, из-за которого шли бесконечные споры, когда выдавали тетушек замуж, пелись свадебные песни, величали жениха, невесту, родных, заводили хоровые игры. Все это я знала, видела и потом изображала в лицах. Особенно удавались мне свахи. Этим я тешила теток, служа им отрадой и развлечением в их почти тюремной домостроевской жизни»[128].

Вот как говорит сваха Фекла ("Женитьба" Н.В. Гоголя) в ее исполнении[129]: [апр'ида́нъи̯а^{ъ} ка́м'иньи̯ дом вмаско́^{ф}скъи̯ ч'ас'т'и| адвух йилтажа́х | уштако́и̯ пр'ибы́точ'нъи̯ штъйс'т'иньъ удаво́л'с'т'ийъ || ад'и́н лаба́з'н'ик пла́т'ит | с'эм'! сот! зала́въч'ку || п'ивно́и̯ по́гр'ип тожы^{э} бал'шо́йъ о́пш'съ пр'ивл'ика́ит || два д'ир'ив'а́ньх хл'и́г'ир'ъ | ад'и́н хл'и́г'ир' сафс'э́м д'ир'ив'а́ньи̯ | друго́и̯ нака́м'иньм фунда́м'ин'т'и | ка́ждъи̯ рубл'о́ф | пъч'итыр'истъ пр'ино́с'ит даходу || агаро́т йэс'т' иш'э́ навыбърскъи̯ стъран'э́ || тр'эт'^{и}въ го́да куп'э́ц нън'има́л пъткапу́сту | итако́и̯ куп'э́ц тр'э́звъи̯ | сафс'э́м н'иб'ир'о́т хм'ил'но́въ врот | итр'о́х сынав'э́и̯ им'э́ит | дву́хуш пъжы^{э}н'ил | атр'э́т'и̯ гъвар'и́т | иш'имъладо́и̯ пус' пъс'ид'и́т вла́ф'к'и | штъптарго́вл'у былъ пал'э́хч'и атправл'а́т' || йа́уш гъвар'и́т | ста́р | тъкпус'т' сы́н пъс'ид'и́т вла́ф'к'и | што́бы тарго́вл'ъ шла пал'э́хч'и ||][130].

Здесь в первую очередь поражает последовательное и́канье. Мы ведь давно поверили тому, что корифеи Малого театра непреклонно сохраняют экающую норму, уж Турчанинова-то во всяком случае! И вот неожиданность: полная нетрайлизация <и>—<э> в безударных слогах.

Ясно, что такая речь воспринимается как предельно естественная, без намека на сценическую естественность.

Вот еще несколько примеров (из той же роли), показывающих и́канье:

[п'и'р'улк'и]	[с'ича́с]
[бу́д'ит'и]	[нъп'р'им'и́к]
[т'ип'э́р']	[пус'т'ико́ф]
[с'идо́му]	[двър'ин'и́н]
[шв'ийа́]	

---

[128] Автобиография Е.Д. Турчаниновой // Старейшие мастера Малого театра. М., 1949.

[129] Наши материалы: 1) стихотворения М. Конопницкой, магнитная лента; 2) "Правда хорошо, а счастье лучше", роль Барабошевой, магнитная лента; 3) "Фон Финтих", сценическая композиция, магнитная лента; 4) "Женитьба", роль Феклы, пластинка. Записи на магнитную ленту из собрания Фонетической лаборатории Института русского языка АН СССР.

[130] Текст Гоголя: "А приданое: каменный дом в Московской части, о двух елтажах, уж такой прибыточный, что истинно удовольствие. Один лабазник платит семьсот за лавочку. Пивной погреб тоже большое общество привлекает. Два деревянных хлигеря — один хлигерь совсем деревянный, другой на каменном фундаменте, каждый рублев по четыреста приносит доходу. Огород есть еще на Выборгской стороне; третьего года купец нанимал под капусту, и такой купец трезвый, совсем не берет хмельного в рот, и трех сыновей имеет, двух уж поженил, "а третий, — говорит, — еще молодой, пусть посидит в лавке, чтобы торговлю было полегче отправлять. Я уж, — говорит, — стар,

Отклонения — единичны: [сла́дъс' такājā штъиръсказа́т' н'э^{и}л'з'а́]; [б'э́збо́ж'ик тако$\underset{\frown}{и}$]; [штòбы н'ив'э́стъ была́ фт'э́л'э́^{и}][131].

Конечные гласные (в открытом последнем заударном слоге) иногда более открыты, чем подсказывает литературный стандарт:

А тебе же худ[а][4]	миленька[$\underset{\frown}{и}$а][2]
[б'э́лъ$\underset{\frown}{и}$а], [рум'а́нъ$\underset{\frown}{и}$а][4]	необходима[$\underset{\frown}{и}$ъ^{а}][2]
думал[а][2]	прям[а][2] (=прямо)
умал'ен[$\underset{\frown}{и}$а^{ъ}][2]	долга[ја][1]

и т.д. То же и перед конечным [$\underset{\frown}{и}$]:

лавк[а$\underset{\frown}{и}$][4]
славн[а$\underset{\frown}{и}$], вāжн[ā$\underset{\frown}{и}$] (муж. р.)[4]
родительск[а$^{ъ}\underset{\frown}{и}$][2].

«...Е.Д. Турчанинова в роли Мавры Тарасовны из пьесы "Правда — хорошо, а счастье лучше" в слове *миленький,* которое по ее роли приходилось говорить очень часто, произносила в окончании обычно редуцированный гласный — *милень*[къ$\underset{\frown}{и}$], но иногда здесь был звук, более близкий к очень краткому *а* (а^{ъ}) — *милень*[ка$^{ъ}\underset{\frown}{и}$]»[132]. Этот открытый гласный, нам кажется, никогда не бывает резко просторечным, вульгарным, он — на грани литературного произношения. Но он — характерная краска, хотя и данная сдержанно, без нажима и назойливости: в ролях, где эта характерологическая краска неуместна, она и не используется, собственная речь артистки "чиста" от такого произношения (слушайте, например, роль миссис Хиггинс в пьесе Б. Шоу "Пигмалион").

Но краска, так естественно и тактично вводимая в речь, когда она характерологически уместна, раскрывает, по нашему мнению, и истоки йканья у Е.Д. Турчаниновой.

Она, дочь театрального капельдинера, с детства была знакома с речью московских демократических "низов", с произношением, стоящим на грани просторечия. И одни черты этой демократической речи, например открытый конечный [а^{ъ}] (вместо [ъ]), артистка использует как сценическую краску, но использует тактично, без шаржа, так что можно чувствовать обаяние этой речевой манеры. Другие же черты, которые не отвергались литературным языком (его желтой системой), так и остались естественным фоном в произношении Турчаниновой: мы говорим об йканье.

Как и у О.О. Садовской, оно свидетельствует о проникновении на сцену речи демократических слоев Москвы, конечно в олитературенной форме.

так пусть сын посидит в лавке, чтобы торговля шла полегче" (действие I, явление VIII). В некоторых случаях вместо -[ъ$\underset{\frown}{и}$] в формах прилагательных им. падежа ед. числа муж. рода, может быть, произносилось -[ы$\underset{\frown}{и}$].

[131] Йканье господствует и в других сценических записях Е.Д. Турчаниновой; отступления редки (например: *с*[л'э^{и}]*гка*[1] *с*[п'э^{и}]*шила*[1]; [н'э^{и}]*веста*[2], *под*[jэ^{и}]*зжал*[2]; обычно на десяток случаев [и^{э}] предударного приходятся единичные случаи с [э^{и}]. Ср. в одном тексте: [с'т'ър'э^{и}гу́т][2] и [с'т'ър'игл'й][2]. Цифры обозначают номера записей на магнитную ленту, указанных в сноске 127.

[132] *Ильинская И.С., Сидоров В.Н.* О сценическом произношении в московских театрах // Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. 1. С. 150.

Еще несколько деталей, относящихся к вокализму. Во флексиях находим после мягких [ъ] всюду, где его надо было ожидать:

канцеляри[jъм] (дат. мн.)[4]

фамили[ja][4]

во[л'ъ^{a}][2]

дело житейско[jъ][4] (но: поплотне[и] (сравнительная степень), славны[и], хороши[и][4])

прозвищ[а] (=прозвище, -а)[4].

После <ш>, <ж> норма для <а> колеблется:

[жэ^{ы}]ра[1] [шы^{э}]ги[1]

[жа]ра[1] по[жы^{э}]лел[2].

[ша]жками[1]

Возможно, это произношение "благоприобретенное" (благо ли?): оно, может быть, возникло под влиянием "алой" окружающей речи. Имеем в виду произношение [а] в этой позиции.

Есть случаи произношения глухих согласных в заударных слогах, но они не часты:

неу[штъ]ты[4]

во фло[т'ъ] служил[4]

поджа[р'истъх] (!)[4].

Это — один из знаков разговорной речи. Как видно, и у корифеев сцены (и какой! Малого театра!) разговорная, небрежно-беглая, интимная фонетика проникает в произношение. Но есть и еще более разительные примеры:

е[с'] такие...[4]

бла[γ] утреннее время (=благо...)[4]

не б[у^{и}]шь гордиться[4]

сладо[с'] та[kājā][4]

[дъум'и^{э}á jэс'] на примете (=да у меня есть...)[4]

б[у^{и}]т (=будет)[4]

дом и jе[с'] её[4]

[тоис'] (= то есть)[4]

[токъ] не погневайся (=только)[4]

огорче[н']-т[ъ][4].

Снова свидетельство предельной естественности сценической речи Е.Д. Турчаниновой.

Но речь ее — не затрапезная, не обыденная. Разговорность в ней допускается изредка. И не мешает ей быть при всей естественности традиционной в лучшем смысле слова[133].

Например, очень традиционно явление [γ] (мы перешли, после фактов разговорной фонетики, объединяющей разные стороны произношения, к консонантизму). Этот согласный встречается в словах: *бла*[γ]*о*[4], *бла*[γ]*одать*[4], *бо*[γ]*дал*[4], *ей-бо*[γ]*у*[4], [γ]*осподи*[4], *бо*[γ]*атый*[2], *нико*[γ]*да*[1] и даже [γ]*осподин* (где уже Ф.Е. Корш считал возможным и даже обычным в произношении с [г]).

[133] «Старшие артисты отнеслись ко мне очень хорошо. Н.М. Медведева, мнением которой мы особенно дорожили, как непосредственной ученицы Щепкина и хранительницы его традиций, похвалила меня за „умение разговаривать на сцене"» (Автобиография Е.Д. Турчаниновой. С. 42).

Диссимилятивно произносится <к> не только перед [к, г], но и перед [т]: [х] *тебе*[4] [134].

Конечно, мягки зубные перед мягкими зубными: [з'д']*елаю*[2], *вла*[с'т']*и*[2], *по*[с'л']*е*[2], *мы*[с'л']*и*[2], [с'л']*е*[х]*ка*[1], *о*[с'л']*епительно*[1], *жи*[з'н']*и*[1], [с'] *нянькой, поя*[с'н']*ица*[1], *по*[д'н']*яла*[1]. Но: *пере*[д]*ней*[1].

Мягки зубные и перед мягкими губными: [д'в']*игаясь*[1], *пере*[д'в']*игала*[1], [д'в']*инулась*[1], [с'п']*ешила*[1], [с'в']*ете*, [с'в']*ету*[4], *и*[з'в']*ела*[1], *и*[з'в']*инить*[4], [т'в']*ордо*[2], [с'м']*ерти*[1], [с'м']*ертный*[1], даже: *бе*[з'] *меня*[1] (но: *про*[зв']*ище*[4], *о*[тв']*ечай*[4]).

Мягким всегда является [н'] перед [ч'] и [ш']: *зака*[н']*чивала*[1] и проч.

А с [р] — [р'] перед зубными и др. — неустойчиво: *сме*[р'т']*и*[1], но *ко*[рз']*ину*[1], *мо*[р']*щин* и т.д.[135] Но для желтой системы (йкающей) это и характерно; ср. у Д.Н. Ушакова.

Перед йотом обычно согласные мягки, даже губные: [п']*ьет*[4], [п']*ьян*[4], *вы*[п']*ью*[4], но все же и отступлений уже немало[136].

Нет надобности доказывать, что у Е.Д. Турчаниновой *щ*=[ш']. На стыках, однако, не так: *ра*[ш'ч]*удесное*[2]. Вместо привычного в алой и оранжевой системах *лу*[чш]*е, лу*[чш]*его* — у Турчаниновой, по традициям желто-зеленой системы: *лу*[ч']*и, лу*[ч']*его* (так и у Д.Н. Ушакова).

Обзор произношения Е.Д. Турчаниновой приносит много неожиданностей. Оказывается, театральная речь — не "латынь", не условный код, который может, в угоду традиции, резко отрываться от речевого быта, от повседневной произносительной манеры. Представление, что Малый театр — цитадель эканья в море победившего в повседневной речи йканья, оказалось неверным. Ведь речь таких мастеров, как Е.Д. Турчанинова, — это и есть основа Малого театра; он всегда был в первую очередь театром речи. И, как оказывается (к счастью), речи, очень отзывчивой на повседневность (здесь мы говорим не о ее тематике, не о содержании). Московские демократические (литературные) произносительные нормы находили на сцене отражение — примерно в то же время, когда стали признаны и в бытовой речи. То есть: в конце XIX — начале XX в. (Е.Д. Турчанинова начала выступать на сцене в 1891 г.)

В.Н. Рыжова

Произношение Е.Д. Турчаниновой интересно сравнить с произношением В.Н. Рыжовой. Они люди одного поколения, артисты одного театра. Добавим: и Турчанинова, и Рыжова — блестящие, гениально одаренные мастера[137]. Но различия в их речи есть. Откуда они?

В.Н. Рыжова пишет: "Моя бабушка, мать моей матери, Варвара Бороздина и ее сестра Евгения, были известными артистками Малого

---

[134] Но, очевидно, оговорка: *не вдру*[х]*-то туда соберешься*[2]... Или диссимилировались <к>—<т> и в этой позиции? У нее же: [х]*то*[1].

[135] С [р]: *сверкал*[4], *сверкала*[1], *выдергивать*[1].

[136] Губные на конце, естественно, не лишаются своей фонетической мягкости; оговорка (или лексикализовано?): *на ощу*[п][1].

[137] Это важно и для изучения фонетики: объясняет заразительность их речи, огромное их влияние на слушателей.

театра. Бабушка играла во всех пьесах А.Н. Островского, которые он в те годы создал. Моя мать дебютировала в Малом театре шестнадцати лет от роду, и А.Н. Островский принимал в ней большое участие. Мой отец Н.И. Музиль, замечательный комик-простак, был любимцем Москвы. Все новые пьесы Островского шли у него в бенефис. Александр Николаевич был большим поклонником и другом моего отца. Таким образом, воспоминания моего детства тесно связаны с семьей А.Н. Островского, с его детьми мы дружили и часто бывали друг у друга"[138].

Еще девочкой она слушала, как читал свои пьесы А.Н. Островский. Среди ее учителей была и О.О. Садовская: "Помню, с каким трепетом, стоя за кулисами, я ловила каждое слово Ольги Осиповны Садовской, как, не отрываясь, следила за ней через отверстие, проделанное в декорации. А потом спешила домой, чтобы раскрыть пьесу и понять, как достигает эта великая художница необыкновенной убедительности речи"[139].

По естественности, жизненности речи она не уступает Е.Д. Турчаниновой; она играла роль Акулины в драме "Власть тьмы" Л.Н. Толстого: "Я была бесконечно счастлива, когда получила похвалу из уст самого Льва Николаевича, что даю настоящую деревенскую девку. Лев Николаевич окрылял и поддерживал меня в моем стремлении придать характерность речи Акулины — дать ее тупой, грубой и в то же время дать оправдание ее животной тупости, ее минутами почти звериной жестокости, которая могла родиться в придушенной атмосфере темноты и забитости. И так, все время подготовки пьесы, мне пришлось с ним встречаться на репетициях, и беседовать, нет, вернее, слушать и впитывать его слова..."[140]

Наиболее важная для нас черта ее речи — эканье. Хотя оно и перебивается (даже нередко) йканьем, но основа ее речи — все же экающая: *тебе*[2], *привезла*[2], *растрепало*[2], *его*[2], *победитель*[2], *тебя*[2], *уведу*[2], *повреждение*[2], *ничего*[2], *трясутся*[2], *твержу*[2], *немножко*[2], *беспременно*[2], *вертись*[2], *бережете*[2], *перестала*[2], *переращивает*[2] и проч. Притом [э^{и}] слышно и во втором предударном слоге (так во всех приведенных примерах).

На этом э́кальном фоне произношение: [т'и]*бе*[2], [д'и]*сяток*[2], *в*[з'и^{э}]*ла*[1], [ч'и^{э}]*го*[1] (тут же: [ч'а]*во*), [с'и]*мью*[1]) — воспринимается как произносительная краска, как характерологическое средство.

Также рисует характер широкое [а] в безударном исходе слова: *мест*[а]-*т*[а][1], *нашел мест*[а][1], *старшая-т*[а][1], *крепо*[снāцā][1], *жалк*[а][1] и т.д.

В.Н. Рыжова писала: "На сцене должна быть правда жизни. Но нельзя забывать и о театральности. Я понимаю театральность как известную подчеркнутость речи и образа. Ведь для того, чтобы играть на сцене, актеру нужно подгримировать глаза, подчеркнуть их. Вот

[138] Автобиография В.Н. Рыжовой // Старейшие мастера Малого театра. С. 51.
[139] Там же. С. 54.
[140] Там же. С. 55—56.

такая подчеркнутость должна быть и в игре. Это дает какую-то приподнятость.

Весь мой сценический опыт убеждает меня в том, что способность к реалистической бытовой речи — прирожденная черта актерской индивидуальности. Ей почти невозможно научиться, если нет пристрастия и обостренного внимания к характерным оттенкам народной речи. Лично я с детства любила прислушиваться к разному говору и безошибочно различала костромичей, ярославцев, туляков, рязанцев"[141].

Именно это важно: речь должна быть театральной, праздничной. Отсюда — эканье как основа безударного вокализма, хотя бы зрители и были в большинстве "и́кальцы": так же как грим не мешает актеру правдиво играть, не помешает и эканье. Ведь в эмоциональной, приподнятой речи именно с помощью эканья (в самой бытовой, непринужденной речи) выделяются слова, обороты. Значит, оценка эканья как праздничного произношения жива у говорящих; вот они его и воспринимают как нечто естественное на сцене.

Но игра Рыжовой — это именно игра. Общее стилистическое направление то же, что и у Е.Д. Турчаниновой: тот же глубоко жизненный стиль Малого театра. Но уж никто не скажет, что у В.Н. Рыжовой нет никакой игры, никто не будет введен в заблуждение, решив, что она просто живет на сцене, точно так же, как и вне сцены. Подчеркнутая (но и естественная!) острота всего рисунка роли не позволит так умозаключить.

У В.Н. Рыжовой действительно широко и щедро расходуются характерологические краски (всегда уместно). Ее слова о том, как она была внимательна к приметам народного произношения, — важное свидетельство о творческом подходе к своему материалу, к речи. Одно с другим, думается, связано: и особая театральная основа речи (эканье), и широкое введение характерологических красок. Это создает единство стиля, отличного от стиля Турчаниновой (не в принципах, но в существенных чертах индивидуальной интерпретации)[142].

Теперь надо решить социолингвистический вопрос: откуда же у В.Н. Рыжовой такое устойчивое эканье? Мы не случайно ее портрет начали с ее слов о театральной родословной Бороздиных—Музилей—Рыжовых. Сценическое произношение консервативнее бытового (это говорится в похвалу сценическому произношению). Театральные династии, естественно, бережнее сохраняют, из поколения в поколение, это орфоэпическое наследие. Вот откуда и эканье В.Н. Рыжовой.

Не грозит ли это отрывом сценической речи от обычной, повседневной, бытовой? Нет, бытовая умеет за себя постоять. Рядом с Рыжовой на той же сцене играет Турчанинова, и их орфоэпические системы взаимодействуют. И́канье — частое характерологическое

[141] Там же. С. 57.

[142] Если бы в ту пору, когда театры закрывались, эта участь коснулась и Малого театра, то Турчанинову можно было бы представить артисткой Художественного театра, Рыжову — вахтанговского. Но и там они бы оставались все-таки... артистками Малого театра.

средство у В.Н. Рыжовой, очень частое; "несовместимости" их произносительных систем (Рыжовой и Турчаниновой) нет.

Речь шла о вокализме. Консонантизм у этих двух артисток похож. О смягченных группах согласных исследователи пишут так: "...Можно выделить прежде всего В.Н. Рыжову, которая выдерживает старую норму очень строго. Приближается к ней, хотя с единичными отклонениями от старых норм, Е.Д. Турчанинова"[143]. "Перед мягкими губными произносятся твердые зубные... Исключение представляет речь В.Н. Рыжовой и Е.Д. Турчаниновой, которым свойственно произношение типа *на* [с'в']*ете,* [д'в']*е, поте*[р']*пи, во*[з'м']*ет* и пр., хотя Е.Д. Турчанинова в единичных случаях произносила *у*[сп']*еешь,* [с м']*еня*"[144].

Значит, и в области консонантизма у В.Н. Рыжовой более традиционное произношение (вероятно, близкое к зеленой системе), а у Е.Д. Турчаниновой — менее традиционное (может быть, скорее близкое к желтой системе).

Д.Н. Ушаков

О московской речи издавна писали так: прекраснейшая... выразительная... певучая... гармоническая... Даже повседневная, без художественных функций, она вызывала эстетические оценки.

Д.Н. Ушаков был авторитетнейшим знатоком этой речи. И он же был сам замечательным представителем московской литературно говорящей среды, в его речи была воплощена эта московская звуковая гармония. «Между прочим, в Театральном обществе есть студия звукозаписи. Там записана моя лекция о московском произношении и прочитанный мною чеховский рассказ „Дачники". И после моей смерти вы все это можете слушать», — говорил Д.Н. Ушаков в 1940 г.[145] Здесь нет претензии на артистичность исполнения "Дачников" (предположение о такой претензии, вероятно, оскорбило бы Дмитрия Николаевича: ведь речь шла о большем, чем признание артистичности его исполнения). Слушатель приглашался восхищаться не чтением такого-то лица, а русской речью, внутренне ей присущими эстетическими свойствами (подобно этому, кусок мрамора или бронзы сам обладает эстетической ценностью, и обработка только раскрывает и обогащает эти свойства).

Так и случилось, как хотел Д.Н. Ушаков: мы сейчас слушаем запись его речи и восхищаемся ею. В описании, где нет анализа интонационной, темповой эмоционально-тембровой стороны, невозможно характеризовать выразительность речи Д.Н. Ушакова. Займемся будничным делом: описанием звуков, их сочетаний, их чередований.

---

[143] *Ильинская И.С., Сидоров В.Н.* Указ. соч. С. 151—152.

[144] Там же. С. 152. В отношении [р'] перед зубными и переднеязычными мягкими отступлений много и у В.Н. Рыжовой.

[145] См.: *Ушаков Д.Н.* Извлечение из стенограммы выступления на заседании Сектора славянских языков Института языка и письменности АН СССР. 16.II.1940 г. // Вопросы культуры речи. М., 1964. Вып. 5.

У нас есть магнитофонная запись лекции Д.Н. Ушакова[146]. В ней надо выделить три слоя фактов:

1. Произношение слов-примеров, особенно четкое, с подчеркнутоясной (но не нарочитой) артикуляцией демонстрируемых сочетаний.

2. Текст самой лекции, т.е. разъяснений, обобщений, формулировок тех закономерностей, которые описываются; это наиболее непосредственная, "непредвзятая" произносительная часть лекции.

3. Текст рассказа "Дачники". Он — тоже иллюстрация к лекции, но от однословных иллюстраций отличается тем, что контроль сознания здесь не так жёсток, чтение увлекло Д.Н. Ушакова, он исполнил рассказ мастерски — как человек, влюбленный в русскую литературную речь, в ее собственную музыку. Ясно, что исполнение оказалось в некоторых отношениях глубже и полнее анализа — выявились закономерности, объективно присущие русскому языку той (уже далекой) эпохи, хотя бы лингвистический анализ еще и не разглядел этих закономерностей. Увлечение, конечно, отсутствует при демонстрации отдельных слов, и они более прямо подчинены формулировкам и тезисам лекции.

4. Наконец, есть еще один источник фактов: транскрипция рассказа "Дачники", сделанная Д.Н. Ушаковым и Н.Н. Дурново (ДУ, НД: 342—347)[147]. Все эти источники хорошо согласуются друг с другом, "поют в унисон". Расхождения касаются частностей. Нельзя не верить свидетелям, которые, не сговариваясь, дают одинаковые показания. Видно, наблюдения Д.Н. Ушакова отличаются точностью и достоверностью.

В лекции особенно поразительно большое количество разговорных фактов, явлений некодифицированной фонетики, конечно, это не просторечие, а разговорный язык. Ведь читалась лекция (чопорный жанр), читалась в студии, при отсутствии слушателей, т.е. в очень искусственных условиях, как будто исключающих всякую разговорность (для нее нужны, наоборот, предельно естественные условия общения). Может быть, мы все-таки заблуждаемся, приписывая успехи разговорной фонетики последним десятилетиям?[148]. Не будь она обычной в желтой системе, не оказалась бы она такой частой гостьей в лекции Д.Н. Ушакова.

Приведем примеры. Очень сильная (факультативная) редукция внутри слова, нулизация звуков и их сочетаний:

[вас'нацътый][2](с [м] либо нулевым, либо почти нулевым),
еди[н'с'нъвъ] числа[2]
[сы^{и}шéнъ] (=совершенно)[2]
но не [маскóскъвъ][2]
вот [э́т'м'и][2]
пят[нацт]ый[2]
в [кóс'ных] падежах[2]

[146] Найдена, после многих лет ее "небытия" для лингвистов, С.С. Высоцким.

[147] В основу этой транскрипции положено произношение Д.Н. Ушакова, а произносительные варианты Н.Н. Дурново даны в сносках. Цифры означают: 1 — примеры (отдельные слова, приведенные в лекции); 2 — текст лекции; 3 — текст "Дачников".

[148] См.: Русский язык и советское общество: Фонетика современного русского литературного языка.

пере[хо́ʲут] (=переходят)[2]
о[д'и́нцт]ый[2]
следо[вътънъ] (=следовательно)[2]
[бу́им] (=будем)[2]
[за́пхъм][3]
ты [псматр'и][3] ([инада́], [када́], [пажа́лъстъ][3] — это уже не разговорное произношение, а нейтральное общее).

На стыках слов все время заударные слоги мнутся и наезжают друг на друга:

глаголь[ны] окончания (2 раза)[2]
являются особенно[с'т'м'] московского произношения[2]
особенно[с'т'ьм'] другого говора[2]
[шт'] ты волнуешься[3]
при [эт'ᴹ] надо иметь в виду[2]
е[с'] люди (ср. нежелательность в желтой системе сочетания [стл], [с'т'л'] в середине слова)
мож[н']азвать[2]
оч[н'н]емногих[2]
чн так и [произно́с'] за *чн* (=произносятся); и рядом: произ[нос'уъ], произ[но́с'уцъ]; в ед. числе: произ[но́с'ицъ], произ[но́с'ъ] (2 раза)[2]
произ[но́с'] слова[2]
произ[но́с'] по общему правилу[2]
произно[с'] следующим образом[2]
пожени́вши[ç]упругов[3]
во втором ['ᵇд']еле (=отделе)[2]
потому[шт] по качеству[2].

Все это — явления аллегровой речи[149].

Прямая противоположность этим разговорностям — книжные заимствованные слова:

[сол'итэ́р][3]
[баран'э́са][3]
[ра́д'ио][2].

Вокализм представляет последовательное и́канье; притом произносится не [и], резкий и определенный, а [и³]. В записи очень мало отклонений в сторону эканья: [jэᴹ]*вляются*[2], [п'э]*тнадцатый*[2] — и, пожалуй, все.

В последнем заударном слоге, по московским нормам, в соответствии с <а>, <о> может произноситься и [ъ], и [аᵇ]. У Д.Н. Ушакова преобладает более строгий вариант: *зави*[днъ][3], *доса*[днъ][3], *ску*[шнъ][2], *прия*[тнъ][3], *Чехо*[въ][3]. Ср. в транскрипции "Дачников" указание вариантов: в тексте транскрибируется (в этой позиции) [ъ], а в сноске указан вариант с более широким гласным (ДУ, НД: 346).

Особенно интересно, как Д.Н. Ушаков произносил окончания с [ъ] после мягких согласных. Рассказывают, что его просили протянуть заударные гласные в словах, например, *едем* и *медведем*. В первом

[149] Иногда заударные слоги мнутся и не на стыках, а перед паузой: [итагда́л'ъ] (=и так далее)[2], и тому подоб[нъ] (=подобное)[2].

случае звук был явно *и*-образный, а во втором — *а*-образный (произносился, вероятно, широкий [ъ^{а}], т.е. гласный нижне-среднего подъема): *е*[д' и-и]*м* — *медве*[д'ъ^{а}-ъ^{а}]*м* (или *медве*[д'а^{ъ}-а^{ъ}]*м*) (слышано от Р.И. Аванесова).

В лекции было сказано: *под ударени*[jъ^{а}м] (2 раза)[2], *ака*[н'jъм][2] — слова в твор. падеже ед. числа, а эти формы, мы помним, диагностичны: по ним можно ставить диагноз — алая или желтая система. Естественно, у Д.Н. Ушакова — желтая. Приятно удостовериться, что транскрипции и наставления фонетистов начала века, в первую очередь самого Д.Н. Ушакова, справедливы.

Другие примеры (недиагностичные, характерные для всех систем от алой до зеленой — и далее, до XVIII в.): *посте*[л'а^{ъ}]*м*[1], *ро*[ш'а^{ъ}]*м*[1], *е*[л'а^{ъ}]*м*[1], *сегод*[н'ъ][1], *дя*[д'ъ][3]. Также было произнесено: *добре*[и̯ъ^{а}] (сравнительная степень: *добрее*)[1], *дво*[и̯ъ][1]. Эти формы произносятся с [ъ], если перед последним гласным фонема <j> представлена не нулем. В современном произношении (если оно не сценическое, не ораторское) как раз и не произносится здесь ни [и̯], ни тем более [j]. А тогда возможен либо гласный [и] в конце: *дво*[и], *добре*[и] (дело не изменится, если мы его изобразим знаком [ь]), либо [ä]. У Д.Н. Ушакова, как видим, было не так; правда, факты — из числа приведенных им примеров.

А вот — другие, прямо уже из текста лекции: *оставля*[и̯ъ^{а}][2] (деепричастие); ср. *как*[ийи][3]. Очевидно, в желтой системе реализация <j> звуком [j] была более распространена, чем сейчас, — не только в "торжественных" форма̀х речи. Но все же и тогда, видимо, были обычны и такие варианты:

происхожде[н'иӓ] (род. п.)[2]
примеча[н'иъ] (им. п.)[2]
ударе[н'иӓ] (род. п.)[2]
положе[н'иӓ] (род. п.)[2].

Ср.: *по отноше*[н'иў][2], *пролив*[áў]*т*[3], *молод*[ýў][3], *ажив*[л'áў]*т*[3], *на*-[д'э̋ўс][3], но: *за та*[л'ийу][3].

В формах *принято, начали* произносит не [ъ], а [ь]: [пр'ѝн'ьтъ][1], [на́ч'ьл'и][3]. Это интересно ввиду разноречия источников начала XX в. о произношении подобных форм; даже и для современности не полностью выяснено, какое произношение господствует.

Из других фактов вокализма, не комментируя, упомянем: [тък вот][2], [штъ ана][3], [ца]*луйте*[3], [ъ] *своей* (=*о своей*)[3] (оговорка?).

Теперь о согласных. Звук [γ] часто попадается в записанном тексте: *все*[γ]*да*[1,2], *ко*[γ]*да*[1] (и [када][3]), *бо*[γ]*атый*[1], *бла*[γ]*о*[1], [γ]*осподь*[1]; сейчас все эти слова произносятся с [г].

Для того чтобы судить о произношении сонорных, не соприкасающихся (в фонемной модели слова) с гласным, материала мало: *теа*[тр] (без [ъ] перед [р])[2]; ср. еще *зап*[хм̂] (=*запахом*)[3]. Выводы из этих фактов сделать трудно, но держать их на заметке не мешает.

Для произношения сочетаний: перед шипящими — тоже шипящий, а не свистящий — интересен такой пример (стык слов): *они* [прэл'ива̋ ч̄'ир'н'ѝлъ].

Непроизносимые согласные находятся именно там, где им положено

по описаниям фонетистов: *гуверна*[нк]*а*[3], *гуверна*[нк]*ой*[3], *ча*[сн]*ому*[2], *изве*[сн]*ых*[2], *радо*[сн]*о*[3]. "Диагностическим" является произношение <нтк>=[нк]; это характерно для желтой и зеленой систем, но не для алой и оранжевой. Еще важный факт: [ланшафт][3]. В заимствованном слове [нтш] упростилось в [нш] (ср. упрощение группы [нтс]: *голландский* и под.).

Особенно существенны факты, говорящие о произношении мягких перед мягкими. В сочетании "зубной + мягкий зубной" мягкость первого обязательна:

[с'т'их][1]	фон Фи[н'т']их[3]
пу[с'т']ить[1]	боле[з'н']и[3]
[з'д']елать[2]	[с' н']енавистью (2 раза)[3]
[с'т']е[с'н']им[3]	о[д'н']и[2].

На стыках эта мягкость необязательна (если предлог длинный и имеет полуударенные):

пере[д н']им[2].

Когда второй зубной [л'], то и перед [л'] зубные смягчаются, хотя уже заметно колебание (слабое; исключений очень мало):

[ш'ас'л']ивы[3]	е[с'л']и[1]
по[с'л']едним[2]	приве[т'л']ивый[2]
по[с'л']е (2 раза)[2]	нави[с'л']и[3],

но:

приве[зл']и[3].

В сочетании "зубной + мягкий губной" отмечаем почти всюду мягкость зубного:

[д'в']ерь[1]	[т'в']ердый[1]
[д'в']е[1] (но: [дв']е[3])	[с'л'ёц'т'в']ие[2] (=вследствие); ср.:
есте[с'т'в']енный[1]	[рвуц'в'и³ты] (=рвут цветы)[3]
[с'м']ирный[1]	и[з'в']естно[2]
[з'в']ерь[1]	ро[ц'т'в']енники, -ов[3]
ра[з'б']ить[1]	[т'в']ерды[2], [т'в']ердо[2]
ра[з'в']е[1]	[абыjо] один[о́ч'ъс'т'в'ъ][3]
[с'в']ет[1]	о[с'в']ещенных[3]
[с'м']ерть[1]	

но:

о[тв']ет[1]	о[тв']ернулся[3].
о[тв']ечал[3]	

На стыках:

[с' м']ягким[2]

пере[д м']ягкими[2].

Как видно, отвердение наступало в первую очередь на стыках и в сочетаниях "взрывной + щелевой" (в оранжевой системе станет распространенным произношение [тв'], [дв']; лишь отдельные слова, например *две,* сохраняют более или менее устойчиво мягкость всего сочетания).

"Губной + мягкий губной" — такое соседство в записанном тексте встречается редко:

[вм']есто[2]

[фп']еред[3].

Мы бы ожидали здесь в речи Д.Н. Ушакова большей сохранности традиционной нормы.

Очень крепко сохраняется традиция в таких сочетаниях:

ны[н'ч']е[1]	ба[н'ш']ик[1]
то[н'ч']айший[1]	де[н'ш']ик[1]
зако[н'ч']ил[2]	же[н'ш']ина[1].

Перед йотом (или *й* неслоговым) мягкость сохраняется последовательно; об этом свидетельствуют такие примеры: *въезд*[1], *объем*[1], *объявить*[1], *отъезд*[1], *съезд*[1], *съехать*[1], *пьян*[1], *соловья*[1], *бью*[1], *пью*[1], *вьешь*[1], *съедают*[3], *навьюченные*[3], *о*[б'j]*ясняются*[2].

Очень хорошо сохранилась мягкость, идущая от соседа, в таких сочетаниях:

пото[м'к']и[1]	шля[п'к']и[3]
приста[ф'к']и (2 раза)[2]	де[ф'к']и[1].
в формулиро[ф'к']е[2]	

Но [р'] перед мягкими зубными произносится непоследовательно:

ка[р'т']ина[3]	са[рд']ины[3]
че[р'н']ила[3]	се[рд']итое[3].

Ср. еще: *платфо*[р'м']*е* (2 раза)[2], *ко*[р'м']*ить*[1], *фона*[р'ш']*ик*[1], а также *пе*[р'в']*енец*[1] (перед [в']), но *пе*[рв]*ый* (2 раза)[2], где [в] твердый.

Сравнив то, что слышно, с тем, что записано Д.Н. Ушаковым, —с его транскрипцией "Дачников", мы увидим, что транскрипция обладает высокой степенью точности. Расхождения невелики и не связаны со стремлением архаизировать произношение (у современного читателя, наслышанного, что Д.Н. Ушаков был сторонником "устаревшей" нормы, может возникнуть такое ожидание: нет ли в его транскрипции "пассеизмов", попыток воскресить ушедшее). Напротив, иногда транскрипции забегают во времени вперед: произношение Д.Н. Ушакова — [ц'в']*еты, ро*[ц'т'в']*енники,* его же транскрипция — с твердыми [т], [ц].

Транскрибировано так: [фп']*еред*, т.е. губные перед мягкими губными не представлены смягченными, так оно и есть на самом деле в произношении Д.Н. Ушакова.

Объективно указана и мягкость [р'] перед зубными, с одним исключением: в слове *сердитое* транскрибирована мягкость [р'], а в произношении оно, кажется, твердо. Впрочем, в записи не все легко прослушивается; может быть ошибка слуха.

Еще расхождения: транскрипция — *приве*[з'л']*и, о*[т'в']*ечала, о*[т'в']*ернулся.* В произношении: [зл'], [тв']. Характерно, что это именно те сочетания, которые изменились в оранжевой и алой системах. Д.Н. Ушаков не заметил новшеств в своем произношении (*сча*[ст']*ье*, конечно, опечатка — ДУ, НД:346); а в целом — транскрипция прекрасна по точности и детальности наблюдений. Есть немало отрицателей "бумажной фонетики" (но: всякое слуховое наблюдение должно, чтобы стать фактом научного сопоставления, превратиться в запись). Транскрипции Д.Н. Ушакова, сопоставленные с его звучащей речью, показывают надежность "бумажной фонетики" (разумеется, сравнение и критика источников при изучении транскрипций необходимы, но критика, а не отрицательство).

Прекрасная речь Д.Н. Ушакова, запечатленная на пластинке (или магнитофонной ленте), — это культурный памятник прошлого; как всякий настоящий памятник, она и сейчас жива, и сейчас поражает своей цельностью и гармоничностью.

Р.Ф. Брандт

Петроградец среди москвичей — вот речевое положение профессора Р.Ф. Брандта (1853—1920).

Роман Федорович Брандт родился в Петербурге; его отец — основатель и директор петербургского Зоологического музея, академик. Р.Ф. Брандт учился в петербургской гимназии, в Петербургском историко-филологическом институте (не окончил его), в Петербургском университете. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1886 г. он защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию.

В этом же году Брандт переезжает в Москву. Избран профессором по кафедре славянской филологии Московского университета. С этих пор он навсегда остался связанным с Москвой, с ее научными кругами, с Московским университетом. Это положение — петербуржца среди москвичей — придавало остроту языковым наблюдениям Брандта, в частности наблюдениям над собственной речью. Москвичи же нередко оценивали речевые нормы Брандта как чуждые им, петербургские. Для изучения периода, когда появились две орфоэпические столицы, весь этот материал интересен (и речевые самооценки Брандта, и отзывы о его речи со стороны москвичей).

Произношение его под влиянием московского окружения менялось, что придает еще больший интерес изучению его произношения: "Теперь я говорю в этом случае *звезный,* попривыкши к такому произношению в Москве... прежде же я произносил всегда *звёзный*" (РБ 1901: 5).

Для описания произношения Р.Ф. Брандта у нас есть такой материал:

1. Печатные его работы, где он высказывается об орфоэпических нормах.

2. Его рукописи в архивах Москвы и Ленинграда — такого же содержания.

3. Высказывания других лингвистов (в их печатных работах) о произношении Брандта.

4. Стихи Ореста Головнина (Р.Ф. Брандта). Стих и сам всегда выдает некоторые произносительные особенности пишущего, а тут еще стихи нередко сопровождаются комментариями самого поэта, разъяснениями, как эти стихи надо произносить.

Мягкость согласных, вызванная позиционно-соседним согласным, часто была ослабленной у Брандта (москвичи произносили эти же сочетания мягко). "Мои [д'э́фк'и], очевидно, взяли твердость и широкость у других падежей", — пишет он (РБ 1904: 40; ср. РБ 92: 132). Пишет так потому, что заметил у москвичей произношение [д'ӭф'к'и], с [ӭ] узким и [ф'] мягким.

В "Предварительном сообщении Орфографической подкомиссии" (СПб., 1911) предложено было писать вместо твердого "раздели-

тельного знака" всегда мягкий: *сьесть, обьявить*. Это разумное предложение мотивировалось тем, что существует и произношение [*с'*]*ьесть* и [*с*]*ьесть, о*[*б'*]*ьявить* и *о*[*б*]*ьявить*, так что и *ъ*, и *ь* — оба здесь были бы условны, оба не указывали бы произношения.

Текст "Предварительного сообщения": "В литературном наречии известно и твердое произношение согласных в приставках перед йотированными гласными" (с. 4). На экземпляре, бывшем у Р.Ф. Брандта, есть его заметка против слов "твердое произношение". Он пишет (видимо, не соглашаясь с категоричностью формулировки): "Среднее? Более твердое?"[150].

К примечанию, сделанному в "Предварительном сообщении", где упоминается, что Г.П. Павский отмечал именно такое твердое произношение согласных, Брандтом сделана на полях приписка: «Павский, помнится, был северянин; да ведь и я, петербургский уроженец, сказал (Рус. Фил. Вестник, XIV, 349: „Об устранении ъ"), что „в словах *объявить, съѣсть... б* и *с* — мягки", что потом (Лекции по историч. грамм. р. яз. Фонетика, 132) признал преувеличением: все полумягкие»[151].

Полумягкие, вместо мягких, свойственных московскому выговору, он отмечает и в своей "Фонетике" 1892 г.: *соло*[в'j]*ов* (РБ 92: 115), [б'j]*у*, [п'j]*у*, [в'j]*у* (РБ 92: 131). Также и зубные у него перед мягкими губными только полумягки: [с'в']*ерху* (РБ 92: 111), *на*[с'м']*ешник* (РБ 92: 115).

И даже зубные перед мягкими зубными (что уже и странно): [з'д']*ешний* (РБ 92: 116); этот пример несколько сомнителен, ведь и сейчас ленинградцы сохраняют мягкость первого зубного в этом сочетании: [з'д']*есь*, [з'д']*ешний*. Еще примеры: *Да*[н'ц']*иг, Да*[н'ц']*ига* (РБ 92: 112). Здесь полумягкость при мягком [ц'] не вызывает особенных сомнений.

Очень сильно петербургское начало проявилось в произношении конечных губных — он предлагал узаконить написания и *семь* и *семь*: "Если не считается ошибкой произносить *семь*, тогда как другие говорят *семь*, то незачем считать ошибкою обозначение твердости и на бумаге..." (РБ 1901: 4). Предложение вызвало отповедь Д.Н. Ушакова; говоря об орфограммах, отражающих колебания в литературном произношении, он замечает: "Я лично не могу, вопреки проф. Брандту, отнести сюда колебания *семь* и *семь*" (ДУ 11: 77), т.е. Ушаков *семь* не считает литературным вариантом произношения.

Напротив, совершенно неожиданна и таинственна у Брандта мягкость некоторых согласных. Он транскрибирует свое произношение так:

в'ёш'н'ьи	в'ий'ш'н'а
т͡ш'ир'ёш'н'а	в'ёж'л'ьвъи
г'р'ёш'н'ьк	пр'ёж'д'и
нас'м'ёш'н'ьк	н'ив'ёж'д'и
нъкан'ёш'н'ьк	ад'ёж'д'и (РБ 92: 115—116).
г'р'ёш'н'ьвъи̯а (каша)	

[150] Архив АН СССР. Ф. 90. Оп. 02. Ед. хр. 5. С. 7.
[151] Там же.

В словах с предшествующим широким гласным, как *башня, пашня,* [ш] звучит уже несколько тверже. Кроме того, даже сочетание [еш'н'] слышится не у всех: произносят также [з'д'ёш'н'ъи], [в'ёш'н'ъи], [т͡ш'ир'ёш'н'а], также [п'р'ёж'н'ъи][152], [п'р'ёж'д'и]" (РБ 92: 116).

Можно было бы это удивительное сообщение отвести как недостоверное ("слышал" же Брандт полумягкость [л'] в слове па[л']*ки*!). Но, вероятно, так легко нам от свидетельства Брандта не отделаться: все же он был внимательным наблюдателем (а если не стеснялся поправлять свои прежние наблюдения и прямо говорил об их ошибочности, то это его достоинство). Ведь и А.А. Шахматов заметил: "Некоторые лица произносят *ш', ж'* последовательно перед мягкими язычными: нас'м'еш'н'ик, пр'еж'н'ии, з'д'еш'н'ии" (АШ 13: 111)[153].

Видно, и впрямь такое произношение существовало. Но только у некоторых лиц. Брандтовы сочетания [ш'н'], [ж'н'] вызвали удивление и сомнение у Ф.Е. Корша (ФК 1902: 73). Р.Ф. Брандт отвечал: "...Относительно сочетаний *еш* и *еж* перед мягкостью, например: *вешьний, прежьний, вежьливый,* мой выговор заслуживает предпочтения. Тут звуки, некогда несомненно мягкие, имели за собою оставлявший по себе мягкость *ь* и по онемении последнего очутились перед мягкостью — откуда же тут могла возникнуть коршевская твердость: *вешъний, прежъний, вежъливый?* Очевидно, уста, вообще отвыкшие (вследствие отвердения слогов *жя, шя, же, ше, жи, ж-ь, ш-ь*) произносить мягкие шипящие, внесли твердые *ж* и *ш* также туда, где при звуковом развитии должны были сохраниться мягкие" (РБ 1904: 40).

Обе стороны полны удивления. Корш: как могут быть сочетания [ш'н'], [ж'н']? Брандт: откуда взяться сочетаниям [шн'], [жн']? Удивление Ф.Е. Корша более понятно: [ш, ж] отвердели во всех позициях; почему же только в одной они должны были сохранить мягкость?

Р.Ф. Брандт склонен ее рассматривать как глубоко традиционную, как неожиданное сохранение древнерусской мягкости [ш'], [ж'] в этой позиции (ср. таинственное существо в озере Лох-Несс). Нам представляется более правдоподобным другое объяснение.

В петербургском произношении известны *изя*[ш]*ный, мо*[ш]*ный* и т.д. Может быть, это явление скорее петербургского просторечия, чем литературного произношения (т.е. произношения интеллигенции). Тогда естественно стремиться полностью от такого произношения отмежеваться; появляются гиперизмы: вместо распространенного *изя*[ш]*ный, изя*[ш]*нее, мо*[ш]*ный, мо*[ш]*нее* произносят *изя*[ш']*ный, изя*[ш']*нее, мо*[ш']*ный, мо*[ш']*нее* — и, в виде бессознательного перевыполнения литературной нормы, допускались замены: *ве*[ш]*ний* — на *ве*[ш']*ний, гре*[ш]*ник* — на *гре*[ш']*ник* и под. Конечно, эта замена-гиперизм происходит не в произношении каждого отдельного лица: когда-то у каких-то лиц она произошла, а затем распространилась и стала передаваться по традиции. Р.Ф. Брандт описывает явление, уже явно

[152] В тексте опечатка: указано в этом слове сочетание[ж'н'].

[153] В.И. Чернышев тоже знает рекомендации Р.Ф. Брандта, но полностью их не принимает: "...*Здешний, прежний* и т.п. произносятся с твердыми *ж, ш*" (ВЧ 15: 45).

распространенное и имеющее традицию; во всяком случае, нет и намека на новость, необычность этой произносительной черты.

Если верно, что это — гиперизм, когда-то порожденный отталкиванием от петербургских форм *мо*[ш]*ный, изя*[ш]*ный,* то и самый гиперизм надо признать петербургской чертой[154].

Щ, конечно, была у Брандта сочетанием согласных [ш'ч']. Он пишет об усиленном (удвоенном) и мягком [ж':] в словах *езжу, дожди, дождик, дрожжи* (значит, у него не было замены [ж'] на [ж]; и была ли она вообще в это время у петербуржцев-интеллигентов?); и продолжает: таково же (т.е. мягкое и "усиленное", длительное) "*ш,* заменяющее по московскому произношению, *щ*: [гу́ш'ш'а], [пуш'ш'у́]" (РБ 92: 136). Значит, [ш':] для Брандта согласный заменяющий; что? Петербургское [ш'ч'].

О качестве *ч* сказано так: "*Ч* есть т' + ш среднее или же т' + ш', например [т͡ш'ес'т'] или [т͡ш'ес'т'], [нот͡ш'] или [нот͡ш']; во всяком случае, оба элемента мягки при последующем мягком согласном, например *на*[т͡ш'н'й], [п'ё͡т͡ш'к'и]. Тем, что *ч* обыкновенно состоит из *т* мягкого и *ш* среднего, объясняется на первый взгляд весьма странное явление, что *ч* суживает предшествующие гласные, но следующее за ним *и* расширяет: ср. [м'е͡т͡ш'] и [м'и͡т͡ш'и́ы], [п'е͡т͡ш'] и [нъп'и͡т͡ш'и́ы]" (РБ 92: 119). Мы было решили, что Брандтово наблюдение над произношением *ши, жи* ложно, но потом принуждены были, под влиянием слов А.А. Шахматова, взять свое сомнение назад. Здесь тоже не станем судить категорически: вероятно, так и произносили <ч> некоторые петербуржцы. Ясно, что с мягкостью—твердостью шипящих у них были сложные отношения (так, во всяком случае, выходит по Брандтовым самоописаниям)[155].

Еще одна таинственная черта в произношении Р.Ф. Брандта: он и́кает. Это отражено не только в его теоретических обобщениях (они приведены выше), но и в транскрипциях; ср. только что приведенные *на* [п'и]*чи,* [м'и]*чи* (от *меч*) и мн. др. Это он записал в 1892 г. В Москву же, как говорилось, приехал в 1886-м. Может быть, за эти годы им было усвоено московское и́канье? Или в Петербурге были уже люди, говорящие литературно и усвоившие и́кающую норму? Но откуда? Диалектное окружение Петербурга не наталкивало на и́канье; городская норма там оставалась экающей; контакты московской и петербургской интеллигенции не были особенно прочными; театр и в Москве, и в Питере пропагандировал эканье. Могло ли в северной столице быть обычным эканье, а ведь Р.Ф. Брандт не просто отмечает совпадение <э>—<и> в звуке [и], но и спорит с теми, кто

---

[154] У Брандта находим сообщение, что *ружье* и *мышьяк* произносились с [ж'], [ш'] полумягкими. Можем только с удивлением развести руками и оставляем это сообщение без комментариев (РБ 92: 131). Ср.: «Он [А.И. Томсон] утверждает, будто на этот счет с москвичами расходятся петербуржцы, произносящие здесь *и* [после *ш, ж*]. Не знаю, от каких петербургских книжников ему приходилось слышать выговор „ши, жи" — я с детства произносил „жить" почти так же, как „быть", а совсем не так, как „лить"» (РБ 1904: 18). Почти как... Значит, все же мягче?

[155] Он описывает русскую литературную речь вообще, но ясно, что всюду исходит из своей собственной речи.

считает их несовпадающими. В Петербурге ли ему не слышать такое произношение, с <э>—<и>, не испытавшими нейтрализации!

Можно предположить, что в Москве им действительно усвоено йканье, усвоено незаметно и исподволь, а память о петербургском оказалась поблекшей; вот и написал Брандт: "...Богородицкий... видит различие между звуками *е* и *и*" (в первом предударном слоге). "По-моему, предударное *е* и предударное *и* совпадают, как совпадают предударные *о* и *а*... *Е* и *и* звучат как довольно ясное *и*. Сравним глагольную форму *наплету* и выражение *на плиту*: сравним существительные *предел* и *придел, петух* и *питух;* родит. падежи *венца* и *винца, певца* и *пивца; развелась* и *развилась;* мне кажется, что мы в этих случаях говорим безразлично: [нъпл'иту́], [пр'ид'э́л], [п'иту́х], [в'инца́], [п'ифца́], [раз'в'ила́с]. Может быть, однако, произношение колеблется, так что иные соблюдают те оттенки, которые усматривает при указанных условиях Богородицкий..." (РБ 92: 37). "Может быть"... Явное петербургское э́канье Брандт не вспомнил.

В Петербурге предударный [о] произносили как [а^{ъ}] (хотя вряд ли это была такая же обязательная норма, как э́канье). Напротив, Р.Ф. Брандт пишет как будто о полном аканье, когда <а>, <о> в первом предударном слоге выражаются звуком [а]: "Но уж положительно не прав Богородицкий относительно *о* в предударном слоге, которое будто бы только приближается к *а,* но не совпадает с ним: множ. число к слову *вал* — [валы́] отличается-де от множ. числа к слову *вол* — [вåлы]. Эти слова звучат одинаково, и при звуковом письме (т.е. фонетическом. — *М.П.*) надо писать в обоих случаях *валы.* Сравним еще местоимение *сама* с родит. падежом сущ. *сом — сома́,* множ. число *пары́* и род. пад. сущ. *пора — поры́;* глаголы *подражать* и *подрожать;* глагольную форму *поколочу* и выражение *по калачу;* сущ. *окошко* и выражение *а кошка.* Последний пример считаю особенно веским, так как однажды произнесенное мною слово *окошко* было принято за два слова" (РБ 92: 38)[156].

Но, может быть, Брандт пишет не о том, что *о* звучит как *а* (совпадает со звуком [а]), а только о том, что *о* и *а* совпадают? Ведь выражение: *о* не приближается к *а,* а совпадает с ним — можно понять и так. Тогда понятно, что Брандт не дает транскрипции слов *валы — волы* и под., а лишь замечает, что при фонетической орфографии надо бы писать букву *а* (фонетическое письмо лишь приблизительно, в отличие от транскрипции, передает звуки). Об этом же, т.е. о том, что *о* и *а* совпадают, но не точно в звуке [а], а в каком-то другом, хотя и похожем (например, в [а^{ъ}]), говорит, может быть, и такое замечание: "Пожалуй, предударное *о* хорошо выражено у Богородицкого через *а̊,* обозначающее *а,* склонное к *о,* но тогда так же следует выражать и предударное *а*" (РБ 92: 145).

В таком случае его произношение было питерское: *в*[а^{ъ}]*лы́* и под.

Интересны наблюдения Р.Ф. Брандта над произношением заимствованных слов. Петербургские привычки сталкиваются с личной лю-

[156] Нападение на В.А. Богородицкого вряд ли обоснованно: он описывал свой, "волжский" вариант речи интеллигентов.

бовью Брандта к буквенному, "манерному" произношению. Он пишет: "...Я не согласен с Коршем насчет обычности у образованных россиян произношения јакоб'ӣн'эц, б'ӱро́, поэ́т... (на мой слух это произношение манерное)" (РБ 1904: 42). Не хочет он произносить даже согласные в словах *профессор, кассир, классы, кадеты,* ср. *kadett* (но *вилла, касса, группа* — с долгими согласными) (РБ 92: 138; см. еще РБ 1901: 45).

С другой стороны, по Брандту, произносится: *спецьялисту, грацьёзный, провинцьялов, спецьяльности, безапеляцьённый* (РБ 1901: 1, 3, 6, 7, 18, 32), *традицьённые* (РБ 1904: 15). Ф.Е. Корш недоволен: такое произношение "не только не соответствует моему произношению, но и кажется мне, москвичу, даже не русским, а скорее немецким, потому что я, как и все великороссы, когда говорю по-русски, никогда не смягчаю *ц,* а в производных от слов на *-ция* привык выговаривать полное *и* (то есть в данном случае *ы*), хотя от немцев слыхал, точно, Specialitat, Provincialismus, Appellationstrath с мягким *ц* и неслоговым i" (ФК 1902: 58).

На это Р.Ф. Брандт ответил: "Звук *ц* у меня, кажется, в таких словах не мягкий, а средний" (РБ 1904: 41), чем вряд ли примирил свое и Коршево мнение (и произношение).

Характерная деталь: в "Предварительном сообщении Орфографической подкомиссии" говорится о возможности вариативных написаний там, где колеблется выговор, и приведен пример: *принцип — принцып.* Р.Ф. Брандт на полях делает приписку: *лекцыя* и *лекция,* очевидно предлагая свой пример, демонстрирующий вариативность произношения, в данном случае более уместный по его мнению[157]. Значит, он кроме произношения *лек*[цы]*я* считал закономерным и другое: *лек*[ц'и]*я* (ср. РБ 1901: 38).

Как видим, анализ произношения Р.Ф. Брандта полон загадок. Оказывается, сложны были формы взаимодействия Москвы и Питера; много неожиданного и неотгаданного предлагает и собственно петербургская орфоэпия в "желто-зеленую" эпоху.

Итоги. 1. Во второй половине XIX в. русский литературный язык готов был разбиться на несколько потоков. Появились противостоящие друг другу типы произношения: так говорили разночинцы, новобранцы культуры, иначе — представители литературной речи, верные традиции; Москва и Петербург осознали свои произносительные различия как две орфоэпические нормы; появилась "ученая" речь, с особым произношением заимствованных слов. Но эти различия постепенно сглаживались и в ало-оранжевой норме были сведены на нет.

2. Театр впервые выступил как "орфоэпический камертон" общества. Велика его роль как сплотителя литературного языка, особенно в создании и хранении орфоэпических ценностей.

3. Крупнейшее переломное явление в истории русского литературного произношения — победа йканья — происходит в желтой системе, в конце XIX — начале XX в.

Это — победа закона Бодуэна де Куртенэ: количество гласных

[157] Архив АН СССР. Ленингр. отд. Ф. 90. Оп. 2. N 5. С. 13.

в первом предударном слоге, после мягких, уменьшилось с трех — *и, э, у* — до двух — *и, у*. Это процесс парадигматический: изменились законы чередования.

4. Факты алой—оранжевой систем не позволяли понять некоторые процессы в области позиционных сочетаний согласных. То, что открывается нам в системах желтой и зеленой, проливает свет на эти процессы. Идет формирование класса немаркированных единиц, изменяется функциональное соотношение твердых и мягких согласных. Это — изменение в области синтагматики. (Напомним, что дискретны, членятся на различительные признаки, только синтагматические единицы, только они могут быть признаковыми или беспризнаковыми.)

5. При этом обнаружилось, что два процесса, внешне совершенно различные, — замена мягких согласных на твердые в некоторых сочетаниях и утверждение йканья в слоге перед ударным гласным — являются проявлением общего направления в изменении языка. Оба процесса — выработка противопоставлений, где участвуют немаркированные единицы.

Следовательно, йканье связано и с парадигматикой, и с синтагматикой: а) это особые законы чередования; б) это законы сочетания немаркированных единиц,безударных (гласных *а, и*),с маркированными, ударными.

6. Речь-разговор на театральной сцене.

Выступления с публичными чтениями писателей-прозаиков (середина XIX в.).

Вечера поэтов (XX в.).

Судебное речеговорение, после судебной реформы 60-х годов XIX в.

Политическая полемика в Госдуме и других подобных местах.

Проповедь в церкви — на русском языке с евангельскими текстами на церковно-славянском.

Аукционы, массовые распродажи, заседания акционерных обществ.

Обсуждения трактатов в студенческих кружках.

Академическое красноречие.

Бытовая каждодневная речь...

Никогда до этой эпохи русский литературный язык не проявлялся так многообразно, в самых различных общественных функциях! Полностью раскрылись его силы и возможности.

И снова надо сказать: в этом богатстве разных произносительных выявлений языка выжило лишь то, что отвечало внутренним закономерностям его развития.

Исключения? Пожалуй, есть. Например, скудная жизнь фонемы <ӂ>, хотя, по закону Бодуэна, в качестве согласной она должна бы чувствовать себя бодро.

Глава четвертая

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА

Наиболее важное событие в жизни русского литературного языка первой половины XIX в. — признание бытовой речи культурной ценностью. Созидание, распространение, общественное приятие литературных норм для бытового говорения — этот важнейший культурный процесс протекал незаметно, постепенно, укромно, но полностью преобразовал все строение русской культуры и отношение к ней современников. Раньше культура (придворное искусство, военное устроение, официальные торжества и празднества на площадях, научные корпоративные заседания, дворцовые приемы) была: это то, что "там". От событий повседневности отделено пространственно и во времени. Таких-то лиц в такое-то время приглашают в Аничков дворец на бал. Ученые мужи да соблаговолят прибыть на заседание в такие-то апартаменты. Состоится смотр таких-то гвардейских дивизий, у офицеров форма — парадная.

И вдруг оказалось, что культура — это здесь, это всегда и везде. Она в первую очередь представлена языком, речью.

В предыдущую эпоху бытовая речь находилась за пределами литературного языка: она изобиловала и красками просторечия, и даже резкими диалектными чертами. Для культурных целей служил высокий стиль, но разговаривать на нем было нельзя. "Разговорная речь до самого конца XVIII в., или даже начала XIX в., не входила в систему литературного языка..."[1]

Выходили руководства, поучающие, как вести себя в обществе:

Старайся, чтоб твой нос был свеж и чист:
Не фыркал, не сопел, не издавал бы свист...[2]

Но и эти руководства имели в виду публичное поведение. Нос должен быть хорош при посторонних.

Культура речи вводила новое понятие: о нормах, которые должны были соблюдаться всегда. Люди не сразу привыкли к этому новшеству (см. раздел о влиянии диалектов на литературную речь).

Любой говор отстаивает свое существование и свою стабильность. Это выражается в том, что всякое отступление от привычной речи

---

[1] *Левин В.Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в.: Лексика. М., 1964. С. 12.

[2] *Пыляев М.И.* Старое житье. СПб., 1897. С. 95. Автор этой любопытной книги говорит, что цитируемое пособие вышло в 40-х годах XIX в.

осуждается, высмеивается, представителей соседнего диалекта дразнят. Своя речь признается лучше всех остальных; все другие говорят "не так". Это утверждение языкового существования на уровне обычая, привычки.

Значение противопоставления "наша речь — иная речь" понятно: различаются свои и не свои, нашенские и все остальные. (В отсталых культурных слоях это представление доминирует и при пользовании литературной речью.)

По-иному утверждает себя литературный язык, когда распространяется на быт и повседневность. Здесь важно сознание его культурного достоинства; возникает мысль, что он связывает современность и прошлое, одни культурные слои общества с другими. Литературный язык, вбирающий в себя и явления повседневной речи, непременно в той или иной степени преодолевает социальные преграды, и он возможен только в обществе, которое хотя бы в идее признает относительность этих преград.

Поэтому он возможен только там, где накоплены общезначимые и актуальные культурные ценности, которые стоит хранить. Сознание своего превосходства отступает на второй план; стремления дразнить тех, кто говорит на других языках, не возникает.

Русское общество начала XIX в. было готово дать литературному языку полноту социального функционирования: признать его и явлением культуры, и явлением быта; тем самым речевой быт превращался в явление культуры. Это оказалось возможным только потому, что была уже создана значительная художественная литература и фонд научных трудов. Повседневная речь стала и средством налаживания бытовых отношений, и способом существования культурных ценностей. Она была обеспечена не только общими обычаями, но и общей для всех говорящих культурой.

Литература была готова вступить в бытовую, непринужденную речевую стихию. Она сама осваивала ее в своем быту.

В эту эпоху изменился сам тип литературного общества. Неблизкий был путь: от официального ритуала "Беседы любителей русского слова" или "Вольного общества любителей словесности, наук и художеств" до бытовой непритязательности "Дружеского литературного общества", "Зеленой лампы", к озорству и шутливости "Арзамаса". Даже о наиболее умеренном из этих новых объединений, о "Дружеском литературном обществе", А.Ф. Мерзляков пишет: "...Простые искренние расположения друг к другу, свобода, сладостная беспечность, любезная мечтательность, взаимное доверие, любовь к человечеству, ко всему изящному, стремительность к добру, невинная, охотная, бескорыстная, даже исступленная, — вот что было жизнью наших собраний..."[3]

Лишь в начале XIX в. полностью складывается литературная бытовая речь, пригодная для любой тематики, приемлемая для всякого культурного круга лиц.

---

[3] *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 84.

В связи с этим бытовое произношение постепенно кодифицируется, приобретает культурное достоинство.

Более того: ввиду постепенной нивелировки высокого произносительного стиля именно бытовое произношение становится в центре русской фонетической системы.

Существует обывательское мнение, что русский литературный язык создал А.С. Пушкин. Взял и создал! (А как обойдешься без генералиссимуса?) Русский литературный язык и его бытовые формы создавались всем культурным обществом. Он медленно вырастал, развиваясь по своим внутренним законам, впитывая опыт художественного слова и проходя каждодневную шлифовку в речевой практике.

Но вспомним, что словесное художество является гарантом полноценного функционирования литературного языка. Поэтому нам не стоит недооценивать роль писательской братии в создании бытовой разновидности литературного языка.

Мемуарист пишет: в 40-е годы XIX в. «в ходу было чтение — иначе иные и не засыпали, как под чтение... Из русских писателей я помню успех Гоголя, „Бедных людей" Достоевского, „Записок охотника" Тургенева; В Крымскую войну вошел в моду Толстой... Если читали по-русски, то разговаривали между собой более по-французски, особенно женщины»[4]. Говорят, то, что усвоено в полусне, запоминается особенно прочно. Так или иначе русская художественная литература пролагала пути русской бытовой культурной речи.

Знаток театра А. Вольф так рассказывает о постановке одной бытовой пьесы в Александринском театре: А.М. Каратыгина "сыграла очаровательно роль светской барыни... Вся прелесть этого небольшого акта заключается, конечно, в уменье тонко вести разговор, так, чтобы зритель забыл, что он в театре и представил бы себе, что перед ним болтают не актеры, а настоящие светские люди. Каратыгиной и Сосницкому удалось довести публику до такой иллюзии. Со стороны русских артистов это настоящий подвиг. В наших великосветских салонах тогда, так же, как и теперь, по-русски не разговаривали, а потому нет ничего труднее, как вести светскую болтовню (une causerie) на нашем родном языке"[5].

Оказывается, и театр учил "светскому", т.е. культурному, разговору по-русски. Такая наука была предназначена не только салонам, а всем людям, владеющим русской речью. Театр учил, потому что сам учился у бытовой речи. Взаимно помогая друг другу, художество и жизнь строили литературное бытовое говорение.

Все же и театра, и художественной литературы было бы недостаточно для распространения литературного произношения в культурной среде. Сами слова "культурная среда" имели в эту эпоху скромный смысл. И хороших театров, и истинных театралов было немного. Как же в это время (начало — середина XIX в.) распространялась

[4] *Скальковский К.* Воспоминания молодости. СПб., 1906. С. 5—6.

[5] *Вольф А.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до конца 1855 г. СПб., 1877. Ч. 1. С. 61.

норма литературной бытовой речи (в том числе — произношение)? Очевидно, в первую очередь путем личных непосредственных контактов. Кастовость дворянства способствовала тому, что в эту речь, раз уж она освободилась от диалектных и просторечных примет, эти приметы больше не проникали.

Становится ясной устойчивость произносительной системы в этот период: передача произносительных привычек по семейным традициям, от семьи к семье, без значительного влияния книги, сцены, проповеди и т.д. — вот гарантия устойчивости этих привычек.

Носителями образцовой фонетической системы литературного русского языка, вряд ли, впрочем, особенно строгой, являлись в первые десятилетия XIX в. "образованные дворяне, преимущественно москвичи, и, вероятно, образованные же представители разночинства"[6]. Насколько велики были различия в произношении этих двух слоев, говорящих литературно? Мы думаем, в произношении — невелики. Во-первых, само дворянство было, по крайней мере в начале века, произносительно еще пестро. Позднее нормы установились, но их единство было еще недолговечным, не имеющим глубоких традиций (именно — традиций единства), и поэтому они не обладали особой принудительностью для "инакоговорящих", т.е. для демократических слоев интеллигенции.

Во-вторых, роль разночинной интеллигенции не была еще в культурной жизни так велика, как позднее, в 60—70 годах. Тон в области культурной жизни задавала дворянская интеллигенция.

Наконец, есть и "в-третьих". Даже в следующую эпоху, когда условия для обособления речи разночинцев были наиболее благоприятны, она все же в конце воссоединилась с общей традицией. Литературный язык — объединитель, для него мучительно, если происходит разделение его потоков: это умаляет его значение как средства всеобщего общения.

А в первой половине XIX в. предъявление претензий на отдельность тем более не имело оснований.

Значительное изменение, характеризующее эту эпоху, — исчезновение высокого оканья. Оно стало архаизмом в сценической речи, вероятно, уже в начале века (в восьмисотых годах); освободилось от оканья произношение стихов[7].

Проповедь, торжественная речь удерживали окающее произношение, может быть, более упорно, но эти жанры перестали быть актуальными для культурной жизни.

Падение оканья, т.е. различение фонем <а—о> в безударных слогах, имело глубокое значение.

Существовала теория трех стилей, созданная М.В. Ломоносовым и обретшая большой авторитет. М.В. Ломоносов нашел пути сочетания церковно-славянской и русской языковых стихий. Каждый речевой жанр принадлежит к определенному стилю. В высоком стиле употреб-

---

[6] *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX в.: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. 2-е изд. М., 1954. С. 5.

[7] Здесь по традиции полагается вспомнить рассказ И.С. Тургенева "Пунин и Бабурин". Выполняем ритуал.

ляются церковно-славянские слова и нейтральные русские (те, которые принадлежат обоим языкам). В среднем стиле употребляются слова, общие для обоих языков, и в умеренном количестве — высокие, церковно-славянские слова. Низкий стиль строится без высоких слов. Для бытовой речи подошел бы, очевидно, средний стиль: не торжественный и не "подлый".

Но сам "способ изготовления" этого стиля не пригоден для разговора. Слишком этот способ ориентирован на химию: сколько одного вещества надо долить к определенному количеству другого вещества, чтобы пошла реакция.

Трудно предположить, чтобы говорящие раздумывали, достаточно ли они употребили церковно-славянских слов или, выполняя жанровые требования, их надо добавить.

Держаться в рамках строго установленных жанров (потому что именно жанры имели стилистическую определенность) в живой речи было тоже невозможно. Выбрав жанр, говорящий больше уже не имел свободы выбора: он должен был следовать жесткой стилистической квалификации жанра. Все это говорит о невозможности применения теории трех стилей для созидания бытовой речи.

Наконец, для нас наиболее существенное: теория трех стилей не дает возможности выработать единые орфоэпические нормы. Церковно-славянские произносительные нормы — одни, собственно русские — другие. Соединяя в едином потоке слова двух языков, какие же следует выбрать нормы? Одни слова, церковно-славянские, произносить с оканьем, другие, русские, снабдить аканьем? Эта какофония неприемлема.

Как слить два требования: достичь четкого орфоэпического единства литературной речи и в то же время дать каждому собеседнику свободу произносительного выбора? Так, чтобы он варьировал речь — нет, не в зависимости от жанровых колодок, а следуя цели и назначению разговора, по велению ситуации, повинуясь изменчивому своему намерению?

Решения могут быть разными. Начало XIX в. широко использовало одно из них: "мутабильные" фонематические единицы[8]. Мутабильная фонема имеет (в одной и той же позиции) два фонетических облика. Так, есть фонематическая мутабильная единица <о/э>. В определенных условиях она может быть представлена либо звуком [о], либо звуком [э]. Эти условия: под ударением, после мягкого согласного. Сильный член этой единицы — [о]: если слово допускает форму [гн'от], то допускает и [гн'эт]. Возможна мена [о] на [э] — в описанных условиях. Чем можно руководствоваться в этом выборе? Выбор идет между торжественным, условным, отвлеченным, поэтическим, старинным, библейским, связанным с бытом XVIII в., трагическим, фи-

[8] И.А. Бодуэн де Куртенэ писал об особой фонеме i-mutabile, об [и] переменном: в одних условиях эта фонема реализуется звуком [и], в других — звуком [ы]. Теперь это называется позиционным чередованием. Здесь термин Бодуэна де Куртенэ используется в ином значении: мутабильная единица — такая, которая объединяет две фонемы, свободно варьирующиеся в одной позиции, так что обе вариации принадлежат одному и тому же слову.

лософским, героическим, иносказательным (с одной стороны) — и бытовым, обыденным, конкретным, прозаическим, домашним, будничным, непосредственно-чувственным, шутливым, добродушным, дружеским, бесчувственно-равнодушным, нейтральным (с другой стороны).

Именно в этом направлении и пошло развитие высокого фонетического стиля с начала XIX в.: то, что было неподвижно закрепленным в языке, что выступало стандартизованным средством торжественности, превращалось в средство, индивидуально и гибко используемое в разных текстах с разным экспрессивным назначением.

Не три установленных стилевых ранга, а богатство индивидуальных речевых построений. Каждое стихотворение Пушкина (и Баратынского, и Батюшкова, и Тютчева...) — стилистическое открытие все новых и новых возможностей русского языка. Сами жанры при этом не отменяются, а становятся текучими, пластически-переменчивыми, индивидуально-выразительными.

И обыденный разговор на литературном языке теперь нередко становится актом творчества.

Мутабильные фонетические единицы в русском языке начала прошлого века — это <о/э> (позиция была указана), <г/г> (в любых позициях), может быть — <ч/ш> (в позиции перед [н], [н']). Они позволяли варьировать стилистико-эмоциональную окрашенность текста.

К середине века мутабильность этих единиц угасает. Были найдены другие приемы выразительности, главным образом — среди суперсегментных единиц: интонации, паузировки, изменения силы голоса (игра фразовыми и логическими ударениями), речевого темпа и т.д.

СОСТАВ ФОНЕМ

Синтагматика. В голубой системе те же синтагмо-фонемы, что в зеленой.

Парадигматика. В голубой системе столько же парадигмо-фонем, сколько и в зеленой.

Буквы *е* и ѣ изображали один и тот же звук — одну и ту же фонему. Ф.И. Буслаев с полной откровенностью писал: "Основываясь только на предании, пишем *смотрѣль*, а не *смотрель*" (ФБ: 24). И добавлял: "Буква ѣ для нас то же, что *е*" (ФБ: 28). И мы, конечно, Буслаеву верим.

Но иногда чувствуется, что, изучая голубую систему, мы подходим к рубежу, за которым (перед которым) ѣ вел свою особую, отдельную от *е* жизнь.

С.П. Шевырев сумел расслышать такую тонкость: "Особенная мягкость в звуке ѣ слышна и теперь еще во втором слоге местоимения *тебѣ*, так, как его простой народ произносит"[9]. Почему можно

[9] *Шевырев С.П.* "Чтения о Русском языке" Николая Греча. СПб., 1840 // Москвитянин. 1840. N 3. Ч. 2. С. 188. Ср. другое (менее убедительное) свидетельство о мягкости согласных перед ѣ: "Разве нужно при мягком ѣ, при твердом *е*, еще одно твердое э?" (*Качановский М.* Исторический взгляд на Грамматику Славянских наречий // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М., 1817. Ч. 9. С. 39).

верить этому наблюдению? Как увидим, усиленная мягкость согласных перед ѣ — факт, ясно установленный для более раннего периода русского литературного языка (для середины XVIII в., тем более для его начала и для XVII в. ...). Где могла дольше всего пережиточно сохраниться такая супердиезность? Скорее всего, у губных согласных (перед ѣ), в словах особенно частотных.

Частотные слова, и мы это уже наблюдали, особенно устойчивы в своем фонетическом облике. Вспомним поведение мягких согласных перед мягкими согласными. Но личные местоимения очень часты в потоке речи. Они должны быть фонетически консервативны.

Губные скорее всего могли сохранить усиленную мягкость перед <ѣ>. Как увидим (в гл. 6), супердиезность была обусловлена *и*-образным началом, свойственным фонеме <ѣ>. Но после губных мягких *и*-образная глайдовая часть есть всегда, перед любым гласным; перед <ѣ>, фонемная природа которой требовала *и*-образного перехода, он должен был вытянуться длиннее, чем перед другими гласными. Значит, после губных он был удвоен (или уполторен), т.е. значителен по длине. Он, удлиненный, был надежным хранителем сильной (*и*-образной) мягкости губных согласных.

В слове *тебѣ* эти два условия объединились; если где и сохранилась реликтовая супердиезность, свойственная согласным перед <ѣ>, то скорее всего в этом слове (и в слове *себѣ*).

Неопределенны, однако, слова С.П. Шевырева: "...как его простой народ произносит". Что подразумевается? Диалектное произношение? Вряд ли: в диалектах ѣ как особая фонема сохранялся не только реликтово; и трудно предположить, что имелся в виду какой-то конкретный (не названный) диалект, с этим реликтовым *ме*[б'э]. Может быть, городское просторечие? Или демократический вариант литературного языка? Ответа нет. Все же следует заметить и запомнить (для изучения более ранних систем) этот дальний отголосок фонемы <ѣ>. Она исчезла, а эхо ее еще, может быть, звучало в одном закоулке фонетической системы.

Впрочем, говорить об этом можно только предположительно. Не ошибся ли С.П. Шевырев?

Для определения состава согласных фонем важны такие наблюдения: "По всему вероятию, Русская б[уква] *ж* из *д* в древнее время звучала несколько отлично от обыкновенного *ж*, может быть несколько острее и с легкой помощью *д*, как и теперь слышим в Московском выговоре, в словах *приеж-джять* вм. *пріѣзжать, дож-джя* вм. *дождя* (у Павского поставлен областной выговор *дошь*) и пр." (МК: 97). Вывод такой: в голубой системе существовала фонема <ж'>, она реализовалась долгим мягким [ж'] или [ж'$^{д'}$ж'] — так же, как и позднее (в зеленой системе и следующих за ней).

Завидной устойчивостью отличалась и фонема <γ>. А.Х. Востоков, как всегда, отчетлив в своих формулировках: "Мягкая *г* имеет две соответствующие ей твердые буквы *х* и *к*, потому что сама произносится двояко, как *g* и как *h* латинские: первому из этих мягких звуков

противополагается твердая согласная *к*, второму *х*" (АВ: 181—182)[10]. Его примеры: Глас Господа Бога=Hlas Hospoda Boha, а не Glas gospoda Boga (АВ: 182); с [γ] произносятся так же слова *Гамбург, Багарне* и др. (АВ: 181).

Г.П. Павский так обозначает соответствия звонких и глухих (по его терминологии — глухих и ясных):

глухие	ясные
г (в знач. *g*)	*к*
г (в знач. *h*)	*х* (ГП: 110)[11].

Примеры: *рогъ* — читай *рок, благъ* — читай *блах, чертог* — читай *чертох* (НГ: 115)[12]. Здесь звуком [х] — реализуется <γ> в позиции конца слова (ГП: 134—135).

Г.П. Павский дает такие разъяснения о букве *г*: "Произносясь за *h*, она соответствует ясной букве *х*, а произносясь за *g* соответствует ясной букве *к*. Случаи, когда надобно произносить ее за *г* (? — *М.П.*), весьма малочисленны. Старинное ее произношение, изменяемое однако ж в конце слов на *х*, остается в словах, изображающих священные и важные предметы, и в словах, взятых из церковного языка, каковы: *Богъ, Господь, Государь, Господарь, благо, благоговѣніе, благодарю* (и пр. составленные с *благъ*), *чертогъ, хоругви, извергнуть, изверг, врагъ, исторгнуть, восторгъ, горній, югъ, глаголь, подвигъ*. Иногда в одном и том же слове произносили *г* за *h*, когда идет речь важная; а когда идет речь простая, выговариваем *г* за *g*. Напр., *долг благодарности требует* и пр.; *платить долги не принято*. В 1-ом примере долг с *г=h*, во 2-ом с *г=g*" (ГП: 135). Заметим противоречивость в примерах: по Павскому — *извер*<γ>, по Востокову — *извер*<г>. Но большинство примеров одинаково у разных наблюдателей. А ведь разнобой и явился бы знаком необязательности, умирания этой фонемы. Нет, смерть была еще для нее не близкой.

О том, что согласные не только изображались на письме теми же значками, что и в более позднее время, но и на самом деле были в своих основных качествах теми же звуками, говорит классификация звуков С. Барана. Он впервые дал полную классификацию согласных:

		Шепотные	Голосовые
Полное замыкание	а) под влиянием губ	П	Б
	б) под влиянием языка	Т	Д
	в) под влиянием небной занавески	К	Г (g)

[10] Ср.: "Мягкая *г*, произносимая с придыханием, как *h*, обращается в *х* перед твердыми согласными и в конце слов...; напр., *Богъ, югъ, чертогъ, подвигъ* произносятся как *Бох, юх, чертох, подвих*... В конце слов... густая *г* обращается в *к*; напр., *снѣгъ, лугъ, долгъ, извергъ*... произносятся как *снек, лук, долк, изверк*..." (АВ: 190).

[11] Ср.: "Недостает же в сей азбуке: в согласных знака для густого дыхания, латинской буквы *h*: сію букву заменяет гортанная средняя (*г*), но не достаточным образом" (НГ: 79).

[12] Точная рифма у Н.И. Хмельницкого:

Какое счастіе! Я вижу вас однѣхъ!
Гдѣ жъ батюшка? Княжна! Мнѣ дорогъ каждый мигъ.

(Соч.: В 2 т. СПб., 1849. Т. 2. С. 178. Везде дальше указываются страницы этого издания)

		Шепотные	Голосовые
Неполное замыкание	а) под влиянием губ	Ф	В
	б) под влиянием языка в пределах зубов	С	З
	в пределах нёба	Ш	Ж
	в) под влиянием небной занавески	Х	Г (h)
Пересечение	г) под влиянием языка (в пределах зубов)		Л
Дрожание	а) под влиянием языка (в пределах зубов)		Р язычное
	б) под влиянием небной занавески		Р гортанное[13]
Носовые звуки	а) под влиянием губ	М	
	б) под влиянием языка	Н[14].	

Таблица прекрасна: она позволяет утверждать, что набор согласных единиц был в голубой системе тот же (в главных их особенностях), что и в более поздних[15].

Различие мягких—твердых тоже было в принципе тождественно тому, которое сейчас существует в русском языке; см. об этом дальше, в разделе "Диезные—недиезные".

В языках существуют "мутабильные", изменчивые фонемы.

В начале — середине XIX в. мутабильной была фонема <о>. После мягких согласных под ударением она реализовалась гласным [о], но в той же позиции, в высоком стиле, — гласным [э]. Фонема <э> в этой позиции реализовалась гласным [э].

Эту мену ([о/э]) можно считать фонетической только при одном условии: если она осуществляется в разных, во многих типах словоформ. Предположим, эта мена появляется только в страдательных причастиях (*умуд*[р'он] — *умуд*[р'эн]); тогда это — мена аффиксов <он> — <эн>, имеющая стилистический смысл. Мена не звуков, не фонем, а аффиксов. Фонетика равнодушна к такой мене.

Посмотрим, каковы же случаи замены [о] на [э] в описанной позиции у представителей русского литературного языка начала — середины XIX в. У К. Батюшкова[16]:

жжет — свет 62, *ведет — нет* 64, *живет — нет* 71, *течет — вслед* 86, *отдает — идет* 107, *дает — цвет* 119, *принесет — бед* 165, *поет — лет* 225;

---

[13] Разъяснение: "Косноязычные никак не могут обойтись без него, и некоторые французы тоже" (*Баран С.П.* О стихиях человеческой речи // Маяк. 1844. Т. 17. Кн. 34. Гл. 3. С. 81).

[14] Там же. С. 88.

[15] Мы не знаем, была ли той же степень напряженности согласных артикуляций в каждой позиции, степень их длительности в каждой позиции, степень звонкости и т.д., что и в позднейших системах. Опасаемся, что в ближайшее время не будет создано способов, чтобы это установить.

[16] *Батюшков К.Н.* Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964 (везде дальше указываются страницы этого издания).

развеселенный — драгоценны 110, *уединенный — пенной* 115, *опустошенный — священный* 153, *разъяренных — священных* 178—179, *перенесенный — незабвенный* 187, *удрученный — драгоценный* 205; *душей — дней* 83, *стезей* (твор. п.) — *полей* 166, *змией — своей* 166, *зарею — к Пирею* 178, *струей — степей* 193, *землей — частей* 194, *струей — дней* 209;

слез (сущ.) — *небес* 115, 223, 229, *сéла* (сущ.) — *опустелый* 154, *зеленой — пеной* 165, *тяжелый — поседелый* 172, *сел* (сущ.) — *стрел* 174, *жен — Демосфен* 177, *принес — чудес* 178, *упрек — навек* 188—189, *полумертвой — жертвой* 183, *веселой — Филомелы* 190, *принес — исчез* 196, *жен — сирен* 199, *веселый — кипело* 201, *повел — стрел* 201, *унес — небес* 206, *времен — плен* 203, *полет — хребет* 224, *дерн — серн* 225, *привел — дел* 235, *слез* (сущ.) — *исчез* 240, *мертвы — жертвы* 247.

Из перечисленных групп важнее всего последняя, где [о] заменяется гласным [э] в корнях, во всем их разнообразии. Ясно, что это никакая не грамматикализация. Всякий [о] в позиции t'α[17] может меняться на [э], т.е. явление это имеет фонетическую квалификацию[18].

Мена не обязательна: *веселых — голых* 56, *порабощен — сон* 77, *чешуею — главою* 92, *слезы — розы* 140, *кошелек — легок* 180 (К. Батюшков).

Насколько же далеко зашла свобода выбора, т.е. его факультативность?

В шутливой поэзии встречаем исключительно рифмы типа *нёс — вопрос, идёт — кот.* Например, А.Е. Измайлов для своих басен избрал такие рифмы: *он — жирён, рот — идёт, с припёкой — высокой, умён — фараон, понёс — пёс* (поставлены две точки над *ё*), *Матрёна — Наполеона* и т.д. — полтора десятка таких рифм в его баснях и сказках. И одна вот какая: *Зевес — пес.* Рядом с *Зевсом пёс* не посмел явиться... Последовательная приверженность к [о] в этой позиции очевидна[19].

В комедиях Н.И. Хмельницкого[20] рифмы типа до *слёз — волос, озабочен — пощочин* (их более двух десятков) не имеют соперников... но вот поэт пародирует трагедию[21] — и именно здесь появляются "трагические" рифмы (которые, на комедийном речевом фоне, звучат смешно): *подземный — из бездны темной, осужденных — надменных, осужденны — дерзновенны, раздраженно — непременно, жертву — полумертву, священны — раздраженны.* Только в этой пародии.

Для комедии годится одно, для трагедии (хотя бы воспроизводимой пародийно) — другое.

---

[17] Как видно из примеров, мена закономерна не только после мягких, но и после [ж, ш].

[18] Не все возможные в языке деривационные морфемы представлены в рифмах поэтов первой половины XIX в. Могла ли быть мена в словах типа *кулёк, стебелёк, окунёк, огонёк, кофеёк, гребешок, крючок*? Материала для ответа у нас нет. Но если в каких-то деривационных образованиях мена была запретной, то именно запрет и надо считать грамматикализацией, которая не мешает все остальные случаи (когда мена возможна) квалифицировать как чисто фонетические.

[19] *Измайлов А.Е.* Сочинения. СПб., 1849. Т. 1.

[20] *Хмельницкий Н.И.* Указ. соч.

[21] Водевиль "Греческие бредни" (Там же. С. 232—274).

Здесь мы встретились с такой чертой голубой системы, как проницаемость стилей. В пределах одного и того же произведения возможен переход от одного стиля к другому, их совмещение, их чередование...

Сама категоричность отказа от произношения [н'эс], [ид'э́т] у разных поэтов, в одном и том же жанре может быть различной. А.Е. Измайлов от такого произношения решительно отказался, а у А.И. Крылова оно нередко встречается в его баснях[22]:

...Орел
Не много посидел...
...С голубкой голубь врозь живет,
Любви в помине нет...
... — Признавайся, что тебе завидно
Смотреть на мой высокий столь полет!
— Завидно? Право, нет!..
... — Коль до когтей у них дойдет,
То, видно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!..
...И зашумели:
Кому из них идти приличней наперед?
А в аде первенство, известно, тот берет,
Кто ближнему наделал больше бед...
...Журавль свой нос по шею
Засунул Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил...
...Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет...

Такие рифмы встречаются не часто, но они устанавливают уровень "простоты" крыловских басен (на ступень дальше от быта, от непритязательной бытовой речи, чем басни А. Измайлова).

Следовательно, сам жанр еще не предопределяет выбор: [о] или [э]. Есть простор для индивидуальной воли, для своей интерпретации стиля, для различий внутри жанра. Этот простор обеспечивает мутабильная единица, для того она и поощряется, и удерживается языком.

Речь шла о шутливой поэзии, о комедии, о басне.

Теперь возьмем другую крайность — трагедию.

Вот выразительная мольба зрителя: «Я восхищался игрою Каратыгиных, я восхищался, забывал себя, был поражен, очарован. Вообразите же, представьте — каково мне было, вдруг, без приготовления, без постепенности очнуться из сего самозабвения, низвергнуться из идеального мира в мир вещественный, прозаический... И все это наделала буква *ё*! Вы улыбаетесь? Да, милостивый государь, буква *ё*. Не помню, в какой сцене, не помню, в каком слове (все смешалось в моей памяти сим неожиданным антиграмматическим звуком), знаю только, что в полном страдательном причастии, эта царица нашей сцены, эта образованная, изящная актриса г-жа Каратыгина произнесла букву *ё* — и очарование для меня исчезло. Как вы, милостивый государь, произносите — *просвещенный, восхищенный, побежденный, утвержденный?* Уж не так ли, как г-жа Каратыгина — *просве-*

[22] Тем самым оправдывается шутка П.А. Вяземского: Измайлов — подгулявший Крылов; т.е. стиль у одного более снижен, чем у другого.

щённый, восхищённый, побеждённый, утверждённый? Да сохранит вас от сего тяжкого греха гений грамматики! Может быть вы укажете мне на юных наших поэтов, на молодых учителей Русской грамматики. Читал я юных поэтов, слыхал молодых учителей на кафедре; но, милостивый государь, рассудите сами — причастия, Славянские формы, принадлежащие почти исключительно книжному языку, среднему и высокому слогу, можно ли произнести на *ё*!.. Вы укажете на так называемые усеченные причастия — *просвещён, восхищён, побеждён, утверждён*. Так они произносятся большею частью на *ё*, но это потому, что сии формы, замещающие недостаток страдательных глаголов, суть достояние общее — и высокого языка и простого; а чем ближе к народному языку, тем чаще услышишь *ё*.

„Милостивый Государь! — продолжает вопить любитель сценического искусства, защитник традиций. — Если вы имеете хоть каплю сострадания; если вы сколько-нибудь уважаете предания отцов наших, сладкозвучное богатство, сохраняемое только в устах народа — вступитесь, вступитесь за Русскую Грамматику!.. На что не посягали в наши времена святотатственные руки!.. Вступитесь же! Бейте, разите, гоните! Нет пощады!"

(Любители незыблемых традиций всегда кончают одним и тем же. — *М.П.*)

Подписано: "Отставной учитель Русской Грамматики..."»[23].

Эта жалоба тоже говорит о мутабильности <о/э>: артист мог, пользуясь правом, которое ему дало время, избрать либо то, либо другое произношение — вызывая, возможно, недовольство или одной, или другой части зрителей.

Но время идет, и М.Ю. Лермонтов уже отважно рифмует (1831):

Я вижу длинный ряд тяжелых лет,
А там людьми презренный гроб, он ждет.
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Всё в жизни для неё, а всё любил.

Автор доверяет читателю, он знает, что читатель избежит соблазна и прочитает: *лет — ж*[д'э]*т*, приняв первые два стиха за рифмованные. В лирико-интимных стихотворениях это стало невозможным.

Но философская лирика сохраняет мутабильность <о/э>. Об этом говорят стихи Е. Баратынского и Ф. Тютчева, И. Аксакова и Н. Огарева.

И гораздо позднее эта возможность полностью не исчезает, только мотивировка для выбора [э] должна быть более жесткой и требовательной. Такая мотивировка есть, например, в поэме Н.А. Некрасова "Несчастные" (1856):

Ругаясь буйно над кумиром,
Когда-то сердцу дорогим,
Я мог бы перед целым миром
Клеймом отметить роковым
Твой путь. Но за пределы гроба
Не перешла вражда моя,

[23] Молва. СПб., 1833. N 59. С. 235—236.

Я понял: мы виновны оба...
Но тяжелей наказан я!
Года чредой определенной
Идут, но время надо мной
Остановилось: страж бессменный,
Среди той ночи роковой
Стою...

.....

Прошло два года.
Настал святой, великий миг,
В скрижалях царства незабвенный,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовест достиг.

Исследователь пишет: «Поэт рифмует *незабвенный — отдаленный, определенный — бессменный*... Нигде больше, ни в одном произведении Некрасова, кроме „Несчастных", не сталкиваемся мы с подобными фонетическими архаизмами. Академик В.В. Виноградов в „Очерке по истории русского литературного языка" указывает, что такая огласовка исчезает в стихах уже во второй половине двадцатых годов. Языковая деталь в данном случае определена всем строем повествования: „установкой на романтизм". Н.А. Некрасов „воплотил свой замысел в художественных формах, воспринятых от предшественников»[24].

В бытовой речи [н'эс] и проч. было невозможно уже в начале XIX в. Поэтическая речь сохранила верность мутабильным единицам и в значительно более позднее время.

Как речевой резерв мутабильные единицы вообще вышли из подчинения времени, и их воспроизведение возможно всегда — при достаточной мотивировке. Мотивировка может быть очень различной: шутка, погоня за исторической достоверностью (если произведение — на тему о прошлом), звуковая игра, философическая торжественность, перевод на русский язык иноязычного произведения романтической эпохи, пародирование, поэтический эксперимент.

В.В. Маяковский, объявляя на поэтическом вечере о выступлении Мачтета, провозгласил:

— Поэт Тарас Мачтет стихи проч[т'э]т![25]

Другая мутабильная единица — <γ/г>. С тем только отличием от <о/э>, что перевес здесь, с самого начала XIX в., оказался очень сильно на стороне <г>. Чаши весов — не в равновесии.

Был ряд слов, где произносили только [γ] (в позициях оглушения —

---

[24] *Жовтис А.Л.* К вопросу о генезисе революционного романтизма в творчестве Н.А. Некрасова // Вестн. АН Казахской ССР. 1951. N 12. С. 81—82.

[25] О том, что мутабильные отношения между *о* и *э* сохраняют свою жизненность и в наши дни, говорит такой факт. Есть глагольные пары: [н'э]*с* — [н'о]*с*, *пере*[н'э]*с* — *пере*[н'о]*с*, [т'э]*к* — [т'о]*к*, *пере*[т'э]*к* — *пере*[т'о]*к*... Глагол *пересек* (этимологически *пересѣкъ*) всегда имел произношение только с [э] — и исторически не мог иметь иного. Но под влиянием отношений *пере*[т'э]*к* — *пере*[т'о]*к* и под.•он недавно, в алой системе, получил еще и новую огласовку: *пере*[с'о]*к*. Рифма Н.А. Заболоцкого:

...Копьем алмазным небо пересек...
...Нарушить мог один лишь человек...

стала восприниматься как торжественный архаизм.

[х]). Программу-минимум дает В.А. Васильев: только слова *бог* и *убог*[26]. Другие наблюдатели предлагают более длинный список слов с обязательным [γ], но у всех он сравнительно невелик.

Был ряд слов, где обитал только согласный [г]. Это бытовые слова, которые не могли мечтать явиться в богословском, или философском, или стихотворном тексте, кроме разве басни и комедии; вот они, такие слова: *голик* (веник), *гумно, грыжа, заголиться, голосистый, губастый*... Их не так мало.

Остальные слова могли произноситься и с [г], и с [γ]. Могли, но явно в огромном большинстве случаев предпочитали [г]. Несерьезный (и очень остроумный) Н.И. Хмельницкий рифмует то *вдруг —рук, недосуг — рук, берег — будет прок, стук — вдруг,* то *дух — вдруг, дух — друг*[27]. А.Е. Измайлов один раз срифмовал *Бог — помог* (т.е. явно *помо*[х]), да и закаялся: больше у него нет рифм, требующих <γ>. Одни требуют такого произношения, другие — иного, не лучше ли избежать конфликта?

Были попытки искусственно оживить [γ]. Географ С. Барановский писал: "Петр Великий, преобразуя азбуку... не удержал придыхания, соответствующего звуку [h]; Екатерина Великая очень основательно сожалела об этом. В правописании нашем этот звук заменялся двумя буквами: чаще всего пишут *г*, иногда *х*. Я решился употреблять отвергнутое придыхание и употребляю его в моих географических работах"[28].

Попытки гальванизировать в научной речи фонему <γ> продолжались и позже в зеленой системе (см. предыдущую главу). Они были безрезультатны.

Мутабильная единица <о/э> существовала только для поэтической речи. В бытовой ее не было.

Мутабильная единица <г/γ> была небезразлична и для поэтической, и для книжно-научной, и для бытовой речи. И в быту надо было решать, как говорить: [г]*осподин* или [γ]*осподин*...

Наконец, мутабильная единица <ш/ч> (перед [н], [н']) именно для бытовой речи и была в первую очередь актуальна (см. об этом дальше).

Все эти мутабили жили в голубой системе и постепенно сникали в последующих... Язык находил иные пути и сохранить строгое следование норме, и обеспечить свободу стилистического, экспрессивного, эмоционального выбора... На первый план выдвинулись суперсегментные единицы.

---

[26] *Васильев В.А.* [Рецензия] // Маяк. 1844. Т. 17. Кн. 33. — Рец. на кн.: Готтес А.О. Основание всеобщей словесности и происхождения русского языка. СПб., 1844.

[27] И в слове *бог* тоже были возможны варианты с <г> и с <γ>, но они имели скорее семантический, чем стилистический характер. Античным богам не была положена фонема <γ>, и они довольствовались фонемой <г>: *бо*[г']*и Древней Греции, бо*[к] *Аполлон*... Г.П. Павский пишет: "Иногда в одном и том же слове произносим *г* за *h*, когда идет речь важная; а когда идет речь простая, выговариваем *г* за *g*. Напр., *долг благодарности требует* и пр.; *платить долги не приятно*. В 1-м примере долг с *г=h*, во 2-м с *г=g*" (ГП: 135).

[28] *Барановский С.* О согласовании правописания с произношением // Иллюстрация. СПб., 1848. N 9. С. 143.

На судьбу мутабильных единиц можно посмотреть и с другой стороны: насколько она отвечает внутрифонетическим тенденциям развития языковой системы?

На гласные [о—э] приходилась большая нагрузка: они и дифференцировали слова, и отмечали стилистическую принадлежность. И это во время, когда действует закон Бодуэна де Куртенэ! Закон, направленный против функциональной перегрузки гласных! Нет ничего удивительного, что постепенно такая мена становилась все более редкой и к началу XIX в. стала редкостной, стала признаком индивидуально-необычных стилей[29].

Мена [о/э] свидетельствовала не только о стиле, но и о жанре речи: она возможна только в поэзии; самая выспренная проза (кроме, может быть, церковной проповеди) чуждалась ее. Уменьшение роли одических жанров в поэзии означало и падение <о/э>, мутабильной единицы.

Напротив, постепенное увядание фонемы <γ> противоречит закону Бодуэна де Куртенэ: закон ведь покровительствует согласным. Причины этого фонетического бедствия лежат вне фонетики: нет особой буквы для <γ>; мало слов, где фонема <γ> обязательна; в большинстве слов фонема <γ> может быть заменена фонемой <г>, а эта последняя представлена во множестве слов... и поэтому явно осиливает <γ>.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОНЕМ

СОГЛАСНЫЕ

Вокальные—невокальные

Мы привыкли в словах *вихрь, вопль, мокр, ритм, пошл* произносить конечные сонорные полновесно, звонко, не мешая даже появляться перед ними краткому гласному: *рит*[м̥] или *рит*[ᵊм].

Посмотрим, как в голубой системе.

Денис Давыдов[30]:

Прошу театр не посещать 79
Забыть навек театр, любви моей опасной! 80
В отчаяньи, взбешен! Но вальса вихрь утих 81
Вы слух на песнь мою склоните 88
Сорвите лавр с чела — он страстью помрачен! 91
И, потрясая лавр, манит еще к боям... 91
Меж тем, как снежный вихрь крутит среди полей,
И свищет резкий ветр в власах оледенелых! 92
И мне ли огнь желанья... 94
На нем знакомый вихрь, на нем громады льда 116
Лавр первый из длани Камены младой 117 (амфибрахий)
Где заслоняют нам вихрь танца эполеты 121
Журавль, пустынник кочевой 128.

---

[29] Закону Бодуэна было бы еще больше на руку, если бы победила повадка высокого стиля, если бы <о>—<э> всегда совпадали в одном звуке, т.е. если бы из двух фонем образовалась одна; но такая победа была, очевидно, не по силам этому могучему, но медленно, исподволь действующему закону.

[30] *Давыдов Д.В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933 (везде дальше указываются страницы этого издания).

Александр Полежаев[31]:

И дикий вопль и восклицанья 9
Как вихрь иль конь мятежный в поле 13
И дикий вопль, и крик, и рев 17
В театр, разлегшись, полетел 21
Рубль не даром здесь 33
Где Александр, наш Феб, отрада 47
Как ветр долин благоуханный 48
ветр — Петр 53 (мужская рифма!)
Порою огнь души унылой 75
Числ — смысл 78 (мужская рифма)
Такого-то суда за рубль лишился места 118.

Сочетание "согласный шумный + согласный сонорный", конечное в слове, не образует, судя по приведенным стихам, особого слога. Очевидно, сонорный здесь оглушался: звонкость его, как мы видим по современному произношению, предопределила бы образование лишнего слога (т.е. разрушающего метрику стиха)[32].

В стихах, примеры из которых были приведены (у Д. Давыдова, А. Полежаева, но также и у Е. Баратынского, А. Пушкина, В. Жуковского, К. Батюшкова), нет случаев, когда бы конечное сочетание согласных "несонорный + сонорный" было слоговым. Почему? Слишком чопорна стиховая техника? Нет, дальше увидим, что эти же поэты допускали в свой стих весьма нечопорные фонетические варианты (не стесняясь орфографически отражать их нечопорность). Очевидно, произношение *теа*[тр], *во*[пл'], *смы*[сл] и т.д. (или *теа*[т^{ь}р], *во*[п^{ь}л'], *смы*[с^{ь}л]) не было еще таким обычным, каким оно стало позже, к концу XIX в.[33]

У Г.П. Павского сказано категорически:

"...вместо:	говорят:
корабль	корапъ
рубль	рупъ
журавль	журафъ
Ярославль	Ярослаф" (ГП: 120)[34].

Попробуем найти подтверждение нашей догадке в позиционном поведении исследуемых сочетаний. Ведь сочетания "шумный согласный +

---

[31] *Полежаев А.И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1939 (везде дальше указываются страницы этого издания).

[32] Не предположить ли, что в случаях *огнь, Александр* последний сонорный не полностью терял свою звонкость, а только сильно уменьшал ее (ведь между сонорным [р] и глухим [р̥] есть еще какой-то срединный, не сонорный, но и не глухой)? Это возможно. Но доказательств нет.

[33] В "Чтениях о русском языке" Н.И. Греча (СПб., 1840) приводятся списки звукосочетаний, возможных в русском языке. Книга эта была составлена на основе лекций Греча. "Мы даже представить себе не можем, каким образом г. Греч перед своею почтенною аудиторией читал целые три страницы подобных звуков: ...*аср, асл, асн, асм, аспр, астр, азбр, издр, азгр*... Такое упражнение в произношении, конечно, стоило больших усилий органу г. Греча и сначала могло быть даже любопытно для некоторых его слушателей; но должно же было кончиться его утомлением и их скукою" (*Шевырев С.П.* Указ. соч. С. 169—170).

[34] Обращает внимание то, что нулизуется, судя по примерам, только [л'], но не [р] или [р']. У Павского же читаем: "И как они [беглые гласные] требуются только для выговора, а значения слова не изменяют, то в некоторых случаях отдается всякому на

сонорный", когда они оба глухие, могут быть только перед теми звуками, которые допускают перед собой глухость. То есть: перед гласными, перед сонорными согласными, перед [в] и [в'] (эти звуки позволяют перед собой быть и звонким,и глухим), а также перед глухими шумными.

У А. Пушкина отмечены стихи со словами типа *театр, песнь* (с конечным сочетанием "несонорный + сонорный согласный")[35]:

1. Перед гласным, сонорным согласным или [в, в'] следующего слова:

а) Умеют уж предречь и ветр, и ясный день II, 66
Корабль испанский трехмачтовый II, 291
Где вечный лавр и кипарис III, 54
Ты на казнь осуждена III, 61
Как жизнь, о боже мой, становится полна III, 126
Дабы стеречь ваш огнь уединенный III, 157
И лавр, и темный кипарис III, 215
Для вас безмолвны Кремль и Прага III, 222
И не услышат песнь обиды III, 225
Октябрь уж наступил — уж роща отряхает III, 262
Как легкий бег коней с подругой быстр и волен III, 262;
б) Лети, корабль, неси меня к пределам дальным II, 7
Целуйте жезл России II, 173
От хлада наших дней укрыл он лавр единый II, 217
Как сладко жизнь моя лилась и утекала II, 260
Болезнь любви в душе моей II, 338
Освободил он мысль мою III, 47
И тигр нейдет — лишь вихорь черный III, 80
Как ветер песнь его свободна III, 85;
в) Волшебный скипетр вдохновенный III, 12
И зол, и подл: все это будет личность III, 108
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге III, 265
Того, чья казнь весь род Адамов искупила III, 369.

2. Перед паузой:

Желанья, жизни огнь по сердцу пробежал I, 327
Остракизм | — эгоизм | II, 124 (рифма)
Перикла лавр, | лавр Фемистокла II, 246
Уж пасмурный декабрь | на русские луга II, 64
Как ничего? Ни мысль, | ни первая любовь II, 154
Заутра казнь, | привычный пир народу II, 256
Влачу. Заутра казнь. | Торжественной рукою II, 258
Ты на корабль переступил шутя II, 279
Ступая в жизнь, | мы быстро разошлись II, 880
Свой дар как жизнь | я тратил без вниманья II, 281
Скроем жизнь под сень уединения II, 281
Попутный веет ветр. | Идет корабль, III, 151
Прекрасен вечер, и попутный ветр | III, 151
И слышу наших игр | я снова шум игривый III, 154
Поющих буйну песнь | и скачущих кругом III, 238
...Организм | — прозаизм | III, 264 (рифма)
Свою ли точно мысль | художник обнажил III, 330
Разостлан. Дунул ветр, | поднялся свист и рев III, 333.

произвол, выговаривать и не выговаривать, писать и не писать *о* и *е*. Кому не трудно выговорить *игр, ядр, сестр*, тот так и говори и пиши; а кому трудно выговорить, тот может говорить и писать *игор, ядер, сестер*" (Там же. С. 72). Формы без [р] не упоминаются.

[35] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1950. Т. 2, 3.

Перед паузой мы отметили это сочетание в бесспорных, на наш взгляд, случаях: в конце стиха, перед цезурой, в конце синтагмы (перед точкой или запятой)[36].

Заметим: если не выделять позицию "перед паузой", то все примеры поступают в рубрику 1 или 3. Не остается ни одного случая, который не попал бы в эти рубрики.

3. Перед глухим согласным:

Но новый лавр тебя ждет там II, 246
Перикла лавр, лавр Фемистокла II, 246
Я знаю — жизнь тебе тяжка II, 313
И угль, пылающий огнем II, 340
И лавр Корнелия иль Тасса III, 82
Сам Александр Сергеич Пушкин III, 145
День, как жизнь своей державы III, 350
Плывет корабль как лебедь громовержец III, 366

(может быть, перед цезурой: корабль | как лебедь).

Соблазн по городу гремит III, 366.

Итак, исследуемое сочетание встречается перед гласным, перед сонорным согласным, перед [в] и [в'] — в позициях, где возможны и глухие, и звонкие согласные. Оно встречается перед паузой — в этой позиции возможны и звонкие, и глухие сонорные. В положении перед глухими шумными согласными возможны глухие согласные.

Напротив, пушкинский стих явно избегает такого положения исследуемого сочетания, где неизбежна его звонкость. В лирике нами отмечен всего один случай:

Иль жезл диктаторский, тогда ль III, 200.

Если считать, что перед сочетанием "[в, в'] + звонкий шумный" — позиция только для звонких согласных, то сюда же надо включить и такой стих:

Волшебный скипетр вдохновений III, 12.

Повторяем: мы не уверены (и для современного языка), что эта "звонкая" норма является единственной; и для голубой системы остается та же неуверенность. Поэтому стих приведен выше, там, где собраны другие примеры перед звонким губным.

Безразлично — один пример является исключением или два; ведь это на полсотни случаев, которые позиционно позволяют являться глухим. Действительно, как можно определить (объединяя частные случаи в одно целое) позицию, где Пушкин не избегал сочетания "шумный + сонорный на конце слова"? В позиции, допускающей конечный глухой согласный предыдущего слова. Отсюда вывод: в стихе группа "шумный согласный + сонорный согласный + конец слова (диэрема)" произносилась глухо, только так можно объяснить, почему для нее избегалась позиция с обязательной звонкостью согласного.

---

[36] Перед запятой (но не перед цезурой) — в одном только случае, в "Оде Хвостову":

Перикла лавр, | лавр Фемистокла.

Пародийная какофония. Если не считать этот случай, то пауза нами отмечена: перед точкой, а также в конце стиха или перед цезурой (в конце полустиха).

Нет ли случаев в стихах Пушкина, когда стих показывал бы слоговой характер сонорного?

Был шум лесов или вихорь буйный II, 189
И тигр нейдет, лишь вихорь черный III, 80
Измял с налету вихорь шумный III, 15
Все изменилося. Ты видел вихорь бури III, 171
Так, вихорь дел забыв для мух и неги праздной III, 179
Как вихорь, роющий поля III, 266.

Только слово *вихорь* (ср. *вихрь*) используется как двусложное. Это заставляет думать, что написания *вихорь* — *вихрь* используются не для одного и того же фонемного кортежа <в'ихр'>, который произносится вариативно — со слоговым [р'] и с неслоговым [р̯'], а для разных вариантов этого слова: <в'ихр'> — <в'йхор'>. Других же примеров нет. Значит, нет случаев, когда бы стих обнаружил слоговость сонорных согласных[37].

К. Батюшков создал стихи непревзойденной гармоничности. Но, в отличие от Пушкина, Баратынского и других младших современников, он еще нередко пользовался правом на поэтическую вольность: в его стихах часто встречаются усеченные прилагательные, славянизмы (без функции торжественности), индивидуальные отклонения от языковой нормы, вызванные метрикой стиха. Это важно заметить, чтобы верно оценить такие факты:

а) позиция перед гласным:

Пустынник испускал ужасный вопль и стоны 80
Как ветр осенний злак полей 95
Бросает с Марсом огнь и гром 107
Покрыты мхом — там ветр унылый 128
Он громок, быстр и силен 138
И жизнь и к родине любовь 154
Одна боязнь и вечный страх 157
Что жизнь и смерть равны для нас 181
Болезнь и нищета, несчастия и страсти 181
Что в сем дедале рифм и слов 191
Приязнь и дружество непрочно! 197
И вопль отчаянья над хладною могилой 229
Несли врагам и казнь и страх 254.

---

[37] Конечно, неслоговыми были сонорные согласные в позиции "начало слова (диэрема) + сонорный согласный + шумный согласный":

Тому, кто в мщенье свирепея II, 168
Но льстивых од я не пишу II, 175
Он человек! Им властвует мгновенье II, 282
Но кто же там во мгле дерев стоит II, 313
Храпит, и фыркает, и рвется III, 18
Что ты мчишься, удалая III, 64

и мн. др.

В середине слова:

Безмолвно бодрствовал, и **жребии земли** II, 172
Ты зорко **бодрствуешь** над царскою казною II, 350.

Вероятно: *бо*[трств]*уешь*; менее вероятно: *бо*[цтв]*уешь*.

Здесь группа "шумный + сонорный согласный + диэрема" находится перед гласным. Произношение могло быть таким:

*сонорный был редуцирован до нуля:

И жи[с'], и к родине любовь.

Во многих случаях, однако, это предположение кажется маловероятным. Вряд ли произносили:

...Ужасный во[п-ы] стоны

(После [п] звучал бы гласный [ы]; ведь [п] не был мягким перед [л'].) Было ли допустимо такое произношение? *Вопль* превратился бы в просторечное *воп*; к таким словам относились строго;

*сонорный был глухим:

...Ужасный во[пл'] — и стоны...;

*происходило перераспределение слоговых границ:

...Во[п|л'и| сто]ны...
...Боле[з'|н'и| н'и]щета...

Но чем отличаются эти сочетания: *вопль и стоны, болезнь и нищета* — при указанном произношении от: *вопли, стоны,* а также *болезни, нищета?* Ведь подобный слогораздел указывал бы на бессоюзное сочетание слов *вопли, стоны* и на сочетание *болезни, нищета.* Вероятно, этот искусственный способ произношения не всегда мог применяться;

*может быть, после исследуемой группы делалась искусственная пауза. Этот случай обсудим позже;

*наконец, надо допустить, что в первой половине XIX в. существовала такая норма произношения сонорных, которая была позднее полностью утрачена. Например, произношение их как полузвонких (или по звонкости они равнялись шумным [б, д, г] и под.). Сейчас мы не можем произвести *жизнь* с неглухим последним сонорным, не превратив этого [н'] в слоговой. А тогда, может быть, умели. Это надо допустить.

Продолжим перечень примеров (из стихотворений К. Батюшкова). Перейдем к случаям, когда сочетание "шумный согласный + сонорный" находится перед сонорным следующего слова:

б) Ни ветр, ни огнь, ни гром не ужаснул героя 92
Кое-как тянуть жизнь нашу 122
Жизнь ее дарила 128
Мы лавр находим там 145
Здесь жизнь мою прервет безжалостной рукою 164
Вся мысль моя была в воспоминанье 170
Без смерти жизнь не жизнь... 238
Тратит жизнь на суеты 280

Предположения о произношении те же, что раньше, но очень мала вероятность того, что здесь возможно слоговое перераспределение: ни вет-рни огнь...; жиз-нь на-шу... лав-рна-ходим...;

в) перед [в], [в']:

Как путник огнь в лесу... 60
То скиптр в его руках... 84
Колонна гордая! О лавр вечнозеленый! 114
Но ветр вечерний повевает 117
Вечерний ветр, валов плесканье 170

(может быть, перед |: ветр, |...)

Но только Петр Великий... 247

Во всех перечисленных позициях возможны глухие сонорные (но также возможны и звонкие);

г) перед паузой; тоже — позиция, где могут быть и глухие, и звонкие сонорные:

Любимца чистых сестр, | любимца твоего 55
И, глядя на людей — на пестрых кукл, — | мечтал 70
Увековечи песнь | нетлением своим 87
Герой велик и мудр, | не верит он очам 90
Едва дымился ветр | в часы туманной нощи 92
Когда суровых сестр | противно вретено 103
Вливает томный огнь | и в очи и в уста 104
Поет простую песнь | в забвенье всех трудов 115
Священных скальдов песнь | — награда 127
Среди гремушек, детских игр | 159
Мне жизнь | — не жизнь, | без славы — бремя 168
И ветр колышет стебль | иссохшие полыни 172
Уж веет кроткий ветр | вослед твоим судам 173
О, вей, попутный ветр, | вей тихими устами 173
Философ Эмпидокл | пред смертью там оставил 179
Нет, нет! Мне бремя жизнь! | Что в ней без упованья? 200
И ты, о вечный Тибр, | поитель всех племен 215
Как огнь, | как смерть, как ангел истребитель 217
Умолк. Унылый огнь | в глазах его горел 217
В нас страсти жизнь | младую пожирают 232[38]
Изнемогает жизнь | в груди моей остылой 233
Такая жизнь | для мыслящего — ад 234
Без смерти жизнь не жизнь: | и что она? Сосуд... 232
Ветр. | Петр. | 239 (в рифме)
Наш Пиндар кончил жизнь, | поэмы не скончав 247.

Почти все приведенные примеры можно было бы, пренебрегая такой фонетической реальностью, как пауза, разместить по другим рубрикам, допускающим глухие сонорные в определенных позициях. Вне этих рубрик остались бы такие примеры:

Поет простую песнь | в забвенье всех трудов 115
Умолк. Унылый огнь | в глазах его горел 217
Изнемогает жизнь | в груди моей остылой 233
Такая жизнь | для мыслящего — ад 234.

В первых трех стихах конечный сонорный стоит перед сочетанием "[в] + звонкий шумный". Напомним, что неясно: должен ли непременно перед таким сочетанием согласный быть звонким (или это только одна из возможностей)? Несомненно требует звонкости сонорного только четвертый пример: *...жизнь для...* — если допустить здесь отсутствие паузы (но чем же выражена тогда цезура?).

Так или иначе, но и предположение о беспаузном произношении всех здесь предложенных примеров мало изменит общие выводы.

[38] Для стихотворений Батюшкова закон — цезура после второй стопы в пятистопном ямбе. Может быть, цезура реализовалась не всегда паузой. В таком случае этот пример и некоторые другие разойдутся по другим рубрикам. Но пауза в шестистопном ямбе, знаменующая цезуру, во всех приведенных здесь примерах нам кажется обязательной.

д) перед глухим согласным:

Где ветр шумит, ревет гроза 55
Он с бардом песнь поет... 55
Постой! Болезнь к тебе, я вижу, смерть ведет 64
Иль на горе, когда ветр северный шумит 69
Услышать барда песнь священну 72
Где ветр со всех сторон в разбиты доски дует 77
Там лебедь песнь поет... 89
Как сладко, жизнь, твое для смертных обольщенье 114
Но ветр шумит и в роще свищет 127
И ветр колышет 172
И огнь поэзии питает между нами 186
Где ветр порывистый... 224
Где ветр шумит, ревет гроза 224
И юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна 233
Не буди горд: и в ветр попутный опусти 239.

О реализации сонорных здесь возможны те же предположения, что были перечислены выше.

е) наконец, последняя позиция — перед звонким шумным. В этой позиции возможны только звонкие согласные:

Горишь, как огнь зари... 55 (1803)
Но ты приближилась, о жизнь души моей 79 (1807)
Ты снова жизнь даешь... 79 (1807)
Скамандр божественный вертепами течет 85 (1808)
Ветр бурный усмири 92 (1809)
Аз есмь зело славенофил 100 (1809)
Петр длинный, Петр большой... 246 (1810)
Сей огнь зиждительный... 186 (1815)
Болезнь жестокая во цвете погубить 188 (1815)
Жизнь без раскаянья... 213 (1817)
И эхо по горам песнь звучну повторяет 224 (1817).

Видно, что со временем таких стихов у Батюшкова становится меньше: до 1810 г. их 7, после 1810-го — 4 (хотя объем поэтических текстов, написанных до 1810 г. почти вдвое меньше, чем объем написанных позднее).

Но все же: более десятка случаев, когда изучаемое сочетание стоит перед звонким согласным (а общее число стихов с сочетанием: "шумный + сонорный + конец слова" немногим больше, чем у Пушкина). Как оно в этих случаях могло произноситься? Благодаря чему избегалась какофония? Ведь оглушение сонорного здесь невозможно: перед звонкими согласными произносятся звонкие. Невозможно превращение и в нуль: *как* [ог] *зари* — просто непонятно (и сейчас, и, вероятно, в XIX в.). Еще непонятнее: *как* [в'эд] *бурный,* [п'эз'] *звучну*... Малоправдоподобно здесь и слоговое перераспределение: произносить *ньзари, ньдуши, ньдаешь, рбурный, мьзело* и проч. не так-то легко. Ведь начальные сочетания *ньз, ньд, рб, мьз* в русском языке отсутствуют.

Предположить можно одно: после слов, оканчивающихся на сочетание "шумный + сонорный согласный", исполнялась пауза. Это была поэтическая вольность. Перед паузой произносился глухой сонорный.

Как мы видели, с течением времени число таких случаев, требующих поэтической вольности, у Батюшкова уменьшилось. У Пуш-

кина в лирике такой случай — всего один. Это соответствует общей тенденции в развитии русского стиха: поэтические вольности ограничивались и постепенно изгонялись (в том числе, значит, и семантически не обоснованная пауза в середине стиха).

Все эти факты, на наш взгляд, подтверждают, что в стихе сонорные (в описанной позиции) произносились глухо. В бытовой речи, вероятно, было и звонкое их произношение, но поэтическое произношение консервативно. Только ближе к середине XIX в. в стихотворениях стало приемлемо и произношение слоговых сонорных.

Изложим кратко наши выводы. Сочетания типа — *тр* (шумный + сонорный) на конце слова:

у Пушкина (за одним исключением) используются в позициях, где возможны глухие согласные, и не используются там, где неизбежны звонкие;

у Батюшкова они используются в тех же позициях, но исключений (чаще в ранних стихах) больше.

Такое позиционное размещение мы объяснили тем, что по нормам фонетики данной эпохи сонорный в этом сочетании должен произноситься глухо. Или — с пониженной звонкостью.

Разница между Пушкиным и Батюшковым определяется, на наш взгляд, эволюцией русского стиха: в определенный период были вполне обычными и даже поощрялись "поэтические вольности". Потом, в связи со сближением стиха с бытовой речью, поэтических вольностей (например, синтаксически не обоснованных пауз) стали избегать.

Следовательно, эти факты подтверждают мнение о том, что произносили,как правило: ве[тр], *жи*[з'н'] и т.д.

В бытовой речи, видимо, встречалось и произношение со звонким (слоговым) сонорным: *ве*[тр̥], *жи*[з'н̥'] и т.д.

Лермонтовский стих дает такие свидетельства:

Поцелуями в детстве считал
Я счастливую жизнь мою... —

где *жизнь* — двусложно, сонорный — слоговой.

Чем далее, тем более распространенным становится такое произношение:

Сидел в углу, плюгав и одинок,
Какой-то там коллежский регистратор.
Он и к тому, и тем не пренебрег;
Взял под руку его: "Ах, Антипатор
Васильевич! Что, как ваш кобелек?
Здоров ли он? Вы ездите в театор?
Что вы сказали? Все болит живот?
Ах, как мне жаль! Но ничего, пройдет!"

А.К. Толстой

Слог с конечным сочетанием "согласный шумный + согласный сонорный" настолько полновесен, что годится, в качестве заударного, для женской рифмы.

Развитие рисуется так: в начале XIX в. описанные сочетания чаще всего произносились с оглушением конечного сонорного, а другой вариант, со звонкостью такого сонорного (в этом случае слогового или развивающего перед собой гласный), был сравнительно редким.

К середине века это второе произношение широко распространилось и потеснило первое; первое осталось в небрежно-аллегровых типах произношения и по-прежнему в поэзии.

Какая же причина вызвала это изменение? Перейдем к другому процессу и в нем попытаемся найти объяснение.

У поэтов XIX в. есть такие фонетически интересные стихи:

И жавронок вился над зеленью полей. 185
К. Батюшков

(Ср. у него же: веселых жаворонков пенье 221.)

Незримый жавронок поет
Заздравный гимн весне
Е. Баратынский

С утра дней счастлив и славен,
Кто тебе, мой мальчик, равен?
Только жавронок живой... ·
Е. Баратынский

И я у притолки! Любезные слова
Их слушать осужден с досадой, с нетерпеньем...
Опять у притолки! А я? Опять в обман...
Д. Давыдов

Куска нет завтра перкусить
А. Герцен

(четырехстопный ямб)[39].

Вертелось счастья вертено
П. Вяземский

Вертено промеж пальцев играет
Ф. Глинка

Иной копье из тела вырвет
И в судоргах влачится по земле
Н. Языков

Здесь всюду и ритм стиха, и орфография показывают полную редукцию заударного гласного — соседа сонорного согласного. Такая редукция была уже обычна в разговорной речи (стих только отразил эту разговорную особенность); этому свидетель — разговорный стих "Горе от ума" А. Грибоедова:

...Теперь
да в полмя из огня;
Куда? К прикмахеру.

Эту редукцию до нуля ритм стиха обнаруживает и тогда, когда орфография лицемерит:

Агнеса, помните, мы с вами
Ходили в рощицу гулять
И за Воробьевыми горами
Часы златые провожать...
И меж Воробьевыми горами
Сокрылись оба меж кустами. 68—69
А. Полежаев

[39] *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 1. С. 199.

Надо читать: *В*[ра]*бьевыми*; так и сейчас могут произнести в небрежно-аллегровой речи (ср.: *Д*[ър]*гомилово* или *Д*[ръ]*гомилово*).

К таким же случаям (утраты гласного рядом с сонорным в безударном слоге) относятся, вероятно, некоторые славянизмы с приставкой *пре-*. Здесь фонетическое явление с удовольствием заслонилось лексической традицией:

Друзья, сюда скорей спешите,
Товарищу сказать прости;
И друг вы другу помогите
Удар разлуки пернести.
Наш друг точить не хочет лясы,
И едет воевать он в Ясы,
Преплыть готов он Днепр, Днестр, Дунай...[40]

С. Марин

Здесь *преплыть* аналогично *пернести*. Но: *переплыть* = 1 3 4, слабейший слог — первый с начала слова, он и потерял гласный звук; *перенести* = 2 1 3 4, слабейший слог — второй с начала слова, по формуле Потебни обозначенный единицей, он и остался без гласного.

В прозе: "Да право, маминька, чрез минуты две все узнаем" (Н. Гоголь)[41]. Для славянизма *чрез* нет в тексте никакого оправдания: скорее здесь *через* с нулевой реализацией гласного; орфографически это оказалось легко передать именно по протекции славянизма *чрез*. Подобных примеров, с предлогами *чрез* и *пред*, которые вряд ли славянизмы, в книгах первой половины XIX в. можно найти немало.

Такое произношение, с нулизацией безударных гласных, было известно и в XVIII в. (см. дальше), но тогда редукция до нуля доходила, судя по всему, сравнительно редко. В начале XIX в. процесс продвинулся вперед, и стих его уже нередко отмечает. Более частая редукция до нуля обусловлена скорее всего сокращением средней длительности заударного гласного (или предударного, но не в первом предударном слоге).

Он стал короче... А с другой стороны, сонорные ведь часто порождают перед собой гласный предшественник: *пест*[ᵊр], *муд*[ᵊр], *смуг*[ᵊл].

И когда редукция довела заударные гласные до очень уж значительной краткости, они приблизились по длине к предсонорному глайду, к зачину, который предшествует заударному сонорному. Гласные, фонетически значимые, сокращаясь, стали доходить до длительности этого глайда (а иногда и до нуля)[42]. Это сразу сделало заударный предсонорный глайд равноправным сегментом в составе слова, а слог, создаваемый этим гласным, оказался вполне устойчивым. Он уже не

---

[40] Читалось, вероятно: *Днеп*[р̯], *Днест*[р̯], *Дунай*.

[41] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 4. С. 40. Другие примеры из прозы (редукция безударного гласного рядом с сонорным): *дервенеет* (Л. Толстой), *одервенело* (И. Тургенев), *три волковых окошка* (Митрополит Филарет). Примеры из кн.: *Чернышев В.И.* Правильность и чистота русской речи: (Опыт русской стилистической грамматики). 2-е изд. Пг., 1914. Вып. 1: Фонетика. С. 28.

[42] Ср. такое же сокращение наиболее слабых безударных гласных не рядом с сонорным: сочетание [ъа] заменяется одним безударным [а] с нулизацией [ъ]: *зартачится* вм. *заартачится* (И. Лажечников, И. Тургенев), *в единобразии* (К. Батюшков), *единобразье* (А. Грибоедов) (см.: *Чернышев В.И.* Указ. соч. С. 23).

сомнительный недомерок, а полноценная строевая единица; им теперь не пренебрегают ни в обычной речи, ни в стихе.

Напротив, глухие сонорные в этой позиции начинают понемногу отступать. Козьма Прутков со свойственной ему безапелляционностью заявлял: "Тот, кто вместо *рубль, корабль, журавль* говорит *рупь, карапь, журавь*, тот наверное скажет *колидор, фалетор, куфня, галдарея*"[43]. Неправ Прутков: еще в начале XX в. Р.Ф. Брандт считал такое произношение (*жура*[ф] или *жура*[фл']) не просторечным, а вполне литературным. Но и прав Прутков: такое произношение постепенно оттесняется на периферию литературного языка.

Консонантные—неконсонантные

Снова о йоте. Видимо, и в первой половине XIX в. (в голубой системе) он был представлен теми же звуковыми разновидностями, что и позже. Правда, все их документально засвидетельствовать трудно.

Говорилось, что в наше время <j> в позиции перед конечным сонорным может произноситься двояко: или как [и̯] (неслоговой гласный), или как [ь] — редуцированный слоговой. Очевидно, такая реализация была возможна и в голубой системе:

Таин сердца моего
Е. Баратынский

Варианты: *тайн — таин* совершенно отвечают современным фактам. Принять вариант *таин* в стих, может быть, помогло слово *таинственный*: был орфографический прецедент для фиксации такого облика слова.

Заимствования, имеющие в языке-источнике дифтонг, получали у нас такую форму:

Завидя вдалеке твои, о Реин, волны...
Ты льешься, Рейн величавый...
К. Батюшков (209).

У Н.М. Карамзина: *Реин, Маин* ("Письма русского путешественника")[44]. В косвенных падежах: *Реина, Маина* — сохраняется [и] слоговой; основа им. падежа обобщена для всех других падежей (где [и] уже не требуется чисто фонетически, возможно [и]: *Рей-на, Май-на*). Ср. у К. Батюшкова:

Костры над Реином дымятся и пылают! 211

Такой перенос (из им. падежа в косвенный) — не основание для того, чтобы отрицать фонетический характер варьирования: *Рейн — Реин.*

Нас более всего должно интересовать, было ли распространено превращение <j> в ноль перед заударными *и*-образными гласными: *говорили о геро*[и] или *о геро*[и̯и]? Можно предположить, что произношение с [и̯] было достаточно частым. Основание: говорили [и̯им],

---

[43] *Козьма Прутков.* Сочинения. М., 1959. С. 336. Ср. у Ф.И. Буслаева: "Русский язык... употребляет, в просторечии, *корабь* вм. *корабль, журавь* вм. *журавль*..." (ФБ: 58).

[44] *Карамзин Н.М.* Сочинения. М., 1803. Т. 2. С. 293 и мн. др., там же *Маинских* 223 (везде дальше указываются страницы этого издания).

[ӣих], [ӣим'и][45]. Эти местоимения могли быть безударными энклитиками: *кто их знает* [кто̂ ӣих]...; *отдала им*=[ада̂ла́ӣим] и т.д. Произношение местоимений *их, им, ими* в энклитической форме с постоянным [и] помогало удержаться произношению: *о геро*[ӣи], *зна*[ӣи]*т* и др. Так можно преположить.

А вот еще для нас ценное свидетельство: "Причастие *хваливший* и деепричастие *хваливши* в произношении не различаются, но на письме различаются: в причастии пишется *ій*, а в деепричастии *и*". Это пишет педагог В. Новаковский в книге "Русская грамматика для простолюдинов" (СПб., 1862. С. 35). Это нам напоминает, что и в XX в. *й* в таких позициях превращался в ноль.

Диффузные—компактные

У Г.П. Павского сказано:

"*З* и *с* пред *ж*	произноси как	*ж*.
С и *з* пред *ш, ч, щ*	"	*ш*.
Т и *д* пред *ч*	"	*ч*.

Поэтому хотя написано:	но читай:
изжелта	ижжелта
сжалиться	жжалиться
с шаром	шшаром
из чего	ишчево
разщипать	рашщипать
притча	причча
от чего	оччево
подчинить	поччинить"[46].

Значит, закон, требующий, чтобы перед высоким компактным всякий высокий был компактным же (речь идет только о невокальных консонантных), действовал в XIX в.

Напротив, никаких следов не найдем (у фонетистов начала прошлого века): *ты стремисса, рисский* (=*рижский!*) и проч. А ведь зеленая и желтая системы знают такое произношение! Куда ж оно делось? Почему в голубой системе о нем ни слуху ни духу? Это тем более странно, что оно, как увидим позднее, известно и в XVIII в.

Очевидно, мена [ш] на [с] перед [с] (вообще: высоких компактных на высокие диффузные перед высокими диффузными)[47] была все же сниженной нормой, литературной, но близкой к просторечию. В XIX в., когда укрепилась литературная, строго нормативная сущность бытовой речи, когда отмечалось то в речевом наследии XVIII в., что сближало бытовое говорение с просторечием, слишком строго настроенные орфоэписты, вероятно, решили игнорировать произношение *стремисся* и под. В гостиных рекомендовалось так не говорить.

Но конец XIX в., послереформенное время, — это подъем демократических устремлений в русском литературном языке; тогда-то и выныр-

[45] "Слово *ихъ* произносится *йихъ*" (НГ: 68).

[46] *Павский Г.П.* Указ. соч. С. 116. Ср.: "*Сжимать* произносится... *жжимать*"; "... *Сшил, зжал* произносятся *шшил, жжал*" (НГ: 70, 73).

[47] Напоминаем, что закон относится только к шумным (невокальным консонантным).

нуло опять, ушедшее было под спуд, произношение *стремисса*. Правда, оно тут же попало под колеса Бодуэнова закона и уже не могло оправиться от потрясения. Сейчас его нет в литературном языке.

«Попытка „Отечественных записок" в сороковых годах завести форму *петербуржский* не имела успеха: появился даже водевиль "Сей и оный", где действующие лица, к веселью зрителей, понимающих намек, произносили *сижара* вм. *сигара* и *всеможущая сила* вм. *всемогущая*»[48]. Предполагается, значит, произношение *петербур*[шс]*кий*; если бы говорилось *петербур*[с]*кий*, то шутки были бы непонятны.

Однако нельзя считать, что произношение <шс> как [с̄] или (перед согласным) [с] было в это время полностью забыто. О нем знали, но затруднялись признать литературным. "В слове *божеский*, равно как в слове *божество*, мы слышим наши суффиксы в их полноте; но, например, в слове *Новоторжский* гласная *е* или *ь*, смягчив согласную *г*, исчезла. Эта утрата органически повлекла за собой другую: народ, позабыв гласную, не считает за нужное щадить согласную, и говорит, на зло книге, *новаторский* и пр." (МК: 116). Но и М.Н. Катков не относит это произношение к языку людей образованных: так говорит только народ, "на зло книге".

Низкие—высокие

Позиции, в которых согласные превращались в нуль, в голубой системе были те же, что в зеленой.

Сочетания <стн>, <здн> реализовались звуками [сн], [зн]. Рифма откровенна на этот счет.

У Н. Карамзина: *невластно — прекрасно* 84, *страстный — прекрасный* 85, *прелестно — чудесно* 93, *несчастных — прекрасных* 176 и мн. др.

У К. Батюшкова: *злочастный — ужасны* 85, *страстный — ужасный* 92, *несчастный — прекрасный* 97, *прелестной — в поднебесной* 138, *сладострастно — всечасно* 194 и мн. др.

У А. Пушкина: *страстный — прекрасный* II, 41, 53, *неизвестный — небесный* II, 43, *прелестных — небесных* II, 134, *сладострастной — прекрасной* II, 199, *самовластно — безопасно* II, 218, *прелестный — древесный* II, 288, *постной — поносной* II, 318, *несчастный — ужасный* III, 71, 73, *сладострастно — ясно* III, 170, *известно — словесно* III, 379 и др.

У него же: *праздник — проказник* II, 74, *праздный — безобразный* II, 116, *праздной — разнообразной* II, 283, *праздный — кругообразный* III, 172 и др.

Показания рифмы подтверждают фонетисты. А.Х. Востоков пишет, что слово *праздный* произносилось *празный, поздно — позно, постный — посный, частный — часный* (АВ: 170, 191). То же заметил и Г.П. Павский; по его словам, произносят: *празник, посный, кресный* (ГП: 136).

В курьезной книжке "Справочное место русского слова", составлен-

[48] *Булаховский Л.А.* Указ. соч. С. 22. Ср.: *Энгельгардт Н.* История русской литературы XIX столетия. 2-е изд. СПб., 1913. Ч. 1. С. 510.

ной Н.И. Гречем, читаем: должно говорить: *мнѣ грустно, какой ты грустный сегодня*, а не: *мне грусно, какой ты грусный*. Должно петь:

Ему сгрустнулося в тиши,

а не:

Ему сгруснулося в тиши[49].

Там же совет: не говорить *окресности, окресные деревни*, а *окрестности, окрестные* (64). Греч был человеком, совершенно лишенным фонетического слуха. Он не различал букву и звук[50]. Его советы, как надо "произносить", нас не могут интересовать: очень часто они совершенно нелепы. Но замечания, как не надо произносить, нередко у Греча интересны: он замечал особенности произношения, но, если они противоречили его правописным привычкам, считал их неправильностями. Гречево "не должно говорить" *сн* вместо *стн* по содержанию равно наблюдениям Востокова и Павского: только так говорят. Надо лишь переменить знак у Гречевых рекомендаций — знак минус на плюс.

Сочетания <стл>, <здл> произносились как [сл], [зл]. Условный союз писался так: *если*, или *естли*, или *естьли*. Так как у одного и того же автора находим разные формы написаний, то надо предполагать здесь не две разные манеры произношения, а одну: с редукцией <т> (или <д>) до нуля[51]. Поэтому буквенные сочетания *сл, стл, стьл* (при мягкости последнего, бокового) читались одинаково, и писать можно было и то, и другое, и третье, не толкая читателя на произносительные ошибки.

О том же прямо говорит В. Васильев: по его словам, пишут *стклянка, стлать*, а произносят *склянка, слать*[52]. Очень важное свидетельство: если чередование не боялось омонимии (здесь, по словам Васильева, совпадают два глагола — *слать* и *стлать*, а также, конечно, *послать — постлать, заслать — застлать, переслать — перестлать* и др.), то оно явно было позиционным. Об этом же пишет и Греч, но, по своему обычаю, в негативной форме: "Должно произносить: *завистливо, завистливый*, а не *зависливо, зависливый*" (Греч, 1839, с. 37; 1843, с. 39).

Сочетания <стк>, <здк> реализовались звуками [ск]; примеров мало (о причинах сей малости см. в предыдущей главе): *невестку — блеску* (Пушкин), *Загоскин — Блесткин* (Грибоедов).

Греч советует: "Многие произносят: *жеский, жеско*; должно говорить: *жесткий, жестко*" (Греч, 1839, с. 36; 1843, с. 38—39). Как

---

[49] *Греч Н.И.* Справочное место русского слова. СПб., 1839. С. 27; 2-е изд. 1843 (везде дальше — Греч, 1839 или 1843).

[50] Он, например, велит: писать и произносить (!) не *ерлык ерлычок*, а *ярлык, ярлычок* (Греч, 1843, с. 37), не говорить *продаю обтом*, а только *оптом* (Греч, 1839, с. 62), не произносить *найден человеческий остов*, а *остав* (1839, с. 66; 1843, с. 77), не говорить *сорокалетний*, а *сороколетний* (1839, с. 90; 1843, с. 105), не произносить *шлюбка*, а *шлюпка* (1839, с. 108; 1843, с. 124).

[51] Ср. у Н.И. Греча в той же курьезной книжке: "Вместо слова *если* многие пишут: *естьли* или *естли*" (1843, с. 37).

[52] *Васильев В.А.* Указ. соч. С. 48.

всегда, рекомендацию Греча надо вывернуть наизнанку: нормой было произношение <стк> как [ск].

Сочетания <тск>, <дск> реализовались звуками [цк]. А.Х. Востоков наставлял: "Букву *ц* не надлежит писать вместо *тс*, или *дс*... (например: *Аравитскій*, а не *Аравицкій; Персидскій*, а не *Персицкій; Полотскъ, Шатскъ*... а не *Полоцкъ, Шацкъ*" (АХ: 183)[53]. Другое свидетельство: писали *кадетский, посадский, вологодский,* говорили *кадецкий, посацкий, вологоцкий.* Однако если перед <тск>, <дск> стоит еще согласный, то это сочетание ведет себя по-другому. Согласный [ц] не появляется. Так: сочетание фонем <ндск> реализуется звуками [нск]. У Греча читаем: "Не должно писать и произносить: *Финлянский*; правильно: *Финляндский*" (Греч, 1839, с. 99; 1843, с. 115). Это наставление, конечно, выворотное (пользуемся балетным термином): так только и произносили.

Как реализовалось сочетание <стск>? Вопрос не легкий. Это сочетание встречается только в прилагательных на *-истский.* Таких прилагательных было немного (см. в словаре 1847 г.[54]: *гимназистский, кантонистский, протоколистский, канцеляристский, колонистский, копеистский*[55]). См. также: "Обвиняюсь в распространении фурьеристского толка" (М.В. Петрашевский, 1849)[56]. В начале — середине XIX в. все это были неологизмы. Образовались ли к этому времени устойчивые нормы их произношения? Если образовались, то с учетом других синхронных норм.

Если перед <тск> был гласный, то произносили [цк]; если перед тем же фонемным сочетанием был согласный, то произносили: этот согласный + [ск] (ср. выше *Финляндский*): [н] + [тск]=[нск]. Сочетание <стск> относится именно к этому второму типу; значит, должно быть: [с] + [тск]=[сск]. Но перед согласным по общему правилу (более требовательному, вероятно, в голубой системе, чем в алой) произносятся недолгие согласные. Итак: <стск>=[сск]=[ск].

Рассуждение привело нас к выводу, что сочетание <стск> реализовалось звуками [ск]. Надо все же помнить, что прямых свидетельств у нас нет.

Сочетания <ргск> выговаривались без среднего взрывного: "...При произношении имен прилагательных: *динабургский, петербургский, лихтенбергский* и др. согласную *г* не выговаривают, ибо произносят так: *динабурский, петербурский*"[57].

Сочетание <нтк> произносили: [нк], как в желтой—оранжевой системе. "Не должно выговаривать: *гувернанка.* Говори: *гувернантка,*

---

[53] У М. Лермонтова: *Шести досток жилец уединенный...* ("Я счастлив...", 1832). Следовательно, предполагается форма *достка.* А это означает неразличение сочетаний <ск> — <стк>. Это, в свою очередь, знак того, что в сочетании <стк> средний согласный был непроизносимым.

[54] Словарь Академии Российской. СПб., 1789—1894. Ч. 1—6.

[55] См.: *Земская Е.А.* Изменения в системе словообразования прилагательных // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964. С. 386.

[56] Там же. С. 386—387.

[57] *Васильев В.А.* Указ. соч. С. 52.

она живет в гувернантках", — велит Греч (Греч, 1839, с. 27; 1843, с. 29); значит: так-то и говорили, таков-то и был закон произношения.

Закрадывается сомненье: а не отражает ли Греч в своих рекомендациях петербургское произношение? Нет; он противоречит петербуржцу Павскому, умеющему хорошо слышать речь и отразившему наиболее полно для своего времени произношение северной Пальмиры. Если признать, что *гуверна*[нтк]*а* у Греча — отражение петербургского произношения, то таким же отражением надо признать *финлян*[дск]*ий* (а также [ja]*рлык, о*[бт]*ом, сорок*[о]*летний* при *ост*[а]*в* и пр.). Нет, всюду здесь у Греча отражение его плохого речевого слуха и сравнительно хорошей грамотности.

Еще одна черта, явно факультативная (ввиду того, что фонетисты о ней молчат, кроме откровенного нефонетиста Греча). Сочетание <стj> некоторые образованные люди произносили как [с'j]. "Не должно выговаривать *госьи* и *госья* вместо: *гости, гостья*" (Греч, 1839, с. 25). "Многие произносят: *счасие*; должно говорить: *счастие* или *счастье*" (так в издании 1839 г.). В 1843 г. другая, более интересная редакция: "На сцене, особенно в операх, часто слышим *счасье*; должно произносить: *счастье*" (Греч, 1839, с. 92; 1843, с. 107).

Итак, "непроизносимые согласные" в голубой системе ведут себя так же, как в зеленой.

Требовал ли губной носовой [м] с полной неукоснительностью, чтобы после него стоял не [т], а [п]? Соглашался ли зубной носовой [н], чтобы после него находился взрывной не зубной, а губной? Мы помним, что в зеленой системе немногое мешало этой закономерности стать позиционной: всего только слова *почтамт, экспромт, ломти, ломтик*. В голубой системе положение то же: все эти слова существуют. Зафиксированы две разновидности одного слова: *экспромт* и *экспромпт*: "Самые лучшие произведения, по-моему, экспромпты" (А. Вельтман). Значит, и в голубой системе позиционной закономерности нет. Но до нее недалеко.

У С. Марина находим такую запись: *шенпанское*. Вероятны два истолкования. Может быть, это результат искажения слова при устном заимствовании; такие искажения капризны и непредсказуемы. Они могут быть очень индивидуальны — у разных слов и у разных лиц, произносящих эти слова. По этому предположению, значит, так и произносили: *ше*[нп]*анское*; значит, закономерность, о которой идет речь, совсем не действовала. Но возможно и другое истолкование: закономерность была настолько близкой к позиционной, что написания *мп* и *нп* были фонетически равнозначны: все равно произносили [мп], что бы ни было написано. (Современная параллель: фамилию поэтессы Веры Инбер произносят обычно *И*[м'б']*ер*.) Значит, *шенпанское* читалось: *ше*[мп]*анское*. Иначе говоря: привычка произносить [мп], [мб], [нт], [нд] поддерживается большим числом слов, привычка произносить носовой и следующий взрывной разных мест образования — очень небольшим; поэтому всякое новое (например, заимствованное) слово попадает под влияние сильной привычки. Читают ли глаза *мп* или *нп*, все равно произносится [мп].

Вероятно, близко к истине это последнее предположение; не будучи позиционной, закономерность была настолько близка к ней, что препятствовала возникновению новых сочетаний типа [нп] или [мт].

Судя по книжке Н. Греча "Справочное место русского слова", которая отражает особенности "разговорного языка хорошего общества", вариантность носовых, часто беспорядочная мена их перед неносовыми согласными, была распространена.

1. Перед взрывными неносовыми надо произносить не:	анбар,	а: амбар (2, 2—3)[58]
	имбирь	инбирь (40, 43)
	имбирное пиво	инбирное пиво (40, 43)[59]
	ланпа	лампа (48, 53)
	почтантский переулок	почтамтский переулок (88)
	шинпанское	шампанское (107, 123).
2. Перед щелевыми неносовыми надо произносить не:	анфитеатр,	а: амфитеатр (2, 3)
	канфора	камфора (43, 47)
	Памфил	Панфил (68, 80)
	триунф	триумф (94, 110).

Любопытны комментарии Греча. "Не должно произносить: *шинпанское*. Мы не вписали бы этой поправки, если бы не слыхали ошибки этой из уст русских актеров и актрис со сцены" (Греч, 1839, с. 123).

Видно, что вариативность [м—н] в позиции перед неносовыми (губными или зубными) согласными была беспорядочной, разграничительная сила <м—н> в этом положении оказалась очень ослабленной. Дело было близко к тому, чтобы вообще здесь не различать [м—н], т.е.: либо к свободной мене в любом слове (в такой позиции) [м] на [н] и наоборот; но такая свободная мена — не в нравах русского (и, может быть, всякого) литературного языка[60]. Тогда другая возможность: либо к позиционной закрепленности: [м] перед губными, [н] — перед зубными. Закономерность, как видно, стремилась охватить не только взрывные неносовые, но и щелевые.

Причина такого безразличия к месту артикуляции носового (в такой позиции), вероятно, взаимодействие литературного языка с просторечием.

Особенно существенно такое наставление: "Не должно произносить: *почтант, Почтантский переулок*; правильно: *почтамт, почтамтский* (Греч, 1843, с. 88)[61]. Если такое произношение было распростра-

[58] Первая цифра указывает страницу издания 1839 г. вторая (после запятой) — страницу издания 1843 г.

[59] Любопытная деталь: в первом издании сказано: не произносить *имбирь*...; во втором: не должно писать (!) *имбирь*...

[60] Все же иногда он нехотя допускает такую свободную мену: см. о сочетаниях "согласный + [j]" в гл. 2.

[61] Совет появился только во 2-м издании. В нем Греч опустил некоторые советы, вероятно, потому, что ошибки счел не очень характерными для "хорошего общества". Но *почтант, почтантский*, видимо, было ошибкой, частой и в "хорошем обществе".

нено, то закономерность: [м] — перед [п], [н] перед [т] — становится очень близкой к позиционной. Настоящим препятствием остаются только слова *ломти, ломтик*. Произношение слов *экспромт, почтамт* было необязательным; говорили и *экспромпт, экспронт* (см. дальше фонетический портрет Марина), и *почтант, почтантский*.

Диезные—недиезные

Диезная артикуляция, видимо, заключалась в том, что язык при произношении согласных приподымался по направлению к твердому нёбу. С.П. Шевырев писал: "Русский язык имеет звуки *ла* и *ля*, недоступные для Европейцев, и не имеет Европейского среднего звука *la*. Вот может быть в чем заключается одна из тайных причин, почему нам русским легче бывает говорить на западных языках, нежели Европейцам говорить на нашем. Между двумя крайними нашими звуками: твердым *ла* и мягким *ля*, нам легче уловить средину *la*, нежели обратно от этой средины перейти к обеим крайностям звука"[62].

Отношения похожи на современные: [л'] отличается от [l] и [л]. "Средний", европейский, согласный [l] отличается от [л'] тем, что он не палатализованный (нет подъема передней части языка по направлению к твердому нёбу); тот же [l] отличается от [л] тем, что он не велярizованный (нет подъема задней части языка по направлению к мягкому нёбу). "Средний" [l] — действительно средний, не повышенный (не диезный) и не пониженный (не бемольный). С.П. Шевырев, разграничивая русские [л'] и [л] с [l] посредине между двумя другими боковыми, убеждает нас в том, что в голубой системе артикуляционное соотношение между [л'] и [л], между диезными и недиезными было такое же, как и в зеленой, и в более поздних системах. Анализ элевых артикуляций для него только удобный пример, чтобы показать отношение между всеми мягкими и всеми твердыми.

Сильные позиции для диезных—недиезных для голубой те же, что и для зеленой системы: перед всеми гласными, кроме <э>; перед заднеязычными и твердыми губными.

Не надо ли сделать исключения и сказать: перед заднеязычными и твердыми губными позиция по твердости—мягкости сильная, но не для <р>—<р'> после [э]? Не был ли дрожащий согласный в этой позиции непременно мягким? Действительно, произносили: *верьх, перьвый* и ряд других слов с [р']*[63]*. Но эта зависимость была явно уже умирающей, не распространялась на все лексические единицы. Заимствованные слова (*герб, верфь*) и, возможно, высокоторжественные (*повергать, низвергнуть*) произносились с твердым [р]. Эта "твердая" традиция установилась уже в конце XVIII в.

Свидетельства о произношении мягких согласных в голубой систе-

---

[62] *Шевырев С.П.* Указ. соч. С. 185. Ср. у С.П. Барана: "...*л* в этих наречиях в немецком и французском языках занимает нечто среднее между нашим *ль* и *ль*. Так, есть различие между *ла* (русск.), *la* (франц.) и *ля* (русск.)" (*Баран С.П.* Указ. соч. С. 88).

[63] См. хорошую коллекцию примеров у Л.А. Булаховского: *Взлез он на верьбу сухую... И вокруг верьбы плясал* (Н. Маркевич), *верьхушки, перьвое* (П.Я. Чаадаев), *перьвое* (П.А. Вяземский), *сверьх* (А. Вельтман)... (*Булаховский Л.А.* Указ. соч.).

ме немногочисленны. Нет сомнений, что в сочетаниях <нщ>, <нч> зубной был мягким, см.: *поденьщик* у Г.П. Павского (ГП: 99), *обманьщик* 239 у Карамзина и др.

Перед йотом тоже была устойчива мягкость зубных и губных. Ф.И. Буслаев писал: "Не должно смешивать ъ с ь в словах *объяснить, объявить* (а не *обь-яснить, обь-явить*) и в друг[их], сложенных с предлогом *объ*. В слове *подьячий* принято писать ь, а не ь, хотя... *подьячий* происходит от слова *под-дьяк*" (ФБ: 41). Речь идет, как видно из контекста, не об отвердении [д'] перед йотом, а о безразличии, как написать: *дьяк* или *дьяк*. Безразличие объясняется тем, что и сочетания *дья, дью, дье...* и сочетания *дья, дью, дье...* читались одинаково — так, как велели законы произношения: с мягким [д'].

Петербуржец Г.П. Павский писал: "Пишем: *изъявить, изъемлю, въявь, въѣхалъ*, а говорим: *изьявить, изьемлю* и т.д. Даже отдельно написанные предлоги здесь не редко переменяют ъ на ь. Написано: *съ ядомъ, изъ ѣды, съ юга*, а читаем: *сь ядом, изь ѣды, сь юга*. Такое изменение ъ-а на ь пред гласными мягкими много зависит и от предшествующих ъ-у согласных букв. Мягкое произношение ъ-а или изменение его на ь чаще всего слышно после *з, с*, как показано в примерах. Изредка оно допускается после губных и нёбных букв, несмотря на их отвращение от ь-я; а после язычных *д, т* не допускается никогда... Можно умягчить ъ пред *и* в местоимении *их* (напр., *съ ихъ умомъ, изъ ихъ словъ* чит. *сь их* и т.д.), а в прочих случаях пред и везде ъ остается ъ-ом" (ГП: 118—119).

Для петербуржцев твердость *т, д* перед йотом, может быть, и стала уже привычной, хотя вряд ли для всех петербуржцев, но для Москвы — нет. Более поздние записи подтверждают, что *т, д* были в этой позиции, как правило, мягкими (в желтой, зеленой системах) и лишь в алой, оранжевой стали достаточно часто выступать как твердые. У Павского, возможно, отражено севернорусское произношение, может быть, не без влияния церковного. Отмахнуться от наблюдений Павского никак нельзя: действительно, именно эти звуки,[т] и [д], стали чаще других щелевых зубных появляться перед йотом в оранжевой—алой системах. Видно, в словах Павского была правда — правда его идиолекта; мы только, в связи с другими свидетельствами, высказываем сомнение, что такие идиолекты во время голубой системы господствовали в Петербурге, и еще большее сомнение, что они были характерны для Москвы.

Сомнение поддерживает сам Павский; ведь по его словам, приведенным выше, перед местоимениями *им, их, ими* произносятся мягкие зубные в предлогах *с, из*: [с'] *их умом, и*[з'] *их слов* и т.д. Местоимения *им, их, ими* произносились с йотом в начале: "Буква *и* только в местоимениях *им, их, ими*, и после ь, напр., *чьи, статьи*, произносится двоегласно: *йим, йих, йими, чьйи, статьйи*; во всех других случаях чисто" (АВ: 181). Значит, через диэрему (пограничный сигнал) йот действует так сильно, что смягчает предшествующие <с> и <з>. Неужели разница между воздействием на <с, з> и на <т, д> была настолько велика, что <с, з> получали мягкость сквозь межсловную диэрему, а <т, д> не получали ее при всего-навсего межморфемной диэреме (после приставки)? Трудно допустить такое резкое различие.

Вся последующая история групп согласных с общей диезностью говорит о том, что главнейшее различие — между классами звуков, разных мест артикуляции, а не разных способов. Допуская "смягчение" губных перед йотом и не допуская "смягчения" <т, д>, Павский, вероятно, ошибался в степени распространенности (или нераспространенности) этих явлений.

Мы считаем смягчение перед йотом господствующей нормой в голубой системе.

В 60-х годах, в конце изучаемого периода, Г. Свит в Москве сделал ряд фонетических записей-транскрипций. Они очень неточны в одних отношениях (например, в передаче безударных гласных) и очень точны в других (например, в обозначении влияния носовых согласных на гласные). Обозначение мягкости у него часто неточно. Например, он считает, что голубые могут получать мягкость перед мягкими зубными: [ф'с']*який*, [ф'с']*е* (2 раза) — явно недостоверные записи. Он же услышал и такое произношение: *напи*[т'с']*я*. Тоже очевидная ослышка.

Свит записал: *пере*[б']*ью* (557)[64]; это подтверждает наше предположение о позиционной мягкости согласных перед йотом. Если губной [б'] мягок, то наверняка мягки и зубные согласные.

Г. Свит транскрибировал: *ше*[с'т'] 552, *мило*[с'т'] 557, *редко*[с'т']*и, е*[с'т'], *вечно*[с'т'], *про*[с'т']*ились, вме*[с'т']*е* 559, *ме*[с'т']*и, слабо*[с'т']*и, услужливо*[с'т'], *про*[с'т']*и, то-е*[с'т'] 560; [з'д']*елайте*, [з'д']*есь* 557, [з'д']*елать* 560; *бе*[д'н']*яжка* 560; [с'н']*ег* 552. Мягкость зубных перед зубными была, без сомнения, позиционной. Недостоверны, по нашему мнению, такие записи Г. Свита: *е*[сл']*и* 559 *под на*[дз']*иранием* 559. Слово *если* и в наше время, в конце XX в., сохраняет мягкий [с']; а ведь история таких сочетаний за прошедший век — это история утраты мягкости. Мягкость не распространялась, а суживала круг своих проявлений... В слове *надзирание* сочетание [дз'] — либо аффриката, либо аффрикатоид, и мягкость одной части при твердости другой маловероятна.

Напротив, в записи: *пере*[д-н']*ей,о*[т-н']*их* 560 (предложные сочетания), может быть, Свит верно отметил уже тогда возможное сохранение твердости на стыке "предлог + имя". Менее последовательно отмечал Свит мягкость в сочетаниях "зубной + мягкий губной": *и*[з'в']*ините* 557, [с'в']*ятейшую* 559, но: [сп']*ерва*, [дв']*ерь*, [см']*ерти* 559, [цв']*еток* 560. Думаем, что Свит не услышал здесь мягкости, потому что она и фактически была в таких сочетаниях, вероятно, меньшей (и это потом способствовало ее утрате)[65]. В слове [цв']*еток* и в предложном сочетании *о*[т-м']*еня* ее, возможно, и на самом деле не было в произношении, по крайней мере у некоторых говорящих.

О мягкости зубных перед мягкими зубными говорят и такие написания, проникавшие даже в печатные тексты: *вѣтьвистаго, вѣтьвями, вѣтьви, вѣтьвь, вѣтьвистое*[66].

[64] *Sweet H.* Russian pronunciation // Transactions of the Philological Society. 1877-8-9. L., 1879. P. 543—559.

[65] Интересны и такие транскрипции Г. Свита: *че*[рн']*ила* 557, *сме*[рт']*и* 559, *го*[рн']*ицу* 560; *те*[рп']*елива* 560; [вм']*есте* 559.

[66] *Карамзин Н.М.* Соч. Т. 2. С. 165, 299, 302, 304.

ИРЯЗ
институт русского языка им. в.в. виноградова
www.ruslang.ru

"Диссимиляция" в сочетаниях <кк>, <гг>; <кч>, <гч> была позиционной: не допускались сочетания [кк], [гг], [кч]. Вопрос — была ли позиционной мена [к] на [х] перед [т].

"Буква *к* при встрече с *к, т* выговаривается мягко, как *х*. Пишем: *къ кому, кто,* а говорим: *х кому, хто*. Это конечно делаем для того, чтобы избежать неприятной встречи двух одинаких или подобнозвучных букв, и притом твердых [=глухих]. По этой же причине слово *мяккий* выговором переделано у нас на *мяхкий*, а писцами на *мягкий*. Поводом к такому неправильному писанию без сомнения послужило подобное слово *легкий*. Но между словами *мягкий* и *легкий* есть сходство только в выговоре (*мяхкий, лехкий*), а в буквах нет" (ГП: 135).

А.Х. Востоков согласен с Г.П. Павским: "Г, произносимая густо, как *g*, в словах *легокъ, мягокъ, ноготь* обращается тоже в *х*, при стечении с твердыми согласными, ибо *легко, легче, мягче...* произносятся как *лехко, лехче, мяхче, мяхко...*" (АВ: 190). Там же транскрибировано: *к кому=хкому, к чему=хчему*. (Правда, данных о произношении слова *тягчайший* нет, но оно ведь уже для желтой—зеленой систем перестало быть препоной.) Итак, эти чередования:

Не перед [к, г], [ч]	Перед [к, г], [ч]
[к, г]	[х, γ]

были позиционными.

Как вели себя фонемы <к, г> перед зубными взрывными — [т, д]? Данные противоречивы. Безусловно, произносили [х]*то* (АВ: 190). Но: по Востокову говорится *нохти*, по Павскому — *нокти* (ГП: 113)[67]. Петербург? Даже на стыках: *к тому* произносим *х тому*[68]. Хотя во многих хорошо усвоенных заимствованных словах *кт* заменялось на *хт*, но вряд ли во всех. См. у А.И. Герцена: *в трахтире*[69].

Н.И. Греч беспокоится, чтобы не ошиблись: "*Доктор*. Не должно произносить *дохтор*" (Греч, 1839, с. 31; 1843, с. 32). Значит, так все-таки произносили.

По словам В.А. Васильева:

"Пишут: а произносят:
дегать дехтярный
когти кохти
ногти нохти"[70].

Но уже существовали в литературном языке слова *акт, трактат, факт* и мн. др., которые [кт] не заменяли на [хт]. Чередование не было позиционным. Могли быть индивидуальные произношения, где эти чередования не выдерживались (или не все выдерживались). Пример — произношение А.С. Грибоедова. У него в сочетании "два одинаковых согласных + еще согласный" долгота начальной части этого

[67] У Востокова указано: *къ тому=хтому* (АВ: 190).
[68] *Васильев В.А.* Указ. соч. С. 45.
[69] *Герцен А.И.* Указ. соч. М., 1956. Т. 10. С. 54.
[70] *Васильев В.А.* Указ. соч. С. 52.

сочетания утрачивалась[71]. Примеры: *народы съ знаменами...; погрузим с собою въ влажную стихію...* Ясно, что произносилось *съ знаменами*[72], *въ влажную* не с долгими начальными согласными. Можно было бы ожидать, что предложное сочетание *к государю* даст сочетание в духе времени [γ г], с расподоблением взрывных, согласный "на месте" предлога *г* останется и найдет свое буквенное обозначение. Но Грибоедов пишет: *Допустить его Государю Императору*[73], с пропуском предлога. Следовательно, было не сочетание [γ г], а стечение одинаковых согласных [гг], и оно, не желая быть долгим, упростилось в [г].

Резкие—нерезкие

В голубой системе количество слов с сочетанием [шн] заметно расширяется. Откровенная орфография: Давно известны коломенские фабрики, кумашные, полотняные, шелковые (Н. Карамзин); И наконец в мушном ларе | Открыто заседанье (И. Крылов); Распевал святошные песни (В. Нарежный); С лубошной кровлей (А. Вельтман); Под этими атласными веками, окруженными легкой коришневатой тенью (М. Лермонтов); Читаю встрешному и поперешному (А.И. Тургенев — П.А. Вяземскому) и т.д.[74]

Произношение [шн] показывает рифма: *неотлучный — равнодушный* (А. Пушкин), *табачный — взоры страшны* (М. Лермонтов), *полношную — роскошную* (П. Вяземский).

Ну что ж, ей может быть единобразье скучно,
И муж на то глазеть обязан равнодушно.
А. Грибоедов

"Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно да сядь ко мне!"
"Что, Таня, что с тобой?" — "Мне скучно..."
А. Пушкин

В говорах встречаем: *востошный, подрушный, песошный, заошно, сошный (=сочный), веки вешные, рушной, башмашник, мушник, вековешный, загранишный, привышно, истошник, денно и ношно, ношной, полношный, решная, так тошно, пшенишный, неприлишно, подвенешная, посутошно, почешный, отлишный, публишный, кирпишный, фабришный, мрашно, удашно, лоскутошный, наконешник, обышный, протошный, крошешный, мешошный, табашник, проселошный, налишник, кузнешный, зарешный, кишешник, нарушник, кишошные (боли), мельнишный, подвенешный, разлушники, сутошный, своерушно, недолговешный, полношный, пешник, удашник, смашный, праснишный, дашный, удашно, зажитошный, закусошная, разлушница, трехмесяшный, прошный, клюшница, поперешник, огурешный, горшошный, неудашный, они нашнуть, запешный, улишный, смашной, припадошный, лишно, язышник, неприлишный, полномошный, тушный, судашничать, пу-*

[71] См. об этом в разделе "Краткие—долгие".
[72] *Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. 3. С. 186, 44.
[73] Там же. С. 240.
[74] *Булаховский Л.А.* Указ. соч. С. 21.

блишный, мрашный, благополушно. "Такие формы обильны во всей акающей части Московской губернии"[75]. Если так широко было представлено сочетание [шн] в говорах, то нет уверенности, что их не могло быть и в литературном языке начала XIX в. Если в говорах была форма *благополу*[шн]*о*, то где ручательство, что рифма А. Пушкина не рассчитана на чтение: *ску*[шн]*о* — *благополу*[шн]*о*? Ведь слово *благополучно* не в говоре возникло, оно получено из литературного языка. Так где же *чн* стало произноситься как [шн]: уже в самом источнике заимствования, в литературном языке, или было переделано в говоре? С.П. Обнорский пишет: "Следует думать, что полученное диалектами из литературного языка *шн* в лексике, так именно звучащей в самом литературном языке (ср. *конешно, привышный, так тошно* и под.), на диалектной уже почве обобщилось и распространилось и стало общим типом произношения всякой притекавшей из литературного языка лексики с старым *чн*. Этому обобщению *шн* должно было содействовать отсутствие в известных диалектных группах (напр., в цокающих говорах) *чн* как такового. Понятно, что лексика с *чн*, приходившая из литературного языка, напр. в цокающие области, должна была здесь внешне перелицеваться, и слова вроде *бесконечный, мрачный, благополучный* и т.д. либо механически по нормам цоканья получали *ц* вм. *ч* (*бесконецной* и под.), либо выравнивались с рядами прочей литературной лексики типа *привышный, конешно* и под. (отсюда — *мрашный, бесконешный* и т.д.)"[76].

Вопрос, однако, в том, могли ли переделывать литературное [ч'н] на [шн] нецокающие говоры, например–окружающие Москву. Могли, если в них действовала строгая фонетическая закономерность: перед [н] всякое [ч'] менялось на [ш], т.е. если эта мена была позиционной, императивной, неизбежной. Но так же могло быть и в московской речи: контраст между городским просторечием и подмосковными говорами в начале XIX в. вряд ли был велик. Если же в городском просторечии была такая норма, то можно предположить, что в какой-то предшествующий период (в синей системе?) она была литературной; в XVIII в. еще не легла резкая грань между литературным и московским просторечным произношением. Поэтому беспочвенна уверенность, что формы типа *благополушный* получали [шн] только в говорах: у данного слова это сочетание могло быть усвоено и в литературном языке в определенный период его истории.

Нельзя же считать, что те факты, к которым у нас не привыкли, не существовали. Вот такой факт:

О Боже мой! но ждать покажется за вѣчность.
Я выйду завтра же. Счастливая поспѣшность!
Н. Хмельницкий II, 212.

Конечно, во время голубой системы существовала уже грань, хотя бы и не очень устойчивая, между московским литературным произ-

---

[75] *Обнорский С.П.* Сочетание *чн* в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 245.

[76] Там же.

ношением и произношением диалектного окружения Москвы[77]. Пусть в этом окружении было как угодно много слов, произносившихся с [шн] (при исконном *чн*), — для литературного языка было важнее другое. "Литературный язык, московский в своей основе, как норму, знал формы с *шн*. Но в нем имелись пласты старой книжной лексики, по традиции, в книжной среде, сохранявшейся в старом виде, с *чн*. Слои новых заимствований, широкой волною вливавшиеся в язык с XVI в. и далее, составляя книжный пласт языка, также вообще произносились с чн"[78].

Надо думать, что такие слова, как *вечность, предвечный, личный* (*дворянин*) и под., произносились (под влиянием церковного произношения, под влиянием письма) с [ч'н]. Ср. игру словами у А.Н. Островского: "Ты не личный, ты лишний человек" ("Правда хорошо, а счастье лучше"). Следовательно, закономерность нельзя считать позиционной, хотя она неизмеримо ближе к позиционности, чем в наше время[79]. У нас сейчас преобладают формы с [ч'н], тогда резко преобладали формы с [шн].

О том, что мена была близка к позиционной, говорит такой факт. Слова *альманашник, альманашный,* конечно, не могли иметь произношение с [ч'н], ср.: *успех — успешный, лемех — двухлемешный, грех — грешный, смех — смешной, ухо — ушной*... Однако писали это слово часто с буквой *ч*: Альманачник Бухнер напророчил ей престол (И. Лажечников); Альманачникам на него плохая надежда (В. Белинский); "Синьор Маврицio"... легкая, мило рассказанная альманачная безделка (Он же); Успех "Полярной Звезды" произвел в нашей литературе альманачный период (Он же). Ср. еще: Первые дни были днями самозабвения и суматочной деятельности (С. Аксаков)[80].

Почему было не страшно, что прочтут *альмана*[ч']*ник, альмана*[ч]*ный, сумато*[ч']*ный*? Почему были возможны ошибки? Да потому только, что был навык во всех словах (за немногими, считанными исключениями!) буквосочетание *чн* читать как [шн]! Не нужно никаких более ясных доказательств того, что мена: [ч] не перед [н]||[ш] перед [н], [н'] — была близка к позиционной[81].

---

[77] Однако она не была еще очень резкой. В "Практической русской грамматике" Н.И. Греча (СПб., 1827) правила произношения даются "по употреблению, существующему в наречии Великороссийском (то есть господствующем в губерниях Московской и смежной с оною) и принятому образованными людьми по всей России" (с. 110). Как видно, Московская губерния в качестве орфоэпической законодательницы берется в целом.

[78] *Обнорский С.П.* Указ. соч. С. 249.

[79] О том, что мена была непозиционной, свидетельствует и постоянное ее отражение в письме. Позиционные мены, не тронутые распадом, не осознаются говорящими и только случайно проникают в письменные тексты.

[80] Примеры В.И. Чернышева (*Чернышев В.И.* Указ. соч. С. 70—71). Ср. еще: *альманачник* (Моск. телеграф. 1829); словесность *альманачная* (Библиотека для чтения. 1836). Примеры Л.А. Булаховского (*Булаховский Л.А.* Указ. соч. С. 22).

[81] Рифма А. Грибоедова: *нарочно — точно* ("Горе от ума"), со словом *наро*[шн]*о*, не рассчитана ли на чтение: *то*[шн]*о*? Это был бы сильнейший довод в пользу того, что чередование [ч || ш] в голубой системе оставалось позиционным. Тогда книжные слова с [чн] (*предвечный, бесконечность*) надо было бы рассматривать как особую фонетическую подсистему: подсистему книжных слов. Ведь не боятся омонимии только позиционные чередования!

Показательно, что даже термины, слова по своей групповой природе книжные, тоже иногда подчинялись этой мене; у Н.И. Лобачевского мы можем прочесть: *поперешник* (диаметр), *поперешный* и т.д. Это тоже свидетельство, что мена сохраняла свою силу. Была близка к позиционной.

Еще одна важная деталь. С.П. Обнорский заметил, что сочетание [ч'н] имеют слова книжные и кроме них те, у которых ударение после этого сочетания: *мучной, ночной, печной, личной, речной, ручной*[82]. Как могло ударение повлиять на чередование [ч|| ш]? Убедительного чисто фонетического ответа как будто нет.

Мы полагаем, что закономерность была грамматико-фонетической. Есть несколько глаголов: *качнут, покачнутся* (и другие приставочные), *очнутся, начнут*; их немного, но они частотны в речи. У них сочетание [ч'н] в литературном языке никогда не заменялось сочетанием [шн]. Случай этот надо рассматривать как грамматикализованный: *нач#нут, кач#нут* — перед диэремой, связанной с суф. *-ну-*, нет замены [ч] на [ш]. У этих глаголов, как читатель уже заметил, ударение падает на гласный после сочетания [ч'н]. Затем возможность [ч'] перед [н] была перенесена на прилагательные с подобным же ударением — *мучной, ночной* и др. А у прилагательных уже нельзя здесь видеть действие диэремы, так как, предположив диэрему (разграничительный сигнал) перед [н] в словах *мучной, ночной* и т.д., мы должны ее же видеть в словах *пшеничный, запечный* и т.д., которые, однако, произносились с сочетанием [шн] (а это указывает, что диэремы здесь не было; диэрема — то, что определяет особую позицию на границах слов и морфем; здесь она не особая, а как раз обычная — с меной [ч'] на [ш]).

Приходится формулировать два взаимоисключающих закона: перед [н] (суффиксом прилагательных) была диэрема; перед именно таким [н] не было диэремы. Явное противоречие! Предполагать, что в одних словах она была, а в других ее не было, нельзя: место диэремы можно определять только для группы грамматически тождественных единиц. Иначе все чередования пришлось бы считать позиционными[83].

Само по себе наличие книжных слов с сочетанием [ч'н] не говорило бы о непозиционности чередования [ч'||ш]. Как уже сказано, можно в книжных словах видеть особую фонетическую подсистему, в которой действуют особые фонетические законы.

В каких случаях допустимо говорить о фонетической подсистеме, представленной особой лексической группой? В тех, когда слова этой

---

[82] *Обнорский С.П.* Указ. соч. С. 236—237.

[83] Действительно, можно было бы говорить, что мена [б' || бл'] фонетически-позиционная: всегда [б'] меняется на [бл'] перед *у*: *любить — люблю, трубить — трублю, губить — гублю, рубить — рублю* и т.д. Случай *гребет — гребу* — особый, с диэремой: *греб#у; трубе — трубу* — тоже с диэремой: *труб#у* и т.д. Возможность вводить диэрему "индивидуально", не в класс форм или слов, а в данное слово, снимает вообще вопрос о позиционном характере чередования, делает его бессмысленным.

группы объединяются по какому-либо нефонетическому признаку[84]. У нас это требование соблюдено: слова с [ч'н] — книжные слова с отвлеченной, небытовой семантикой.

Глаголы *начнут, качнут* — тоже не помеха: в них можно видеть диэремные образования (как уже сказано выше); [ч'] здесь стоит не перед [н], а перед диэремой: *нач#нут.*

Но формы типа *ручной, ночной, точный, точно* никак не могут быть устранены, они — явное доказательство, что в голубой системе чередование [ч'||ш] уже не было позиционным.

Надежны ли факты, говорящие, что произносили *ру*[ч']*ной, но*[ч']*ной, то*[ч']*ный, то*[ч']*но*? Об этом свидетельствует одно: не обнаружено написаний этих слов с [ш] (в литературно-нормативных текстах).

Итак, чередование в голубой системе было непозиционно... но близко к позиционному. (А все же рифма Грибоедова тревожит...)

Глухие—звонкие

Г.П. Павский звуки ("буквы") *б, в, д, г* (в значении *g*), *г* (в значении *h*), *з, ж* называет глухими (!). Соответствующие им "буквы" (т.е. звуки) *п, ф, т, к, х, с, ш* — ясные (ГП: 110)[85]. Теперь будут понятны законы, которые "составил себе выговор".

"1-й: если в начале и средине слова перед ясною буквою стоит глухая, какого бы ни было органа, и обратно, произноси ее как ясную, ей соответствующую, и обратно; так чтоб в произношении всегда была слышна ясная с ясною, глухая с глухою.

2-й закон: на конце слова глухую произноси как соответствующую ей ясную" (ГП: 112).

Примеры для демонстрации первого закона:

Глухая пред ясною=обе ясные:

робкий	читай	*ропкий*	*гладкій*	читай	*глаткий*
лавка	"	*лафка*	*близкій*	"	*блиский*
въ фонарѣ	"	*ффонаре*	*изъ кареты*	"	*ис кареты*
входъ	"	*фхот*	*ложка*	"	*лошка*
подъ столъ	"	*пот стол*	*общипать*	"	*опщипать.*

Ясная пред глухою=обе глухие:

сборъ	читай	*збор*	*съ добром*	читай	*з добром*
просьба	"	*прозьба*	*къ дому*	"	*г дому* (г=g)
отдалить	"	*оддалить*	*сговоръ*	"	*зговор*
съ горы	"	*з горы*	*отъ жены*	"	*од жены.*

"Во второй половине сей таблицы, где показана переделка ясной буквы на глухую, — пишет Г.П. Павский, — я не привел примера на

---

[84] Если игнорировать это условие, можно любые исключения из правила объединить в особую подсистему. Достаточно заявить, что слова и словоформы с таким исключением — особая группа, и она потому особая, что выделяется именно данной своей исключительностью. Тогда любое чередование можно объявить позиционным.

[85] Ср.: *Васильев В.А.* Указ. соч. С. 44—45.

букву *в*, потому что она не переделывает пред собою ясных букв на глухие" (ГП: 113)[86].

Примеры на второй закон:

лобъ	читай	*лоп*	*благъ* (г=h)	читай	*блах*
Арабъ	"	*Арап*	*грузъ*	"	*грус*
червь	"	*черф* (!)	*князь*	"	*княсь*
входъ	"	*фхот*	*сторож*	"	*сторош*
чертог	"	*чертох*	*рѣжь*	"	*решь* (ГП: 115).
рогъ (г=g)	"	*рок*			

Того же мнения придерживается А.Х. Востоков: "...Мягкие *б, в, д, ж, з* от стечения с твердыми *к, п, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ* и в конце слов перед полугласными ъ и ь произносятся как твердые, им соответствующие:

б	как	*п,*	напр. *бабка, дуб*	как	*бапка, дуп.*
в	"	*ф*	" *впуск, судов*	"	*фпуск, судоф.*
д	"	*т*	" *будто, медь*	"	*бутто, меть.*
ж	"	*ш*	" *тяжко, рожь*	"	*тяшко, рошь.*
з	"	*с*	" *возход, образ*	"	*восход, обрас.*

Напротив того, твердые согласные *с, т,* когда предшествуют мягким *б, д, ж, з, г,* произносятся как *з, д*: напр. *збор* (вместо *сбор*), *здача* (вм. *сдача*), *женидьба* (вм. *женитьба*), *оддавать* (вм. *отдавать*), *оджимать* (вм. *отжимать*), *одзыв* (вм. *отзыв*), *зговор* (вм. *сговор*)" (АВ: 190).

Этих двух свидетельств достаточно. В голубой системе глухие—звонкие ведут себя так же, как и в более поздних системах.

Нам не удалось, как это ни жаль, найти свидетельства о поведении глухих и звонких согласных перед сочетанием "[в, в'] + звонкий шумный согласный". Мы помним, в алой—оранжевой, в желтой—зеленой системах это была проблемная позиция. Есть намеки на ее такую же проблемность в XVIII в. Но лишь намеки. Данные XIX в. пока что не помогают нам увериться в истинности этих намеков.

Краткие—долгие

Как и в предыдущих системах, в голубой существовали долгие (двойные) согласные. Г.П. Павский писал: "В старину, всячески избегая стечения двух одинаковых или подобнозвучных букв, писали и говорили: *бе-сѣмене, бе-зависти, ицѣлити, исохну, даный,* а ныне мы легко говорим: *безъ сѣмени* (=*бессемени*), *безъ зависти, исцѣлить, изсохну* (=*иссохну*), *данный*" (ГП: 116). "И даже преступаем в этом случае пределы умеренности, допуская удвоение там, где оно вовсе не должно

[86] Дельно пишет В.А. Васильев: "...Буквы *к, т, с, х, ч, щ, ш* перед *в* не переменяют своего тупого произношения на острое... Говорят:

квас
отводить
свертка
хватать, } а не { *гвас*
одводить
звертка
гватать

(*Васильев В.А.* Указ. соч. С. 46).

быть. Напр., говорим: *истинна, драмма,* (=греч. δραμα), *впроччем, приччина, итти*" (ГП: 117).

В.А. Васильев заметил, что в словах "...*оттаскивать, странный... ссылка, оттѣнокъ, оттискъ, оббѣжать*... — слоги, имеющие по две одинаковых согласных буквы, произносятся с наивозможною легкостью"[87].

Но нелюбовь к долгим согласным все же давала о себе знать: "Многие из иностранных слов, принятых в русский язык, в составе своем имеют по две сряду согласных букв, напр. ...*аллегро... артилерія... грамматика... эффект* и пр. — в них мы произносим только одну из двух: ...*алегро... артилерия, эфект* и др."[88] Это так и сейчас, разницы нет.

Г.П. Павский считал, что произносится: *надъ циркулемъ=нац циркулем* и т.д. В.А. Васильев возражал: *надъ церковью, подъ циркулем, молодцу* выговаривают: *натсерковью, потсыркулем, молоцу=молотсу*[89]. Последняя запись интересна тем, что показывает: везде произносится обычное, не удвоенное *ц*. А почему [ц] передает *тс*? Видимо, хочет показать, что этим звуком представлены два места в модели звукосочетания.

Как видно, удвоение могло не соблюдаться даже на стыке "предлог + имя". Следы этой, позже утраченной, простоты находим и в поэтической речи. У К. Батюшкова вполне обычны такие сочетания с предлогом (*с* вместо *со*):

С слезой блестящею во пламенных очах 55
В ней честность с счастием всегда почти бранятся 64
Но с светом вовсе не простясь 71
Лавры с скукой разбирать 76
Беседуя с зверями 139
Везде с стихами ты готов 151
Иль пасть, как предки пали, с славой 172
Водиться знаю с стадом 176
Делиться мудростью с жрецами 177
В ненастье по лесам бродя с своей клюкою 180
С скамьи как бешеный вскочил 178
Безвестный юноша, с стадами я бродил 206
Под знаменем Москвы с свободой и с громами! 210
С златыми копьями в руках 225
Меня, борющегось уже с смертельной мукой 271.

Сочетания *ссл... сск... сжр... ссм...* труднопроизносимы. Заметим, что *с* вместо *со* (а также *в* вместо *во*) у Батюшкова и поэтов его времени употребляется перед следующим словом, когда оно начинается с того же согласного. Получается плохо, так как в русском языке не могут быть долгие (двойные) согласные рядом с еще одним согласным. И это — у одного из самых сладкогласных поэтов XIX в..[90] Произ-

---

[87] *Васильев В.А.* Указ. соч. С. 49.
[88] Там же. С. 50.
[89] Там же. С. 49.
[90] Трудные сочетания согласных изредка встречаются у К. Батюшкова:

Скажет с вздохом и заснет еще! 67
Очутится пред мной печальная картина 77
Их в гневе Пифагор, его учитель славный 179.

Но это — редкость.

носилось ли: с смертельной=[с̄м']...; с златыми=[з̄л]... Сомнительно.

Долгий, т.е. двойной, согласный в сочетании с другим согласным: [с'с'л'], тем более [ш'ш'ш'] (*с счастием*) — в произношении невозможны. Так в русском языке сейчас; так, видимо, было и в голубой системе.

В некрасовское и посленекрасовское время такие сочетания в стихе исчезают. Почему? Наиболее простой ответ такой: в голубой системе вообще избегались долгие согласные. Тогда естественно и в сочетаниях *с слезой* и под. произносили недолгий согласный, и этим обеспечивалась легкость произношения, не нарушавшая гармонию стиха. Поэтому предложное сочетание *с счастьем* и беспредложное *счастьем* звучали одинаково, с обычным долгим, но не сверхдолгим согласным [ш':]. Двойная была долгота, а не тройная.

В следующую эпоху закон: "долгих согласных нигде нет", или: "долгие согласные нигде не обязательны" — перестал действовать. Чтобы быть понятым, теперь требовалось говорить: *со слезой, со счастьем...* Или произносить языколомное [с'с'л']*езой*, что мало кому под силу.

Если действует позиционный закон: "долгие упрощаются в краткие", или (то же самое по-другому): "согласный в соседстве с согласным того же качества заменяется нулем", — форма *слезой* в произношении была равна форме *с слезой,* но легко в определенном синтаксическом контексте понималась как предложное сочетание. Это особенность позиционных чередований; они легко допускают необходимые отожествления: *берёз*, с конечным [с], легко понимается как форма слова *береза.* Здесь такая же легкость определялась позиционным характером "сокращения" двойных согласных.

Итак, естественно предположить, что и все другие трудные сочетания были трудными на бумаге, а не в произношении. Говорили не [с̄'м']*ертельной*, а [с'м']*ертельной,* нейтрализуя сочетания <ссм'> и <см'>. Иначе говоря, все Батюшковы сочетания, выписанные нами, были вполне благозвучны и не включали долгих согласных. Так не только у Батюшкова. И у А. Пушкина:

Возиться с старыми журналами соседа III, 125
И он мое существованье
С своим навек соединил II, 152

и др.

Не была ли вызвана эта черта — сокращение двойных согласных — искусственностью поэтической речи?

Думать, что поэты, виртуозно владеющие техникой стиха, не умели "втиснуть" в строку предлог *со* или *во* и нарочито усекали его, — значит возводить на этих поэтов напраслину. Но факт остается фактом: в прозе К. Батюшкова (и других поэтов) мы таких конструкций, с предлогом *с, в* вместо ожидаемых *со, во* не встречаем (почти не встречаем). Объяснить это, кажется, можно так. Поэтическая речь более традиционна, более даже архаична, чем бытовая. В ней осталось то, что уже устаревало в бытовой речи,— произношение сочетаний <с#с>, <в#в> и т.д., удвоенных согласных на стыках, как неудвоенных. В предшествующую эпоху эта норма была

обычной, а для голубой системы она уже соседствовала с другой, допускавшей согласные удвоения, но продолжала сохранять господство в поэтической речи[91]. У Батюшкова не было причины избегать таких сочетаний, потому что существовала традиция чтения стихотворений, когда эти двойные согласные фонемы интерпретировались как недолгие.

Тенденция долгие, двойные, согласные заменять краткими, в период голубой системы, может быть, уже отступающая в прошлое, не была чужда и обычной бытовой речи. Так, Ф.И. Буслаев писал: "Русский язык не терпит стечения одинаковых согласных в одном и том же слоге, ни в корнях слов, ни в окончаниях" (ФБ: 67).

Подытожим. В голубой системе долгие согласные звуки, реализующие сочетание двух одинаковых парадигмо-фонем, в бытовой речи встречались. Но в поэтической речи сочетание двух одинаковых парадигмо-фонем часто реализовалось в недолгих, однократных согласных. Вспомним: намек на стремление избежать долгих (даже при диэреме) мы нашли даже у О.О. Садовской. А в голубой системе это стремление должно быть более настойчивым, чем в зеленой.

ГЛАСНЫЕ

Ударные—безударные

Голубые акали. "*О* без ударения произносится как *а*; напр., *огóнь, водá — агóнь, вадá*". Так считает А.Х. Востоков.

М.Н. Катков пишет про "общепринятый русский выговор": в нем "б[уква] *о* без ударения никогда не удерживает своего звука и переходит в элемент краткого *а*".

Стих этой эпохи неохотно обнаруживает аканье.

К началу XIX в. была уже создана устойчивая поэтическая традиция, следовать ей стало признаком профессиональности стихотворца. Рифмовать заударные *о—а* было не принято; их перекличка — вольность, притом недопустимо дерзкая[92]. Причины, создавшие эту традицию, остались в XVIII в., она потеряла реальный смысл и существовала как "знак качества" стиха. У Баратынского нет ни одного случая рифмования *а—о* (!); у Батюшкова всего один: *зерцало— расцветала* ("Хор для выпуска благородных девиц Смольного монастыря", 1812).

В.М. Жирмунский пишет о рифмовке заударных *а—о*: «у Языкова — всего два примера (*слово — Годунова, выдал — идол*)...

---

[91] "*Насъ съ Станкевичемъ*"... (Рус. беседа. М., 1856. N 4. С. 33, в статье М.П. Погодина). Такой затор из трех согласных [с], конечно, непроизносим. Почему не сказано *со Станкевичем*? Потому что был устойчивый навык "непроизнесения" долгих (удвоенных, утроенных) согласных. Произношение было простым: *нас Станкевичем*, что понималось, конечно, как предложное сочетание (точно так же, как *костный туберкулез* легко понимается как туберкулез костей, хотя [т] не произносится). Позиционное чередование!

[92] См.: "Рифма у В. Жуковского и К. Батюшкова не пользуется даже счастливым свойством нашего языка, который, по сходству звука, дозволяет рифмовать буквам *о* и *а* в словах женского окончания. Но музыкальная школа считала это за ошибку против верности звука" (*Шевырев С.П.* Сочинения А.С. Пушкина // Москвитянин. 1841. N 9).

Тем не менее заударные *а—о* стали рифмоваться; пусть таких случаев у каждого поэта немного, но они есть у многих поэтов. Значит, произношение стиха уже не ориентировано на безударное оканье; читать стих можно было в духе бытовой речи, с нейтрализацией безударных <а>—<о>.

Вероятно, возможность такого чтения (то есть вытеснения высокого оканья из русской литературной речи) открылась уже с победой карамзинистов. Но нежелание огорчать читателя, почти английское уважение вещественных знаков традиции, вежливое снисхождение к привычкам читателя — все это помешало Карамзину и Дмитриеву нарушить буквенное единообразие рифмы. Рифм с перекличкой заударных *о—а* у них нет. Шишковисты же, враги Карамзина и поэтов его круга, продолжали читать стихи „на о"; у них не было причин отказываться здесь от старины.

Поэтому чтение стихов без оканья, неуместного в новой интимной лирике, отразилось в рифме только у романтиков.

Конечно, высокое оканье еще осталось, вероятно, в торжественных „приветствиях" и „речах", но сами эти жанры отошли на глубокую окраину культурной жизни. Поэтому начало XIX в. надо считать периодом, когда впервые вместо двух произносительных норм — поэтической и бытовой — оказалась господствующей одна — та, которая ориентировалась на бытовую речь культурных людей. Но ведь этим и сама бытовая речь впервые стала вполне литературной; когда было высокое оканье, она поневоле должна была довольствоваться вторым, непочетным местом. Было противоречие между ее оценкой („непочетная", „непочтенная" речь) и ее общественной ролью: оканье кормилось у Дельвига — ни одного, у самого Пушкина, за исключением лицейских стихов, мною насчитан всего 21 пример... Первыми поэтами, более свободно применяющими рифму *а:о*, являются Лермонтов и Тютчев. Хронологическая грань намечается около середины тридцатых годов; возможно, что пример Лермонтова имел для позднейших поэтов решающее значение»[93].

Б.В. Томашевский добавляет: "Впрочем, уже в начале века некоторые поэты свободно рифмуют *о* и *а*, например Денис Давыдов: *потока — далеко, парой — пожара, милой — катила, укорам — взором, шутка — жутко*"[94].

Грибоедов, отличавшийся точностью своих рифм и любивший сочетать совпадение звуков с орфографическим подобием, допускает рифмы типа *рано — обмана, по рассказам — разом* (в "Горе от ума" восемь таких случаев). Если у Пушкина подобных случаев относительно меньше, то не следует забывать о силе сопротивления традиции. Важно, что строгий запрет с таких рифм снят[95].

Установка на точную рифму (с некоторыми строго регламентиро-

[93] *Жирмунский В.М.* Рифма, ее история и теория. Пб., 1923. С. 158—159.

[94] *Томашевский Б.В.* К истории русской рифмы // Томашевский Б.В. Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 102.

[95] Там же.

ванными отступлениями[96]) у поэтов начала XIX в. — только у стихотворцев и витий, а все остальное обслуживалось акающей речью. Новая поэзия, не только секуляризованная (поэтому ассоциации с церковной, тоже окающей, речью были не нужны), но и освободившаяся от роли официального "идееглашатая", не могла свои темы, глубоко личные, связывать с архаическим типом произношения. И оканье ушло из поэзии настолько безболезненно и естественно, что его ухода никто не заметил. Все же ясно: было это в начале XIX в., свидетель тому — рифма.

Аканье не вызывает сомнения (АВ: 190). Спорно другое: в каких звуках реализовались <а, о> в разных безударных слогах (не после мягких согласных)! Как говорили: *гълава — за гълъву* или *галава — за галаву*?

В рифме, оказывается, могли перекликаться буквы *ы — а, ы — о*. Перекличка использовалась в том случае, если за буквами скрывались такие звуки: заударныӥ [ы] — заударный [ъ] (реализатор <а, о>): *оцепенелым — уделом, дубровы — былова, дубровам — медовым, любимым — неугасимом* (Ф. Тютчев) (МК: 10); рифмует заударные *-ым* и *-ом* М. Лермонтов[97]. Но рифм таких до середины XIX в. мало. И наряду с ними есть такие: *покоя — парчою, торжествуя — такую* (Ф. Тютчев)[98], *жемчужною — южную, думаю — угрюмую* (М. Лермонтов)[99]. Рифма *покоя — парчою* не могла быть точной. Такие неточные рифмы избегались, но в небольшом количестве все же проникали в поэтическую речь.

Так о чем же говорит небольшое число рифм, где перекликаются *ы — а* или *ы — о*? О том, что <а, о> дошли до такой степени редукции, что уже недалеко до [ы]? То есть: дошли в заударных слогах до [ъ]? Или только о том, что изредка допускались и неточные рифмы: *дубров*[ы] — *былов*[а], *дубров*[а]*м — медов*[ы]*м*? Ответить невозможно. Сама рифма не дает права решить этот вопрос.

Ответ приходит вот откуда. Отмечены в голубой системе такие формы: *зартачиться, единобразно* (см. выше). Во втором предударном слоге гласная <а> (или <о>) ослабляется и доходит до нуля. Это возможно только потому, что она в норме равна [ъ], т.е. реализована сильно редуцированным звуком. Путь от [а] до нуля неблизкий; если бы произносили [за]*артачиться* и под., то не появилось бы и форм с нулевым гласным. Видно, уже и в эту пору слоговая формула слова была: ...1 2 3 1 1... Формула А.А. Потебни, установленная как раз в середине XIX в., вполне отвечала фактам литературного языка (из самого текста статьи Потебни не следует с полной категоричностью, что его формулу следует отнести и к литературному произ-

---

[96] Например, разрешалось рифмовать конечный *й* с нулем звука *к* с *х* (в конце слова) и т.д.

[97] *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 332.

[98] Там же.

[99] Но соответствия *жемчужною — южную*, может быть, были и точными — в результате грамматического взаимодействия этих окончаний; см. подробнее дальше (фонетический портрет С. Марина).

ношению; поэтому нам пришлось искать факты, доказывающие это)[100].

В голубой системе, как и в зеленой, гласные <а, о, э> в безударных слогах, после мягких и шипящих согласных, реализовались звуком [э^{и}]. Об этом открыто говорят языковеды начала — середины прошлого века.

А.Х. Востоков пишет: "*А* без ударения после *ж, ч, ш, щ* и *я* без ударения, когда имеют за собою еще согласную букву, произносятся как *е*; например *ужас* произносится *ужес, лошадь — лошедь, щадить — щедить, ядро — едро, девять, десять — деветь, десеть*" (АВ: 189).

Востокову вторит Г.П. Павский: "Гласная буква *я*, стоя без ударения, везде к *е*, а в окончании род. падежа прилагательн. имен постоянно выговаривается за *е*. Напр., *заяцъ, отчаянный, священник, памятникъ, девять, десять, синяго, вчерашняго, всегдашняго, лисьяго* выговариваются у нас как бы: *заец, отчаенный, свещенник, паметник, деветь, десеть, синево, вчерашнево, всегдашнево, лисьево*... После *ж, ч, ш, щ* вместо *а* иногда слышится *е*, когда над *а* нет ударения. Пишут: *кожаный, частокол, щадривый, смѣшанный*, а говорят: *коженый, честокол, щедривый, смешенный*... Превращение *а* в *е* довольно странно потому, что между *а* и *е* большое расстояние" (ГП: 122—123). Из его рассуждений ясно, что Павскому известно эканье и неизвестно йканье. Примеры показывают, что эканье господствовало и в предударных, и в заударных слогах. Но было ли оно единственным в заударных слогах (мы сейчас не говорим о слогах, принадлежащих флексиям)? А.Х. Востоков слышал вот что: "*Е* без ударения в окончании слов произносится как *и*, когда имеет за собою еще согласную; напр., уменьшительные *кусочекъ, чашечка, блюдечко* произносятся *кусочик, чашичка, блюдичко; маленькой — малинькой*" (АВ: 189).

Г.П. Павский: "Есть случаи, где *е* без ударения выговором сближается с *и*. Напр., пишут: *кружечекъ, человѣчекъ, рыженькой, маленькой, худенькой*, а говорят: *кружечик* и пр. Писцы не твердые в грамматических правилах этот выговор *е* за *и* переносят даже и на бумагу и чрез то смешивают две разные породы имен, из которых одна имеет отличительный слог *ик*, другая *ок*" (ГП: 132)[101].

---

[100] В московском просторечии начала XIX в. господствовало произношение [ъ] во всех безударных слогах, кроме первого предударного (после твердых согласных). Это показывают народные лубочные картинки. В надписях к ним читаем: *выиграшь, выраль яму, чутбала* (=*чуть было*), *съ разнами винами, старами летами, во многихъ разговорыхъ*... Эти написания говорят о близости звуков, выражающих фонемы <а> и <и> в указанной позиции. А такая близость возможна лишь в том случае, если <а> произносится как [ъ]. См.: *Волоцкая З.М.* Некоторые явления безударного вокализма московского говора XVIII — начала XIX в.: (На материале памятников лубочной литературы) // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 266.

[101] Он же отмечает, что *лисий, синий* произносятся как *лисей, синей* (с. 133). То есть: все же <и—э> не смешивались в заударных слогах, даже под влиянием письма традиционное для русского языка окончание *-ей* муж. рода прилагательных не превращалось в *-ий*. Но было ли произношение *си*[н'эи]единственным? И было ли единственным произношение *кружо*[ч'ик]? Нет ли здесь элемента случайности в наблюдениях: и там, и там замечены отступления от орфограммы и не заменены "орфографические произношения"?

Есть соблазн все эти случаи считать грамматикализованными. Подобно тому как в безударных слогах у глаголов флексия *-ат* заменялась на *-ут* (*летят — вылетют*), так и флексии *-ешь, -ет, -ем, -ете* (с гласным типа [э^{и}]) заменялись на флексии *-ишь, -ит, -им, -ите*. То есть: господствовало грамматическое уподобление: в 3-м лице мн. числа, при безударности последних слогов, флексия I спряжения замещала флексию II спряжения; в остальных лицах (кроме, конечно, 1-го), наоборот, заменяющей была флексия II спряжения. Так образовалась единая парадигма для глаголов с безударными флексиями:

-у	-[и]м
-[и]шь	-[и]те
-[и]т	-[у]т.

Она известна в эпоху желтой—голубой систем, но существовала уже и при голубой: свидетельства многочисленны.

Это — факт бесспорно грамматический. Но такими ли были также и мены *-ик-/-ек-, -ичк-/-ечк-, -иньк-/-еньк-*? Может быть, варианты *-ик-, -иньк-* явились не по велению фонетики, а по инициативе морфологии?

А.Х. Востоков в примерах указывает такие формы: 1) *кусочек;* 2) *чашечка, блюдечко*; 3) *маленький.* Нельзя ли здесь увидеть в йкающем произношении влияния других аффиксов (как в спрягаемых формах мы попытались видеть влияние одного спряжения на другое?). Попробуем их найти: 1) *клю*[ч'ик] — как *ослик, снопик*? Очень может быть; 2) *ча*[шыч'къ], *блю*[д'ич'къ] — как *пшеничка, водичка*? Не исключено; 3) *Ма*[л'ин']*кий* как... Аналогий нет. Значит, весь набор фактов, предложенных А.Х. Востоковым, объяснить с помощью грамматической аналогии нельзя. Значит, и те, которые можно объяснить, не стоит так истолковывать. Все предложенные случаи могут быть истолкованы фонетически: они свидетельствуют об йканье. А как же у Востокова: *лошедь, деветь*? Очевидно, йканье было (даже в этой самой слабой позиции) еще факультативно и быстрее проникало в наиболее частотные единицы — в заударные ходовые аффиксы (и аффиксоиды): *-ек, -ечка, -енький.*

Об этом начальном проникновении в слово, в его самые слабые части, факультативного йканья говорит и такое признание современника: "Всякому известно, как близко сходится у нас *е* — буква, особенно в кратком выговоре, то есть без ударения, с элементом *и*" (МК: 48—49).

Итак, господствовало эканье, т.е. фонемы <а, о, э> в безударных слогах после мягких согласных (и [ш, ж]) реализовались гласным типа [э]. Но в заударных закрытых слогах, после мягких согласных и [ш, ж], факультативно был возможен *и*-образный звук, реализующий фонемы <а, о, э>.

Может смутить одно обстоятельство. Поэты начала XIX в. не рифмуют заударные *е* и *и*. Рифмы типа *просинь — осень, барин — коварен* запретны. У Е.А. Баратынского: рифм с *е* + *е* в закрытых слогах (*обитель — житель, злобен — способен*) — около 100; с

е + е в открытых слогах — около 80; с безударными *и + и* в закрытых слогах — около 90; с *и + и* в открытых слогах — около 180 (*брегами — вами, печали — миновали*). Нет рифм — никаких — с рифмовкой безударных *е + и, и + е*. Почему?

Одно из двух: либо чтение стихов требовало более традиционной, более торжественной фонетики, чем разговорная речь, либо была сильна традиция сохранять буквенное тождество рифмы. Может быть, верно не либо — либо, а и то, и другое. О том, что верно второе предположение, свидетельствует и явное стремление избежать рифмовки *о — а* (в заударных слогах). Ведь окающее исполнение стиха, несомненно, принадлежало уже прошлому: поэты-романтики от этого отказались. Здесь действовала, бесспорно, только традиция буквенной рифмовки[102]. Так было, вероятно, и для *е — и*.

Такая же э-образная реализация у фонем <а, о, э> была и после шипящих. После [ш, ж], вероятно, артикуляция гласных была несколько сдвинута кзади (сравнительно с произношением гласного после [ч'], [ш'] и всех других мягких согласных); произносили, надо думать, [э^{ы}] (т.е. [э ⊢]). Основания для такого предположения: все гласные после твердых имели артикуляцию, более оттянутую кзади, сравнительно с гласными после мягких.

По наблюдениям В.А. Васильева, произносят:

жаровня	— жеровня	шалунъ	— шелунъ
колчаногий	— колченогий	шаловливый	— шеловливый
смѣшанный	— смешенный	щавель	— щевель
часовой	— чесовой	щадривый	— щедривый
частоколъ	— честоколъ	щадушный	— щедушный[103].

Какой же здесь гласный-то был: настоящий [э]? Ответить на этот вопрос помогает одно удивительнейшее свидетельство.

В.А. Васильев (человек, умеющий наблюдать) пишет: "Народ *а* выговаривает как *е*. Образованный же класс людей, ни в чем не подражая простому, и здесь произносит по-своему, то есть вместо *е* выговаривает *и*..." Например: *пригоживо, тощиво, дюживо* и т.д. Это нас, после всего сказанного выше, не удивляет. Но дальше: "Или еще при произношении слов:

	по мужичьи	по барски
жаровня	жеровня	жировня
кожаный	коженый	кожиный
колчаногий	колченогий	колчиногий
учащать	учещять	учищать
шалун	шелун	шилун
шататься	шетаться	шитаться
щавель	щевель	щивель
щадить	щедить	щидить"[104].

[102] Весьма условная. Ничего не мешало рифмовать *ѣ* и *е, ий* и *и* и др. Эти условные правила были, однако, четки и категоричны.

[103] *Васильев В.А.* Указ. соч. С. 25.

[104] Там же. С. 27.

Это противоречит всему, что мы знаем. Во-первых, показаниям современных голубой системе языковедов (Востокова, Павского и др.). Во-вторых, не менее надежным данным рукописных текстов, см. далее фонетический портрет А.С. Пушкина. В-третьих, позднейшим свидетельствам, отмечавшим, что даже в зеленой системе нет йканья (об этом шла речь в предыдущей главе).

Наконец, главное — это противоречит тому, что говорит сам В. Васильев. Не он ли пишет, что произносят *жеровня, колченогий, шелун*, буквально те же берет примеры (см. цитату, приведенную выше)[105]. И там-то он не оговаривает, что это мужичье произношение, там оно дается как "общее", литературное. И через две страницы оно оказалось... мужичьим! Понять это, нам кажется, надо таким образом. Беда фонетистов начала — середины XIX в. в том, что им не помогала фонетическая транскрипция. Для обозначения звуков использовались обычные буквы, а их не хватало для указания на звуковые оттенки. Отсюда — непостоянство и капризные колебания в их употреблении при обозначении звуков. Есть такой звуковой ряд [и—и^{э}—э^{и}—э]. Как обозначить их, употребляя только буквы *и* и *е*? Можно границу провести так:

[и—и^{э}]	[э^{и}—э]
буква *и*	буква *е*.

Так обычно и обозначали: А.Х. Востоков, Г.П. Павский да и сам В.А. Васильев. Но вот ему понадобилось показать различие между литературным произношением, или просторечным, или диалектным. В просторечии отражались разные влияния: было, очевидно, и произношение с [э] открытым. Надо отличить, отграничить его от литературного, менее открытого звука — [э^{и}]. И В. Васильев, используя тот же набор букв, проводит границу уже по-другому:

[и—и^{э}—э^{и}]	[э]
буква *и*	буква *е*.

И тогда написания *учищать — учещать, щидить — щедить* должны показать литературное произношение с [э^{и}] в противовес нелитературному — с полностью открытым [э]. По-иному объяснить разноречие В. Васильева с самим собой и со всеми остальными наблюдателями, нам кажется, нельзя.

Нам неизвестны биографические сведения о В.А. Васильеве. Но если он был северянин, петербуржец, то просторечное "полновесное" [э] в предударном слоге находит свое оправдание. В литературном же произношении (даже петербургском) была более закрытая артикуляция. Иначе говоря, буквой *и* В. Васильев обозначал определенный тип эканья. Значит, реализация фонем <а, о, э> после мягких и шипящих в голубой системе та же, что в зеленой.

Но какова была слоговая модель тех слов, где гласные в безударных слогах находились после мягких? Ведь само по себе знание, что говорили [п'эта́к], [шэлу́н], [п'этак'и́], [шэлуны́] еще не содержит утверждения, что произносили по формуле ...1 2 3 1..., как в зеленой

[105] Там же. С. 25.

системе. Степень качественной редукции гласного и распределение экспирации по слогам в слове — разные вещи[106].

Полагаем, что была действительной формула ...1 2 3 1... (формула А.А. Потебни, показывающая распределение экспираторной силы в слове; 3=ударный слог). Доказательство: вспомним уже приводившиеся выше произносительные формы *перродился, вертено* и проч.; гласный нулизуется во втором предударном слоге либо в заударном (но не в конечном открытом заударном)[107]. Превращаться в ноль может лишь очень ослабленный гласный; в формуле он обозначен единицей. Может быть, гласный, превращаемый (факультативно) в ноль, был *и*-образным. Снова возвращаемся к мысли, что могло уже факультативно же возникать йканье. Трудно предположить, что нулизовался э-образный гласный.

Итак, господствует эканье.

А иканье было уже в дверях, в прихожей. В начале XIX в. оно овладело московским просторечием. Это показывают надписи на лубочных картинках. Лубок — любимое творение простого люда, вернее, отражение его взглядов, вкусов и зеркало его языка. Доски, с которых печатали лубки, резали около Москвы, в селе Измайлове; в Москве были печатные фабрики, где изготовлялись сами народные картинки.

Лубки XVIII в. отражают еканье во всех безударных слогах, следов йканья нет. И только в листах начала XIX в. появляются такие написания: *осидлал, иво просить, не сирдись, питухъ, миня, периехалъ, по щике, жиних...* "В памятниках XVIII в. наблюдается частая замена букв *а, я* буквой *е*, которая при отсутствии случаев обратной замены и при последовательном написании буквы *и* на месте этимологического *и* может свидетельствовать только о екающем произношении. В памятниках начала XIX в. наблюдаются случаи взаимной мены букв *е* и *и* (при более частой замене *е* на *и*), которая представлена в различных позициях, что может свидетельствовать только об изменении произношения звука в сторону приближения его к *и*"[108].

Иканье проникало в литературный язык. Прежде всего — в детскую речь[109]. Дети росли в окружении прислуги: нянек, горничных, дворовых... Усваивали йканье. Вырастали — меняли под влиянием новой своей среды произношение на более "барственное", не эканье. Но постепенно йканье взрослело, и оно, как мы знаем, стало господствовать в желтой системе.

---

[106] Ср.: *но он...* [ноон]=1 2, качественной редукции [о] нет, а экспираторная сила предударного все равно ослаблена.

[107] Хорош пример у А.И. Герцена (строка четырехстопного ямба): *Куска нет завтра перкусить...* (*Герцен А.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 199). Выпал гласный самого слабого слога.

[108] *Волоцкая З.М.* Указ. соч.

[109] "Дети большею частию произносят *е* за *и*... например, *в лису, типерь, нильзя, зимля*. Ясно, что детский орган еще не укрепился, если он одно и то же слово произносит и *лес* и *в лису*" (*Петров К.П.* Филологические заметки и физиология звука // Филологические записки. Воронеж, 1862. Вып. 1).

Как вели себя гласные во флексии? Были ли они столь же своеобычны, как в зеленой системе? Приведем свидетельства современников:

а) "Когда *а* находится в... конце слова... удерживает настоящее свое произношение...: *куча, пуща...*"[110] Значит, произносили: *ку*[ч'ъ] или *ку*[ч'а], *пу*[ш'ъ] или *пу*[ш'а]; значит, и: *во*[л'ъ], *Та*[н'ъ] и т.д.;

б) поэты рифмуют: *счастья — сладострастье, счастье — сладострастья* (К. Батюшков, 195, 202). Полагаем, что в обеих формах произносился гласный [ъ]: *счаст*[т'ъ], для им.-вин. и род. падежей. Тогда: *мо*[р'ъ], *по*[л'ъ] (в тех же падежах).

Правда, есть и такие рифмы: *о счастьѣ — участие, в долѣ — поле, в пристрастьи — счастье* (Е. Баратынский)[111].

Написания *в сраженьѣ — в сраженьи* свободно варьировались у одного и того же автора. Буква *и*, бесспорно, передавала *и*-образный гласный, а ѣ здесь был его графическим дублетом. Итак, *в сражень*[ји], *в счасть*[ји], и значит: *в мо*[р'и], *в по*[л'и] (предл. п.).

Не показывает ли рифмовка: *волѣ — поле*, что и форма *поле* (им.-вин. п.), произносилась с *и*-образным гласным во флексии? На наш взгляд, нет. Буквы ѣ — *е* были в сознании пишущих давно отождествлены, поэтому допускалась рифмовка ѣ — *е*: *лѣсъ — интересъ, мѣлъ — орелъ* [ар'эл] и под. Была привычка рифмовать ѣ — *е* независимо от фонетического их значения. Как ни парадоксально, но *мѣлъ — орелъ* — это графическая рифма, хотя очертания букв и разные. Правило рифмовки касалось именно очертания букв: слова с буквенным узором, включающим фигуры ѣ — е, рифмовались. Значит, рифме *в долѣ — поле* мы не должны придавать фонетического значения.

Напротив, важно, что окончания *-е* не заменялись на *-и*, только окончание -ѣ допускало такую замену. Значит, формы *влеченье, сомненье* (им.-вин. п.) не имели *и*-образного гласного в конце, а формы *влеченьѣ, сомненьѣ* (предл. п.) именно его-то и имели;

в) как произносили окончание твор. падежа *-ем* (без ударения)? Вспомним, что это окончание имело интересную судьбу в более поздних системах. Фонетисты, современники голубой системы, молчат об этом.

Что делать? Обратиться к рифмам? Для нас было бы важно найти рифму с перекличкой *...ем — ...ям* (типа *уменьем — стремленьям*). Фонетический состав именной флексии *-ем*, как мы знаем, неустойчив; у нас гораздо больше оснований надеяться на устойчивость флексии *-ям* (*-ьм*). Но поэты начала XIX в. избегают таких рифм. Например, их нет у Е. Баратынского, рифменного пуриста. И у других поэтов число таких рифм настолько невелико, что не превышает количество явно неточных рифм (типа *уменья — по направленью*). Вывода на таком материале не сделаешь.

Есть некоторые общеисторические соображения, которые заставляют

---

[110] *Васильев В.А.* Указ. соч. С. 27. Это противопоставлено случаям, когда буква *а* передает звук типа [э].

[111] Мы взяли рифмы Е. Баратынского: чопорная точность его рифмовки известна. У К. Батюшкова мы найдем и такие переклички стихов: *забвенья — в изумленьи*; они занимаются фонетической дезориентацией! Поэтому и малочисленны.

думать, что и в голубой системе (и значительно раньше) окончание *-ем* у существительных было фонетически равно [ъм]. Р.И. Аванесов пишет: "...Под влиянием *селóм — дóмьм* появляется *конʼóм*, а затем в заударном слоге *зʼáтʼъм*... В тех же формах, где нет образца для аналогичного воздействия, там в заударном слоге в соответствии с ударенным *о* является ь: *стáнʼьш, стáнʼьм* и т.д."

И далее: "Сделанное предположение объясняет появление звука [ъ] или [а] в формах типа *зʼáтʼам*, но оставляет открытым вопрос о том, почему этот звук не мог появиться в личных окончаниях глаголов I спряжения в соответствии с тем же ударенным [ó]. Априори можно предположить, что ударенное [ó] в падежных и личных окончаниях появилось неодновременно. Это предположение находит себе подтверждение в фактах русских говоров: сохранение [е] в окончании глаголов I спряжения (*несешь, ведешь, плетешь* и т.д.) — черта, широко распространенная для южновеликорусских говоров и исконная для них... Напротив, формы типа *конʼём* (не *конʼóм*) неизвестны. Следовательно, можно думать, что звук [ó] аналогического происхождения в окончания мягкой разновидности склонения проник раньше, чем в глагольные окончания: в ту эпоху, когда заударные гласные подверглись редукции, в соответствии с *о* появлялся ъ (*конʼóм — зʼáтʼъм*), а в соответствии с *е* — ь (*несʼём — стáнʼьм*). После этого в глагольных окончаниях также появлялся *о*, но то уже могло не отразиться на заударном гласном, так как это имело место после появления в заударном слоге редуцированного гласного ь"[112].

Если это предположение верно, то появление [ъ] во флексии *-ем* у существительных относится к гораздо более ранней поре, к эпохе до редукции безударных гласных, а поскольку этот [ъ] сохранялся до желтой системы, то он был и в голубой (мы имеем в виду: как компонент флексии *-ем*, твор. падежа существительных).

Но если это предположение верно, то в какую-то эпоху в литературном языке должна была существовать и прилагательная флексия [ъм]: *си*[нʼъм], *крича*[шʼъм]. Когда она исчезла? Ведь в алой—оранжевой—желтой—зеленой системах она уже не существует. Не было ли ее в голубой системе? Это неясно. Более того, тот же принцип (появление *о* вместо *е* в именных флексиях, затем — редукция его до [ъ]) заставляет думать о таких флексиях: *си*[нʼъму], *крича*[шʼъму], *си*[нʼъвъ], *крича*[шʼъвъ]. Существовали ли они в русском литературном языке XVIII—XIX вв.? Ответить на этот вопрос мы не можем. В зеленой системе, бесспорно, их уже не было; в указанных флексиях произносили, после мягких, [ь][113].

---

[112] *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 120—121.

[113] Любопытную деталь находим в кн.: *Лапин В.* Краткое изложение элементарных наук в рассказах для простолюдинов. 2-е изд. СПб., 1858—1859. Автор дает указание читателю: надо читать *синее море, синему*, а также *ношому, нашо, мужомь*. Учит, разумеется, не диалектной речи, а литературной. Не хотел ли автор передать произношение *си*[нʼъ]*му, мо*[рʼъ] и т.д.? Не нашел иных графических средств. Правда, здесь же он советует своим читателям с *е* произносить глагольные формы *хочет, воет, плещет, будет, вденешь*... Уж это он напрасно! Но, может быть, верно услышав ь в окончаниях имен, автор механически, не сверяясь со слухом, перенес правило и на глагол? Чисто умозрительно решил, что его наблюдение должно быть верно для всякого *е* в окончаниях? Не так ли?

Диезные—недиезные

Гласные под ударением, в соседстве с мягкими согласными меняли свою артикуляцию. Они получали "нёбный оттенок", т.е. артикуляция получала более передний и более верхний характер. Вероятно, как и в современном русском языке, гласные непереднего ряда в этой позиции получали артикуляционный сдвиг более кпереди, чем кверху, а гласные переднего ряда, но неверхнего подъема (т.е. [э]) — более кверху, чем кпереди. Впрочем, это и естественно, и другое трудно предположить: [э] некуда сдвинуться кпереди, [и-ы] — некуда кверху.

Вот свидетельства о таких позиционных зависимостях: "звук *о* выходит... в таких случаях, после всех согласных, за исключением зубных мягких, как бы с примесью йоты. А эту примесь не из чего так удачно объяснить нельзя, как из умягчения, нёбным элементом оставленного на согласных" (МК: 85). Наблюдение важное и на редкость тонкое. Невероятно тонкое: оно сделано на слух, без аппаратуры; а ведь позднее экспериментальная фонетика показала, что переходная [и]-образная часть между мягким согласным и гласным меньше у зубных, чем у губных. Заднеязычные мягкие в ту пору не сочетались с [о], а передненёбные обычно недостаточно четко отграничивались от зубных, поэтому противопоставление М.Н. Каткова надо понимать так: губные—негубные; у всех мягких негубных [и]-образный глайд меньше, чем у губных, — в положении перед [о]. По наблюдению Каткова, произношение гласных в соседстве с мягкими согласными в голубой системе было до мельчайших деталей подобно произношению их в системе зеленой и более поздних, вплоть до алой[114].

Очень проницательно и другое замечание М.Н. Каткова: "Что же касается до буквы *я*, с прочими, в середине речения, то мы плохую оказали бы услугу иностранцу, когда бы наше слово *пріятель* написали ему Латинскими буквами prijatel. Если бы непременно нужно было написать приведенное слово Латинскими буквами, то гораздо лучше написать просто priatel. Действительно, в нашем произношении *б*[уква] *я* звучит здесь почти как *а*, слегка к нёбному элементу склоненное. Еще менее слышна j в букве *я* (то же следует разуметь и о букве *ю*) после согласной; здесь слышен звук цельный, а не составной: это как бы нёбное *а* (*сл*[ичи] Английское *а* на прим. в речении hand). Вместо чуждаго нашему выговору menja, лучше напишите иностранцу menea, наказав ему произнести обе последние буквы как одну букву, то есть, слегка коснувшись *е*, остановиться на *а*" (МК: 89).

Свидетельство противоречивое: с одной стороны, <а> в позиции t'ά приравнивается к английскому [æ]. С другой стороны, этот же звук рассматривается как дифтонгоид [ᵊä]. Противоречие снимается, если оба свидетельства объединить так: t[ᵊä]=t[ᵉæ]. И здесь надо отдать должное М.Н. Каткову как фонетисту: он очень проницательно сравнил "ядро", срединную часть звука, с английским [æ]. Он,

---

(Книга В. Лапина вызвала ироническую рецензию Н.А. Добролюбова, см.: Журнал для воспитания. Пб., 1859. N 7. С. 227.) Наверное, так и останется секретом, что же хотел нам поведать В. Лапин, какую фонетическую истину...

[114] *Дукельский Н.И.* Принципы сегментации речевого потока. М.; Л., 1962.

во-вторых, хорошо определил и глайдовый, переходный участок от согласного к "ядру" гласного: он и в современном языке имеет ясный переходный [э]-образный участок.

Мы просим читателя в цитированном отрывке отметить еще одно место. Сочетание <ja> в *приятель* М.Н. Катков рассматривает на звуковом уровне как *а* с нёбным оттенком, т.е. предполагает такое произношение: *при*[а]*тель*. Такой фонетический вариант и сейчас имеет явно разговорный характер, и для XIX в. такая разговорность ("сниженность", полная непринужденность) тоже вероятна. Очевидно, М.Н. Катков, сравнительно с другими фонетистами того времени, более обращал внимания на разговорную речь. Тем подтверждается наше предположение, высказанное раньше, что, говоря о неразличении <и>—<э>, М.Н. Катков имел в виду разговорные явления, еще не очень стабильные в то время; может быть, и не очень распространенные в речи неразговорной, солидной, раздумчиво-степенной.

«В Российскую академию прислана от неизвестного сочинителя статья под заголовком: "Изложение доказательств, что в российской литературе пропущено шесть тонов и что оные принять и во всеобщее употребление ввесть должно". Сочинитель сей статьи, занимающийся в продолжение 14 лет исследованиями свойств и состава речи, заметил, по словам его, "недавно только", что мягкие гласные *я, ѣ, іо, ю,* соответствующие твердым *а, э, о, у,* изображают по два звука: один, слышимый после согласных, напр. *бя, бы, біо, бю*; другой — в начале слогов, как бы предшествуемый *й* кратким, напр. *языкъ, ѣда* и проч., а потому советует ввести для первых звуков особые начертания: вместо *я* — *ä*, вместо *ѣ* — *ë*, вместо *іо* — *ô*, вместо *ю* — *ÿ*, а для вторых оставить прежние начертания: *я, ѣ, іо, ю.* Таким образом, он располагает гласные буквы в следующем порядке, разделяя их на грубые, нежные и сложные, или полуторные, а по выражениям музыкантов дур, моль и диэз:

дур — е (э), у, а, о, ы;
моль — ё, ÿ, ä, ö, ы или і, и;
диэз — ѣ, ю, я, іо, іы...

Так пишет А.Х. Востоков»[115]. "Мольные" звуки — артикуляционно сдвинутые кпереди. Об этом судим по такому пассажу из той же записки-рецензии А.Х. Востокова: "Нововводимые буквы доставят нам, по мнению сочинителя, между прочим, ту выгоду, что мы будем в состоянии выражать французскую гласную *и*, которую теперь несвойственно пишем буквою *ю*; ибо сочинитель думает, что вводимая им буква *у* (то есть *ю* после согласных) имеет звук, сходный с французским *и*, в чем едва ли согласиться можно, сравнив произношение французского слова и русского *лютъ*..."[116]. Здесь, видимо, прав и исследователь-аноним, и Востоков. В позиции после мягких согласных, очевидно, артикуляция <у> была более передней, чем в позициях не рядом с мягкими (как и в современном произношении), но сдвиг, как и сейчас, не достигает переднего ряда. То есть, <у> здесь реализо-

[115] См.: *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. СПб., 1885. Т. 7. С. 311.
[116] Там же. С. 313.

валась не звуком [у] (Востоков прав), но похожим на него (аноним прав).

Очень тонко такое замечание А.Х. Востокова: "Не могу также согласиться с мнением неизвестного, что двоегласные, или, как он называет, сложные или полуторные: *я, ѣ, іо, ю* составляют не из *йа, йэ, йо, йу*, как другие полагают, то есть не из соединения *й* с чистыми (или грубыми, как он называет) гласными, а из нежных: *а, е, о, у*, соединенных с *й*"[117]. Мы помним, что в оранжевой--алой системе после палатального [j] сдвиг артикуляции кпереди мал, не такой, как после палатализованных (диезных, мягких) согласных. Видимо, и в голубой системе было так же.

Сопоставление всех этих наблюдений — А.Х. Востокова, анонима, М.Н. Каткова — показывает, что воздействие мягких согласных на гласные обладает большой исторической устойчивостью.

В обоих случаях — и в оценке русского [у], и в характеристике гласных после йота — аноним отмечает большую сдвинутость артикуляции. Здесь может влиять либо иная градуировка шкалы (у Востокова <у> по одну сторону границы, отделяющей гласные переднего ряда от гласных непереднего, у анонима — по другую; сама граница — не в одном месте звуковой шкалы), либо то, что наши наблюдатели представляют разные речевые манеры; наконец, может влиять и темперамент наблюдателей: один с энтузиазмом открывателя преувеличивает разницу, другой скептически преуменьшает (или объективен?).

Ясно, что и различие [и—ы] зависело от предшествующего согласного. Гласный [ы], пишет Ф.И. Буслаев, "...есть твердый, соответствующий мягкому *и*. Потому *и*, с предшествующим *ъ*, переходит в *ы*; напр., слова *объ-искъ, предъ-идущій* произносятся: *обыск, предыдущий*" (ФБ: 27).

Так же как [а̇] и [а] были представители фонемы <а>, [о̇] и [о] — фонемы <о>, так и гласные [и—ы] представляли фонему <и>. Это оставалось неизменным для всех изученных нами систем — от голубой до алой.

ФОНЕТИКА ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

В русскую речь XIX в. шел большой приток иноземных слов. С ними поступали двояко: часто включали их в свою речь прямо в том звуковом облике, который был у них "дома". Слова-туристы, которые не желали поступиться ни одной своей привычной чертой. Такая речь показана Л.Н. Толстым на многих страницах "Войны и мира".

В других случаях пришлое слово полностью русифицировали — оно становилось переселенцем, полностью освоившимся на новом месте, в русском языке. (См. о слове *Гете* в орфоэпическом портрете А.С. Пушкина.)

Не было особой области, где заимствованные слова могли бы, войдя в русский язык, сохранить до известной степени свою автономию.

Возможности использовать иноязычные слова в их чужеземном звучании постепенно сужались. Уже говорили, что такие вставки прости-

[117] Там же. С. 312.

тельны только в научной речи, чтобы "не коверкать иностранных фамилий ложным и часто невозможным переводом их на русские звуки"[118].

Печалились: читая в русской книге иностранную фамилию (набранную русскими буквами), читатели, если они не знают язык-источник, "не в состоянии будут придать своему выговору той интонации, которая свойственна неизвестному языку"[119]. Под интонацией понимаются тонкости произношения.

Как видим, речь идет только о том, чтобы в потоке русской речи точно, "по-иностранному" произносить фамилии, не больше, да и кроме того — в научных текстах. Но и на этих иноземных вкраплениях никто уже не настаивал.

Где же было рациональное решение этого вопроса, о словах вроде бы и нужных, но чужих? Выход был один: создать группу слов с особой фонетикой — русской, но особой. И не гнаться за точным воспроизведением чужого произношения, а иметь некоторые обобщенные звуковые сигналы заимствованности... К этой полезной работе и приступили в "зеленую" эпоху.

А к прямой вставке иностранщины в русскую речь и в первой половине XIX в. отношение не у всех было благожелательное:

А вашъ проклятый *pot pourri*
Лукавый побери!
А.Е. Измайлов

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ

Когда говорят о петербургском произношении, то обычно имеют в виду такой набор особенностей (иллюстрируем их примерами): 1) *и*[ш'ч']*у, ма*[ш'ч']*астье, плю*[ш'ч']...; 2) *в*[ъ]*да, тр*[ъ]*ва, х*[ъ]*дили...*; 3) *любо*[ф], *познако*[м] *нас, голу*[п]...; 4) *мошный, изяшный...*; 5) буквенное произношение отдельных слов и грамматических форм.

Наверное, некоторые из этих особенностей (большинство их? все особенности?) уже были типичны для петербургской речи первой половины XIX в.

Это касается, например, произношения в конце слов твердых губных согласных вместо мягких. Так, москвич Ф.И. Буслаев пишет по поводу "Филологических наблюдений" Г.П. Павского: «Автор „Наблюдений" утверждает, что теперь говорят: *голупь, червь*; но где же так говорят? По крайней мере, ни в Москве, ни во многих областных выговорах этого не слышно...»[120]. Где же так говорят? — удивляется Ф.И. Буслаев. Да в Петербурге! Это была петербургская особенность.

О том же можно догадаться по рифмам, например, Н.И. Хмельницкого: *любовь — часов, любовь — готов, таков — кровь, женихов — любовь* и т.д.

---

[118] Библиотека для чтения. СПб., 1839. Т. 32. Ч. 1. Отд. 4. С. 28.

[119] Современник. СПб., 1849. N 8. С. 280.

[120] *Буслаев Ф.И.* [Рецензия] // Отеч. зап. СПб., 1852. N 5. Отд. 5. С. 64. — Рец. на кн.: Павский Г.П. Филологические наблюдения. СПб., 1850.

Произношение *в*[ъ]*да, тр*[ъ]*ва* и т.д. возникло, как полагают, под влиянием говоров — и поэтому скорее в раннюю пору существования Петербурга, когда это влияние на литературное произношение было особенно сильным...

Различия были, однако сознания этих несходств еще нет. Ни Павский, ни Буслаев о них не догадываются.

На бытовом уровне, возможно, москвичи и петербуржцы чувствовали, что у них не все совпадает в речи. Но это не порождало распри.

Причина миролюбия, видимо, в том, что бытовая речь, по крайней мере в первой трети века, не очень строго нормирована, она только становилась литературной. Московско-петербургские различия скрадывались этой орфоэпической пестротой, не до конца преодоленной в самом Петербурге (в меньшей степени — в самой Москве).

Другая причина: общество еще не было проникнуто сознанием, что единство литературного языка — большая культурная ценность. Эта мысль распространялась в обществе с ходом объективного процесса — укреплением нормативности литературной речи. Когда эта мысль овладела обществом, возникла проблема: на какой же основе, московской или петербургской, надо добиваться полного единства. Но в начале — середине XIX в. в двух орфоэпических центрах "тихо бысть". Годы спора за произносительное первенство еще не пришли.

ВЛИЯНИЕ ДИАЛЕКТОВ

Влияние диалектов на литературную речь в начале XIX в. было очень сильным (см. фонетический портрет С.Н. Марина).

Но возник феномен "двери". До этой "двери" владею диалектом; открыл ее, переступил порог — и меняю диалект на литературный язык. Дело чести состояло в том, чтобы диалект оставить за "дверью".

Помещик на зиму приезжает в Москву и свой "местный" выговор забывает в родном поместье.

Девушка-дворянка из провинции... Выходит замуж в столичный град. Когда она приезжает в свои деревенские владения — с соседями-помещиками, с крестьянами ведет разговоры целиком диалектные; в столице она — образец литературного языка.

Студенты собираются на вечеринку своим землячеством и дают волю своей родной речи. Отвечают на экзамене — речь литературна.

О таких случаях много говорит мемуарная литература.

Разумеется, "дверь" не всегда работала чисто, пропускала диалектное...

Так же было и с влиянием родственных языков, в первую очередь украинского. Е. Ростопчина писала о М.С. Щепкине:

Шут не шут, а в этом роде, —
Громче всех кричит старик...
(О хохлацкой в нем природе
Нам сказал его язык).

Стихотворение говорит о поведении в быту, в гостях. (На совести

ростопчиной остается злобный тон стихотворения). Да, современники свидетельствуют, что в бытовой речи у Щепкина были произносительные украинизмы. Но они исчезали в его сценической речи.

Иногда украинский язык использовался с особыми стилевыми функциями. Так, один из чиновников вспоминает, что его сослуживец переходил на украинский язык, когда хотел придать речи менее официальный характер, смягчить свое сообщение-просьбу-заявление. Снова явление "двери"!

Очевидно, феномен "двери" отвечал речевому духу эпохи. Диалектное произношение и литературное произношение выступали мутабильно: в одних условиях избиралось одно, в других — другое.

Сам этот принцип взаимодействия говора и литературного языка нам кажется глубоко плодотворным, и жаль, что он не нашел серьезного развития в дальнейшей истории нашей культуры.

Кроме того, были бесконечно разнообразные случаи смешения хаотической чересполосицы литературной фонетики и диалектной. Эти случаи для нас не интересны, и мы на них не останавливаемся.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ

Начало XIX в. На театральной сцене главенствует классицизм. Его главный жанр — трагедия — требует чеканки александрийского стиха, т.е. шестистопного ямба с цезурой после третьей стопы. Выделяются голосом, произносятся громче, "ключевые слова", часто составляющие логически-контрастные пары. Безукоризненное владение стихом, обдуманность игры, эмблемная живописность жеста, постоянное общение со зрительским залом... Этот театр любили. Но время его близится к концу.

И на смену ему приходит другой театр; его называют предромантическим или неоклассицистским. Оба названия плохи, потому что уничижительны: они настраивают нас на снисходительность, они требуют от нас снизить нашу эстетическую требовательность. Оба названия подчеркивают переходность, неустойчивость называемого явления, его "ненастоящесть". Будем все же употреблять термин "предромантизм", не одобряя его внутреннюю форму.

Напомним: классицизм на сцене — это строгая орнаментика стиха, логические выделения слов с помощью громкости, отчеканивание слогов, вызывающе четкие паузы, которые отделяют стих от стиха и полустишие от полустишия.

Трагедии В. Озерова дали простор для иного стиля сценической речи. «Вдруг явился „Эдип" Озерова, и стихи его были настоящею музыкою, какой мы не слыхали»[121]. На сцене зазвучала напевная речь. Были недовольные; они заявляли, что такая речь удаляется от природы, представляя великую отдаленность от истинного разговора.

Недовольным разумно и убедительно отвечали: "Что такое пение? Собрание тонов громких и тихих, одних за другим следующих. Та-

[121] *Зотов Р.* Театральные воспоминания. СПб., 1859.

кие тоны имеют место во всякой речи, исполненной движений; но особенно приметны при мелодическом чтении стихов в Трагедии, где голос изменяется и переливается до бесконечности. Искусные актеры наблюдали сие во все времена..." В трагедии действуют цари и герои. "Кто же заставит их говорить языком, недостойным их величия?"[122].

Огромную славу завоевала Катерина Семеновна Семенова, создав в трагедиях Озерова, в других произведениях классицизма (обновленных ее игрою) замечательные сценические образы. Первая декламация Семеновой очаровала публику.

Но сейчас же всполошились любители незыблемых традиций: нет, Семенова для них нехороша... "...Семенова изменила свою дикцию только с 1810 года, когда она первая *запела* в русской трагедии... До нее хотя и читали стихи на сцене не так, как прозу, но с некоторым соблюдением метра, однако ж вовсе не *пели*... Нововведение Семеновой растягивать стихи и делать на словах продолжительные ударения привилось от неправильно понятой дикции актрисы Жорж и вовсе не было одобряемо нашими старыми и опытными актерами... несмотря на весь успех, который приобрела Семенова певучею своею декламациею", — пишет С.П. Жихарев[123]. "Не было одобряемо нашими старыми актерами" — это и значит, что оно явилось полной новостью и неожиданностью.

Жихареву возражает П.Н. Арапов: "Это правда, что Семенова много переняла у актрисы Жорж, которая играла в Петербурге уже в 1808 г., но что касается до дикции, то в то время она была вообще первая. Семенова, исполняя те же самые роли, в которых являлась Жорж в Петербурге и Москве, имела такие же минуты вдохновения и приводила в восторг зрителей. Никаких нот Гнедич для нее не сочинял, но только объяснял ей ситуации ее роли. Сама Жорж сознавала великий талант Семеновой. За кого принимал старый театрал [С.П. Жихарев] своих читателей?"[124]

Такая игра совершенно отвечала стилю русского предромантизма — мощного течения в искусстве, охватившего и поэзию, и театр, и живопись, и музыку (Батюшков, Гнедич, Озеров, Семенова, Сильвестр Щедрин, Матвеев, Глинка).

Одновременно с этим театром существовал театр романтический. Уже в игре К. Семеновой были черты романтической контрастности. С.Т. Аксаков отмечает в ее игре "напев и быстрые переходы от оглушительного крика в шепот и скороговорку".

Романтический театр дал простор для эмоциональной речи, для напряженной экспрессии, для чередования разных, контрастных переживаний, воплощенных в человеческом голосе. В одной роли сочетались, сталкивались шепот, крик, пафосная напряженность голоса, бытовая скороговорка, безоглядно интуитивная речь взахлеб, холодное отчеканивание звука.

---

[122] *Глаголев А.* Ответ // Труды Об-ва любителей российского слова. СПб., 1816. Ч. 4. С. 84, 91.

[123] *Жихарев С.П.* Записки современника. М.; Л., 1955. С. 27.

[124] *Арапов П.Н.* Летопись русского театра. СПб., 1823. С. 180.

П.С. Мочалов был артистом этого театра. В "Гамлете" он "потрясал все нервы силою своего таланта..." Торжеством его "был монолог, когда Гамлет узнает от тени о насильственной смерти отца своего; тогда-то закипела та буря мщения, которая кончилась катастрофою... Право, страшно было внимать и дикому воплю отчаяния, и неукротимой жажде справедливого мщения. В третьем действии, когда выказалась преступная совесть злодея дяди, — Мочалов разразился адским хохотом, — он прянул, как кровожадный лев, и во всем монологе потом бросал страшные перуны проклятия и отчаяния"[125].

"Главною силою его, — пишет другой современник, — был его чудный голос: это был тенор мягкий и звучный, нежный и сильный. Переходы и переливы голоса были разнообразны и красивы; его шепот бывал слышен в верхних галереях; его голосовые удары заставляли невольно вздрагивать"[126].

Надвигалась новая эпоха в жизни русского театра. В эту новую эпоху артисты уже не читали стихи со сцены (классицизм прошел), не "пели" (предромантизм прошел), не околдовывали зрителей эмоциональной силой своей речи (романтизм прошел)...[127] Они учились разговаривать на сцене. Силу взяла эта новая игра уже в следующую эпоху, в середине — второй половине XIX в. Но недовольство старыми сценическими системами вырывалось и раньше. Особенно часто упрекали тех, кто "пел" на сцене — произносил свои роли напевно, растягивая гласные и, может быть, вибрируя голосом.

Н.А. Полевой писал в 1840 г., вспоминая начало века: "Все актеры того времени, и хорошие, и худые, постоянно тогда пели и читали, а не говорили. У хороших выходило лучше, у худых хуже, но манера была у всех общая и одинаковая, да и стихи и проза тогдашние не позволяли от нее отступлений"[128]. Вспоминает — осуждает.

Другие осуждали более резко: "Но вот что значит иметь особый талант: г. Иванов, в вовсе не отличной роли управителя, сумел однакож отличиться. К забаве и удивлению публики он сначала до конца пел свою роль на 7-й глас, киевским бурсацким напевом. Дьячок, да и только! Я думал, что он поет насмех, но меня уверили, что он во всех ролях своих решительно одинаков, и считает себя классиком, а всех прочих актеров, которые не поют, а говорят свои роли, романтиками..."[129] (В терминологические споры не вступаем.)

Упреков тем, кто на сцене поет, в театральной печати 40—60-х годов очень много. Наступила эпоха, когда на сцене стал господствовать разговор — особая речевая стихия, иная, чем пение или размеренная читка.

---

[125] *Дацков И.* Рецензия // Репертуар русского театра. СПб., 1846. N 8. С. 6.

[126] *Кублицкий М.И.* Павел Степанович Мочалов // П.С. Мочалов. М., 1953. С. 336.

[127] Понятие "прошло" в искусстве обманчиво. В XX в. напевный театр воскрес и показал свою силу в постановках А.Я. Таирова. Романтический театр снова вызвал энтузиазм зрителей на постановках "Отелло" и "Уриель Акоста" с участием А.А. Остужева...

[128] *Полевой Н.А.* Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии // Репертуар русского театра. СПб., 1840. N 2. С. 12.

[129] Репертуар и пантеон. СПб., 1844. N 6. С. 80.

Комедия издавна культивировала на сцене разговор. Но никто от нее не требовал копировать жизнь ("изображать жизнь в формах самой жизни", по уродливому штампу последующих времен). Свободное отношение к фактической данности выражалось в том, что комедия часто была стихотворной (А. Грибоедов, Н. Хмельницкий, А. Шаховской), была гротескной (гоголевское направление). Разговорная фонетика в комедии была подчеркнута, или утрирована, или комически заострена, или шаржирована...

Влиял ли театр в эту эпоху на обычную, бытовую речь? В прямом смысле — нет. На сцене говорили не так, как говорят в быту. Все типы речи, которые господствовали на сцене, не могли быть образцом для повседневной речи.

Но непрямое влияние, несомненно, было: сцена приковывала внимание к культуре звука, к ценности звучащей плоти языка.

Прямые образцы для бытовой речи дал (во второй половине века) только разговорный театр.

А комедия? Она была, как уже говорилось, по-своему далека от "всамделишного" разговора. Но все же у нее было больше возможностей перекинуть мост от сцены к быту. По словам Д.Н. Свербеева, петербургские актрисы "отличались весьма приличной выдержкою на сцене; они не пели, не кричали и не пищали, как это бывало между русскими барынями среднего общества, купчихами и горничными, и это тем поразительнее, что нашим актрисам не было кому и подражать. Все дамы высшего общества, за весьма редкими исключениями, по-русски не говорили и говорить не умели"[130].

Все же до утверждения "натуральной школы" на сцене, актеры которой умели разговаривать, театр оказывал небольшое влияние на бытовую речь.

Заканчиваем рассказ о театральной речи в эпоху голубой произносительной системы.

Необычной, сравнительно с предыдущим периодом, была возможность выбора. На сцене существовало несколько речевых систем. В одном и том же спектакле могло сочетаться несколько разных типов говорения-пения-читки: один актер придерживался одного, другой — другого. Этому способствовало, с одной стороны, отсутствие понятия ансамбля спектакля, с другой стороны, взгляд на игру каждого актера как на самодостаточную ценность. Шли смотреть не спектакль, шли смотреть Мочалова, или Семенову, или Щепкина, или двух-трех актеров, но игру каждого из них ценили особо, по законам именно этой творческой личности. Поэтому выбор для речевой интерпретации роли у каждого актера был велик. Театральная речь в целом была (по-своему) мутабильна.

Вот все о сценической речи.

---

[130] *Свербеев Д.Н.* Записки. СПб., 1899. Т. 1. С. 125.

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты,
Чело открытое одной из важных Муз
И прелесть девственной Хариты...

Около этих строк К. Батюшкова (стихотворение "К другу", 1816) А.С. Пушкин написал: "Звуки италианские! Что за чудотворец этот Батюшков!" Да, гармония этих строк — не только этих, а та гармония, которой Батюшков достиг во многих своих произведениях, является предельной в русской поэзии.

Поэты, гармонически близкие Батюшкову (при всей неповторимости каждого из них) — А. Пушкин, Е. Баратынский, Н. Языков, А. Дельвиг — раскрыли бесконечность звуковой красоты русского языка. Слияние стихии гласных и согласных, их прекрасное единство, их течение в ладу друг с другом — вот звуковая новизна их стиха, которая остается новой (и неповторимой) вплоть до наших дней[131].

Гармоническое единство не стало у этих поэтов однообразным. Так, у А. Пушкина в "том же самом" четырехстопном ямбе воплощена и напевная речь ("Для берегов отчизны дальной..."), и переменчивая, живая стихия разговора ("Ответ Е. Ушаковой"), и ораторская торжественность ("Вступление" в поэму "Медный всадник"). Боле того, одно стихотворение часто сливает в текучее единство эти разные жизненные типы речи.

Было и другое крыло романтической поэзии: Н. Гнедич, П. Катенин, В. Кюхельбекер. Этих поэтов Ю.Н. Тынянов назвал "архаистами", противопоставив их "новаторам", "Арзамасу", друзьям Батюшкова. Литературная суть той позиции, которую занимали "архаисты", ими самими обрисована так: поэты этого круга "не почитают язык церковно-славянский древним русским, но признают его краеугольным камнем нового здания, — так полемически раскрывает свои взгляды и взгляды своих единомышленников П.А. Катенин. — Но мысль их далека от того, чтобы язык и словесность должны были ограничиваться одним родом, каков бы он ни был; они любят весь язык, хотят иметь полную литературу, не довольствуясь даже резким разделом слога на трагический и комический, или важный или шутливый, допускают, принимают, вводят все возможные постепенности и оттенки в язык, все роды, формы и краски в поэзии и стихосложении; их теория... многообъемная"[132].

Как видим, взгляды "архаистов" во многом близки мнениям "новаторов". Это вообще взгляды романтиков: они стремятся преодолеть категорическое разделение стилей и жанров: каждое произведение пусть будет свободным поиском стилистических и жанровых языковых богатств. Однако у "архаистов" есть и важное своеобразие: включение в свой творческий арсенал "славянского" (т.е. цер-

[131] В наш век другие поэты и по-другому тоже неповторимо показали красоту русского языка: Блок, Хлебников, Маяковский, Пастернак, Ахматова, Мандельштам... Но "Опыты" Батюшкова оказались неповторимы.

[132] Моск. телеграф. 1833. N 11. С. 457—458.

ковно-славянского) языка. А этот язык воспринимался не только в качестве священного, торжественного, высокого, но и строгого, мощного, сильного, резко определенного. Эта "крайность" славянского языка, его полярность по отношению к бытовой речи была "архаистам" нужна.

И поэты-"архаисты" (романтики особого толка) тоже хотят обуздать в своих произведениях стихию речи, но так, чтобы было ясно: это — стихия. Чтобы читатель понял: это обуздание требует энергии и воли.

Они покоряют, они подчиняют себе динамику разговорной речи, но вольный ямб дает читателю почувствовать, какая это неукротимо стремительная динамика... (Генерал Ермолов говорил — об этом пишет Пушкин, — что у него от стихов грибоедовской комедии скулы болят.) Могущество народной поэзии, напряженность интеллектуальных поисков в философской лирике, взрывы страстей в трагедии — все это находит выражение в поэзии "архаистов". При этом они вовсе не склонны сглаживать, смирять все эти напряжения.

И звуковая сторона их поэтических произведений этому помогает. Мир гласных и мир согласных имеют у них разное назначение. У гласных эстетически значима их длительность, их умение быть то короче, то протяжнее, их готовность пластически подчиняться окружению. (Это нашло выражение в воссоздании на русской почве античных размеров, во внимании к фольклорному стиху, к песне.) В согласных ценится их энергия, резкость; затор звуков, создающий напряженную артикуляцию, не признается недостатком: этот затор нужен поэтике "архаистов". Мир гласных и мир согласных не гармонически сливаются, а драматически сосуществуют в едином речевом потоке.

"Архаисты" избегают текучести стиха. Он у них движется рывками, преодолевая препятствия, созданные самим же строением стиха.

Так различно раскрылись возможности русской звуковой системы у поэтов 20—40-х годов.

В дальнейшем, в 50—60-х годах, эти тенденции глубоко своеобразно развиваются в творчестве Ф. Тютчева, А. Григорьева и других поэтов.

Итак, гармоническое слияние звуков, создание текуче-подвижного единства гласных и согласных (Батюшков и др.), конфликтное противостояние гласных и согласных ("архаисты") — это в поэзии.

Полное использование возможностей напевной, ораторской, эмоционально напряженной фонетики — в театре.

И там, и здесь — открытие новых далей творчества, в том числе — создание новых звуковых эстестических ценностей.

Не забор, а простор. С этим пришли романтики.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Обоснование выбора. Бытовая речь становилась культурно-кодифицированной. Начало этого процесса представлено портретом С.Н. Марина. Он — поэт-юморист. Именно юмористическая поэзия наиболее полно отразила разговорную речь эпохи. Значит, и с этой стороны С. Марин интересен.

А.С. Пушкин — торжество русской речи, которая именно у него образовала единство бытовой и художественной стихии.

Л.Н. Толстой знаменует завершение "голубой" эпохи... Так ли это? Принадлежит ли речь Л.Н. Толстого голубой системе? Он родился в 1828 г. Произносительные привычки складываются в детстве и юности; у Л.Н. Толстого они сложились в первой половине XIX в., в условиях голубой системы. Иногда произношение изменяется и в более поздние годы; но следует принять во внимание известную (по мемуарам) устойчивую традиционность привычек Л.Н. Толстого. Изучение его произношения, как показывает наше описание, оправдывает отнесение его к голубой системе.

С.Н. Марин

Сергей Никифорович Марин (1776—1813) родился и детство провел в Воронеже. Его отец был товарищем воронежского губернатора, потом — новгородским губернатором.

С 14-ти лет С. Марин — петербуржец. Он хорошо знал французский язык, много читал. "Обладая исключительной памятью, Сергей Никифорович знал наизусть всего Хераскова"[133]. Уже в конце 90-х годов XVIII в. он стал известен своими стихами, расходившимися в списках. Биограф Марина цитирует Дениса Давыдова: "Карманная слава, как карманные часы, может пускаться в обращение, миновав строгость карманных осмотрщиков. Запрещенный товар — как запрещенный плод; цена его удваивается от запрещения", — и добавляет: "Марин вполне довольствовался этой славой, не стараясь приобщиться к цеху записных поэтов"[134]. Слава его в кругах гвардейского офицерства, в дворянских петербургских гостиных была широкой. Л.Н. Толстой вспомнил о ней в романе "Война и мир": «Как это часто бывает с старыми людьми, Кутузов стал рассеянно оглядываться, как будто забыв все, что ему нужно было сказать или сделать. Очевидно, вспомнив то, что он искал, он подманил к себе Андрея Сергеича Кайсарова, брата своего адъютанта, — „Как, как, как стихи-то Марина, как стихи, как? Что на Геракова написал... Скажи, скажи", — заговорил Кутузов, очевидно, собираясь посмеяться. Кайсаров прочел... Кутузов, улыбаясь, кивал головой в такт стихов»[135].

С.Н. Марин пользовался успехом в Петербурге как острослов и

---

[133] *Арнольд Н.* Н. Марин: Критико-биографический очерк // Марин С.Н. Полн. собр. соч. М., 1848. С. 2 (везде дальше указываются страницы этого издания).

[134] Там же.

[135] Там же. С. 3.

фрондер. (Павел I бывал жесток с ним) "Молодежь — и военная и статская — ходила за ним по пятам"[136].

Еще несколько фактов из жизни С.Н. Марина. 12 марта 1801 г. он командует вторым караулом в царском дворце; принимает участие в свержении Павла I. 1805 год: в сражении под Аустерлицем тяжело ранен. После заключения Тильзитского мира С.Н. Марин от имени Александра I вручает депешу Наполеону[137]. 1812 год: Марин назначен дежурным генералом при князе Багратионе. В "Сыне Отечества", в 1813 г., помещена заметка: "Февраля скончался Его Императорского Величества флигель-адъютант полковник и кавалер Сергей Никифорович Марин... Он известен многими прекрасными стихотворениями..."

С.Н. Марин принадлежал к наиболее культурной части дворянства, его среда — это гвардейское офицерство, это петербургские литературные, театральные, политические круги. Он отнюдь не провинциал.

Биограф поэта пишет: "Рязанский диалект он унаследовал от своего отца, уроженца с. Погореловки, Рязанского уезда, Рязанской губернии"[138]. Надо проверить, так ли это. Диалектные особенности в речи С. Марина несомненны, но они могли быть и воронежскими. Влияние диалектной речи на Марина было очень велико. Позднее, в середине — конце XIX в., например, было невозможно, чтобы культурный человек систематически в форме 3-го лица произносил *-ть*. Но С. Марин не чувствовал необходимости расстаться с таким речевым навыком; видно, литературная норма была еще очень некатегоричной:

Нельзя иметь тебе сумненье,
Чтоб мог иную любить,
Коль сердца, каждое движенье
Тебе одной принадлежит. 41

Также: *забыть* (инфинитив) — *сохранит* (3-е лицо) 33, *хранить* — *говорит* 42, *летит* — *любить* 42, *живит* — *заменить* 44, *лежит* — *грустить* (инф.) 44, *хранит* — *забыть* 60, *дарит* — *крушить* 61, *парит* — *дойтить* 73, *разводить* (инф.) — *сохранит* (3 л.) 73, *зрит* — *морить* 77, *чертить* — *горит* (в буриме!) 78, *защитит* — *устрашить* 90, *делит* (3 л.) — *быть* 98, *велит*—*говорить* 98, *говорить* — *чтит* 100, *успокоит* — *спорить* 100, *быть* — *прельстит* 102, *облагородить* — *восходит* 108, *грустит* — *жить* 110, *решат* — *определять* 111, *причислить* — *мыслит* 117, *хотят* — *управлять* 118, *лицемерить* — *верит* 129, *бранит* — *делить* 130, *залить* — *валит* 138, *бранят* — *погулять* 141, *щемит* — *грустить* 144, *предложат* — *оттягать* 146, *сидят* — *сам-пять* 175.

Марин за всю свою петербургскую жизнь так и не научился литературно произносить эту форму; он привык только ставить в конце ее твердый знак[139]. Но и здесь ошибался — для него ведь

---

[136] Там же. С. 4.

[137] Там же. С. 8.

[138] Н. Арнольда могли ввести в заблуждение такие неточные рифмы у С. Марина, как *щит — лишить, быть — Аристид* 101, *страшит — сибарит* 103 (для С. Марина эта рифма — неточная), *назад — летят* 125 (*Арнольд Н.* Указ. соч.).

[139] Наличие конечного твердого знака в орфограммах С. Марина у нас передано отсутствием твердого знака.

это была "традиционная", т.е. целиком условная, орфограмма, вот он и путал:

Могу ли зря судьбы к нам явное презренье,
Нещастьи всюды зря — не потерять терпенье,
И в жизни жалкой сей утехи находитъ?
О люди бедные! На что желать нам жить? 83.

Напоминаем, что произношение форм 3-го лица с *ть* в конце — не фонетическая особенность. Нам она важна как "крайняя отметка": до этой степени доходило влияние диалектов — так оно было значительно во время голубой системы!

Еще несколько примеров, показывающих, как широко некодифицированная речь (диалектная, просторечная?) использовалась Мариным, притом "от себя", не с целью раскрыть через эту речь какие-то чуждые поэту характеры:

Твому bon ton большому свету
В тебе фальшивою монету
В минуту можем показать. 65
Ты за кисть примайся снова 65
В стихах прегромких мому другу 71
Спокойствия тваво я сим не возмущу 89
Священный дружбы долг исполнить предпримая 89
Днесь лиру слабою искусной дал рукой
И Александрыча, со мною вместе пой 145
Когда же ослабев уснет прерывным сном,
То мертвой тетки тень, под флеровым чепцом,
В капоте ранжевом — явясь пред ним в тумане,
Со вздохом говорит: "Именье у Татьяне!" 148

и т.д.

Начнем с консонантизма. С. Марин рифмует *граф — нраф* 69, *Петергоф — здоров* 88, *подняв — граф* 104, — очевидно, губной фрикативный звонкий у него не билабиальный, а, как в литературном языке, губно-зубной. Только губно-зубной оглушается в конце слова, и тогда <в>—<ф> совпадают.

Вместо мягких губных он в конце слова, вероятно, произносил твердые: *любовь — слов* 58, *любовь — валов* 78, *любовь — готов* 125[140]. Так говорили в Петербурге. Здесь произношение Марина не отличалось от столичной нормы.

Как он произносил *щ*? Есть одна рифма, намекающая на петербургскую норму, на [ш'ч']: *хочу — возмущу* 89. Этого мало, чтобы судить о произношении. Ведь Марин не был непримиримым врагом неточных рифм.

Был ли ему свойствен мягкий [ж'], судить тоже трудно. В рукописях находим: *дожжик* 45, 189, *дожжики* 85, *зажжот* 52, *сожжен* (рифма: *жен*) 108, *приежать* 111, *проежих* 87. Если рифма *сожжен — жен* — глубокая (с перекличкой предударных согласных); если написание *зажжот* выбрано с отталкиванием от *зажжет*; если орфограммы *приезжать, проежих* говорят о привычке долготу согласных не

[140] Конечно, так же произносились мягкие и в тех случаях, когда рифма не показывает их твердость или мягкость: *любовь — кровь* 48, 52, 53, 55, 58, 58 bis, 64 и т.д., *любовь — вновь* 58, 129, 131 и т.д.

принимать в расчет, а других оснований отталкиваться от обычного значения буквы *ж* не было; если все это верно, то чаша весов склоняется слегка к твердому [ж̄] в этих корнях. Но первое "если" маловероятно; Марин не гнался за глубокой рифмой. Второе "если" тоже маловероятно: он не стеснялся писать *еще, щот* — и для *заж'от* не постыдился бы орфограммы *зажжот*. Значит, ответа нет.

Кстати, автографов С. Марина осталось мало, примеры, взятые из этих автографов (см. указанное выше издание), отмечены впереди звездочкой (*). Мы считаем возможным говорить о том, что нетрадиционное написание отражает произношение автора, если оно: а) оправдано строением стиха (например, рифмой); б) неоднократно встречается в текстах: даже те, которые писались рукой писаря, потом выправлялись Мариным, и частое отклонение от норм он исправил хотя бы в некоторых случаях; наконец, в) встречается в автографах самого Марина, и очевидно, что это не описки[141].

Итак, продолжаем о консонантизме. Марин произносил южнорусский [γ]. Об этом говорит строгая выдержанность рифм: *друг — дух* 43, 45, 47, 53, 72, 102, 124, *мог — вздох* 144, *снег — трех* 63, *Петербург — слух* 63, *вмиг — своих* 152, *миг — их* 77. Противоположных показаний, т.е. рифм типа *миг — крик*, нет.

Позиционное варьирование согласных не отличается заметно от литературного. Согласные доведены до нуля в тех же позициях, как у всех москвичей и петербуржцев (это, видно, была очень распространенная и стойкая норма): *страстно — ужасно* 39, *страстну — прекрасну* 40, *несчастных — ужасных* 44, *несчастной — прекрасной* 50, *беспристрастно — прекрасно* 67, *подвластно — ужасно* 113, *известно — тесно* 123.

Показательны и орфограммы (если писец верно воспроизвел текст Марина):

Уносит вихрь ужастной (рифма: несчастной) 39
Стократно смерть, готов ужастною принять 35
Как залп ужастный... 50
Ужастны всем давно российские штыки 102
Неустыдилася ужастного позора 129.

Для изучения нулевых согласных интересно такое написание: *флейщику* 52, а также рифма *усердных — верных* 153 (но ср. *злосердный — твердый* 121; значит, и *усердных — верных* может быть просто неточной рифмой). На нулизацию конечного сонорного, не соприкасающегося с гласным (или по крайней мере на его оглушение), намекает такая рифма: *театр — маскерад* 81.

Немного сведений об "ассимилятивной" мягкости в произношении Марина; они тоже не противоречат литературным традициям.

Сначала скажем об употреблении знаков ъ и ь у Марина. Условность написаний с ъ и ь очень велика. Например, он обычно

---

[141] В своей орфографии Марин, к счастью, не стремился к единообразию Ср., например, написания в рифмах: *подойдешь — пропадешь* 85, *порыщешь — отыщешь* 101, *ходишь — находишь* (!) 118—119, *встречаешь — выставляешь* 120. Повторяется одно и то же слово, но пишется различно: *Будь весел — весел ты. Будь щастлив — ты счастлив. Чего ж желать тебе! — Не будь, мой друг, ленив* 175.

пишет *-сь* (и *-ся*), но произносит согласный в этой частице, очевидно, твердо; о том говорит рифма: **встрепенись — Борис* 145. Не противоречит этому утверждению и рифма *поселясь — ась?* 61. Ведь в деепричастиях, имеющих ударение на последнем слоге, произносилась (в зеленой и, вероятно, в голубой системах) частица -[с'], у Марина же встречается и *стремясь — Парнас* 99, т.е. даже перевыполнение плана по твердости (также и позже, в конце XIX в., [с] проникал, хотя и непоследовательно, в эту форму)[142].

Написания **избавлюсъ* 149, **утвердясъ*157, **пользуясъ* 158, **брегисъ* 159, **стремясъ* 159, **питаюсъ* 161, принадлежащие руке самого Марина, тоже говорят о твердости произношения. Но обычно он пишет в возвратных глаголах все же *-сь*, а не *-сь*, т.е. употребляет ъ условно. Как истолковать такое написание: *Брось Нея и Даву...* 191? Почему *брось*? Да потому, что поэт (или его писец) изверился в правдивости ъ—ь после *с* в конце слова; махнул рукой на них: все равно условность. При таком отношении к ъ—ь, как фигурам двуличным, он, естественно, не очень расположен придавать им значение и в середине слова. И в текстах Марина мы мало найдем откровенностей относительно позиционной мягкости. Они единичны.

Зубные перед мягкими зубными у Марина мягкие: *сеньтября* 140. Губные перед губными — тоже мягкие: *любьви* 42, 131.

Написания *перьвое* 130, *вверьхъ* 136, *сверьхъ* 198 принадлежат к традициям того времени.

Очень показательна такая рифма: *пострицся — простится* 61. Может быть, и непоследовательно, но реализовалось, значит, такое чередование: шипящие перед свистящими заменялись свистящими же ([ч'] заменялся согласным [ц]).

Мы помним, что в голубой системе была близка к позиционной такая закономерность: дозволены сочетания [мп, мб, нт, нд] и их мягкие родичи, запретны [мт, мд, нп, нб]. И у Марина чувствуется эта близость к полной безысключительности. Он пишет, явно отражая факт живой речи: **експронтум* 150, **Ескпронтум* 151, *экспромпт* 188. То есть: если [м] не перед [т], то стоит себе спокойно (рядом с [п]), а уж когда сосед [т] — сейчас же [м] уступает место [н]: *експронтум*. Как велит закономерность. Так же мы склонны трактовать и написание *шенпанского* 54. Произносил Марин, надо думать, *ше*[м]*панское*, слово было в его кругу широкоупотребительно, и усвоить его литературный звуковой облик было нетрудно[143]. Но <м> и <н> здесь были нейтрализованы или близки к нейтрализации, поэтому выбор буквы *м* или *н* безразличен. До позиционной строгости этого закона было так недалеко, что уже возможны были орфографические промахи, свойственные только случаям с нейтрализацией (позиционной меной) согласных.

А как было у Марина с сочетанием [шн] — [чн]? И здесь он был близок к тому, чтобы мену [ч || ш] считать позиционной. Он рифмует:

---

[142] Абсолютной уверенности эти рифмы не дают, Марин мог и неточно рифмовать, ср. *озабочен — очень* 128.

[143] На то, что произносил он не *ш*[ă]*панское*, указывает написание: *ше...* Русифицировано.

В сей славе зрит себе казнь вечну
Тебя свели во тьму кромечну 114.

Кромечну — написание, без сомнения фонетически равное *кроме*[ш]*ну*. С ним рифмуется *вечну*; точность рифмы подчеркнута орфограммой (при обычном в то время чтении [чн] как [шн] это вполне естественное средство подчеркнуть тождество). Значит, произносил Марин: *ве*[ш]*ну, ве*[ш]ный=*вечный*.

Он же рифмовал: *конечно* (вводное слово) — *вечно* 155. Вводное слово произносилось с [ш]; очевидно, так же и *вечно*.

Он же написал такое двустишие:

Постой любезный мой, постой мой друг сердечной!
Взгляни ты на меня перед разлукой вечной! 136.

Друг сердечной — с [ш][144]. Но тогда и *ве*[ш]*ной*.

Другой текст:

Мы с тобою, друг сердечный,
Счастие в любви найдем,
И путь жизни скоротечный
Вместе радостно пройдем. 167

Может быть, *скороте*[ш]*ный?*

Наконец:

Когда узнаю я, что ты влюбился точно,
То в Болхов прискачу по вести я нарочно. 36

Здесь, не сомневаемся, — *наро*[ш]*но*. Для непритязательной фоники шуточных стихов Марина (а здесь — двустишие из стихотворной шутки) было бы противоестественно книжное произношение *наро*[ч]*но*. Но ведь тогда и *точно=то*[ш]*но?*

Это был бы решающий факт. Ведь уже говорилось, что позиционное чередование тем и отличается, что оно не боится омонимических совпадений. Как только позиционность утрачивается, так в первую очередь расподобляются омонимы. Если совпадают по звучанию *точно* и *тошно, точный* и *тошный*, то закономерность позиционна. Так ли было в произношении С. Марина?

Но поскольку факт очень важен, мы и не решимся утверждать с уверенностью, что это так. Можно было бы говорить о совпадении, если бы мы нашли у Марина написания слов *точно, точный* с буквой *ш* (а чтоб не сомневаться, не случайная ли эта описка, нужно несколько таких написаний в текстах). Тогда было бы несомненно, что замена [ч'] на [ш] перед [н], [н'] у Марина — позиционное чередование. Для некоторых культурных людей это, может быть, являлось реальностью их речи и языка. Может быть.

В говорах мы найдем и *ве*[ш]*ный,* и *то*[ш]*но* И то, и другое отмечено и для Рязанской, и для Воронежской губернии[145]. Там так произносят. Значит, вероятность того, что Марин, человек не предубежденный против диалектной речи, действительно рассчитывал на произ-

[144] Впрочем, может быть, надо различать *друг серде*[ш]*ный* — обращение к приятелю (рифма: *таракан запе*[ш]*ный*) и сентиментальное обращение к любимой: *друг серде*[ч]*ный*?

[145] См.: *Обнорский С.П.* Указ. соч. С. 242—243.

ношение *серде*[ш]*ный* — *ве*[ш]*ный, то*[ш]*но* — *наро*[ш]*но*, очень повышается. Но нет уверенности, что это было литературно узаконенным произношением. Может быть, это такой же диалектизм, как *сиди*[т']?

Не любил, видно, С. Марин долгие согласные. Вспомним, что о них говорилось выше. И посмотрим такие выписки[146].

Нет отрады в вздохах стройных 74
Стремится хоть к тебе душа и мысль моя;
Но тело [в] взводе все и в Петергоф шагает 86[147].

И такие:

Но с сном не примирился 79
Явитеся сюда с злословием своим 82
Не красив признатца с стану 102
А с скромной музою моею 106
Но с смертных думая дурачеств свергнуть бремя 118
Врач исцеля болезнь ханжу оставил с скукой 118
Граф Дуров возится попрежнему с стаканом 122.

На тех же основаниях, которые изложены выше, полагаем, что даже на стыке "предлог + имя" произносились краткие согласные. Только так и можно объяснить в стихах сочетания *ввзд, ввзв, лсск* и др. Они непроизносимы по современным нормам; но в голубой системе не было ударения, и сочетания были гораздо менее языколомны: *взд, взв, лск*... Характерно, что Марин иногда и забывал писать то, что не произносил (в квадратных скобках редактор издания его сочинений вставил то, что отсутствовало в рукописи).

Перейдем к вокализму. Самое интересное — это редукция безударных гласных до нуля.

Потом меду сот ты взявши
И все ямки пересчитавши... 66
Не успеешь перекрестится,
Ближе вечности предмет.
Полно, полно мне резвится,
Стукнуло уж тридцать лет! 74
Бесстрашно ждет себе конца.
Петра герой спасти стремился,
Предстал народу, перкрестился,
И свергнут с Красного крыльца. 109

Как трактовать такие неполногласные формы:

Вот мой совет тебе — старайся пременится 91
Что к нам друзья не пременились 106
И реки должен преплывать 108
Доволен сей пременой новой 182.

---

[146] Написания типа *растался* 137 — свидетельство, что в сочетании с согласными С. Марин не произносит долгих согласных. Так и было, и есть сейчас в литературном языке.

[147] См. еще:

Тот легче б счел людей, что [в] весну лекаря
На тот отправят свет, леченьем уморя. 116

Здесь С.Н. Марин пропустил (не написал) предлог, потому что, видимо, и не произносил его. Случай отличается от других, приведенных в тексте, тем, что нежелание произносить долгий согласный не вызвано сложным сочетанием согласных.

В случаях, выше отмеченных: *персчитавши, перкрестится, перкрестился* — нулизован второй предударный слог, действительно самый слабый из предударных. В случаях же *пременится, пременились, преплывать, пременой* нулизован третий предударный слог, более сильный, чем второй. Как будто фонетически его нулевой характер трудно мотивировать; очевидно, это славянизм. Но не может ли это быть орфографической передачей таких фактов произношения: *п*[р̥]*менится, п*[р̥]*плывать* — с [р̥] слоговым? Такой слоговой [р̥] безразлично, как обозначать: *пременяться, перменится;* под влиянием привычных написаний с *пре-* (в церковно-славянизмах) избирается и здесь начало *пре-*.

Иногда полная редукция гласного вообще орфографически не отражена:

Хотят блистать умом:
Решительным судом
Всех женщин перебирают[148].
И их без жалости терзают 37.

Но только рядом с [р] исчезают гласные:

Прости о Лила воображенью 36
И Мишку суньте на блучок 63

(т.е. на облучок).

— Ты сына позабыл в несчастном доме этом.
Возми, возми с собой
— Пришли его с эстафетом 137

(т.е. [пр'ишл'и́^{эво}] — *пришлийво*).

Особый случай:

Я знаю имрека — которому достойней
Все сердца твоего изгибы занимать 122.

И́мярек — очевидно произносилось с одним ударением на первом слоге; тогда в *и́мярека* наиболее слабый слог — первый заударный, он и выпадает: [и́м'эр'эка] → [и́м'р'эка].

В заударных слогах, даже в открытых конечных, у Марина совпадали <э>—<и>:

Как дни мои текут, с друзьями быв в разлуке —
Вить я вас удивлю — в провинции без скуке... 81.

А в первом предударном, скорее всего, <э>—<и> различались. Нет следов совпадения — это уже показательно для такого откровенного в своих написаниях человека, как С. Марин. Один случай вызывает на размышления:

Желет белой канифасной,
А под ним другой атласной,
Жебо толще завяжи... 65

Желет — вместо *жилет*... Не говорит ли это об и́канье? Тем более, что теперь и Рязанская область, и Воронежская — и́кающие. Однако одного *желета* для такого заключения недостаточно: слово заимство-

[148] В последней редакции заменено на *обсуждают*.

ванное, а такие, если усваиваются на слух, могут причудливо перекраиваться. Заимствование было новым[149].

В том же тексте находим свидетельство эканья: *жебо*. Значит, произносил Марин: *шегать, лошедей, жера, желеть* — и *жебо*. Ср. у него же: *шенпанское*. А уж коли после [ш, ж] произносится [э^{ы}], то после мягких — [э^{и}].

Гласные во флексиях у Марина реализовались не совсем так, как в литературном языке. Например, в формах мн. числа: *свиданья, мученья* и др. — в литературном языке имеется звук [а] или [ъ] (после йота), а у Марина был вместо этого *и*-образный гласный:

Отраду вижу я в свиданьи,
Мне душу мысль сия живит;
Разлуки горести, терзаньи
Одно лишь может заменить. 44
Мечтал о...! и в забвении
Я видел щастливым себя!
Исчез призрак — со мной мученьи —
Все потерял опомнясь я! 45

Я жизнь мою в терзаньи,
В мученье провожу.
Кому мои страданьи
Кому я расскажу. 54

За гробом все твои мечтаньи
Исчезнут как протекший час.
С тобой останутся терзаньи
И совести правдивый глас. 113

Всякой судит о сраженьи.
Мысля быть умен один.
И царей распоряженьи
Меряет на свой аршин. 130 и т.д.

Вне рифмы:

Взошла, румянцем оживилась,
Ко мне в обьятьи устремилась 164.

Но встречаются нередко написания с *-я*:

Ты возвратишся — нет сомненья
И жизнь с собой мне возвратиш!
За верность, грусти и мученья,
Улыбкой сердце наградиш 45

Но могут ли твои исполнится желанья?
Быв смертным, жить в бедах и в горестном страданьи.
На то родились мы... 86

Быть может и твои прославятся творенья
И придут все от них на время в изумленье. 158

Нет сомнения, что эта мена, *-я* на *-и*, имеет не фонетический, а грамматический характер. Доказательства:

1. В им. падеже мн. числа существительных есть и окончание (после мягких) *-я*, и окончание *-и*: *вензеля* и *корабли*. Они в XVIII—XIX вв. были оба возможны в ср. роде; говорили: *озеры, седлы* (и, конечно, *уши, очи, окошки*). У некоторых существительных были воз-

[149] Но панталоны, фрак, жилет, Всех этих слов на русском нет... (А. Пушкин).

можны оба окончания: *вензеля* и *вензели*. Марин широко использовал окончание *-и*, может быть, под диалектным влиянием.

2. В формах род. падежа ед. числа: *нет уменья, два сраженья*, в формах жен. рода *она шалунья, она певунья*, где фонетическая позиция та же, мены *-я* на *-и* в бумагах Марина нет.

Ясно, что мена морфологична. В таком случае написания *творенья, желанья* и т.д. (см. примеры выше) — необманные: морфологическая мена, в отличие от фонетической позиционной, не подчиняет себе все слова данного грамматического типа. Дает возможность выбора, варьирования.

Как же произносились формы *творенья, желанья* — с окончанием, передающимся буквой *я*? Нет сомнения, это был гласный [а] или [ъ]:

Пусть выпьить всякой той здоровья,
Которая зажгла в нем кровь... 55;

рифма: *Прасковья*. Очевидно, написания *здоровья* (им. п. ед. ч.), *Прасковья* произносились одинаково: с заударным гласным непереднего ряда. Так же, как и в более поздних системах.

Рифма *героя — двое* намекает, что и слова *двое, трое* произносились с гласным [ъ], о чем позже писал Ф.Е. Корш.

А как трактовать такие написания:

Храбрея буду драться. 53
Пиши пожалоста простея,
Так будешь право ты милея 109?

См. рифмы: *робея* (деепричастие) — *белея* (сравнительная степень) 71; здесь же: *милее — бледнее* 71. И то, и другое могло скрывать "еровистое" произношение: *храбре*[иъ] (сравнительная степень).

Но в общем верно, что произношение [ъ] в заударных аффиксах, после мягких согласных и йота, у Марина, видимо, было близко к тому, которое описали Ф.Е. Корш и Р. Кошутич для зеленой системы.

О чем говорят у Марина случаи смешения букв *о* и *у*, например флексия *ую* часто изображена как *ою* (соответственно: *юю* — как *ею*): *фальшивою монету* 65, *жестоко любить* 81, *за верною любовь* 81, *пресветлою лазурь* 97, *соседку бедною* 103, *страшною кручину* 104, *и цепь приятною надеть* 128, *и новою романс он в честь ей сочинил* 129, **слабою лиру* 145, *пойду и сумашедшею от смерти удержу* 139, *доить супружнею казну* 86, *общею прозу* 97; ср. в другой форме, глагольной: *поподчаю вином* 123. Что здесь дело не в грамматической мене, а в фонетической, показывает пример: *на вырочку*[150]. Ср. еще:

Скучен свет без милой.
Век хочу быть с Лилой.
Господи помилуй!
Еє для меня. 56

Слово *пожалуйста* представлено в двух формах: *пожалуста* и *пожалоста* 131 — две ступени редукции, естественные в этом ходовом, частотном слове. Такая значительная редукция заударного [у] в данном

[150] Из всех этих примеров собственноручный маринский — только один: *слабою лиру*.

слове была обычна в речи современников; ср. у А.С. Грибоедова: *Пожало-ста, сударь...*

Но если говорить не об этом слове, а обо всех представленных случаях, то нельзя не признать, что С.Н. Марин сильнее редуцировал этот гласный в заударном положении, чем большинство его современников, говоривших литературно.

Диалектных черт в произношении С. Марина немало. Но речь С. Марина была литературной — тогда, в эпоху голубой системы, обычной была сильная экспансия диалектов в литературную речь. Заставы против диалектов были слабыми. Нормой была расшатанность нормы, вернее, ее еще неполная закрепленность.

Можно доказать, что речь С. Марина надо считать литературной, хотя и включающей диалектные черты. Он был близок к кругу поэтов-"архаистов", "шишковцев", членов "Беседы любителей русского слова". Он был вхож в державинский круг поэтов, из которого и выросла "Беседа". Поэтам этого круга было свойственно строгое различение языка поэзии, языка письменной речи и языка бытового. Язык поэзии строился на архаических, условных нормах (т.е. опирающихся только на традицию и не поддержанных жизнью внепоэтического языка). Например, обязательным было оканье в стихе. Диалектные резкости не допускались. В бытовой же речи самих беседчиков господствовало, несомненно, аканье, терпимо относились они и к диалектным чертам произношения.

С. Марин был именно таким "двуличным" в языковом отношении человеком. В шутливые, альбомные его стихотворения, в песни у него проникала его живая (и во многом диалектная) речь. Но он писал и оды, переводил трагедии. Там его речь становилась иной. Посмотрим его перевод Вольтеровой "Меропы".

Не встречается в рифме перекличка заударных *а—о*. А в других произведениях, написанных не столь торжественным стилем, *а—о* у Марина рифмуется: *друга — туго* 66, *царство — государство* 67, *речка — сердечко* 78, *свечка — сердечко* 78, *парада — надо* 111, *щастливо — справедлива* 114, *предсказала — нимало* 131, *вскружила — мило* 131[151]. Иногда перекличка *а—о* в рифме задрапирована орфографией:

Лишь только сделал что неловка,
То вместо галстука веревка. 62
И не дивлись ни мала...
Беда такая же бывала 85
С тех пор сердце мне твердила... 80

(рифма: *спешила,* жен. р.).

Это все — в стихотворениях Марина. Немало для начала XIX в.! Так вот: в "Меропе", как и можно было ожидать, такой переклички *а—о* нет: <а> рифмуется с <а>, <о> — с <о>.

Была ли это только орфографическая условность, буквенный этикет или Марин, читая трагедию (или оду), и произносил в заударных слогах [о]? Это вполне возможно. Он читал свои стихи у Державина, в кругу

[151] Рифма *щасливо — справедливо* в песне (указано в подзаголовке: "Поют две дочери"). Поют. Значит, в пении было возможно совпадение <а>—<о> заударных; но в высоком трагическом чтении это не одобрялось. Бытовая песня шла впереди (освоила заударное аканье) сравнительно с трагедийной игрой.

"архаистов": очевидно, и чтение его отвечало привычкам этого круга поэтов.

Мимоходом заметим и такую черту (пусть не фонетическую, но характерную): мы помним, как часто поэт рифмовал 3-е лицо глагола с инфинитивом (*лежит — грустить, зрит — морить*). В "Меропе" таких рифм нет; напротив, есть рифмы для Марина неточные — очевидно, в "Меропе" он рассчитывал на сценическое произношение: *берет* (глагол) — *предмет* 214, *свет — мятет* 203.

Фонема <о> в голубой системе была мутабильной (см. выше). Вместо [о] в позиции t'<ó>t, t'<о> мог произноситься гласный [э]. Это свойственно главным образом высоким жанрам. В "Меропе" есть такие рифмы: *небес — вознес* 195, *озаренных — избиенных* 197, *стен — жен* 197, *огражденны — неизменны* 197, *старых лет — тебя зовет* 199, *приведет — лет* 201, *свет — мятет* 203, *бед — влечет* 208, *мертва — жертва* 226, *зевес — вознес* 232. И только в виде исключения — рифма: *о злодеяньи сем — отцом* 225 (явная ошибка вкуса!).

Заметим: если фонетическая (или грамматическая) черта характерна для жанров сниженных, то она с трудом проникает в высокие жанры (примеры см. выше). Если же фонетическая (или другая) черта характерна для высоких жанров, она приемлема и для невысоких. Действительно, интерпретацию <о> как [э] встречаем во многих стихотворениях С. Марина (песнях, юморесках): *безнадежно — нежно* 45, *безнадежной — нежной* 47, *ненадежны — нежны 46, бесчетных — смертных* 46, *слезный — любезный* 56, *трех — снег* 63, *милова дружечка — сердечка* 78, *слезну — любезну* 88, *душей — злодей* 95, *беспечный — смертный* 97, *дружечка — колечка* 125, *слез* (род. п.) — *зевес* 131, *слезный — любезный* 144, *плывет — след 148, упреки — реки* 159... Конечно, все страдательные причастия произносятся с [э] в суффиксе: *удивлен — Лафонтен* 150, *побежден — колен* 155.

Здесь — резкое отличие языкового сознания "архаистов" (в их числе — Марина) и карамзинистов. Для "архаистов" основное противопоставление — "стиль высокий—стиль сниженный". В сниженном стиле единицы высокого стиля — дорогие гости, они оказывают честь сниженному тексту, если в него забрели. Это — посещение генералом своих незнатных родственников.

Напротив, если единицы сниженного стиля "вотрутся" в высокие тексты, это нехорошо. Прямо так — в картузах, в поддевках...

У карамзинистов другое языковое сознание. У них основное противопоставление: "книжная речь—нейтральная". Нейтральные единицы — всюду и всем любезные гости, везде хороши. Появление вельможных, сановитых слов не везде желательно. Важный, спесивый гость в кругу добрых приятелей, в светской гостиной не очень хорош. Появление высоких по окраске единиц должно быть мотивировано, обосновано.

Марин был "архаист" (хотя своеобразный: в отличие от других у него преобладали бурлескные, юмористические, мáсляничные жанры). И — "архаист", приехавший в Петербург из Воронежа. От некоторых диалектных черт он освободил "Меропу", а другие были ему незаметны и проникли в трагедию. Фрикативный [γ] был у него неискореним; вот рифмы "Меропы": *супруг — дух* 218—219, *враг — во прах* 235, *Кто ко злу тебя подвиг? — своих* 214. Наверно, в Петербурге было

незаметно, что Марин и в трагедии настаивает на твердости всех конечных губных: *кровь — врагов* 235, *вновь — лесов* 227.

В шутливых стихах Марина есть и суперсегментные показатели непринужденности, сниженности речи. Например, сильное выделение одних слов и акцентная тушевка других, скрадывание их самостоятельности, превращение их в безударные куски текста:

Любовь дружбой заменится,
Вечно будем мы друзья, —
Ты с другим будешь любится,
С другой счастлив буду я. 90

Ритмика стиха подсказывает, что слова *любовь, будешь, с другой* произносятся безударно; оно и понятно: эти слова, которые голосом "пробегаются", стоят рядом с теми, что несут логические ударения: *любовь дру́жбой, ты с други́м будешь, с другой сча́стлив.*

— Дидона, милый друг? — ну вот моя рука.
(*Дидона отворачивается*).
Во мне злодея зриш!
— Я вижу дурака,
Который бог знает о чем-то здесь хлопочет.
— Он счастья от тебя или несчастья хочет. 138

Здесь *бог знает* произносится с безударным *знает;* та же тенденция, что в предыдущем отрывке, но более очевидная, из-за фразеологичности сочетания *бог знает.*

Такой неровности, такого принижения ударности отдельных тактов нет в речи торжественной, и следов этого не найдем в "Мерope".

Вот все факты, говорящие о двустильности произношения Марина. А двустильность, разграничение речи торжественной, более кодифицированной, и речи повседневной, со многими вольностями, — такое разграничение, проведенное сознательно и целеустремленно, свойственно только литературному языку.

Остается сказать о фонетике заимствованных слов у Марина. Не любил их Марин. И вообще не одобрял французо-, англо- и других маний. Он сокрушался:

Возможно ли, скажи, мне сердцем не страдать,
Когда увижу где дитя, отца и мать,
На языке чужом болтающих некстати,
И, моде следуя, приставивших к дитяти,
Чтоб с детства поселить французской в сына вздор,
Не няньку — гувернант, не дядьку — гувернер;
А чтоб дитя не знал, как говорить по русски —
то и баюкают бедняжку по французски. 172

И иноязычные слова он легко и просто переделывал так, чтоб и духу чужеземного в них не было: *легулярны строи* 189, *шенпанского* 54, *горох с коклетами* 123 и т.д.

Проблемы фонетики заимствованных слов еще не существовало в русской речи начала XIX в., не существовало ее и для Марина.

Таков произносительный портрет Марина, поэта, гвардейца, острослова, помощника заговорщиков 1801 г., участника войн с Наполеоном, флигель-адъютанта Александра I, друга Крылова и почитателя Державина.

Произношение Пушкина — тема большого исследования, детального, въедливого, многостороннего. Изучение этой темы должно состоять из таких работ.

Первая работа. Изучение на самом широком материале орфографических стандартов начала XIX в. Необходимо: обследование учебников, грамматик, печатной практики, рукописной орфографической практики эпохи. Было бы полезно изучить, какую орфографическую выучку получали воспитанники лицея (возможно ли это изучить?).

Орфографические стандарты были неустойчивы; лингвистический анализ должен объяснить в каждом случае (для каждой орфограммы) причины неустойчивости.

Вторая работа. Обследование всех рукописей Пушкина, лингвистический анализ каждого написания, не отвечающего орфографическим стандартам, попытка по этим буквенным фактам восстановить звуковые.

Третья работа. Изучение прижизненных публикаций Пушкина — именно тех, за которыми он мог наблюдать. Вряд ли это изучение даст значительный материал (судя по всему, орфография печатных текстов Пушкина определялась корректорами), но учесть надо и такие факты.

Четвертая работа. Фонетический анализ стихотворной техники Пушкина (ритмика, рифмы).

Пятая работа. Анализ всех высказываний Пушкина (извлеченных из его сочинений, а также из воспоминаний о нем), которые посвящены русскому языку его эпохи. Здесь драгоценна каждая крупица, каждое слово, хотя бы косвенно освещающие орфоэпические вкусы Пушкина.

Шестая работа. Интерпретация стихотворений Пушкина в том фонетическом ключе, который установлен предыдущими работами. То, что называют звуковыми повторами в стихе, анализируется на основе современных произносительных норм[152]. А нужно их устанавливать, помня, что нормы начала XIX в. были не совсем такие, как сейчас.

Естественно попытаться, на основании такой реставрационной работы, определить, как же сейчас должны исполняться стихотворения Пушкина, какие из сейчас существующих произносительных вариантов наиболее уместны.

Седьмая работа — сопоставление нормы пушкинского произношения с нормами Жуковского, Батюшкова, Баратынского. Разумеется, чтобы сопоставить, надо и для каждого из этих поэтов проделать все эти работы.

Надеемся, что такие исследования будут сделаны. Мы, для изучения истории русского произношения, ограничимся только небольшой частью этих работ.

Пушкин всегда чувствовал себя, когда дело касалось речи, коренным москвичом.

---

[152] В лучшем случае; а часто просто изучаются буквы.

По словам Н.А. Плетнева, Пушкин и Дельвиг, родившиеся в Москве, всегда этим гордились; они считали: "тот из русских, кто не родился в Москве, не может быть судьею по части хорошего выговора"[153].

Во мнениях Пушкина ясно отразилось состояние русского речевого сознания в начале XIX в.: нерезкая разделенность литературного говорения и просторечия. Об этом свидетельствуют такие его слова: "... Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком"[154].

Мы, значит, можем ожидать, что в произношении Пушкина отражена литературная норма начала XIX в. в ее московской разновидности; нас интересует, повлияла ли на него просторечная фоника.

Никого, вероятно, не удивит, что Пушкин акал. Он пишет рядышком: *выбросилъ — выбрасилъ* I, 58, *заплатилъ — доплотилъ-ли остальные* I, 500?; I, 145, *на кораблѣ* I, 105 — *на кораблѣ* I, 107 (беловик и черновик), *корабль* I, 105 — *карабль* I, 107 (беловик и черновик), *полагаюсь — пологаюсь* I, 146, *безалаберный* II, 49, 51 — *безолаберный* II, 45, *Полевово* I, 130 — *Полевова* I, 132, *Салагубъ* III, 82 — *Салогубъ* III, 82, *Корниловичь* I, 71 — *Карниловичь* I, 72 (беловик и черновик).

Буква *а* часто стоит вместо *о*. Пушкин пишет: *здоровье* II, 8, 53, 117, *нездарово* II, 12, *здаров* III, 34, 51, *здарова* III, 45, 107, *здаровы* III, 31, 31 bis, 42, 44, 117, *здаровое* III, 112; и рядом с этим: *здоровье* II, 11, *в здоровьи* III, 35, *здоровы* III, 35. Другие примеры: *храмой* I, 4, *испрасить* II, 76 (здесь даже ясные ассоциации *хром, просит* не помешали появлению буквы *а*), *егаза* I, 6, *каляску* I, 12, *взбунтовались* I, 19, *Казлов* I, 33, *натолкавали* I, 85, *съ колокольни далой* I, 86. Эти примеры — для гласных первого предударного слога. В других предударных: *канавалъ* I, 155 (хотя *конь*), *лашадей* I, 166 (хотя *лошадь*), *ласкуток* II, 41, *Маховой* II, 91. В заударных слогах: *выкраить* I, 132 (хотя *кройка*), *катаржниковъ* II, 115.

Буква *о* часто стоит вместо *а*. Пушкин пишет: *пологаетъ* I, 78, *пологаюсь* II, 9, *пологаться* II, 29, *пологается* III, 83, *пологая* I, 98; II, 36, *пологали* III, 60, *предполагая* II, 30 — и он же: *полагаю* I, 104; II, 44, *полагая* II, 31, *полагаюсь* I, 146, *разполагаю* III, 87. Другие примеры: *продовать* I, 35, 76 (хотя есть ясные параллели: *продать*; и у Пушкина же написано в других случаях: *проданы* I, 35, *продавай* I, 103), *спустя рукова* I, 67, *рукова* I, 58 (ср. *рукав*), *подовай* I, 104 (ср. *подай*), *застовляемъ* II, 12 (ср. *заставим*), *коковъ*? II, 86? (ср. *как*), *угодаешь* III, 96 (ср. *угадывать*),*дотощился* III, 79 (ср. *дотащится*), *поворъ* III, 45 (ср. *поварня*),*остоваться* III, 46 (ср. *оставаться*); у Пушкина же в другом месте: *остановишься* III, 52, *сопогъ* I, 42, *косается* I, 18, *износильничали* III, 40, *постораюсь* III, 60, *косающемся* III, 104, *излогалъ* III, 116. Эти примеры для гласного первого предударного

---

[153] *Плетнев Н.А.* Переписка с Я.К. Гротом. Т. 3. С. 400 (цит. по кн.: *Розанов И.Н.* Поэты двадцатых годов XIX в. М., 1925. С. 46).

[154] Цит. по кн.: *Пушкин А.С.* Письма / Под ред. Б.Л. и Л.Б. Модзалевских. М.; Л., 1935. Т. 1 (1815—1825); Т. 2 (1826—1830); Т. 3 (1831—1833).

слога[155]. В других предударных слогах: *остоновилась* II, 45, *окуратны* I, 49, *окуратно* III, 58, *окуратный* III, 35 и т.д., но у Пушкина же: *акуратнымъ* III, 18, *неаккуратные* III, 51.

Для заударных слогов примеры редки: *Корсокова* II, 35; III, 58.

Все это свидетельствует об одном: буквы *а* и *о*, передавая гласные безударных слогов, обозначали один звук, поэтому они и замещали друг друга. Нет сомнения, что в первом предударном слоге это был звук типа [а]. А в других предударных слогах? А в заударных? Осуществлялась ли тогда формула Потебни: ...1 2 3 1 1..., показывающая контраст между первым предударным и всеми остальными (прикрытыми) безударными слогами? Фактов немного, но достаточно, чтобы ответить на этот вопрос положительно. Пушкин пишет: *завидывать* II, 20, *обрадывало* II, 55. То есть: буква *ы* стоит вместо *о*. Такая замена возможна в том случае, если <о> реализуется (в данной позиции) звуком, близким к [ы]; следовательно — звуком [ъ], как и в более позднюю пору.

Но сами примеры могут вызвать сомнение: не появилось ли *-ыва-* вместо *-ова-* под влиянием грамматической аналогии?

Но вот бесспорный и красноречивый пример: *Мнѣ уже* (*очень мило, очень учтиво*) *вымали голову* II, 24. Ср.: *вымылъ* I, 47. То есть: фонема <и>, после твердых согласных закономерно реализуемая гласным [ы] или, в более небрежной и беглой речи, гласным [ъ], здесь передана буквой *а*. Буквой *а*, обычно обозначающей фонему <а>. Следовательно, в этой позиции совпали фонемы <и>—<а>. Совпасть они могли только в звуке [ъ], сильно редуцированном. То есть: фонема <а> в заударных слогах после твердых согласных реализовалась звуком [ъ], как и предполагает формула Потебни. Об этом же говорят написания: *съ вычитымъ* II, 93, *умереть честнымъ воинымъ* II, 106[156].

Ввиду тождественности гласных в заударных и в непервых предударных слогах (в более поздних системах) можно предположить, что и в голубой системе было такое же тождество, т.е. [ъ] был и в предударных (прикрытых) слогах, кроме первого предударного.

Известно, что староверы в поэзии еще в XIX в., в начале его, требовали "высокого оканья" в стихах. Пушкин не был старовером; итак: он не требовал. Вопрос не спорный. Именно перекличка *о—а* в заударной части рифмы показывает, что гласные редуцировались. А редко встречается потому, что существовала графическая традиция — выдерживать буквенное единство *о—о, а—а* в рифмах.

В.М. Жирмунский писал о рифмовке заударных *о—а, а—о* у Пушкина: "У самого Пушкина, за исключением лицейских стихов, мною насчитано всего 21 пример (те самые, которые приводит Кошутич, не упо-

---

[155] Ср. еще путаницу в написании *бразды* (=*борозды*) и *брозды* (=*узда*):

Въ порабощенныя брозды
Бросалъ живительное сѣмя I, 65;

с другой стороны: *бразды правления* I, 119 (впрочем, последнее написание было обычно в орфографии пушкинского времени).

[156] Менее показательны рифмы *оковах — лавровых, долинах — лебединых, дубровах — суровых, пе́рстом — отверстьем* ввиду таких рифм, явно неточных: *пожалуй — малый, разум — разом*. См.: *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 332.

мянув, однако, о том, что это — исчерпывающий список)"[157]. В.М. Жирмунский отмечает, что большей частью такие рифмы встречаются в шутливых стихах (в "серьезных" — только 8).

Эту строгость в рифме заметил еще С.П. Шевырев: "Взгляните на рифму этой школы: какая строгая отточенность до последнего звука! Мы не даром приглашаем глядеть на нее: она в самом деле не для одного слуха, но и для глаза. Она не пользуется даже счастливым свойством нашего языка, который по сходству звука дозволяет рифмовать буквам *о* и *а* в словах женского окончания"[158]. С.П. Шевырев верно увидел в этой строгости утеху для глаза; он говорит о "сходстве звука", т.е. <о> и <а> реализовались одинаково в безударной позиции. Явно уже никому в голову не приходило читать стихи с "высоким оканьем", так, чтобы *о* и *а* не образовали "сходства".

Фонема <о> у Пушкина еще сохраняет свою мутабильность, по крайней мере в рифме. "Рифменные показания из Пушкина о произношении в известных кругах лексики *е*, не *о*, довольно численны. Львиная доля этого материала падает на известные морфологические категории слов" (СО 46:87—88). Это — страдательные причастия на *-енный*, формы I спряжения, отдельные падежные формы. Несколько примеров: 1) *утомленный — неизменный, оживленный — надменный, упоенный — пленный, окровавленный — вселенной* и др.; 2) *стережет — побед, взойдет — на свет, льет — совет, настает — побед;* 3) *алтарем — шлем, чешуею — над нею* и др.

Та же мена [о] на [э] в корнях: *поднес — исчез, расцвел — удел, облек — человек, полет — бурных лет, разоренных сел — стрел, веселый — Филомелой* и др.

"Из общего количества в круглых цифрах 160 примеров с употреблением у Пушкина в произношении *е*, не *о*, на период его деятельности по 1820 г. падает 82 примера; на 1821—1827 г. — 53 примера; на остающийся период 1828—1836 гг. — 29 примеров (приблизительное соотношение стихотворной продукции Пушкина по указанным перепадам равно отношению $1:1^1/_2:1$)" (СО:88).

Мутабильность постепенно умирала — и в поэтической речи Пушкина, и в русской поэтической речи вообще.

Пушкин, бесспорно, экал. Здесь мы соглашаемся с С.П. Обнорским. Во время голубой (и даже зеленой) системы это была общая норма и Москвы, и Петербурга. Характерно, что в его написаниях нет мены *е* на *и* в первом предударном слоге. Об эканье говорят и такие написания: *Чедаев* I, 11, 47; III, 41 (ср. *Чадаева* I, 97), *сентебрем* I, 40, *тресутся* I, 57, *землетресение* II, 87 (последние примеры менее убедительны, так как: *Я тресь, тресь...* I, 171. Ср., однако: *поразтресло*

---

[157] Там же. С. 157. Вот они: *надо — отрада, строго — Бога, повар — говор, поэта — где-то, немножко — ножка, не худо — оттуда, послушна — равнодушно, много — бога, оживила — Людмила — унылой, надо — Шехерезада, злодейство — чародейство, рано — Татьяна, проворно — покорна, необозрима — неотвратимо, капать — лапоть, рано — романа, рано — Диана — романа, боярам — даром, мошка — окошко, это — ответа, награда — не надо* (Там же. С. 329).

[158] *Шевырев С.П.* Сочинения А.С. Пушкина (цит. по кн.: *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 10).

I, 100 — *поразтрясти* I, 59). Итак, *я* на *е* меняется: мены *я*, е на *и* в случаях, отражающих предударные слоги, нет.

А в заударных это не так уж редко. Приведем примеры. В некоторых грамматических формах мена постоянна: *пишешь-ли мой собрат — напишишь ли мне, мой холосенький...* I, 9, *перепишешь* и *подпишитъ* I, 133, *двинится* I, 145, *все перемѣлится* II, 8, *подымится* III, 28, *примимся* III, 47 и др. Все это можно объяснить как грамматическое замещение: один тип флексии замещен другим типом. Для фонетических заключений здесь нет материала. Нет его и в таком ряду фактов (инфинитивные образования): *свидиться* I, 22, *разкаиться приходитъ ей пора* I, 43, *могу ли я надеиться* II, 4,*не смѣю надеиться* II, 9 (*еще надѣиться* II, 54, 56; III, 17, 17 bis, 96, 113 bis, 115, 116, но: *надѣяться* II, 56, 116) и т.д.; *выздоровил* I, 128, *выздоровила* II, 20, *предъ ней я таиль в тишинѣ* II, 40. Видно, что здесь смешиваются написания *ить — еть — ять, илъ — ѣль*. Нельзя это смешение принять за признак йканья; опять все можно переложить на плечи грамматики: ее воздействие.

В зимнимъ дворцѣ I, 67... И это может быть фактом чисто грамматическим, неразличением падежных форм *зимним — зимнем*, путаницу в самом их употреблении.

Еще ряд фактов: с одной стороны — *маленькой* II, 19, *голенькой* III, 43, *миленькая* III, 80; с другой — *голинькаго* II, 106, *голинькой* II, 106, *умниньКая* III, 80, *худинькая* III, 97, *плотниньКая* III, 97. Здесь труднее подобрать морфологический образец, который бы определил такую мену. Может быть, суф. *-ин-* в совсем других морфологических образованиях? Вряд ли.

Заметим, что именно это морфемное образование (*-инький*) отмечали языковеды начала — середины XIX в.: бросилось в глаза, что произносится в суффиксе гласный [и] (см., например, у А.Х. Востокова в его "Русской грамматике..."—АВ: 189). Гласный в заударном слоге, зажатый двумя мягкими, в суффиксе (т.е. в сравнительно частотной морфеме—частотные единицы склонны к редукции) оказался вполне готовым к безвариантному, всегдашнему йкающему исполнению.

И еще один ряд фактов: *до моей пустынѣ недоходитъ ни один дружній голосъ* I, 26, *Пиши мнѣ... объ Черкешенки* I, 45, *не горюет о Черкешенки* I, 47, *о коляски* I, 166, *по одежки тяни ножки* II, 37, *Песни о Стеньки* II, 43, *на печатѣ* II, 32, *на Остоженки* III, 84 (и *на Остоженкѣ* III, 87). В этом же ряду: *Прасковьи* (дат. п.) II, 35, *Софьи* (дат. п.) III, 35, *Натальи Николаевнѣ* III, 57, 89 и др. Увы, и здесь можно отвести эти факты, предположив, что Пушкин отразил не нейтрализацию <э—и> (или, полнее, <а—о—э—и>), а просторечное, сбивчивое употребление падежных форм: морфологическая неисправность.

Если утверждается, что перед нами не фонетическое явление-не совпадение заударных <и—э> в одном звуке (типа [и]), а явление грамматическое, то тем самым сказано: Пушкин неверно употреблял падежные формы, недостаточно их различал по смыслу, просторечно их путал. А по звучанию они у него не совпадали. Если это предположение верно, тогда у него должны быть ошибки и в тех случаях, когда окончания ударны, т.е., например, не только *вѣтки* вм. *вѣткѣ*, но и *стѣнѣ* вм. *стѣны* (что-нибудь вроде *шел вдоль стѣнѣ*). Такие ошибки

были вероятны в московской просторечной среде, но у Пушкина они невозможны. Единственный пример-недосмотр: *на вечеръ у Катеринѣ Андреевнѣ* II, 76[159].

Предполагая, что данное явление грамматическое, а не звуковое, мы как раз и утверждаем, что Пушкин различал произносительно *вѣткѣ* и *вѣтки* и что неразличение имело смысловой характер, касалось значений падежных форм. А в таком случае формы *вѣтки — вѣткѣ* и *стѣны — стѣнѣ* (с ударными окончаниями) представляют собой совершенно однородные явления: и то, и другое различается и в произношении, и в значении.

Почему же нет подмены в случаях *стѣны — стѣнѣ?* Ясно: употребление грамматических форм, их смысловое размежевание было у Пушкина строго нормативным; ненормативным было употребление букв *и — ѣ* ввиду звукового совпадения заударных гласных.

Очевидно, в языке А.С. Пушкина изредка возникало совпадение <и—э> в заударных слогах, после мягких согласных. Но господствующим оставалось эканье.

Можно прийти к такому же выводу и с другой стороны. Приведены были многие ряды фактов, когда не различаются <и>, с одной стороны, и <а—о—э> — с другой. Каждый из этих фактов можно рассматривать как явление грамматического смешения. Но почему все эти грамматические смешения касаются только таких аффиксов, у которых все различие состоит в фонемах <и> — <а—о—э>? Напомним: взаимозаменяются *ить — еть, ить — ѣть — ять, ень — инь* (суффиксы прилагательных), *и — ѣ* (флексии существительных)[160].

Если бы дело было затеяно грамматикой, мы бы ожидали смешения и других аффиксов, с самым разнообразным составом. А этого нет. Становится очевидным, что хотя причина здесь для каждого отдельного случая может быть признана грамматической, но для всех вместе она должна быть характеризована как фонетическая[161].

Итак: скорее всего, в заударных последних открытых слогах у Пушкина могло быть фонетическое совпадение <а—о—э> с <и> (после мягких согласных)[162]. Почему же все-таки нейтрализация фонем происходила только в определенных грамматических аффиксах? Из-за их частотности. В заударных слогах, вероятно, возможно было и эканье (в более отчетливой речи), и йканье. Оно, йканье, только еще овладело заударными слогами; оно становилось обычным или, может быть, даже общепринятым в единицах наиболее употребительных: в аффиксах, особенно — во флексиях.

---

[159] В 1-м издании "Евгения Онегина" (гл. 3, строфа V) 9-й стих читался: *Какъ у Вандиковой Мадоннѣ*. Этот стих во 2-м издании был переделан: *Точь в точь в Вандиковой Мадонѣ* (рифма: *небосклонѣ*) (ВЧ 1906: 40—41).

[160] Напоминаем, что мену *-енький — -инький* можно объяснить грамматически только с натяжкой.

[161] Ср. в рифмах: *брани — къ банѣ, к встрече — плечи, няни — банѣ, Эсфири — порфирѣ, потачки — въ горячкѣ* (*Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 331).

[162] Еще примеры на заударную часть слова: *подчивать* II, 22 (грамматически истолковать эту мену можно: есть суф. *-ива*), *о путешествіе* III, 103 (грамматически истолковать можно). После твердых шипящих: *монашинкахъ* III, 80 (грамматически истолковать можно).

Тем более вероятно такое совпадение в закрытых заударных слогах: *нужен — ужин, Каверин — уверен, профиль — Мефистофель, Павел — правил*[163].

В предударных слогах, кроме первого предударного, тоже, может быть, в произношении Пушкина иногда (изредка) осуществлялась нейтрализация <и> — <а—о—э>. Хороших доказательств, однако, нет. Он пишет: *речетатива* (род.п.) I, 141; в заимствованном слове, с нестабильным фонетическим обликом (т.е. не закрепленном вседневной речевой практикой), бывают разнообразные, фонетически ничего не говорящие отступления. Еще факты, тоже малодоказательные:... *под каким бы они именем не существовали* II, 11, *кто бы нє издавал журнал, все равно* II, 20. *А этого-то Полевой не умѣетъ* II, 20.

Нет надобности доказывать, что эти факты как свидетель йканья (в непервых предударных слогах) не показательны.

Самое отсутствие фактов смешения *и — е* в предударной части слова, в том числе во втором, третьем и т.д. предударных слогах, — свидетельство того, что эканье здесь, скорее всего, не было поколеблено.

Теперь скажем о гласных в некоторых флексиях. В предл. падеже существительных произносился во всех склонениях гласный *и*-образный: *объ уединеньи* I, 3, *въ отдаленьи* I, 3, 18, *въ уединеньи* I, 7 и т.д. При большом числе этих форм нет написаний с *я*; этого мы, конечно, и ожидали: произношение [ъ] после мягких и йота в этих формах русский язык не знает. Зачем было говорить об этом бесспорном случае? Он нам нужен именно как бесспорный. Вот как ведут себя программы, когда их формирует бесспорно *и*-образный гласный (в заударной позиции).

Сопоставим с этим другие факты. Флексия твор. падежа *-емь* письменно передается Пушкиным именно таким буквосочетанием; примеров много. Но есть и такое написание: *съ тщеславіямъ* (!) I, 78.

Исходим из того, что буква *я* в окончаниях не читалась как [и^{э}], полагаем, что имена с окончаниями типа *приятел-я, приятел-ям, приятел-ями, о приятел-ях, корень-я*[164], *син-яго, птичь-яго* произносились с [ъ], *просят, просящий* — с [у] (*просют, просющий*). Очевидно, что написание *-ямъ* (твор. п.) указывает на произношение [ъм]. Одного факта мало; могла быть описка. Но в связи с другими фактами, говорящими о том, что произносили именно так, и это показание может считаться содержательным. Ведь при несомненном [и] не было (ни у Пушкина, ни у других известных нам авторов) написаний с *я*!

На протяжении ряда фонетических эпох (систем) мы прослеживаем судьбу гласного во флексии *-ем* (твор. п.). Видно, что с желтой эпохи, если двигаться в глубь времен, более или менее устойчивым был гласный [ъ].

Теперь скажем о согласных. Пушкин их тоже употреблял, умело и выразительно переплетая с гласными. Не будем доказывать, что

---

[163] *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 160.

[164] Ср. рифму: *увечья — наречья — готов обречь я*, которая говорит, что Пушкин формы типа *увечья* заканчивал звуком типа [а] или [ъ].

Пушкин оглушал согласные в конце слова. Ничего иного мы ведь и не могли ожидать.

Остановимся на мягкости (диезности) согласных. Волнует вопрос: сохраняли губные мягкость в конце слова или нет? Сохраняли: *увѣдомь* I, 14, *оставьте* I, 23, *доставьте* I, 24, *поздравьте* I, 31, *справься* I, 111; II, 26; III, 44, *условься* I, 119, *оставь* I, 166; II, 26. *справься* III, 44. Всюду ь не заменен ъ-ом. А наш информант непременно заменил бы (в некоторых хотя бы случаях), если бы губные отвердели: орфография Пушкина откровенна. Одно слово идет по петербургской норме: *впрямъ* II, 56[165]. Очевидно, влияние Петербурга. Но... один случай.

Перед согласными мягкость согласных отвечала литературной норме, свойственной голубой и желтой системам:

а) перед йотом: *неизъяснимо* I, 53, *изъяснил* I, 53, *объѣхалъ* I, 106 (беловик; в черновике: *объѣхалъ I, 108*), *неизъяснимую* I, 107 (беловик; в черновике: *неизъяснимую* I, 108), 110, *изъяснить* II, 22, *изъясню* II, 23;

б) о мягкости зубных перед мягкими губными, на наш взгляд, говорят такие записи: *писменнаго* I, 108, *возмемся* I, 151, *возметься* III, 54 (ср. *возьмись-ка* I, 169)[166];

в) были мягкими и зубные сонорные (кроме, конечно, боковых) перед мягкими передненёбными шумными: *ныньче* I, 12.

О других сочетаниях данных нет. Думаем, что мягкость зубного перед мягким зубным не обозначается именно потому, что позиционная закономерность: только [t' + t'], но не [t + t'] (здесь t' — мягкий зубной) — была очень прочной. Судя по написаниям *возмемся* и проч., так же прочной была и закономерность: только [t' + p'], но не [t + p'].

Теперь скажем о непроизносимых гласных. Союз *если* пишется по-разному: *если* I, 90, 96, *естьли* I, 67, 68, *есть-ли возьмешься* I, 52, *есть-ли* (=*если*) II, 14. Последнее написание совпадает с орфограммой глагола: *Спроси есть-ли свѣжія сельди?* II, 19.

Очевидно, сочетание <стл'> произносилось [с'л'], и было безразлично, как писать: *сли, стьли, сть-ли.* Фонема <т> (и <т'>) реализовалась нулем (как в слове *счастлив*). Орфография же допускала написание *естьли* (этимологически обоснованное). И в глагольном сочетании *есть ли* (*сельди*), очевидно, тоже произносились звуки [с'л'].

О непроизносимых согласных говорит и такое написание: *комендантской лѣсницы* III, 58. (Похоже на описку: *университетсткую* II, 43. Или?..)

Были еще особые непроизносимые: в сочетании с согласным были невозможны долгие согласные. То есть: <сст>=<ст>. Поэтому Пушкин пишет: *разтался* I, 34, *разтаться* I, 80, *безтыдство* I, 94, *разтроеное здаровье* II, 8 (и *разстроенное здоровье* II, 11), *имѣніе его разтроено* II, 27, *разказывалъ* III, 58, *разказали* III, 80, *разказывалъ* III, 96, *разтался* III, 59.

---

[165] У Пушкина находим рифму *вручив — вкривь*, где последнее слово приходится читать: *вкриф*. Ср. у него же написание *впрям* ("Евгений Онегин", 1825. Гл. 1. С. 16).

[166] Но *возмут* III, 4, *возму* III, 43. Здесь вероятно влияние написаний типа *возметься, возмемся*.

О "недолготе" согласных, о невозможности их долготы в соседстве с согласным говорят и такие примеры: *разстетъ* I, 68 (=*растет*), *сказску* III, 25, *сказски* III, 37, 42, 43, 44.

Долгие согласные заменялись краткими, если рядом с ними не было ударных гласных. Отсюда вариации: *драмматической* II, 25, *драматическое* II, 65, *драмматически* II, 118, *драматических* II, 121. Иногда варианты находятся в тексте рядом: *Об истиннѣ* (*то есть о точности примѣненія истины*) *нечего тебѣ заботиться* II, 115.

Наконец, даже в сильной позиции, рядом с ударным гласным, когда нет инокачественного согласного соседа, долгота—краткость согласного часто колеблется; например, *комисіи* I, 97 — *коммісіи* I, 137 — *коммисіей* II, 14. Что здесь: отражается непостоянство в произношении заимствованных слов? Или, может быть, этот разнобой означает, что удвоение букв было совершенно условным приемом, а произносили (в заимствованных словах) все равно краткие "одинарные" согласные? Мы думаем, что верно, скорее всего, это последнее предположение. Не любили носители голубой фонетической системы долгих согласных. И Пушкин, видимо, не любил. Об этом уже говорилось.

Во многих словах Пушкин произносил [шн]: *лавошниковъ* I, 85, *лавошники* I, 103, *яишницу* II, 18, *грешневой* III, 110 и др.[167]

С.П. Обнорский пишет: "Трудно судить с определенностью о произношении в языке Пушкина сочетания *чн*. С одной стороны, подавляющее большинство рифменных свидетельств говорит за их произношение не по московской норме" (СО 46: 96—97). И С.П. Обнорский приводит такие рифмы: *сердечный — беспечный, сердечный — скоротечный, сердечно — конечно, сердечный — вечный, скучный — неразлучный,* или *однозвучный,* или *благополучный, привычный — неприличный* или *двуязычный, конечно — вечно, неразлучный — сладкозвучный* или *докучный.* Почему все это — свидетельства в пользу произношения [чн]? Буква *ч* пишется? Это может быть условное, традиционно принятое написание. Буквосочетание *чн* могло соответствовать и звукосочетанию [чн] в одних словах, и звукосочетанию [шн] в других[168] (ср. упомянутое выше написание *альманачник* у современников Пушкина). Почему рифма *сердечно — конечно* должна свидетельствовать о произношении [чн]? Скорее всего, в обоих словах было [шн]; см. контекст:

Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался как поэт:
"Жениться? Мне — зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно..." IV, 383

[167] Фамилия *Овошникову* I, 22 (в таком написании) могла бы говорить о петербургском произношении, но, видимо, это было традиционным произношением и написанием.

[168] Условных, даже гиперусловных, написаний у Пушкина немало. Вот несколько примеров: *какого поживаешь* II, 27, *вотъ какого быть верноподаннымъ!* II, 7, *вотъ какого море наше хваленое* II, 15. Есть гиперизмы среди условных написаний с ѣ: *разрѣвѣлись* II, 57 и проч.

Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свесть V, 42

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь к нему, конечно,
Но мне теперь не до него. V, 137.

Думаем, что эти разговорные контексты вполне допускали произношение *конечно* и *сердечно* с [шн][169].

Когда оценивают произношение с [чн] — [шн], исходят из своих сегодняшних привычек. Рассуждают так. Рифма *сердечный — беспечный* говорит о произношении с [чн]: во-первых, написано *чн*; во-вторых, я сейчас (в XX в.!) ни за что не скажу *беспе*[шн]*ый*; только *беспе*[чн]*ый;* значит, XIX век говорит в рифму: *серде*[чн]*ый*. Это рассуждение предполагает, что произношение не меняется. С таким убеждением заниматься историей языка не стоит. Поэтому, вопреки уверенности С.П. Обнорского (совершенно ослепленного ненавистью к московскому произношению), надо считать рифму *сердечный — беспечный,* даже *сердечный — вечный,* ничего фонетически не говорящей.

Гораздо важнее другие факты, собранные Обнорским. Пушкин рифмует: *скучно — душно, неотлучный — равнодушный, скучной — равнодушный, скучно — простодушно* и др. В этом наборе особенно интересна рифма *неотлучный — равнодушный*[170]. Она показывает, что Пушкин говорил не совсем так, как мы.

Очевидно, чередование [ч] (в позициях не перед [н] и [н']) || [ш] (перед [н] и [н']) не было у Пушкина позиционным. Например, в отрывке из "Анджело" заметна инструментовка на [ч']:

---

[169] Сказки Пушкина написаны подчеркнуто некнижно:

Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядючи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля. IV, 458

Поэтому в сказке даже такую рифму:

Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана... IV, 465

может быть, следует читать с [шн]: *наве*[шн]*о*.

[170] Приведя ряд рифм типа *сердечный — беспечный,* фонетически молчаливых, а затем ряд рифм типа *неотлучный — равнодушный,* С.П. Обнорский заканчивает этот перечень блестящим point'ом:" "...Мы должны заключить об основной норме произношения Пушкиным сочетания *чн* не по московской норме литературного языка" (СО 46: 97).

Он лучший путь себе конечно изберет.
Бесчестием сестры души он не спасет.
Брат лучше раз умри, чем гибнуть мне навечно.
За что ж казалося тебе бесчеловечно
Решение суда? IV, 360—361

Здесь: *лу*[ч]*ший* (2 раза); *конечно* — в значении 'в конце концов'. Не произносилось ли это слово, в отличие от вводного слова *конечно*, с [ч'н]? Не произносились ли тогда и *бесчелове*[чн]*о*, *наве*[чн]*о*? Полной уверенности нет даже и в этом случае. Но инструментовка этих стихов на [ч'] делает такое предположение возможным.

Мы кончаем эти размышления минорно. Мы не можем точно доказать, что в языке Пушкина и его современников описанное чередование было позиционным, и непозиционность его тоже не можем доказать. Но оно, несомненно, было ближе к позиционному, чем в наше время. Вспомним рифму *неотлучный — равнодушный*[171].

Фонема <г> была у Пушкина представлена взрывным согласным (за исключением позиции перед [г, к], см.: *локти — когти* IV, 462). "Слово *бог*, конечно, произносилось с длительным (то есть щелевым) задненёбным. Но можно ли на этом основании предполагать, что с длительным *г* звучали для Пушкина и некоторые иные слова, с которыми у него оно (слово *бог*) связано в рифменных сочетаниях? Вот эти сомнительные случаи: *бог — не мог, бог — у ваших ног, ради бога — строго, ради бога — эклога, слава богу — дорогу, слава богу — понемногу, боги — ноги.* Более верные показания для признания длительного произношения *г* содержатся в рифменных сочетаниях соответственных слов со словами, оканчивающимися на *х*. Этих примеров у Пушкина немного: *друг — дух, рог — мох, достиг — за них*. Может быть, сюда же относилось бы следующее рифменное свидетельство: *покорный твой слуга — тоска берет, ага!* Впрочем, материал этот зыбкий для тех или иных твердых предположений. Дело в том, что встречаются у Пушкина немногие случаи рифменных сочетаний, с одной стороны, слов на *х*, с другой — слов на *к*. Ср. рифмы: *табак — в прах, мрак — крылах, страх — казак, поляк — лях;* ср. еще рифму: *Вот он, вот он сильный бог — праздничный венок*. Все эти случаи, однако, принадлежат поре начального творчества Пушкина: в них можно поэтому усматривать временные признаки внешнего несовершенства формы" (СО 46: 96).

Возможно, но не исключено и другое: уже укрепилась традиция (условная!) рифмовать конечные *г — к — х* независимо от того, была ли буква *г*=[х] или [к]. В середине XIX в. эта традиция уже существовала[172] и не была связана с несовершенством фор-

[171] Не была ли она столь же условной, как рифма *мрак — на крылах, страх — казак?* Не думаем.

[172] Что сочетания типа *миг — для них* ориентированы на графику (буквы *г — х* в конце слова), а не на произношение, показывают тройные рифмы, в которых *г* соединяется одновременно с *к* и *х*. Ср. у Батюшкова: *их — ученик — миг;* у Лермонтова: *в миг — крик — стих...* (*Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 144).

мы[173]. Как москвич, Пушкин, конечно, произносил *щ*=[ш':]. Одно исключение (рифма *ищу — хочу*) — не повод для сомнений. Вероятно, свойствен Пушкину был и звук [ж':] (или [ж'$^{д'}$ж']). Явных свидетельств нет, но при московской основе его речи трудно иного ожидать. Из несколько двусмысленных показателей приведем такой: написание *зазженый* III, 101. Буквосочетание *зж* не на стыке морфем используется только для [ж'].

Вот все о согласных. И о звуках — тоже все.

Из описания видно, что Пушкину было чуждо просторечие — чуждо все в нем, что отличало его от литературной нормы. Во время голубой системы граница была зыбкой, и перейти ее было легко. Пушкин — не переходил[174]. П.А. Вяземский писал: "Немного парадоксируя, Пушкин говорил, что русскому языку следует учиться у просвирен и лабазников, но, кажется, сам он мало прислушивался к ним и в речи своей редко простонародничал".

Утрата йота в позиции после согласного перед безударным гласным — *щасьтя* I, 58, *о собачей комедіи* III, 40 (и *в Казачьем переулкѣ* III, 51) — тогда не была признаком просторечия (так же как и впоследствии).

Написания Пушкина иногда очень хорошо передают тактовое строение его речи: *за чѣмъ дразнить-было нещастнаго Царскосельскаго пустынника* I, 3; *что-ты объ немъ думаешь?* I, 10. Здесь дефис объединяет то, что составляет один такт. Раздельное написание говорит иногда о нескольких ударениях и, значит, о нескольких тактах: *шести сотъ лѣтній дворянинъ* I, 16, *о его анти критикѣ* III, 62.

Интонационную сторону речи Пушкина, может быть, передает своеобразие в расстановке знаков препинания (не отвечающее нормам того времени, так же как и современным):

Извините что до сихъ поръ я не могъ отвѣчать вамъ; разныя обстоятельства, печальныя и хлопотливыя мнѣ помѣшали II, 16.

Можетъ быть, не Погодинъ, а я — буду хозяинъ новаго журнала II, 20.

Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими, человѣка Государственнаго, среди огромныхъ его заботъ II, 21.

По крайнѣи-мѣрѣ пиши-же мнѣ почаще, а я за новости Кишиневскія, стану тебя подчивать новостями Московскими II, 22.

Конечно я въ точности исполню высшую волю и для того

---

[173] О том, что буква *г* была для Пушкина в некоторых словах (например, в форме *о боге*) связана с [j], со звуком, близким к [γ], говорит написание фамилии: *Югенева-Юрьенева* вместо *Юренева* II, 66. Впрочем, не было ли такое написание традиционно принятым, т.е. не индивидуально пушкинским? Тогда оно — не свидетель о речи Пушкина.

[174] Отдельные слова — *острамил* I, 85, *поздравляю тебя съ рожествомъ* I, 112, *покамѣсть* I, 165; II, 4, 6, 9, 86 (и *покаместь* I, 161; II, 69, 74) — факты не фонетические. Они связаны со звуковым обликом слова. Говорить *покамест* или *покаместь* — выбирать разные слова.

писалъ Погодину дать знать въ Цензуру чтобъ моего ничего, нигдѣ не пропускали II, 24.

...Замѣтьте что въ Корнелѣ, вы примѣненій не встрѣчаете — что кромѣ Эсфири и Вероники, нѣть ихъ и у Расина... II, 32.

Вотъ въ чемъ дѣло: хочешь-ли оную сумму получить въ Москвѣ — узнай въ состояніи-ли они мнѣ за нынѣшній годъ выдать? и дай отвѣтъ — если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ разные сроки II, 49.

Требуемые отъ меня поясненія на щетъ вашего П. Бургского повѣденія, далъ я съ откровенностію и простодушіемъ — отъ чего и потекли нѣкоторыя слезы... II, 56.

Он можетъ доказать что никогда въ его Газетѣ небыло и тѣни, не только мятежности, но и недоброжелательства къ правительству II, 121.

Все эти фразовые (интонационные и паузные) разделения — слияния оцениваются и в алой, и оранжевой системах как живые и естественные. Такими они были и в речи Пушкина.

Закончим опять сетованиями на то, что произношение Пушкина полностью не исследовано и ждет еще дальнейшего изучения.

Л.Н. Толстой

«— И зачем нас нелегкая несет воевать с Бонапартом? — сказал Шиншин. — Il a déjà rabartu le caquet à l'Autriche. Je crains que cette fois ce ne soit notre tour.

Полковник был плотный, высокий и сангвинический немец, очевидно служака и патриот. Он обиделся словами Шиншина.

— А затэм, мылостывый государ, — сказал он, выговаривая *э* вместо *е* и *ъ* вместо *ь*. — Затэм, что импэратор это знаэт. Он в манифэстэ сказал, что нэ можэт смотрэт равнодушно на опасности, угрожающие России, и что безопасност империи, достоинство ее и святост союзов, — сказал он, почему-то особенно налегая на слово „союзов", как будто в этом была вся сущность дела.

— Connaissez vous le proverbe: „Ерема, Ерема, сидел бы ты дома, точил бы свои веретена", — сказал Шиншин, морщась и улыбаясь, — Cela nous convient à merveille. Уж на что Суворова — и того расколотили, à plate couture, а где у нас Суворовы теперь? Je vous demande un peu, — беспрестанно перескакивая с русского на французский язык, говорил он.

— Мы должны драться до послэднэй капли кров, — сказал полковник, ударяя по столу, — и умэр-р-рэт за своэго импэратора, и тогда всэй будэт хорошо. А рассуждат как мо-о-ож-но (он особенно вытянул голос на слове „можно"), как мо-о-ожно меньше, — докончил он, опять обращаясь к графу"[175].

Так детально манеру говорить до Толстого никто не описывал. До Толстого особенности выговора писатели замечали с одной целью: чтобы посмеяться. Особливости в произношении имели

[175] *Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. 1. Ч. 1. Гл. 16.

комические персонажи. Не то у Толстого. Немецко-русское произношение Карла Иваныча ("Детство") передается даже с любовью. Трогательная беспомощность Карла Иваныча — вот что показано с помощью этого неправильного произношения.

В приведенном выше отрывке из "Войны и мира" тоже нет задания рассмешить читателя. Произношение немца-полковника — доказательство истинности рассказанного. Чтобы сохранить авторское задание, в этом отрывке надо использовать: французское произношение; подчеркнуто русское народное ("Ерема, Ерема..."); ломаное — немецко-русское. Чередованием разных фонических пластов воссоздается пестрота, сложная мозаичность действительности.

Это характерно для Л.Н. Толстого: он часто воссоздает манеру говорения, и никогда для того, чтобы позабавиться за счет персонажа. Еще пример (из "Плодов просвещения"):

3-й мужик. Написал бы только: как мужички, скажем, жалают, так, скажем, и я жалаю. И всего дела: взял, подписал и крышка.

Таня. Только подписать? На бумаге только чтоб барин подписал? (Задумывается.)

1-й мужик. Двистительно, только всего и зависит дело. Подписал, значит, и больше никаких...

3-й мужик. Ай, деушка, хлопотать хочет. Только выхлопочи ты дело, всю жизнь, скажем, кормить миром обвяжемся. Во как!

1-й мужик. Кабы в действие произвесть такое дело, двистительно озолотить можно (I, 53).

И здесь воспроизводятся особенности крестьянской речи (*жалают, жалаю*) не для комикования.

Еще недавно, в начале века, особенности выговора обыгрывались водевилистами, сатириками, авторами бурлеска. А в середине века (и позже) орфоэпическое комикование осталось на долю И.Ф. Горбунова и П.И. Вейнберга, ушло из большой литературы. Это можно объяснить литературоведчески — усложнением форм реализма в искусстве. Но есть и чисто языковая сторона дела. Начало века — время, когда литературная норма только завоевывала прочное положение в бытовой речи. Отступления от нее в эту пору вызывали только отчуждение (у людей, "заступающихся" за эту норму, ее сторонников и защитников). Отсюда — неодобрительное, комическое отражение таких отступлений в литературе.

Середина (тем более конец) XIX в. — пора, когда литературность, нормативность стала прочным достоянием бытовой речи интеллигенции. Отступления перестали быть общественно опасными. Их можно стало использовать для спокойного, объективного изображения характера.

В речи Л.Н. Толстого полностью преодолено диалектное влияние на произношение. Биографические факты у Толстого столь же покровительственны для диалектности, как и биографии Марина.

Поместье около Тулы, Казань, наездами — Петербург, Кавказ, Севастополь — вот географические вехи его жизни. Но литератур-

ный стандарт в произношении оказывается совершенно чистым от диалектных и просторечных черт.

Осталась запись для фонографа, сделанная уже в последние годы жизни Льва Николаевича. Вот фонетическая транскрипция этой записи:

[пълуч'йл твајó п'ис'мó та́н'ъ | ио́ч'ин' былра́т јэ^{и}му́ || про́ст^{ъ} какфс'иуда́ по́мн'и-цъ жывъ... въстънав'йт' атнашэ́нијъ стабоз̯|| [176] тынап'йшыш | кактыв'э́рнъ п'йшыш | нав'э́рнъ бо́л'шы^{э} с'эрцъ^{а}м | аэ́тъ самы̯ лучшы̯ инструм'э́нт дл'итавó|штóбы хърашó нъп'иса́т' тóшто п'йшыцъ|| пажа́лустъ п'э^{и}ч'а́тъ̯ |ија судавóл'с'т'ијъм инав'э́рнъ збал'шóэ̯ ра́дъс'т'ју прач'ту́ эт твајó п'иса́н'и̯ъ||п'ир'эда́э̯ мóэ̯ пр'ив'э́т тваим || бра́цки цалу́ју т'эб'а́||из'в'ин'й|што п'ис'мó къратко́||ја гъвар'у́ фонограф|ја уста́л|мнóгъ рабóтъл ин'есафс'э́м здарóф||| [177].

В этой короткой записи много интересного. Начнем с заимствованных слов: Толстой произнес [фонограф], [инструм'э́нт] — с безударными [о], с полумягким [м'] перед [э]. Эти факты, может быть, заставят нас внести уточнение в то, что было сказано раньше: группа заимствованных слов в начале века отсутствовала, но к его середине она, видимо, уже формировалась. Есть разница между пушкинским *Гете* [г'эт'и^{э}] и толстовским *инстру*[*м'*]*ент*.

Фонетика флексий представлена такими интересными фактами: в формах твор. падежа ед. числа произнесено было *с удовольстви*[јъм], *серд*[цъ^{а}м] — так мы и ожидали услышать (всегда приятно услышать то, что ожидали). Для фонетики флексий еще интересны такие произношения: *писан*[и̯ъ], *та*[н'ъ], *отношени*[и̯ъ].

Л.Н. Толстой экает. Не подчеркнуто, не назойливо, у него в первом предударном слоге не чистый [э], а скорее [э^{и}]. Исключение — слово *всегда,* где произнесен звук *и*-образный. Значит, в ходовых словах уже начинало появляться йкающее произношение? Или это случайная обмолвка? Перечислим слова, где отразилось различение <и> — <а—о—э> в первом предударном слоге: [п'ис'мó], [п'иса́н'и̯ъ], [из'в'ин'й],[пр'ив'э́т], но [п'э^{и}ч'а́тъ̯], [п'ир'э^{и}да́э̯], [т'эб'а́], [јэ^{и}му́].

В другие безударные слоги проникает йканье: [дл'и^{э}тавó], [п'ир'э^{и}да́э̯], [óч'ин'].

В последнем открытом заударном слоге произносится [ъ], более закрытый, нейтральный, далекий от просторечия звук, а не [а] и не [ʌ] — они были бы характерны для такой литературной речи, которая слабо противопоставлена просторечию. У Л.Н. Толстого — строго нормативное произношение: *прост*[ъ], *помнитс*[ъ], *жив*[ъ], *верн*[ъ], *эт*[ъ], *пишетс*[ъ], *пожалуст*[ъ], *наверн*[ъ], *мног*[ъ].

Одна очень удивительная особенность: после [ш] произносится

---

[176] Плохо слышно. Может быть, *стабоо*=с табою?

[177] См. текст фонописьма: Получил твое письмо, Таня, и очень был рад ему. Просто как всегда помнится живо... восстановить отношения с тобой. Ты напишешь, как ты верно пишешь, наверно больше сердцем, а это самый лучший инструмент для того, чтобы хорошо написать то, что пишется. Пожалуйста, печатай, и я с удовольствием и наверно с большой радостью прочту это твое писание. Передай мой привет твоим. Братски целую тебя. Извини, что письмо коротко. Я говорю в фонограф, я устал, много работал и не совсем здоров.

не [ы], а [ы–], гласный, сдвинутый кпереди, на современный слух [ы], приближенное к [и]. Это слышится во многих словах, едва ли не во всех, где есть сочетание <ши>. Может быть, прав был Р.Ф. Брандт, считавший, что после [ш, ж] произносится не совсем [ы], а особый звук, который он обозначал в транскрипции так: [и^{ы}]. Он писал: "Звук, который почти совпадает со звуком ы... мы встречаем после *ж, ш,* напр. [жы^{и}р], [шы^{и}т']. После [тс], то есть [ц], напр. в словах [т͡сы́пка], [м'ьд'и т͡сы́на] слышится даже настоящее [ы]". По его словам, рифма *ципка — рыбка* — чистая, *шыла — мыла, мужик — бык* — не чистая. "На то, что слоги русского письма [ши, жи]... не соответствуют произношению, первый обратил внимание протоиерей Герасим Павский... хотя он впадал в преувеличение, когда говорил, что во всех этих слогах слышится *ы*. Ошибка Павского была исправлена Я.К. Гротом"[178].

Не будь пластинки с записью речи Толстого, мы бы считали, что у Брандта зафиксирована простая ошибка слуха. Но и Павский едва ли ошибался. О верности его наблюдений говорят последующие системы, вплоть до оранжевой—алой: *шил, жил* действительно произносятся с [ы]. Трудно предположить, что у Павского это был прогноз, а не конкретное наблюдение.

Очевидно, существовали две нормы: одни говорили [шы^{и}], [жы^{и}] (или, как записывает Брандт, [ши^{ы}], [жи^{ы}]), другие произносили после твердых шипящих такой же [ы], как после всех других твердых. Усиление аккомодации привело к тому, что всеобщим (во время зеленой? желтой нормы?) стало произношение с [ы].

Эту перемену обусловила та же причина, которая позднее привела к мене произношения [шы^{э}ры́], [жы^{э}ра́] на [шары́], [жара́]. Позиция после [ш, ж] подверстывается под позицию после всех остальных твердых.

Можно предположить, что два этих процесса связаны между собой: пока было распространенным произношение [шы^{и}т'], [жы^{и}т'] (или, что то же: [ши^{ы}т'], [жи^{ы}т']), то такой *и*-образный звук был и в первом предударном слоге: [зъши^{ы}ва́т'], [пъжи^{ы}ва́т']. А если фонема <и> реализуется в этой позиции звуком, близким к [и], то фонемы <а, о, э> должны реализоваться звуком, близким к [э^{и}]. Была полная параллель:

1) за[ши^{ы}]вать	как	по[л'и]вать
по[жи^{ы}]вать		за[п'и]вать
2) [шэ^{ы}]ры[179]	как	[т'э^{и}]нуть
[жэ^{ы}]ра[179]		[п'э^{и}]ти.

Но вот произношение [жи^{ы}], [ши^{ы}] исчезло (в зеленой оно, судя по показаниям Р.Ф. Брандта, еще существовало); отношения стали другими:

---

[178] *Брандт Р.Ф.* Лекции по исторической грамматике русского языка. М., 1892. Вып. 1: Фонетика. С. 14—15.

[179] Так в голубой и зеленой системах; в желтой и более поздних (йкающих) — с гласным [ы^{э}].

1) за[шы]вать как за[бы]вать
по[жы]вать за[вы]вать,

т.е. позиция такая же, как после всех твердых; тогда естественно сделать и второй шаг к сближению этих позиций:

2) [шары́] как [сады́]
[жара́] [зады́]

(напомним осложняющее обстоятельство: нормы с [ши^{ы}], [жи^{ы}] и с [шы], [жы], очевидно, долгое время сосуществовали, и лишь сравнительно недавно первая была вытеснена второй).

Заканчивая описание гласных в этой краткой фонографической записи, отметим еще [ца]*лую* — в соответствии с нормами времени. Факт не фонетический; это признак звукового облика данного именно слова, вернее — фонемного облика: <цалуjу>. Позднее он изменился: <ц $\frac{э}{о}$ луjу>, что в произношении, конечно, дает [цы^{э}лу́иу].

В произношении согласных особенно важно отсутствие южнорусского [γ] (*говорю, фонограф*). В слове *всегда* произношение [γ] было закономерным для литературного языка.

Заметим и такую важную деталь: *в фонограф* дало краткий, не "двойной" начальный [ф]. Видно, сочетание <в + ф>, <в+в> на стыке "предлог+имя" могло давать неудвоенный согласный. Об этом говорилось выше. (Сейчас скорее был бы начальный [ф] долгий, хотя в беглой, небрежной речи, может быть, его долгота и не обязательна.)

Мягкость согласного в сочетании с другим мягким согласным отвечает нормам времени (*извини, с удовольствием*). В последнем слове обратим внимание на "упрощение" групп согласных.

Произношение Л.Н. Толстого для нас особенно интересно как свидетельство об исходе долгой борьбы. В бытовой речи дворянства, особенно дворянской интеллигенции, боролись литературная норма ("московское произношение") и сильнейшие просторечные и диалектные влияния. Биографически Л.Н. Толстой мог бы сохранить в речи произносительные диалектизмы в большом количестве. Мы видели, что их нет.

И принципы использования произносительной характерности в произведениях Толстого говорят о том, что борьба литературной нормы с произносительным хаосом (ведь влияние многих диалектов и пестрого просторечия — это влияние хаоса на норму) закончилась победой нормы.

Кодифицированное произношение предполагает определенную (и достаточно высокую) степень осознания его норм. Как это было у Л.Н. Толстого? В его книге "Азбука" (СПб., 1872) показано для деток, как читать слова. Например:

ова
Льва соннаго не буди. 34

Значит, читать (произносить) надо *соннова*.

Среди фонетических поучений у Л.Н. Толстого настойчиво звучит

требованье аканья. Но звуки [а] и [ъ] не различаются, для [ъ] не было общепонятного алфавитного представителя. Поэтому:

а а а а ат а

Посторонись, мнѣ скорѣе въ городъ надо. 35

Но в некоторых случаях Л.Н. Толстой все же нашел способ сказать о звуке [ъ] (при отсутствии, видимо, ясного представления о нем)[180]:

ой е е ой ой

Самъ дубовый, поясъ вязовый, носъ липовый 33 ("Бочка").

Буквы *-ой* показывают: произносится не [ы], а другой звук. И не [а]. Какой? Из двух "не" следует одно "да": произносится [ъ], тот, который обычно передается в безударных окончаниях прилагательных буквой *о*:

а а х к

Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. 40

Эканье насаждается во всех безударных слогах: *егнята, по пети, езыкъ, везовый, поесь, учести* (от *участь*); после твердых согласных — шипящих: *тежело, шегаеть, пошетаемся, шелавливая...* (Здесь "верхние отметки" мы ввели в текст.)

На и́канье могли бы намекать два примера[181]:

а и

Мѣльница не по вѣтру, а противъ вѣтра мелетъ. 46.

ы и

Не живой, а дышетъ 53("Квашня").

При частых фонетических неточностях у Толстого эти две пометы ничего не говорят. Для глагола вообще характерна подстановка флексий одного спряжения вместо другого.

Консонантизм. Особенно изобретательно у Л.Н. Толстого такое орфоэпическое наставление:

а а ч в

Вздулся как пузырь дождевой и сталъ — ничего. 49

Надпечатка буквы *ч* над строкой должна пояснить, что произносится [ж':] или [ж'д'ж']. В условиях звонкого [ж] аффриката [ч'] будет тоже звонкой, а все вместе даст как раз [ж'д'ж'] или, если принято другое произношение, [ж'ж']=[ж':].

У Толстого не раз показано, что [г] в позициях оглушения дает [к]:

к ж к

Съелъ-бы пирогъ, да въ печи сжегъ. 39

---

[180] Цит. по кн. (фотовоспроизведение 1-го изд.): *Толстой Л.Н.* Азбука: Новая азбука/Ст., справ. материалы и сост. В.Г. Горецкого, Г.В. Карпюка. М., 1973.

[181] В другом разделе той же азбуки напечатаны тексты, где курсивом выделены буквы, не соответствующие произношению: привязал, *я*ичку, л*я*гушки, т*я*жело и т.д. С другой стороны, не выделены буквы в словах: *перестанешь, недосуг*ь, *у дерева*... (С. 63—70). Это все вместе тоже знак эканья.

В некоторых словах употреблялась фонема <γ>, в позиции оглушения она была представлена звуком [х]:

а а х а

Богатъ ждетъ пакости, а убогъ радости. 38

В слове *богат* для передачи [γ] алфавитных средств не нашлось.

По нескольку раз дано произношение *хто, нихто, хто-нибудь, кохда...*

Мутабильности нет, нет постоянного выбора между <г> или <γ>, в каждом слове — по принципу: произношу торжественно *сж*[эх] или сниженно *сж*[ок]. Фонемы <г> и <γ> разместились по разным словам. Такова норма! Но появилась свобода отношения к ней. В художественных целях она может быть отменена:

с а а а х т

Разсыпался горохъ на четырнадцать дорогъ. (Народъ изъ церкви.) 43

"Азбуки" Л.Н. Толстого предназначены для крестьянских детей. Трогательна забота писателя о том, чтобы дети учились литературному произношению, полноценной нормативной речи. Это большое культурное значение "Азбук" Л.Н. Толстого у нас так и осталось не оценено должным образом. Будем утешаться тем, что

а ей а

Хорошій товаръ самъ себя хвалитъ. 58

Итоги. 1. Литературный язык стал законом и для бытовой речи. При этом он сам должен был достичь высокой степени смысловой гибкости, выразительности, ясности. Это было невозможно без развития художественной культуры слова, без развития поэзии и театра (особенно). Отныне развитие, совершенствование бытовой речи поддерживало художественное творчество, а художество обогащало повседневный разговор.

2. Вместо трех ступеней, закрепленных в языке, — высокого, среднего и низкого стиля — появилась возможность индивидуального стилистического варьирования: в каждом случае общения, в каждом художественном произведении и бытовом разговоре. Это потребовало, с одной стороны, многообразия орфоэпических норм, с другой стороны, их единства, их категоричности[182].

[182] К сожалению, в этой книге уделено очень мало внимания тому, какую роль играла начальная и средняя школа в распространении орфоэпической культуры. Видимо, немалое. Известный педагог-просветитель Н.Ф. Бунаков в своих воспоминаниях пишет: "Я занимался с ними [с детьми в сельской школе] чтением, письменными работами, решением арифметических задач, прошел с ними обзор России и очерк русской истории, сообщил, на разборе, сведения из русской грамматики, познакомил с квадратными и кубическими мерами, с простейшими дробями, практиковал в выразительном произношении стихотворений" (*Бунаков Н.Ф.* Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837—1905. СПб., 1909. С. 211). Очевидно, такие энтузиасты-учителя встречались нередко.

Такие возможности были созданы мутабильными фонемами. Мутабильные, свободно избираемые фонемы — характерная черта голубой системы. В XVIII в. такой выбор определен принадлежностью текста к определенному стилевому типу. Во второй половине XIX в. мутабильные фонемы исчезают, стилевая выразительность текста создается в значительной степени путем использования суперсегментных фонетических средств (интонации, паузировки, степени громкости, темпа и т.д.).

3. В связи с изменениями в стилистической системе литературного языка исчезло высокое оканье.

4. Поэтическая речь и бытовое говорение во многих случаях теперь выступают рука об руку. Так, несклонность к долгим согласным очевиднее всего в бытовом говорении (письменно отражается в переписке) и в поэзии. Другие проявления литературного языка, например художественная проза (всегда, конечно, ориентированная на слуховую оценку), не обнаруживали большой нетерпимости к удвоению согласных. И в бытовой речи, и в некоторых жанрах поэзии охотно допускалась утрата гласных в самых слабых позициях и т.д.

5. Некоторые изменения имеют в этот период скорее речевой, чем языковой характер. Эти изменения не меняют систему языка, но меняют частоту некоторых сочетаний в потоке речи. Так, нет позиционного чередования:

Не перед [н], [н']	Перед [н], [н']
[ч']	[ш]

— ни в зеленой, ни в голубой системе. Но голубая ближе подошла к порогу позиционности, чем более поздние системы.

6. Сочетательный закон: перед [т], [д] не может быть [м], перед [п], [б] не может быть [н] (этот запрет относится и к соответствующим мягким) в голубой системе, как и в зеленой, непозиционный. Но в голубой системе меньше препятствий (лексем с "нежелательными" сочетаниями), чем в зеленой. До этого сочетательного (синтагматического) закона "рукой подать".

7. В голубой системе есть такая тенденция: сонорные согласные, не соприкасающиеся с гласными (в пределах одного и того же слова), любят оглушаться. В зеленой системе стали равноправны два типа их произношения: *теат*[р̥] и *теат*[р], *несколько вет*[л̥] и *вет*[л] и т.д. Поэзия и бытовой диалог обнаруживают склонность к глухим сонорным в этой позиции; другие проявления литературного языка не избегают и слоговых.

8. И еще замечена одна тенденция: долгие согласные, даже на стыках, нелюбимы. Их то и дело стремятся заменить краткими.

Глава пятая

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА

Синяя система существовала во второй половине XVIII в. Только что прошли крутые перемены в русском языке (не в говорах, а в языке городского культурного общества). Все было резко передвинуто, образовались новые отношения между языковыми единицами, поэтому изменились сами эти единицы.

Что же произошло в первой половине XVIII в.? Об этом подробнее будет сказано в следующей главе, а сейчас — самая суть изменений, чтобы была ясна языковая ситуация во время синей системы.

В XVII в., в начале XVIII в. у русских культурных людей было нормой двуязычие. Писали и говорили в официальных случаях на одном языке (церковно-славянском), в быту пользовались другим (русским языком в узком смысле слова)[1].

Между этими языками были различия лексические, грамматические и произносительные.

Из этих двух языков к середине XVIII в. сформировался один, расчлененный на стили (высокий, средний и низкий), но в пределах каждого стиля — за исключением низкого — сочетались, соединялись в одном тексте слова по происхождению церковно-славянские и слова бытовой русской речи.

Процесс слияния церковно-славянского и русского бытового языка был длительным. Он протекал уже в XVII в., усилился в первой половине XVIII в. и заканчивался в его второй половине. В результате этого процесса церковно-славянский язык перестал быть языком русской культуры. Русский бытовой язык перестал (вернее, переставал — медленно, медленно) быть ненормированным, нелитературным. Образовался сплав, годный для разных речевых назначений. Ломоносов писал: "Карлъ Пятый, Римскій Императоръ говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятельми, Италіянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но естьли бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно)"[2]. Обычно обращают внимание

---

[1] Церковно-славянский язык, поскольку он был обычным средством общения русского культурного общества, в эту эпоху тоже может считаться русским по составу его носителей.

[2] *Ломоносов М.В.* Российская грамматика. СПб., 1755. С. 6.

Таблица 3

Позиция	В высоком стиле	Пример	В среднем стиле	Пример
1. В безударных слогах после твердых согласных	[о]	[пос̯ов'э̯то-ва̯л]	[а] и [ъ]	[пъс̯ав'э̯тъ-въ̯л]
2. Под ударением после мягких согласных	[э]	[возн'э́с]	[о]	[под'н'о́с]
3. Перед гласными и сонорными; перед глухими согласными и на конце слова	[ɣ]	[ɣрад]	[г]	[горът]
	[х]	[подв'их]	[к]	[под'в'ик]
4. Перед [н, н'] в именах	[ч']	[в'э́чный]	[ш]	[п'эшно́й]

на патриотический характер этих слов. Но они интересны и в собственно лингвистическом смысле: русский язык утверждается в качестве выполняющего все функции общения — и бытового, и официального, и даже церковного. Это была скорее программа, чем реальность: к богу обращались на ином языке, чем к Семену Семеновичу. Но программа была превосходная.

Теория "трех штилей" Ломоносова подытоживала результаты слияния двух языков[3]. Она, однако, отражала тот период в развитии литературной речи, когда резко отличны были тексты высокого и низкого стилей, когда стилистические контрасты, заменившие различия двух языков, все еще были глубоки.

В конце XVIII в. Н.М. Карамзин сделал еще один шаг в сторону преодоления русского двуязычия: он выдвинул из трех стилей как основной и важнейший средний стиль. Два других (высокий и низкий) отодвигались далеко на окраину литературной речи. Высокий стиль еще сохранял свое значение для похвальных, торжественных слов (например, на официальных торжествах), но этот жанр явно умирал. Низкий был употребителен в комедиях, в речи отрицательных персонажей, значит, оценивался уже как выразительное, характерологическое средство, а не как равноправный представитель литературной речи.

Но полной победы у реформы Карамзина в XVIII в. не было.

Во второй половине XVIII в. сохранились фонетические признаки, свойственные трагедии, оде и отличавшие поэтическую речь от бытовой.

Соотношение высокого и среднего стилей в русской произносительной системе второй половины XVIII в. нам рисуется так.

Приметы стиля были дихотомичны, двучленны. Они соотносились как "либо... либо", как "да" и "нет" (табл. 3).

Это основные приметы. В строгом стиле вообще было стремление

[3] Церковно-славянский язык остался, конечно, языком церкви, но о слиянии говорить все же возможно: раньше писали театральные действа, похвальные слова, вирши одним языком, а в быту говорили другим; теперь язык культуры не противостоял бытовому как иной язык.

держаться буквы, но детальных правил не существовало, так что во многих случаях царствовал разнобой. Одни произносили буквенно только определенные грамматические формы (*другаго, великия жены* — род. п., *однѣх* и др.). Другие, возможно, стремились буквенную точность выдержать и в некоторых сочетаниях согласных...

Рассмотрим эти особенности подробнее.

В рифме допускалась перекличка только заударных <о> и <о>, или <а> и <а>, но не <о> и <а>; это выразилось в требовании орфографической рифмы.

У В.П. Петрова[4] рифма с перекличкой заударных *а—а* встречается около 550 раз, с перекличкой заударных *о—о* встречается около 390 раз, с перекличкой *а—о* — ни одного раза.

У М.М. Хераскова[5] рифма с перекличкой заударных <а—а> встречается около 1120 раз, с перекличкой заударных <о—о> — около 710 раз; нет переклички <а—о>. Но есть полтора десятка таких рифм: *злова — инова* III, 129, *какова — такова* V, 282, *слова — какова* III, 346.

Рифма типа *какова — такова* использует обычное окончание прилагательного: считались литературными варианты *-ого* [óго] и *-ова* [óва]. Ведь в словах *какова — такова, злова — инова* не было нужды из-за рифмы выбирать написание *ова,* можно было избрать написание *какого — такого, злого — иного* (или *злаго — инаго*). Рифма точная и ни в одном из своих вариантов не нарушает нормы русского языка XVIII в.

Одна рифма у Хераскова требует особого внимания: *скора* (наречие) — *вора* V, 284. Здесь рифмуются <о> и <а>, но поэт, воспользовавшись разговорной, акающей формой, срифмовал эти слова — и замаскировал это орфографией. Необходимость маскировки как раз и говорит о том, что нормой было произношение <о> в заударной позиции как [о]: не замаскируй Херасков *о*, так бы и прочли *скор*[о] и рифма была бы нарушена.

У Я.Б. Княжнина[6] рифма с перекличкой заударных *а—а* встречается около 460 раз, с перекличкой заударных *о—о* — около 400 раз, с перекличкой *а—о* — ни одного.

Как и у Хераскова, есть у Княжнина (около десятка) рифмы типа *слова — злова* I, 213, но они, как сказано, не противоречат мысли о том, что в безударных позициях отличались в произношении <а> и <о>. Также не противоречат ей и рифмы *нада — досада* IV, 119, *нада — склада* IV, 170 и под. (*Нада* — орфографически обычная форма для XVIII в.)[7].

---

[4] *Петров В.П.* Сочинения. Пб., 1811 (везде дальше указаны страницы этого издания).

[5] Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. М., 1796—1803. Ч. 1—12.

[6] *Княжнин Я.Б.* Собрание сочинений. СПб., 1787. Т. 1—4 (везде дальше указываются страницы этого издания).

[7] Ср. не в рифме:

А я так думаю, что нада отложить III, 33;
Она глупа, смотреть не нада на неіо III, 49.

Есть у Княжнина и рифма, подобная сочетанию *скора — вора* у Хераскова, где орфография маскировала фонемный разнобой:

Или, что зляй тово, я дамъ Тиранну права,
За жизнь постыдную бѣгущаго Росслава,
Обратно требовать плоды моих побед I, 230.

У В. Капниста[8] рифма с перекличкой заударных *а—а* встречается около 290 раз, с перекличкой заударных *о—о* — около 390 раз, с перекличкой *а—о* — ни разу[9].

Мы считаем невозможным, чтобы полностью условная норма (чисто буквенная) выдерживалась так последовательно.

Очевидно, она не была условной, она определялась живым фонетическим правилом, характеризующим поэтическую речь: заударные <а—о> не нейтрализовались; они были реализованы разными звуками: [а] и [о].

Если в заударных слогах не было нейтрализации, то тем более ее не было в предударных.

Однако у Г.Р. Державина рифмы с перекличкой <а>—<о> были: *бора — скоро* I, 456, *такого — пол слова* I, 618, *коронам — со звоном* I, 647, *Петрово — Лаврова* I, 659—660, *немножко — мошка* I, 671. Во 2-м томе "Сочинений" (СПб., 1864) примерно 260 раз рифмуются заударные <а>—<а> и 250 раз — заударные <о>—<о>. Число нетождественных рифм, значит, сравнительно невелико, но все-таки они есть. Чем это объяснить? Возможны два истолкования.

Первое. Державин очень опростил оду, соединил ее с бурлеском, с бытовой зарисовкой, с непринужденной шуткой. Так же опростилась и фонетика его оды: она уже не была рассчитана на высокое оканье. (Но заметим, что не менее бытовая, непринужденная басня Хемницера не допускала рифму <а>—<о> и, видимо, была рассчитана на высокое поэтическое чтение.)

Второе. Державин не избегал неточных рифм. Неточность в согласных встречается у него даже часто. Неудивительно, что при такой установке на неточную рифму, иногда (очень редко) в стих принимались и вокально-неточные созвучия. Думаем, что это второе предположение более вероятно.

Гласный [о] после мягких согласных в стихотворную речь проникал. Проникал, но с трудом.

Н.М. Карамзин ввел букву *ё*. Его антагонист А.С. Шишков в одном из своих "Разговоров" пишет[10]:

«Б. ...Въ тѣхъ книгахъ, которых мнѣ покупать случилось, почти вездѣ сіи двѣ точки принужден я былъ выскабливать.

А. Зачѣмъ выскабливатъ?

---

[8] *Капнист В.В.* Сочинения. СПб., 1796.

[9] Даже у И.И. Хемницера в баснях и сказках нет рифмовки *а—о*, а ведь басни писались не высоким, а средним (или даже низким) слогом (см.: *Хемницер И.И.* Басни и сказки. СПб., 1782).

[10] Разговаривают А и Б; Б — голос самого Шишкова, А — приспособление для того, чтобы соглашаться с автором. См.: *Шишков А.С.* Собрание сочинений и переводов. СПб., 1824. Т. 3 (везде дальше указываются страницы этого издания).

Б. За тѣмъ, что сочинитель часто учитъ меня произносить слово так, какъ я произносить оное отнюдь не намѣренъ Напримѣръ он хочетъ, чтобъ я рифмы его читалъ: *принесіотся, прикосніотся*, а я хочу читать их: *принесется, прикоснется*. Весьма несносно таковых учителей видѣть, даже и въ хорошихъ писателяхъ. Когда я, читая книгу, нахожу:

Меркурій, Аполлонъ съ Царіомъ Боговъ, Зевесомъ...

или:

И не моіо то дѣло,

то думаю: зачѣмъ сочинитель посильно принуждает меня здѣсь произносить *Царіомъ?* Для чего отнимаетъ у меня выговаривать, согласно съ чистотою языка, Царемъ? На что приневоливаетъ меня говорить по мужицки *моіо?* Кто произнесетъ таким образомъ? Никто. Всякій скажет, или послѣдуя письменному языку (которому наиболѣе послѣдовать должно) *мое*, или послѣдуя произношенію *маіо*. Почтожъ он учитъ меня тому, на что и самъ не согласится?» (27)

Значит, произношение с [о] безударным и с [о] после мягких согласных и йота (под ударением): [мојо́] — диалектное, на него никто не согласится (из людей культурных). Произношение с [а] безударным и с [о] после мягких согласных и йота: [маjо] — свойственно разговору культурных людей, но только обычному житейскому разговору.

Наконец, самое лучшее произношение, желаемое, оберегаемое необходимое для стиха, — с [о] безударным и с [э], не [о] после мягких согласных: [мојэ].

"Б", т.е. сам Шишков, рассуждает: "...Мы въ обыкновенныхъ разговорахъ никогда не произносимъ *моіо, твоіо, оріоль, поліоть*. Итакъ когда чрезъ отчужденіе отъ чистаго языка слухъ и зрѣніе наше до того испортится, что мы подобныя слова (*мое, твое, орель, полетъ*) станемъ писать по произношенію, то уже съ перемѣною буквы *е* въ *іо* или *ё*, должны будемъ перемѣнить и букву *о* в *а*...: *аріоль... паліоть*..." (30).

Это важное место. Оказывается, стилистически разграничены: с одной стороны, аканье и произношение [о] после мягких согласных (в простом стиле); с другой стороны, оканье и произношение только [э] (не [о]) в указанной позиции (в высоком стиле).

Один из участников разговора говорит:

"А. Однако жъ всѣ въ разговорахъ употребляютъ оный. — Б. Так точно", — соглашается Шишков (27), не меняя, однако, своего отрицательного отношения к "букве ё". Он, желая дискредитировать [о] после мягких согласных, называет его "простонародным звуком", хотя сам же признал, что в разговорах его употребляют все.

"А. Но бываютъ такія сочиненія, въ которыхъ говорящему лицу надобно дать такой языкъ, какой он въ самомъ дѣлѣ употребляетъ.

Б. Это иное дѣло. Тогда вы не своимъ языкомъ пишете, но передразниваете другаго, подобно тому, как иногда нарочно портят слова для показанія, каким образомъ говоритъ иностранецъ.

А. Нѣтъ, кромѣ передразниванія, буква сія часто нужна бываетъ. Привычка произносить ее въ разговорахъ такъ усилилась, что уже и для письма дѣлается она необходимою.

Б. Жаль, что она и въ разговорномъ языкѣ отчасу больше укореняется..." (27—28).

Здесь интересно и признание, что [ó] после мягких согласных господствует в бытовом произношении, и готовность терпеть его в качестве характерологического средства на сцене, как передразнивание, т.е. в комедиях. И бессильное желание преградить ему путь.

Действительно, в комедии этот звук уже не диковинка: "Б. ...Въ какое короткое время безобразный звукъ сей ко вреду словесности распространился: сперва существовалъ онъ въ одномъ произношеніи, и то въ самыхъ простонародныхъ словахъ; потомъ выдумали для него новую букву, и начали оный употреблять въ письмѣ, сперва въ комедіяхъ и басняхъ, а теперь уже онъ поселился въ поэмы и трагедіи. Не справедлива ли русская пословица: посади невѣжу за столъ, онъ и ноги на столъ?" (30). Это — очень выразительная биография звука [ó] после мягких.

Приходится согласиться на его существование в комедиях:

"Б. Поелику он укоренился уже въ разговорахъ, того ради въ комедіяхъ, какъ такихъ сочиненіяхъ, которыя близки къ разговорному языку, можно его терпѣть, хотя и не вездѣ, смотря по простотѣ и возвышенности разговора; но въ высокихъ сочиненіяхъ, таковыхъ как ода, похвальное слово, поэма, трагедія, не подлежитъ ему ни малейшего имѣть мѣста. Онъ въ нихъ тоже, что мужикъ въ лаптяхъ и запачканномъ кафтанѣ, между сіяющими златомъ княжескими лицами" (33—34).

Напротив, в трагедии и оды этому простонародному звуку вход запрещен:

"Б. Подумайте, когда мы стихи Ломоносова:

Въ пути, которымъ пролетаешь,
Какъ быстрый въ высотѣ орелъ,
Куда свой взоръ ни обращаешь
По множеству градовъ и селъ,

станем читать:

Въ пути, которымъ пролетаешь,
Какъ быстрый въ высотѣ *оріóль*,
Куда свой взоръ ни обращаешь
По множеству градовъ и сіóлъ!

Подумайте, ежели мы въ похвальной предъ собраніемъ произносимой рѣчи, вмѣсто: се великій Петръ покоится во гробѣ, станемъ говорить: се великой Піóтръ покоится во гробѣ! Я сам сіе произношеніе слышалъ, и тогда же подумалъ: вот до чего довела привычка къ безразсудному употребленію букв *іó*! Я знаю, что мы въ разговорахъ говоримъ: эй Иванъ, Піóтръ, подите сюда! Но прилично ли такимъ образомъ произносить въ важномъ слогѣ? Когда же звукъ сей не терпимъ въ одахъ и похвальныхъ словахъ, то въ трагедіяхъ еще болѣе, потому что слогъ ихъ возвышеннѣе" (34).

Видно, артисты уже часто употребляли в сценической речи этот злонамеренный звук *i͡o* (или *ё*), потому что Шишков жалуется: "Какъ согласить съ достоинствомъ лица и съ важностію трагическаго слога, когда мы слышимъ величественного князя или вельможу въ великолѣпной одеждѣ простонародно восклицающаго: *падіóтъ, гредіóтъ, идіóтъ, тресіóтца, косніóтца* и так далѣе? Когда Агамемнонъ, или Ахиллъ, или Семирамида, или Клеопатра, перемѣняютъ произношеніе свое по предыдующей рифмѣ: иногда говорятъ *идетъ*, иногда *идіóтъ;* въ одномъ мѣстѣ произнесутъ *зарей*, въ другомъ *зарióй;* въ одномъ стихѣ скажутъ *слезы*, а въ другом *слióзы?* Можеть ли такое безобразіе быть терпимо!" (36).

Наконец, самое страшное: "Б. ...Ежели употребленіе сего звука еще далѣе распространяться будетъ, то напослѣдокъ и въ священныхъ писаніяхъ вмѣсто; *воспоемъ* и *поемъ силы твои*, станем мы читать: *воспаióмъ* и *паióмъ силы твои...*" (32).

В таком неторжественном жанре, как басня, можно было ожидать нестрогого соблюдения правила, запрещающего [о] после мягких. Не тут-то было. У И. Хемницера, во всех его баснях, нет рифм типа *срок — огонек*. Около трех десятков рифм *впередъ — нѣтъ, житьемъ — всѣмъ*, и ни одной с *ё — о*[11]. После шипящих [о] могло быть (потом увидим, что эта традиция идет еще от стихотворений Ломоносова и его современников): *старичокъ — челнокъ, большой — такой, чужой — бой, небольшой — такой*. Но рядом: *за душей — вещей, о чемъ — тѣмъ, счелъ — хотѣлъ*. Добавим к этому: *ученъ — уменъ, богачемъ — приемъ, стрижетъ — деретъ;* средства графики позволяли указать на *о*: *учонъ, богачомъ, стрижотъ;* написания с *е* показывают, что было иное произношение. Почему? Ведь позволительно было такое произношение, с [о] после шипящих? Но тогда бы пришлось произносить *у*[м'о]*н, при*[о]*м, де*[р'о]*т*, а на это Хемницер согласиться никак не мог.

Итак, требования высокого стиля были строги и категоричны. Даже басне не давалось послабления[12].

Но это изменение в произношении басенных текстов произошло позднее, на переломе XVIII—XIX вв. Для второй же половины XVIII в. характерна Хемницерова, архаическая фонетика. Петров, Хемницер и (менее последовательно) другие поэты были ее рыцарями на практике, Шишков — в теории.

С такой же нетерпимостью, с таким же сановным задором Шишков отстаивает эквиполентность другого противопоставления: в высоком слоге надо говорить [γ], в простом те же слова произносятся с [г].

"Самое благороднѣйшее и наиболѣе свойственное языку нашему произношеніе состоитъ въ выговариваніи буквы *г* как иностранное

---

[11] В неуклюжем стихотворном послании Дьяковой, предваряющем первую книгу басен Хемницера, встречается рифма: *о томъ — конемъ, приемъ — богачомъ*.

[12] Характерно, что в баснях Хемницера нет и рифм *г...* — *к...* Впрочем, и *г...* — *х...* тоже нет. Баснописец сумел обойти это скользкое место.

g: *Богъ, Господь, благодать, на брегахъ, могущество* и проч.[13] Весьма бы странно было, естьлибъ мы въ высокихъ выраженіяхъ Давида: *Господь крѣпокъ и силенъ*, или: *умастилъ еси главу мою*, или *яко женихъ исходяй изъ чертога своего*, или: *уста ихъ глаголеша гордыню*, или въ стихахъ Ломоносова: *градовъ ограда, возлюбленная тишина* и проч. — весьма, говорю, странно было бы и нелѣпо, естьлибъ мы въ подобномъ сему высокомъ языкѣ букву *г* стали произносить как иностранное *g*. Между тѣмъ въ простомъ языкѣ мы чаще выговариваемъ ея какъ *g*, нежели какъ *h*: не рѣдко одно и тоже слово произносимъ двояко: *гора* (*g*) и *гора* (*h*), смотря потому въ высокой или простой рѣчи слово сіе поставлено. Напримѣръ, въ Ломоносова стихѣ:

На гору какъ орелъ всходя онъ возносился

должно въ словѣ *на́ гору* букву *г* произнести как *g* и ударение сдѣлать на буквѣ *о*; но въ простой рѣчи, такой, напримѣръ, какъ: *подъ гору-то намъ хорошо было идти, каково-то будетъ брести на гору*. Здѣсь в словѣ *на гору* буква *г* обыкновенно произносится как *g* и удареніе дѣлается на буквѣ *а*, то есть не на самомъ имени, но на предлогѣ. Изъ сего мы видимъ, что высокой слогъ отличается отъ простаго не только выборомъ словъ, но даже удареніемъ и произношеніемъ оныхъ" (39—40).

Шишков, вероятно, здесь говорит о желаемом, а не о реальности. Реально в поэтической речи буква *г* иногда произносилась, как согласный [г] (в случаях оглушения — как согласный [к]), а иногда — как [γ] (и [х]). Об этом свидетельствуют рифмы.

Только у В. Петрова мы можем предполагать строго выдержанное произношение *г* в виде фрикативного согласного:

а) *округ — дух* I, 130, *заслуг — дух* I, 137, 160, 197; II 268, 255; III 7, 15, 275, *друг — дух* I, 146; III,53, *друг — двух* II, 55, *богъ — вздохъ* II, 113, *нѣгъ — утѣхъ* II, 168, *вдругъ — духъ* II, 175, 198; III, 206, *упругъ — духъ* II, 272, *округъ — духъ* III, 70, *жемчугъ — слухъ* III, 123, *слог — плохъ* III, 125, *досугъ — слухъ* III, 154, *постигъ — стихъ* III, 264, *книгъ — твоихъ* III, 268. Слова *богъ, благъ* (род. п. мн. ч.), бесспорно, произносились с [х] в конце (а в других падежах, не в позиции оглушения, звучал звонкий [γ]). Поэтому показательны и такие рифмы:

б) *слогъ — богъ* I, 157, 241; II, 48, 128; III, 217, 279, *чертогъ — богъ* I, 178; II, 134; III, 36—37, 324, *залогъ — богъ* I, 187; II, 27, 205, 226, 258, *превозмогъ — богъ* II, 150, *рогъ — богъ* II, 226, *могъ — богъ* III, 14, *зажогъ — богъ* III, 163, *убогъ — полубогъ* III, 216, *строгъ — богъ* III, 238, *шаг — благъ* II, 12, 127, *влагъ — благъ* II, 131; III, 279.

Нет случаев, когда бы *-гъ* рифмовалось с *-къ*. Очевидно, в стихах у Петрова буква *г* всегда читалась как фрикативный согласный. (В. Петров был москвич по рождению и воспитанию, диалектного [γ] у него ожидать нельзя. Но он сын священника, окончил Духовную

[13] Далее Шишков добавляет: *благополучіе, благоденствіе, благодѣяніе, богамъ* (!), *главе* — все с фрикативным заднеязычным (41).

академию при Заиконоспасском монастыре. Поэтому произносительные навыки, свойственные его социальному кругу, поддерживали у него [γ] || [х] в стихах. Свойственно ли было ему такое произношение в бытовой речи, сказать трудно.)

Шишков, очевидно, верно описал норму, но этой норме следовали все же немногие.

У М.М. Хераскова:

а) *благъ — лучахъ* III, 21, *богъ — плохъ* V, 221, *другъ — духъ* VII, 27, но:

б) *вдругъ — звукъ* I, 181, 321, 322, *могъ — рокъ* I, 217, *супругъ — звукъ* I, 239, *ногъ — стрѣлокъ* I, 240, *могъ — рокъ* I, 300, *другъ — рукъ* I, 334; III, 80, *вкругъ — звукъ* III, 34, 42, *помогъ — Локъ* III, 171, *вдруг — рукъ* III, 191, *лугъ — звукъ* III, 253, *круг — звукъ* VII, 200, *врагъ — бракъ* IV, 136; V, 83, *могъ — рокъ* IV, 268, *Родригъ — привыкъ* V, 28, *избегъ — притекъ* V 173.

В большинстве случаев *г* рифмуется с *к*, а это знак того, что буква *г* и в высоких поэтических произведениях читалась как взрывной согласный.

Из слов, которые оканчиваются на *-гъ* и рифмуются (судя по приведенному списку) со словами на *-къ* в исходе, выпишем те, которые могут рифмоваться со словами *бог* и *благ*: *могъ* (*помогъ*), *ногъ*, *врагъ*. И все они действительно рифмуются у М.М. Хераскова со словом *богъ* или со словом *благъ*, т.е. могут произноситься с [х] в исходе:

в) *могъ — богъ* I, 96, 159, 170, 271, 326; III, 7, 44, 75, 83, 293, 337; IV, 7, 10, 27, 38, 56, 339; V 105, 176, *ногъ — богъ* I, 37; III, 53; V, 197, 284; VII, 25, *врагъ — благъ* I, 161; IV, 51.

Значит: хотя преобладает произношение *г* как взрывного согласного, но все же сохраняется возможность произношения каждого *г* как фрикативного.

У Г. Державина положение промежуточное между В. Петровым и М. Херасковым. У него, как у Петрова, преобладает фрикативное произношение *г*, но, как и у Хераскова, есть выбор: он может (судя по немногим примерам) произносить *г* взрывно. Обратимся к его рифмам (ГД 1):

а) *другъ — слухъ* 7, 12, 586, *благъ — гробахъ* 72, *вдругъ — духъ* 138, 290, 446, *книгъ — своихъ* 163, *мигъ — твоихъ* 196, *вокругъ — пухъ* 225, *бѣгъ — утѣхъ* 241, 769, *благъ — рукахъ* 282, *заслугъ — духъ* 330, *вокругъ — вдругъ — духъ* 425, *слугъ — духъ* 427, *вокругъ — слухъ* 478—479, *югъ — духъ* 501, *вмигъ — подъ нихъ* 528, *шагъ — сердцахъ* 611, *другъ — духъ* 628—629, 659, *вкругъ — духъ* 645, 764, *нѣгъ — утѣхъ* 693, *визгъ — своих* 699—700, *берегъ — всехъ* 706, *врагъ — дняхъ* 707, *богъ — вздохъ* 707, но:

б) *долгъ — умолкъ* 472, *могъ — вѣнокъ* 479—480, *вокругъ — лукъ* 683.

Очень многие слова рифмуются со словом *богъ* (не приводим их список).

Похож на Державина Княжнин:

а) *достигъ — стихъ* I, 30, *другъ — духъ* I, 97, 209, 224; III, 285, *мигъ — твоихъ* I, 114, *врагъ — страхъ — стенахъ* I, 126, *врагъ —*

прахъ I, 252, *благъ — небесахъ* II, 30, *другъ — слухъ* II, 40; III, 62; IV, 201, *заслугъ — духъ* II, 47, 113, *сверьгъ — верьхъ* II, 180, *врагъ — страхъ* II, 206, 214, *пренебрегъ — всехъ* II, 224, *врагъ — часахъ* II, 227, *вдругъ — духъ* II, 232, *слугъ — пастухъ* III, 148, но:

б) *долгъ — Ярополкъ* II, 109, 122, 150, *денегъ — молоденекъ* III, 8, *бумагъ — одинакъ* III, 32, *долгъ — толкъ* III, 149, *другъ — недосугъ — рукъ* III, 210, *ногъ — попереiокъ* III, 222, *вдругъ — стукъ* III, 331, *вдругъ — другъ — крюкъ* IV, 185.

Исключений (т.е. рифмовки *-гъ... -къ*) больше, чем у Державина, но в общем картина та же[14].

Итак, существовали две системы произношения (чтения) *г* в стихах: как фрикативного или как взрывного. В серьезных жанрах преобладало (когда господствовала синяя система) фрикативное произношение — независимо от диалектного влияния на речь поэта. Но существование двух типов произношения породило еще особый тип рифмовки: когда соотношение заднеязычных в конце рифмующихся слов было понято как полная условность. Действительно: если один рифмовал *другъ — духъ*, а другие *другъ — рукъ*, то при любом произношении читателя одна из этих рифмовок была условной. (Они обе не были условными, если читатель владел двумя типами произношения, т.е. чтения, *г*: высоким, фрикативным, и "низким", взрывным. Но при этом приходилось в стихах использовать и тот, и другой стиль произношения, чтобы оправдать оба типа рифмы, а это противоречило взаимоисключающему эквиполентному пониманию стилевых отличий.)

Так с неизбежностью возникало представление, что поэтическая традиция разрешает рифмовать *гъ — хъ — къ*.

Такая же условная рифма встречается у Капниста[15]. Вообще он рифмует традиционно:

а) *шагъ — прахъ* 69, 128, *мигъ — своихъ* 44, *благъ — бедахъ* 100, *вкругъ — духъ* 134[16] и т.д., но:

б) *благъ — зракъ* 136;

и у него же:

в) *какъ — руках* 93, *натощакъ — страхъ* 125, *далекъ — Богъ* 150[17].

Они указывают, что рифмовка *к — г — х* у Капниста стала поэтической условностью. Он, несомненно, *г* читал как [γ], а в конце слов — как [х]; мы уверены в этом потому, что наши рифменные выписки подкрепляются биографическими фактами: Капнист — южанин[18]. (Без биографии мы бы не решились первые рифмовки *-гъ... -хъ* истолковать фонетически.) Рифмы *къ... хъ* свидетельствуют, что

---

[14] Заметим, что Я. Княжнин не был южанин (он родился и провел юность во Пскове, затем жил в Петербурге).

[15] *Капнист В.В.* Указ. соч.

[16] *Капнист В.В.* Сочинения. СПб., 1849.

[17] Ср. у него же: *залоговъ — вздохов* 97, *страхом — шагом* 133 (1796).

[18] Сын украинского помещика, он жил сравнительно недолго в Петербурге, а большей частью в своей деревне, в Полтавской губернии (там прошла и его юность).

Таблица 4

	Петров	Державин	Княжнин	Херасков	Капнист
1	—	+	+	+	?
2	+	+	+	—	+
3	—	—	—	—	+

рифмы этого типа стали обманчивы, превратившись в условность[19]. Поэтому и нельзя уверенно сказать, как читал Капнист рифмы: *рогъ — жестокъ*; если допущена условность, то не было бы удивительным чтение *ро*[х] — *жесто*[к].

У поэтов второй половины XVIII в., как видно, сложное отношение к заднеязычной звонкой фонеме. Подведем итоги в табл. 4.

Цифра "1" означает ответ на вопрос: использует ли поэт двоякую интерпретацию *г* — как взрывного в одних рифмах, как фрикативного в других? (Иначе: существует и для этого поэта возможность выбора между конечными [к] и [х]?) Если да, то ставится знак "+" (плюс).

Цифра "2" означает ответ на вопрос: преобладает ли в рифме *г* || *х*? Если да, то ставится знак "+" (плюс).

Цифра "3" означает ответ на вопрос: не являются ли рифмы на *-гъ* полностью или в значительной степени условными? (Иначе: не использует ли поэт рифмовку *-къ... -хъ*?)

Обращает на себя внимание, что, за исключением Хераскова, у всех поэтов (а это — крупнейшие творцы серьезных жанров во второй половине XVIII в.) резко преобладает в рифме фрикативная интерпретация *-гъ*.

Рифма обнаруживает фонетическую особенность, свойственную поэтической речи. И в середине строки буква *г* читалась как [γ] или [х] (в зависимости от позиции)[20].

Взгляд на [г] —[γ] как на стилистические варианты отразился в "Словаре Академии Российской" (СПб., 1789—1894. Ч. 1—6). Составители ввели особую букву: г. С помощью этой буквы изображались слова, способные произноситься только с [г] взрывным. Например, выделено слово *богульникъ* — его надо было произносить с [г] взрывным. Отмечаются не слова с [γ] — предполагается, что в высоких текстах все слова, за малым исключением, если в

[19] Кроме того, как и у других поэтов державинского круга, у Капниста возможны неточные рифмы (и неточность можно ожидать именно в согласных).

[20] Известно, что у представителей диалектной среды возможно произношение [г] взрывного в середине слов, но в конце слов вместо [г] произносится [х]. Это явление постепенного изживания диалектных норм: они быстрее изживаются в середине слова, чем в конце. Для литературной речи XVIII в. такое соотношение позиции предполагать нельзя: произношение [γ] (соответственно [х]) искусственно насаждалось в высоком стиле. Поэт, который, вопреки привычкам своей бытовой речи, произносил в рифме [мох]=*могъ*, конечно, и в середине строки стремился сохранить то же "отстояние" от бытовой речи.

их составе есть звонкий заднеязычный, произносятся с [γ], не с [г]. И отмечать это повсеместное, чисто стилистическое явление нет смысла. Слова, которые произносятся всегда с [г], — исключение, их-то и надо особо отмечать. Для этого служит буква г.

Таков был замысел. В самой работе над словарем он изменился. Очень многие слова, явно просторечные, нетерпимые в высоком стиле, все-таки записаны в словаре с буквой *г*, а не г. Замысел составителей не нашел последовательного воплощения. И это понятно: они хотели выделить в качестве специфической [г]-лексику, ту, которая не получала [γ] в высоком стиле. Но в языке побеждала иная тенденция: [γ]-лексика становилась выделенной и обособленной (та, которая в любом, даже в самом простом, разговорном стиле произносилась с [γ]). Всюду, и в высоком стиле (вспомним рифмы М.М. Хераскова), побеждало произношение с [г]. Выделять его с помощью особой буквы было бессмысленно.

Итак, А.С. Шишков считает, что те же самые слова, которые в бытовой речи произносятся с [г], в высокой речи (поэтической, тем более сценической поэтической) должны произноситься с [γ].

В. Петров в своих стихотворениях дает последовательную реализацию этого взгляда — рифма у него обнаруживает только фонему <γ>, а не <г>. Другие поэты (за исключением Хераскова) тоже склонны в стихе выдерживать эту высокую (для Москвы и Петербурга искусственно взращенную, тепличную) норму.

Между тем в первой половине XVIII в. взгляд на <γ> и <г> был иной. По мнению Ломоносова, в одних словах надо произносить [γ], в других — [г]; эти две фонемы не были стилистическими заместителями, двойняшками, а распределялись по словам (см. об этом подробнее дальше). Ломоносова беспокоило, однако, что твердых норм распределения нет; и трудно бывает решить, как данное слово произносится: с [γ] или с [г] (в позициях оглушения соответственно с [х] или [к]).

Во второй половине XVIII в. эта трудность не исчезла. Не было оснований, чтобы всю лексику расклассифицировать на [γ]-лексику и [г]-лексику.

Но уже господствовало стремление к нормативности в литературном языке. Общественное мнение отрицательно оценивало речевой разнобой, неурядицу. В системе языка должны быть гарантии против такой хаотичности речи. И их нашли: признав, что в высоких речах во всех словах должна быть фонема <γ> с ее реализаторами: [γ — х], в бытовой речи — фонема <г> с ее реализаторами: [г — к]. Кроме того, в бытовой лексике была замкнутая группа слов: *бог, благо* и др. с фонемой <γ> в их составе; ввиду замкнутости этой группы (слова, связанные с религией, и производные от них) определенность и ясность норм не страдала.

Следовательно, в синей системе <γ> не только не была ущербным членом системы, но (временно) торжествовала. Ее положение укрепилось: она распространила свое местопребывание на все слова в текстах высокого стиля.

Произошла реставрация церковно-славянской нормы: ведь именно в церковном произношении (и в XVIII в., и позже) заднеязычный звонкий согласный всегда был щелевым.

Такая же реставрация церковного произношения была и для [о] после мягких согласных. Об этом говорит другой теоретик — В.П. Светов. Он строго наставляет: надо "писать вм. *Ѳіодоръ, Ѳедоръ*; вместо *віорстъ, верстъ;* вм. *овіосъ, овесъ*; вм. *іолка, елка* и проч., несмотря на простой и не правой (!) оныхъ словъ выговоръ"[21].

Ломоносов не был так категоричен. Он не считал произношение *овес, елка* "не правым", а некоторые слова призывал произносить только с [о] после мягких.

Почему же возникла такая тяга к реставрации церковно-славянского произношения? Начало XVIII в. было бурным в истории русского общества; бури взволновали и язык. Множество малоупорядоченных, колеблющихся в значении и произношении иноземных слов, неурядицы в языке Петербурга, смешанном и пестром, натиск говоров (через поместное дворянство, через купечество, поощряемое и влиятельное при Петре I, они сильно влияли на городскую речь), ничем не сдерживаемое просторечие — все это вместе представляло нечто хаотическое. Ломоносов начал "устраивать" это нагромождение материалов, чтобы создать целостный язык, расчлененный на "штили". Конечно, Ломоносов выступал как представитель среды, он выражал общественные потребности. Успех ломоносовской "Грамматики" говорит о большом числе его единомышленников.

Но все же устроение только началось. И время синей системы — это послебуревое время, когда надо было создавать и упрочивать норму. На что ориентироваться?

Был один авторитетный и сторого регламентированный образец: церковно-славянский язык. К тому же по своей функции это был язык особый, торжественный, язык церковной службы. Те, кто ориентировал живую речь (хотя бы только поэтическую живую речь) на сближение с этим регламентированным образцом, "архаисты", выражали объективные потребности языкового развития: потребности в строгой норме[22].

Эта архаизация литературного языка основана прежде всего на расширении сферы употребления "славянской" лексики, усилении ее места и роли в литературном языке. Можно было бы сказать, что это была "архаизация среднего стиля"[23]. (По отношению к фонетике это была "поляризация" высокого и низкого произношения, усиление констраста между ними.)

Как видим, и фонетика, и лексика русского литературного языка в середине XVIII в. архаизуются, т.е. сближаются с церковнославянской фонетикой и лексикой. Причина: хаотичность, беспоря-

---

[21] *Светов В.* Краткие правила ко изучению языка российского, с присовокуплением кратких правил российской поезии или науки писать стихи, собранные из новейших писаний, в пользу обучающегося юношества. 2-е изд. СПб., 1795. С. 12.

[22] *Левин В.Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в.: Лексика. М., 1964. С. 18—20.

[23] Там же.

дочность (и поэтому ослабленная экспрессивность) некоторых ярусов русского языка, прошедшего бури Петровской эпохи. В церковнославянском искали и норму, и тем самым экспрессивность (норма была важнее для фонетики, экспрессивность, — видимо, для лексики).

Итак, архаизация языка, торжество [γ] и других церковно-славянских примет в середине XVIII в. Торжество было недолгим. Начал свою деятельность Н.М. Карамзин.

Когда в театре перестали окать? Оканье — особенно яркая черта высокой фонетики, и ее исчезновение означает исчезновение вообще эквиполентной (архаической) системы противопоставления высокого—простого стиля в произношении.

Прямых свидетельств о конце оканья мы найти не смогли. Приходится довольствоваться косвенными. Вот интересное более позднее свидетельство; вероятно, в середине XIX в. была еще жива память о конце XVIII — начале XIX столетия (память театралов значительно лучше памяти старожилов: все-то они, театралы, упомнят): «Во времена так называемой классической литературы и сцена была классическая. Если древние римляне и варвары говорили и действовали в литературе так, как уж, конечно, они не говорили и не действовали в жизни, то и актер-классик усвоил своей речи особенное выражение. В сценическом искусстве были *приняты* известные повышения и понижения голоса, известная походка, известные жесты и даже самый костюм...

Романтическая литература, с которой мы еще не совсем расстались, породила и романтических актеров... Классическая декламация освободилась от своего однообразия: александрийский стих превратился в прозу; на сцене послышался дикий хохот; блуждающие взгляды стали леденить сердца зрителей, жадных до всего необыкновенного и ужасного; неестественным шопотом стали заканчиваться фразы; выдуманные лица и преувеличенные карикатуры вышли в комедии; но все это было такою же декламацией, как и прежде. Теперь эта блестящая школа, поддерживаемая, впрочем, сильными сценическими талантами, заметно приближается к своему падению...

Так как в настоящее время сцена еще не совсем отрешилась от влияния романтизма и не совсем еще усвоила себе новое направление, то и на сценических талантах отразилось это колебание литературной эпохи. Тот же самый актер, который нынче поражает вас действительностью созданного им типа, выходит завтра на сцену в лице утрированном, подслащенном и тоже поражает вас, но только риторикой, неестественными манерами и странною дикцией»[23а].

Итак, три периода. Первый — господство классической трагедии. Александрийский стих, строго цезурованный, читается с интонацией, подчеркивающей мерную каденцию этого стиха. Условность образного строя трагедии, идеальные ("абсолютизированные") характеры хорошо соответствуют такой же идеализированной, геометрически

[23а] [Аноним.] Петербургские театры в апреле и мае: Дебют г. Шумского // Отеч. зап. 1852. Т. 82. N 6. С. 213—215.

выравненной интонации. С этим искусственным типом произношения хорошо ладило бы и оканье[24].

Второй период — романтический театр, господство прозаической драмы. Классическому чтению, с его мерно-единообразным, единообразно-искусственным, искусственно стилизованным интонированием, романтики противопоставили неожиданность, резкость темброво-интонационных контрастов. Эмоциональная напряженность, экспрессивные контрасты, ставка на экзальтацию зрительного зала — все это делало невозможным в романтическом театре использование таких рационалистически конструируемых норм, как высокое оканье. Конечно, такое произношение еще более противоречит реалистическому театру (третий период, как его описывает анонимный рецензент "Отечественных записок").

Различия, подмеченные обозревателем "Отечественных записок", описаны и другими наблюдателями. В XIX в. особенности классицистской сценической речи, в частности строгое цезурование, рационалистически равномерная расчлененность речи на стихи и полустихи (в шестистопном "трагедийном" ямбе), вызывали уже удивление и упреки: "Нам вообще не понравилась его дикция: он при каждом стихе останавливался и отдыхал, следовательно, не был увлечен чувством..." — пишет рецензент об игре В. Каратыгина[25].

Другой рецензент иначе оценивает игру того же В. Каратыгина: "Чтение г. Каратыгина, совсем новое на нашем Театре, лучше чтения г. Брянского. Каратыгин везде разнообразен в сильных порывах страстей, в переходах от одного чувства к другому, в самом даже простом разговоре. У г. Брянского, напротив, тот недостаток в дикции, что он почти все стихи оканчивает одинаковым тоном. Он играет очень хорошо в некоторых Трагедиях, но в нем не достает главного: того, что мы называем душою, жаром, чувством..."[26]

Два рецензента по-разному отнеслись к игре одного и того же артиста, но критерий у них общий: они не любители классицистского мерно-тонированного исполнения роли[27].

В конце XVIII в. репертуар русского драматического театра сильно изменился. Вместо стихотворных трагедий стали ставить драмы и мелодрамы: «В 1788 г. Карамзин перевел драму Лессинга „Эмилия Галотти", именуя ее „венцом Лессинговых драматических творений". „Эмилия Галотти" в переводе Карамзина имела бурный успех, она не сходила со сцены в течение нескольких лет»[28].

---

[24] Говоря об искусственности трагедии классицизма, мы не хотим о ней сказать ничего плохого. Искусственность для произведений классицизма — необходимый элемент стилистики, и как необходимость она эстетически оправданна.

[25] *Я...й.* Замечания на статью "О первых двух дебютах г. Каратыгина..." // Сын отечества. 1820. N 27. С. 33.

[26] [Аноним.] О первых двух дебютах г. Каратыгина // Сын отечества. 1820. N 23. С. 175.

[27] См. описание новой романтической манеры чтения стихов (пока еще при исполнении классицистских трагедий) (*Медведева И.* Екатерина Семенова. М., 1964. С. 100—109).

[28] Там же. С. 10—11.

Здесь, видимо, и находится перелом, когда высокое оканье было забыто. Оно было достоянием именно поэтических произведений. Прозаическая комедия давно уже не знала оканья (его в комедии не требовал даже такой упрямый архаист, как Шишков). Новый, невиданный дотоле жанр — прозаическая драма — легко преодолел условности трагедии, потому что в сознании современников эти условности существовали для другого жанра.

Внимание современников не поразила "отмена" сценического оканья, потому что поразил в целом весь перелом, смена одной театральной эпохи другой эпохой[29].

Так кончилось господство высокого оканья. Новые искания в театре и поэзии (предромантизм, романтизм) нельзя было с ним примирить.

Кроме высокой произносительной нормы существовала и обыденная, бытовая. Насколько она была устойчива, нормативна? Ведь бытовая речь только постепенно находила признание как разновидность речи литературной. В это именно время и начало меняться языковое сознание говорящих; формировалось мнение, что на бытовую речь образованных людей (на речь салонов, гостиных) может и должна быть ориентирована произносительная литературная норма.

К "синей" эпохе относится интересная попытка передать русскими буквами бытовое произношение обычной дворянской среды. Это сделал А.Д. Копьев в комедии "Что наше тово намъ и не нада" (СПб., 1794). Транскрипция его не во всем последовательна. (Ср. рядом *говорите* и *гаварит* 12 в речи одного и того же персонажа.) Но в целом она дает хорошее представление о бытовой речи дворянства. Приведем отрывки:

"Повѣсинъ. Причудинъ! здраствуй!

Причудинъ. Ба! ба! ба! Павѣсинъ! аткуда ты взялся? Здраствуй, братецъ! сматри пажалуй (*осматривает ево кругом*) да ты въ мундирѣ адѣтъ парядашно, куда дѣвалася то время, как ты носилъ по три жилѣта, и чуть не надѣлъ три кафтана? ты не напѣваешь арій, гаваришъ па Руски, ужъ полна ты ли это?

Повѣсинъ. ...Чево братецъ! атъ дурныхъ сочинителей скоро нѣкуды будетъ дѣватца; я принужденъ былъ всѣ наряды маи бросить отъ глупой камедіи.

Причудинъ. Што такъ?

Повѣсинъ. Па неволѣ надаѣдятъ ани, кали всю свою гардеробу увидишь вдругъ или на Затѣйкинѣ, или на пагонщикахъ; вить это ещо досаднѣе, нежели бы запрещали. Въ старые годы, когда я мѣшалъ въ рѣчахъ моихъ Французскіе слава, я бы назвалъ это превращеніе Necesfité veru, а теперь переведу, шта нужда научит калача ѣсть; я праигрался да послѣдней капейки, и кагда перестали мнѣ вѣрить, такъ и я пересталъ матать. Дядюшка мой столька на

[29] Когда Озеров возродил высокую трагедию на сцене, она уже, вероятно, исполнялась не в архаических, не в окающих нормах. Сама трагедия была уже другой — ее классический характер был осложнен романтическими мотивами. Но интонационные шаблоны исполнения александрийского стиха, может быть, остались (ср. выше отзыв об игре Брянского).

меня азлилса, шта не хатѣлъ умерѣтъ, пакуда не пабывалъ я въ арміи и не вздумалъ а смерти ево желѣтъ; тутъ та онъ не къ статѣ и сканчался, аставивъ мнѣ двѣ тысечи душъ, каторые надѣюсь да первой игры ища уцѣлѣютъ.

Причудинъ. ... Ты не дуракъ, а дурачишься безпрестанно, ты знаешь, шта всѣ тваи вѣтренности называютъ въ городѣ злыми умыслами... и шта столько людей разумѣютъ а тебѣ дурно безъ притчины.

Повѣсинъ. Штожъ дѣлать, галубчикъ! Кто разумѣетъ дурно, тотъ ища хать дурно да разумѣетъ; я вотъ такихъ та баюсь, какъ кто ни дурно та ни харашо разумѣть не умѣетъ; ну, ужъ атъ адакихъ ни куды не уйдіошь!

Причудинъ. О! да эта старое тваіо утѣшенье гаварить каламбуры, кагда нѣчева дѣлатъ..." (3—5).

Эта мастерская работа! Полностью господствует аканье. Если иногда автор и отступает от него, то только по непривычке слушать и передавать живую речь. (Непривычка принадлежит не столько ему, сколько его времени.)

Почему автор решил везде буквой *а* указать, как следует произносить реплики? Ведь сейчас (и в XIX в.) такая затея была бы совершенно невероятна — чтобы комедиограф написал комедию, старательно отмечая аканье. В наше время для сценической речи нет выбора: держаться аканья или оканья. В XVIII в. выбор был. Копьев транскрибирует, желая указать этот выбор: "он не хочет, чтобы актеры по-актерски окали"[30]. Копьев транскрибирует: *ваабразить* 6, *паскарѣе* 20, *благапалучіе* 19.

Но верно ли, что в первом и во втором прикрытых предударных слогах произносили одинаково ясный, полновесный звук [а]? У Копьева транскрибировано: *казявакъ* 8, *каторай* 9, *паздравляю с выбарамъ* 19, *ревнасти* 24, *труднасти* 24, *труднастямъ* 29. Но был ли в заударных слогах настоящий [а]?

Ответ дает сам же Копьев. Он записал:

— Я ужъ такъ привыкъ тебѣ дивитца, шта и пересталъ бала. 5

— Загадать бала опять. 14,17

Бала — так Копьев записал частицу *было* (показатель одной из разновидностей нереального наклонения глагола). Эта частица в XVIII в. являлась, как и сейчас, безударной[31]. Гласный [ы] оказался в заударной части и сильно редуцировался; он передан буквой *а*.

---

[30] А.С. Шишков допускал в комедии "низкое" произношение, но с неохотой: "можно его терпѣть, но не вездѣ, смотря по простоте и возвышенности разговора" (см. выше). Простаковы, вероятно, акали в комедии Д. Фонвизина, но не была ли рассчитана речь Стародума на высокое оканье? И не давал ли Копьев актерам материала для пародирования сценического оканья, когда в одном из эпизодов заставлял Маврушу "читать дурно": "Маврушa (*читать дурно*). О дол-жно-стяхъ ма-те-ри и су-пру-ги, пе-ре-ве-де-но съ Аг-лицка-ва..." (17—18).

[31] Доказательство — ее могли написать слитно с глаголом; например: *крайчего коронного казаки на подоліи поималибыло, и онь едва въ исподнемъ кавтанѣ оушелъ* 12 (1703), *пошлибыло* 25, *сталибыло селитись* 69 и проч. (см.: "Ведомости" времени Петра Великого / Под ред. В. Погорелова. М., 1903. Вып. 1).

В комедии А. Аблесимова "Мельник, колдун, обманщик и сват" та же частица передана в виде *бола*:

"Ах! На что жъ бола, ахъ! Къ нему ж бола
Мнѣ на свѣтѣ быть...

Какой проливной бола пошелъ дозжикъ, да пересталъ скоро; Я прибрелъ бола къ тебѣ кручину свого размыкать..."

В этой частице фонема <и>, казалось бы, после твердого согласного должна реализоваться звуком [ы]. Почему же Копьев фиксирует здесь звук буквой *а*? Потому, что [ы] здесь ослаблено до степени [ъ], а этот звук естественно передавать буквой *а* (ср. у него же *ревнасти, казявакъ*). А. Аблесимов обозначает этот же [ъ] буквой *о*, что орфографически вполне справедливо (ср. обычные орфограммы *ревности, козявокъ*).

Нейтрализация фонем <а—о—и> после твердых возможна в том случае, если они реализованы звуком [ъ]. Если бы фонемы <а—о> были в этой позиции представлены звуком [а], то нейтрализация с <и> оказалась бы невозможной: реализация фонемы <и> звуком [а] — вещь совершенно фантастическая.

Итак: в заударных слогах (и в равных им по силе непервых предударных) фонемы <а—о> в синей системе, в бытовой речи, реализовались звуком [ъ].

Так же было и в союзах *что, чтобы, потому что, хоть, коли*:

— Я ужъ такъ привыкъ тебѣ дивитца, шта и пересталъ бала. 5
— Атъ таво женюсь на ней, шта это было трудно. 8
— Знаете ли вы, шта Павѣсинъ пріѣхалъ изъ арміи? 10
— Жаль вить, шта ты за нево ни пашла. 20
— Сагласись, шта силай милъ не будешь. 22
— Я вижу шта ана... тебя любитъ. 23
— Извольте съ та ma cousine сказать вашей макузинѣ съ, шта я стрелятца права не намеренъ 24 и т.д.

Но:

— Што ты гаваришь! 6
— Што такой кароткай везитъ. 19
— Однѣ труднасти заставляютъ меня дѣлать всi͡о, што ты видишь 25.
— За што же ята нещастливѣе ево? 25

Здесь всюду *шта — што* поставлено фонетически верно. В синей системе, как и в позднейших, различались [штъ] и [што]. (Конечно, у Копьева есть и ошибочные транскрипции. Например:

— Я нахожу, што ана мнѣ мила да крайности. 6
— Не знаешь... што... Княиня... авдавѣла. 6)

В пьесе не раз встречаются и другие союзы: *патаму шта* 19, *хать* 7, 27, *кали* 18 и т.д. Они показательны: в современной речи, даже если они в первом предударном слоге, гласный у них [ъ], не [а]. Редукция в этих грамматических частицах сильнее, чем в знаменательных словах. Очень вероятно, что и в синей системе она была сильнее; буква *а*, возможно, и здесь передавала [ъ].

Транскрипции Копьева говорят об эканье: *гаречись* 7 (и рядом

гарячитца 7), *дивеноста* 18, *щестливыми* 26, *отвезатца* 29, *тысечи* 4, *деветь* 23, 29 (и рядом *девять* 24, 25 — все 4 раза в речи одного персонажа). Как видно, фонемы <а—и> после мягких согласных не нейтрализовались (написания типа *девять*, конечно, недосмотр автора, измена фонетике ради орфографии). Фонема <а> после мягких согласных в безударных слогах реализовалась звуком типа [э].

Так же в разговорной бытовой речи реализовалась фонема <а> после твердых шипящих: *желеть*[32].

Не было совпадения фонем <о> и <э> с фонемой <и>; при эканье такого совпадения не бывает (после мягких согласных). Однако при большом количестве написаний, которые подтверждают различение <о, э> с <и>, в транскрипциях Копьева есть и тревожные исключения:

а) *съ привеликимъ удовольствіемъ* 20, *припарядашнай* 20, 29, *принесносная* 21, *ни пашла* 20, *ни вазмi͡отъ* 21, *дивеноста* 18, *чилавѣкъ какъ чилавѣкъ* 19, *цилавѣка* 28[33], *вичеру* 20 (=*ввечеру*);

б) *палавинчиту* 20, *очинь* 29 (2 раза), *знаишь* 20, *давича* 15.

Примеры *съ привеликимъ, припарядашнай, принесносная, ни вазмi͡отъ, ни пашла, знаишь* фонетически неубедительны: здесь могла быть и мена морфем, грамматическое воздействие слов одного морфологического состава на слова иного строя (смешение приставок *пре-* и *при-*, частиц *не* и *ни*, флексий *-ешь* и *-ишь*).

Отводим и такой набор слов с и́каньем: *чилавѣкъ, палавинчиту, вичеру* (=*ввѣчеру*), *дивеноста, давича, знаишь* — все это произносят персонажи, склонные к просторечию (Старуха Machmere и Мавруша).

Очень для XVIII в. "особое" слово. Оно в разных источниках зафиксировано в формах *очюнь, очень, очинь*. Частотное, широкоупотребительное, оно имело особую судьбу (ср. безударную частицу в XVIII в., обычно орфографически обозначаемую *вить=вѣдь*). Появление гласного [и] в *очень* не разрушало позиционный характер закономерности — при произношении *очинь* фонемный состав слова надо признать таким: <очин'>, с <и> в заударном слоге. Ведь в сильной позиции, в данной морфеме, под ударением этот гласный не встречается; говорить о реализации фонемы именно <э> (или <о>) гласным [и] нет оснований.

Итак, остается один факт и́каньe: *чилавѣкъ*. Для вывода о совпадении <о, э> — <и> его недостаточно.

Но снова мы будем рассуждать так, как рассуждали выше.

---

[32] В высоком стиле <а> после мягких согласных реализовалась звуком [а]. По мнению А.С. Шишкова, нельзя писать *трясiотся*, "ибо такой выговоръ есть ни книжной, ни разговорной": в разговорном говорится *треciотся*. То есть: разговорная примета i͡о ([о́] после мягких согласных) противоречит неразговорному, высокому произношению [а] после мягкого согласного в первом предударном слоге. При помощи буквы *е*, по мнению Шишкова, принялись "насильно заставлять других вмѣсто... *яремь*... говорить *еріомь*", т.е. сниженно, разговорно. Снова указывается, что еканье, как и [о́] после мягких, допустимо только в простом, сниженном стиле (*Шишков А.С.* Указ. соч. С. 35, 40—41).

[33] Реплики героини пьесы, которая жеманно сюсюкает. Шипящие согласные у нее заменены свистящими. Но ср.: *челавѣкъ, -а* 9, 27.

Морфологическая (морфемная) мена? Хорошо, но почему она затрагивает только морфемы, имеющие в своем составе <э—и>? Почему мена касается <э>, а не других каких-либо гласных? Почему "подставленная" морфема (например, *при-* вместо законного *пре-*) всегда имеет в своем составе <и>, а не какую-либо другую гласную? Не говорят ли эти — пока единичные — факты, что йканье, хотя еще только с помощью грамматической мотивировки, начинает возникать в языке. По крайней мере для просторечия это очень вероятно[34].

Не забудем, однако, что транскрипции Копьева, очень усердно передающие совпадение <а>—<о>, только в считанных случаях намекают (и то двусмысленно — из-за грамматических мотиваций) на совпадение <о, э> — <и>. Значит, йканье проникало в речь культурно говорящих горожан исподтишка, украдкой, но вполне легального положения у него не было.

В русском языке, как известно, иногда после мягких согласных произносился в заударных слогах гласный [ъ]. В синей системе такая возможность, вероятно, выявлялась более широко, чем позже; это видно из того, как реализуется частица *еще*:

— ...Да первой игры еща уцѣлѣютъ. 4

— ...Кто разумѣетъ дурно, тотъ ища хать дурно, да разумѣетъ... 5

— Пагади ища, не радуйся... 6 и т.д.

То есть [jэш'о́] (ср.: *Это ещо досаднѣе... 4*), попав в безударное положение (и редуцировав [э] до степени [и]-образного звука), превращается в [иш'ъ]... Позднее в этом положении звучал не [ъ], а [ь], т.е. ослабленный [и]; ср. современное произношение: [пъгад'и́ — иш'и], [иш'и — уцыэл'э́jут].

Очевидно, гласный [ъ] чувствовал себя в этой, для него не совсем хорошо приспособленной, позиции тогда, в синей системе, более уверенно, чем сейчас.

О произношении [ъ] во флексиях после палатализованных и палатальных говорит такая транскрипция: *Казалась мнѣ, щастія маіо очинь дiо̂шева* 29, т.е. *щасти*[jъ].

После твердых шипящих реализация гласных во флексиях аналогична их реализации после мягких. Возьмем современное: как *поле* (им.-вин.) = [по́л'ъ], *на поле* (предл.) = [по́л'и], так и *ложе* (им.-вин.) = [ло́жъ], *на ложе* (предл.) = [ло́жы^{э}], а также *суша* = [су́шъ], *на суше* (дат.-предл.) = [су́шы^{э}]. Напомнив читателю эти факты, мы сделали для него говорящей такую запись Копьева: — Желаю толька, штобъ онъ не счолъ

---

[34] О спорадически проникавшем в литературную речь йканье говорят, на наш взгляд, и такие рифмы:

Дай увидѣть мне себя
На свободѣ, въ чистомъ полѣ;
Сдѣлай честь ты хлѣбу — солѣ...

И. Дмитриев

У него же рифмуется: *отселе — при колыбелѣ* ("К младенцу", 1792), *на ладонѣ — в погонѣ* ("Рысь и кротъ", 1810). (Слова *ладонь* и *колыбель* муж. рода в XVIII в. не засвидетельствованы.)

за дешовую славу ваша блага получіе... 19. Здесь *ваша* (ср. род) = [вашъ] и омонимично форме рода (так же, как и во всех более поздних системах, вплоть до алой).

В комедии все персонажи беззастенчиво ёкают: *тіотушка, тріохъ, ліохкая, влюбліонъ* 7, *весіолая* 9, *идіотъ* 10, *уйдіоте* 12, *каралiомъ* 17, *папильіоты* 18, *вазміотъ* 21, *всіо* 22, *убіошь* 22, *еіо* 24, *умiонъ* 27, *дiошева* 29 и т.д.

Теперь о согласных. На месте *щ* произносилось сочетание [ш'ч']. Это видно из такого любопытного написания: *есціо* 21, 28. Так в речи одной жеманницы передается слово *ещё;* шипящие она заменяет свистящими — сделаем обратный перевод: *сц* = [ш'ч']. Комедия издана в Петербурге (был ли автор истым петербуржцем — неизвестно); она отражает в этом случае петербургскую норму.

Мягкость согласных, позиционно обусловленную следующим согласным, автор обычно не передает. Исключение — *любьви* 27, 29 (*любви* 27). На наш взгляд, это свидетельство незыблемости, прочности ассимиляции по мягкости в синей системе.

Сочетания согласных знали уже известные нам упрощения *безчесно* 29, *грусной* 30.

Очень существенно такое наблюдение Копьева: *жизнь* произносится как *жись*: — *Жись моя отъ тово зависитъ* 14... Героиня повторяет на свой манер: — *Зись его атъ таво зависить!* 14 (но у нее же: *зизнь* 26). Очевидно, носовые согласные, не прикасающиеся к гласным (в составе того же слова), могли оглушаться (или даже совсем исчезать?). Это вывод подтверждают и наблюдения В. Светова: "...выговаривают допръ, а пишут добръ..."[35] Перед глухим [р], естественно, [б] оглушался[36].

Обратим внимание на такое место: — ...Приѣзжай хать вичеру въ Панфилъ играть... 20. Наречие *ввечеру* произносилось с кратким начальным [в]. Нам эта черта знакома: даже на морфемных стыках упрощались долгие согласные, становились кратки. Видно, эта черта была свойственна не только голубой (как выше было показано), но и синей системе[37].

Может быть, о таком же сокращении *вв* = [в] говорит и следующая запись Копьева: — *Кнеиня... за тебя не пайдіотъ вѣкъ* 23. То есть *ввѣкъ*? Однако такое сокращение было усвоено и переосмыслено в языке, так что и позднее, когда долгие согласные на морфемных стыках были узаконены, в таких оборотах слово *век* (вм. *ввек*) оказалось возможно; ср.: *не ходит целую зиму.* Но семантическая разница между оборотами:

---

[35] *Светов В.* Указ. соч. С. 12.

[36] Было ли так и в высоком, и в простом стиле? Очевидно, да. В. Светов не ограничивает эту закономерность стилистическими рамками.

[37] А.С. Шишков тоже писал о "неудвоении" согласных, но в менее интересной позиции — рядом с другим согласным иного качества. В этой позиции в XVIII—XX вв. (не на стыке предлога и приставки со следующей морфемой) удвоения никогда не было. Вот наблюдение Шишкова: "Буква *с*, послѣ буквъ *с, з, ц* (по крайней мѣрѣ во многихъ рѣченіяхъ), дѣлаетъ весьма принужденный, непріятный для слуха выговоръ; и для того въ семъ случаѣ одна изъ двухъ буквъ, издающихъ вмѣстѣ худой или тяжелой звукъ, выпускается... Такимъ образомъ должно писать, *Спаской мость* (а не *Спасской*), *Рускоѣ человѣкъ* (а не *Русской*), *нѣмецкой городъ* (а не *нѣмецской*), *Соловецкий монастырь* (а не *Соловецской*), *молодецкой поступок* (а не *молодецской*))" (*Шишков А.С.* Указ. соч. С. 22).

век за тебя не пойду = 'долго не пойду', *ввек не пойду* = 'никогда не пойду' — намекает, что здесь *век* стоит на месте *ввек*.

В комедии Копьева некоторые персонажи явно просторечны. Они противопоставлены по характеру речи остальным персонажам. Одно из отличий — они, просторешники, более усердно акают, чем другие. То есть: если при передаче произношения других своих комических героев Копьев нередко сбивается и вместо *а* пишет *о* (в безударных слогах), то, передавая речь старухи Machmere и Мавруши, он особенно усердно всюду вместо *о*, в безударных положениях, выписывает *а*. Не значит ли это, что в просторечии звук [а] (безударный) был менее редуцированным, более полновесным, длительным? Более явным? Или другие персонажи акают по-петербургски (у них "*а* с *о* несколько смешано"), а просторечные герои по-московски; как-никак, а Москва постепенно становилась провинцией, по крайней мере в глазах петербуржцев? Истолковать с полной уверенностью это отличие мы не беремся.

Вот реплики просторечной москвички:

1) "Мавруш... падвинь ка мнѣ столикъ, мать мая, загадать бала опять, (надѣвает очки) давича эта праклятая Гранъ Пасьансъ меня замучила; таперь ужъ другимъ манеромъ, на четыре кучки" (14—15);

2) "Ахъ мать ма! што йта за бѣда? ну правались ана акаянна. Атъ тебя я эту прокляту девятку залажила, Богъ знатъ куды, да што у васъ тамъ?" (15);

3) "Што матш?

Тьфу пропась! всегда спутаю, (мешаетъ карты) нѣтъ, ужъ знать не выдеть; загадать бала червонну та кралю съ крестовымъ та каралiомъ (загадываетъ опять)" (17);

4) "Што йта матш... не опять ли муха (увидѣвъ Повѣсина) а!.. а!.. здраствуй, мой батька! давноль изъ арміи? Ну вотъ таки таперь слава Богу; пади ка, пади ка сюды (осматриваетъ, не два ли на немъ жилѣта) слава Богу! въ адномъ камзолѣ; вотъ таперь таки чилавѣкъ какъ чилавѣкъ; садись ка батька мой, давноль пріѣхалъ? (18—19);

5) "Ахъ батька мой! ужъ и ѣдешь, што такой кароткай везитъ... Пажаласта, батька мой, пръізжай хать вичеру въ Панфилъ играть, кали выучила (19—20);

6) "Спраси матш Мавруша, запреглиль мнѣ палавинчиту каляску та, съѣздить бала къ сасѣду нашему, (Мавруша выходитъ) што матш... права павѣса та нашъ сталъ припарядашнай; знаишь, я ево насила узнала, малай хать куды, права ужъ и жаль вить, шта ты за нево ни пашла" (20);

7) "Ахъ, батька мой! устала какъ сабака, уфъ!.. пріѣхала къ акаянному та, (Повѣсину) къ тваму дядюшкѣ та; што йта за дьявальска наважденіе! сабакъ та, сабакъ та! еравые всѣ павытаптали, въ горницѣ лай такой, вазня такая, страхъ ды всіо тутъ. Што, батька мой, играешь ли нонче в Панфилъ та?.. Ну вотъ таперь вижу, шта онъ исправилса; пажалай, мой батька, суды" (24—25).

О просторечности Machmere говорит очень ясно лексика. В ее произношении примечательны такие детали.

1. Сильная редукция заударных гласных: [у] превращается в [ъ] — *пажалста, пажалай, насила* (=*насилу*). Конечно, произносился [ъ] как

реализатор фонем <а, о> во всех слогах, кроме первого предударного (и может быть, последнего заударного открытого). Здесь было то же, что в литературной бытовой речи. Ср. отражение [ъ] в союзе: *ды всіо тут.*

2. Заударная часть слова вообще недоговаривается: *матш* (=*матушка*), *Мавруш*; недоговоренность показана орфографически: после *матш* и *Мавруш* не ставится твердого знака. Ср. еще: *Богъ знатъ* (в современном просторечии — [бóзнът]), *тваму.*

3. Эканье является господствующим, но в слабые безударные слоги, т.е. во все, кроме первого предударного, проникает йканье. Примеры приводились.

4. Гласный [э] может стать неслоговым; обнаруживается тенденция в слове *это,* но, вероятно, она действовала шире[38]. Примеры: *што йта* 15, 18, 24. То есть: [штó э̯тъ]; [э̯] обычно изображается буквой *й* (ср. *майка, лейка* и проч. тоже обычно с [э̯]). Поэтому и здесь использован такой же письменный прием.

Могут редуцироваться согласные на конце слова: *пропась*[39].

Уже говорилось, что бытовая речь только еще входила в область нормируемой, кодифицированной и, следовательно, литературной формы общения. Однако она уже далеко продвинулась по пути кодификации: осознавалась ее противопоставленность просторечию. Границы между литературным бытовым произношением и просторечным произношением оставались зыбкими, нечеткими, но они уже были. Комедия Копьева показывает и их существование, и их зыбкость.

В комедии Копьева встречаем: *скушно* 9, *канешна* 9, *припарядашнай* 20, 29, но *вѣчнымъ* 12. Материала недостаточно, чтобы судить о соотношении [шн] — [чн] в бытовой речи. Обратимся к другим источникам.

В "Словаре Академии Российской" (1789) находим такие слова с [шн], где [ш] чередуется с [ч], [ц] или [к] в других словах: *башмашник* и производные, *бочешный, галеношный, галстушный, грешневый* и производные, *грудншник, гудошный* и производные, *двойнишный, деснишный, дудошник, девишник, китаешник, клееношный, копеешный* и производные, *коришневый, криношный, лавошник* и производные, *ларешник, лодошник, лямошник, наконешник, сливошный* и производные, *шумный* и производные, *огурешник, оконнишник, оловянишник, перешный* и производные, *платошный* и производные, *портошный, прачешный, пробошный, прянишный, тровошный, пупошный, пьянишник, однорядошный, рамошный, саешный, сайдашный, святошный, серпяношный, сертушный, соляношный, табашный* и производные, *тершная колодка* (от *терка*), *титишный, фабришный, цевошный, чесношный, чулошник, -ица, шапошников, шляпочшный* и производные, *яблошный* и производные, *яишница*[40].

---

[38] Произносилось ли в просторечии: *он зна*[э̯]*т об всем, он на улице игра*[э̯]*т*? Сейчас в городском просторечии такое произношение встречается. В XVIII в. то ли было, то ли нет.

[39] Не была признаком просторечия редукция интервокального [г], в словах-обращениях (обращения обычно проговариваются бегло, аллегрово): *Княиня* 6, *на Княинѣ* 7, *Княиню* 8, *Кнеиню* 25 (2 раза), *Кнеиня* 28. Ср.: *Княиня* (Дневник поручика Васильева // Памятники древней письменности. Пб., 1896. С. 17).

[40] См.: *Обнорский С.П.* Сочетание *чн* в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 242.

Формы с [шн], пишет С.П. Обнорский, "обильны во всей акающей части Московской губернии"[41].

Слова с [шн], которые встречаются в говорах, по своей лексической характеристике часто несомненные пришельцы из литературного языка: *востошный, вешный, полуношный, язышник, башмашник, горнишная, мелошная (лавка), кирпишный, закусошный, бесконешный публишный, фабришный, штушный, мрашный, благополушно*). Но, как мы уже говорили, было бы неверно все эти [шн]-произношения относить на счет диалектов. Подбор таких примеров в "Словаре Академии Российской" убеждает нас, что в XVIII в. их было огромное количество. Но, конечно, вопрос о позиционности чередования ч'||ш перед [н, н'] решить не просто...

Неверно, однако, было бы думать, что с [шн] произносились только те слова, которые в "Словаре Академии Российской" даны с написанием *шн*. Ведь установка составителей ясна: если слово встречается в церковно-славянских текстах, они его дают с *чн* (в соответствии с орфографией, принятой в этих текстах). Они не фиксируют его произношение в бытовой речи. Не было ни малейшего намерения слушать речь и отражать ее в словаре. Поэтому-то с [шн] оказалась представленной только лексика, которой нет в церковно-славянских текстах. Значит, написание *мрачный, вечный,* данное в словаре, вовсе не говорит, что такое произношение было единственно возможным или наиболее распространенным в бытовой речи. Это произношение не интересовало составителей, если слово можно было взять из церковно-славянских текстов.

В высоком стиле [ор'эл], в среднем — [ар'ол]... И так во всех случаях, когда в среднем стиле произносится под ударением [о́] после мягких согласных.

В высоком стиле — *сердечный,* в среднем — *сердешный*... И так во всех именах, у всех прилагательных и образованных от них существительных с сочетанием [ч'н]...

Нельзя ли во всех таких случаях говорить о мутабильных фонемах? О единицах <о/э>, <ч/ш>, которые состоят из свободно избираемых фонем: <о> или <э>, <ч> или <ш>? Нет, нельзя. Мутабильная фонематическая единица предполагает, что жанр и тематика не все решают, что в пределах жанра и темы остается возможность проявить волю, сказать так или иначе. Фонематическая мутабильность — создание XIX в.

В высоком стиле, который в эпоху синей системы не порвал своих связей с церковно-славянским языком, было немало слов, имен прилагательных, с сочетанием [ч'н]: *предвечный, бесконечно-благий* и др. В бытовой речи были слова: *башмашник, яшневая каша, яишница*... Если *бесконечно-благий* встречалось в бытовой речи, оно оценивалось как заимствование из церковно-славянского; следовательно, не нарушало законов бытовой речи. (Так же, как сейчас какое-нибудь встав-

[41] Там же.

ное intériur в речи искусствоведа не является разгромом русской произносительной нормы.) А *башмашник* был обречен безвыездно жить в среднем и низком стиле.

Следовательно, вопрос о характере чередования [ч'н]‖[шн] (в именах) надо в синей системе решать отдельно для высокого стиля и отдельно для среднего. Для высокого вопрос решается просто: чередования нет. И *скучать,* и *скучен,* и *скучно* произносить следует с [ч'н]. В среднем стиле следует отсеять слова, составляющие особую лексическую группу: пришельцев из церковно-славянского языка, не порвавших с ним; пришельцев из научных текстов. Они — особь статья, подобно тому как в более поздние эпохи были экстерриториальны заимствованные слова, пришедшие из европейских языков. В таком случае это чередование было позиционным или очень близким к позиционному.

Так же с учетом расчлененности языка на высокий и средний стиль надо решать и другие вопросы о позиционом—непозиционном характере других чередований.

Каждое слово, которое в среднем стиле произносилось с сочетанием t'[o] (*нёс, лёд, моё*), в высоком стиле получало вместо [о] гласный [э]. Но были слова, которым вход в тексты высокого стиля был запрещен. Например, слова *куманек, тетушка, теленок, дурачье, корье* (много коры), *насчет* (*чего,* предлог)... не могли показаться в переложении псалма, в трагедии, даже в оде. "Ода на карусель" — державинский шедевр и крайняя степень вольности в одическом языке, но и она не включает слишком вызывающих прозаических слов. Естественно, эти слова и не получали произношения с [э] — они всегда произносились только с [о]. А если попадали в басню, в поэтическую шутку? И там они оставались с [о]. Произношение *кума*[н'э]*к,* [т'э]*тушка* были бы просто смешны.

Итак, выделяется группа слов, у которых возможно только произношение t'[o], и оно несоотносимо с произношением t'[э] в высоком стиле.

Не существовало ли группы высоких слов, которым были заказаны пути в низкий или в средний стиль? Нет, высоким словам была везде дорога и везде почет. И в среднем стиле их принимали как желанных гостей. Но они гостями и оставались. Знатный гость не меняет своих привычек по желанию хозяев. Да, были слова, по своему значению всегда и всюду только высокие, они иногда могли оказаться и в среднем, и даже в низком тексте, но оставались верны своей высокой фонетике. Так, слово *благословенный* и в случаях нисхождения в сниженные тексты сохраняло и ударный гласный [э], и [γ].

Как видно, в некоторых случаях произносительные приметы стилей разбегались по разным словам, становились их неизбежным признаком.

Так накладывались друг на друга две тенденции. Первая: сделать все слова фонетически двухвариантными, с меняющимися приметами то высокого, то среднего стиля. Разумеется, там, где был для этого звуковой материал; слово *дом* двустилевым сделать невозможно. Вторая тенденция: уменьшать вариативность, прикреплять слова к определенному неизменному фонетическому облику. То есть разнести

слова по группам так, чтобы каждое было либо с тем, либо с другим фонетическим знаком; при этом, конечно, прямая соотносительность знаков неизбежно будет распадаться.

Развитие пошло и тем, и другим путем — это стало проясняться уже в XVIII в., но полностью определилось в XIX. Так, например, уже в послешишковские времена произошло со словом *небо — нёбо*. Сначала говорили [н'о́бо] — обозначая (в среднем стиле) и небеса, и часть ротовой полости. "Ты что, с [н'о]ба упал?" — так, по свидетельству А.С. Шишкова, было принято говорить еще в конце XVIII в. Постепенно, под влиянием церковно-славянских произносительных традиций, стали в одном из значений (в том, которое семантически ближе к темам Священного писания) употреблять слово [н'э]*бо*. Такое произношение закрепилось. Вариантность слова *небо* исчезла. Появились два слова.

Но XVIII век — время странствия слов по двум стилям.

В "синюю" эпоху существовали уже все приметы петербургской орфоэпии, отличавшие ее от московской.

О произношении *щ* как [ш'ч'] уже было сказано. Красноречивы рифмы И. Дмитриева: *сыщу — полечу* ("Жаворонок с детьми и земледелец", 1793), *ищу — получу* ("Наслаждение", 1792), *ищу — мощу* ("Близнице", 1803).

А.С. Шишков писал: "... Всѣ говорять: *тваіо, маіо, нохти, што, лопъ, дропъ* (вмѣсто *лобъ, дробь*) и проч.; однако никто благоразумный не начнетъ писать таким образом"[42]. Для него столь же несомненно, что в слове *дробь* произносится в конце твердый губной, как и то, что произносится глухой. О произношении дро[п'] он и не слыхивал. Видно, петербуржцы уже стакнулись произносить только твердые губные в конце слова. Ср. рифму И. Хемницера: *впрямь — тамъ* ("Дворовая собака").

Произношение <а> в первом предударном слоге было петербургское: "...Мы въ разговорахъ не произносимъ ни *поди,* ни *пади,* слѣдовательно, для отличенія звука между буквами *о* и *а* надлежит букву *о* писать съ двумя точками... [надсмехается Шишков] ан другой заспоритъ, что сіи двѣ точки должно ставитъ на буквѣ *а*..."[43]. Здесь важно замечание, что произношение <о> не равно [а] (в первом предударном слоге). Утверждения, что говорится "а, несколько с *о* смешанное", неясны: ведь и про последний согласный в словах *плод, ход, род* могли в XVIII в. сказать, что это "*д*, несколько в *т* вдарившееся". Такие формулы нередко отражают неточность наблюдения, компромисс между слухом и глазом (орфографически вымуштрованным). У Шишкова же сказано вразумительно: не произносится *пади*, с [а][44]. То есть:

---

[42] *Шишков А.С.* Указ. соч. С. 27—28.

[43] Там же. С. 42.

[44] Но, конечно, буквы *о* и *а* в этой позиции произносились одинаково. Отсюда — возможность их мены: "Пади, пади! — раздался крик" (Пушкин), т.е. *пойди, посторонись.* У Шишкова же здесь не орфограмма, а фонетическая транскрипция (отвергаемая автором: она передает не свойственное ему произношение).

[пъд'й], [пъ^{а}д'й], [пʌд'й] — один из петербургских вариантов реализации <о>.

О языке XVII в. В.В. Виноградов писал: "Орфоэпические и орфографические нормы светско-делового и разговорного языка высших кругов общества еще не вполне установились... Фонетическая система речи господствующего класса носила ярко выраженный отпечаток смешанного говора. Правда, укреплялась ориентация на произношение московских служилых людей, на выговор московского дворянства, близкий к языку окружавшей Москву этнографической массы. Но в самом московском произношении, при отсутствии резких особенностей провинциального консонантизма (вроде цоконья, шепелявости, диалектных отличий в произношении *в* и т.п.), продолжалось, главным образом, в области вокализма... брожение севернорусских и южнорусских элементов"[45]. Здесь чутко схвачено различие в степени нормативности консонантизма—вокализма. Система согласных по упорядоченности была более продвинута, чем система гласных. И это верно не только для XVII, но и для XVIII в.[46]

Комедиографы, в поисках характерологических особенностей для своих персонажей, обращались именно к стилизации консонантизма. Стилизовать вокализм было художественно бесполезно: на фоне бытовой пестроты произношения гласных он не выделялся бы, не оценивался бы как достаточно выразительное художественное средство.

В.И. Лукин в "Щепетильнике" так изображает речь крестьян: "Чистосердов. Но верно ли он будет?

Мирон работник. Право будет-ста, и велел всим чостным боярам сказаци, что у него новые есть... новые стани!.. ни товары, а!.. а!.. голотиреи, привезенные из заморья, из Мемщизны. Имена-та некрещенные, так, кормилец, мудрены, что их скоро и не пробаить. Как, бишь, они зовутся... ляд ведает! так хитро, хоть голова проць, так не знаю... Вить на нас дивить нецево; еще только с неделей двадчать как мы из Галица сюда прибрели, а у нас эдаких мудрых слов ниту, и мы голчим по старинному поверью"[47] (явление II). "Согласные" диалектные черты гораздо заметнее, резче.

Характерна речь Слюняя в комедии И.А. Крылова "Трумоф"(1800):

Да, видись, бьят! Насья, небось, ты дуяка!
Заезься-ка сама, кои юка егка.
И я не пьемах вить, меня ты не обманешь.
Чейкнутьа дойго-и[48], а после и не встанешь.
Нет, сто не говои, я смейти не юбью,

---

[45] *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XVIII вв. М., 1938. С. 46.

[46] См. у В.В. Виноградова: "Нормы орфоэпии и орфографии литературно-деловых стилей первой половины XVIII в. были очень зыбки. Конечно, тон продолжали задавать высшие классы Москвы. Но само московское произношение все еще не установилось. В нем не прекращалось столкновение северно- и южнорусских фонетических... элементов" (*Виноградов В.В.* Указ. соч. С. 61; 2-е изд. С. 64—65).

[47] *Лукин В.И., Ельчанинов Б.Е.* Сочинения и переводы, СПб., 1868.

[48] и=[ji], т.е. *ли*.

Хотя от миенькой и гнев зато тейпью:
Но посье помиюсь, пьивьюся, пьияскаюсь,
За сто я зить хочу, ей истинно пьизнаюсь.
Ну, пьяво, как она ни спой себе со мной,
А все-тэки вить я — утеснее зивой

Действие V, явление VI

В комедии Копьева, о которой мы уже говорили, так передана речь одной героини:

"Княиня (не вслушиваясь). Съто... о... съ?

Причудинъ. Вы не слышите Княиня?..

Княиня. Охъ нѣтъ... пастойте съ... пагаварите мнѣ сьто нибудь... толька пазяласта, сьто нибудь не влюбліонае... вить знаись, как эти fadai'зы *скусьны* (=скушны; фр. *fadaise* 'вздор').

Причудинъ. Да штожъ мнѣ вамъ гаварить?

Княиня. Ну, да сьто нибудь... Охъ нѣтъ, паслусьте... не гаварите мнѣ ницево съ.

Причудинъ. Ахъ Кнеиня!.. Наконец рѣшитесь вы меня выслушать.

Княиня. Ну харасіо, харасіо... только пазяласта паскарѣе, вить знаити, мнѣ всіо такъ скора наскуцитъ..." (10—11).

Можно привести немало примеров, говорящих о том, что в характерологических целях деформируются согласные и лишь во вторую очередь — гласные.

Рифма Г. Державина составила целую эпоху в развитии русского стиха. Современному читателю не может не броситься в глаза ее обычность: *нѣжной — желѣзной, грусть — устъ* 7, *правду — отраду* 9, *весельемъ — восхищеньемъ* 9—10, *высшій — проникши, о Богѣ — восторгѣ, днесь — небесъ* 10, *журчащимъ — шумящихъ* 12, *бездны — подземны* 14, *льдяна — печальна, полутонно — сходно* 16, *путь — трудъ, благоговѣйно — вѣрно, тихогромъ — сонмъ* 18, *онъ — полнъ, безмѣрны — бездны, холмъ — облачкомъ, багряный — дальны* 19, *спокойство — довольство, веселье — лицемѣрья, самъ — тиранъ* 20, *Богомъ — кровомъ, спокойно — сродно* 21, *покойно—грозно* 23, *полнъ — стонъ* 24, *черна — остановленна, суть — грусть, раны — тайны, страхъ — Монархъ* 25, *довольна — достойна* 27—28, *волнъ — звонъ* 39, *отча — молча* 40, *смертны — неисчетны* 42 и т.д.

Рифма резко отличается от привычной для нас. У Державина должны быть тожественны гласные и могут широко, без всяких ограничений не совпадать согласные. (В поэзии конца XIX — начала и середины XX в. — наоборот.) Здесь модель, заданная одной рифменной частью, лишь частично повторяется в ее второй части (разумеется, у Державина много и точных рифм, но своеобразие его стиху придают неточные). Несовпадающие части — экспрессивно выделенные, активные, действенные. И такими активными единицами оказываются согласные.

В описанных нами фактах (характерологическое использование произношения в комедиях и рифма) есть общее.

Если вместо *зарежься* говорится *заежься*, вместо *коли — кои* [коjи], вместо *рука легка — юка егка*, то норма (данная языком) нарушается; нарушители — согласные.

Если после рифменного начала *нѣжной* появляется *желѣзной*, вместо ожидаемого *прилежный, смежный, тележный* и т.д., то и здесь нару-

шается норма (но она задана не языком, а стихом, первой частью рифмы). И здесь нарушители — согласные.

Чем объяснить эту эксплуатацию согласных в экспрессивных и эстетических целях? Полагаем, что в это время, в XVIII в., в полной мере действовал закон И.А. Бодуэна де Куртенэ. Существовала тенденция усиливать роль согласных в языке, с ними связывать передачу большей доли языковой информации. Поэтому консонантизм был в первую очередь кодифицирован: разнобой и невнятица были нетерпимы именно здесь. Поэтому стилизация звуков, игра ими были заметны не в области вокализма (пестро-неупорядоченного, очень сбивчивого), а в области консонантизма. На пестро-размытом фоне вокализма рисовать четкие узоры, определяемые эстетическими целями, было нельзя.

Представим, что в рифме не совпадали бы:

1) заударные *а* и *о*. Что это означает? Неточную рифму (с точки зрения окающих норм)? Или расчет на аканье — и, следовательно, точную рифму?

2) ударные *ѣ* и *и*. Что это означает? Неточную рифму, смелый консонанс с перекличкой [э] — [и] или произношение, на украинский лад, *ѣ* как [и] — рифма, значит, точная? (Такое произношение имело свою традицию.)

3) заударные *ѣ* и *и*. Что это означает? Проникновение йканья в стих? Или установку на неточную рифму?

4) ударные *а* — *о*, например, в рифмах *злаго — строго, седаго — много* и под. Что это означает? Неточную рифму (консонанс) или установку на церковно-славянское произношение?

5) ударные *е* и *о*, например, в рифмах *вперед — народ*. Что это означает? Произношение *впе*[р'о]*д* — и точную рифму или произношение *впе*[р'э]*д* — и консонанс?

6) ударные *ы* и *о*, например, в рифмах *седый — устрой*. Что это означает? Церковно-славянское чтение (и консонанс-рифму) или русское (и точную рифму)?

7) безударные *е* и *я* (*злое* и *строя*). Что это означает? Редукцию заударных гласных, свойственную разговорной речи, и точную рифму или высокое произношение без редукции (и, значит, рифму не совсем точную)?

Таких загадок было бы неисчислимое количество, если бы была разрешена "гласная" неточность в рифме (т.е. рифма-консонанс).

Эстетически эта свобода (выбирай решение какое хочешь) была бы бессодержательна. Ведь невозможно решить, в чем же авторский замысел; все решения двусмысленны и ненадежны. Поэтому эстетически активными в синей системе оказались согласные.

Итак, веления языка (закон Бодуэна) и задачи эстетики выдвигали на первый план выразительность согласных.

Взгляды Шишкова — последовательно "штилевые": он ни на минуту не забывает, что есть два стиля, оба — маркированные: слова и фонетические особенности высокого стиля неуместны в обычных разговорах, слова и фонетические особенности простого стиля не годятся для торжественных речевых ситуаций, для поэзии и сцены. Смешение нетерпимо. Например, в трагедиях злостная буква *ё* (Шишков плохо

отличал звуки от букв) еще нетерпимее, чем в беседах, потому что хотя «на улицѣ или въ бесѣдахъ и говорятъ іó, но за то уже тамъ не употребляют высоких словъ: "Я во весь мой вѣкъ нигдѣ, кроме театра, не слыхалъ ни *падіóтъ*, ни *грядіóтъ*"» (38)[49].

Н.М. Карамзин строил (не один, конечно, а вместе с множеством своих современников) другую систему: "простой" стиль у него превратился в нейтральный, который годится в любых условиях общения.

У Шишкова противопоставление "высокий слог — простой" является эквиполентным; у Карамзина — привативным (и немаркированный член — простой слог)[50].

Разница позиций: эквиполентной у шишковцев и привативной у карамзинистов — отразилась в их поведении и даже, пожалуй, в их характерах. Шишковцы свои мнения выкладывают командирски, сановно-самоуверенно; они не советуют, а командуют. И карамзинистов — грех обвинить в уступчивости, но у них исчез тон повеления. Это определяется, как уже сказано, мыслительной установкой тех и других. У шишковцев система стилей построена по принципу "или — или". Отсюда: только так! вот граница! здесь — одно, там — другое! не переступать! у карамзинистов: разумеется, здесь — одно, а там... а там такое, что всюду годится!

Под влиянием и в развитие этой системы и создаются (уже в голубой системе) мутабильные фонемы: и жанр избран, и тема уже определилась, а все же можно выбирать: сказать ли [н'эс] или [н'ос]? [γ']*ерой* или [г']*эрой*?

Но средний стиль все же не мог стать основой бытовой речи. Не было желания выйти за узкий круг того, что традиционно вобрал в себя средний стиль, не было желания опереться на живую речь культурных людей. Да и как опереться, когда эта речь представляла собой малоупорядоченную стихию[51]. Замкнутый круг: средний стиль недостаточно богат, гибок, выразителен, потому что не учился у бытовой речи, а бытовая речь не могла быть обогатителем среднего стиля, потому что была расхристанно-некодифицированной. Выход мог быть такой: использовать опыт бытовой речи

---

[49] Шишков продолжает: "Между тѣмъ театръ есть училище молодыхъ людей. Тамъ больше всего навыкаютъ они истинным или ложнымъ красотамъ и произношению" (38). Хорошо сказано! Но эта школа учит тому, чего нигде, кроме театра, не услышишь. Потому что и [пад'э́т], [гр'ад'э́т] — тоже произносили только в театре или в подобном же почитаемом месте.

[50] "Вы не рѣдко въ нынѣшнихъ книгахъ вмѣсто *по одержаніи толь знаменитой побѣды сей храбрый воинъ*, и проч. найдете: *по одержании толь знаменитой побѣды этотъ храбрый воинъ*, и проч. Надлежить крайне быть невѣжественну въ языкѣ, дабы не почувствовать нелѣпицы, какую дѣлаетъ здѣсь слово *этотъ* вместо *сей*... Вмѣшивать низкое слово в средину отборныхъ... есть конечно нелѣпица" (*Шишков А.С.* Указ. соч. С. 24—25).

[51] «Требование приблизить книжный язык к разговорной речи сталкивается, однако, с большими трудностями, и главная из них неупорядоченность, неустойчивость самого этого разговорного языка. "Русский кандидат авторства... должен слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык", — писал Карамзин, — но тут новая беда, — продолжает он, — в лучших домах говорят у нас более по-французски. Милые дамы, которых надлежало бы только подслушивать, чтобы украсить роман или комедию любезными, счастливыми выражениями, пленяют нас не русскими фразами"...» (*Левин В.Д.* Указ. соч. С. 127).

в художественной литературе, где этот опыт подвергся бы художественной организации. Художество — это антихаос. Оно вносит эстетический порядок, а такой порядок неподалеку от упорядоченности, которая была остро нужна бытовой речи.

Оно, художество, требовательно. В его основе не "валяй как попало", а "ищи лучшее", "найди, что здесь необходимо". Можно понять, как благотворен этот принцип для стихии бытовой речи. Наконец, художественное произведение, усваивая и очищая опыт бытовой речи, поднимало ее репутацию. Шишковцы не ставили ее ни во что. А в таком случае и спрос с нее был небольшой. Утвердиться в общественном уважении бытовая речь могла только с помощью словесного искусства.

Все это предстояло сделать в эпоху голубой системы.

Карамзинисты подготавливали этот важный шаг в развитии русского языка.

Граница между стилями была проведена двояко. Одно разграничение: высокий стиль — для торжественной речи, средний — для обыденной, неторжественной. Другое разграничение: высокий стиль включает все поэтические произведения, средний — непоэтические.

По первому разграничению басня, стихотворная шутка, комедия в стихах, сатира — все должны бы попасть в средний стиль. По второму разграничению они принадлежат высокому стилю. Это разграничение и было в данном случае реальностью: и в басне был [ос'эл], а не [ас'ол].

Таким образом, высокий стиль показывал себя агрессивно: захватывал сопредельные территории. Это означало, что постепенно, исподволь созревала потребность в таком стиле, который был бы уместен не только в своей специфической области, но всюду. То есть потребность в привативных стилистических отношениях.

Соотношение стилей было эквиполентно: один стиль — высокий, другой — невысокий. То есть оба обладают твердыми, неподвижными признаками: один стиль уместен там, где нужна высота, другой — там, где необходима невысота. (Басня и вся шутливая поэзия переходили эту границу, имея особое разрешение, которое выдал Узус)

Возникало, постепенно укреплялось стремление к привативному соотношению стилей: один стиль — высокий, а другой — не высокий. То есть лишен краски высокости. Не окрашен. И поэтому динамичен: может употребляться и в ситуациях, где хозяин — Его Высочество, и в ситуациях, где нет Высочества.

Но высокий стиль был неспособен далеко продвинуться по стезе привативности. Он не мог претендовать на то, что его архаические приметы станут повсеместно употребительны и приобретут нейтральную окраску. Ведь именно это необходимо для немаркированного члена противопоставления — того члена, который и создает привативные отношения.

Сама экспансия высокостилевых примет в басню, в стихотворную шутку была противоречива: эти приметы знаменовали высокость, а жанр не требовал высокости!

Н.М. Карамзин наметил иной путь: нужно средний стиль сделать универсально употребительным, т.е. превратить в немаркированный. Замысел хорош. Но сам-то средний стиль, выросший в колодках строгого разграничения языка по трем рубрикам, был бледен, был слишком однотонен для разговорной, живой, вовсе не средней речи.

Нужно было, чтобы художественная литература показала пример: создала синтез, где вообще не доминировала бы мысль "нельзя", "не преступай", а был бы дан простор для "можно", "допустимо" — при подвижных, варьируемых нормах.

Все это предстояло сделать голубой системе.

Слушая лингвистические команды Шишкова, чувствуешь утомление от их однообразной категоричности и крутой самоуверенности. Иной тип языкового мышления у А.А. Барсова.

Н.М. Карамзин питал личное расположение к Барсову. Мемуарист вспоминает: "Профессор Барсов имел каменный маленький дом, у Тверских ворот на дворе. Барсов жил вообще скромно; ездил в университет в карете парою; к нему приезжал прощаться отправлявшийся путешествовать молодой человек; это был Карамзин, который был особенно вежлив [т.е. учтив, почтителен] с Барсовым..."[52]

По рассказу Н.М. Карамзина, "великий муж русской грамматики" был далек от чрезмерного почтения к правилам, напротив — считал опрометчивым следовать им без оглядки. Барсов говорил: "Мой друг! Нам дают правила; но всякое из них рождает исключение. Я могу вытвердить их наизусть и беспрестанно ошибаться: следственно, правила неосновательны... Не будем клеветать на язык: он имеет верные законы; но мы только еще не открыли их"[53]. И с явным сочувствием и сомыслием Н.М. Карамзин восклицает "Но сей огненный любовник правил не может терпеть излишно строгих"[54]. Покажем это на двух примерах, как раз наиболее интересных для нас.

Речь идет о двух звонких заднеязычных. "Одною буквою *г* принуждены мы означать два разные гóлоса, а именно соотвѣтствующіе двумъ латинским буквамъ h и g, изъ которыхъ первый, какъ въ азбучномъ имене сея буквы (Глаголь), одинъ только слышенъ, такъ и вездѣ безъ изъятія въ славенскихъ словахъ и въ чтеніи книгъ, особливо церковныхъ, выговаривается; на противъ того другой несравненно болье употребителенъ въ обыкновенных разговорахъ и собственно въ россійскомъ языкѣ, такъ что въ ономъ весьма немногія слова, и то съ славянскимъ общія, по первому способу произносятся, каковые суть именно: *Богъ, благо, гласъ, Господь, господинъ, госпожа, богатый, убогій, когда, тогда, всегда*, и от нихъ произходящія, на пр. *Богородица, благодать, согласный, господствую, богатство,* и еще

---

[52] *Полуденский П.С.* Заметки о старом Московском университете // Москвитянин. 1853. N 23. Отд. 4. С. 21.

[53] *Карамзин Н.М.* Великий муж русской грамматики // Соч. СПб., 1803. Т. 3. С. 325.

[54] Там же. С. 319.

богатырь, где, его, всего, моего, твоего нашего, вашего, такого, великаго, и все подобные сему последнему" (рукопись, с. 8—9)[55].

Как видно, А.А. Барсов не сердится ни на [γ], ни на [г]. Не стремится ущемить права ни того, ни другого. И употребляет такие некатегорические слова: выговаривается в чтении книг, особливо церковных (значит, в других книгах — не обязательно именно так выговаривать)... другой несравненно более употребителен (значит, и он все-таки не монополист)... весьма немногие слова (значит, позволено в разных словах произносить по-разному)...

О зловредном произношении *мёд, лёд* Барсов говорит так: "Недостаетъ также въ нашей азбукѣ начертанія для того гóлоса, которымъ мы въ общихъ разговорахъ букву *Е* иногда выговариваемъ, а именно на пр. въ словахъ *медъ, ледъ, веревкинъ* и въ бесчисленныхъ другихъ, т.е. какъ тонкое *о*, которой выговоръ хотя нѣсколько низкимъ почитается, однако жъ во многихъ случаяхъ безъ него обойтись не можно: почему оный и изображается иногда, не только на письмѣ, но и въ печати соединенными буквами *і* и *о* или буквами жъ *ь* и *о*, какъ слѣдуетъ: *мі͡одъ, лі͡одъ, верьовкинъ* и проч." (рукопись 10).

Опять — мирно, таровато, без скандала: хотя несколько низким почитается, ан без этого *і͡о* не обойтись!

Путь Барсова был путь к голубой системе. К свободному выбору.

Итоги. 1. Создав теорию трех стилей, М.В. Ломоносов объединил пурпурную систему (ориентирующуюся на церковно-славянский язык, но не совпадающую с ним) и лиловую систему — обычную русскую речь. Каждый из трех стилей был определенным слиянием особенностей той и другой системы.

Но возникло новое разделение: на различные стили, и каждый был стабилен в своих свойствах, и каждый резко противостоял другим. Это отразилось и на произношении. Был высокий стиль произношения, и ему противостоял средний стиль (его же называли и низким).

2. Дальнейший путь развития языка (и его произносительной системы) состоял в том, чтобы один из стилей получил статус немаркированного. Реформа Н.М. Карамзина этот шаг совершила: средний стиль, представлявший главным образом лиловые произносительные приметы), стал использоваться как всеобщий, не прикрепленный к речевым жанрам и ситуациям. Признаки этого стиля получили значение "нулевых": они не говорили о специфической жанровой или ситуационной приуроченности высказывания.

3. Разговорная, бытовая речь оставалась малоприобщенной к литературной кодификации и часто сливалась с просторечием.

---

[55] Автор этой книги работал над рукописью "Российской грамматики" ("пространный вариант"; шифр. єhП) в Рукописном отделе Библиотеки им. Горького при МГУ в 1974 г. В это время сделаны выписки. Позже вышла книга, прекрасно изданная, под ред. Б.А. Успенского (Изд-во Моск. гос. ун-та, 1981).

Глава шестая

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА

Культурные русские люди XVIII в. были двуязычны. "...Так же как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь славянским языком, так и наоборот, — в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по каким научаются славянскому языку. Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать — по-славянски"[1].

В начале XVIII в. это двуязычие сохраняет всю свою силу. В течение XVIII в. оно постепенно преобразуется, порождая единый, но стилистически сложный литературный язык нового времени. Когда можно говорить о двух языках? Где критерий двуязычия?

Если два народа владеют очень похожими ("близкородственными") системами словесного общения, но все же различия затрагивают и грамматику, и фонетику[2], то эти системы, скорее всего, будут оцениваться как два языка. Но такой случай нас сейчас как раз не интересует.

Мы изучаем другой случай: есть две системы словесного общения, и ими владеет один и тот же народ, более того: одна и та же территориальная и социальная группа людей. Когда такие системы надо считать двумя языками (а не стилями, не разновидностями одного языка)?

Самый простой и, может быть, самый убедительный ответ: когда каждой системе надо отдельно учиться. По-другому (но то же): когда знание одной системы нельзя по каким-то правилам превратить в знание другой. Предположим: всякому неторжественному слову с сочетанием *-оро-, -оло-*, когда такое сочетание не разбито морфемной границей (ср. *колом, монголовед, полопаться* и т.д.), соответствует слово торжественное с сочетанием *-ра-, -ла-*. Оба слова торжественны по значению (с учетом возможностей метафорических переносов и т.п.). Тогда достаточно знать одну систему — например, "нетожественную" — и по известным правилам преобразовывать ее в другую

---

[1] *Лудольф Г.В.* Русская грамматика (Оксфорд, 1696) / Переизд., пер., вступит. ст. и примеч. Б.А. Ларина. Л., 1937. С. 114.

[2] Притом эти различия не имеют характера свободного варьирования; напротив, в одной системе позволено *N*, но не *M*, а в другой *N* запрещено и возможно только *M*.

(в "торжественный" стиль). Тогда, даже если много единиц в двух системах не совпадают, учить обе не надо: достаточно знать одну и, кроме того, усвоить правила "перевода" ее единиц в единицы другой системы. В этом случае обе системы будут восприниматься как разновидности одного языка.

Может быть другой случай: законов перевода нет, но сами различные единицы составляют незначительную часть среди других — совпадающих в обеих системах. В этом случае говорящие не согласятся, что у них два разных языка: они будут настаивать, что язык один, но есть нейтральные единицы (их большинство), которые в текстах могут соединяться со словами ненейтральными ("высокими", "сниженными", или "книжными", "разговорными" и т.д.).

Напротив, когда таких несовпадающих единиц много (в текстах — большинство), то тексты воспринимаются как воплощение разных языков; некоторая часть одинаковых единиц оценивается как межъязыковая омонимия.

Если применять этот критерий, то надо говорить о двуязычии русских людей в начале XVIII в. А.П. Сумароков в 50-х годах пытался пародийно воспроизвести церковно-славянскую речь: "Подаждь ми перо, и абие положу знаменіе преславнаго моего имени, его же не всякъ языкъ изрещи можетъ". В.К. Тредиаковский, хорошо владеющий церковно-славянскими языковыми нормами, находит в этой фразе пять ошибок. И так их исправляет: "Даждь ми трость, да абие положу знаменіе преславнаго моего имене, еже не всякъ языкъ изрещи можетъ"[3].

Чувство церковно-славянского языка как целостной стихии было утрачено Сумароковым; он инкрустирует русскую речь церковнославянизмами (для пародии этого достаточно) — Тредиаковский, поправляя Сумарокова, показывает, что эта стихия требует особого знания, она должна изучаться как отдельный язык.

Словарный состав двух языков, церковно-славянского и русского бытового, был различным. Часть лексики в том и другом языке совпадала, т.е. одинаково (или подобно) звучащие слова — межъязыковые омонимы — в то же время имели и общее значение; они были межъязыковыми синонимическими омонимами. Например: [в'йд'эит'] (русское) и [в'йд'эт'и] (церковно-славянское). Звучание, как видим, не совсем тожественно; значение тоже не полностью совпадает (в церковно-славянском языке глагол *видѣти* включал значения: 'проницать умственным оком', 'познавать сущность'; в русском — 'замечать', 'угадывать', 'сообразительно охватывать, смекать'). Тем не менее у этих двух слов столько общего, что можно считать их "одной и той же" лексической единицей.

Многих слов, которые были в русском языке, церковно-славянский язык не знал, употреблять их в славянских текстах можно было как особое стилистическое средство[4], а скорее всего —вообще

[3] Цит. по ст.: *Бонди С.М.* Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Тредиаковский В.К. Стихотворения. Л., 1935. С. 73.

[4] Так, в церковную проповедь обильно включались (у Феофана Прокоповича, например) новозаимствованные слова.

нельзя. Например, в церковно-славянском языке не было слова *стул*. Язык русской трагедии XVIII в. в лексическом своем составе ориентировался на церковно-славянский. А драматургу, автору трагедии, понадобилось именно слово *стул*. Как ему быть? Положение было хотя и не трагическим, но затруднительным. А. Сумароков нашел выход: в трагедии "Хорев" он употребил слово *седалище*. Слово вызвало разные толки и суждения. Вот как их передает сам Сумароков: "— Кію подали стулъ, Богъ знает на что, будто какъ бы онъ въ такомъ былъ состоянiи, что ужъ и стоять не могъ. Отъ чево? я не знаю. Стулъ названъ сѣдалищемъ, будто стуломъ назвать было не льзя, а ежели для тово не названо стулом, что стулъ по нѣмецки, так бы можно было сказать: подай скамью или сказать: подай на чем сѣсть.

— А сѣдалище то, развѣ худо сказано.

— Крайне худо.

— Чемъ же.

— Резона на ето никакова нѣтъ; однакожъ.

— Я бы думалъ, что лутче сказать: подай канапе.

— Да и тобѣ не хуже было. Поетамъ ета вольность дается, что нужды ради и чужое слово положить можно, а сѣдалище слово изъ Славенщизны, даромъ что его и малыя знают робята" (АС 9: 130).

Это называется: муки перевода. В русском языке, в лиловой системе, было слово *стул;* в церковно-славянском его не было (не было также и в пурпурной системе русского языка, которая стремилась к близости с церковно-славянским). Эквивалент найти оказалось трудно. Слово *седалище,* которое Сумароков рассматривает как славянизм, современники приняли в качестве новинки (для них оно стоит рядом со словом *канапе*). А в таком случае оно неудачно (седалище: 1. То, на чем сидят; 2. То, чем сидят). Перевод вызывает нарекания.

Двуязычие было не только уделом письменного общения, но и устного. Церковно-славянский употреблялся и в устной форме — в таких жанрах, как проповедь, торжественное приветствие, сценическое действо, чтение стихотворных произведений (вирш). Изредка он мог использоваться и в непосредственном общении (не при чтении). В.К. Тредиаковский на "словенском языке", по его словам, "не только... писывал, но и разговаривал со всеми". Вероятно, такое использование церковно-славянского языка, в непосредственно разговорной функции, не было обычным; сам Тредиаковский после слов о том, что он говаривал на словенском языке, добавляет: "...Я с глупословием моим словенским особым речеточцем хотел себя показать"[5]. Но устная форма церковно-славянского языка, несомненно, существовала.

Перечислим важнейшие фонетические особенности церковно-славянского языка. Они очень устойчивы и даже в конце XIX в. (в церковной службе, при чтении евангельских текстов) оставались верны тем традициям, которые существовали в XVII — XVIII вв.

1. Слоги отчеканиваются, ударный слог сравнительно слабо отли-

[5] *Тредиаковский В.К.* К читателям книги "Езда в Остров любви" // Тредиаковский В.К. Стихотворения. С. 325.

чается от безударных. Такое произношение не должно переходить в скандирование, когда каждый слог произносится как ударный, отдельно от других: разница между ударностью и безударностью при скандировании полностью исчезает. Напротив, церковно-славянский язык сохраняет произносительное единство слова.

2. Гласные качественно не редуцируются: [покров'ит'эл'ствоват'и], [пр'ич'ас't'ит'ис'а].

3. Под ударением, после мягкого согласного, не произносится гласный ['о]. Его нет в данной позиции. Там, где в русском языке (в описанной позиции) звучит [о], в церковно-славянском — [э]: *при*[н'э]*с, возне*[с'э]*нный.* Это верно и для позиции под ударением после шипящих: *ре*[ч'э́]*т, сокру*[шэ́]*нный, преобра*[жэ́]*нный.*

4. Перед гласным [э] (который изображался буквой *е*) согласные, парные по твердости—мягкости, произносятся как мягкие.

5. На конце слова звонкие шумные согласные не заменяются глухими: [покро́в], [град].

6. В сочетаниях глухих и звонких шумных согласных есть стремление (не всегда, может быть, реализуемое) сохранять раздельную глухость или звонкость: *во*[зс]*корбети, сер*[дц]*е.*

7. "Ассимилятивное смягчение"[6], характерное для русской (бытовой) речи, вероятно, не осознавалось говорящими (как и сейчас не осознается) и поэтому было принято в церковно-славянское произношение.

8. Свистящие и шипящие не уподобляются друг другу: *спа*[сш]*ийся.*

9. Двойные согласные произносятся с двумя раздельными выдержками (между ними — смыкание и новое размыкание органов речи): *беззаконный.*

10. Звук, обозначенный буквой *щ*, произносится либо как [шт], либо как [ш'ч']: [ишту́] или [иш'ч'у́].

11. Звук, обозначенный буквой *г*, произносится либо как заднеязычный звонкий щелевой [γ], либо (под влиянием украинского варианта церковно-славянского языка) как гортанный [h].

12. Грамматические формы (собственно — их флексии) произносятся побуквенно: *злаго, однѣхъ* (с тем произношением ѣ, которое принято в данной орфоэпической системе). Но это уже не фонетика, а морфология.

Первый столбец — церковно-славянское произношение. Второй — пурпурная система русского языка. Третий — лиловая система русского языка. Все признаки церковно-славянского языка обозначены плюсом. Знак плюс в других столбцах указывает на тот же признак. Знак минус — на противоположный. Обратим внимание, что плюсом обозначены и "негативные" признаки, свойственные церковно-славянскому языку. Например, признак "не иметь [о] под ударением после мягких и шипящих согласных" помечен плюсом; поэтому признак ли-

[6] Термин "ассимилятивное смягчение" признаем в данном контексте маложелательным: он связан с диахроническими ассоциациями, а смысл нашего утверждения — целиком в пределах синхронного описания. Адекватная формула "замена твердых согласных мягкими в позиции перед мягкими согласными" в данном случае была бы слишком громоздка. Поэтому употребляем слова "ассимилятивное смягчение", взяв их в кавычки.

ловой системы "иметь [о] в этой позиции" обозначен минусом. Ср.:

Признак	1	2	3	Признак	1	2	3
1	+	—	—	7	+	+	+
2	+	+	—	8	+	—	—
3	+	+	—	9	+	—	—
4	+	+	+	10	+	+	+
5	+	—	—	11	+	+	—
6	+	—	—	12	+	+	—

Признак 10 обозначен как общий всем системам, исходя из того, что [ш'ч'] — сочетание, пригодное для всех.

Видно, что три признака являются общими для пурпурной системы и церковно-славянского языка, в то же время отделяя их от лиловой: 2, 3, 11. Напомним эти признаки на примерах:

	1	2	3
2	[прот'ану́л]	[прот'ану́л]	[прот'эну́л]
3	[пр'ит'э́к]	[пр'ит'э́к]	[пр'ит'о́к]
11	[γ]орды	[γ]орды	[г]орды

Напомним, что эти фонетические черты сочетались с особенностями грамматическими и лексическими — все они вместе позволяют считать пурпурную и лиловую системы, несмотря на различия, одним языком, а церковно-славянский — другим, отличным от них[7].

Итак, два языка. Они реализовались в таких четко отграниченных жанрах (жанровое языковое мышление — характерная черта эпохи):

1. Церковная служба, церковная проповедь. Это — жанры церковно-славянского языка. Сама проповедь претерпевала изменения на протяжении XVIII в., сближаясь с русским языком, с пурпурной системой. Но тексты из Ветхого и Нового завета, включенные в проповедь, неизменно читались строго по-славянски.

2. Торжественная речь, учительное слово, трагедия, ода. Это явления пурпурной системы русского языка.

Фонетически к этому же виду речи относились вообще все стихотворные жанры. Их фонетика была пурпурной. В первой половине XVIII в. всякое стихотворное произведение было рассчитано на небытовую фонетику. И трагедия, и басня. Это явный остаток двуязычного сознания: "в этом месте" допускается один язык, "в другом месте" — другой язык; проза и поэзия — разные места.

[7] Для русской речевой среды две произносительные особенности: согласный [γ] и безударный [о] — достаточная примета церковно-славянского языка. Если в 20-е годы нашего века на самодеятельной сцене появляется персонаж и его речь — с безударным [о] и с [γ] фрикативным (щелевым), то пьеса антирелигиозная. Про попов... Музыкант-чиновник Ю. Арнольд в своих воспоминаниях о начале XIX в. рассказывает про полковника (немец на русской службе), который приветствовал подчиненных восклицанием "Ау-того!": «Полковник... подошел к дверям, закричал вестовому: „Ау-того! Адъютанта Рогозина!" Ау-того (славянским выговором) была привычная поговорка» этого военного чиновника (*Арнольд Ю.* Воспоминания. М., 1892. Вып. 2. С. 27). Междометие *ау* к славянскому выговору отношения явно не имеет. Очевидно, "по-славянски" было произнесено [тоγо́] — с безударным [о] и [γ]. Для славянизма вполне достаточно. В массовом восприятии.

3. Деловые государственные документы, все то, что писалось "приказным языком". Это было смешение церковно-славянского языка с русским, часто хаотическое. Документы эти читались в заседаниях, и звуковое их исполнение было тоже, видимо, малоурегулировано.

Закончим перечень разных реализаций языка в XVIII в., в первой его половине, такой важной его разновидностью:

4. Бытовая разговорная речь. Она реализовала в самой полной степени русский (не церковно-славянский) язык, его лиловую систему.

Лиловая система не была строго замкнутой. Действительно, в русскую бытовую речь можно было включать и любые церковно-славянские слова, не потому только, что одним из свойств этой речи была терпимость к различным включениям, иносистемным лексическим вставкам — из других языков, говоров и т.д., которые, однако, и осознавались как вставки, а не как подлинная единица лиловой (русской бытовой) системы. Слова, например, связанные с церковью, с церковными праздниками, брались из церковно-славянского языка, слова для обозначения иноземного быта, всяких ввозных новшеств — из европейских языков, и в случае нужды любое могло быть легко включено в речь. Петр I не совершил насилия над разговорной русской речью, наводнив ее европеизмами. До него этого не делали в таких поражающих размерах, потому что не было культурной необходимости, а не потому, что лиловая система была чопорнее и неприступнее. Напротив, включать чужое (как чужое) было давнишнее ее свойство.

Итак, речь, реализующая лиловую систему, разомкнута, готова заключить в свои объятья любого гостя, но это не значит, что она гостей смешивает с родственниками, что она их уродняет. Они остаются гостями, могут иметь свои причуды (в том числе фонетические), но, побывав в гостях, должны отправиться восвояси. То есть: включаемые в тексты, они не становятся рядовыми членами текстов (мы имеем в виду, конечно, в первую очередь устные тексты). То есть: в отличие от речи бытовой русский язык (= лиловая система) не был лексически разомкнут; гости менялись, и их было много, но единство "ядра" бытовой речи сохранялось.

Лиловая система... Еще не знающая строгих норм, открытая для вторжения со всех сторон... И ее антипод — пурпурная система. Уж эта была строжайше замкнута. Если слово не было принято в церковно-славянский язык, оно не было желанно и для пурпурной системы. В конце концов, это был филиал церковно-славянского языка. Может быть, флигель, но построенный не впритык к главному зданию, а на отлете. Он не должен был чрезмерно напоминать ту священную речь, которая звучала в церкви: дело веры и светские дела нельзя смешивать, и мирской язык не смел искать равенства со священным.

Но свое высокое достоинство эта система ревностно блюла. Как в дворянское собрание не всякий войдет, так пурпурная система не всякое слово примет. Уж и слово *стул* не для нее. И фонетически

все в ней строго: не скажешь *посвященный* или *восхищённый*... нет, только с ударенным [э́]!

И такая неласковая строгость церковно-славянского языка понятна. Это язык, освоенный сознательным изучением. Он ни для кого не был материнским языком. Ни один человек в раннем детстве его не любил. И ни одна мама никого не ласкала на этом языке.

Но именно потому, что один язык — нормативный, но мертвый, а другой — ненормативный, но живой, нужно было их как-то соединить — и получить язык нормативный и живой. Труднейшая задача!

История русского литературного языка в первой половине XVIII в. — это история формирования из двух систем одной, но стилистически сложно расчлененной. Уже в ранних произведениях М.В. Ломоносова и В.К. Тредиаковского отразился этот процесс: какофоническое смешение двух языков в стихотворениях Тредиаковского и устроение текстов на основе теории "трех штилей" у Ломоносова.

Посмотрим, как жили разные языковые системы — церковно-славянская и две русские — в их конкретных речевых проявлениях. Сопоставим тексты, повествующие о взятии побережья Невы, Выборга, Нарвы в 1704 г. Первый текст — роспись театрализованного праздничного действа, называется: «Свобожденіе Ливоніи и Ингерменляндіи, отечества Росска, древле чрезъ мужественна вождa ісраилтескаго Movceа во Исраили прообразованное, нынѣ же силою вышняго чрезъ храброе воинство россійское во отечествіи своемъ истинно зримое... чрезъ благородныхъ отроковъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ кратцѣ изображенное лѣта отъ рождества Христова 1705 мѣсяца fevруаріа». Приводим сам текст:

«...Приходитъ Благочестіе съ Movceомъ вождемъ предъ Ревность, возвѣщая, яко отъ вышняго присланъ къ ней на помощь; она же, съ радостію пріемши его, посаждаетъ близъ себе. И се приходитъ посолъ отъ Неправеднаго Хищенія, возвѣщая Ревности брань. Она же, вскорѣ обѣщаяся готова быти, вопросила посла, яко иногда Філиппъ, король македонскій, Демадеса, присланнаго къ нему от Аѳінъ: „Каково въ красотѣ отечество росское? таково ли, яко было и прежде?" Поселъ же, яко иногда Демадесъ Аѳіны Філиппу вземъ таблицу, вапами [красками] изобрази и показа Ревности. Она же, пробудившися красотою, рече, яко иногда Філиппъ къ Демадесу, послу: „Дабы паки мое при мнѣ было отечество, желѣзомъ того докажу". Поселъ же, показуя свое мужество, речетъ къ Ревности: „Крѣпко уже нынѣ твое отечество, тѣмъ съ трудомъ его одержати; сего ради даю ти знаменіе: запалю руку мою предъ тобою: аще сгоритъ, знаменіе, яко не оборонитъ его рука моя". И запалитъ, яко иногда Муціушъ Сцеволя, и тако сгорит даже до плеча. Что увидѣвши, Ревность рече къ нему: „Виждь! иди и рцы Неправедному Хищенію: яко же рука твоя сгорѣ, тако и вы сожжены будете, аще не покоритеся, и не отдадите мирно чужаго"[...]

Выходят полки и Ревности росской, и Неправедна Хищенія; и прежде брани по совѣту обоихъ полковъ изъ полка Ревности высы-

лают орла двоеглавна, а изъ полка Хищенія льва прегорда, дабы между собою брань творили. Егда же начнутъ битися, Моусей на небо руцѣ воздѣваетъ: егда держитъ руцѣ горѣ, орелъ льва одолѣваетъ, яко прежде Ісраиль Амаліка; егда же руцѣ спуститъ, левъ орла. И по семъ поддерживаютъ руцѣ Моусеови, и тако орелъ льва одолѣетъ...

И... Ревность на стѣнѣ градской надъ градомъ в нощи[...] вострубитъ, и вси по семъ такожде вдругъ рекутъ всякъ: „Копія Богу и Ревности росской"[...]

Сѣдящую на престолѣ Ревность вѣнчаетъ Сила Вышняго. Ревность же, воставши, прежде за побѣду благодаритъ Вышнему и Силѣ его и по семъ пиръ творитъ. И се приходитъ предъ ню Торжество въ лаврѣ [в лавровом венке] со палмами и отдаетъ ей свобожденные отечества росска, прежде неправедно похищенные, и всегда съ нею обѣщается жити; и, снявши съ себе лавръ, вѣнчаетъ Ревность, а Царствамъ и Россіамъ даетъ палмы въ руцѣ и отходитъ»[8].

Второй текст — газетные сообщения, из "Вѣдомостей" 1704 г.:

«Изъ ри́ги сентабрѧ̀ въ^{s} ѕ̃ [5] день. Августа въ а̃і [11] де́нь, московскіе лю́ди, на́рву присту́помъ взѧ́ли, и въ^{s} колыва́ни не ма́лую опа́сность имѣ́ютъ, чтобъ и то́тъ го́родъ не осади́ли, дне́мъ и но́щію городъ перна́ву крѣпѧтъ[...]

Изъ^{s} сте́колны а́вгуста въ к̃ѳ [29] день. Генера́лъ ма́йделъ, го́родъ и за́мокъ вы́бурхъ со всѧкимъ поспѣшеніемъ крѣпи́ть ста́нетъ, чтобъ моско́вскіе лю́ди зе́млю ихъ не разори́ли, между́ си́ми онъ съ во́йсками свои́ми ти́хо и оборони́тельно поступа́етъ, а когда́ вы́ручка при́детъ, то он ѧ́вственно воева́ти станетъ.

Изъ^{s} ри́ги а́вгуста въ к̃и [28] де́нь. Гра́мотки изъ^{s} колыва́ни возвѣща́ютъ, что́ на́рва а́вгуста в г̃і де́нь взѧ̀та, и всѣ что̀ на вала(х) бы́ло, то̀ пору́блено, та́къ же и о іва́нѣ го́родѣ вскорѣ вѣдомости ожида́е(м). Поне́же наши[9] изъ^{s} на́рвы туды̀ отво́домъ отошлѝ. Моско́вскіе лю́ди генера́ла шлипенба́ха, та́кожде и генера́ла майдела стереги́тъ[...]

Изъ^{s} ри́ги сентабрѧ̀ въ а̃і [11] де́нь. Моско́вскіе во́йска на́рву присту́помъ взѧ́ли, всѣхъ на вала́хъ поруби́ли, а пото́мъ разгра́бѧ мно́гіе телѣ́ги съ добы́чею въ обо́зъ привезли́, комендантъ въ ива́нь го́родъ отше́лъ, и ску́дости ра́ди хлѣ́бныхъ запа́сов по договору́ сдалсѧ̀ и съ семнатцатію офице́ры въ колыва́ни отпуще́нъ. Цр̃ъ моско́вскій во́йско своѐ на трѝ части́ роздѣлѧ̀ посла́лъ, одну́ часть въ выбурку, другу́ю къ^{s} перна́вѣ, тре́тію подъ^{s} хесеметово къ литвѣ...

Вели́кій Г^{c}д̃рь, его Цр̃кое пресвѣтлое вели́чество, по взѧтіи крѣпкихъ городо́въ на́рвы, ивана и де́рпта, а на мо́рѣ и на по́лѣ по сла́вныхъ побѣ́дахъ. нн̃ѣшняго декабря́ въ ѳ̃і [19] день возврати́лсѧ къ^{s} мо́сквѣ (sic! — *М.П.*) съ^{s} вели́кимъ трїумфомъ. и полону́ разли́чны знатныхъ офіцеровъ и артїле́ріи привезено̀ мно́гое число̀.

---

[8] *Тихонравов Н.С.* Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874. Т. 2. С. 352—355.

[9] То есть шведы. В "Вѣдомостях" лицо сохраняется то, которое было в источнике.

А ко пришествїю єго Црскаго пресвѣтлаго велѝчества, оустрóены бы́ли сéдмеры вратà трїумфáлные, разли́чными історїами. сѵ́мболы и є́мблематы оукрашены»[10].

Наконец — письма Петра Первого. Первое — рукой писца, неофициальное. Второе — собственноручное неофициальное[11].

а) [Проект известительного письма о взятии Нарвы]. Я не могъ вашего величества і любви оставить без возвѣщения, что всемилостевейшиі Господь каковымъ счастиемъ сию отаку оканчати благоволилъ і гдѣ претъ четырмя лѣты (оскорбилъ іли наказалъ іли опечалилъ), тутъ нынѣ веселыми побѣдители учинилъ, ібо сию преславъною крѣпость, чрезъ лѣсъницы, шпагою, въ три чети часа получили. Хотя неприятель поткопомъ крѣпько нашихъ подорвалъ, аднакожъ салдатъ тѣмъ устрашити не могъ. Потомъ непъриятель в другую (старою) кърѣпость въбѣжалъ і билъ шамадъ, дабы окортъ іли хотя пордонъ получить; но салдаты наши слышать тово не хотѣли, но тотчасъ і во оною ворвались, потомъ і в замокъ, гдѣ неприятелю доброй тракътаментъ былъ, что і младенцеѳъ мало оставили. Сей штормъ зело дивъно определился, і не чаю, чтобъ 300 ч. при ономъ пропала нашихъ, за чьто выну буди Вышьнему хъвала. О чемъ пространнѣе съ планомъ сея кърѣпости пришълемъ впредь, і сие такъ окончеваю.

Данъ въ новозавоеванномъ городѣ Нарвѣ, августа 13-го дня 1704-го;

б) Петр I — А.В. Кикину:

Her Hrotvader.

інова не могу писать, толко чт[о] Нарву, которою 4 года нарывала, нынѣ, слава Богу, прорвало, о чемъ пространнѣе скажу самъ. Piter.

Изъ Нарвы, 14 д. авъгуста 1704.

Все приведенные тексты — письменные; но и они позволяют сделать выводы, важные для истории произношения. Видно, что одни из них кодифицированы, а другие — нет. Это ясно из орфографии: насколько она едина и выдержанна в первом отрывке, настолько сумбурна в письмах Петра I. Это ясно из лексического отбора: в одних текстах он строго ограничен, в других не стеснен никакими пределами и пестро-мозаичен (конечно, самая эта неприбранность по-своему выразительна, как выразителен всякий живой беспорядок). Очень резки грамматические различия. Фонетические, очевидно, могли быть не менее резки.

Предположительно, различия в фонетике были такие.

О первой группе текстов (церковно-славянский язык) сказано выше.

Сделаем попытку фонетически интерпретировать текст в нормах церковно-славянской фонетики: ПОЩАДИ́ТЪ, NНЇЩА Ѝ ОУБО́ГА Ѝ ДѪШЫ ОУБО́ГИХЪ СПАСЄ́ТЪ... Ѝ ЧЄСТNО Н́'МА Є́Гѡ ПРЄД' NНМН. Ѝ ЖИВЪ БѪ́ДЄТЪ Ѝ ДАСТСА Є'МѪ ѡ ЗЛАТА

[10] "Ведомости" времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. С. 188 и след.

[11] Письма и бумаги Петра Великого. М., 1897. Т. 1. С. 119, 124.

АРАВІЙСКА... ПРЄВОЗНЕСЄ́ТСѦ ПАЧЄ ЛіВАНА ПЛОДЪ Є'Гѡ́ (ѰаЛО́МЪ ДВДѲ ОА[12]). Это фонетически равно: [пощ'ч'ади́т н'иш'ч'а иубо́уа| иду́шы убоу'их спас'э́т|и ч'эстно и́м'а jэуо́ пр'э́дн'и́м'и| ижы́в бу́д'эт идастс'а jэму од̄злата (или *от злата*) арав'и́ска| пр'э-воз'н'ёс'этс'а пач'э л'ивана плод jеуо][13].

В текстах второго типа (торжественная речь, ода, театральное действо) фонетика была близка к церковно-славянской; ее можно рассматривать как вариацию церковно-славянской. Для нее характерны:

а) оканье;

б) другой, чем в церковно-славянских текстах, вариант эканья: нейтрализовались фонемы <а>—<о>—<э>; но, возможно, было и церковно-славянское эканье: с произношением <а> и в виде [а] после мягких согласных в безударных слогах;

в) существование особой фонемы <ѣ>;

г) отсутствие гласного [о] после мягких согласных, но после шипящих [ш—ж—щ—ж̧—ч] он бы́л возможен;

д) существование фонем <γ> и <г>; последняя — в словах, семантика которых не была ассоциативно связана с текстами церковных служб;

е) отсутствие нейтрализации <ч> и <ш> перед <н>, <н'>;

ж) произношение свистящего перед шипящим (вряд ли такое произношение было обязательно).

Опять делаем попытку дать фонетическую интерпретацию текста — в пурпурной системе:

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы мрачна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣт, безднѣ дна[...]
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ в книгу вѣчных правъ,
Которым малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,
Вамъ путь извѣстен всѣх планетъ;
Скажите, что нас так мятетъ?

Ломоносов

Это равно: [л'ицэ́ своjэ́ скрыва́jэ^{и}т д'эн'| пол'а́ покры́ла мра́ч'на ноч'| взошла́ нагóры (или: наγоры) мрач'на т'эн'| луч'и́ отна́с склон'и́л'ис' проч'| откры́лъс' б'э́здна зв'эст полна́| з'в'эздам ч'исла́н'эт, б'э́з'д'н'э^{и} дна| о̄вы́ кото́рых бы́стрыи зрак| пронза́jэ^{и}т фкн'и́гу в'э́ч'-ных праф| кото́рым ма́лый в'э́ш'ч'и знак| jэвл'а́jэ^{и}т jэ^{и}с'т'эстваа́ уста́ф| вампу́т' из'в'э́с'т'э^{и}н фс'эх план'эт| скажы́т'э^{и}| что́нас так м'эт'э́т] (или [м'ат'э́т]).

В текстах третьей группы (деловые документы, но не переписка

[12] Псалом Давида 71.

[13] Предполагаем возможным произнесе́ние [тс'] на стыке с частицей (*дас*[тс']*я*; ср. *от себя, вот сей;* навык произносить такое сочетание был). Мягкость согласных перед [э] считаем полной.

между помещиком и управляющим, а такие, которые могут претендовать на общественное значение) господствуют:

в) аканье;

б) эканье (такое же, как во второй группе);

в) факультативность <ѣ>;

остальные черты, вероятно, такие же, как в текстах второго типа.

Фонема <ѣ> (или, в синтагматике, признак "дифтонгичности") в самом начале XVIII в. еще была признаком текстов этой группы, но очень скоро была утрачена — во втором-третьем десятилетии XVIII в. она уже не обязательна (например, Б.И. Куракин в дипломатических посланиях и вовсе обходится без буквы ѣ — знак того, что и особого звука не было, который надо бы передавать этой буквой).

Эта "деловая" фонетика — явление промежуточное, переходное. Скорее всего, они могли фонетически интерпретироваться и в высоком ключе, и в бытовом. Но эта вторая интерпретация преобладала. Вот попытка транскрибировать текст:

Фе́лдъ марша́ла господи́на шєрємє́тєва (кото́рой дєкабр҃а въ к҃є [25] де́нь съ тритцатью҆ ты́сѧчми чл҃къ и҃ съ дватцєть҆ ѵ҃етыр҃ми пѫ́шками ѡтъ пѫлто́вскагѡ пошє́лъ) сюды҆ жды́тъ по пришє́ствіи же є҆гѡ ѻги́нскій в҃ъ ко́вно҆ по́йдєтъ... Пи́шѫт, что҆ ѵ҃а́гличаны, и҃ гала́нцы съ шк҃ва́дрою (с҃ нѣ́сколкими кораблѧ́ми) мєжды҆ гибралтаро҃ и мала́гою крѣсова́лн... И҆з҃ гибралтара вы́лоскѫ оу҆чини́ли, и' нєпрі҃ѧтєлскіє лини҆и во стѣ шєстьдє́сѧтъ фѫтахъ (стєпє́нѧхъ) ѿ палисадсовъ разори́ли[14].

Это равно: [ф'эл'тмаршáла уъспад'йна шы'р'эм'эт'э"ва| катóръи д'э"кабр'á в [25] д'эн' стр'ицы"т'jý ты́с'э"ч'м'и ч'э"лав'э́к| издвъцы"т'jý ч'этыр'м'и́ пу́шкъм'и| атпултóфскъва пашóл (или: пашэ́л)| с'уды ждýт| пъпр'ишэ́с'т'вйиже" jэвó агúнскъи фкóвну пóэд'э"т ||.

п'и́шут| штоáгл'ич'э"ны игалáнцы сщквáдръjу (или: ш҃квадръjу)| с'н'э́скъл'к'им'и кърабл'áм'и м'эждý г'ибралтáръм ималáгъjу крусавáл'и ||

изгибралтáра вы́лъску уч'ин'и́л'и ин'э"пр'ијáт'э"л'ск'ии л'и́н'ии вóс'т'э" шы"з'д'эс'áт фý́тъх с'т'эп'э́н'ъх| атпъл'сáдъф| ръзар'и́л'и].

По орфографии видно, что норма предполагается акающая. Сама орфография, несмотря на отдельные промахи, не хаотична: есть установка на ее кодифицированность.

Наконец, тексты четвертой группы: бытовая речь, лиловая система. Здесь господствуют:

а)
б) } то же, что в предшествующей группе;
в)

г) [о] в позиции t'ȯt;

д) фонемы <ѵ> и <г>;

е) нейтрализация <ч> и <ш> перед <н>, <н'>;

ж) позиционная мена шипящих на свистящие перед свистящими.

Пример приведен там, где дается фонетический портрет Петра Великого.

---

[14] "Ведомости" времени Петра Великого. С. 225—226.

Указаны отличительные признаки всех четырех языковых разновидностей (свойственных образованным слоям населения)[15]. Предстоит дать последовательное, по возможности полное, их описание.

Но всех ли? Фонетика речи церковной службы должна изучаться особо — в работах, посвященных истории русской литургической речи.

Третья группа текстов — "приказной" язык и его разновидности (в частности, язык официальных сообщений и газеты) — явление переходное. Можно сомневаться, что были выработаны общеобязательные, стандартные нормы фонетической реализации этих текстов. Одни их читали, вероятно, совсем в церковно-славянском духе, другие — в разговорном. Второе чтение было более типичным и распространенным (вспомним "вылоску" — она явно ориентирует не на аканье), но вряд ли обязательным — а ведь в первой и второй группе текстов оканье и другие черты того же типа ("высокие", надбытовые) были строго обязательны. Поэтому тексты третьей группы далее не будут подробно обследоваться, — они будут иногда привлекаться для характеристики бытовой фонетики, когда есть уверенность, что изучаемые черты третьей и четвертой групп текстов совпадают. Полное описание мы постараемся дать для фонетики текстов второй группы (торжественная речь, ода, театральное действо) — эту произносительную систему назовем, как говорилось, пурпурной — и для фонетики текстов четвертой, разговорной, бытовой группы (эту систему будем звать, за неимением лучшего названия, лиловой).

Первая и четвертая принадлежали, несомненно, двум разным языкам: церковно-славянскому и русскому. Где проходила граница между этими языками? Может быть после первой группы: она представляет церковно-славянский язык, а все остальные — русский? Или первая и вторая группы относятся к церковно-славянскому языку? Третья группа — промежуточная; тогда можно сказать, что граница, отделяющая церковно-славянский язык от русского, проходит перед четвертой группой.

Фонетически первая и вторая группы близки (и вместе противостоят четвертой). И лексически они близки (вспомним мучения А.П. Сумарокова со словом *стул*). Но грамматически первая группа текстов отчетливо отделена от остальных. Архаические глагольные формы неупотребительны в трагедиях и одах.

Значит, есть основания и для одного, и для другого решения; пожалуй, они равноправны. Но надо принять во внимание и голос истории: тексты второй группы постепенно сближались с текстами чет-

---

[15] Строго говоря, на звание "литературного", т.е. кодифицированного, нормированного, языка мог претендовать только язык "словенский", а не бытовой. «Для писателей начала XVIII в., как и вообще для культурных деятелей этой эпохи, церковно-славянский язык целиком сохранял ореол языка „правильного", „грамматического", и это необходимо постоянно иметь в виду при изучении судеб литературной речи в Петровскую эпоху и даже в более позднее время» (*Винокур Г.О.* Русский литературный язык в первой половине XVIII в. // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 116).

вертой; четвертая группа от второй усваивала кодифицированность, любовь к строгой норме. Исторически выявлялось родство этих групп. Поэтому границу между двумя языками проводим так: первая группа текстов — церковно-славянский язык, вторая и четвертая — русский. Только начало XVIII в. можно считать временем, когда двуязычие было живо. Но уже началось его умирание. "...Основным событием в жизни русского литературного языка в начале XVIII в. было начавшееся разрушение прежней системы письменного двуязычия — зарождение единого национального литературного языка..."[16].

Преодоление двуязычия шло и в речевой практике, и в теории. Были две возможности: либо смешивать элементы двух языков безразлично, пренебрегая их прежними функциональными различиями, считая возможным любое соседство этих разных по происхождению единиц. Такой путь в своей поэтической практике намечал В.К. Тредиаковский. Этот путь предполагает резкий разрыв с традицией, преодоление тех репутаций у слов, оборотов, морфологических форм, синтаксических конструкций, фонетических особенностей, которые исторически сложились. Этот революционный путь преодоления двуязычия оказался невозможным. Опыты Тредиаковского-поэта не получили признания.

Другой путь наметил, обобщая речевую практику, М.В. Ломоносов. Он предлагал в новом, строящемся языке употреблять только те слова и обороты, которые оставались общепонятными, т.е. отбросить устаревшее. Требование понятное. Далее: в разных языковых жанрах сочетать по-разному те единицы, которые имели разное (церковно-славянское и разговорно-русское) происхождение. Намечены были, следовательно, законы, ограничивающие сочетаемость единиц (контраст к совершенно свободной сочетаемости единиц в поэтической практике В.К. Тредиаковского). Три рода единиц: во-первых, из церковно-славянского; во-вторых, из русского разговорного языка; в-третьих, из того и другого языка сразу, т.е. тождественные в них (омонимические синонимы). Основой нового русского языка, естественно, должны быть эти последние единицы, объединяющие два языка; поскольку они встречаются и там, и там, они лишены оценочных оттенков, свойственных каждому из этих языковых образований в отдельности. Это — слова-объединители. Они приветствуются в любом тексте, они всюду уместны. Они — немаркированный член стилистического противопоставления, создаваемого в языке.

Какие же возможны конструкции из этих единиц трех типов? По Ломоносову, их может быть три: сочетаются церковно-славянизмы и "нейтралы" (высокий стиль); сочетаются русские бытовые слова и "нейтралы" (низкий стиль); нейтралы сочетаются с умеренно вводимыми словами двух других типов (средний стиль)[17].

Сплавы получились хорошие. Более того: получился и общеязы-

---

[16] Там же. С. 114.

[17] *Ломоносов М.В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке [1758] (МЛ 7: 589).

ковой сплав, потому что вместо двух разобщенных языковых систем образовались стили одного языка, сродненные нейтральными, всепронизывающими единицами. Так создаются высокий, низкий и средний стиль, и вместе они — русский литературный язык.

Можно ли было по тому же принципу синтезировать фонетику двух языков, чтобы получился звуковой прочный сплав? Попробуем перевести лексические рекомендации М.В. Ломоносова в фонетический план.

Вспомним те три главных отличия, о которых мы говорили. Они дихотомичны: произносится либо [н'эс], либо [н'ос]; либо [γ]*орды,* либо [г]*орды;* либо [вода́], либо [вада́]. Нейтральных единиц для этих противопоставлений нет. Есть пурпурные, есть лиловые признаки — и те, и другие окрашенные; нет бесцветных, нейтральных[18].

Вспомним, что, по Ломоносову, каждый стиль формируется сочетанием слов определенной окраски с неокрашенными словами; что важны пропорции этих смешений. Если в тексте много славянизмов, то они, на фоне нейтральных слов, создают высокий стиль; если мало их — синтезирован средний стиль. Совсем иная ситуация в фонетике. Между [н'эс] и [н'ос] нет промежуточной ступени. (Ср. в лексике: *конь — лошадь — лошадка; Сей муж премудр — Он умен — А ведь этот — ох, и догадливый!*)

Обратим внимание и на то, что фонетические признаки не есть особый, отдельный предмет выбора. Они выбираются вместе со словами. Нельзя, например, почувствовав, что не достигнута нужная стилистическая высота, добавить горсть высоких фонетизмов.

С другой стороны, ломоносовская теория допускает совмещение в одном тексте русских и славянских слов. Переведем это разрешение в область фонетики: значит, в одном тексте могут сочетаться [н'ос] и [н'эс], [вода́] и [вада́]... Очевидно, в кодифицированном, нормированном тексте это невозможно. Такой текст представлял бы собой хаос. Ни о каких законах позиционного чередования звуков и речи быть не могло бы.

Поэтому вместо трех стилей, свойственных лексическому строению текстов, в фонетике оказались возможными только два стиля: высокий и сниженный. Каждый — со своими нормами.

Итак, языковая ситуация полна драматизма: существуют два русских языка.Один имеет давнюю культурную традицию, строго кодифицирован, но — полумертв, почти латынь; сама кодификация его во многом условна и искусственна. Это церковно-славянский язык. Другой язык — живой, им говорят те же, кто в других (официальных, торжественных) условиях пользуется церковно-славянским. Он гибок, богат, выразителен, но некодифицирован, не имеет культурной традиции. Ни один из этих двух не может стать языком

[18] М.В. Ломоносов признавал дихотомичность русского произношения. Он писал: "Pronunciatio Ruthena duplex conser debet, simplex et oratoria [Русское произношение должно рассматриваться двояко — простое и ораторское]: 1. ишчезаетъ, 2. исчезаетъ" (*Ломоносов М.В.* Материалы к Российской грамматике.-МЛ 7: 23).

новой культуры и нового быта, которые формировались в эпоху Петра. Эта культура была светской, она охватывала не только официальность, но и быт. Церковно-славянский был здесь бессилен из-за своей внебытовой природы, чопорности, окостенелости. А бытовой язык не более подходил к роли языка культуры, чем любой диалект.

Благополучный исход этой коллизии был намечен в самой речевой практике. Чутко уловив эти речевые тенденции, М.В. Ломоносов прояснил и закрепил их в своей теории трех стилей. Двуязычие он предлагал превратить в многостилие одного языка. Язык его собственных произведений — свидетельство плодотворности теории; он, по словам Пушкина, "заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного словенского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным"[19].

Но оказалось, что законы слияния различны для лексико-грамматического яруса и для фонетического. Это создавало напряжения, а они — источник дальнейшего движения. Отсутствие в произношении средств для среднего стиля открывало путь к важному преобразованию системы языка: какая-то из двух противоположностей, пурпурная или лиловая, должна была стать немаркированной, в функциальном отношении лишенной спецификации[20].

Вначале, в первой половине XVIII в., такими готовились стать высокие приметы: они были обязательны для всех стихотворных жанров (включая басню, шутливые послания и т.д.). Б.В. Томашевский писал: "Понятие стиля в применении к стиху имеет несколько иную природу, чем в применении к прозе. В стихе произношение высокого стиля не имеет задачей противопоставление высокого низкому, а окрашивает собой манеру декламации стиха в целом"[21].

Позднее, в связи с карамзинской реформой, перевес в качестве немаркированных стали брать лиловые приметы: они становились "повсюдно" употребительны.

В XVII—XVIII вв. высокий, церковно-славянский, языковой строй испытал значительное влияние украинского языка. Это влияние было частью общекультурного воздействия. Современник засвидетельствовал: "Преставися государь царь великий Ѳедор Алексіевичь з великимъ жалемъ общенароднымъ; сей бо въ милости великой имѣлъ Малороссию и напѣви малороссийские по церквамъ повелѣлъ

---

[19] *Пушкин А.С.* О предисловии г. Лемонте к переводу басен И.А. Крылова // Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1951. Т. 7. С. 29.

[20] От читателя не должно укрыться такое различие: слова, общие для церковнославянского и русского языков, М.В. Ломоносов рассматривал как немаркированные. Они не окрашены ни в высокие, ни в сниженные тона. Они уместны в любой речи. Но сами стили, которые создаются путем синтеза разных лексических пластов, высокий, средний и сниженный, строго прикреплены (каждый!) к определенной функции: один — для од и героических поэм, другой — для иных жанров и т.д. Все они были маркированы. Трагедии нельзя было писать средним стилем.

[21] *Томашевский Б.В.* К истории русской рифмы // Томашевский Б.В. Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 97—98.

имѣть и одежду малороссийскую великороссиянамъ повелѣлъ — казалъ носить"[22].

Крупнейшие деятели культуры и просвещения в Москве были украинцы[23]. Естественно, в их книжной речи сохранились украинизмы. Под влиянием образованных украинцев, их письменных произведений, украинизмы широко проникали и в речь образованных русских. Житецкий писал: "Особенно любопытна малорусская окраска речи в сочинениях великороссиян. Так, например, в записках кн. Бориса Ивановича Куракина рядом со словами: *вдругореть* (*вдругорядь*), *ево, больново, салдаты, учитца* (неопред. накл.), стоят следующие слова: *аж, же* (в смысле *что*), *зосталися, сподѣвался, подводы для артилеріи и других рѣчей*"[24]. Были и фонетические украинизмы, широко распространившиеся в русской речи. Самое заметное: буква ѣ читалась как [и]. Рифма виршей показывает это — и не только у Симеона Полоцкого, родом с Украины, но и у Сильвестра Медведева, россиянина.

В самом начале XVIII в. это влияние еще не исчезло, но быстро шло на убыль[25]. Свидетельство приведем такое. В "действах" петровского времени консонанс в стихе стал обычен. Примеры: *премноги — услуги* 1, *прилѣжно — неложно* 5, *отсюда — отрада* 6, *служат — сложат* 7, *слово — главо* 10, *Леоноры — мѣры* 12, 40, 44, *Оресте — бесѣдоваств* 13, *сидѣти — знати* 13, *найдеши — поболиши* 14, *лгати — искоренити*[26], *Пилладе — виде* 15, *руки — оки* 19, *знати — одарити* 21, *лести — кости* 27, *зефиры — Леоноры* 27, *неприведенный — данный* 29, *вижду — надежду* 32, 40, *кто ты — сановитый* 33, *будет — увидит* 39, *готовый — главы* 45, *вида — страда* 46, *окованный — разрешенный* 48[27]. Эгофутуристам, Игорю Северянину и Вадиму Шершеневичу, далеко до такого богатства консонансов!

---

[22] Сб. летописей, относящихся к истории южной и западной Руси. Киев, 1888. С. 32 (цит. по: *Житецкий П.И.* К истории литературной русской речи в XVIII в. // Изв. ОРЯС АН. СПб., 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 3).

[23] См. более позднее свидетельство: "знатнѣйшія наши духовныя были ко стыду нашему только одни Малороссіянцы, почти до временъ владѣющія нами САМОДЕРЖИЦЫ: отъ чево всѣ Духовныя, слѣпо слѣдуя ихъ неправильному и провинціальному (!) наречію вмѣсто во вѣки и проч. говорили во вики и такъ даляе..." (*Сумароков А.П.* О правописании. — АС 10: 24).

[24] *Житецкий П.И.* Указ. соч. С. 24.

[25] И у Антиоха Кантемира в ранних произведениях встречаются рифмы: *рѣки — великий, безмѣрный — всемирный, звѣльны — изобильны, невѣрно — смирно, болѣзни — жизни* (3 раза), *мирѣ — вѣрѣ, или — стрѣлы* (!), *совѣты — погрѣшити* (!), *дѣла — свѣтила, сила — дѣла, скрытый — пѣти* (!); все — в одном стихотворении! (*Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 255—259 — везде дальше указаны страницы этого издания). Но в произведениях зрелого периода они исчезают.

[26] Публикатор изменил на *искорени*ти, и напрасно: ведь автор этого действа не избегает консонансов.

[27] О Сарпиде, дуксе Ассирискомъ, см.: *Шляпников И.А.* Старинные действа и комедии Петровского времени. Пг., 1921. С. 1—55. "Действо", из которого выписаны рифмы, несомненно, переделка с украинского. Это показывает лексика: *буду его... шукать* 18 и др.

Ой сѣвши да не сѣвши [ѣвши?] зажурился:
тоскуючи воркуючи чють не схалився [не схілився?]
ни винушка, ни пивушка ни пивучи,

Рифмы типа: *сѣмя — имя* 8, *человѣче — дѣвичья* 9, *сидѣти — отличити* 19, *терпѣти — искоренити* 15, *спасибо — хлѣба* 19, *сѣти — вмѣстити* 22, *нынѣ — премѣне* 22, *быти — сѣти* 50 и мн. др. — по украинской традиции, которая была известна русским в XVII в., читались с [и] на месте ѣ и были полными, точными рифмами. Но в XVIII в. традиция была уже утрачена; рифмы читались на русский образец (*семя — имя*) и оказались консонансами; перекликались ударные [э]—[и]. Обилие таких рифм в виршах воспитывало художественный вкус; консонансы стали обычны в виршах. И не только с перекличкой [э]—[и] — всякие: для русского читателя перекличка [э]—[и] была не хуже и не лучше переклички, например, [о]—[и] и т.п.

Коротко говоря: под влиянием особенностей украинского произношения, проникших в церковно-славянский язык, русские стали рассматривать [и] как факультативный реализатор фонемы <ѣ> (вместо обычного [иэ]). Вместе с уменьшением украинского влияния рифменные соответствия <и — ѣ> были поняты как разрешение рифмовать любые ударные гласные.

Это влияние быстро сникало, но все-таки отзвуки его были слышны еще долго; ср. в явно русскоязычных стишках поручика Васильева (70-е годы XVIII в.):

Какое непостоянство вперится мнѣ?
Чему и дивиться, когда смыслы не одни? 79

Который день я оскорбленія не имѣю,
Тотъ день въ счастіе вмѣняю. 85

Нечему дивиться,
Когда слезы изъ глазъ льются, —
Знать тревожитъ бѣда.
Минется ли она когда? 116

Но это уже дальние отголоски прошедшей поры. Поручик Васильев был немного капитан Лебядкин, и стихи его для 70-х годов — уже не типичны[28].

Для нас эти факты важны как показатель влияния в XVIII в., в начале его, украинской произносительной системы на русскую.

Надо было создать нормативный язык для русского культурного общества.

Но само понятие нормы оказалось в эту эпоху переосмысленным. Для грамматистов XVII в. норма языку дана извне, из другого языка. Есть священные языки, для славянской традиции — это древнегреческий и латынь. Все другие языки хороши, если они похожи на язык-эталон, и в той степени хороши, в какой они сходны с эталоном. Поэтому средневековый грамматист смел в своих

на сем свѣте [свѣту?] без привѣту
вѣк живучи;
ох тошненко мнѣ серденко, как то быти:
нѣту брата дал бы злата от работы [наробити?]

Это — песня; она не изменена передельщиком и показывает (по контрасту), насколько далеко в других случаях русская редакция отходит от текста подлинника.

[28] См.: Дневник поручика Васильева / С предисловием Е. Щепкиной. СПб., 1896.

выдумках: создает несуществующие грамматические формы, звукам приписывает несуществующие признаки — лишь бы прославить свой язык, объявив миру, что он близок к языкам-образцам. И тогда можно, например, все звуки церковно-славянского языка разделить на долгие и краткие (в древнегреческом и латинском языке такое деление было) и даже показать на примере — совершенно фантастическом, — как эти долгие и краткие использовать для построения стиха — совсем, как у латинцев! Есть абстрактное представление о совершенстве, и это совершенство приписывается конкретному языку, хотя язык совсем не хочет такого совершенства...

Новая эпоха прославляет Употребление. Вдохновенной хвалой Употреблению украсил свою книгу "Разговор об ортографии" (1748) В.К. Тредиаковский. Радостно, восторженно, ликуя, он превозносит Употребление... В этом восторге есть чувство освобождения от оков. Язык освобождается от уродующих его колодок; человек освобождается для любви к родному языку, такому, какой он есть, во всем его своеобразии...

Нормы надо найти в самом языке. Они должны быть определены не извне, а изнутри[29]. И вот уже первые победы: В.К. Тредиаковский устанавливает позиционный характер замены гласного *о* на гласный *а* в безударных слогах! И гордо заявляет: "И поистине, сие коль ни коротенькое правило, однако всему языку равное!" Описав законы позиционных мен звонких и глухих согласных на конце слова и перед другим согласным, Тредиаковский пишет: "Два сии, толь небольшие правила объемлют весь наш чистый нынешний выговор..." И наконец — смелое заявление: "Всему нашему чистому выговору без всякия трудности можно правила положить".

Появляются первые исследователи русского языка, которые стремятся открыть, с пристальным вниманием и любовью, законы его употребления, его жизни.

И в эту эпоху существовали аллегровые формы произношения, но письмо скудно и несовершенно отразило эти факты. Приведем два примера.

Графиня Е.М. Румянцева пишет в письме мужу, фельдмаршалу П.А. Румянцеву-Задунайскому: "Нехорошо, однако ковы есть"[30]. Возможно, это написание отражает компрессивное произношение: три слога подряд *къкъка*... — слились в один со сверхдолгой выдержкой: *одна*[*кк*]*овы есть*... Может быть, так.

Приведем довольно большой текст, чтобы читатель почувствовал домашнюю непринужденность речи. Князь С.А. Меньшиков пишет в 1781 г.:

"Государь мой Николай Васильичь

На полученной мною севоднешней почте опись получил оставшимъ

---

[29] М.В. Ломоносов писал: "Погрѣшают многіе, дѣлая грамматику, понуждают на другіе языки. Graecizantes [подражающие всему греческому]" (*Ломоносов М.В.* Материалы к Российской грамматике. — МЛ 7: 416).

[30] Письма графини Е.М. Румянцевой к ее мужу фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому (1762—1779). СПб., 1888.

пожиткам между протчим не евляется креста с мощами, книжки портъфелья съ золотым въ нем прибором и разными записками, въ кою она и денги кладывала, но как вы меня уведомляли что были тут безъ отлучны то не видали ли не покорыстовался ли хто ни будь, такожъ и перешника золотова, золотых прутковъ для везанья филе и золотых иголокъ, там — турнава костенова иголника, крашуар фарфоровой клестиръ алавянной, и уведомте меня не входил ли хто посторонней или не было льотдано кому сестрицей а въ описи совсемъ глухо написано. спросите об оных вещах у всехъ техъ людей каки ейо окружали, я очень любопытен знать хто могъ быть: етим вещам похититель, нетерпеливо желаю об оном знать и не приметили ль чтоб хто могъ подъ сумнение ваше попасть прошу съ обстоятелством о етом меня уведомить въ протчем остаюсь вашъ

Покорный слуга кн. С. Меншиковъ

Разсматривая опись еще не нахожу молошника маленкова серебренова который всегда у кухмистра бывал Книжки и креста велите поискать въ пуховикахъ и за обоями не завалились ли какъ нибудь"[31].

Не сомневаемся, что *каки ейо* — это аллегровое сокращение из *какие ее;* такое произношение возможно и в наши дни; существовало оно, видимо, и в XVIII в. (В современной речи, скорее всего, с затяжкой на йоте: [как'ӣ̯о].) Весь характер текста, затрапезно-домашний, поощряет такие фонетические небрежности.

Отдельные случаи таких компрессивно-аллегровых (термин А.А. Реформатского) произношений могли быть, но разговорный язык с его особой фонетикой, несомненно, отсутствовал. Мы решили в качестве критерия использовать показания синтаксиса: если разговорный синтаксис (в том значении, которое разъяснено в гл. 2) отражается в текстах, то можно ожидать, что существовало и параллельное образование — разговорная фонетика. Но даже самые вольные синтаксические построения (например, в некоторых письмах А.В. Суворова) в XVIII в. весьма далеки от разговорного языка, как он описан в гл. 2[32].

Считаем, что разговорная фонетика (опять подчеркнем: в том особом смысле, который задан главой 2) в XVIII—XIX вв. отсутствовала.

В первой половине XVIII в. главными событиями для русской фонетики были такие:

а) слияние двух языковых систем в одну — с многочисленными последствиями;

б) исчезновение фонемы ѣ.

Эти события имели определенную связь. В текстах высокого

---

[31] Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1900. Ч. 6. С. 395—396. Возможно, читателю не понравился сам автор этого письма, его психологически непривлекательный тип. Но это не дезавуирует его как полномочного представителя русской речевой среды. Пусть работает на фонетику.

[32] Церковно-славянский язык, конечно, остался, но как язык богослужения, а не общекультурное средство общения.

звучания, у всезнающих книжников ѣ жила дольше, чем у "простецов", обретающихся только в пределах лиловой системы.

Просторечие часто принимает начерно решения, которые потом набело переписывает кодифицированная речь. В высоком стиле <ѣ> еще сохранилась в середине XVIII в., но и здесь ее годы были сочтены. Многовековой процесс завершился. Для закона Бодуэна де Куртенэ это была одна из наиболее значительных побед.

СОСТАВ ФОНЕМ

Самая загадочная фигура в русской фонетике XVIII в. — это фонема <ѣ>. Прежде всего: была ли такая особая фонема в XVIII в.? Или различия между написаниями с буквой ѣ и *е* — орфографическая условность?

Далее: если существовала особая фонема <ѣ>, то как она произносилась? И вопрос этот — многоступенчатый: в разных позициях произношение, возможно, было неодинаковым. Надо выяснить, как проявляла себя эта фонема в разных фонетических положениях. Звуки, представляющие эту фонему, позиционно чередовались (разумеется, так, поскольку они принадлежали одной фонеме), надо выявить весь этот ряд чередований. Это — вопросы парадигматики.

Есть и проблемы синтагматики: в какие сочетания вступала эта фонема? Какими различительными признаками была противопоставлена другим фонемам, выступающим в тех же позициях?

Вопросы многообразны и требуют разных путей разрешения. Начнем с главного: существовала ли отдельная, особая фонема <ѣ>? Или была одна фонема <э>, которая в разных словах обозначалась то буквой ѣ, то буквой *е*?

Несомненно, для многих людей первой половины XVIII в., принадлежащих культурному обществу, именно так и было. Во многих рукописях этого времени буква ѣ вообще не употреблялась. Без нее обходились такие образованные люди, как Б.И. Куракин, Н.Б. Долгорукая и т.д. А у других хаотически смешивались ѣ и *е*. Им не нужно было различение ѣ и *е*, а не нужно оно им было потому, что в самом их языке не было двух разных фонем — <ѣ> и <э>.

Но был и другой тип произношения, когда не путали ѣ и *е* и когда за этим буквенным различием скрывалась какая-то произносительная разница... Попытаемся доказать, что такой тип произношения на самом деле существовал. Ведь до сих пор этот вопрос остается спорным.

Обратимся к письмам Петра I. Выбор обусловлен несколькими причинами. Петр I — москвич, и его предки — москвичи. Москвичи и все другие родственники... Речь его отражает, хотя бы в основных чертах, московские произносительные нормы. С орфографией Петр I не дружил и в своих письмах с большой откровенностью признался в свойственных ему произносительных привычках. Его письма — истинный подарок для фонетиста.

Существенно и то, что есть прекрасное многотомное издание — "Письма и бумаги Петра Великого"; первый том вышел в 1897 г.,

издание продолжается и в наши дни. Текст писем передан с абсолютной точностью. Воспроизводятся все особенности его рукописей, вплоть до описок (при этом сообщается, что налицо описка, и дается, в виде сноски, правильное написание). Передавать описки — пожалуй, это уж чересчур? Нет, это гарантия того, что издатели честно выполняют обещание: передавать текст буква в букву. Это — указание на уровень точности воспроизведения. Указаны все выносные буквы, а для фонетиста это важно: после выносных букв не ставился ни ъ, ни ь. Обычно в публикациях не выделяют выносные буквы, забирают их в строку, не показывая, что они — выносные, а ь ставят по своему усмотрению, по нормам современного языка, но это искажает свидетельства о произношении. Итак, есть надежный источник, по которому можно строить догадки о произношении Петра I.

Наконец, очень важно и такое обстоятельство: исследователи уже обнаружили приверженность Петра I к ѣ; так, К.В. Горшкова показала в своих работах, что для этого высокого информанта ѣ и *е* фонетически были не одно и то же[33]. Можно надеяться, что попытки найти у него новые данные о разнице между ѣ и *е* не будут безрезультатны.

Если есть два типа произношения (одно — с различением ѣ – *е*, другое — с неразличением их), то они, несомненно, взаимодействуют друг с другом. Хотелось бы выяснить, было ли такое взаимодействие и как оно проявлялось. Со всеми этими вопросами мы и обратились к Петру I.

Из 12-го тома упомянутого издания использованы письма с 1.I по 31.VIII.1712 г. На этот отрезок времени выбор пал случайно. Выписаны все слова с буквой ѣ и все слова, где использована буква *е*. Они распределены на такие группы в зависимости от того, в каких позициях находится гласный:

1) гласный под ударением, перед твердым согласным, передающийся буквой ѣ;

2) гласный под ударением, перед мягким согласным, передающийся буквой ѣ;

3) гласный под ударением, перед твердым или мягким согласным, передающийся буквой *е*;

4) гласные в первом предударном слоге, передающиеся буквами ѣ и *е*.

Нужны следующие предварительные замечания.

Не учитывались и не выписывались:

а) имена собственные. Буквенный облик имени собственного часто является иероглифом, т.е. воспроизводится как целостное очертание, без выбора каждой буквы;

б) слова новозаимствованные. Их звуковой облик случаен, неустойчив, запечатлевает непривычные слуховые впечатления в случайном и нередко причудливо искаженном облике;

[33] *Горшкова К.В.* Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII в. // Вестн. МГУ. 1947. N 10.

в) служебные слова. Они высокочастотны в тексте, и их воспроизведение — повторение "намозолившего глаз" общепринятого буквенного облика. О реальном произношении этот облик нередко ничего не говорит.

Далее приводится список слов, найденных в письмах Петра I; воспроизводятся только различия в буквах ѣ — *е*, все остальные орфографические особенности унифицированы (подлинную орфографию Петра I см. в его фонетическом портрете). Везде даны номера документов, откуда произведена выписка[34].

Если в одном документе встречается несколько грамматических форм одного и того же слова (и позиционные условия для ѣ или *е* не меняются), то приводится только одна форма и указывается общее число употреблений всех форм данного слова в документе. Это не касается местоимений: образование их форм капризно, требует единичного учета, и поэтому каждая их форма, предложная и беспредложная, приводится отдельно.

Написания, где ѣ или *е* под ударением переданы неверно (не в соответствии с этимологическим образцом), отмечены звездочкой. Воспроизводятся факты только из документов, написанных Петром I собственноручно[35].

Перечислим слова, где гласный, обозначенный буквой ѣ, стоит под ударением: слева — перед твердым согласным, справа — перед мягким.

5003. вѣдомость, отрѣзали, всѣ, плѣн, себѣ — здѣсь

5015. дѣла (им. ед.) — имѣем

5017. отвѣтствую, к веснѣ, до тѣх, мѣст, тѣм

5020. ко мнѣ — по отъѣзде

5024. гдѣ, человѣка (5 раз), нѣт, дѣла (род. ед.) (2), вѣдать (2), быть вѣдомым, сдѣлать (3), бѣглых, на лѣвой, рукѣ, тѣх, тѣм, двѣ, хлѣбом, со всѣм, за тѣм, сѣна, имѣло, со всѣм, к войнѣ, нѣсколько, лѣтом, здѣшнему, всѣ, неперемѣнных, сего лѣта, дѣл, тѣ, нѣкоторое, колѣну, всѣ, нигдѣ, по всѣм, престарѣлым, по примѣру, пересмотрѣть, из тѣх, за тѣм, тѣм, дѣло, тѣ, вѣдание, мѣсто, всѣм, отъѣзду, вмѣсто, без вѣдома — мѣсте, мѣсецов (2), поспѣли, сѣчки, извѣстия, здѣсь, имѣют, послѣднее, имѣет, невѣдением, увѣчных

5033. примѣр, лѣт, веснѣ, хлѣб, обѣщанных[36]

[34] Письма и бумаги Петра Великого. М., 1975. Т. 12. Вып. 1—2. Используются только тексты, написанные собственноручно Петром I (а не рукой писца).

[35] Там же. М., 1897—1975. Т. 1—12.

[36] У Петра I буква *щ* передает долгий твердый согласный.

5034. лѣта (род. ед.)	дѣйству, надѣется
5035. вѣдать, о здѣшнем, крѣпкой, о нѣкоторых, отъѣхал, отвѣтствую, дѣла	имѣю, по отъѣзде, жалѣю, без дѣйства, вѣдения
5039.	здѣсь
5042. отвѣтствую, довлѣло, дѣл	ѣсть (принимать еду), бездѣлица, здѣсь
5045. отвѣтствовать, отъѣзду	лѣтним, дѣйством, поспѣть, здѣсь, имѣем
5046. сдѣлать (2), к веснѣ	смотрѣть, поспѣли, имѣемъ
5047.	смотрѣть
5049. гдѣ	дѣлись
5055. при всѣх, наодинѣ, переѣхал, провѣдывать, дѣлает	отъѣзде, надѣяться
5067. вмѣсто	имѣют
5070.	извѣстней
5082. всѣм*, прилѣжно, гдѣ, всѣ	мѣсте
5092. тебѣ, накрѣпко (?), отвѣтствовать, травѣ, гдѣ	у обѣих, поспѣть
5101. поспѣл, числѣ	
5113. уѣду	труднѣе, поспѣть
5119. вѣру, вѣрный	намѣрились, надѣемся
5123. дѣло, мѣста (им. ед.), крѣпости, послѣдовать, нѣсколько	вмѣсте, имѣют, мѣсте (2), овладѣния
5125. вѣрный	повѣрить
5149. вѣдомость, послѣдовать, совѣту, нѣт, разрѣзать (сов. вид), дѣло	здѣсь, дѣйства
5157. слѣдовать, себѣ	намѣрен, дѣйствовать, наслѣдственных[37]
5192. отвѣтствую, неизвѣстны, нѣт, дѣла (род. ед.), дѣлаете, вѣдаем	намѣрены, дѣтем (твор. ед.)
5196. нѣкоторых, тѣ, по травѣ	надѣемся
5207. гдѣ, перемѣну, дѣл	врѣмя*
5222. вѣдомость, нѣт	мѣсть*
5228. приѣхал, от вѣтра, вѣдал, с хлѣбом, ѣхали	встрѣлись, здѣсь, при отъѣзде
5229. хлѣба, отъѣхали	встрѣтились, здѣсь, успѣете
5231. о себѣ, приѣхал (2), тѣм, поѣхал	поспѣть
5233. приѣхал, вѣх (род. мн.)	вѣчером*, вѣтер
5234. всѣм, крѣпости (6), сдѣлать (5), двѣ, нѣсколько (2), утомѣл (=утомился)*, нигдѣ, дѣл (род. мн.), в сентябрѣ, со всѣм, слѣдовать, всѣм, напримѣр, беспомѣстным (=не имеющим поместья)	главнѣйшими, полѣзнее*, имѣете (2), с обѣими, врѣмя, мѣсяца (3), послѣдних (2), встрѣчу, велѣть, отдалѣют (=отдаляться)

[37] То есть: наслѣ[ц'т'в']енных.

5238. нѣкоторым дѣйствие, вѣчно
5240. мѣсто, дѣлать
5243. извѣстны апрѣля
5245. приѣхал, до тѣх, мѣст
5252. вѣдомость (2), поѣду извѣстия, уверѣния*, мѣсеца,
5263. радѣете
5264. вѣдать
5268. вѣру намѣрение
5271. рѣками, ѣхать о смотрѣнии, осмотрѣть, велѣть
5277. вмѣсте
5278. увѣдать совѣтник
5287. вездѣ, во всѣх рѣки (им. мн.)
5288. дѣла (род. ед.), дѣлать, нѣсколько, человѣк, имѣл, поѣхал обѣим, имѣть
5293. всѣм, нѣт
5296. отвѣту в апрѣле, мѣсяце
5309. во всѣх
5310. вѣдомы, тѣх, крѣпости, всѣм, мѣры имѣют, для вѣдения
5317. вѣдомость, увѣдаешь, наспѣх (?), тѣм
5334. ѣхать, в письмѣ, поѣду, отвѣтствовать намѣрен, прямѣе
5347. письмѣ, сдѣлали, нѣкоторые, тѣм, всѣ о дѣле, вѣрь (повелит.), надѣйся
5347. извѣстны, хлѣб, дѣла (род. ед.), человѣка, велѣл, ѣхать, дѣло повѣрить
5348. сдѣлать в дѣле, имѣем
5352. приѣхали, извѣстная, ѣхать, хотѣла, прилѣжно* поѣдем (2), повѣрить
5374. сдѣлать, тѣм, отрѣзать (сов. вид), велѣл, мѣсто, дѣлай, вѣдали, мѣсту ѣздил, смотрѣть, намѣрения
5375. отвѣт, дѣл, здѣшних, отдѣлаются в дѣле, здѣсь, труднѣе
5376. приѣхали, вѣдомость здѣсь, имѣем
5379. мѣшкать, здѣлают, дѣлается, гдѣ имѣем, послѣдний
5381. всѣм, гдѣ, нигдѣ, с тѣм, тебѣ, ко всѣм, всѣ (мн.)
5382. приѣдет
5383. бѣдство, нѣсколько, проѣзд дѣйства
5392. рукѣ, поѣду, мѣшкать умѣю
5394. дѣло, письмѣ, вѣдать, ѣшь, нѣт
5397. послѣдующих, крѣпок, гдѣ, крѣпость (5), лѣта, дѣлать (4), всѣм, извѣстно, всѣ, здѣшние, увѣдает, имѣем (7), мѣсецов, с тѣми, без сомнѣния, дѣйства (3), надѣемся (2), хотѣли, недѣлю,

на письмѣ, нѣкоторые, дѣл, человѣк	повѣрить
5399. всѣ, дѣлать, мнѣ, нѣт, дѣлаю, вѣрный	по приѣзде, дѣйство, в мѣсте, надѣюсь, повѣрите, мнѣнию, по послѣдней, мѣре, в дѣле, намѣрениях
5400. всѣ, дѣлаю	по приѣзде, здѣсь, имѣю, в дѣйстве, мѣсяца
5401. дѣла (род. ед.), содѣржано*	
5408. изобрѣл	
5415. ѣхать, себѣ, тѣх	
5416. пѣшие	
5418. приѣздом	мнѣние
5422. вѣдает, здѣшняя, отмѣну, гнѣву, отвѣтствовать	имѣет (2), намѣрение, дѣйства
5425. приѣхал, тебѣ, лѣт, мнѣ (2)	надѣюсь, поспѣть
5426. тѣм (2), нѣт	владѣние
5429. дѣлать (3), вмѣсто, тѣх, послѣдовании	дѣйств (род. мн.)
5434. совсѣм	
5435. отвѣтствую, тѣм, отвѣтствую, тѣм, отвѣт, совѣт	намѣрены, хотѣли
5436. тѣм	
5466. мѣшкаете, бѣлой, письмѣ	недѣле

Из 500 словоупотреблений — 9 ошибочных; перед твердым согласным — *прилѣжно* (2 раза), *содѣржанно;* перед мягким согласным: *время* (2 раза), *мѣсть, вѣчером, полѣзнее, увѣрения.* Правильность использования ѣ перед твердыми согласными под ударением не вызывает сомнения. Три ошибки должны оцениваться как описки или случайные обмолвки (запечатленные письменно). Но и шесть ошибок в позиции перед мягкими согласными — это немного, если норма употребления буквы ѣ и поколеблена, то не сильно.

Как употребляется буква *е* для передачи ударного гласного? Из тех же текстов выписано около 330 слов; в них — 44 неправильных написаний (примерно поровну в двух позициях — перед твердым и перед мягким согласным). Следовательно, буква *е* довольно часто употребляется неверно; она склонна к экспансии — захватывает места, принадлежащие букве ѣ[38].

В первом безударном слоге смешение ѣ — *е* свидетельствует о большой расшатанности норм употребления этих букв. Полного хаоса нет, видимо, только под влиянием ударных форм.

---

[38] Перечисляем ошибочные написания: *нескольких* 5003, 5392; *не мешкав* 5020, 5024, 5055, 5229, *приезд* 5024, *смотреть, чем, старее* 5024, *нечто, к весне, имеем* 5036, *поехал, поедут* 5060, *цену* 5070, *смотреть* 5082, *по овладении* 5123, *здесь* 5231, *незамешкаючи* 5233, *довлеет* 5234, *призрение* 5288, *иметь* 5310, 5397, *где, замешкаться* 5334, *здешней* 5359, 5397, 5436, *недель* 5379, *в суете* 5394, *человек, сильнее* 5397, *сесть, на весне, имеючи, крепости, злее, тем, например, некоторая, обещанную* 5397, *земле* 5399, *веселее* 5425.

Получены буквенные данные; надо истолковать их фонетически. Итак, буква ѣ пишется строго этимологически в слоге под ударением — особенно последовательно — перед твердым согласным; буква же *е* в этих положениях нередко пишется вместо ѣ. Как это объяснить?

Фонетическое неразличение ѣ и *е* непременно должно проявиться в том, что письмо безразлично употребляло бы одну букву вместо другой. Или одна из них вообще бы не использовалась. Поэтому буква ѣ в письмах Петра I, которая всегда стоит на своем месте, говорит: различение есть. А буква *е,* которая нередко употребляется вместо ѣ, то и дело выбегая на территорию буквы ѣ, свидетельствует: нет различения. Как примирить эти противоречия двух свидетелей!

Почему буква ѣ почти безошибочно употребляется Петром I в определенной позиции? Предположения могут быть такие: потому что автор писем зрительно хорошо запомнил облик наиболее употребительных слов и руководствовался зрительной памятью[39]; или потому что он слышал вокруг себя особое произношение слов с ѣ, хотя сам произносительно не различал ѣ и *е,* но слуховые впечатления запомнил и писал по их подсказке; или потому что он сам произносил различно то, что скрывается под буквами ѣ и *е*. Другие предположения сделать трудно.

Первое предположение крайне неубедительно, так как те же морфемы, которые Петр I обычно правильно передает в ударных слогах, он часто неверно пишет в безударных.

Вообще степень свободы его от орфографических норм настолько велика (см. фонетический портрет Петра I в этой главе), доверие к живой речи настолько безоглядно, что нельзя допустить его порабощение глазной орфографией.

Тогда, может быть, верно второе предположение: сам он в своей речи не воспроизводил разницу между ѣ и *е,* но слышал тех, кто различал ѣ и *е,* — и писал под их влиянием. Могло ли так быть? Маловероятно. Систематическое воспроизведение в письме какой-либо произносительной нормы, которой сам пишущий не владеет, почти невозможно и встречается только у заядлых педантов-книжников (а Петр I им не был).

Остается предположить, что автор писем сам произносил поразному то, что обозначено буквами ѣ и *е*. Он различал ѣ и *е*. Но в каких условиях произносил и писал? Вокруг было уже много людей, которые ѣ и *е* читали, произносили одинаково (так же, как и мы сейчас произносим). Было много документов, где буква ѣ вообще не употреблялась. Дипломат Петра I Б.И. Куракин не писал ѣ, у него была взамен буква *е*; вполне возможно, что и его реляции царю шли без этой буквы. Люди начала XVIII в. привыкли, что

[39] Лексика в письмах Петра I не очень разнообразна. Немногие слова повторяются постоянно. Запомнить их правописание действительно нетрудно. Едва ли не самые частые слова — глаголы *ѣхать, ѣздить* и однокоренные с ними. Вспоминаются слова Ключевского: "Он все время куда-нибудь ехал".

одни пишут *лѣсъ*, а другие *лесъ*. Эквивалентность букв ѣ и *е* была очевидна.

Более того. Второе преположение, которое мы отвергли, заслуживает все же внимания. Человек произносит *лѣсъ* — гласный у него не *е* — и слышит другого человека, который в этом слове произносит именно *е*. Невольно возникает представление об эквивалентности этих двух произношений — и оба начинают соседствовать в речи, одно рядом с другим. Их замена всегда идет в одном направлении: произношение *лѣс* заменяется на *лес*, потому что есть произношение *лес*, его можно услышать. Но невозможна замена, например, *верх* на *вѣрх*: произношение *вѣрх* просто не существовало, и примером оно быть не могло[40]. (Мы все время говорим о различии или совпадении ѣ и *е* — букв и соответствующих им звуковых качеств, не раскрывая, в чем же их различие. Об этом речь будет особая.) Поэтому *е* оказывается агрессивным: оно вытесняет ѣ и письменно, и в звуковой речи. Это показал исход процесса в том же XVIII в.: гласный ѣ "влился" в *е*.

Письма Петра I привели нас к следующим выводам. Существовал определенный тип речи, в котором различались фонетические сущности, обозначаемые буквой ѣ и буквой *е*. Этот тип постепенно уступал место другому, где разницы между ѣ и *е* не было; произносительные образования, передаваемые буквой *е*, заменили собой те, для которых была особая буква ѣ.

Не случайно приходится использовать такие громоздкие обозначения: фонетические сущности, произносительные образования... Мы ведь не определили, в чем акустико-артикуляционная суть этих различий. Может быть, эти буквы скрывают разные звуки, а может быть, различие сложнее, не в звуках дело...

Настал черед выяснить, что́ собой представляли эти сущности. Надо считаться с двумя точками зрения, высказанными в научной литературе:

1. Буква ѣ обозначала фонему, которая была представлена (по крайней мере в сильной позиции) дифтонгом [иэ] или [и͡э]. Буква *е* обозначала фонему, которая была представлена монофтонгом [э]. Произносили [л'иэс] (*лѣс*), но [л'эф] (*лев*). Этой точки зрения придерживались многие достойные лингвисты.

2. Буква ѣ показывала гласный [э] и мягкость согласного перед ним. Буква *е* показывала тот же гласный и твердость согласного перед ним. Произносили: [л'эс], но [лэф] (*лев*). Эту точку зрения

---

[40] Слово *верх* в "безъятевом" произношении не имело дублета с ѣ: в этом типе речи ѣ вообще не произносился. В типе речи "с ятем" были слова с ѣ и слова с *е*. *Верх* — из последней группы. Поэтому и в "ятевом" произношении у этого слова не мог появиться дубликат с ятем. Оно было бездубликатное. Напротив, слово *лѣс* имело дубликат. При произношении "с ятем" оно входило в группу слов, имеющих ѣ. При "безъятевом" произношении, конечно, выступало с *е*, без ятя. Поэтому в слове *лѣс* могло победить произношение с *е*, в слове *верх* не могло победить произношение с ѣ: движение всегда шло в сторону *е*.

защищали другие достойные ученые, и в их числе — Л.Л. Васильев, гениальный проницатель в самые глубокие тайны языка.

Не буду интриговать читателя и сразу скажу, что дальнейший текст — защита первой точки зрения.

Этот вопрос освещал в своих трудах В.В. Виноградов, замечательно соединяя глубокий социологический анализ с лингвистической проницательностью: «Ударяемое ѣ в говоре высшего слоя литературно-образованных людей Московского государства звучало как дифтонг i̯e (или je) до конца XVII века.

Наряду с таким выговором ѣ в языке верхних слоев московской интеллигенции, сохранившим архаические черты, очень по-разному ѣ совпадало с *е* в произношении низших классов Москвы, более ярко окрашенном особенностями южновеликорусского вокализма. Отсюда такое произношение проникало и в литературный язык в собственном смысле.

С XVIII века язык „образованного общества" в фонетическом строе своем направился стремительно по пути сближения с речью низших классов (процесс демократизации языка не связан ли с эпохой Петра Великого?) и под ее влиянием развил произношение ѣ как *е*.

Звук *е* в литературном языке XIV—XVII вв. звучал под ударением во всех положениях открыто»[41], т.е. не был дифтонгом.

Познакомимся с доводами в пользу той и другой точки зрения. Разберем сначала логическую сторону дела. В какой степени логически безупречно предположение, что разница между ѣ и *е* заключалась в поведении предшествующего согласного?

I. Предполагается, что произносительная разница между словами *пень* (существительное) и *пѣнь* (повелительная форма глагола) состоит в том, что первое слово — с твердым [п], а второе — с мягким [п'].

Л.Л. Васильев пишет, что на такую мысль наталкивает простой, но весомый факт: в тех письменных памятниках, где последовательно (в соответствии с этимологией) различаются ѣ и *е*, после *ц* всегда пишется *е*. Не *цѣлый, безцѣнный, цѣпь*, что было бы этимологически верно, но *целый, безценный, цепь*. Л.Л. Васильев пришел к выводу, что ѣ — *е* употребляются так же, как *и* — *ы*: перед одним гласным (перед ѣ) — мягкие согласные, перед другим (перед *е*) — твердые.

Примем это предположение и сделаем из него выводы. Причем такие выводы, которые в работах Л.Л. Васильева были невозможны, так как они принадлежали дофонологической эпохе в русском языкознании, что не мешало им быть большим вкладом в науку.

---

[41] *Виноградов В.В.* Исследования в области фонетики северно-русского наречия: Очерки из истории звука ѣ в северно-русском наречии // Изв. ОРЯС. АН. Пб., 1919. Т. 26. Кн. 2. Вып. 1. С. 280—281. В этой же работе с возможной полнотой приведены свидетельства наблюдателей XVII в.: Юрия Крижанича, Адама Олеария, Мейерберга. Автор исследования считает, что все эти показания — в пользу истолкования ѣ как знака для дифтонга [и̯э].

Поверим, что сочетания, *тѣ*, *дѣ*, *сѣ*, *зѣ* и т.д. включали мягкий согласный: [т'э], [д'э], [с'э], [з'э], а сочетания *те, де, се, зе* и т.д. — твердый: [тэ],[дэ], [сэ], [зэ]. При этом вполне допустимо (более того: очень вероятно), что гласные были не совсем одинаковыми: после мягких они артикулировались несколько более напряженно и более закрыто[42]. Эту разницу можно отметить и в транскрипции: [т'э̂], [д'э̂], [с'э̂], [з'э̂], но: [тэ], [дэ], [сэ], [зэ]. Однако такое различие у гласных вызвано соседними согласными, имеет позиционно-вынужденный характер, и поэтому фонетически оно снимается: [э̂] и [э] — одна и та же функциональная единица, одна фонема.

Если обсуждаемое предположение верно, то надо говорить, что перед <э> различались твердые и мягкие согласные. Не гласные были разные — ѣ и *е*, — а согласные. И предположение об особой фонеме ѣ при такой трактовке отпадает само собой. Другими словами: абсурдно говорить о двух разных гласных, если все их различие в том, что перед ними были разные согласные.

Приняв такую трактовку, мы могли бы констатировать существование и двух других гласных: *а* и *я*. Они различались тем, что перед одной были твердые парные согласные, а перед другой — мягкие. Следовательно, *я* — особая фонема (в положении после согласных). Рассуждение такое же, как о ѣ. Но вывод неудовлетворителен. Значит, сам путь к нему неверен.

Все современники, в том числе фонетически изощренные, вели в XVIII в. речь о том, что написания *тѣ* и *те* указывают на различие в гласных, а не в согласных. Но ведь эти современники, в XVIII в., были фонетически наивны, что с них спрашивать! Пусть так; не будем с них спрашивать. Останемся при объективном положении дел: перед <э> были синтагматически законны и твердые, и мягкие; это отражено в наличии сочетаний *тѣ — те, дѣ — де* и т.д. (Мы здесь стали на точку зрения той теории, которую не принимаем, чтобы сделать все выводы, вытекающие из нее.) Выводы такие: фонемы <ѣ> не было. А если она была, то обсуждаемая теория неверна.

Обратим внимание и на ту параллель, которая была важна для Л.Л. Васильева: отношения между ѣ — *е* он приравнивал к отношениям между *и* — *ы*. Но ведь и гласные *и* — *ы* тоже составляют одну фонему, и определяющим в различии сочетаний *ти* — *ты* и т.д. является несовпадение согласных. Значит, по образцу *и* — *ы* мы и гласные ѣ — *е* должны считать одной фонемой. Одной и той же гласной единицей.

Итак, исходное положение приводит нас к неожиданному выводу, что ѣ и *е* — одна гласная. Из утверждения "эти две гласные отличаются тем-то и тем-то" (см. выше) следует вывод: они ничем не отличаются.

---

[42] Л.Л. Васильев учитывал не полную тождественность гласных после твердых и после мягких согласных: "Я оставляю возможность для более тонкой фонетической разницы между звуками, изображенными при помощи этих букв", т.е. ѣ и *е* (*Васильев Л.Л.* Несколько данных для определения звукового качества буквы ѣ сравнительно с буквой *е* в памятниках XVII века... // Изв. ОРЯС АН. СПб., 1910. Т. 15. Кн. 3. С. 195).

II. Только на основе фонологической теории может возникнуть вопрос: что чем обусловлено в сочетании звуков? Твердый согласный вызывает последующий *ы* или *ы* "отвердительно" действует на согласный? Определенный согласный — причина выбора гласного (из двух вариантов) или гласный — заказчик согласного?

Если в дело не вмешивается морфонология, то вопрос решается просто — элементарным сопоставлением:

стол, стола, столу...	*столы*
бал, бала, балу...	*балы*
козел, козла, козлу...	*козлы,*
но:	
король, короля, королю...	*короли*
ноль, ноля, нолю...	*ноли*
куль, куля,кулю...	*кули...*

В первой группе примеров в исходе основы — твердый согласный. Это проведено по всей парадигме, по всем формам, и не зависит от следующего гласного. Согласный твердый — поэтому после него избран гласный *ы*. Во второй группе слов в исходе основы — мягкий согласный. И это тоже проведено по всей парадигме, независимо от того, какое следует окончание и с какого звука оно начинается. Избрано окончание *-и*: *короли...*

Твердый согласный вызывает после себя один гласный, мягкий согласный вызывает после себя другой гласный.

Будь в случае с ѣ — *е* то же самое, мы бы получили: *королѣй, нолѣй, кулѣй* (после мягких согласных), но *ежей, шалашей, ушей...* (после твердых согласных). Однако окончания *-ѣй* нигде не находим. Очевидно, мягкий согласный основы легко уживался с окончанием *-ей,* т.е. *-е-* вовсе не было специализировано на положении после твердых согласных.

А может быть, это влияние аналогии? Тон задали те формы, где *-ей* было законно? То есть формы *ежей, ушей* вызвали формы *королей, нолей*? Но *гусей, голубей, ветвей, лебедей, площадей, лошадей* и т.д. во много раз больше, чем *ежей, чижей, шалашей.* Поэтому направление аналогии ожидалось бы от *гусей* в сторону *ежей.* Если верить обсуждаемой теории.

Отсутствие массовых написаний *гусѣй* и под. необъяснимо, если принять в качестве истинной теории защищаемую Л.Л. Васильевым. Умно, талантливо защищаемую, но все же неубедительную.

Заметим, что речь идет не только об этой именно форме (*королей — ежей*), но обо всех стыках морфем, где существует такая же ситуация: предполагаемая по теории форма не реализуется ввиду ее противоречия законам фонетики: *-е* не имеет "отверждающего" влияния[43].

[43] Если бы мы предположили, что в форме *коней* у [н'] появилась твердость, то это означало бы, что [э] отвердительно влияет на предшествующие согласные. Но такого влияния не видано ни в одном русском говоре. (Вообще никакие русские гласные не заставляют согласные менять мягкость на твердость)

III. Произносили: *пѣнь* (повелит. от *пѣнить*, с мягким [п']) и *пень* (существительное, с твердым [п]). Потом и там, и здесь стали произносить мягкий согласный перед гласным. Во всех словах, где перед [э] был твердый согласный, он стал мягким. Какую букву стали бы писать, передавая новое произношение? (Снова напоминаем: мы исходим из утверждений обсуждаемой теории, это не мы утверждаем, что [пэн'] превратилось в [п'эн'], это она, теория, утверждает; здесь она только проверяется на прочность.)

Чтобы облегчить ответ на заданный вопрос, разберем предполагаемый случай. Допустим, что в какой-то период перед *а* стали бы возможны только мягкие согласные. Вместо *там* стали бы говорить *тям*, вместо *сад* — *сяд* и т.д. Какую бы избрали букву для новопринятых звуковых сочетаний? Очевидно, *я* — как у нас здесь и сделано. Так было бы и в реальной истории: в русском языке XVIII в. Если бы вместо [пэн'] стали говорить [п'эн'], а для этого случая в письме уже была заготовлена буква ѣ ("мягкий согласный+э"), то и стали бы писать букву ѣ. Но этого не было. Отказываясь от различения ѣ и *е*, все избирали *е*.

Очевидно, переход от различения ѣ и *е* к неразличению их заключался не в превращении твердых согласных перед [э] в мягкие, а в чем-то другом.

Б.А. Успенский, описывая произношение старообрядцев, говорит: «Характерно, что о тех, кто не соблюдает различия между *е* и ѣ в произношении — читая церковно-славянские слова на манер современного русского чтения, т.е. со смягчением согласной как перед той, так и перед другой гласной (как это, например, принято у старообрядцев-поповцев и в патриаршей православной церкви), — старообрядцы, придерживающиеся рассматриваемой системы, говорят, что „они на ять читают"»[44].

Но ведь если бы при слиянии ѣ и *е* все дело состояло в том, что перед *е* согласные смягчились, то и про русский литературный язык конца XVII — середины XVIII в. можно было бы сказать: стали говорить на ять. И, несомненно, так бы стали писать. То есть: *пѣчь, мѣч, чѣсть, лѣбедь, тѣчь, сѣльский* и т.д. Таких фактов нет. Снова приходим к выводу, что исходное предположение неверно.

IV. Более или менее общепризнано, что в начале XVIII в. в безударных слогах ѣ и *е* уже не различались. "В исследованных Л.Л. Васильевым московских памятниках в безударном положении ѣ переходит в *е*. И, если принять его выводы в отношении палатализации предшествующего согласного, надо признать, что качество гласного (его палатальность) зависит от того, под ударением или без ударения находится следующий за ним гласный. Но палатальность согласного, вообще говоря, не должна бы зависеть от ударенности следующего гласного; как известно, и в случае редукции гласных, которую естественно ожидать при отсутствии ударения, сохраняется

[44] *Успенский Б.А.* Архаическая система церковно-славянского произношения. М., 1968. С. 54.

различие между гласными, смягчающими предшествующий согласный, и гласными, не производящими такого смягчения"[45]. Очень глубокое, остроумное и убедительное соображение.

Что же можно сказать в пользу разбираемого положения? То, что оно является реальностью для ряда славянских языков и говоров. Например, в украинском языке в определенную эпоху ѣ был "смягчающим" гласным, а *е* — "несмягчающим". Но переносить эти отношения на русский литературный язык нельзя. (Потом мы еще вернемся к этому вопросу.)

Ясно, чем гласный *ять* не был. А чем был? Какое фонетическое различие скрывалось за буквами ѣ и *е*?

В русском литературном языке XVIII в. был дифтонг [иэ], он обозначался буквой ѣ. Будем называть его фонемой <ѣ>. В русском языке той же поры был монофтонг [э], он обозначался буквой *е*. (Иногда в начале XVIII в. использовалась буква *э;* о ней см. дальше.)

В "Букваре" Федора Поликарпова (1701) читаем: "Вмѣсто *е* не глаголи IE, яко *егда* не *Iегда, евангеліе* не *Iевангеліе,* ниже ѣ вместо *е,* яко *веду* не *вѣду, овесъ* не *овѣсъ*". Приведя этот текст, Б.А. Успенский спрашивает: "Не есть ли это свидетельство дифтонгиального произношения ѣ как [іэ]?"[46]. Если это так, то перед нами одна из попыток спасти ѣ от погибели. Потом в это благородное дело включатся В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, А.А. Барсов — самые замечательные филологи XVIII в.

Очень важны для нас свидетельства В.Е. Адодурова. Однако прежде чем слушать его показания, нам важно установить его способность делать фонетические наблюдения и соотносить фонетику с письмом. Различал ли Адодуров две функции русских букв *я и ю*? Было ли у него четкое представление о двух функциях этих букв: *яма, твоя,* но *тяжко, сидят; юг, твою,* но *тюк, нюхать*? Было ли у Адодурова четкое представление, что когда буквы *я, ю* пишутся после буквы согласного, то они обозначают мягкость согласного (*тя*=[т'а]); во всех остальных случаях, когда они не следуют за буквой согласного, — их значение иное: они показывают сочетание йота (или [и] неслогового) с гласным: *я*=[иа]. Если этих двух функций он не различает, то было бы напрасно искать у него объяснений, какие звуки скрывает буква ѣ.

В.Е. Адодуров прекрасно понимает это различие. Вот что он пишет о буквах *е* и *э* (отношение между ними такое же, как между *я* и *а, ю* и *у*): "Между гласными находим мы... *е* и *э*. Первое из сих, то есть *е,* употребляется в природных русских рѣченіях как в началѣ такъ къ срединѣ и въ концѣ. Когда оно полагается в началѣ или также въ серединѣ и въ концѣ слова, но послѣ какого нибудь гласново или двоегласново тогда получаетъ силу пис(ь)мени двоегласного и выговаривается такъ будто бы изъ *і* и *е* сложено было какъ на примѣръ въ словахъ *единъ, ученіе, уединеніе,* а когда сіе

[45] Там же. С. 34.
[46] Там же. С. 57.

е полагается въ срединѣ или въ концѣ слова но послѣ какой нибудь согласной літеры тогда выговаривается чисто и совершенно такъ какъ простое гласное то есть безъ примѣса къ оному літеры *і* какъ на прим.: въ словѣ *дерево*; *э* употребляется тол(ь)ко в чужестранныхъ реченіяхъ а выговаривается во всѣхъ случаяхъ такъ какъ наше *е* послѣ пис(ь)мени согласнаго положенное какъ напр.: въ словахъ *Этімологія, Эвропа, Экліптіка* и прочая"[47], т.е. не дифтонгически. Читая эти строки, вспоминаешь слова поэта XX в.: прекрасная ясность. Теперь Адодурову есть вера. Посмотрим, что он пишет о букве ѣ. Он ее ставит в один ряд с буквами *я* и *ю*. Общее у них то, что они — двоегласные. При этом:

я=і+а,
ѣ=і+е,
ю=і+у (95).

А далее про ѣ написано совершенно вразумительно и точно: "Употребленіе літеры ѣ дѣлает не токмо чужестраннымъ, и нашему языку учиться еще начинающимъ но и самим природнымъ русским людямъ немалое затрудненіе, часто пишутъ сію літ: тутъ гдѣ ея писать вес(ь)ма не надлежитъ, часто все то заравно принимают хотя бы гдѣ ѣ или *е* было написано, и от сего ложнаго мнѣнія многіе оную почитаютъ или за ровную літерѣ *е* или и вес(ь)ма за излишную. Сіе погрѣшеніе происходитъ отчасти от того, что она съ літ: *е* въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходное имѣеть произношеніе а отчасти отъ незнанія силы и различія сих літеръ, но мы еще въ самомъ началѣ... уже изъяснили въ чемъ оная разность состоитъ и какое между ими находится сходство а именно: показали мы что ѣ есть пис[ь]мя двоегласное для того что оно два разные гласа вмѣстѣ соединяетъ а літ: *е* гласная которая изъявляетъ простой тол[ь]ко человеческий гласъ также объявили мы и то, что ѣ с літ: *е* токмо въ такихъ случаяхъ имѣетъ сходное произношеніе когда *е* находится въ началѣ слова или послѣ какого нибудь пис(ь)мяни гласного и что оно тогда силу двоегласного получаетъ такъ будто бы и оно изъ *і* и *е* состояло от сего разсужденія можемъ мы то уже довол(ь)но видѣть что літ: ѣ и *е* межъ собою вес(ь)ма разнствуютъ, и что никоторой изъ нихъ во всехъ случаяхъ вмѣсто другой употреблять и слѣдовател(ь)но за излишную почитать неможно" (107).

Что сказано? Во-первых, фонему <ѣ>, оказывается, многие отличают от *е*. Во-вторых, Адодуров устанавливает, что ѣ и *е* иногда имеют одинаковое произношение. И поясняет, в каких случаях: в начале слова и после гласного, в таких случаях *е* обозначает [и̯+э], но и ѣ всегда обозначает [и̯э]!

А как они произносятся в случаях, когда не совпадают по звучанию, т.е. после согласных? Об этом (в-третьих) тоже ска-

[47] "Грамматика" В.Е. Адодурова цит. по кн.: *Успенский Б.А.* Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975. С. 105 (везде дальше указываются страницы этого издания).

зано ясно: "ѣ есть пис[ь]мя двоегласное для того что оно два разные гласа вмѣстѣ соединяетъ а лiт[ера] *е* гласная которая изъявляетъ простой тол[ь]ко человѣческий гласъ" (107). Если бы мы не установили заранее, что В.Е. Адодуров прекрасно различает фонетические факты типа [э] от фонетических фактов типа [иэ], то у нас могли бы возникнуть сомнения: нельзя ли истолковать эти тексты как искаженное отражение "смягчения" согласных перед ѣ? (Правда, ясность описания впечатляет и противоречит такому предположению.) Но наш предварительный анализ предохраняет нас от неверного понимания адодуровских наблюдений.

Но Адодуров, опытный педагог, знает, что повторение — мать учения (это верно и для ученика, и для учителя), и поэтому пишет снова: "...Лучшего способа нѣт чтобъ узнать гдѣ ѣ или *е* въ срединѣ слова писать надобно, какъ только что надлежитъ прилѣжно примѣчать какъ которое слово выговаривается, такъ ежели мы примѣчаемъ, что въ произношеніи два гласныя *і* и *е* вмѣстѣ соединяются то надобно тогда писать двоегласное ѣ а когда слышно одинъ только простой гласъ *э* тогда надобно полагать въ ономъ случаѣ лит: *е* такъ напримѣръ въ словѣ *лѣсъ* примѣчаемъ мы соединеніе двухъ гласныхъ *і* и *е* въ одинъ голосъ и для того пишемъ оное чрезъ ѣ а въ словѣ *лесть* слышимъ одинъ только простой гласъ *э* то оное и пишемъ не чрезъ двоегласное ѣ но чрезъ простое *е*" (108)[48].

Изложим слова Адодурова о ѣ в виде диалога — кратко суммируем его содержание:

— Одинаково ли произносятся ѣ и *е*?

— Нет, по-разному.

— Как произносится ѣ?

— Это дифтонг: [и+э].

— А как произносится *е*?

— Это гласный-монофтонг...

— И всегда он монофтонг?

— Только в тех случаях, когда *е* идет после согласной—тогда *е* читается как монофтонг.

— А ѣ?

— Всегда дифтонг.

— Когда же *е* читается как дифтонг?

— Во всех случаях, когда не следует после согласной.

— Именно?

— В начале слова, после гласной... (Надо бы добавить: и после разделительных ъ и ь, но у Адодурова этот случай не упомянут.)

— А различаются ли ѣ и *е* в начале слова?

— Нет, здесь они совпадают.

— Где же различаются?

Адодуров ответа не дает, но мы его знаем: под ударением, перед твердым согласным.

---

[48] Во всех цитатах из Адодурова мы воспроизводим орфографию подлинника условно. Например, все выносные буквы "возвращаем" в текст, после них ставим ъ или ъ, в соответствии с традицией.

Нам пришлось, из уважения к XVIII в., построить диалог таким образом, что речь иногда соскальзывает с рассуждения о звуках к рассуждению о буквах. Такова была мысль: звуки и буквы уже различали (на верхах филологии), но любили оставлять один объект разговора и плавно переходить к другому.

Каждой ответной реплике в нашем диалоге можно найти параллельные строки в тексте В.Е. Адодурова[49].

Проницательные наблюдения В.Е. Адодурова вносят большую ясность в "проблему ятя"[50]. Еще более важны, пожалуй, наблюдения и выводы В.К. Тредиаковского. Тонкий наблюдатель, блестящий исследователь, энциклопедически образованный филолог, Тредиаковский заслуживает особого внимания: его свидетельства для нас особенно ценны.

"Тредиаковскому, — пишет Л.Л. Васильев, — для точного различения произношения ѣ и *е* в литературном языке, которое в нем уже исчезало [но не исчезло, см. свидетельство Тредиаковского о том, что многие только еще клонятся к неправильному произношению *е* и ѣ], помогло хорошее усвоение в школе церковного произношения; но само церковное произношение, все время, как мы видели, обусловленное живым произношением, в данном случае сохраняло в большей неприкосновенности вымиравшую в живой речи фонетическую черту московского говора, а не какую-нибудь особенность очень древнюю или искусственную, занесенную извне"[51].

В.К. Тредиаковский вводит в письмо букву Е (из осторожности, однако, пытаясь сослаться на старопечатные традиции). Букву Е он пишет вместо ѣ в положении не после согласных. После согласных остается традиционное написание, т.е. ѣ, хотя звуковое значение обеих букв, и Тредиаковский это не раз подчеркивает, одно и то же.

---

[49] Б.А. Успенский, комментируя разъяснения В.Е. Адодурова, чем различаются ѣ и *е*, пишет:"Речь идет о том, что перед буквой ѣ имеет место палатализация согласного, тогда как перед буквой *е*... согласный читался твердо" (192). Из текста Адодурова такой вывод вовсе не вытекает. По поводу разъяснений Адодурова о букве э Б.А. Успенский замечает: "Важно указание, что в позиции после согласного *е* произносится так же, как э, т.е. без палатальности предшествующего согласного звука..." (187). Между тем у Адодурова речь идет не о палатальности или непалатальности согласного. Из примеров видно, что имеется в виду отсутствие йота перед гласным: *Этімологія, Эвропа, Экліптіка* (105). В середине слова после согласных употребление э было большой редкостью и не имело установленной традиции. А с той точки зрения, которую защищает Б.А. Успенский (вслед за Л.Л. Васильевым), этой букве и вообще не было места после согласных: зачем э, если, по мнению этих ученых, буква *е*, общеупотребительная, как раз и обозначала гласный с предшествующим твердым согласным? Работы Б.А. Успенского (по поэтике, типологии языков, истории русского языка, истории изучения русского языка, стилистике) принадлежат к вершинным явлениям современной лингвистики. Выводы Б.А. Успенского обычно убедительны и заставляют читателя соглашаться с ними. В данном случае спор идет об одной частной загадке русского произношения.

[50] Не останавливаемся на высказываниях по нашей теме А.П. Сумарокова. Его рассуждения о ѣ и *е* показывают, что он утратил живое различение этих фонетических единиц. Л.Л. Васильев, которому показались близки некоторые детали сумароковских свидетельств, все же признает: у Сумарокова, "в отличие от Тредиаковского, дело расходится со словом, так что его рассуждения о произношении букв ѣ и *е* производят впечатление заимствованных извне..." (*Васильев Л.Л.* Указ. соч. С. 212).

[51] Там же.

Тредиаковский разъясняет: "*Е* значитъ звонъ латінскіх буквъ *ie* вмѣстѣ, по нѣмецкому проіsношенію латіны, поisглашаЕмыхъ..."[52].

Тредиаковский повторяет: "...Собственный звонъ буквы Е есть подобенъ звону означаемому латінскімі буквамі іе по нѣмецкому і польскому латіны проізношенію. Сіе самоЕ імя сея нашея буквы совершенно і непреодолѣемо доказываЕтъ, так же і нашъ выговоръ, когда она сама собою состоітъ" (83), т.е. находится не после согласных.

В.К. Тредиаковский букву *е* в положении после гласных и в начале слова (=не после согласных) систематически заменяет буквой Е. Ясно, что значение этой буквы — [иэ]. Значит, буква Е имеет действительно то значение, которое указано Тредиаковским, "автором" этой буквы. "С Е проisносятся: *Единъ, спаніЕ, твоЕму*" (33), а также и слова, где по традиции после согласных пишется ѣ. Итак: буква Е явно=[иэ], и этой букве синонимична буква ѣ.

"Буква *е* с Е Есть также іногда одногласная, а сія с ѣ всегда" (34—35). Когда же Е одногласно (тождественно) с *е*? Когда *е* "делает один склад в словѣ" (33), т.е. когда перед ней не пишется буква согласных звуков. В последнем случае вместо Е пишется (с тем же значением) буква ѣ. Привычка Тредиаковского — повторять много раз одно и то же — сослужила нам хорошую службу: мы, сопоставив его высказывания, видим, что все они друг с другом сходятся, из его многократных разъяснений следует: Е=[иэ], но в то же время Е=ѣ.

Сомнительны, однако, слова: ѣ равна [ie] "по немецкому и польскому образцу". Но образцы-то разные. Буквосочетание *ie* в польском письме обозначает (к XVIII в. эта традиция уже сложилась) мягкость предшествующего согласного и гласный [э]. В немецком письме то же буквосочетание обозначает долгое [i:]. Значит, Тредиаковский, ссылаясь сразу на два эти неодинаковых образца, имеет в виду какое-то особое, условное чтение, господствовавшее в то время. Это чтение, очевидно, состоит в дифтонгическом сочетании звука [i] со звуком [е]: [i͡e] (латиница); русская транскрипция [иэ][53].

Итак, для [иэ] введены две буквы: ѣ и Е, одна традиционная и пишется после согласных, другая — изобретение В.К. Тредиаковского — пишется в остальных случаях. Но ведь в этом нет "нічего... кромѣ isбытка. Для чего бы вмѣсто ѣ не писать вездѣ Е?" (ВТ 3: 4). Ответ такой: "...Для того, что гібель учініться въ премногіхъ словахъ чістому выговору, Ежелі она выключится. Чтожь можетъ быть важнѣЕ і нужняЕ чістаго выговора в языке? Что сладоснѣЕ и пріятнѣЕ слуху? Но въ нынѣшнеЕ время вся сія важность і пріятность істребітся, буде не пріложітся радѣніе къ сохранению оныхъ: а поста-

[52] *Тредиаковский В.К.* Разговор между чужестранным человеком и Российским об ортографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи [1748] (ВТ 3: 32; везде дальше указываются страницы этого издания).

[53] Ср.: "...буква *ю* значітъ звонъ латінскіхъ буквъ *iu* совокупно проisносімыхъ по польскому, італіанскому і нѣмецкому латіны проізношенію..." (30—31).

раться о семъ нѣтъ другаго способа, какъ токмо, чтобъ оставить букву ѣ" (129—130). Можно бы и не оставлять букву ѣ в алфавите, "для того что есть уже сей звонъ въ буквѣ Е", но опасно: "Есть Ешче страхъ, чтобъ какъ чистаго нашего выговора не повредить" (130). Ясно, что произношение ѣ как [и̯э] было уже под ударом времени, и, укрепляя дифтонг, Тредиаковский оставляет букву ѣ ,"почитай... за нѣкоторый родъ намѣсніцы буквѣ Е" (131). Традиционное написание должно сохранить традиционное произношение[54].

А почему В.К. Тредиаковский не захотел, наоборот, избавиться от своего изобретения — буквы Е и писать везде, где есть сочетание [и̯э], букву ѣ? Получились бы написания, не санкционированные церковными текстами. Буква Е — новая, "автор" ее сам Тредиаковский, где хочет, там и пишет; ѣ — буква, которая есть в Священном писании, и своевольничать с нею нельзя. Писать *вознесениѣ, причастіѣ* (в им. п.) было бы кощунством.

Итак, из рассуждений Тредиаковского прямо вытекает, что ѣ обозначает дифтонг [и̯э].

Как на этот загадочный ѣ смотрел М.В. Ломоносов? Он уклонился от ответа. Вот как он передает названия русских слов с помощью латиницы:

В названии буквы — звук ѣ:	В названии буквы — звук *е*:
вѣди — wjedi	земля — semlja
живѣте — schiesnt (?)	иже — ische
Мыслѣте — mysljet	твердо — twerdo
хѣръ — chjer	ферт — fert
	червь — tscherf (МЛ 7: 621)

Видно, что ѣ передается не так, как *е*.

Что же означают знаки *je*, которыми Ломоносов транскрибирует ѣ? Они могут означать дифтонг [и̯э]. Действительно [и̯], неслоговой гласный, ближе всего можно (средствами латиницы) обозначить через *j*.

Но транскрипции М.В. Ломоносова могут истолковываться и по-другому. Может быть, сочетание букв *je* показывает мягкость согласного перед [э] и самый этот звук [э] (латинское *е*)? Ср. там же: *люди*=ljudi, *земля*=semlja. Сочетание [л'у] передано: lju; сочетание [л'а] передано: lja. То есть мягкость согласного+следующий гласный (недифтонг) передается тем же сочетанием букв "j+гласная". Не значит ли: *вѣди*=wjedi [в'эд'и] и проч.?

---

[54] В.К. Тредиаковский не хотел отказываться от буквы ѣ, потому что без нее все станут выговаривать ѣ (или с ней однозначную Е) как *е;* к этому "клонятся многие", — пишет Тредиаковский. Если внять толкованию Л.Л. Васильева, то это значит, что многие смягчавшие согласные перед *э*, теперь перестают смягчать. Л.Л. Васильев пишет: "Здесь, по-видимому, со стороны Тредиаковского недосмотр: вряд ли начинали произносить перед звуком ряда *е* несмягченные согласные; наоборот, произношение со смягченными согласными и перед *е*, и перед ѣ начинало вытеснять первое" (*Васильев Л.Л.* Указ. соч. С. 206—207). Нет, у Тредиаковского досмотр: он имел в виду, что дифтонгический ѣ вытесняется недифтонгическим естем. А про "смягчает — не смягчает" и не догадывается, поскольку и ѣ, и *е* были "умягчительны".

Итак, данные М.В. Ломоносова двусмысленны. Несомненно, что <ѣ> и <э> различались, но равнялась ли <ѣ>=[иэ] или усиленной мягкости согласного +[э] — остается неясным.

О различии *е* и ѣ М.В. Ломоносов невнятно пишет: "Слух... требует в *е* дебелости, в ѣ тонкости" (МЛ 7: 427). Дебелые — это *а—е—ы—о—у;* тонкие: *я—ѣ—и—ю—ю* (400). Не захотел Михаил Васильевич точно рассказать о различии гласных ѣ—*е*...

Адодуров и Тредиаковский утверждают, что ѣ=[иэ]. Ломоносов уклонился от ответа. Два голоса "за" дифтонгичность <ѣ>, один — воздержался.

Мы использовали два рода доказательств. Во-первых, оказалось, что, признав букву ѣ "умягчающей", а букву е "не умягчающей", мы вступаем в лабиринт противоречий. Во-вторых, мы опросили свидетелей; они дали сведения тоже в пользу дифтонгичности ѣ. Теперь мы должны обратиться к самому важному виду доказательств — к фактам.

Заимствуя французское слов *pièce* и стремясь к точной его передаче средствами русского письма, В.К. Тредиаковский пишет: пѣса[55]. В "Разговоре... об ортографии" читаем: "новоманѣрныя, ср. французск. manié*r*é — манерный" (ВТ 3: 438). Л.Л. Васильев, который открыл эти факты, пишет: "Не следует упускать из виду, что... Тредиаковский посредством ѣ передавал французское *ie*... которое отличается от *е* не только тем, что передает гласный звук, имеющий перед собою смягченный согласный, но и своим дифтонгическим характером, и это последнее обстоятельство невольно вызывает вопрос о дифтонгическом характере и московской буквы ѣ XVIII в."[56]

Пополним эту коллекцию еще одним фактом. Петр I в своих письмах требует строительства военных сооружений; среди того, что должно быть сделано, упоминает *полукавалѣры*[57]. Раз есть *полу-*, то, очевидно, есть и целые *кавалѣры*. Что это за слово? Почему, явно заимствованное, написано с ѣ? Раскроем книгу "Истінный способъ укрѣпленія городовъ, изданный отъ славного инженѣра Вобана на французскомъ языкѣ. Нынѣже преложенъ съ французскаго языка на Россійскій языкъ" (СПб., 1724). Здесь читаем: "Кавалиер, есть часть земли, насыпанная на крѣпости, на которую ставятся пушки..."[58] Термин был международный. Переводчик книги Вобана, В.И. Суворов[59], передает ударный гласный буквами *ие*, Петр I — буквой ѣ. (Ср. в "Британской энциклопедии" — *cavalier*, с объяснением, что слово относится к фортификации.) Нет сомнения, что Петр I произносил фонему ѣ как [иэ].

---

[55] *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 180.

[56] *Васильев Л.Л.* Указ. соч. С. 206.

[57] Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4 [ч. 1]. С. 213.

[58] *Данилевский В.В.* Русская техническая литература первой четверти XVIII в. М.; Л., 1954. С. 298.

[59] Предполагают, что он — отец А.В. Суворова, полководца.

Фактов мало, скажет, пожалуй, читатель. Но их и не может быть много. Нужно: чтобы в каком-то иностранном языке было слово с дифтонгом *ie*; чтобы этот дифтонг находился под ударением перед твердым согласным; чтобы это слово было заимствовано в русский язык, и притом не было сильно переделано; чтобы оно нашло свое письменное выражение в духе традиционных норм. Ведь то, что Петр I передал с помощью буквы ѣ, В.И. Суворов, возможно не различающий в своей русской речи ѣ и *е*, обозначил сочетанием букв *ие*. Совпадение всех этих условий встречается не часто[60].

Можно было бы спокойно отстранить изложенную точку зрения, если бы не один важный факт. В некоторых московских рукописях XIV—XVII вв. Л.Л. Васильев обнаружил любопытную черту: после *ц* всегда писалась буква *е*, не ѣ, даже там, где надо было, по этимологическим данным, предполагать ѣ; писали, например: *цены, целый, целовать* вместо *цѣны, цѣлый, цѣловать*. По мнению Л.Л. Васильева, это знак того, что ѣ указывала на мягкость предшествующего согласного. Естественно, тогда она не могла стоять после *ц*. Но такие же написания характерны и для "Разговора... об ортографии" В.К. Тредиаковского[61]. Он сделал в этой работе попытку (не во всем последовательную, о чем он и сам писал) фонетически передать русскую книжную речь — передать самой орфографией. Как уже сказано, особым вниманием пользовался у него гласный ѣ, и он его тщательно отделял от *е*. Поэтому предположение о случайности таких написаний вовсе отпадает. Но ведь это означает, что для Тредиаковского ѣ была буква, свидетельствующая о мягкости предшествующего согласного; поэтому-то он и не ставит ее после *ц*. Так объясняет эти факты Л.Л. Васильев. Пока они не получат другого объяснения (не менее убедительного, чем у Васильева), нельзя быть уверенным, что доводы в пользу дифтонгичности ѣ полностью убедительны.

Не предположить ли, что различие между ѣ и *е* было комплексным: к различию дифтонг — монофтонг присоединялось и другое, именно: перед *э* согласные были мягкими, а перед ѣ — сверхмягкими? Удвоенно мягкими? То есть: *слѣзъ*, глаг.=[с'л'иэс]; *слезъ*, сущ., род. мн.=[с'л'эс]. Но две ступени мягкости фонематически были ненадежны: ни в одной другой позиции супердиезность не возникала;

---

[60] И.И. Макаров в 1816 г. заметил: "Иностранные слова, имеющие ie, принятые в русский язык, пишутся с буквою ѣ, напр., Wien — Вѣна, Ziel — цѣль и проч. // *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. СПб., 1884. Т. 6. С. 294. Сочетание латинских букв *ie* читали как дифтонг (ср. такое же чтение, упомянутое выше Тредиаковским).

[61] Л.Л. Васильев пишет, что в книге В.К. Тредиаковского "Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ и Россійскимъ объ ортографіи старинной и новой" (СПб., 1748) после *ц* не пишется ѣ даже в тех случаях, когда он этимологически необходим: "В корнях я не заметил ни одного исключения: *целый, бесценная, цепью* [всего несколько десятков разных форм]. Но в окончаниях Тредиаковский отступил и везде написал ѣ; напр.: *вкратцѣ* 316, *въ концѣ* 150, *на обрасцѣ* 145 и др."... (*Васильев Л.Л.* Указ. соч. С. 208). Нет сомнения, что в основе таких орфограмм у Тредиаковского лежит принцип. Это не описки.

ненадежным было и различие дифтонг—монофтонг; в результате противопоставление ѣ—*е* оказалось уязвимым. Со стороны времени...

Может быть так: работали два работника. Приведем мнения, подтвержающие такую контргипотезу (для торжества плюрализма)[62]. И.И. Макаров осуждал тех, "кои в латинском языке букву *е* произносят как ѣ, напр. вместо *домине* (domine) — *доминѣ*, вместо *неквиссиме* (nequissime) — *нѣквиссимѣ*, вместо *гекъ фемина* (haek faemina) — *гѣкъ фѣмина* и проч."[63] Ясно, что здесь речь идет не о дифтонгоидности, а, скорее всего, о мягкости согласных.

С.П. Шевырев замечал: "Особенная мягкость в звуке ѣ слышна и теперь во втором слоге местоимения *тебѣ*, так, как его простой народ произносит"[64]. Ясно, что и здесь речь идет не о дифтонге.

Не закрывая дверь полностью перед таким решением (о комплексном различии между этими звуковыми единицами), мы все же считаем более убедительным другое: <ѣ> и <э> в определенных случаях нейтрализовались. Таких случаев было три:

1. В безударных слогах.

2. После йота. Начальная, *й*-образная часть у ѣ исчезала, поэтому [j+э] и [j+ѫэ] не различались. Об этом свидетельствует Тредиаковский: он утверждает, что в начале слов ѣ и *е* всегда читаются одинаково.

3. После непарных твердых согласных: [ц, ш, ж, ч']. И здесь неслоговая часть дифтонга исчезала.

Вместе с ней исчезают и все (или почти все) затруднения в истолковании фактов. Ясно, что после *ц* Тредиаковский "по звонам" должен был писать *е*, а не ѣ.

Л.Л. Васильев обратил внимание на наблюдение В.К. Тредиаковского, что шипящие "имѣютъ сопротівленіЕ соЕдіняться съ двугласнымі", в частности с ѣ, т.е. *жалость*, а не *жялость*, *жестокъ*, а не *жѣстокъ*, и действительно в его "Разговоре" нет ни одной постановки ѣ после *ж, ш, ч* в корнях; даже в сравнительной степени, в которой он весьма последовательно пишет ѣЕ или яЕ, после *ж* написано Е: *убористѣЕ і прігожеЕ* 121 — один всего и есть случай на -ѣе после шипящей; но в окончаниях он отступает и пишет всегда ѣ, например: *чертежѣ* 271, *падежѣ* 305, *лужѣ* 196 и др.[65]

Все это легко понять как явления нейтрализации ѣ — *е* (а в окончаниях, кроме того, и как влияние грамматической аналогии, конечно, на буквенном только уровне).

Нельзя ли букву ѣ считать обозначением не особой фонемы, а сочетания фонем: <j+э>? Тогда эта буква поступает в ту же графическую группу нашей азбуки, куда относятся ξ (кси) и ψ (пси).

---

[62] Можно принять во внимание и то, что дифтонг ѣ начинается [и]-образным звуком, а [и] связано с большей палатализацией предшествующего звука, чем та, которая возникает перед [э].

[63] *Сухомлинов М.И.* Указ. соч. С. 294.

[64] Данное наблюдение свидетельствует о противоречивости мнений.

[65] *Васильев Л.Л.* Указ. соч. С. 208—209.

Нет, нельзя. Буква ѣ обозначает особую фонему [иэ], отличную от сочетания [j+э]. Когда слились воедино ѣ и *е*, т.е. когда ѣ перестал быть двоегласным, группа [j+э] в языке осталась, не подверглась никаким изменениям. В дифтонге ѣ *и*-образная часть исчезла, а в сочетании [j+э] *j* не исчез, и осталась разница в произношении слов *о семье* (с [j+э]) и *о суме* (с [э]), *о судье* и *о суде, о литье* и *летел*... В памятниках письменности, где отражено падение различия между ѣ и *е*, остаются различия в написаниях *суде — судье* и т.д.

Очевидно, [иэ], т.е. фонема <ѣ>, и [jэ], сочетание фонем <j> и <э>, — разные единицы. В некоторых позициях они нейтрализовались, число таких позиций со временем увеличивалось, пока совсем не осталось сильных позиций для ѣ. Тогда эта фонема умерла.

Думаем, что приведенные здесь факты и сопоставления в своей совокупности ясно говорят о том, что фонема <ѣ> — дифтонг. Было ли, кроме того, еще и смягчение согласных перед ѣ, большее, чем перед *е*, — неясно.

В.В. Виноградов писал: "...Попытки свести различие между ѣ и *е* к отсутствию палатализации согласных перед *е* в литературном языке обречены на неудачу, тем более что различное влияние на предшествующие согласные естественно предполагает неодинаковость характера самих звуков ѣ и *е*"[66]. Последнее замечание — о том, что после *t* и *t'* гласные неодинаковы, — важно, но оно снимается на фонологическом уровне. В целом же этот взгляд сохраняет свою силу и в наше время.

Во второй половине XVIII в. продолжалось угасание <ѣ> как особой фонемы. В большинстве слов западное сочетание *ie* передается на русской почве как двусложное: *куриэръ*[67], *оріентальный, соціететь, петардіеръ* и др.[68] Слабеющая фонема <ѣ> уже не в силах взять эти новозаимствованные слова под свое покровительство.

М.В. Ломоносов в своем юмористическом диалоге "Судъ россійскихъ письменъ, передъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ" так нарисовал неприкаянное положение ѣ: "ѣ говорит, что Е выгоняет меня из *мѣста, владѣния* и *наслѣдия*, однако я не уступлю..." (МЛ 8: 388). Все-таки уступила. Не только буква, но и сама фонема.

Книжники, видимо, сохраняли различие ѣ и *е* до конца XVIII в. Так, Н.Г. Курганов в своем "Письмовнике" пишет: "Е и ѣ хотя в просторѣчіи едва имѣютъ чувствительную разность, однако въ чтѣніи и праворѣчіи надлежитъ ихъ явственно различать".

Требует различать эти звуки и А.А. Барсов: "Не для глазъ только различаются, но и для слуха выговариваются разно, напр.:

---

[66] *Виноградов В.В.* Указ. соч. С. 276.

[67] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 12. С. 199.

[68] *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910. С. 214, 225, 230 и др.

пеню и *пѣню, пенье* и *пѣнье* и проч."[69] Но, видимо, это была уже искусственная поддержка традиции.

Более того, намеки на не совсем угасшее произношение ѣ мелькают и в XIX в. (например, у С.П. Шевырева) и залетают даже в XX в. Так, Б.А. Успенский пишет: «Кажется, что дифтонгиальное ѣ и сейчас еще можно услышать в речи носителей литературного языка при особенно экспрессивном произнесении слова „нет" (как [н'йэт])»[70]. Это — в обычае многих фонетических единиц: уходить, оставаясь.

Теперь мы можем представить состав синтагмо-фонем в различных системах русского языка XVIII—XX вв.

Будем различать позиции: под ударением после парных мягких фонем; под ударением после парных твердых фонем. (Позицию под ударением после непарных по твердости—мягкости фонем опускаем.) Итак:

XVIII в. Пурпурная система	t'á/	а	-	э	ѣ	у	и/
	t á/	а	о	-	-	у	и/
XVIII в. Лиловая система; XIX в. Синяя—желтая системы	t'á/	а	о	э	-	у	и/
	t á/	а	о	-	-	у	и/
XX в. Оранжевая—алая системы	t'á/	а	о	э	-	у	и/
	t á/	а	о	э	-	у	и/

В таблице для пурпурной системы три прочерка — это значит, что с данными позиционными условиями данная фонема не сочетается. В лиловой системе (она же и в синей—желтой): исчезает фонема /ѣ/, после мягких согласных возможна фонема /о/. Но /э/ после твердых парных по-прежнему незаконна. Наконец, в системах XX в. и это ограничение снято.

Для описания фонем XVIII в. нужны четыре пары различительных признаков: переднего ряда (и, ѣ, э) — непереднего ряда; верхнего подъема (и, у) — неверхнего подъема; лабиализованная (у, о) — нелабиализованная; дифтонг (ѣ) — недифтонг. Последнее различие с конца XVIII в. отмирает.

Парадигмо-фонология никаких лакун не знает. Например, в безударных слогах не встречается [о], но это не значит, что фонема <о> в этих слогах не представлена. Парадигмо-фонема — это ряд чередований. И фонема <о> представлена в первом предударном слоге (после твердых согласных) одним из членов этого ряда — гласным [а].

Так и в XVIII в.: лакун в таблице быть не может. Во всех позициях представлены фонемы <а, о, ѣ, э, у, и>.

Так обстоит дело и с фонемой <о> после мягких согласных под ударением: она представлена определенным звуком. После твердого согласного: *льном, орлом* — фонема <о> представлена гласным [о]. После мягкого — *коне́м, огне́м*. Та же фонема <о>, в силу позиционных условий, представлена звуком [э]. Позиция слабая; совпадают <о> и <э>.

[69] *Барсов А.А.* Российская грамматика / Под ред. Б.А. Успенского. М., 1981.

[70] *Успенский Б.А.* Архаическая система церковно-славянского произношения. С. 57—58.

Об артикуляции гласных у В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова были представления не очень ясные (но отдельные наблюдения — яркие и меткие). Напротив, согласные они уже классифицируют, часто отмечая не только фонетическую, но и фонематическую их природу.

"Наложив" классификацию Ломоносова на классификацию Тредиаковского, мы и получим нечто, близкое к современности.

В.К. Тредиаковский различает согласные мягкие (т.е. звонкие), твердые (т.е. глухие) и средние (те, у которых звонкость—глухость фонематически не значима). Важное пояснение: "согласные мяхкімі называются для того, что органъ, которымъ онѣ проіsносятся, не столько употребляетъ сілъ на выговоръ іхъ, сколько на выговоръ твердыхъ: а сегораді онѣ сімъ іменемъ і названы. Такъ напримѣръ, сільняѣ губы к губѣ пріжімаются проіsнося (па), нежелі (ба). Сімъ образомъ і прочіе, врассужденіі своіхъ инструментовъ" (ВТ 3: 259). Наблюдение верное и для начальной поры языкознания тонкое. То, что мы считаем второстепенным признаком звонких—глухих, Тредиаковский счел основным.

Далее все буквы располагаются лентой (ВТ 3: 267):

б
в
г
д
ж
з
—
л
р
м
н
ц
ч
п
ф
х
т
ш
с
к

Видим, что пары по звонкости—глухости даны точно, если проверять данные Тредиаковского современностью (притом *г* рассматривается как [γ]).

Классификация по месту образования:

губныхъ 5. *б.в.м.п.ф.*

sубныхъ 5. *д.s.с.т.ц.*

языковыхъ 3. *л.н.р.*

нёбныхъ 3. *ж.ч.ш.*

гортанных 4. *т.г.к.х* (ВТ 3: 295).

Ср.: "[м] проіsносится губамі, а [н] языкомъ; а [ц] зубамі, но — [ч] небом" (ВТ 3: 260). Прекрасная, точная классификация; только языковые портят ее: в классификацию по пассивным органам врывается одна рубрика, характеризованная по активному органу, и хотя

Таблица 5

Способ артикуляции		Место артикуляции			
		Губные	Зубные	Передненёбные	Задненёбные
Щелевые		ф в ф' в'	с з с' з'	ш ж ш' ж'	х х'
Смычные	взрывные	п б п' б'	т д т' д'		к г к' г'
	слитные (аффрикаты)			ч'	
	носовые	м м'	н н'		
	боковые		л л'		
	дрожащие			р р'	

она верна (*л, н, р* — действительно "язычные"), но несоотносительна с другими.

Классификация согласных по месту образования у М.В. Ломоносова гораздо хуже, путанее. Но у него же сделан и шаг вперед: впервые построена классификация по способу артикуляции: "Состояние частей, рот составляющих в произношении согласных, есть расположение или движение. Одним расположением разнится произношение букв *в, ф, ж, з, с, ш, г* (*в благо*), *х*" (МЛ 7: 23). (Это, как видно, фрикативные. Артикуляция этих звуков требует, чтобы расположение органов речи в момент выдержки не менялось. Они характеризуются "расположением" органов речи) "Движение есть двояко: ударение и трясение. Ударением или крутым разведением частей органических производятся *б, г* (в *глазъ*), *д, к, л, м, н, п, т, ц, ч*, трясением — *р* чистое и картавое..." (МЛ 7: 401). Здесь Ломоносов выделяет среди смычные дрожащие. Аффрикаты (слитные) не выделены. Тредиаковский сопоставлял русские звуки с иноязычными:

"г — hi по нѣмецкому выговору
ж — jou по французскому выговору
ц — zu по італіанскому і нѣмецкому
ч — cza по польскому
х — chi по немѣцкому
ш — chou по французскому" (ВТ 3: 269).

Эти сопоставления позволяют окончательно распутать, какие звуки "язычные" — "зубные", а какие "язычные" и притом небные; какой способ артикуляции у каждого.

Все эти свидетельства могут быть сведены в табл. 5.

Были ли фаукальные (щелчковые) [п͡м — б͡м — т͡н — д͡н] (и их мягкие парные)? Были ли взрывно-боковые [т͡л — д͡л] (и соответствующие

мягкие)? Наши материалы не дают возможности ответить на этот вопрос.

Косвенные же данные такие: сочетания <стл, здл, стн, здн> реализовались в звуковых сочетаниях [сл, зл, сн, зн], как и в оранжевой системе, в XX в. Объясняется это для нашей современности так: «...Сочетания [тн], [дн] дают по ассимилятивной тенденции один фаукальный звук [t͡н], [д͡н] с взрывом мягкого неба в глотке... ср. между гласными: *потный*=[пó t͡нъи], *годный*=[гóд͡нъи], но при соседстве согласной этот фаукальный взрыв („остаток" от [т], [д]) совсем пропадает: *постный*=[пóснъи], *праздный*=[прáзнъи]; сочетания [тл], [дл] дают по ассимилятивной тенденции особые „взрывные боковые" с боковым взрывом, направленным в щеку, ср. между гласными: *утлый*=[ýт͡лъи], *подлый*=[пóд͡лъи], но при соседстве согласной этот боковой взрыв („остаток" от [т], [д]) совсем пропадает: *счастливый* [ш'и³с'лúвъи]»[71]. Если это объяснение верно, то такое же поведение сочетаний <стл, здл, стн, здн> в первой половине XVIII в. — тоже свидетельство о существовании фаукальных (щелчковых) и взрывно-боковых.

В таблице нет [j]: первые классификаторы не сочли его согласным. Но существование его не вызывает сомнений (см. ниже).

Особого внимания требуют два звука (уже занимавшие наше внимание в предыдущих главах): [γ] и [ж̄'].

О [ж̄'] М.В. Ломоносов писал: он похож на итальянское *g* перед *e, i*; такой выговор "имеет у нас второе *ж* в речении *вожжи*" (МЛ 7: 400), такое же произношение Ломоносов находит и в слове *трожды* (ср. у Кантемира рифму: *рожжи — трожи* 70). Ссылка на итальянский образец указывает на особое произношение этого *ж;* каков же точно его характер? Либо [ж̄']; либо [ж'д'ж]; на последний вариант, может быть, указывают слова: "второе *ж* в речении *вожжи*" (МЛ 7: 401). Набор слов, в которых был представлен этот звук, не отличается от современного: он был узок, но тем не менее произношение [ж̄'] или [ж'д'ж'] в этих словах, очевидно, отличалось устойчивостью.

У Сумарокова для передачи <ж'> использовалось сочетание букв *зж*: *зжет* IX, 95, *разозжена* VII, 24. И по традиции, и в соответствии с живыми соотношениями *жгу* — [ж':]*ет* надо было бы в этом корне писать начальную букву *ж*. Но избранный Сумароковым способ передачи [ж'] нетрадиционен: очевидно, написание *жжет* толкало к произношению твердого долгого [ж:], а Сумароков хотел передать особый звук.

Судя по его написаниям и рифмам, можно предполагать, что [ж':] произносился в таких словоформах: *визжала — ѣзжала* VII, 46, *отъѣзжать* VII, 131, *созжетъ* VII, 213, *не верезжи* VII, 235, *разжено* VII, 310, *разозжешь* IX, 214. Так же фонетически надо интерпретировать написание *сжется* VII, 90 =[ж':эц:ъ].

У Ломоносова для <ж̧'> приспособлено иное буквенное обозначение: *жж*. Пример: *в дожжи* 192, *дожжевых тучь* 360, *возжженный,*

[71] *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967. С. 205.

-ыхъ 388, 397, 515, *вожженый* 530, 533, *вожжен* 524, *пожже* 104, *ражженый* (*яростью*) 773, 721, *разжженны, ражженны* 723, *разжжено* 726, *ражение* (от глагола *разжечь*) 733, *выѣжжающего* 591, *разъѣжжаетъ* 709, *подъѣжжаю* 724, *въѣжжающаго* 586.

Был звук [ж':] настолько активен, что проникал и в заимствованные слова, и прочно в них удерживался. Немецкое *mörser* было усвоено[72] со значением 'мортира'[73]. В "Ведомостях" (газета Петровской эпохи) находим такую буквенную передачу этого слова: *МОЖЖЄРЬ* 54, 57, 61, *МОЗЖЄРЬ* 43, 73, 81, *МОЖДЄРЬ* 70, 110 (все три формы представлены по многу раз). Все три буквенных обозначения: *жж — зж — жд* — могут передавать один и тот же звук — [ж':]; нет другого звука, который оправдывал бы эти орфографические расхождения. Очевидно, название пушки было осознано говорящими как родственное глаголу *мозжить* (с [ж':] в корне).

И В.К. Тредиаковский, и М.В. Ломоносов ополчились на букву *щ*: она-де обозначает то же, что буквосочетание *сч* (или *шч*) — не нужна она в азбуке. Каков фонетический смысл этих высказываний? Одно из двух: либо действительно оба филолога не знали [ш':], а только [ш'ч'], либо сочли такое произношение только московским, местным[74].

Что московской речи [ш':] был свойствен — это несомненно. Диалектологический атлас показывает, что вокруг Москвы, в широком районе по линии Калинин—Ржев—Вязьма—Малоярославец—Серпухов—Рязань—Владимир—Кимры, полностью господствует [ш':]. (В этом же районе господствует [ж':].) Если бы это было новшество, то оно не смогло бы так кардинально всюду вытеснить [ш'ч'] за сравнительно короткий срок. Ясно, что и в XVIII в. Москва была в районе, где произносили [ш':]. Может быть, говоря о составном характере буквы *щ*, они имели в виду, что чтение букв *сч* как раз и дает [ш'], значит, особой буквы для [ш'] не нужно. Иначе говоря, буквообозначения *сч* и *щ* фонетически тождественны; надо одно из них оставить, а другое выбросить. По морфологическим соображениям лучше *сч*, ср. *расчесать, разносчик* и др. То есть ополчались на букву *щ* именно потому, что она фонетически равна, как и сочетание *сч*, [ш':].

М.В. Ломоносов писал: "*Щ* составлена из *ш* и *ч*, не больше права имеет быть в азбуке, как ξ и ψ, и в употреблении разве для того оставить, что в некоторых российских провинциях как *шш*... произносится" (МЛ 7: 422). Видно, что для него *щ*=[ш'ч'], иначе он не стал бы противопоставлять это сочетание "монофтонгу" [ш]. Вероятно, в Петербурге уже складывалось произношение *щ* как [ш'ч'], а московское произношение (это уже ехидно схватил Сумароков) Ломоносову не было хорошо известно.

Попытаемся понять В.К. Тредиаковского: «Літера *щ* служитъ... за [шч]. „Иллирические славяне" тѣ слова proiзносятъ чresъ [шт],

[72] Уже в XVII в. оно известно в форме *можширъ*.

[73] См.: *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 198.

[74] Удивительно, что упоминание о [ш':] появляется у фонетистов (при описании русского литературного языка) только в конце XIX в.!

коі мы выговаріваемъ чresъ [шч]. Напрімѣр, мы говорімъ *прічашченіе*, а оні *прічаштеніе*, мы *благовѣщченіе*, а оні *благовѣштеніе*, равным образом і всѣ прочія, такъ что я не знаю, от кого мы сперва научілісь проіносіть Ея sa [шч], развѣ токмо от малороссіан» (ВТ 3: 136). Это существенно: в украинском языке русскому *щ* соответствует [шч] (например, *священний*=[с'в'ашчéйиј]). Видно, Тредиаковский имел в виду именно произношение [ш'ч'].

Далее: "Чтожъ могло удержать [в алфавите] букву *щ*? Она также свяsная как ξ і ψ? Также выговарівается въ ней разdѣльно [шч] как въ ξ |кс|, а в ψ [пс]? Поістінѣ, не віжу, какую бы кто могъ сыскать прічіну сему, что *щ* равнымъ же образомъ невыключена [из алфавита]" (ВТ 3: 138).

Далее: "...Утверждаюшчіі, что сія буква *щ* свяsана isъ [сч], а не isъ [шч], не дозналісь, что не токмо буква [с] но і [s], [ж] предъ [ч] превращчаются всегда, по пріродѣ і свойству нашего проіsношенія, в [ш]... і потому, невозможно нікакъ, чтоб *щ* состояла у нас is [сч], вмѣсто [шч]» (ВТ 3: 137).

Как будто ясно: в той речи, которую наблюдали Тредиаковский и Ломоносов и которой они сами владели, буква *щ* передавала [ш'ч'] (мягкость этого сочетания не отмечена наблюдателями, но в связи с последующей его историей в литературном языке не вызывает сомнения)[75].

Примем во внимание также показания двух слов, многократно отмеченных текстами: *вящшее* и *пущшее*. Произношение двух звуков, из которых один мягкий, а другой (следующий) — твердый (и это единственное различие между ними), вряд ли возможно в русском языке. Разгадка этой странности — сочетания *щш*, — видимо, в том, что произносили [ш̂'ч'ш] или [ш̂'ч'ш']⁷⁶.

Откуда же у двух больших филологов такое пристрастие к [ш'ч']? Оно, очевидно, было нормой в церковно-славянском языке (и Тредиаковский прав: скорее всего, под влиянием украинских духовных деятелей). Слона-то они и не приметили. Непрестижный был слон.

Единодушно все наблюдатели XVIII в. говорят о том, что для них буква *г* равна звукам: в одних словах — [γ], в других — [г]. И фрикативный упоминается всегда в первую очередь; вряд ли потому, что слов с [γ] было больше: звук [γ] был связан с "высокими" словами. Сам согласный [γ] приобрел иератическое значение.

По М.В. Ломоносову, в русском языке есть поднёбные согласные: *г* (в слове *глаз*) и *к*. Такой согласный *г* соответствует *g* латинскому. Кроме того, есть гортанные согласные: *г* (*в благо*) и *х* (МЛ 7: 400). О месте артикуляции можно спорить, но важно разграничение двух *г*.

Он же пишет: "Буква *г* произносится разным образом: как у

---

[75] Лудольф тоже *щ* истолковывает как schtsch (см.: *Ларин Б.А.* Грамматика Лудольфа 1696 года. Л., 1937. С. 53).

[76] См., например: *пущшія вымыслы* (Список дела о Симеоне... (1684) *Браиловский С.Н.* Один из пестрых XVII-го столетия. СПб., 1902. С. 82), *вящшее* (*Перетц В.Н.* Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны (1733—1735): Тексты. Пг., 1917. С. 432).

иностранных *h*. Примеры: *Бога, богу, богом, боги* (sic!), *богов, господь, глас, благо, государь, государство, господин, господствую, разглашаю, благославляю, благодарю"* (МЛ 7: 426). В других случаях буква *г* обозначает, по Ломоносову, [г][77].

В.К. Тредиаковский рассуждает так: "...Бes всякого есть спора, что всѣ мы россіане наш (г) проіsносімъ как латінское (h)..." (ВТ 3: 260).

"...Нікто у нас сего сло́ва *гусь*, і бесчісленно многіхъ другіхъ, не проіsносітъ такъ, какъ оно напісано чрезъ (г), то есть, как чрезъ (h) латинское по нѣмецкому и польскому латіны проіsношенію, но как чрезъ (g) латінскоежъ так напрімѣръ, *гусь*: однако, всѣ такія слова пішемъ мы чрезъ (г) в протівность проіsношенію" (ВТ 3: 261).

Как же произносился фрикативный звонкий согласный в словах *благо, господь*: был ли это заднеязычный [γ], как во многих южнорусских говорах, или гортанный (межсвязочный) [ɦ], как в украинском языке? Более распространенным было, очевидно, произношение [γ]. Об этом говорят такие записи.

В либретто итальянских комедий, изданных В.Н. Перетцом: Серпіллаа: Агъ, агъ, ты здѣсь? (207); Смералдіна возвращается съ свѣчою, которая увидѣвши мужика съ госпожою своею говорит ей: Агъ, агъ, агъ сударыня, вотъ тото называется, не много на воздухѣ побыть (191); Агъ, агъ (он сталъ плакать) (283). Здесь же: Арлекінъ закричалъ: ахъ вотъ моя смерть! (194). Даются рядом итальянский и русский тексты песенки: припев *oh, ah* в итальянском передается по-русски *огъ, агъ*[78].

В "Рукописном лексиконе" XVIII в.: *Агъ* — междометие ужаса, *ах* (33)[79]. То есть в позиции оглушения обычное [х] изображается буквой *г*, следовательно, в позиции неоглушения эта буква передавала звонкую параллель этого звука — [γ].

Знакомый нам поручик В.А. Васильев пишет о пугачевских мятежниках: "От Оренбурха путь им пресѣченъ" (51). И тут же: "Корпусъ вступилъ въ Оренбургъ". Либо буквой *х* (в одном слове) он изобразил [γ], либо буквой *г* изобразил [х] (в другом слове). И то, и то говорит о родстве буквенных изображений *х* и *г*, т.е. о фрикативном характере обоих звуков.

Мягкий [γ'] нередко сближается с [j]. Обсуждая мнение Ф.Е. Корша о том, что согласный [γ'] равен [j], мы для XX в. усомнились в этом. Мотив сомнения был тот, что "наш" согласный [γ'] сильно зашумлен и этим не похож на [j].

Почему в истолкованиях буквы *г* всегда на первом плане ее фонетическое значение как [γ] (или, как обозначают современники, [h])? Было больше слов с [h] и меньше с взрывным [г]? Вряд ли.

Объяснение — в таких словах А.П. Сумарокова: "Генварь выдумали старинныя подьячія, находя въ литерѣ *г*, когда она какъ Латинское H, произносится, нѣкое величество и пышность: а до пышности невѣжи

---

[77] Ср. "*г*: Я стою в начале грамматики, служу вместо *h*" (МЛ 7: 388).

[78] *Перетц В.Н.* Указ. соч. С. 283.

[79] Рукописный лексикон первой половины XVIII в. / Подгот. к печати и вступит. ст. А.П. Аверьяновой; Отв. ред. Б.А. Ларин. Л., 1964.

охотники, хотя бы она была и не у мѣста" (АС 9: 41—42). Оказывается [h] или [γ] был звук, имеющий особую эмоциональную оценку. Он был обязателен в словах, имеющих "нѣкое величество". И поэтому-то [γ] первенствовал.

Сумароков разъяснил: "Г во Славенскихъ реченіяхъ произносится какъ Латинское H, а во простонародныхъ какъ Латинское G... [Вы это] скоро познаете, слыша и церковное служеніе и простонародныя рѣчи" (АС 9: 44).

Мы подходим к важному вопросу: как соотносились эти две фонемы, <γ> и <г>? Боролись две тенденции:

1. Пурпурная система всегда избирала <γ>, лиловая система — <г>. Иначе говоря: <γ> — для высокого стиля, <г> — для простого. Каждая из этих двух согласных была показателем стиля, и всякое слово выступало в одних условиях (ода, торжественная речь) с <γ>, в других (простые разговоры) — с <г>.

Но из этого общего правила поневоле пришлось сделать исключения. Есть слова, которым не бывать в высоком стиле. По существу все названия, которым нельзя приписывать эмблемного (иносказательно-понятийного) значения, все обозначения конкретных частностей быта были вне высокого стиля.

В "Словаре Академии Российской" (СПб., 1789. Ч. 1) использована особая буква ґ: с этой буквой печатались слова, где нужно произносить [г]. Например, слово *богульник*. Невозможно представить классицистскую трагедию, где понадобилось бы это слово.

Итак, в определенной группе слов сменяемость наших двух согласных расстроилась: эти слова не являлись в условиях, которые потребовали бы <γ>.

И есть слова, где невозможна <г>. Уже было сказано, что лиловая система разомкнута, в нее вхожи и слова из пурпурной системы, и при этом они не теряют своего пурпурного достоинства. Поэтому слова *Бог, Господь, благо* и др. (связанные с церковными текстами) во всех случаях сохраняли <γ>, даже когда входили в простые тексты. Сменность <γ> и <г> и здесь тоже нарушена.

2. Возможен и другой принцип использования этих фонем. Применять их так же, как две любые другие фонемы: в одних словах — всегда одна, в других — всегда другая. Следует знать о каждом слове отдельно, какая фонема в нем "имеет место".

Эти две тенденции боролись, сталкивались, оттесняли одна другую. Норма колебалась. Трудно было решить, в каком слове какую согласную считать нормативной. Об этих затруднениях пишет М.В. Ломоносов:

Драгие ангелы, пригожие богини,
Бегущие всегда от гадкия гордыни,
Пугливы голуби из мягкого гнезда,
Угодность с негою, огромные чертоги,
Недуги наглые и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа...
От вас совета жду, я всем даю на волю:
Скажите, где быть га и где стоять глаголю?[80]

[80] Стихотворение дано в сокращении (МЛ 8: 580—581).

Стихотворение Ломоносова называется "О сомнительном произношении буквы Г в Российском языке". Если думать, что сам-то автор точно знал, как что произносится, а читатель почему-то об этом не знает, то стихотворение должно было бы называться по-другому: "О безсумнительном произношении буквы Г в Российском языке". Смысл стихов Ломоносова в том, что распределение <γ> — <г> по словам не упорядочено.

Стремление к нормативности повернуло произношение к первому решению: <γ> и <г> — факты разных стилей. Это — взгляд второй половины XVIII в.

О зыбкости употребления <γ> — <г> свидетельствует такой опыт. Будем составлять цепочку рифм: *бог — чертог* 416, 708, 722, *чертог — мог* 474, *помог — рок* 655 (МЛ 8). Начинается с явного *бо*[γ]; где-то в этом ряду произошел сдвиг — переход от <γ> к <г> (и <к>). Какие-то звенья оказались двулики. Из рифм поэтов XVIII в. таких цепей можно составить множество; они показывают, что употребление <γ> и <г> было неустойчивым.

Нельзя ли в <γ> — <г> видеть мутабильную единицу? Нет, во всех случаях выбор не был предоставлен говорящему (поэту, читателю, участнику общения): он жестко определялся либо лексической принадлежностью слова, либо стилем текста.

Шаткость фонемы <γ> была связана с тем, что для нее не оказалось отдельной буквы. Филологов это беспокоило.

Звуковое значение <γ> осознавалось как основное для буквы *г*. В.К. Тредиаковский предлагал ввести новую букву для различения <г> — <γ>; причем для <γ> оставлял *г*: видно, в пурпурных текстах (они только и принимались во внимание, а не лиловые) *г* обычно читалось как [γ]. В.К. Тредиаковский писал: "...СіЕ безъ всякаго Есть спора, что всѣ мы россіане нашъ (г) проіносімъ какъ латінскоЕ (h): а мнѣ только и дѣла что до нашея азбукі. Слѣдовательно, нѣтъ у насъ ізъ согласныхъ такія, котораябъ сходствовала съ латінскімъ (g) предъ (а) (о) (и)...

Нужда в буквѣ необходімая; а трудность въ введеніі почітай непреодолѣЕмая; хотя впрочемъ въ нашемъ велікороссійскомъ проіsношеніі давно, ілі Ешче ісстарі уже она употребляЕтся: ібо нікто у насъ сего слова *гусь*, і бесчісленно многіхъ другіхъ, не проіsносітъ такъ, какъ оно напісано чресъ (г), то Есть, какъ чресъ (g) латінскоЕ по нѣмецкому і польскому латіны проіsношенію, но какъ чресъ (g) латінскоЕжъ такъ напрімѣръ, *гусь;* однако, всѣ такія слова пішемъ мы чресъ (г) в противность проіsношенію" (ВТ 3: 260—261).

Тредиаковский начинает с того, что буква *г* для всех россиян знак [h] (в современной транскрипции — [γ]). Здесь сказался астраханец и попович. Этот перебор в дальнейшем приходится исправлять: оказывается, "бесчісленно много" и слов с [г]. Для них он выдумал букву ґ, назвал ее "голь" (видно, потому, что в корнях слов *голь, голый* и др. произносился [г]). (С другой стороны, как это характерно для плебейской позиции В.К. Тредиаковского! Любимую букву назвал голью!)

В "Словаре Академии Российской" тоже придумали особую букву, чтобы размежевать эти две фонемы. Но ничего не помогло...

Слишком долго <γ> была в русском языке двойником[81]. Была двойником — работала как сменщик. Работала как сменщик — в слишком немногих оказалась обязательна. Стала необязательна...

А может быть, и не исчезла? Слова *бог, бога, благо...* "Множество *бла*[к]" — это, вероятно, не так уж и хорошо. (Да и междометия есть: *ага, ого, эге...* Впрочем, междометия, вероятно, не расчленяются на фонемы и представляют собой континуумы.) Говорить о полном исчезновении <γ>, пожалуй, рано. А есть еще и театр, который ставит пьесы А.Н. Островского, А.П. Чехова...

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОНЕМ

СОГЛАСНЫЕ

Вокальные—невокальные

Нет фактов, говорящих о слоговом характере сонорных, не соприкасающихся с гласным. М.В. Ломоносов несколько раз говорит об одной только норме: в коне слова после шумных сонорные оглушались. Даже после звонких шумных: "*Б* как *п* перед *л*: рубль — rupl, храбр — chrapr. Он добр — dopr. Храбр, щедр, бодр, нѣдр" (МЛ 7: 634). То есть, в современной фонетической транскрипции: [рупл'], [храпр] и др. Оглушение шумных согласных перед [р], [л], [л'] (и, конечно, другими сонорными) — следствие глухости самих сонорных.

В стихе позднейших эпох отразилось произношение звонких слоговых сонорных, мы это видели. Стих XVIII в. всегда говорит о том, что сонорный, изолированный от гласного, не образует слога. У М.В. Ломоносова (МЛ 8):

Разумный замысл прочь бывает там отставлен 73
На промысл смотрит Твой и чтит дела твои 79
Так промысл положил и нѣльзя применить 313
О промысл! О судьба! Слезами умягчитесь! 337
Как Промысл сам тебя воздвигнул нас спасать? 408
Но в просвещенны дни сей вымысл видим ясно 516
Которых, Меценат, подвигл к веселью ты 568
О промысл! В оный час ты чудо сотворил 713
Вели Твой флаг поднять, и вимпел в ветр пустить 75
Великий Петр нам дал блаженство 101
Когда свирепый вихрь разбил твои суда 414
Он ставит стражей сам, за тем, что ветр способный 475
Я ныне скипетр, власть и славу презираю 484
Как кедр меж нискими древами 559
Распущены на ветр знамена, трубный шум... 728
Познав, кто носит скиптр, мечь, щит 752 [=четырехстопный ямб]
Но вихрь в подножиях шумящий 790
И вихрь крутой завив, возносит до небес.
Как сильный огнь в горах сжигал великий лес 694
Не льдисты ль мещут огнь моря? 121

[81] А тут еще и буквы своей нет!

— и целый ряд других случаев, когда сочетание "шумный + сонорный" (на конце слова) включает носовой звук[82].

Критикуя "Письмо о пользе стекла" Ломоносова, А.П. Сумароков пишет: "*Жизнь свою* я никогда не напишу; ибо етова выговорить не можно" (АС 9: 77). Сочетание [с'н̂'с], где глухой [н̂'] оказывается между [с'—с], показалось трудным для произношения. Но ср. у самого Сумарокова.

Корабль покоился на якоре в водах 37,

где сочетание [пл'п] вряд ли легче. Глухое произношение сонорного между глухими шумными было в пределах нормы. Недовольство А.П. Сумарокова вызвано, может быть, тем, что здесь после сочетания "шумный + сонорный согласный" невозможная пауза. Но и *корабль покоился* — такой же случай.

Эти строки — со словами, которые кончаются сонорным, не прикасающимся к гласному. Но Ломоносов не избегал в стихах и таких слогов, где сонорный вначале и тоже не касается (в данном слове) гласного; пример уже дан (последний из перечисленных): там, кроме слова *огнь*, есть и слово *льдистых*. Еще:

Или от льстивого к неверному склонюсь? 449
Неблагодарного забудь, забудь льстеца 449 и т.д.

Сумарокову это очень не нравилось; о стихах Ломоносова *Мѣж льдистыми горами* он пишет: "*Мѣжъ льдистыми* дѣлаетъ выговору великую трудность, что я весьма облегчать стараюсь" (АС 10). В приведенном стихе трудность была и оттого, что сочетание "[л'] + согласный" следовало после согласного же, притом звонкого: [жл'д']. Заметим, что во всех остальных случаях сонорный находится: если он конечный — перед паузой (или цезурой, коли ямб шестистопный), перед глухими или сонорными; если он начальный — после глухого шумного. Ясно, что такое положение хорошо обеспечивает глухость сонорного. *Меж льдистыми* — единственное исключение.

Ломоносов часто пользуется в стихе словами, где сонорный, недоступный для гласных, упрятан в середину этих слов:

Казацких поль заднестрский тать 29
Вы, бодрствуя во время ночи... 142
Красуйтесь, Днепрские струи 280
Отмститель храбр[83] врагов сварливых 108

---

[82] А. Шлецер писал: "...что иностранцев затрудняют скопления согласных в русских словах, например, *Мценск, ржу, льда, льна*... Однакож язык от того не делается таким жестким, как можно было бы думать. Стих:

Познав, кто носит скиптр, меч, щит,

который звучит невыносимо, когда произносит его иностранец, в устах русского теряет чрезвычайно много своей жесткости" (*Шлецер А.* Русская грамматика // Сб. ОРЯС АН. СПб., 1875. Т. 13). "Нежесткость" возникает, возможно, ввиду пластичности сонорных: в позиции между согласными сонорный понижает свою сонорность или даже полностью оглушается. Если *скиптр* — перед паузой, то возможно полное оглушение [р̂], если же происходит перераспределение слогораздела: *скипт рмеч*, то допустимо просто понижение уровня сонорности.

[83] В одном стихе: *храбр* и *отмститель*.

Который с высоты на агньца хочет пасть 294
Когда ж прослушаешь, подумай, как отмстят! 441
Супружню, Ольга, смерть отмщая 503
Обиду вы свою напрасную отмстите 540
Отмщеньем дышущих бодрит напор сердец 727

Сумароков, роптавший на трудность ломоносовских стихов, сам писал так (АС 2):

Но Тирсисова мысль и тут еще мутилась 8
Котору побеждать казалось мне мысль люту[84] 29
Одна в умах их мысль, страсть равно их тревожит 16
Пришел последний час, был слышен вопль во граде 84
Сучок ли оторвет ветр или ветку тронет 32
И колебаяся ветр мягкий цаловала 33
Мой свѣт: когда тебе власы ветр легкий тронет 36
Как вдруг восстал злой ветр, и воды возмущал 38
Иль как за агнцем волк без пастыря во стаде 84

и т.д. Но как будто начальных сочетаний "сонорный + согласный", когда они следуют после согласного, Сумароков избегал. Причина ясна: их нельзя оглушить. Если [д̂'с'т'эц] еще возможно, то [д̂'дистыи̯] совершенно нереально, так как здесь глухой стоит перед звонким шумным. А произношение [д̂'т'истыи̯] не принято. (Напротив, допустимо оглушение звонкого согласного перед глухим сонорным в конце слова.)

Все эти примеры показывают, что стих вовсе не чуждался сонорных, не примыкающих к гласному; что обычно сочетания "шумный согласный + сонорный на конце слова" были в позициях, которые допускают глухие согласные: перед гласными, перед сонорными согласными, перед губно-зубными, перед глухими согласными, перед паузой (часто — перед цезурой). При этом сонорные нигде не образуют слога, стих обнаружил бы это.

Оценивая стихи поэтов прошлого с точки зрения орфоэпии конца XIX — начала XX в., Р.Ф. Брандт писал: "*Ее изнеженные пальцы | не знали игл...* — форма эта, хотя и допущенная Пушкиным, на мой слух нестерпима: уж не произносил ли Пушкин *иг* или *ик*?.. Для меня *игл* — двусложное слово и только орфографически отличается от *игол...* Таков же может быть и род. *бездн,* который при непринужденном произношении звучит [б'эзн] или [б'эзън], а в старину мог произноситься [б'эзд] или [б'эз] ([б'эст], [б'эс]); если так, то мы поставим на ноги стихи вроде

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал (Г.Р. Державин)"[85].

Действительно, для человека с современными орфоэпическими привычками стихи поэтов XVIII в. (с сонорными не рядом с гласными) представляют загадку. Очень вероятна отгадка Р.Ф. Брандта. Произносили, скорее всего, *бездн*=[б'эсн̩]... Поэты XVIII в. рифмуют так. Сумароков: *нѣдр — Петр* IX, 162, 174, *вѣтр — Федр* VII, 43; Ломо-

[84] Вряд ли можно предполагать, что здесь произношение: [мыс'л̄'уту] с долгим [л̄'], имеющим одну выдержку (на стыке слов!).

[85] *Брандт Р.Ф.* // Миклошн Ф. Сравнительная морфология славянских языков. М., 1887. Примечания. С. 403.

носов: *Петр — нѣдр* VIII, 105, 633, 802, *вѣтр — нѣдр* VIII, 199, *Петр — щедр* VIII, 731, 750 и мн. др. Рифмы — свидетели, что конечные сочетания *тр — др* произносятся одинаково, т.е. [тр][86].

В бумагах Петра I: *поросньъ* (=*порознь*)[87], т.е. =[с'н̂'].

Всё свидетельствует о том, что обычным в произношении XVIII в. было оглушение сонорных, не соприкасающихся с гласными. Так, скорее всего, было в пурпурной системе. И нет оснований предполагать, что по-другому было в лиловой, что в ней оказалось обычнее чередование [р || ър, ьр] (то же и с другими сонорными). Скорее наоборот: создается впечатление, что здесь стиховое, пурпурное чтение опирается на повсеместно усвоенное, обычное и в бытовой речи произношение.

Значит, формы *ушиб, принес, промок, высох* (ср. *ушибла, принесла, промокла, высохла*) фонетически очень близки к формам *храбр, добр, быстр, хитр, мудр, щедр, мокр* и под. или к формам *кисл, росл, подл, рыхл* и др. В глаголах последний сонорный был доведен до полной гибели: в *ушиб, принес* не было в конце даже глухого [л̂]. В формах *кисл, росл* или *мокр, мудр* оставались глухие [л̂] и [р̂], почти неслышные, почти омертвевшие звуки. Но только почти. Все-таки они были.

Почему была разная судьба у конечных сонорных, не знающих связи с гласными, у глаголов и у не глаголов? Ведь позиции одинаковы. Ответ может быть один: причина не в фонетике, а в грамматике. Морфологическая аналогия не позволила распасться на два варианта корням (и основам) *подл, мудр* и т.д. Фонетическая закономерность привела бы к невнятице: *подл-/под-*[пот], *мудр-/муд-*[мут]...

Напротив, у глаголов грамматика легко допустила чередования ноль || [л, л']: *ушиб || ушибла, ушибли.* Грамматика давно уже примирилась с нулевыми показателями и даже полюбила их (из-за их максимальной краткости). Чередования с нулем у глаголов не наносили ущерба корням и основам. Корень-то оставался целым. Просто показатель прошедшего времени стал нулевым.

Итак, грамматическая аналогия помешала фонетическому процессу (редукции до нуля конечных сонорных, не поддержанных соседним гласным) дойти до своего завершения. Сонорные в этой позиции (и как раз те, которые были в именных формах) не исчезли. Они избежали гибели, хотя и были на шаг от нее.

В современном языке слов типа *отмстить* немного и есть стремление в речи их избегать (употребляя, например, вариант *отомстить*). В XVIII в. такие слова не подвергались остракизму. Они свободно входили в бытовую, шутливую, интимную речь.

В 1789 г. "Словарь Академии Российской" фиксирует слово *агнчик* (уменьшительное от *агнец*) с пояснением: "Слово, употребляемое в приветствии кроткому и любезному дитятѣ или женщинѣ благонравной и незлобивой. *Агнчикъ мой!*"

---

[86] Ср.: *петиметерь — вѣтерь* (Сумароков, VII, 86, 357; написание не в рифме: *петиметер* там же, 356; ср. фр. petit-maitre). Если хотели сохранить [р] неоглушенным, то делали "подкладку" из гласного — из настоящего, хорошего гласного.

[87] Письма и бумаги Петра Великого. М., 1956. Т. 10. С. 43.

В личном письме А.В. Суворов сообщает: "...Прилагаю письмо брата Тарновскаго, съ регистрцомъ..."

Комедия XVIII в. показывает, что таких слов не избегали в разговоре:

" — Вы мнѣ о семъ ничево не приказали.

— Неприказанія разнствуютъ со прещеніемъ"[88].

Словари в большом количестве включают слова типа *досмотрщикъ, козньственный, отмщение, отмщевати, нагльски, преставльшийся, приступльший...* Многие из них имеют книжный характер, но далеко не все.

Очевидно, XVIII век знал легкий способ произношения таких сочетаний (сонорный согласный в окружении шумных). Вставляли гласный перед сонорным? Но тогда этот способ произношения хотя бы в редких случаях отразился в письме. Таких свидетельств нет... Очевидно, сонорный в "шумном окружении" было принято произносить глухо.

Мы не поощряем такие сочетания в своей речи именно потому, что для нас глухое произношение их не является общепринятой нормой (особенно в бытовой речи). Но и звонкое слоговое произношение сонорного меж шумными не совсем обычно. Поэтому возникает чувство артикуляционного неудобства. Нет рекомендованного образца! В XVIII в. такой образец был: все сочетание произносилось глухо, поэтому — энергично, выразительно. Такое произношение приветствовала бытовая речь, оно было вхоже и в высокий стиль. А в поэзии оно было источником звуковой красоты:

...Я мужа нечестива зрел,
Как кедр высоко вознесенна:
Кедр ветви в облаках имел,
Под ним земля едва спасенна:
Далеко корень простирал,
И воздух грозно раздирал.

Пришел его незапный рок,
Сражен ужасной силой гнева.
Повержен, сброшен кедр высок,
Не видно больше горда древа,
Забвенно место, где был кедр.
И буйный презирал он ветр!

А. Сумароков

Рифма *кедр — ветр* дает руководство произношению.

Вспомним, что́ нам известно о судьбе сонорных в позиции "не рядом с гласным", об их изменениях за три века.

В XVIII — начале XIX в., как мы видели, сонорные в этой позиции обычно глухие. Бытовые формы *рун* или *рунь* (из [рупл']), *карап* или *карань* (из [кара́пл']) говорят, что такое произношение не было чуждо и бытовой речи.

[88] Комедия Екатерины II "Недоразумения". В комедии есть установка на разговорность: "Сын мой... перед вами виноват нивись как..."; "Я вас нивись как прошу"; "А что говорил я давича, то все относилось к вам..." (Сочинения Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2. С. 153, 179, 189, 191). Это не помешало ввести глагол *разнствуют.*

Но в первой половине XIX в. это произношение стало соперничать с другим — сонорные произносились звонко, образуя слог: [жыз'н̥'], [карабл̥'][89]. В 20-е годы прошлого века бытовая речь уже приняла это произношение, а поэзия еще культивировала традиционное. Первые примеры в поэзии мы находим у Лермонтова. Такой выговор существовал на протяжении всей последующей истории нашего языка. Поэзия отозвалась и на это произношение:

По вечерам горят огни на баке;
А днем мы ждем таинственных вестей;
Хотим понять сплетений тайных знаки
На небе распластавшихся снастей.
Качается корабль острогрудый,
Подъемля в небо четкий знак креста.
И смотрим пристально, и ждем мы чуда;
Вода внизу прозрачна и чиста.

Е. Кузьмина—Караваева

Но вот явилось и третье произношение (середина XIX в.): сочетание сонорного с предшествующим сверхкратким гласным (а может быть, и не сверх?). Напомним примеры: *теа*[т^{ъ}р], *жи*[з^{ъ}н']... Сначала в бытовой речи и в отражающей ее шутливой поэзии, потом в серьезной лирике...

Во всех случаях поэзия берет то, что уже явлено в бытовой речи. Берет, преображает повседневную реальность в искусство. Преображает, чтобы держать дистанцию между данностью жизни и искусством.

Таким образом сонорные от системы к системе набирались силы, возвращали себе полноценный облик (сонорные в независимой позиции — звонкие), все более преодолевали диктат позиции.

В XVIII в. признак глухости сонорных (в данной позиции) был "двухместным":

глухой	
консонантный	консонантный
невокальный	вокальный[90]

Раз уж конечный сонорный оглушается, то и перед ним, глухим, нет выбора между звонким и глухим шумным согласным: подходит только глухой. *Федр* и *фетр* не различались бы в произношении, если бы второе слово было в русском языке XVIII в. (но, конечно, различались в формах *Федра* — *фетра*).

---

[89] Может показаться, что в сочетаниях, например, *-бль* (*корабль*), *-знь* (*жизнь*) непременно должен возникнуть гласный между согласными. Он может возникнуть, но необходимости в этом нет. Комплекс [з'н'] может произноситься без размыкания органов речи, необходимого, чтобы реализовался гласный. Мы "слышим" гласный? Это иллюзия фонематического слуха. Так же без гласного могут выговариваться и другие сочетания "шумный + сонорный".

[90] Конечно, признак "вокальность" у последнего сегмента обретает здесь призрачное, парадоксальное существование.

в следующий период "двухместность" исчезла, так как глухость перестала быть неизбежным уделом сонорного (в данной позиции)[91]. Наконец, сонорный зовет себе на помощь гласный, чтобы еще более полноценно проявить свою сонорность.

Консонантные—неконсонантные

Фонема <j> представлена и согласными (в одних позициях), и гласными (в других). Так, [и̯] — вокальный неконсонантный, т.е. гласный, а глухой йот [ç] — невокальный консонантный, т.е. шумный согласный. Поэтому фонему <j> не задел закон Бодуэна де Куртенэ: ни его потворство согласным, ни его недружелюбие по отношению к гласным. <j> проходит и по той, и по другой рубрике. Значит, не принадлежит исключительно ни той, ни другой.

Те выражения этой фонемы, которые свойственны алой системе, были, скорее всего, знакомы и лиловой.

Ввиду того что условия позиционного чередования [и] || [ы] в XVIII в. были те же, что и позже, можно полагать, что существовали: [и̯] (*ко́нь его*=[ко́н'и̯эво]) и [ы̯] (*до́м его*=[до́мы̯эво]). И — далее — два типа йота; артикуляция была среднеязычной, но после твердых сдвинута назад.

Ударные слоги выделялись сильно, поэтому было чередование согласного [j] (*вдвоем*) с неслоговыми гласными [и̯], [э̯] (*двойка*). Перед ударным гласным — [j], в остальных случаях — неслоговой гласный.

Но более или менее уверенно об этом можно говорить только для лиловой системы. В пурпурной, как уже сказано, различие ударных и безударных слогов не было очень контрастным. Возможно, в этой системе <j> — часто или редко — возникал и перед безударными гласными.

Трудно установить наличие [э̯] в языковой системе XVIII в., и сделать это можно только косвенно. Нельзя ли использовать стихи А. Сумарокова?

Под сею иногда горой в бору бываю.
И там ищу грибов под дубом на реке,
Который там стоит от паствы вдалеке.
Я и вчера была: там место уединенно;
Ты можешь зреть меня и тамо несумненно[92].

[91] Не было ли здесь влияния грамматической аналогии: *дряхл* "выправилось" под влиянием *дряхлый, вихрь* — под влиянием *вихри*? Нет, процесс протекал как чисто позиционный. Безысключительный. Это заключение отвечает привычной схеме: всякая закономерность, связанная с изменением (или, наоборот, неожиданным неизменением) звуков, может быть либо фонетической, либо наличествовать благодаря грамматической аналогии. Но верно ли это? Может быть, не "либо — либо", а "и — и"? Явление стало чисто фонетическим (позиционным), но грамматическое выравнивание помогает ему усилиться? В нашем случае — глухим сонорным вернуться к звонкости? Мы полагаем, что это очень вероятное предположение. Но продолжаем сомневаться.

[92] Орфографическое различие *е* — *ѣ* в стихотворных текстах А. Сумарокова не воспроизводим: он не различал <ѣ> и <э>.

Ритмика стиха требует чтения: *у*[э̯]*диненно;* ср. пример А.И. Томсона: *А*[э̯]*вазовский* (см. гл. 2). Чтобы в стихе произнести [э̯], надо знать этот звук из обыденной речи. А в обыденной речи [э̯] является только выразителем <j>. Стих пользуется своим правом опираться на факты обыденной речи, преобразуя их (потому что в обыденной речи [э̯] следует только после широких гласных, не после [у]). Итак, предполагаем, что речь XVIII в. знала [э̯] как выразитель йота.

В XX в. <j> может в определенных позициях (см. гл. 2) произноситься как слоговой гласный [и]. Слова *флейт* и *клеит* могут в своем исходе звучать одинаково: [эи̯т]. Когда в "Записках" Нащокина читаем: *родом Малороссийц* вместо *Малоросіецъ*, то заключаем, что могли не различаться сочетания *-ийц*, и *-иицъ* или, при эканье, *-иец*). Смешение двух написаний говорит о неразличении [и] и [и̯] в данной позиции (подробнее об этой нейтрализации см. в гл. 2).

Уже говорилось, что в современном языке, в естественном произношении, *синий*=[с'ин'и], *тонкий*=[тонк'и] (но внутрислоговое движение интонации остается таким, которое характерно для закрытых слогов). Видно, так было и в XVIII в. Пример: "Я не знаю по ɵранцузский. А я не умѣю по гишпанский"[93]. Видно, что сочетание *-ий* и открытый исход *-и* не различаются: *-ий* реализуется в виде *-и*, как в современном языке, с соответствующей компенсацией со стороны интонации.

С этим надо поставить в связь слова Н.П. Николева о том, что в словах типа *Овидий* "короткое *й* в выговоре поглощается"[94].

В современном русском литературном языке интервокальный [j] перед [и] представлен нулем звука: *мой — мои, сарай — сараи, не беспокой — беспокоит* и т.д. Мы предположили, хотя и с некоторым сомнением, что в XIX в. было возможно в этой позиции произношение [и̯]: *моᵢи, сараᵢи*. Как обстояло дело в XVIII в?

Вот перед нами текст одной из интермедий XVIII в. Язык не имеет значительных расхождений с лиловой системой. Среда, из которой вышел этот текст, — хорошо грамотная челядь. Интермедия написана стихами с такими рифмами: *был — накормил, довольно — полно, домой — мой, принесть — поесть, слуга — и я, призывать — приказать, готовил ли ты что? — а вам, сударь, на что?, обедал — отобедал, съел — приспел, нет ли хотя какой ушки? — есть две целые кадушки...* Один персонаж угощает другого ухой.

— Каналия, да то, знать, помои!
— Только ели собаки многи.

(Далее рифмы: *мое — свое, вареного — пряженого, десятки — всмятку...*). В тексте, где предпочитаются полные рифмы, оказались отожествлены звуковые исходы слов *помои — многи*. Рифмоваться они могут только при таком произношении: *пом*[оᵢи] — *мн*[оᵢи]. Мы уже говорили, что [γ'] может артикулироваться как [j]. Но если одно рифменное слово произносилось как *мнойи*, то другое должно

[93] *Перетц В.Н.* Указ. соч. С. 453.

[94] *Николев Н.П.* Рассуждение о стихотворстве российском: Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1787. Т. 9. С. 41.

тоже содержать неслоговой гласный: *помойи*. Установка в стихе — на точную рифмовку.

Итак, XVIII век знал произношение *помойи*, следовательно, и *беспокойит, мойи, сарайи* и т.д. Было ли оно только просторечным или отвечало также и литературным нормам? Возможно, оно было и литературным; вот все, что мы можем сказать.

Следовательно, с разной степенью достоверности мы предполагаем, что те реализации йота, которые знали XIX и XX вв., в большинстве своем (или все?) существовали и в XVIII в.

Перед местоимениями *им, их, ими* шествовал йот. Может быть, йотирование перед [и] было шире распространено, чем в языке позднейших периодов. Примем во внимание свидетельство И.В. Паузе: "...*ересь* — читают jeres, *ictopia* — читают jistoria"[95].

Было бы неверно предполагать, что перед всяким начальным [и] был [j]. Это видно по записям М.В. Ломоносова: *въ избѣ = вызбѣ, ходитъ и къ намъ=ходитыкнамъ* (МЛ 7: 425).

Необыкновенно переменчив этот <j>, гнется и в ту, и в другую сторону в зависимости от условий, от позиций, но, может быть, именно поэтому без ущерба проходит сквозь время. Среди людей это качество не пользуется уважением, но звуковой единице можно это простить.

Материал о <j> особенно ясно раскрыл одно противоречие, которое свойственно изучению произношения прошедших эпох. Предмет такого изучения — общепринятые звуковые типы, законы их позиционных чередований, законы их сочетаний. Пожалуй, можно сказать: их позиционных сочетаний, так как важны не атомарные констатации — [к] сочетается с [ш], а законы, определяющие, какие классы единиц вступают в сочетание. Другими словами, важно установить классы звуков, возможных при данной единице (или при классе данных единиц), в данной позиции.

А это значит, что исследование должно определить, охватывают ли чередования все слова без исключения (только в этом случае они — позиционные), охватывают ли сочетания данного типа все единицы класса (только тогда можно говорить о позиционном характере сочетания, о синтагматической закономерности).

Но материал при этом всегда ограничен, всеобщий характер и парадигматических, чередовательных, и синтагматических, сочетательных, закономерностей установить невозможно. Иногда приходится о всеобщей закономерности (всеобщей для языка данного времени) судить по немногим примерам, иногда — по одному. Сопоставление прошлого с современностью позволяет сделать какие-то выводы, но большей частью предположительно.

---

[95] *Михальчи Д.Е.* Листы беловой рукописи "Славяно-русской грамматики" И.В. Паузе // Вопросы грамматики и словообразования/ Ун-т Дружбы народов им. П. Лумумбы. М., 1968. С. 152.

Проверка возможна в связи с дальнейшим накоплением материала — процессом, сильно рассредоточенным во времени. Увы, это так, и изменить здесь ничего нельзя.

Диффузные — компактные

В бытовой речи свистящие перед шипящими были невозможны. Это категорически утверждал В.К. Тредиаковский: "Буквы s (з) или (с) предъ (ч) всегда превращаются в (ш). Примѣр. Надобнобъ безчіниЕ, говорімъ бешчіниЕ..." (ВТ 3: 279).

Тредиаковскому вторит и М.В. Ломоносов: "Буквы *з, с, т* в предлогах произносятся как им последующие и с ними сливаются: *с шумом, из шерсти, от червей, с жилами* выговаривают: *шшумом, ишшерсти, оччервей, жжилами*" (МЛ 7: 427). В материалах к своей грамматике он записывает: *иж журнала, иш шапки, жжал, шшумом, ишчего, шшибка, жжимаю* (МЛ 7: 604—609). В текстах (рукописных) такие мены: свистящие меняются на шипящие перед шипящими. Такое произношение было и в лиловой, и, судя по всему, в пурпурной системе (но, вероятно, не в церковном произношении).

Однако позиционной надо признать для начала XVIII в. и другую мену: перед свистящими не могли находиться шипящие; они заменялись на свист:

высокий	высокий
диффузный	
невокальный	невокальный

Например, в газете "Ведомости"[96] встречаем постоянно: *въ чéсской зємлѣ, в*^{s} *королéвство чéсское* 16, *в чéсской* 65, 122, 130 и др., конечно, есть и этимологически оправданные, традиционные (и фонематические!) написания: *чешскія* 134, *чешскаго* 137 и др. Там же говорится о земле *волóской* (75 и др.) — земле, населенной волохами.

Алексей Петрович (царевич) пишет Петру I: И дворяномъ, каторымъ велѣно сбиратся в Рязкъ, нынѣ велѣно имъ сбиратся на Воронежѣ... (1.V.1708). См. еще в письме от 24.IV.1708: Ряск (32)[97].

У Ломоносова:

> Изъ рукъ мускихъ назадъ поверженные камни
> Прияли мужескъ видъ, изъ женскихъ рукъ — вид женский VIII, 171.

Здесь примечательно соседство: *мужескъ — мускихъ;* даже явная близость этих форм (пространственная и морфемная) не повлияла на орфографию: все-таки проскользнуло фонетическое написание[98].

---

[96] "Ведомости" времени Петра Великого.

[97] Письма царевича Алексея Петровича к его родителю государю Петру Великому / Подгот. изд. Н. Мурзакевича. Одесса, 1849. С. 34.

[98] Явление восходит к XVII в. Ср. у Симеона Полоцкого: *бесѣды пастуские* (=*пастушские*). С. Щеглова пишет о языке цитируемого памятника: "...язык их [произведений Симеона Полоцкого после его приезда в Москву] является языком Московской Руси: произведения, написанные Симеоном Полоцким в Москве (а их

У М.В. Ломоносова же, в «Материалах к Российской грамматике»: *ческой язык* (МЛ 7: 609).

Письмо графа М.П. Бестужева-Рюмина графу М.Л. Воронцову: "В Варшаву перебрались оба брата князья Чарторисские..." (1756).

В.И. Чернышев писал: "В XVIII веке живое произношение этих глаголов (*сердисса* и проч. — *М.П.*) было еще так распространено, что проникло и в письмо" (ВЧ 15:42). Он приводит примеры: из "Недоросля" Д.И. Фонвизина: *женисся, останесся, попадесся...*

В "Ведомостях" встречается такая орфограмма: *французскихъ* 72 (1703), при обычной форме *францу́ский* 23, 23 bis, 60 и др. Нет возможности в этом [ж] видеть морфологическую вставку (интерфикс): русский язык не знает интерфикса <ж> (=[ш]) перед суф. *-ск-*. Невозможно и образование от слова *француженка* или какого-либо другого с вариантом корня *француж-*. Очевидно, что это графическая условность: то же, что передается написанием *французский,* можно передать и написанием *французжский* — произношение их одинаково, все равно читается [с] (долгий [с:] здесь, перед согласным, невозможен).

Такой же (и не менее убедительный) пример в записках И.И. Неплюева: *генуежский,* при существительном *Генуя, Генова.* И здесь не может быть <ж>; написание предполагает такое же чтение, как и в орфограмме *генуезский,* тоже встречающейся у Неплюева[99].

Сказанное о тожественности написаний *французжский — французский* особенно важно. Написания эти могли читаться одинаково при одном условии, если чередование:

Не перед свистящими	Перед свистящими
шипящий	свистящий

— было позиционным.

Это легко показать на современных примерах. Написание *услыжьте* вполне возможно (при ослабленном орфографическом контроле) — оно читается так же, как *услышьте.* Но невозможно эту словоформу передавать (не в виде случайной описки, а постоянно) буквосочетанием *услызьте.* Причина понятна: <ж|ш> нейтрализованы в этой позиции, <з|ш> — нет.

Интуиция подсказывает, что чередование [щ|с] было позиционным. Если уж до *Ряска* дело дошло, то куда же дальше? Но интуиция может и подвести. Нет ли объективных критериев, показывающих позиционный характер этой мены? Можно их ожидать

большинство!)..." (*Щеглова С.* Русская пастораль XVII в. // Старинный театр в России. Пг., 1923. С. 84). Ср. *устюскую* (=*устюжскую*) (Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968. С. 15. Там же и другие примеры). См. также в записной книжке Егора Столетова, секретаря Виллима Монса: *Пресь сего...* Публикатор текста В.Н. Перетц поясняет: "прежь с ассимиляцией последующему согласному" (Журн. м-ва нар. просвещ. СПб., 1905. N 10. С. 350).

[99] *Неплюев И.И.* Записки. СПб., 1893. С. 51.

на двух путях: либо окажется, что новое заимствованное слово с сочетанием [шс] по-русски преобразовано — получило сочетание [с:]. Но таких заимствований не замечено, и нет надежды встретить их в дальнейшем. В тех языках, откуда шла волна заимствований, не было сочетаний [шс].

Либо окажется (другая возможность), что существуют два омонима с разным фонемным составом, и возникли они из-за нейтрализации фонем. Как только мена перестает быть позиционной, нейтрализация в таких омонимах устраняется — омонимы "разводятся". Две словоформы — *трясся* и *трешься* и в XIX в., и в нашем, XX в. звучали не совсем одинаково: [тр'óс:ъ] и [тр'óшсъ] ("ушаковская норма"). Если бы в XVIII в. второе слово было встречено в написаниях: *тресся, тріосся,* то было бы ясно, что угроза омонимии не испугала мену [ш] на [с]; оба слова звучали одинаково: [тр'óс:ъ]. Было бы ясно, что мена позиционна[100]. Но мы, хотя и очень надеялись на такие находки, в доступных нам памятниках не обнаружили ни словоформы глагола *трешься,* ни других, которые, подобно этой словоформе, могли бы пролить свет на позиционный характер чередования. Остается довольствоваться заключением, что позиционный характер мены [ш] на [с] (перед [с]) для начала XVIII в. очень вероятен. Для лиловой системы. А как в пурпурной? Предстоит прежде всего оценить, были ли в пурпурной системе сочетания <шс> или <жс>. Если были — тогда встает вопрос об их реализации.

Такие сочетания внутри морфемы, как и в современном языке, явно отсутствовали. На стыках же морфем они могли быть в таких случаях: 1) <ш> или <ж> корня (или основы) + <с> постфикса, примеры: *рижский, пригожство;* 2) <ш> или <ж> основы + <с> частицы, примеры: *несешься, не тревожься.*

О первом случае. Слова, образованные от топонимов типа *рижский, парижский* и др., в собственно церковных (литургических) текстах не встречались; нетопонимические же имели суффикс не *-ск-,* а *-еск-*: *мужеский.* Столкновения <ш>, <ж> и <с> в этих формах не могло быть. Глагольные формы тоже не позволяли соприкасаться <ш>, <ж> и <с>; вот они: *несешися, не тревожися.*

Значит, литургическое произношение не указывало, как надо произносить сочетания <шс>, <жс>. Не было тормоза, запрещавшего обычному бытовому произношению проникнуть в оду, в похвальное слово, в театральное действо. Мешать могло одно: эти жанры реализуют пурпурную систему, а пурпурная ориентируется (следуя литургической речи) на букву, на написание. Не мешало ли это осуществиться чередованию <ш‖с>? Ведь орфограммы (традицион-

---

[100] Уверенность основана на том, что сразу, как только фонетическая закономерность становится мертвой (позиционная мена перестает быть позиционной), омонимия начинает нарушаться и в скором времени вообще исчезает. Конечно, это касается только слов с разным фонемным составом. Омонимы *лук* (чтобы стрелять) и *лук* (для еды) не перестанут быть омонимами, даже если оглушение конечных согласных вдруг окажется изжитым: фонемный состав этих слов одинаков.

но принятые и в то же время фонематические) были *рижский, парижский, несешься, не тревожься.*

Еще более важно, что произношение *боисся* и под. было, видимо, и для лиловой системы не обязательно. Как это так: позиционно, но не обязательно? Именно так: в любом слове, в любом такте лиловая система позволяла сочетание "шипящий + свистящий" заменять сочетанием "свистящий + свистящий + свистящий". Передненёбный согласный меняется на зубной. В любом слове, в любом такте — поэтому мена позиционна. Но производить или нет такую мену в данном высказывании — это зависит от воли (или произвола) говорящего. Не забудем, что подлинная кодификация бытовой речи еще не коснулась. Мена зависела не от слова, а от желания (может быть, случайного) каждого говорящего. Это и значит: мена позиционна, но не обязательна.

Очевидно, произношение *боисся, Ряск* не было единственным в лиловой системе. Наряду с ним существовало и другое: *бои*[ш]*ся, Ря*[ш]*ск* и т.д., т.е. без замены шипящих на свистящие. В этом нас убеждает В.К. Тредиаковский: он заметил мену свистящих на шипящие, открыл другие главнейшие позиционные мены согласных, но — молчит о мене *ш* на *с*. Пропустил? Невероятно: в речи такая мена должна быть очень частотна (если она позиционна и обязательна) — особенно в глагольных формах 2-го лица. Значит, в его произношении и в произношении других культурных людей такой мены как обязательной нормы не существовало.

Возможно, дело обстояло так: на стыке с частицей *-ся* оставалось [ш]: *боишься, влечешься* и др., ведь эта позиция очень агглютинативна[101], ср. современное *пя*[т'с']*я, не пя*[ц:]*я*. В других же, более фузионных, позициях была мена; ср. у В.К. Тредиаковского: *польскаго і чесскаго* 199. Из-за того, что мена была не генеральна, Тредиаковский не отметил ее в виде особого закона, но отразил в некоторых своих написаниях (*чесскаго*). Однако нет уверенности, что и в последней позиции мена была обязательна.

Все это позволяет предположить, что такая мена была чужда пурпурной системе. Необязательность мены, орфографические внушения — вот что преградило ей путь в высокий стиль. Вспомним, что пурпурная система гордилась своей кодифицированностью. Необязательность данной мены, ее капризная произвольность нанесла бы ущерб пурпурной строгости нравов.

И на всем протяжении XVIII—XX вв. эта норма (*боисса, чесский*) существует на втором плане, то совсем не давая о себе знать (в голубой системе), то появляясь — всегда как допускаемая, а не как главенствующая.

Но все-таки она дожила до конца XIX в. Орест Головнин, он же — Р.Ф. Брандт, пишет в одной из своих басен:

О, помоги ты мне, мой верный друг Арист!
Ты знаешь — робок я, неловок, нечист;

[101] Об агглютинативности позиции перед *-ся* см.: *Реформатский А.А.* Указ. соч. С. 272.

А ты так молодец, нигде не осрамишься, —
С отцом и с матерью прелестной Милы сблизься,
И, сердце девушки к приятелю склоня,
Ее у них сосватай за меня![102]

Но в XX в. эта норма не проникла: не пустил закон Бодуэна де Куртенэ.

Высокие—низкие

Уже не раз упоминалась такая сочетательная тенденция: после носового согласного взрывной обычно бывает зубной, если предыдущий в сочетании — зубной, и он бывает губной, если предыдущий — губной. Обычны сочетания [нт], [нд], [мп], [мб] и их мягкие "напарники". Этой сочетательной тенденции всегда мешали стать подлинной закономерностью какие-нибудь пустяки. Всего несколько слов. Мы видели, что в каждой более ранней системе этих препятствий становилось все меньше. В лиловой—пурпурной системах только два слова стоят поперек: *ломтя, ломтю* (и *ломтик*), а также *почтамт*. Но *почтамт* было новым заимствованием (оно впервые зафиксировано "Словарем Академии Российской" в 1793 г.); в первой половине оно еще не компонент русской общеупотребительной лексики. Однако слово *ломоть* издавна было в русской лексике, и притом в XVIII в. оно склонялось непривычно для нас:

Сытны токмо щи, ломть мягкий хлеба...
В. Тредиаковский

Итак, эта тенденция и в XVIII в. не была закономерностью. *Ломть, ломтя* и *ломтик*[103] — вот порог, который не могла преодолеть эта тенденция, чтобы стать синтагматическим законом. Заметим, что с каждой новой эпохой она все дальше отходит от той безысключительности, которая нужна для торжества закономерности. Все больше слов идет наперекор этой закономерности. Но в XVIII в. она была только одним словом (или двумя словами) отделена от своего полного торжества. Была близка к победе. И сила ее проявлялась в том, что она подчиняла себе новые заимствования. Так голландское *ring port* (кольцо для снастей, прикрепленное к отверстию в борту) заимствовано в русском как *римъ портъ*. То есть: в какой-то степени сонорные носовые в этой позиции были закабалены. Не вольготно было [н] перед [п], нежеланны были в таких сочетаниях согласные разного места артикуляции. И постепенное обретение ими со временем все большей независимости (путем накопления лексики, где сочетательная тенденция нарушалась) — не особая ли форма действия закона Бодуэна де Куртенэ?

---

[102] *Головин О.* [*Брандт Р.Ф.*] Басни. М., 1899. Такое произношение Брандт отстаивал и в своих теоретических трудах.

[103] Слово *ломтик* впервые зафиксировано в "Словаре церковно-славянского и русского языка" 1847 г. Насколько оно было актуально в литературном языке XVIII в., сказать трудно.

Непроизносимые согласные, подобные поручику Киже, кончно, существовали в языке XVIII в.

В сочетаниях <стн>, <здн> (и их мягких собратьях) средний согласный не произносился. См. у Ломоносова (т. 8): *потомки позны — грозны* 99, *позно — грезно* 357, 475, *неизвестны* (sic) — *тесны* 204, *небесный — прелесный* 765, *совмесно — чудесно* 143—144, *нелестну* (sic) — *небесну* 149.

У В.К. Тредиаковского такие транскрипции (ВТ 3): *известно* 4, 35, 59, 80 и др., *бесхитросных, пристрасныхъ* 5, *извѣснѣе* 8, *радосныхъ* 37, 95—96, *чесные, -ое* 52, 96, *в причасныхъ именахъ* 61, 198, *сладоснѣе* 117, *намѣсницы* 131, *жалосно* 184 и т.д.

А.П. Сумароков (т. 9): *злосно — несносно* 12, 79, *красна — нещасна* 47, *напрасно — нещасно* 106, *страстна* (sic) — *прекрасна* 197, *страсна* (sic) — *подвластна* 210, *нещастно — повсечасно* 216. Дуэт влюбленных, которых разлучают (т. 4):

Прокрисъ
Тобой, Цефал, я страсна.
Цефал
А ты в моих глазах всех паче дней прекрасна...
Немилосерда весть!
Прокрис
О ведомость ужасна!
Оба
О наша жизнь нещасна!
Цефал
Паду в глубокую бед бездну:
Теряю днесь свою любезну...

Так пишет, так произносит А. Сумароков. Но он же строго поучает: "Когда кто пишет *прелесно,* так должно подумать, от чего сие реченіе происходит: от *прелести,* а не от *прелеси*" (IX, 50).

Не будем перечислять всех случаев, когда согласный обращен в ноль. Хотим избавить читателя от обильного, но однообразного материала. Он показывает, что лиловая система так же нулизовала согласные, как и оранжевая. Все новшества в этой области сравнительно недавнего (алого) происхождения[104].

Как обстояло дело в пурпурной системе? Ведь изрядное число приведенных примеров было взято из поэтической речи. Верно, пурпурная здесь (в текстах второй, третьей группы) не отличалась от лиловой. Может быть, нулизация была в ней факультативной? Это трудно установить. Ведь орфографические колебания типа *счасливъ — счастливъ* и под. могут быть поняты двояко: либо второе написание традиционно (и фонематично) и скрывает те же фонетические факты, что и другое написание, простодушно-звуковое. Либо

---

[104] Нельзя не привести, однако, такое высказывание В.К. Тредиаковского: "Буквы (дѕ), (тѕ) ілі (дс) ілі (тс) предъ какоюбъ ни было согласною, ізчезаютъ, а вмѣсто себя оставляютъ букву (ц), в складѣ. Примѣръ. Пішется *персідскій, Єгіпетскій.* Говорітся *персѣцкій, Єгіпецкій.* Равнымъ образомъ і вездѣ індѣ" (ВТ 3: 27а). Последняя фраза подчеркивает позиционный характер чередования. В этом и состоит ценность высказывания.

были возможны колебания в самом произношении: наряду со *сча*[с'л']*ивъ* было допустимо и *сча*[с'т'л']*ивъ*. Установить это сейчас невозможно.

В некоторых случаях пурпурная система задает загадки, потому что ее лексический состав не тот, что у лиловой.

Множество примеров для слова *сердце*: они говорят, что в обеих системах оно произносилось с нулизацией [т]: *сердцем — перцем* (А. Кантемир, 124—125), *сердце, -а* (М. Ломоносов, VIII, 10, 11, 27, 231); *серце, -а, -ѣ, -а, -емъ* (А. Сумароков, VII, 21, 25, 29, 50, 56, 93, 95, 106, 120, 310, 310 bis; IX, 25, 25 bis, 26, 27, 29, 29 bis, 42, 42 bis, 43, 52, 53, 59, 59 bis). В лиловой системе это чередование позиционно: слово *сердчишко* произносилось тоже с нулем срединного согласного: "Серчишко-та уже тронуто"[105]. Значит, в позиции после дрожащего перед аффрикатой согласный [д] нулизуется. Чередование позиционно, так как осуществляется без всяких исключений — в тех двух словах, которые только и являются владельцами таких сочетаний.

Но слово *сердчишко*, конечно, неприемлемо для пурпурной системы. В ней остается только слово *сердце* (с сочетанием [рц]=<рдц>). По отношению к одному слову, которое подпадает под закономерность, невозможен вопрос: есть исключения или нет? Исключение — это неследование некоторых слов (пусть одного) общему правилу. Когда правило может относиться к одному только слову, то вопрос о том, следуют ли остальные этому правилу, бессодержателен.

Поэтому для пурпурной системы позиционный характер чередования:

Не перед [ц]	Перед [ц]
[рт]	[р]

— неустановим. О нем не следует говорить (но только для пурпурной!).

Теперь о некоторых чередованиях (таких, где согласный заменяется нулем), общепринятость которых даже для лиловой системы сомнительна, а в пурпурной они явно не существуют. Вот некоторые написания: *кресьянам, кресьян* (ВТ 3: 118, 172, 209). Ср. *помесье* (у Петра I) и др. Вероятно, чередование [с'т'] (не перед [j])//[с'](перед [j]) — индивидуальная особенность речи только некоторых носителей литературного языка XVIII в.

Возможно, были конструкции, где согласный позиционно заменялся нулем, но они остались неопознанными. Приводим список примеров (не указывая источники), которые намекают на возможность чередований с нулем, но доказать позиционный характер их пока не удалось: *флейщик, усерный, четверки* (=*четвертушки*), *бумажная оберка, гульфарба* (из *gold farbe* 'золотистый цвет')...

[105] Сочинения Екатерины II. Т. 2. С. 25. Русский текст правил А.В. Храповицкий.

Чтобы объяснить, что такое мягкие (палатализованные) согласные, фонетисты XVIII в. с трудом приискивали сравнения с другими языками. В.К. Тредиаковский писал: "Французы слов Espagne і другія подобныя, точно оканчиваютъ выговором такъ, как бы нашімъ ь на концѣ было оно напісано. Еспань: (Гишпанія)". М.В. Ломоносов немецкий Ich-Laut сопоставляет с русским [х']106.

Все это неточные сравнения, но они дают право считать, что в первой половине XVIII в. артикуляция звуков, которые позднее стали называться мягкими, была приблизительно та же, что и в более позднее время.

Материал показывает, что позиционные мены твердых на мягкие не выходили за пределы, очерченные в желтой и зеленой системах. Все мены, существующие в зеленой системе, представлены и в лиловой, и нет других мен.

Внимания требует только один случай: мягкость [р'] в позиции после [э] перед низкими согласными, т.е. перед губными и заднеязычными.

Множество примеров показывает, что произносили: *верьх, верьхом верьхушка, кверьху, сверьх* (и другие однокоренные), *зерькало, подверьгаю, сверькать, церьковь, кочерьга, исковерькал, дерьгаю, сумерьки, четверьг...* В этих случаях [р'] перед согласным заднеязычным — низким компактным.

Перед губным — низким диффузным: *перьвый, перьвопрестольная, сперьва, перьвообразные слова, вперьвые* (и другие однокоренные), *верьви, черьпают, черьви, верьба, серьпы.*

Закономерность ясна с точки зрения синтагматики. Кортеж звуков "эр' + низкий согласный" законен; наоборот, твердый [р], видимо, считался в этом окружении нежелательным.

Парадигматически дело надо бы представить так.

Позиция А: перед губными или заднеязычными, после э.

Позиция Б: при отсутствии тех условий, которые характеризуют позицию А. Тогда парадигматика должна быть изображена так:

В позиции А	В позиции Б
[р']	[р]

Это чередование представлено в таких словах: *ве*[р']*х* — *ве*[р]*шина*[107], *подве*[р']*гнуть, подве*[р']*гать* — *подве*[р]*жен* (и другие однокоренные глаголы), *четве*[р']*г* — *четве*[р]*тый, четве*[р]*о.* Других примеров на чередование нет. И в этих случаях, перед [ш]

[106] В "Итальянских комедиях": *камерметьхень* (*Перетц В.Н.* Указ. соч. С. 185). Ср. нем. Kammermädchen 'горничная'. Перед Ich-Laut'ом — слабо палатализованный [t]; при заимствовании его полумягкость усилена, доведена до полной. Обозначена мягким знаком.

[107] Написание *к верьшине* (МЛ 8:88) говорит о том, что очень частотная орфограмма *верьх, вверьху* и др. повлияла на правописание слова *вершина.* Произносили же твердый [р].

и [ж], позиция слабая: не может быть мягкого [р'] — запрет действует "напролет" все три века.

Таким образом, парадигматическая поддержка данной закономерности очень слабая, невыразительная.

Была ли эта закономерность в XVIII в. живой? Требовало ли данное сочетание мягкого [р'] строго и неукоснительно? Было ли чередование позиционным? Все эти три формулировки в данном случае однозначны. Проверить можно по заимствованиям. А заимствования дают двоякий ответ. Слова, принятые лексикой гуманитарного назначения, утверждают: закономерность жива (слово *Минерва*). Лексика деловая, техническая не признает этой закономерности (слово *верфь*).

В первой половине XVIII в. торжественные оды часто щеголяли словом *Минерва* (царствующая особа была всегда Минервой). Мифологические сюжеты часто тоже требовали обращения к Минерве. Слово это произносилось: так: *Мине*[р']*ва*. Доказательство — рифма *спе́рва* — *Минерва* (МЛ 8: 160), но *сперва* несомненно произносилось с мягким [р']; ср. там же: *сперьва* 176. Рифма подсказывает, что и в *Минерве* был мягкий [р']. Еще: *первой* — *Минервой* 764, *перьвой* — *Минервой* 766. Конечно, в обоих случаях произносилось *пе*[р']*вой*, и в обоих случаях было *Мине*[р']*вой*[108].

В начале XVIII в. было заимствовано и слово *верфь*. В формах *верфь*, *верф* оно часто употреблялось в деловой переписке, в том числе и в бумагах Петра I. Ни одного написания *верьфь* или *верьф!*

Очевидно, слово *Минерва* попало в пурпурную систему, а слово *верфь* — в лиловую, отсюда и разное их поведение. Закономерность была живой для торжественно-поздравительной, отвлеченно-гуманитарной речи. Уже во второй половине XVIII в. это произношение для всех стилей стало фактом отдельных слов; в ограниченном кругу лексем произносился (в описанном окружении) мягкий [р']. Из фонетики это явление выпало.

Новые заимствования: *нервы, вермут* и т.д. — все они были с твердым [р].

Снова приходится вспомнить закон Бодуэна де Куртенэ.

Прерванные—непрерывные

В.К. Тредиаковский уверенно заявил: согласный [к] перед [к] и взрывным [г] (не перед [γ]) "ожесточается в (х) въ предло-

---

[108] Есть и такая рифма: *Минерва — стерва* (Ломоносов, Сумароков), *стерву — Минерву* (Кантемир). Особенную устойчивость проявило слово *стерва* (первоначальное значение — 'падаль', в XVIII в. еще живое). Рифма у В. Маяковского: *с дерева — стерва*. У В. Воинова (Бузотер. М., 1924. N 1. С. 6):

А посредниковой стерьве
Нужны брошки, нужны серьги.

Р. Кошутич слышал в этом слове твердый [р]. Может быть, его информанты, московские интеллигенты, имели не совсем точные сведения о произношении этого слова.

гахъ: а такъ, чаю і індѣ, ежели есть у нас сего составленія слова. Прімѣръ. Говорітся *хъ кому, хъ королю, хъ граматамъ. Пішется къ кому, къ королю, къ грамотамъ*"[109]. Мы бы хотели обратить внимание читателя на последовательность позиционного мышления В.К. Тредиаковского: "и такъ, чаю, і индѣ"![110]

Перед [ч] было такое же ожесточение. У Тредиаковского: *умяхчиваются* 148, *лехче* 71, *лехчайшая* 189, *облехченію* 242, у Ломоносова: *умяхчить, мяхча* VIII, 46, 448.

Чередование надо считать позиционным; оно свойственно, судя по текстам, где встречены приведенные примеры, и пурпурной, и лиловой системам.

И перед [т] согласный [к] тоже ожесточался: *хто* (во многих текстах), *нехто* (Ф.Ю. Ромодановский — Петру I)[111], *дехтярник, дехтярня* 86, *нохтоеда* 113 (Анонимный словарь[112]), *нохти* 424, (А. Шлецер "Русская грамматика"), *кохда* (Ф.Ю. Ромодановский — Петру I)[113]. И даже: *х полкам* 177, *х празднику* 421[114].

Мы помним, что сила "позиционности" (обязательности таких мен) убывает в определенном направлении: <кк> → <кч> → <кт> → → <кп>. Чем значительнее различие в месте образования двух смычных, тем менее обязательна мена. В текстах XVIII в. последняя мена: [к] на [ч] перед [п] — встречается достаточно часто. Не настолько часто, чтобы считать ее позиционной в XVIII в., но достаточно часто, чтобы подозревать ее в позиционном характере на предыдущей ступени, в XVII в.

С эпохой Петра I в русский язык хлынули такие слова, как *контракт, акт, решпект, тракт, проспект* и т.д., — одни из них подчинились позиционной закономерности, а другие — нет. Эти слова в первой половине XVIII в. не успели еще стать устойчивой частью русской лексики. Каждый, пользуясь склонностью разговорной речи допускать всякие включения, инкрустации, преспокойно вставлял все, что хотел, — и немецкие, и голландские, и французские, и итальянские слова, кое-как переиначенные по-русски. Так, *доктор* превращался в *дохтура, декокт* (лекарство) — в *декохт*. И это у европейца Б.И. Куракина, дипломата, чуть не всю жизнь проведшего за границей! Он писал (т. 1): *чрезъ дохтура Кока; по рецепту дохтура; примал декохто пудратик; какъ делать декохт* (рецепт); *принял в декохте с антимонием* и т.д.[115]

Такие переделки слов как раз и говорят о том, что в начале — середине XVIII в. данное чередование было позиционным. Не умели

---

[109] *Тредиаковский В.К.* Разговор...об ортографии... С. 279—280.

[110] *Там же.*

[111] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 659.

[112] Рукописный словарь первой половины XVIII века / Вступит. ст. А.П. Аверьяновой; Под ред. Б.А. Ларина. Л., 1964.

[113] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 680.

[114] Там же. Т. 10 (рукой писца).

[115] Архив кн. Куракина. СПб., 1890—1902. Т. 1—10 (везде дальше указываются тома и страницы этого издания).

произносить [к] перед [т][116] (примеры из записей Б.И. Куракина 1706—1718 гг.). Такие слова очень часто были однодневками. Но были среди пришельцев и такие слова, которые обосновались на жительство. Некоторые становились словами быта, сохранив иноземный облик. Видимо, особенное влияние на судьбу сочетания [кт] оказало слово *трактир*. Первый трактир был учрежден по разрешению Петра I в 1706 г. Дальнейшее распространение трактиров (с соответствующими вывесками) могло оказать влияние на речь, воспитать новые орфоэпические навыки.

Но воспитательное значение *трактира* (в орфоэпическом смысле) не следует преувеличивать. В основе этого процесса лежат не случайности заимствования слов, а опять-таки закон Бодуэна де Куртенэ. Была пора, когда перед [т] считался незаконным согласный [к], он заменялся звуком [х]. Так же было и в соответствующей звонкой паре — [г] и [д]; см. среди примеров *где, когда*. Другими словами: в этой позиции нейтрализовались [к] и [х]. По закону Бодуэна количество согласных в различных позициях постепенно возрастает. Сам И.А. Бодуэн де Куртенэ не относил этого закона к последнему периоду в развитии русского языка, к XVIII — XX вв. Но факты говорят, что он действует и в эту эпоху.

Было: в описанных позициях [х] возможно, [к] невозможно, противоречит орфоэпическим нормам. Стало: и [к], и [х] — оба в эту позицию допускаются.

Резкие—нерезкие

В "Лексиконе" В.Н. Татищева[117] читаем: *замошник* (слав. *замочник*) 57, *колачник* (рус. *колашник*) 62, *ношное* (слав. *носчное*) 73. (Сочетание букв *сч* у Татищева передает *щ*=[ш'ч'].)

Получается такой ряд: *ношной, ношное* — русская форма, *нощной* — славянская форма, *ночной* — тоже славянская. Ср. в Анонимном словаре: *свесченосец — свешник* 371, очевидно, возможна и форма *свечной*. Но обычно даны не три формы, а две: с [чн] и с [шн].

С [шн] действительно бывают представлены в текстах "русские" слова, противопоставленные "славянским"; это слова быта и повседневной жизни — лиловая система. У Сумарокова (т. 7): *кабашный нектар* 130, *молошное питье* 130, *проселошные дороги* 150, но *подсолнечный тиран* 164.

Выписываем из разных источников слова с [шн]: *денно бы и ношно; статошно ли дело; табашная борода; немошных, дряхлых; подсвешник-шандан* (т.е. *шандал*); *пятикопеешный; сукна песошного; ношных рубашек; прошно* (=*прочно*); *кирпишный; клюшник; кулашный бой; ларешный; молошный; лавошник; налишник; празднишное* и т.д. Более или менее полный перечень таких слов занял бы несколько страниц. Среди этих слов не встретились бы слова книжного мира.

---

[116] В XVII в. это позиционное чередование захватывало даже слова, связанные с церковным обиходом.

[117] *Аверьянова А.П.* Рукописный лексикон Татищева // Очерки и исследования по истории языка. Л., 1957.

Дадим другой список слов (в орфографической форме): *прозрачный, прозрачность, личный* (персональный), *медоточный* (сладостный), *единолично, темничный, порочный, подсолнечный* (мир, свет), *мочнейший*... Как они представлены в словаре XVIII в.? Угадать не трудно: именно с сочетанием *чн*. Так написано, так и произносилось.

Можно думать, что когда в лиловой системе языка появляется написание *кулачный бой,* то это дань орфографической традиции, а произносили и в этом случае [шн]. Написание *шн,* ввиду своей нетрадиционности, говорит о произношении (хотя для слов *конечно* и *скушно* это была уже одна из традиционно усвоенных письменных вариаций); напротив, издавна принятые написания с *чн* ни о чем не говорят[118].

Встречаем в "Записках" В.А. Нащокина (СПб., 1842) написание *туточные жители,* где, конечно, произносилось [шн], где [чн] просто неоткуда явиться; становится ясной вся условность написаний с *чн*. Если это учесть, то для лиловой системы надо признать чередование: перед [н], [н'] (не в глаголах) согласный [ч'] заменяется согласным [ш], позиционным или близким к позиционному. В лиловых текстах могли явиться и слова типа *порочный, медоточный,* но как гости из пурпурных текстов. В лиловых текстах им радовались, но своими не считали.

Есть ли противопоказания этому взгляду? Немногие факты и одно теоретическое сомнение.

У Сумарокова читаем: *Скушен без тебя мне светъ* IX, 214. Есть чередование *скучать,* но *скушный;* [ч'], по нашему предположению, позиционно заменяется на [ш] перед [н].

Однако позиционно вызванный вариант не переносится в условия независимой позиции! Произносится *ска*[с]*ки,* с согласным [с]. Но этот [с] не переносится в положение перед гласным, не говорят *много скасок*. Говорят *по*[т]*писать,* но не говорят *потрисовать*. В форме *скушен* (краткая форма от *скучный* = *скушный*) такой перенос совершен. Не знак ли того, что позиционная обусловленность — в прошлом? Что же, произошло освобождение от нее?

Когда категоричность разделения на простой и высокий стили ушла в прошлое (вторая половина XVIII в.), ушла в прошлое и позиционная обязательность этой мены.

Другое препятствие для того, чтобы считать закономерность позиционной, — морфологические ограничения. Как уже сказано, она не коснулась глаголов (*начну, качнет* и др.). Может ли быть фонетическая позиционная мена, морфологически ограниченная?

Действительно: звуки, чередующиеся позиционно, не могут быть полноценными различителями слов. Но любые морфологические квалификации звуков или их сочетаний дают именно значимые различия. Так, в нашем случае оказывается, что звукосочетание

---

[118] Кантемир рифмует: *четверобочник* (т.е. каре) — *помочник*. Как это произносилось? Ломоносов рифмует: *источник* — *помощник*. Как это произносилось? Оба слова с [ч'н]? Или оба с [шн]? Все это неясно.

[ч'н] — знак глагола. Если звуки [ч'] и [ш] позиционно чередуются (перед [н] и [н']), то [ш] — вариант [ч]. И он же — показатель неглагольности слова. Вариант оказывается, именно как вариант, полноценно значим? Со временем, полагаем, лингвисты распутают это противоречие.

Глухие—звонкие

Речь пойдет о шумных согласных. У невокальных сегментов признак звонкости—глухости свободно выбирался: 1) перед вокальными (т.е. гласными и сонорными); 2) перед [в—в'] (т.е. перед невокальными диффузными низкими непрерывными звонкими; или так: перед губно-зубными); во всех остальных позициях была обязательной (для невокальных) либо звонкость, либо глухость.

На конце слова и перед глухими были только глухие. Неразличение глухих и звонких показывает рифма.

У Ломоносова (т. 8): *приказ — час* 449, *труд — зовут* 500, *грудь — путь* 500, *звезд — мост* 503, *горшок — мог* 511, *возбранят — наряд* 512, *человек — бег* 514 и т.д.

В каких же звуках совпадали звонкие и глухие? Ответ находим у В.К. Тредиаковского: "Слова, кончашчіяся на мяхкіе согласны ... россійскій выговоръ всѣ окончаваЕтъ на твердые буквы. По сей причінѣ, сіі пішемыя слова, напрімѣръ, *бобъ, петровъ, порогъ, вредъ, мужъ, образъ, рогъ*... выговаріваЕмъ *боп, петрофъ, порохъ, вретъ, мушъ, обрасъ, рокъ*" (ВТ 3: 277).

Свидетельствует рифма и о произношении согласных перед глухими. У А.П. Сумарокова (АС 7): *дорожка — кошка* 16, *находку — глотку* 37, *глотки — молодки* 39, *во глодку* (так!) — *водку* 130, *часы побудки — сутки* 157, *кружки — игрушки* 179, 227, *мозг — воск* 282, *редко — метко* 384 и т.д.

О том, какие здесь произносились согласные, говорят написания В.К. Тредиаковского. Он стремился сблизить правописание с произношением[119]. Вот как он пишет: *бумашкі* 16, 56, *книшкі* 21, *сей образецъ Есть также с обрасца* 141, *крушка* 157, *наслѣтству* 165, *догатками* 166, *потпісано* 168, *бліско, рѣтко* 180, *слатко, тетраткі* 185, *ніскость* 212, *ошипка* 263, *лошка* 281, *чарку вотки* 276 и т.д.

Напротив, перед звонкими шумными (но не перед [в—в']) были возможны только звонкие.

Закон, установленный Тредиаковским: "Выговоръ россійскій соЕдіняЕтъ мяхкіЕ буквы съ мяхкімі, а твердыЕ съ твердымі" "(ВТ 3: 276): *бесславіе, одбіваю, істекать натъ хоромамі, опшітъ, потсылаю, претпочелъ, восхітіль, ніскій, рассуждаю*... (ВТ 3: 287).

М.В. Ломоносов с этим согласен: "Все согласные мягкие буквы... когда стоят перед твердыми или на конце речения, не имея после себя самогласной, выговариваются твердо, то есть *б* — как *п*,

[119] Но при этом признавался: "...Я і сам многія ешче слова пішу не по звону, но по обыкновенію" (ВТ 3: 191).

в — как *ф*, *г* — как *к* или *х*, *д* — как *т*, *ж* — как *ш*, *з* — как *с...*". Примеры: "*Спрафка, офца, здороф, нохти, друк, бох, натпись, плот, муш, книшка, ниско, звѣст.* Напротив того, твердые мягкими умягчеваются: *от горы, к добру* произносят: *одгоры, гдобру*" (МЛ 7: 426).

А вот его рабочие записки-транскрипции (т. 7): "*Б* как *p*: *обкусываю, обтыкаю, обсыпаюсь, общей, обшиваю, об чей, обтыкаю*" (633). "*В* как *f*: *вход, вкореню, впихиваю, всыпаю, овса, овца, втыкаю*" (634). "*Звѣздъ, гнѣздъ.* Zwest. Hnest" (634). "*Визгъ,* wisk. *Визгу.* wisgu. Mosg, mosk. *Мозгу,* mosgu. *Гордъ.* Gort. *Горбъ.* Gorp. *Везъ,* vos. *Богъ,* boh" (634). Видно, что все эти нормы такие же, как и сейчас: от пурпурной до алой системы перемен не было.

И на стыках слов все было неизменно: "оглушение" конечных шумных было перед паузой, перед вокальным (в начале следующего слова) и перед [в—в'].

Законы сочетания признака "звонкий" и признака "глухой" (и вместе с тем законы чередования звонких и глухих парадигмофонем) оказались необычно устойчивыми. С ними за три века — XVIII—XX — ничего не произошло. А ведь со всеми остальными закономерностями что-нибудь случилось; они все изменились, иные — не один раз. Откуда такая устойчивость?

Ответ такой: закономерности звонкости и глухости, и синтагматические, и парадигматические, едины для середины слова и для сочетаний слов, одни и те же внутри морфемы и на стыках морфем. Неоткуда было взять материал для изменений. Другое дело, например, законы для мягкости—твердости: внутри морфемы они не такие, как между морфемами, внутри слова — не те, что на стыках слов. Здесь может быть перенос менее запретительной нормы (например, на морфемных стыках) в область действия более запретительных норм (например, внутриморфемную).

Всякое "потому" рождает новое "почему". Почему же так едины законы для звонкости—глухости? Ответить нелегко; но автор может воспользоваться здесь льготами, которые дают временны́е рамки его работы: законы для звонкости—глухости установились задолго до XVIII в.; как установились — вопрос не для нашего описания.

Для XX в., вспомним, закономерны отношения, представленные в табл. 6.

Таблица 6

Перед сочетанием	Может быть согласный	
	глухой	звонкий
[в, в'] + α	+	+
[в, в'] + n	+	+
[в, в'] + d	–	+
[в, в'] + t	+	–

Здесь α — гласный, n — сонорный, d — звонкий шумный, t — глухой. Обозначение условное.

Существует образное описание этой фонетической ситуации: согласный [в], как и его мягкий собрат [в'], действует подобно стеклу: он без пре-

пятствия пропускает "через себя" влияние следующего звука. Если [л] позволяет перед собою быть и звонким, и глухим, то и сочетание [вл] поступает так же: *с властью, без власти.* Если [з] требует перед собой звонкости шумного, то так же поступает и [вз]: *под взглядом* (с сочетанием [двз]), *с вздутием от нарыва* (здесь сочетание [звз]). Правда, такие сочетания редки в речи, и наблюдать их трудно. Степень обязательности именно таких зависимостей может вызывать споры.

Так обстоит дело в современном русском языке. А в языке XVIII в.? Видимо, так было и в XVIII в. На такой вывод наталкивает транскрипция М.В. Ломоносова: "*Готов взять, готоввзять. Множеством домов владѣть.* Mnojestvom domof fladetĭ" (VII, 635). Перед сочетанием [вз'], т.е. [в] + d, произносится звонкий (даже на границе слов он не оглушается: сочетание [в] + d не позволяет). На конце слова *домов* произносится [ф], т.е. происходит обычное на стыке слов "оглушение", звонкий меняется на глухой. Сочетание [вл] этому не мешает, так как перед ним возможны и звонкие, и глухие. М.В. Ломоносов, обескураженный этим [ф] (перед [в]!) и не зная, как объяснить его, решил, что конечный [ф] возник под влиянием следующего глухого, и поэтому записал *fladetĭ* через *f*. Очевидный промах.

В этой позиции у глухих и звонких трехвековая устойчивость!

Удвоенные—неудвоенные

И.В. Паузе писал: "Надо похвалить в славяно-русском языке то, что он не удваивает так много согласных, как латинский и немецкий, это редко имеет место". Стремление избавиться от "долгих" удвоенных согласных в первой половине XVIII в. заметно сильнее, чем в последующие периоды.

Обратим внимание на такие написания: *Ты взгляни на них вкоссь* (МЛ 7: 631), *близко, близский* 42, *порозжнити* 245 (Анонимный словарь). Такие написания встречаются не часто, но они повторяются от текста к тексту, и считать их простыми описками вряд ли можно. Они, на наш взгляд, говорят о том, что написания *вкось* и *вкоссь, близко* и *близко* (или *блиско*), *порозжнити* и *порожнити* читались и произносились одинаково. То есть внутри слова согласные не удваивались.

А на стыке приставки и корня? Различались ли в произношении *подтрунивать* и *потрунивать?* Это остается неясным.

Обратим внимание на сочетания предлога со следующим словом. В современности привычны такие речевые обороты: *со стороны, во время, отделился ото дна.* Видно стремление избежать сочетаний *сст, ввр, ддн.* И в XVIII в. было так же. Но был и другой путь избежать долгого согласного: не произносить один из повторных звуков. Так, в "Записках" В.А. Нащокина[120] встречаем, с одной стороны: *во флот* 4, *во Францию* 14 и др., *во время* 55, *во флоте* 75, *во фрунт* 118 и т.д.; *со знаменами* 42, *со стужею* 110,

[120] *Нащокин В.А.* Указ. соч. (везде дальше указываются страницы этого издания).

со святыми 72, *со священники* 80 и т.д. Видно стремление избежать удвоения согласных *вв* и *сс*, когда далее идет еще согласный. Но был и другой путь. Часто встречаются и такие написания: *в вспоможение* 176, *с шведскими, с шведского* (много раз), *с знаменами* 10, *с справедливыми поступками, с смелостию, с столь высоким* 40, *с стороны нашей* 46, *с знатною победою* 62, *с смолою* 79, *с знатною свитою* 90, *с Свейскою короною, с Шведским королем* 95, *с штаб-офицерами* 97, *с старшими* 118... Нетрудно заметить, когда вместо ожидаемых *со-, во-* появляются *с-, в-*: именно в тех случаях, где возникают долгие согласные. Так: *с смелостью* = [с':м'], *с смелою*=[с́:м'], *с знаменами*=[з:н], *с шведскими*=[ш:в']... Непроизносимые сочетания! Их и не произносили. Доказательство — большое количество случаев, когда и не писали. Такие случаи встречаются во множестве документов. И не пишутся именно те предлоги, которые создают на письме видимость долгих согласных. Значит, это именно видимость: долгих на самом деле не было. Предлог, провоцирующий долготу, не произносили (добавим: в положении перед другим согласным, третьим в сочетании фонем).

Но в домашней переписке, в приватных сообщениях встречается пропуск предлога и там, где долгий согласный не был бы в сочетании с согласным иного качества. То есть нетерпим не только кортеж *сск, ввп* и под., но и сочетания *сс, вв* — без согласного сопровождения. Примеры: [с] *случившеюся оказией* 67, [с] *собою подумаю и* [с] *своими посоветую* 73, *не знаю, что* [с] *собою делать* 91, [с] *сим посланным* 105, *везу* [с] *собою* 105, [с] *сожалением* 112, [с] *сегодняшним* 118, [с] *своей стороны* 119, *мир* [с] *шведами* 121, [с] *собою* 132, [с] *сим курьером* 137, [с] *шуйской деревни* 149, [с] *завтрашним праздником* 192, [с] *сегодняшним днем* 192, [с] *женою* 210, [с] *согласия* 234, *беру* [с] *собою* 235, [с] *семи часов утра* 244 и т.д. См. примеры и с предлогом *в*: [в] *феврале* 86, [в] *великом неудовольствии* 105, *поехали* [в] *Вологду* 109 и проч. Из другого письма: *Он вас* [в] *Вене застанет* 463, *можешь* [в] *Вене сделать* 466, *привези* [с] *собою* 467 и т.д.[121]

Видно, что предлоги пропадают не только тогда, когда вслед за ними идут сочетания "согласный (удваивающий первый согласный) + другой согласный". Нежелательны оказались и предвокальные удвоенные согласные.

Существует градация: то, что нетерпимо в составе одной морфемы, терпимо на стыке морфем; то, что нетерпимо на стыке морфем, терпимо на стыке служебного слова с полнозначным; наконец, еще бóльшими пределами сочетаемости отличаются столкновения звуков на границах полнозначных слов. Наши примеры говорят о том, что удвоенные согласные были нежеланны даже на стыке служебного слова с полнозначным, в соприкосновении не только с третьим согласным, но и с соседним гласным.

[121] Из писем М.Л. и А.К. Воронцовых к дочери их... в 1761 г. // Архив кн. Воронцова. М., 1872. Кн.4.

Устранение удвоенных согласных, видимо, было скорее тенденцией, "фонетическим поползновением", чем строгим законом. От эпохи к эпохе пределы действия этой тенденции сужались. Так, в голубой системе, вероятно, уже не было стремления избавляться от предвокальных удвоенных, представляющих "предлог + начало следующего слова". Согласный [в] получил разрешение появиться рядом с [в], согласный [с] — рядом с другим [с] и т.д.

институт русского языка им. в. в. виноградова

ГЛАСНЫЕ

Ударные—безударные

Рифмы XVIII в. отражают безударное оканье: оно полностью господствовало в высоком стиле. После твердых согласных <о> произносилась в безударных слогах как [о].

Сумароков не допускает переклички заударных *о—а* в рифме. У него читаем такой комический диалог:

Стихотворецъ. Надобна была мнѣ риѳма къ слову *небо*. Цѣлыя три часа бился я надъ нею, и такъ жестоко потѣлъ, что на конецъ со всѣмъ обезсилѣлъ, обезпамятѣлъ, и упалъ.

Медик. Ето съ риѳмотворцами не рѣдко случается...

Стихотворецъ. Приснилося мнѣ, будто я сынъ Тартара и Земли, и что я лежа подъ Етною ворочаюсь, и не могу выдраться, и будто мнѣ Юпитеръ приговариваетъ: не трогай неба, не трогай неба. Конечно ето знаменовало то, чтобъ я къ небу не приискивалъ риѳмы... (АС 4: 334, 336).

Почему ж так трудно найти рифму для слова *небо?* Она есть, и среди них некоторые прямо-таки тривиальны, например: *небо — хлѣба, небо — потреба* (ср. у Сумарокова: *потребу — небу*). Для Сумарокова, видно, это не была рифма: различались конечные [а—о]. Он-таки нашел пригодную рифму: *небо — жеребо*...[122]

Сумароков не допускает переклички заударных <о> — <а> в рифме. Даже в баснях строго выдержан этот принцип: если в первом стихе заударный *о*, то и во втором, рифмующемся стихе заударный только *о*. Хорошее подтверждение мысли Б.В. Томашевского, что оканье не было признаком высоких речей (басня — низкий жанр, и у Сумарокова лексически она нарочито вульгарна и небрежна), а стало признаком просто поэтической речи. Такое постоянство — на сотни рифм ни одной переклички <о> — <а> —

---

[122] Павлинъ мой чванится; и думаетъ павлинъ,
Что едакой великой господинъ,
На свѣтѣ он одинъ:
И туловище все, все гордостью жеребо,
Не только хвостъ сво; и смотрит только въ небо.

Критикам, которым не понравилось выражение *гордостью жеребо*, А. Сумароков убедительно отвечал: Ну, что

Худова въ томъ, коль я сказалъ жеребо?
Для риѳмы положилъ я слово то, для небо...

www.ruslang.ru

говорит о прилежно соблюдаемой произносительной привычке. В поэтической речи акать нельзя!

Но этому резко противоречат такие факты: *хохочет* VII, 150, но *похахочу* VII, 157, *хахочеть* VII, 168, 169; *выранилъ перо* VII, 170, но *вырони о мнѣ одну хоть каплю слезъ* IX, 48; *скраю* (глагол) VII, 34, *стреказа* VII, 123, *капчона* VII, 142, *портной краилъ* VII, 219, *рабѣлъ* VII, 324, *рабею* IX, 48, *дарагое, -ой, -ая* IX, 10, 18, 52, 55, 61, 69 и т.д.

Вот еще: *сабачья, сабака* VII, 174, *бошмаки* VII, 150, *барановъ* VII, 164, *о полачѣ* VII, 174, *кареты* VII, 221, но *в коретѣ* VII, 195, *пáтаку* VII, 272, *кравати* VII, 193, *рабѣл* (=*был робким*) VII, 324 и мн. др. В печати XVIII в. мы обычно находим написания *башмак, баран, палач* и др.[123]

Сумароков не допускает рифмовки безударных *а — о;* значит, строго различает в своей речи, где [о] и где [а]. Сумароков нередко путает буквы *а* и *о,* передающие <а> и <о> в безударных слогах (после твердых согласных); значит, не различает эти звуки.

Думаем, что эту ситуацию проясняет такая параллель. Художник К.А. Коровин участвовал в любительских спектаклях и иногда пел романс:

Она мела, скажу меж нами,
Придворных витязей гроза...

Почему *мела?* К. Коровин знал, что в пении <и — э> в безударных слогах различаются. И большей частью удачно пел: где надо петь [и], там он как раз пел [и], а уж если надо [э] — у него и было [э]. Но случались и промахи, нечастые — ведь мемуаристы и приводят этот случай как неожиданный промах. Откуда же промах? В своей обычной речи К.А. Коровин, как и подобало представителю желтой произносительной системы, не различал безударные <и — э>. Они у него были нейтрализованы в звуке типа [и].

"Ситуация Коровина" проясняет "ситуацию Сумарокова". И Сумароков знал, что надо различать безударные гласные, в его случае — <о> и <а>. И различал их, если внимание было обострено, — в рифме. И здесь был высокотребователен. А в бытовой речи не различал. Они у него, как и должно быть в лиловой системе, совпали.

Поэтому Сумароков, случалось, и ошибался. Совсем как замечательный художник К. Коровин...

Этот случай для нас особенно показателен. Он говорит о том, что сосуществование пурпурной и лиловой систем было напряженным. Одна вторгалась в другую. Лиловая подтачивала пурпурную. Видимо, дело шло к тому, чтобы резкое разграничение двух систем было преодолено, нужна была обобщенная языковая система, пригодная для всех ситуаций общения.

---

[123] Полагаем, что Н.И. Новиков бережно воспроизвел в этих случаях орфографию своего кумира — А.П. Сумарокова. Основание: в журналах самого Н.И. Новикова разнобой не доходит до такой степени.

Перейдем к лиловой системе. Это — разговорный, бытовой русский язык XVIII в.; это та его разновидность, которой повседневно пользовались лица, в торжественных случаях прибегавшие к церковнославянскому языку[124].

Такая разговорная речь в начале XVIII в. была некодифицирована. В Москве акали; однако не было требования непременно следовать этой норме. Из характеристики аканья, которую давали В.К. Тредиаковский и М.В. Ломоносов, видно, что складывалось общественное предпочтение аканья в бытовой речи, но и оканье в бытовой речи не было отвергнуто. Москва, писал М.В. Ломоносов, велит "А произносить за О". "Велит" — но только Москва; скорее, это одна из местных разновидностей бытовой речи, хотя Ломоносовым уже отдается ей предпочтение (ни для кого еще не обязательное).

В.К. Тредиаковский: "Нѣжнѣйший московский выговоръ необходимо проізносітъ такіі (о), как (а), для того, что оні не ударяЕмыі" (ВТ 3: 207). Опять речь идет не о литературной, общенациональной норме, а только о московской.

Он же пишет: "Московскій языкъ, і сімъ самымъ первенствующчій ізъ всѣхъ прочіхъ провінціальныхъ, проізносітъ всѣ съ ударяемыі сілою, как (о), но которыі не ударяются сілою, тѣ оный главнѣйшій выговоръ проізносітъ как (а), напрімѣръ, въ семъ словѣ хорошо, понеже оба первыі оны неударяЕмыі; то оні проізносятся такъ, какъ бутто написаны чрезъ а сим образомъ харашо" (ВТ 3: 207). Здесь московское произношение прямо расценивается как провинциальное, хотя и первенствующее среди других провинциальных.

Московское произношение (акающее) еще не победило. Оно побеждало по мере того, как разговорный язык кодифицировался. Это был разительный сдвиг в языковом сознании людей XVIII в. Они знали, что в торжественных случаях надо говорить и писать по-особому, на церковно-славянском языке. Язык этот был в первую очередь письменный и только во вторую — устный; другими словами: он превращался в латынь. Но он имел строгую кодификацию, это важно помнить.

Постепенно, медленно распространилась мысль, что и повседневный быт требует нормативной речи. Акающее произношение перестало оцениваться как провинциальное. И именно В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов сделали первые шаги к ее кодификации. Они установили, что аканье — не просто факт быта, но строгая и требовательная закономерность — и поэтому она может быть нормой. В.К. Тредиаковский писал: "В московскомъ выговорѣ всѣ (о) неударяЕмыі за (а) произносятся. Примѣр: *малако* вмѣсто *молоко*. Сие наблюденіЕ Есть безъ изъятия" (ВТ 3: 273). В.К. Тредиаковский открыл позиционный характер аканья, т.е. его непререкаемую повсесловность. Аканье, оказывается, антихаос и поэтому может быть основой для правильного произношения.

---

[124] Таким образом, лиловая система не совпадала с просторечием, с произношением необразованных (неграмотных) людей. Но граница между просторечием и лиловой системой была зыбкая.

Такой вывод сделали к концу XVIII в. Аканье перестали унижать кличкой провинциального. Аканье завоевало театр. «До нас дошла одна из ролей крепостной актрисы П.И. Жемчуговой (в опере „Нина, или сумасшедшая от любви") с тщательно выправленными в тексте буквами *о* на *а*. Оканье и другие местные особенности говора, исправляемые с немалым трудом, причиняли неприятности крепостному актеру или певцу, привыкшему к своему диалекту»[125].

Аканье получило могучего покровителя: театр влиял на бытовую речь, поднимал престиж "нежного" московского произношения. Произношение театра не должно и не может считаться провинциальным.

Бесспорно, в первом предударном слоге после твердых согласных произносили [а]. (В Петербурге, может быть, уже получило известное распространение предударное "закрытое" [а˄], т.е. "[а], склонное к [ъ]".)

Что произносили в остальных безударных слогах после твердых согласных? Говорили [галава́] или [гълава́]? *Схватили* [за́галаву] или [за́гълъву]? Для звука [ъ] особой буквы не было, письмена молчат. Но все же: А. Кантемир рифмует *пастушка́м малым — другам нахалым* 264, *нравах — лукавых* 342.

Значит, хотя бы в угоду рифме, но все-таки можно передать заударный гласный в слове *нахалом* буквой *ы*. Следовательно, сближено произношение звуков, изображаемых буквами *а* и *ы*. А сблизиться они могли только в звуке [ъ]. Примечательна рифма у Сумарокова: *побытом — ходотом*. Б.И. Куракин пишет: *съ вымослу* (=*с вымыслу*). А.А. Барсов предупреждает: нельзя писать *а* вместо *ы*, например *выиграшъ* ("Российская грамматика", с. 85). Но именно так-то и писали: *выиграшъ*[126]. Можно привести еще несколько таких фактов. Все же их мало.

Обратимся к другим свидетелям: словам, заимствованным из иностранных языков. Постоянно замечаем, что гласный, обозначаемый в немецком и голландском языках буквой *е*, передается в русских заимствованиях, в безударных слогах, русскими буквами *а* или *о*. Какая фонетическая явь скрывается за этими миражными обозначениями? И в немецком, и в голландском (нидерландском) языках эта буква передает безударный гласный [ə], т.е. [ъ]. Смягчения перед этим звуком на русский слух не было. Очевидно, на русский слух гласный, обозначенный буквой *е*, производил то же впечатление, что и русские звуки, которые скрыты буквами *а, о*. (Напомним, что речь идет о безударных слогах.)

Обратимся к фактам. "Двора нашего каморъ-юнкоръ Михайла Воронцовъ отпущенъ въ Москву..." (из письма царицы Елизаветы Петровны).

Из документов, написанных Б.И. Куракиным: *двух санаторов дарить* III, 197, *служители домовые*: *камардинаръ* I, 265; III, 204, *за подписаниемъ маршалка конфедорации* III, 356, *Тимарман* I, 70 и др. (немецкая фамилия *Тиммерман*), *въ Помаранию* I, 87 (и много раз), *санатом* (=*сенатом*) I, 326, *камара* III, 280, *разыдент, разыденции*

---

[125] *Елизарова Н.А.* Театры Шереметевых М., 1944. С. 273.

[126] Письмо Н.Н. Раевского (1792) // Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 9: *выиграшъ*.

(нем. Resident) I, 311, 314, *камарер* (нем. Kammerher) IV, 472..., (много) *больворковъ* (нем. Bollwerk 'бастион') и мн. др.

В известной работе Н.А. Смирнова[127] находим примеры из языка Петровской эпохи: *гранадиръ; ватаръ бакъ, ватаръ бортъ, ватаръ штахъ* (заимствования из голландского языка, с первой частью waater), *ватарпас* (гол. waterpas); *лагар* (нем. Lager); *пергамент* (нем. Pergament); *роморъ* (гол. romer 'рюмка'); *росторъ* (гол. roster 'решетка'); *Заплачено перукъ макару 17 червонныхъ* и мн. др.[128]

Количество примеров можно было бы увеличить во много раз. Конечно, немало случаев, когда иноземное *е* передается русской буквой *е*, но это случаи, которые не требуют особого объяснения. Чисто буквенная форма заимствования обычна для XVIII в.

Почему же нередко попадаются примеры, где происходит замена *е* на *а* — в первом предударном слоге? Мы-то ищем качество гласного во втором, в третьем предударных, в заударных слогах! Что ответить? Такой уж материал поставляют нам немецкий и голландский языки. И нам не так важно, в какой безударной позиции находится гласный в иноязычном слове. Мы устанавливаем, что гласные, которые передаются буквами *а, о,* могут, по русским языковым навыкам, отождествляться со звуком [ə]=[ъ]. Из этого следует, что есть привычка, воспитанная русским языком, употреблять буквы *а, о* для обозначения [ъ][129]. А где он, гласный [ъ], может употребляться в русских словах, об этом мы ни немцев, ни голландцев не спрашиваем.

Итак, гласный [ъ] уже был в русском языке XVIII в., в лиловой системе. Говорили: [гълава́], *схватился* [за́гълъву].

И в пурпурной, и в лиловой системе царило эканье; во всех безударных слогах после мягких согласных ударные гласные <а — о — э — ѣ> замещались гласным [э]. В лиловой системе таким образом нейтрализовались четыре фонемы, в пурпурной — три (ввиду того, что пурпурная не знала в этой позиции <о>). Так же было и после шипящих: "Указано мнѣ, сделав новые шеры, отправить ко двору Вашего Высочества; как оные шеры поспѣют, ѣхать мнѣ самому"[130].

---

[127] *Смирнов А.А.* Указ. соч.

[128] Мелкий немецкий курляндский дворянчик Бирен (Bieren) по-русски стал называться, причем вполне законно, *Би́рон.* Чтобы придать фамилии французский лоск, ударение передвинули к концу. Получился *Бирóн* (временщик Анны Иоанновны).

[129] Важно было и то, что перед [е] в немецком и голландском языках согласные или не смягчаются, или имеют минимальное смягчение — незначимое для русского языкового слуха. С гласным [э] у русских была непременно связана мягкость предшествующего согласного (парного по мягкости—твердости). Поэтому Б.И. Куракин, не услышав в итальянском и немецком infanteria мягкости перед *е* (ударным гласным!), передает русифицированное произношение этого слова так: инфонтария. В.А. Нащокин в своих "Записках" пишет: "Ея Императорское Величество изволила итить въ... Царскаго села армитаж..." (155). Почему — *армитаж*? Потому что Нащокин услышал это слово в сочетаниях *в Эрмитаж, в Эрмитаже,* не мог допустить, что после твердого следует [э], и отождествил этот звук с [а].

[130] См. Архив князя Воронцова. СПб., 1870. Кн. 1. С. 79.

Эканье имело и в лиловой, и в пурпурной системе тотальный характер: охватывало все слова и все безударные позиции (разве что в пурпурной системе возникало у каких-то отдельных лиц стремление фонему <а> после мягких в безударных слогах произносить как [а]: [т'ажэлыи] вм. ожидаемого [т'эжэ́лыи]).

Исключения, реальные или мнимые, были двух типов:

1. Случайные речевые отступления от нормы. Не забудем, однако, что такие случайные "проговорки" часто бывают намеком на будущее, что будущая закономерность иногда сквозит через современную (в нашем случае — современную для XVIII в.) случайность. Пример: "И идтить было ему... не съ кимъ"[131]. Одинокий факт и́канья в заударной позиции. Намек в XVIII в., в лиловой системе, на далекую желтую систему XX в.? (Или — церковно-славянское *кимь*, тв.п.?)

2. Мы уже не раз встречались с тем, что фонетическое новшество, не решаясь раньше времени проникнуть в литературный язык, пользуется прикрытием грамматики. В словах появляются суффиксы и окончания, которые можно рассматривать как подстановку одних морфем вместо других. Фонетика как будто ни при чем. Но, возможно, иногда таким образом исподволь подготавливается фонетическое изменение (или это неверное допущение?) Не работают ли в пользу будущего и́канья такие написания?[132]

Буква *и* вместо *е* является в писаниях XVIII в. не так уж редко; это такие случаи:

а) в окончаниях глаголов I спряжения: *колитъ, колится, лелеитъ, заикаится, замѣлитъ* (от *молоть*) (Сумароков, VII, 92, 120, 356, 373);

б) в глагольных формах прош. времени: *свидился со мной* и под. (Он же, IX, 4);

в) в уменьшительных суффиксах: *дружочикъ, немножичко* (Он же, VII, 266, 341), *малинькой* (Ломоносов, VIII, 170) и т.д.

Видно, что все эти случаи могут быть поняты как явления грамматические. Флексии одного типа вытесняют (или в отдельных случаях подменяют) синонимические флексии другого типа. Так же как мы не считаем фонетической закономерностью появление флексии *-ут* у глаголов II спряжения с ударением на основе, так и написание *колится* может означать не совпадение <э> — <и> в этой позиции, а мену флексии [эт] на [ит]. И все остальные случаи можно, с разной

---

[131] Переписка фельдмаршалов Ф.А. Головина и Б.П. Шереметева в 1705 и 1706 гг. М., 1850. С. 40 (письмо Б.П. Шереметева).

[132] Исключительно редки в XVIII в. случаи, когда гласный обращается в ноль:

Повсюду жавронок поющий,
И зрится впрямь и вкось снующий.
В. Тредиаковский

Сокрылся снег, трава из плена выступает,
Источники журчат: и жавронок вспевает
А. Сумароков

Кокушка говорит: о жавронке известно?
Грач ей: и жавронка там пение прелестно.
А. Сумароков

степенью убедительности, объяснить как факты грамматической аналогии. Фонетическая их содержательность под сильным сомнением.

Позиционное размещение гласных под ударением описано в разделе "Состав фонем". Сейчас покажем, как размещаются гласные в безударных слогах (лиловая система).

В первом предударном слоге:

	Фонемы					
	⟨а	о	ѣ	э	и	у⟩
После мягких согласных:	э	э	э	э	и	у
После твердых согласных:	а	а	—	—	ы	у

В остальных безударных слогах:

	Фонемы					
	⟨а	о	ѣ	э	и	у⟩
После мягких согласных:	э	э	э	э	и	у
После твердых согласных:	ъ	ъ	—	—	ы	у

Это — парадигма. Из нее легко вывести синтагматику. Например, сочетания гласных тътатý, тáтъту, татъ́ту возможны, а сочетания тáтату, татътá, тътътá невозможны.

Пурпурная система отличается тем, что нет фонемы <о> после мягких (она ничем не представлена, в парадигме нужен был бы прочерк), а фонема <о> после твердых везде представлена звуком [о].

Бемольные—небемольные

До сих пор нам не приходилось говорить о связи огубленных (бемольных) и неогубленных (небемольных) гласных[133]. Но XVIII век требует такого отдельного разговора.

В лиловой системе под ударением после мягкого согласного могли быть гласные *о* и *э*: *пень* — *пёсик*. В пурпурной системе здесь закономерна была только фонема <э>. Слова типа *песик* в ней не существовали. Слова *нес, тер, рев* и под. произносились с [э].

---

[133] При описании этой позиции, если строго ее характеризовать для XVIII в., не следует упоминать еще об одном условии: "перед твердым согласным" или "не перед мягким согласным". Примеры: *на берёзе, идёте, пёсик, знамёнщик* и т.д. — показывают, что такое уточнение позиции идет вразрез с фактами.

В бытовой речи (лиловая система) было широко распространено произношение [о] в этой позиции.

Гласный [о] позиционно вел себя не так, как в более поздних системах. В tα этот звук, несомненно, существовал в обеих разновидностях литературного языка XVIII в. (пурпурной и лиловой). Но позиция t'ά требует анализа.

Несомненно, в разговорной речи (лиловая система) гласный [о] мог быть под ударением после мягкого согласного не перед мягким. Произносили (орфограммы показывают произношение)[134]: *дерiоть* 5, *бьiоть* 14, *смѣiотся* 16, *поiоть* 16, *бiотся* 20, *несiоть* 21, *въ потiомкахъ* 21, 251, *приниосъ* 27, *несiоть* 29, 135, *дiоргаетъ* 30, *смѣiотся* 31, 32, *слiозы* 38, *попадiотся* 39 и т.д.

Такой же звук [о] произносился в позициях šα (т.е. после шипящих). После [ш' — ч']: *щоголи* 3, *отчоту* 20, *свѣчою* 55, 191, 273, *чорную* 32, *на чортѣ* 39, *о чомъ, в чомъ* 7, 130, *научонъ* 73, 88, 188, *прочолъ* 91, *щочилы, а не гости* 109, *без щоту* 121, *заключонъ* 142, *сундучокъ* 196, *в его щотѣ* 229, *бѣднячокъ* 281, *щолокъ* 289, *учоной* 297, 364, *заключонъ* 325, *щоголю* 337, *чорному* 386, *пощочину* 440.

После [ш — ж]: *нашол* 5, *заворожоной, заворожонъ* 16, 30, *мешок* 20, 158, *лжоть* 29, 228, 335, *створожонъ* 38, *вошодши* 35, *бережотся* 51, *къ решоткѣ* 52, *шолъ* 79, *стережоть* 87, 231, *напряжонного* 112, *бережоть* 135, *горшок* 139, *с ума сошолъ* 146, *кипѣніе жолчи* 153, *жолчь* 154, *госпожою* 191, *жоночка* 210, *наряжоными* 293 и т.д.

Но это в лиловой системе, в разговорном языке. А в пурпурной?

У М.В. Ломоносова в рифме господствует вариант с [э]. То есть: если в позиции t'α были представлены и [о], и [э] (разграничение по стилям), то ломоносовская рифма всегда (за малым исключением) избирает [э].

Само собою разумеется, что рифмы типа *ведет — полет* ни о чем не говорят: в них оба члена могут быть произнесены двояко, с [о] и с [э]: *по*[л'э́т] — *по*[л'о́т] и *и*[д'э́]*т* — *и*[д'о́]*т*. Иное дело рифма, один член которой допускает только [э] (или только [о]), а другой — вариантен. Безвариантный член показывает произношение вариантного. Таких рифм у М.В. Ломоносова около 180 (т. 8): *поет — свет* 13, *полет — нет* 20, *трясет — свет* 20, *перст — верст* 26, 44, *лев — рев* 44, *вознес — небес* 51, *переделы — веселы* 53, *всем* (дат.) — *твоем* 55, *вселенна — спасенна* 59, *стены — рожденный* 60, *лед — след* 64, *пред нею — землею* 66 и т.д. Огласовки на [о] в одах нет.

После шипящих согласных (непарных по твердости—мягкости) возможен был и гласный [о], и гласный [э]. Произношение допускало вариативность. Снова прислушиваемся к голосу рифм:

а) *суеверы — Оби и Печеры* 621, *душей — твоей* 634, *пчелку — стрелку* 690, *черный — неимоверный* 699, *обнаженны — члены* 711, *ожесточенны — стены* 725, *потечет — Елизавет* 735, *за нею — душею* 776, *влечет — Елизавет* 776, *лучем — всем* (дат.) 792, *почел — дел* 792, *возжег — брег* 795, *несравненна — просвещенна* 796;

[134] *Перетц В.Н.* Указ. соч.

б) *дол — ушол* 24, *востро — плечо* 75, *шол — дол* 190, *счета — ворота* 295, *предпочел — зол* 436, *горшок — мог* 511, *животных — несчотных* 518, *расчосы — косы* 625, *черны — уборны* 764 (контексты: *Напиши ей кудри чорны — Без искусных рук уборны*).

Видно, что в позиции šά в пурпурной системе могли быть и [о], и [э], хотя большей частью, при выборе варианта, предпочитался тот, который противостоял бытовому языку. Верен вывод Б.В. Томашевского, сделанный на материале рифм русских поэтов XVIII в.: "...*Е* переходило в *о* легче после непарных согласных, существовавших в русском языке или только в твердой, или только в мягкой форме: *ж, ш, ц, ч, щ* (*жоны, шолк, лицом, чолн, щолка*)[135]. Наличие таких непарных согласных давало возможность изображать гласную не буквой *е* (или ее старым вариантом), а буквой *о*, что до известной степени затушевывало стилистический характер этого изменения гласной"[136].

Следовательно, в высоком языке, который ориентировался на церковно-славянские нормы, в позиции t'α был гласный [э] и не было гласного [о]; в позиции šα были оба этих гласных (но частость [э] в речевом потоке для этой позиции оказывается значительно большей, чем частость [о]).

Есть "но", ставящее под вопрос этот вывод. В некоторых грамматических единицах в позициях t'α, šά был возможен только [о], не [э]. Именно: в суф. *-ок* (уменьшительном). Диалекты показывают: даже если нет позиционного перехода *е* в позиции t'α, произносится *кулёк, чаёк*. Не колеблет ли их невариантность сделанный выше вывод?

Напомним, что высокая речь и речь бытовая опирались на разные языковые системы. Каждая из них имела свой словарь, и включение слов из другой системы было также нежелательно (без особой мотировки), как, например, вкрапление в русскую речь украинизмов или в украинскую — русизмов. Из-за близости двух систем (бытовой язык — язык торжественный) запреты были особенно жестокими. В проповедях, торжественных словах, одах, трагедиях *кулек, якорек, муженек, перстенек, чаек* и др. были невозможны[137].

Значит, те слова, где в позиции t'α был неизбежен гласный [о] (и не замещался звуком [э] в целях высокости стиля), — именно

---

[135] Ср. после [ц] (в позиции с ά): а) *в тишине — лице* (им.) 56, *лицем — всем* 65, *лицем — в своем* (орфография!) 84, 796—797, *отцев — имев* 707, *лице* (им.) — *в венце* 777; б) *крыльцо — лицо* 710.

[136] *Томашевский Б.В.* К истории русской рифмы // Томашевский Б.В. Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 86. Поиски особого графического знака для [о] после мягких шли трудно. Чего только не предлагали! В Анонимном словаре: *ежь — зверь*, или *jожь, клест — птица*, рус. *клиост* 140; у Сумарокова (т. 10): *можно писать Альона Семьонь, иожь, Iокаста или Иокаста;* у Ломоносова (т. 7): *міодъ, верьовкинъ, фамилие* 44; в "Записках артиллерии маіора Денисова" 1771 г. (М., 1842): "Дѣвицы... переходили с колѣней на колѣни мущинъ которые... одинъ отъ другаго таковую іорзу переманивали къ себѣ". Наконец Н.М. Карамзин изобрел букву *ё*.

[137] *Ручеёк, стебелёк, огонёк* пришли в поэзию только в эпоху сентиментализма.

эти-то слова и не входили в состав церковно-славянской лексики. И окончательный вывод такой: в позиции tά в церковно-славянском языке начала XVIII в. (русском языке особого назначения) были возможны гласные: [а — э — ѣ — у — и], но не [о]. В позиции šα были возможны все шесть гласных.

Не попытаться ли нам /о/ в [н'ос], [ид'от], [р'оф], [тр'ох] и т.д. (лиловая система) и /э/ в [н'эс], [ид'эт], [р'эф], [тр'эх] объединить в одну фонему? Не являются ли /о/ и /э/ двумя вариантами одной фонемы?

В синтагмо-фонологии это не пройдет. Синтагматика объединяет в одну фонему звуки, которые находятся в разных позициях, и притом имеют одинаковый набор различительных признаков. Здесь этого нет.

Синтагмо-фонема /э/ в пурпурной системе имеет один различительный признак: средний подъем. Угадайте фонему из пурпурной системы по одному признаку: она имеет различительный признак "средний подъем", обнаружена в позиции "под ударением, после мягкого". Ответ ясен: это /э/. Ведь /о/ в этой позиции исключено.

Фонема /о/ в лиловой системе имеет два различительных признака: лабиализованный среднего подъема. Итак, пурпурная /э/ — однопризнаковая фонема, а лиловая /о/ — двухпризнаковая; объединить их в одну синтагмо-фонему нельзя.

Парадигматически эти фонемы тоже нельзя объединить: парадигматика отожествляет звуки, находящиеся в условиях позиционного чередования; они сменяются по требованию позиции. Здесь этого нет: позиция в обеих системах одна и та же — под ударением, после мягкого согласного.

Лиловая фонема /о/ регулярно заменяется фонемой /э/ в пурпурной системе разными единицами; объединить их в одну фонему нельзя.

Диезные—недиезные

Иноязычные огубленные гласные переднего ряда (в первую очередь французский гласный *и* и немецкий *ü*) в русских заимствованиях первой половины XVIII в. заменялись нелабиализованными гласными. В русских записях [ü] обычно передавался буквой *и*. Например, у Б.И. Куракина: *до Мидена* (Münden) I, 126, *на Минден* I, 128, *город Ангерминд* (Argenmünde) I, 116, *курфирст* II, 323, *курфирстр* (нем. Kurfürst 'князь') II, 392 и мн. др.

Во второй половине XVIII в., в его конце, начинает преобладать передача этого звука в русских записях буквой *ю*. До слуха дошло, что это не просто гласный переднего ряда, но что он — огубленный. Например, в "Записках" А.В. Храповицкого (1788—1789): *Говорил о дюплисите характера Короля Английского* 55 (фр. duplicité 'двойственность'), *Михельсон подошел к Кюменю* 88, *граф Сегюр* 104, *Что говорят о происхождении и наградах? — Сие произвело эмюляцию в гвардейских* [*полках*] 185 (фр. émulation 'соперничество'); [Об опере:]

"Она — бюрлеск; надобно играть живее и развязнее" (слова Екатерины) (фр. burlesque 'бурлеск')[138].

С чем это связано? Не с тем ли, что изменилось русское произношение?

А.Г. Шлецер, бывший в России в 1761—1767 гг., пишет, опираясь на свои впечатления: "Гласные *à, ö, ü* чужды русскому языку"[139]. И рассуждает о произношении русского слова *земля* иностранцами: "Напишите слово *земля,* или Semlja, или Semlia, ни одно из этих начертаний не покажет иностранцу, не знающему русского языка, настоящего произношения этого слова. Semlja заставит сделать j слишком сильным, а из Semlia и Semlea он сделает трехсложное слово"[140].

Итак, Шлецер хотел передать характер гласного, обозначаемого буквой *я.* Что общего во всех его трех обозначениях — Semlja, Semlia, Semlea? Все они пытаются передать более передний характер [а]. Во всех случаях вводятся соседи [а], но при этом сказано, что это не отдельные звуки; что же они? Качество [а]: более передняя артикуляция. Но сдвиг невелик, ведь Шлецер настаивает на том, что передних гласных *à, ö, ü* в русском языке нет. Последнее особенно важно: Шлецер прекрасно знал эти звуки из родного немецкого языка, и если он не отожествляет их с русскими, то это свидетельство надо принять во внимание. Вывод напрашивается сам: русские гласные рядом с мягкими согласными были диезные, повышенные, но изменение тональности было небольшое. И сдвиг артикуляции кпереди — незначительным. Это, в общепринятой транскрипции, были [ў], [э̀], [а̀]. Произносили: [л'ў̀л'къ], [л'ў̀д'и], [гр'э̀́ју], [зна́ју] и т.д. Но далее влияние согласных усилилось, артикуляция гласных в большей степени стала диезной, сдвинутой вперед.

Гласные идут навстречу соседним мягким согласным, сильнее повышают свою тональность, послушнее усваивают диезный характер соседей. Гласные артикуляционно сдвигаются вперед. Появились гласные [ў] [ö] и т.д. (При отсутствии буквы для [о] после мягких сдвиг вперед у этого гласного было трудно графически передать.)

Стали произносить: [л'ў̀л'ка], [л'ў̀д'и], [т'ўл']... — с гласным лабиализованным переднего ряда. Тут-то и были замечены европейские огубленные гласные переднего ряда, для их передачи стали использовать букву *ю.*

Пожалуй, этот процесс можно рассматривать как бодуэновский. Он представляет собой одно из направлений усиления согласных различителей за счет гласных. Мягкие согласные заставляют гласные подтверждать свою диезность, "гласить" о ней, дублировать ее.

---

[138] Сочинения Екатерины II. Т. 2. С. 143. Всякий, кто изучает русский язык XVIII в., в первой половине этого века будет иметь дело главным образом с немецкими заимствованиями, во второй половине века, начиная с царствования Елисаветы Петровны, — с французскими. Это объясняется сменой культурной ориентации. До царицы Елисаветы Петровны при дворе господствовал немецкий язык, начиная с ее царствования — французский.

[139] *Шлецер А.Г.* Указ. соч. С. 433.

[140] Там же.

Во второй половине XVIII в. эти переднеокругленные гласные заметили лингвисты. Первым, может быть, был М.В. Ломоносов: "Е произносится как jo в нераздельный голос или французское eu с предыдущим согласным н[а]п[ример] в речении peur" (МЛ 3: 600).

А.А. Барсов уже совершенно определенно *ю,* т.е. гласный [у] в соседстве с мягкими согласными, сравнивает с французским *и* — лабиализованным гласным переднего ряда[141].

А как же йот? Он-то в некоторых позициях (после гласного, перед безударным гласным) требовал от последующего гласного сильной диезности; требовал-требовал, да сам и исчез! Стали говорить [зна́ўу], [гр'э́ўу], [игра́ӓ], [тл'э́ӓ] и т.д. (Конечно, сохранилась и возможность четкого произношения [и]: [зна́иу], [игра́иа].)

Мы уже говорили, что закону Бодуэна де Куртенэ йота не жалко. Йот — ни пава ни ворона. Он в известных позициях гласный, в известных — согласный. В случае *узнаю́т* — он согласный. В случае *узна́ют* — он гласный. И, как гласный, готов полностью слиться со следующим гласным... но — преобразовав его.

Очевидно, именно в это время, в XVIII в., и, может быть, именно в середине или в конце его появился в русском литературном языке этот способ обозначить фонему <j>: с помощью сдвига соседнего гласного.

Расчлененные—нерасчлененные

Все единицы в языке-речи можно разделить на расчлененные и нерасчлененные.

В слове *Анна* есть долгий согласный [н:] с единой ровной выдержкой: фонетически это нечленимый звук (хотя фонемно он членим на <н + н>). А в восклицании *Блин — на!,* даже если нет паузы между словами, произносится сочетание звуков [н̂ + н̂], где первый звук — имплозивный, артикуляция идет на смыкание: [н̂], а второй — [н́] — эксплозивный, "рторазмыкательный". Здесь [н̂ н́] — фонетически расчлененная единица.

В слове *лейка* есть дифтонг [эи̯] (или [ээ̯]), он принадлежит одному слогу. Слоговая граница не членит это сочетание. А в слове *болеет* — двусложное сочетание [эи], разбитое слогоразделением.

По́лнедэ́ли — два такта, признаки расчлененности: два ударения, нередуцированный гласный [о] в первом такте. *Полчаса*=[пълч'иса́] — одно ударение, один такт.

Не говори, что знаешь — это может быть объединено одной волной интонации (ИК-1), следовательно — одна фраза. *Не говори* (ИК-3), *что знаешь* (ИК-1 или ИК-2, если есть особое ударение на *что*).

Итак, каждая фонетическая единица либо расчлененная в определенном отношении, либо целостная. Мы сейчас рассмотрим это свойство единиц: то представлять единство, то распадаться на части. Речь пойдет о делении на слоги и такты. Материал — произношение XVIII в. в сравнении с современностью.

---

[141] *Барсов А.А.* Азбука церковная и гражданская с краткими примечаниями о правописании. М., 1768. С. 4. См. также: *Он же.* Российская грамматика. С. 46.

Слогоделение — больной вопрос даже в современном языке. Что уж говорить о XVIII в.! Изучать переносы? Переносили всяко. Были выработаны искусственные правила переносов. Например, такие: *пят-но, од-ни.* На слоги слова так не могут члениться. Ведь [т͡н], [д͡н] — целостные звуки. Первая их часть — взрыв у [тн], [дн] — производится не языком, а язычком, он отщелкивается от стенки зева, и в момент отщелка, когда открывается проход через носовую полость, неизбежно возникает носовая, заключительная часть звука. Все это при одной выдержке — кончик языка на протяжении всей артикуляции [тн] находится у зубов. Значит, распадаться на [т] и [н] этот звук не может, слоговая граница не проходит между [т] и [н], и перенос *пят-но* — условное написание.

Итак, [тн] — один звук, а перенос в книгах его разбивает. Нельзя верить переносам.

Придется послушать Тредиаковского с Ломоносовым. Василий Кириллович писал: "Прі разdѣленіі складовъ надлежітъ почітать а главнѣйшеЕ основаніЕ, что Ежелі которыЕ согласныЕ начінаютъ самый первый складъ въ словѣ, то тѣ і въ средінѣ начінаютъ же новый складъ, тоЕсть, не къ предідушчей, но къ послѣдуюшчей прінадлежатъ гласной. Прічіна сему основаніЕ своЕ имЕтъ въ пріродѣ выговора: ібо что выговоръ соЕдіняЕтъ сначала, того не разdѣляетъ і въ средінѣ. Прімѣръ: *по-слѣ,* для того что Есть слово, въ которомъ сначала (с) или (л) соЕдіняются, а іменно: *слѣдъ*" (ВТ 3: 292).

Михайло Васильич вторит Василию Кирилловичу: "Когда речения состоятъ изъ складовъ, которые между самогласными имѣют два или больше согласныхъ, тогда къ слѣдующей самогласной причисляются тѣ согласные, которые съ нею сопрягаются, а прочіе принадлежат до предыдущия самогласныя... Причитаются тѣ согласные буквы къ послѣдующей самогласной, съ которыхъ есть начинающееся какоенибудь реченіе в российском языкѣ тѣмъ же порядком согласныхъ, например: *у-жа-сный, чу-дный, дря-хлый, то-пчу,* ибо от согласныхъ *сн, дн, хл, пч* начинаются реченія: *снѣгъ, дно, хлѣбъ, пчела...*" (МЛ 7: 428).

Согласный дуэт двух филологов, редкий для них, заставляет поверить в их правоту, тем более что правило их и до сих пор применяют, уже для определения слогоделения в русском языке XX в. Однако правило это не откровенно: оно многое утаивает. Действительно, как, следуя этому правилу, разбить на слоги, например, слово *сестрой*? Можно: *се-строй* (есть слово *строй*), можно: *сес-трой* (есть слово *тройка*), можно: *сест-рой* (есть слово *рой*). Как же верно? Ведь вряд ли можно членить по-всякому.

В.К. Тредиаковский в своей книге "Разговор об ортографии" дает образец членения на слоги, но, скорее всего, это чисто умозрительное построение, оно не основано на наблюдениях, вскрывающих слоговую структуру языка-речи. Задача этого образца — подтвердить правило Тредиаковского. А нам нужны сведения, идущие от самого языка.

Так что вопрос о слогоделении в русском языке XVIII в. (а также и XX в.) остается открытым. Можно сделать только некоторые предположения. Напомним, что долгие согласные в лиловой (бытовой) системе не были желанны. Старались обходиться без них. Это значит: не нравилось сочетание а͡ʔʔа, например *да*[нн]*ый* (очень часто и писали *даный*). То есть: хотели, где можно, избежать закрытого слога. Тогда, очевидно, были возможны и такие переносы: *ко-льцо, уда-льство, черво-нцы, ко-мки* и др. Действительно, нежелательность деления *дан-ный* дает основание думать о нежелательности и членения *коль-цо*. Но слоги *льцо, льство, нцы, мки* (ср. *льстить, мхи* и др.), чтобы быть целостным слогом, не распадаться на две волны сонорности, должны включать сонорные с ослабленной звучностью, полуглухие или глухие: *ко*-[л']*цо* и проч. Из предположения, что в лиловой системе не на стыках избегались долгие согласные, вытекает большая вариантность сонорных по звонкости—глухости. А это находится в соответствии с предположением, что сонорные чаще были глухими (в окружении согласных и перед паузой), чем сейчас. (Вспомним, что сказано о произношении слов типа *ветр, песнь*.)

Хорошо бы это рассуждение проверить фактами. Такие факты есть. Обратимся к подтекстовкам, которые сопровождают ноты. В них слова разбиты на слоги, причем это деление, наверное, более достоверное, чем в учебниках и руководствах. Для певцов так делили слова на слоги, чтобы было удобнее петь.

Оказывается, в нотах XVIII в. есть две манеры деления на слоги. В одних случаях делили так, как и сейчас делят: *коль-цо, пер-вый, кон-цу, тан-цем...* Закрытых слогов не избегают, напротив, много слогов оказывается закрытыми. Обычно в нотных подтекстовках так и поступают.

Но есть и другие нотные сборники. Пример: сборник, составленный В.Ф. Трутовским[142]. Здесь господствует принцип: слоги должны быть открытыми. И разделения даются такого типа: *кс-льцо, пе-рвый, ко-нцу, та-нцу-ет...* А ведь мы могли бы ожидать, что такое слогоделение нам встретится. Если сонорный на конце слова пластически приноравливается к предыдущему согласному и образует с ним такое единство, в котором нет сонорной волны, в котором сонорный не превышает по звучности предшествующий согласный, то и в начале слога возможно такое подравнивание сонорного по звучности (по сонорности) к соседнему согласному.

Слог — волна сонорности. Если сонорный не подчиняется соседнему согласному, всегда сохраняет полноту звучности, то членение *ко-льцо* невозможно. В слоге *льцо* будет... два слога: один подъем сонорности на [л], далее — снижение сонорности на [ц], потом — подъем на гласном. Слог оказывается двусложным. Однако можно уменьшать сонорность [л'] если не до полной глухости, то до такой степени, чтобы сонорность не переходила порог "слоговости". Так, видимо,

---

[142] *Трутовский В.Ф.* Собрание русских простых песен с нотами. СПб., 1776—1795. Ч. 1—4.

произносили, так делили на слоги. Повторим: это находится в полном соответствии с поведением групп *-тр, -снь, -пль* и т.д. на конце слова.

В диалектологических исследованиях установлено: в говорах существует два типа деления на слоги. В одних (во многих северных) говорах не избегают закрытых слогов, господствует членение типа *коль-цо*. В других говорах (некоторых южнорусских) заметно сильное стремление слоги внутри слова оставлять открытыми, здесь принято членение *ко-льцо*[143].

Говор Москвы, который сложился на основе взаимодействия южных и северных русских диалектов, впитал в себя и ту, и эту тенденцию, они взаимодействовали, боролись; литературный язык унаследовал это совместительство двух типов построения слога. И это отразилось в разных традициях слогоделения в нотных подтекстовках.

Тактоделение

Членение на такты в XVIII в. было подобно современному. По крайней мере так показывают наши источники: *нѣ́сколко трéхъ пáлубныхъ корáблéй* ("Вѣдомости"[144], 6) — четыре такта; и сейчас в слове *трехпалубных* — два такта. Два такта в словах: *пóль часá* 43—44, *пять сóтъ* 45, *протúво стоять* 68 ("Вѣдомости")[145]. В двух последних случаях современный язык дает уже не два такта, а один, но это — результат процесса лексикализации, который фонетике безразличен. И сейчас в два такта произносят: *пять сотен, стоять напротив*. Фонетических изменений и эти примеры тактоделения не показывают.

Интересны такие примеры: *шестьтысящь* 75, *другъ друга* 112. Означают ли эти слитные написания однотактовость? Если да, то можно ли видеть в них свидетельство более сложной иерархии ударений в тексте, чем сейчас? Или полную слиянность нескольких слов в один такт? На эти вопросы у нас нет ответа.

ФОНЕТИКА ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Заимствования в XVIII в. хлынули в русскую речь; это был просто потоп[146]. Новые иностранные слова включались в русскую речь неразборчиво, часто — без меры и вкуса, опрометчиво. При этом не

---

[143] *Пауфошима Р.Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977; *Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.

[144] "Ведомости" времени Петра Великого.

[145] Явно расчленено на два такта (с двумя ударениями) слово *Питербурх* в таком тексте: Куда мнѣ ѣхать, въ Питеръ ли бурхъ или въ Пол[ь]шу... (Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3. С. 897).

[146] Сама перенасыщенность речи заимствованиями не давала возможности появиться особой группе заимствованных слов. Здесь важна идея противостояния, разграничения своего и "прибывшего извне". Когда прибывших слишком много, такое различение невозможно. В "Описи приданым гардеробным вещам" (1846) читаем: "Материи: Гроґран Пансе. Гроденепель. Пудесуа Серой с серизовым. Пуаль де шевер зеленый с волонами. Батист Екрю. Креп пансе. Муар Глясе с серебром. Мантилии: лиловая

было и мысли точно воспроизвести звуковой облик чужого слова. Все звуки слова-источника заменялись, небрежно и неточно, русскими подобиями.

Естественно, ни о какой группе слов, которые сигнализируют о своей заимствованности особой фонетикой (русской, но особой) в это время говорить не приходится.

Например, фамилию шведского военачальника Огильви передавали так (иногда в одном и том же тексте): *Агвилдей, Агилви, Агмлвій, Огвилдій, Огвиллій, Огилвей, Огилвій, Огилвій...; Стеколна, Стеколмъ, Стекхолмъ, Стекгольмъ, Стокгольмъ* — все это название одного и того же города.

Что такое группа заимствованных слов? В чем особенность ее фонетической системы. Нет намерения воспроизвести иностранный звук как иностранный; он должен быть превращен в звук этой системы. Например, долгие немецкие гласные заменяются гласными обычной длительности, но избавляются от сильной редукции. Гласный лабиализованный переднего ряда верхнего подъема, имеющий в разных языках разные оттенки, заменяется тем [ў], который произносится в словах [т'ўл'] (*тюль*), [знаў] (*знаю*). В русских словах этот гласный появляется в определенных позиционных условиях, но фонетика группы заимствованных слов освобождает его от позиционной зависимости, и вот он на законных правах появляется в слове *бюро* (XIX в. — [б'ўрó]). Этой сети, через которую просеиваются иноязычные звуки, чтобы они были стандартизованы и не вопияли против соседства с русскими звуками, в XVIII в. не было[147].

В чем же значение этих чужих слов, которые перебрели в тот или иной контекст, исковерканные и неухоженные? Во-первых, они расширяли артикуляционные произносительные возможности русского языка. Например, появились слова (пусть однодневки, но и однодневки надо было произносить) с необычными для русского языка заторами согласных: *контршарпы, генерал Олден стерн, в Карлкрное, при Люнгбии, в Ягерсбурге* и т.д. Однако было много слов с зияниями, с гласными, которые не прослоены согласными: *при Доаи крепости, городу Доаю,* до *Геизрс-форта, Клаэс-холм, Неугебауэр, аудизнция...* Все это примеры из "Ведомостей" начала XVIII в. Во-вторых, эти новые слова, принося с собой новые звукосочетания, помогали реализации фонетических новаций, стимулированных внутренними законами фонетической системы. Так, иноземцы *акт, тракт, трактир* помогли закону Бодуэна де Куртенэ сделать еще один шаг в преобразовании системы согласных (см. об этом выше).

и шамуа, обшитая бахрамой..." и т.д. (подпись: "Зговорную писал подьячей Козма Тимофеев") (Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1897. Ч. 3. С. 74 и след.). Можно с уверенностью сказать, еще до детального анализа текста, что он не рассчитан на нормативное воспроизведение фонетики заимствований. "Как-нибудь" — этот принцип вытекает уже из самой перенасыщенности речи иноязычностью. (Такая перенасыщенность сохранилась, как видим, по крайней мере в некоторых лексических областях, еще и в середине XIX в.)

[147] Прекрасно характеризовал эту систему преобразований Б.В. Томашевский (*Томашевский Б.В.* Язык и стиль. М.; Л., 1951).

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ

Существовало ли в это время петербургское произношение? Санкт-Петербург был заложен в 1703 г. Очевидно, в 1704 г. петербургского произношения еще не было; и в ближайшие десятилетия город был произносительно пестрым. Лишь к середине века могли сложиться некоторые его черты. Здесь обо всем приходится судить предположительно: неизвестно, насколько широко были распространены эти черты среди петербуржцев.

Может быть, распространенным было произношение конечных губных согласных только как твердых. Не на это ли намекает рифма Ломоносова *кровь — волков* VIII, 18. Не о том ли говорит и такое его замечание: "Он цвѣтом голубъ, худо, но: онъ голубой, ради разности отъ имени птицы голубь" (МЛ 7: 608). Совпадают *голуб* и *голубь* в том случае, если у них одинаковы ударения; и вполне возможно, что было произношение *голу́бь* (ср. *голу́бчик*) — и, кроме того, одинаково произношение последнего губного, т.е. твердое.

Кантемир рифмует: *хищный — нелишный* 223, Ломоносов: *излишным — хищным* VIII, 714. Не намек ли на петербургскую замену [ш'] на [ш] перед [н]? (Закономерность то ли фонетическая, то ли морфологическая.)

Уже сказано, что петербургские наблюдатели — М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков — знают только одно произношение: *щ*=[ш'ч'], но не [ш']. Эта черта, ввиду единодушия здесь мнений всех современников, явно господствующая, и ею Петербург с самого начала отличался от Москвы. Эканье, конечно, господствовало в обоих городах.

Наконец, особый тип петербургского аканья. Когда появилась манера в первом предударном слоге произносить очень закрытое *а*, т.е. [а^{ъ}] или даже [ъ]? Очевидно, это могло быть результатом взаимодействия северного оканья с московским аканьем.

М.В. Ломоносов писал: "*О* под ударением произносится чисто. Но когда нет на нем ударения, выговаривается как *а*, несколько с *о* смешанное: *хорошо, подобен* выговаривают почти: *харашо, падобен*" (МЛ 7: 426). Что значит "*а*, несколько с *о* смешанное"? Эту формулировку пытались истолковать как свидетельство о "сжатом" петербургском произношении предударных <а>, <о>. Возможно. Но Ломоносов, как видно из примера, не различал гласные первого и второго предударного слога. А во втором предударном и в Москве произносится [ъ], который можно обозначить как "*а*, несколько с *о* смешанное" (т.е. среднего подъема).

Вообще формулировка Ломоносова неясна, и, возможно, она просто отражает факт фонологический, а не фонетический: нейтрализацию <а> и <о>; а "несколько" — слово сказанное из стеснительности и неуверенности.

Очевидно, факты не дают права утверждать, что в первой половине XVIII в. уже сложилось петербургское произношение.

ВЛИЯНИЕ ДИАЛЕКТОВ

Литературный язык возник на основе московского говора. Московский говор относится к среднерусским диалектам. А эти диалекты — результат взаимодействия южнорусского и севернорусского наречия. В XVIII в. в русском литературном языке еще давали о себе знать те созидающие — диалектные — стихии, которые образовали этот язык. М.В. Ломоносов говорил о том, что церковно-славянский язык (надо добавить: и, следовательно, пурпурная система) имеет сходство с архангельским наречием. В.В. Виноградов разгадал, в чем Ломоносову виделось это сходство: в торжестве оканья.

Действительно, высокое оканье потому и оказалось устойчивым в литературном языке, потому оно и было плодотворным в течение века в определенной стилистической области, что не только опиралось на традиции церковно-славянского языка, но и находило поддержку севернорусской народной речевой стихии.

Два других главных "действующих лица" в языке XVIII в. — [г] и [γ] — тоже свидетельствовали о соперничестве северной и южной речевой стихии. На виду было взаимодействие московского и церковнославянского произношения, но подспудно каждая из этих систем питалась севернорусскими или южнорусскими речевыми источниками.

Можно было бы привести ряд других свидетельств о продолжающемся взаимодействии диалектных юга и севера в пределах литературного языка. Ограничимся еще одним. Столкнулись, как мы видели, две нормы слогоделения. Одна — стремление к открытым слогам, и эта черта свойственна ряду южнорусских говоров. И другая тенденция — когда язык не чуждается закрытых слогов; она в высокой степени характерна для северных говоров.

Итак, по отношению к XVIII в., особенно по отношению к его началу, надо говорить не о влиянии диалектов на литературный язык, а о продолжающемся творении русского литературного языка из диалектных стихий. Они поддерживали важнейшие процессы, протекавшие в литературном языке: соперничество аканья и оканья, конфликтные отношения между [г] и [γ], колебания в слогоделении и т.д. То или другое значительное явление могло рассчитывать на долговременное существование только в том случае, если находило поддержку в народной речи.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ

Начать придется издалека. Существует "шевченковский стих" — особый вид хорея. Свое высокое воплощение он получил в произведениях Т. Шевченко, отсюда и его название. Но этот стих не чужд и русской поэзии:

Жеребец поднимает ногу,
Опустит другую,
Словно пробует дорогу,
Дорогу степную...

Э. Багрицкий

Кукует кукушка
Раз, другой и третий...
Считает старушка,
Скоро ль умереть ей.

М. Светлов

Это хорей; чередуются четырех- и трехстопные стихи. Но примечательна одна особенность: ударение с первого слога может переходить на второй. О переносе сигнализируется: первый слог, безударный, произносится с затяжкой, длительно[148]:

Опу́стит другую...
До́рогу степную...
Ку́ку́ет кукушка...
Счи́та́ет старушка...[149]

Это давнее право искусства: отступать от метра, вводить ритм как преобразовательную силу, варьирующую метр, — и при этом оправдывать преобразования с помощью особых показателей, сигналов, подчеркивающих изменения метра.

"Шевченковский стих" иногда называют силлабическим: в нем позволено менять место ударения в стопе, следовательно, константой остается только количество слогов в стихе или двустишии. Так, в примере из Э. Багрицкого 8+6 слогов, у М. Светлова — 6+6.

Но и в настоящей силлабике, в силлабике XVII—XVIII в., возможен такой же ритмический ход. Вот стихотворение Симеона Полоцкого:

Слова неслушание

Слонъ нелѣполичный | и велбудъ[150] горбатый
имеютъ обычай | естествомъ завзятый,
Еже внегда[151] воду | онымъ чисту пити,
пѣрвѣе ногами | ону возмутити.
Се негли того те | ради содѣваютъ,
да нелѣпия си | въ ней не созерцаютъ.
Подобнѣ людие | злие препинати
слово обыкоша | и книгъ не читати,
Да худоличия | си не усмотряютъ
и злыхъ дѣлъ не видятъ, | яже содѣваютъ;
Затыкаютъ уши, | да бы не слышати,
яже проповѣдникъ | хощетъ обличати.

Это стихотворение несомненно силлабическое, тем не менее оно близко хорею. Отступление от хорея состоит только в том, что в некоторых полустишиях ударение перенесено с первого слога на второй. Этот стих пластичен, гибок, он поется. Само строение стихов

---

[148] Возможны и другие виды сигнализации, например с помощью усиленной ударности второго слога и паузой после него:

Налетели и столкнулись,
Сдвинулись конями...
Сабли враз перехлестнулись
Кри́вы́ми ручьями...
У комбрига боевая
Душа! занялася!

Он с налета разрубает
Саблю Опанаса.
Рубанув, откинул шашку,
Грозится глазами:
— Покажи свою замашку
Теперь! кулаками!

Э. Багрицкий

(Знаки препинания — ритмическая интерпретация текста — принадлежат автору настоящей книги.) Но нам нужны сейчас только те случаи, когда сигнал перестановки — длительность гласного в первом слоге.

[149] Читается, конечно: [а̄пу]*стит*, [да̄]*рогу*...

[150] Произносится: *ве*[л']*буд*.

[151] *Внегда=когда.*

говорит, что он предназначен для "протяжного", напевного произношения.

Есть у Симеона Полоцкого и стихи совсем иного строения:

Орелъ россійскій | подъ небомъ лѣтаяй,
гласом славы си | весь миръ исполняяй,
Егда во свѣтѣ | мысленнаго солнца
крилы си царства | покрываше конца,
От вселютая | смерти устрѣлися
и въ вѣнценосной | главѣ уязвися.
Низъпаде въ яму, | въ земли ископанну,
сотвори слезми | землю облиянну,
Остави вѣнцы | честныя си главы,
яко бысть тако | годѣ царю славы.

Эти два вида стихов очевидно контрастны.

Особенности стихотворения про слона и вельбуда:

1. Отступления от хореического метра в каждом полустишии нечасты и обычно состоят в переносе ударения с первого слога на второй.

2. Стих и синтаксически целостный отрезок речи совпадают, нет "переносов", "зашагиваний", enjambement'ов. Такие переносы претят стихам, рассчитанным на произношение напевное, с растяжкой некоторых гласных.

3. Нет синтаксических остановок вне цезуры или стихораздела.

4. Рифма не соединяет слова с разным местом ударения: напевное произношение не способно соединить в рифме, например, *со́нца* и *конца́*.

5. Тема допускает некоторый "спуск" с вершин торжественности: может быть обращение к быту, или шутка, или лирическая непосредственность.

Другой тип силлабического стиха устроен по-иному:

1. Отступления от хорея (от любого стопного размера) настолько часты, что хореизм (стопность) стиха просто отсутствует, не проглядывается сквозь отступления (которые именно поэтому и нельзя считать отступлениями).

2. Конец стиха или полустишия (перед цезурой) часто разрывает синтаксическую единицу; ни до, ни после паузы, созданной стихом, нет синтаксической целостности.

3. Могут быть разрывы синтаксической целостности внутри полустишия, например:

Гоняше орел || старый птицы многи.

4. Рифма иногда соединяет слова с ударением на разных слогах (см. пример в стихотворении "Орел россійский...")

5. Тема таких стихов часто бывает высокоторжественна и официальна.

Первый тип стихов... Не назвать ли его напевным? Может быть; но надо все же помнить, что напевность этого стиха скромна и сдержанна. (Напевными обычно называют стихотворения "Меж высоких хлебов затерялося" Н.А. Некрасова, "Прозвучало над ясной рекою" А. Фета, "О весна без конца и без краю" А. Блока — с гораздо большей степенью напевности.)

Стихи второго типа рассчитаны на скандирование, на силовое выравнивание слогов, на подчеркивание конца стиха, на резкую паузировку.

Орудие первого рода стихов — длительности, орудие второго — силовые выравнивания (слогов) и выделения (тактов).

Понятно, почему в рифму попадают неравноударные слова: скандирование нивелирует это различие. Б.В. Томашевский писал: "Рифма Симеона Полоцкого заключалась в том, чтобы совпадали звуки двух концевых слогов, начиная с предпоследнего гласного, независимо от положения ударения..." Б.В. Томашевский приводит примеры неравносложных рифм: *Фому́ — до́му* и т.д. "Подобные явления объяснимы только крайней ослабленностью противопоставления ударного слога неударному, то есть при условии чтения по слогам"[152].

В стихах этого типа возможны логические выделения, а иногда они даже необходимы, например выделение слова, которым кончается стих или полустишие, но — "продолжение следует", синтаксическая единица прервана:

Диогена челове́к | некий вопроша́ше...

Одно слово выделено логическим ударением — *человек,* это обещание, что будет продолжение, другое усиленное слово — в конце строки — *вопрошаше,* оно создает синтаксическое единство, выполняет обещание, данное первым полустишием. Эти выделения определяют ораторскую установку данного типа силлабического стиха, установку на варьирование громкости в пределах стиха или в группах стихов.

Итак, один тип силлабики использует речевые длительности, другой — преобразует громкости, оперирует силой звука: подравнивает слоги в стихе, выделяет на общем ровном фоне слова большей громкости.

В силлабике XVIII в. продолжались эти же тенденции: существует силлабика напевная и ораторская. Стихотворение А. Кантемира:

Почитаю здесь закон, | повинуюсь пра́вам;
Впрочем, волен я живу | по своим уставам:
Дух спокоен, ныне жизнь | йдет без напасти,
Всякий день искоренять | у́чась мои страсти
И взирая на предел, | та́к жизнь учреждаю,
Безмятежно свои дни | к ко́нцу́ направляю.
Тленность века моего | ныне познаваю,
Не желаю, не боюсь, | смерти ожидаю.

Здесь все признаки, которые мы нашли в напевной силлабике[153]. Отступления от хорея есть, но их не очень много, и они все заключаются в том, что ударение, которое ожидаем на первом слоге (стиха, полустишия), переносится на второй. Гласный первого слога становится протяжным. ("А вот не хочу и не буду затягивать! Что

[152] *Томашевский Б.В.* Стих и язык. С. 100—101.

[153] Высказывалось мнение, что это стихотворение написано силлаботоникой, стопным стихом. Однако видно, что отступлений от хореического стиха здесь не меньше, чем в стихотворении Симеона Полоцкого о слоне и "вельбуде", а ведь у Полоцкого несомненная силлабика.

случится?" — "Ухудшение стиха"). Границы стихов и границы синтаксических единиц совпадают.

Но есть у А. Кантемира и другой тип силлабики:

Хрисипп, хоть грязь по уши, | хоть небо блистает
Огнями и реки льет, | Москву обегает
Днем трожды из краю в край; | с торгу всех позднее
Вчерашний часто обед | кончает скорее,
Чем в приходский праздник поп | отпоет молебен.
Сон, отрада твари всей, | ему не потребен,
По вся утра тороплив, | не только с постели,
Но выходит со двора | — петухи не пели.
Когда в чем барыш достать | надежда какая,
И саму жизнь не щадит. | Недавно с Китая
С край света прибыв, тотчас | в другой уж край света
Сбирается, несмотря | ни на свои лета,
Ни на злобу воздуха | в осеннюю пору;
Презирает вод морских | то бездну, то гору;
Сед, беззуб, и весь уж дряхл | на корабль садится,
Не себя как уберечь, | но товар, крушится... 89—80

Этот стих не близок к пению. Он требует градации ударений, чтобы с их помощью (и при потворстве пауз разной длительности) обозначить и концы строк, и цезуры, и границы синтаксически связанных отрезков текста. Так еще на уровне силлабики выделились разные возможности звуковой организации стиха: на основе напевной речи или ораторской.

Великий сдвиг в развитии русского стиха — открытие В.К. Тредиаковским силлабо-тонического (стопного) стиха — не прервал этих традиций. (Лишнее доказательство, что они не были искусственно насаждены, а вырастали естественно, из внутренней динамики нашего словесного искусства[154].)

Оды Ломоносова — все на контрастных, силовых выделениях слов. Без них ямбический узор был бы отупляюще однотонен;

...Кто *море* удержал *брегами*
И *бездне* положил *предел*,
И ей *свирепыми* волнами
Стремиться дале *не велел?*
Покрытую пучину мглою
Не *я ли сильною* рукою
Открыл и *разогнал* туман
И *с суши* сдвинул *Океан?*

(Здесь и дальше курсив наш.)

---

[154] В.К. Тредиаковский писал, что найти новый способ стихосложения ему помогли народные песни. Очень вероятно! Строка А. Кантемира:

Невозможно мне с людьми в городе ужиться —

хорошо может быть продолжена строкой частушки:

Нинка выгнала меня — а мне хоть топиться!

Последняя строка — "шевченковский стих", т.е. и силлабика, и одновременно стопный стих. Мост от силлабического стиха к хорею.

Такое энергичное выделение контрастных слов, такие постоянные перепады громкостей находят себе соответствие и в энергичном использовании согласных, их скоплений, их повторов[155].

Были иные пути построения ямба — поиски его пластичности, а это значит — использование длительностей гласных.

А. Белый заметил, что в четырехстопном ямбе пиррихий на второй стопе придает стиху медлительность, протяженность, пластически-величавую плавность. Такие стихи часто встречаются у Г.Р. Державина и создают своеобразие этого стиха:

На темноголубом эфире
Златая плавала луна,
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем...

Здесь особенно державинскими стихами являются:

В серебряной своей порфире...
Блистаючи с высот, она...
И палевым своим лучом...
На лаковом полу моем...

Еще пример (описание маскарада):

Бывало, под чужим нарядом
С красоткой чернобровой рядом
Иль с беленькой сидя со мной,
То в шашки, то в картеж играешь,
Прекрасною своей рукой
Туза червонного вскрываешь...

Наконец, еще, последний, пример:

Кровавая луна блистала
Чрез покровенный ночью лес,
На море мрачном простирала
Столбом багровый свет с небес,
По огненным зыбям мелькая.
Я видел, в лодке некто плыл;
Тут ветер, страшно завывая,
Ударил в лес — и лес завыл;
Из бездн вставали пенны горы,
Брега пустили томный стон;
Сквозь бурные стихиев споры
Зияла тьма со всех сторон.
Ко брегу лодка приплывала,
Приближилась она ко мне;
Тень белая на ней мелькала
Как образ мраморный во тьме.

---

[155] Силлабика, ориентированная на ораторскую и разговорную речь, тоже знала упоение согласными:

Кто убо богат, | да идет со златом
С сребром, с собольми | к царским ти полатам!

Симеон Полоцкий

А. Белый показал, что такая форма четырехстопного ямба (с пиррихием на второй стопе) у Г. Державина количественно занимает более высокое место, чем у других поэтов. Она — доминанта его четырехстопного ямба.

Вот одна из линий организации русского стиха: создается фонетическое единство, в котором все стороны, конечно, соотнесены, связаны друг с другом, но особое внимание уделено длительностям, особым темповым преобразованиям. В своих крайних формах такое построение создает напевный стих. От Державина эта линия идет к К. Батюшкову.

Другая линия — организация контрастов, построенных на громкости, силе звука, на энергичной консонантности речи. От М. Ломоносова через А. Радищева эта линия идет к романтикам – "архаистам"[156].

О фонетической жизни театра в России XVIII в. сведения скудны, в настоящее время подметить ее специфические черты невозможно.

Наши экскурсы в область художественной речи совершенно не касаются тех эстетических целей, ради которых употребляются фонетические средства. В этой книге необходимо было ограничиться перечислением самих этих средств.

Затем же были нужны эти скупые разделы о фонике стиха и театра? Они позволили сделать несколько существенных (для общей концепции книги) теоретических выводов.

Художественная речь не находится в порабощении у общеупотребляемой речи. И та, и другая, конечно, подчиняются обязательным велениям фонетической системы (например, законам позиционных мен), но те особенности, которые характеризуют именно художественную сторону речи, не есть результат действия общих фонетических требований. Для нее, например, безразлично действие закона Бодуэна де Куртенэ или закона превращения маркированных единиц в немаркированные. И наоборот, закон (или, скорее, возможность) использования длительности—краткости гласных для построения стиха (без непосредственно эмоциональных целей) находится вне пределов общеязыковых закономерностей.

Итак: возможность нескольких линий развития фонетической стороны языка;

независимость некоторых из этих путей (например, развития художественной речи) от практически обусловленной звуковой эволюции;

бесконечность различных — целесообразных — проявлений фонетической системы...

Это реальности нашего языка. В этом, может быть, убедят читателя те наброски о художественной речи, которые здесь даны.

---

[156] В нашем сверхкратком обзоре, увы, не нашлось места для характеристики еще одной линии развития поэтической фоники — говорного стиха. В русской поэзии XVII в. он представлен в первую очередь басней и стихотворной сказкой. Одна из ведущих сторон в его звуковой организации — разнообразная, контрастная смена интонаций, столкновение предложений разного мелодического строя. Этот стих ориентируется на живую подвижность и непринужденность разговора. "Ориентируется" — не значит послушно воспроизводит, это значит — преобразуя, эстетически использует.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Обоснование выбора. Петр I — москвич, и все его родственники были москвичами. Стихия московской бытовой речи — его стихия. Понятно, что хочется нарисовать фонетический портрет Петра I.

Его сын, царевич Алексей Петрович, воплощает иные речевые возможности: сильна линия церковно-славянского языка. Конечно, он взаимодействует с бытовым, русским языком. **Сравнивая** речь царевича Алексея и его отца, узнаем черты семейного сходства, а также индивидуальные особенности их произношения. Это важно, чтобы понять, насколько динамично и противоречиво было речевое состояние той далекой эпохи.

Б.И. Куракин — "ближник" Петра I, его свояк, с детских лет — при дворе, потом — в течение многих лет дипломат. В речи Куракина разговорная стихия вступает во взаимодействие с европейскими языками, и это по-своему интересно.

Речь М.В. Ломоносова представляет всесторонний интерес.

Петр I

О речи Петра I в этой книге было написано уже много, так что теперь остается немногое "в дополнку" (это выражение любил Петр I)[157].

Уже известно, что в речи Петра I была особая фонема <ѣ>; сильная позиция для нее (позиция, где она отличалась от всех других фонем, в первую очередь — от опасной для нее фонемы <э>) — под ударением после мягкого согласного.

У нас шла речь о том, какими звуками она реализовалась. В россыпь тех доводов, которые приводились, добавим еще горошину. Одно и то же место Петр I и его современники называют: ***Бізркхольмъ, Бѣрколомъ, Бѣркхолмъ*** (IV-1, см. Указатель). Видно, что буква ѣ и сочетание букв *іэ* замещают друг друга. Они обозначают один и тот же фонетический факт. Именно — дифтонг *i͡ə*. (Слышим ту же песню: а вдруг это сигнал, во-первых, мягкости согласного и, во-вторых, гласного [э]? Ответим: обозначение мягкости согласного перед гласным буквой *і* в письмах Петра I не принято, не встречается.) И его современники, адресаты и адресанты, не использовали данное буквосочетание в этом смысле. Трудно предположить, что приведенный нами случай — единственное исключение. Видимо, всего естественнее предположить, что перед нами графический след дифтонга. Фонема <ѣ> выражалась звуками [іэ].

У Петра I была в языке и фонема <γ>. Это видно из такой записи Петра I: "Всѣхъ ауторооъ ѳортоѳикаци книхъ, каждого по одной. Такожъ архитектурскихъ книхъ і началамъ іхъ учения. Также артил-

---

[157] Источники обозначены в разделе сокращенно: Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. I; 1889. Т. II; 1893. Т. III; 1900. Т. IV. Вып. 1; 1907. Т. V; 1912. Т. VI; М., 1950. Т. IX. Вып. 1; 1951. Т. X; 1975. Т. XII. Вып. 1; 1977. Вып. 2 — римская цифра — том, через дефис – выпуск (если он есть), после запятой – страница; Письма русских государей и других особ царского семейства. I: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861 — после запятой указана страница.

лерскихъ книхъ" (VI, 211). Следовательно, произносилось *кни*[γ]*а*, поэтому *кни*[х]. Книга, само собою очевидно, слово книжное, связанное с культурой, и Петр I, на наш взгляд, вполне уместно подчеркнул это произношением.

Особенно загадочно в речи Петра I произношение фонемы <щ>. Он передает ее (т.е. то, что мы обычно связываем с буквой *щ*) самыми различными способами: *толшиною в толстою агълоблю* VI, 33; *помоши* III, 3; *вешь* IV-1, 337; *въ зашишение Божие* II, 119; *о барабанщикѣ* III, 72; *обрѣтаюшемуся* IX-1, 208; *ішшеть* IV-1, 355; *прикашьшика* III, 442; *сышьши імъ учениковъ* I, 148; *съ помосшию* IX-1, 215; *тщатся іли тшились* IV-1, 338; *изъ крешщеныхъ* IV-1, 460; *текушъшего* III, 30; *отпушъщень* I, 162; *выходяшьщихъ* III, 339[158].

Все эти обозначения неопределенны. Петр I писал *ш* вместо *щ*? Может быть, одной буквой он обозначал два звука, а произносил их по-разному. Обозначали же буквой *г* два разных звука. Что скрывает обозначение *шьш* (*прикашьшика*)? Возможно, обычный звук [ш':], повторением буквы обозначена его длительность, а мягким знаком — мягкость. *Текушьшего...* Написание ъ, возможно, имеет условный характер (у Петра I твердый знак постоянно играет чисто декоративную роль, это видно из многих примеров, данных в книге); повторением *ш* одновременно обозначена и длительность, и мягкость звука: ведь мягкость у *щ* сопровождает долготу. Также и все другие написания ничего не говорят о произношении звука, который обычно одевается в букву *щ*. Однако у нашего информанта этот звук явно не нормативен; об этом говорит хотя бы пестрота его обозначения. Петр I никак не мог найти подходящего мундира для него.

Отгадку дает написание: *мѣшковъ щить холшевыхъ...* Это обозначает наказ царя: *надо мешков сшить холщевых.* Слово *сшить* имеет одно произношение: [шшыт']. Согласный звук [ш:] (или [шш]) долгий обозначен Петром как *щ*. Значит, там, где по литературным нормам обязан быть [ш':] или [ш'ч'], у Петра I был обычно звук [ш:], твердый долгий.

Откуда царь, верный московской орфоэпии, мог взять такого странного пришельца? Предположим, что это могло быть влияние А.Д. Меньшикова. Меньшиков принадлежал к простонародным низам Москвы. Мало ли что у него в речи могло быть! Подружившись с Меньшиковым еще в юности, Петр мог усвоить произносительные привычки приятеля[159].

Считаем это предположение неубедительным. В отношениях Петра и Меньшикова последний всегда бы ведомым, а не ведущим. Так что [ш:] царя остается загадкой. Такого звука не было у других

---

[158] Один раз встретилось обозначение на месте *щ* церковно-славянского произношения: *Новъгородъ, Великия Луки і протчии к нимъ принадлежашия городы...* IV-1, 149.

[159] Меньшиков до конца жизни оставался неграмотным. За это его срамил в письмах Петр I. Б.И. Куракин писал: "Характеръ сего князя описать кратко: что был ума гораздо среднего, а человекъ не ученый, ниже писать что могъ, кроме свое имя токмо выучилъ подписывать ,понеже был изъ породы самой низкой" (Архив кн. Б.И. Куракина. С. 76).

членов семьи: у царицы Прасковья Федоровны (невестка Петра), у его племянниц Анны Ивановны и Екатерины Ивановны. Об Алексее Петровиче скажем потом.

Отношение к заимствованным словам у царя было такое же, как у всех его современников. Он с ними не церемонился: *об алтирерии* X, 379; *алтиллерии* III, 177; *артиллерии* III, 282; *об адтиллерискихъ* III, 103 и т.д. — так Петр I изображал слово, ему близкое и дорогое. С другими церемонился еще меньше.

Уже было сказано, что иностранные заимствования учили россиян ценить новые, необычные звукосочетания, например зияния. Петру I они тоже нравились. Собак, приобретенных им, он велит назвать: *Пироис, Эоис, Аетан, Флегон.* Притом *Аетан,* наверное, тоже слово с дифтонгом: вместо *Аэ...* с малоупотребительной буквой *э,* употреблено другое сочетание, но с тем же произношением.

Аканье и эканье — вот удел гласных в произношении царя: "Калмыковъ петнадцать тысячь, да донских петь тысячь... і на ихъ дачю дать петдесятъ тысячь рублеовъ" (XII-1, 20). Видно, что эканье простирается не только до первого предударного слога, но захватывает и другие безударные слоги. Примеров множество: *въ Ерославълѣ* XII-1, 35; *запаметовать* III, 298; *много перевезей, каждая перевезь* IV-1, 326... Слабоударяемое слово готово подчиниться экающей норме: *въ петь дней* IV-1, 81; *у кнезь Бориса, кнезь-папѣ* III, 449 и т.д.

Разумеется, царь акал. В первом предударном слоге после твердых (парных) согласных произносил [а]. А в других безударных слогах? Господство во всех безударных слогах эканья наводит на мысль, что, может быть, во всех безударных слогах после твердых произносили гласный [а] хорошего, полноценного раствора: гласный нижнего подъема. Нет, скорее всего, Петр I, как и его современники, произносил в слабых слогах гласный [ъ] — как произносили и в более позднее время. Он писал (приказ войскам): *закапаваться по указу* XII-1, 106; *розвязывать* — и тут же *завязавать парусы* IV-1, 273; *отрезывать* — и рядом *отрезавать* IV-1, 25... Если гласный с равным удобством может обозначаться и буквой *а,* и буквой *ы,* то это, как мы уже не раз замечали, гласный [ъ]. Еще один и решающий пример: *...Чтобъ платье попъравили, галстуки вымали...* III, 473. Видимо, редукция гласных после твердых согласных была такой же, как и в последующих системах[160].

А для служебных слов, может быть, и не совсем та же: *Слава Богу, все весело здѣсь; только когда на загородной дворъ приедешь,*

[160] Что касается "гранадеров", то Петр I их очень любил. Примеры: *комонданту* III, 72, *ваторпасъ* XII-1, 109, *контроскарпъ* IX-1, 73 и др. Как получился *контроскарп?* Во фр. *contre-escarpe* (во время Петра I это слово вошло во многие языки Европы; ср. современное *контрэскарп*), конечно, нет никакой мягкости согласного перед *е.* На русский слух той эпохи гласный переднего ряда среднего подъема не отожествляется с [э], если перед ним нет мягкости. Поэтому гласный был услышан как [ъ] и передан буквой *о.* Очень удачно!

а тебя нѣтъ, та очень скушно (Петр I — Екатерине Алексеевне, II, 89). Конечно, *та* — часть союза *когда...-то* и в современном языке не редуцируется. Так и произносится [то]. Видно, служебные слова имеют свою собственную фонетическую историю и иногда идут не в ногу с другими словами.

Изредка прокрадывается йканье: *Зѣло славинъ въ сихъ дѣлахъ* II, 57. Оно было редкостью в языке и обычно выживало, только маскируясь под грамматическую перемену (ср. существующий суффикс *-ин*).

Надо упомянуть одну черту, которая проникла в речь царя, видимо, из просторечия: из двух конечных безударных *и* (в сочетании *ии*) одно редуцируется до нуля: *писалъ ты о виктори надъ татары* I, 147; *изъ iтали* II, 310; *какъ при счасти, такъ і при противномъ случае* II, 79—80; *о свидани* III, 2; *въ прибыти къ вамъ* III, 35; *при совокуплени войск* IV-1, 69 и мн. др.[161]

Перед согласными шумными смычными согласные [к], [г] заменялись щелевыми, непрерывными. Эта замена позиционна в языке Петра I перед заднеязычными и переднеязычными (которые представлены звуком [ч']). Но такая замена часто была и перед губными, хотя и не позиционная, не всеохватная, но нередкая. Мы помним, что в более поздних системах такая мена всегда являлась как спорадическая, редкая, чуднáя. У Петра I она вовсе не чудная: *порохъ хъ пушкам* I, 137, *х Пейкулю* III, 322, *х Полоцку* IV-1, 136, *х Бреславлю* VI, 134, *х полковнику, х протчимъ* IX-1, 222, *х празднику* X, 421 и мн. др. Так, если идем в глубь истории, видим, что эта мена охватывает все большее число классов согласных.

Останавливают внимание написания *Дерпьтъ, Дерпьтскому...* IV-1, 230 и 107. Не скрывает ли это написание такой фонетический факт: [д'эр'пт], [д'э́р'птскъму]? По образцу *перьвый, верьба.* При этом обозначение мягкости перенесено на следующий звук. (Но есть и другие написания: *Дерпьтъ* IX-1, 296.) Различие в письме, может быть, отражало колебания в произношении. Однако "техническое" слово *вервъ, на верве* III, 434; IV-1, 47; IX-1, 189 — всегда с такой передачей, без намека на мягкость [р]. Очевидно, новые слова туго поддавались влиянию модели *перьвый, верьба.*

Петр I писал: *Весь гварнизонъ... отпустить, придав комвоеровъ* II, 88—89, *комвузии* [=*поражения*] IV-1, 511; IX-1, *комверенцию* IX-1, 391, *комвоемъ* X, 54, 318. Мы знаем, что носовые и шумные взрывные, когда они соседи, стремятся обрести общее место образования (ср.: *Вера Имбер*). Не стремилась ли эта закономерность хотя бы у некоторых представителей русской литературной речи распространиться и на щелевые?

---

[161] Такие формы (*комиси* вм. *комисии*) встречаются в большом количестве в любом тексте XVIII в., отражающем факты просторечия или близкие к просторечию. Их немало в письмах Б.И. Куракина, в "Записках" Н.Б. Долгорукой. См. о языке Долгорукой; *Лихтман Р.И.* К вопросу о вокализме московского просторечия в XVIII в. // Учен. зап. Дагестан. ун-та. Махачкала, 1960. Заметим: работы Р.И. Лихтман — первая проба, и притом очень удачная, в том жанре, который здесь назван "Фонетические портреты".

Наконец, последнее: *у себя оставъ* II, 129, *вновъ* III, 316, *поздравъ* IV-1, 89, *отставьте* IV-1, 133... (Перед частицами *-ся, -те* — позиция та же, что на конце слова) Не произносил ли Петр I на конце слова только твердые губные? Для такого заключения материала мало... Но оно вполне вероятно. Начало "петербургского" неприятия мягких губных в конце слова?

Еще: *равънось воспріімать* III, 161, *было іли ессь*... III, 30... Не влияние ли просторечия?

Речь Петра I дает достаточно ясное представление о языке начала XVIII в., о его нормативном состоянии. Язык имел достаточно стабильные, устойчиво единые нормы, ему была чужда неразборчивая пестрота просторечия. С другой стороны, он был еще некодифицирован: его терпимость к индивидуальным отклонениям, к соскальзываниям в просторечие имела гораздо более широкие границы, чем в последующие периоды.

Царевич Алексей Петрович

Царевич Алексей прекрасно знал церковно-славянский язык и мог на нем писать письма по самым различным бытовым поводам. (Петр I, видимо, не испытывал желания употреблять этот язык для бытовых целей: писем такого рода до нас от Петра I не дошло) Так, одному из своих ближних лиц, священнику, он пишет[162]: "Еще изъ вашего письма извѣстихся о нашедшей вамъ печали о сгорѣніи дома, и о семъ истиино соболѣзную я вамъ, только прошу вас въ семъ случаѣ въ безмѣрную печаль себя не вдавайте: помните Иова, Евстафія Святыхъ, како напасти претерпѣша но что точію за сіе все благодариша Бога, глаголюще: Господь даде, Господь отъя, яко Господу изволиія, тако и бысть" (II, 34; несобственноручный текст конца XVIII в.). Но царевич писал и совершенно русским языком, каким говорили в быту; вот он просит своего духовника: "Священника мы при себѣ не имѣемъ и взять негдѣ, а безъ докладу писать явно въ Москву не безъ опасения: прошу вашей Святыни приищи священника (кому мочно тайну сию повѣрить) не стараго, и чтобъ не знаемый былъ всѣми. И изволь ему сіе объявить, чтоб он поѣхалъ ко мнѣ тайно сложа священническия признаки. То есть, обривъ бороду и усы, такожде и гуменцо зарастить, или всю голову обрить и надѣть волосы накладныя, и, Немецкое платье надевъ, отправъ его ко мнѣ куръеромъ (такого сыщи, чтобъ могъ верховую нужду понесть), и вели ему сказываться моим деньщикомъ, а Священникомъ бы отнюдь не назывался, и хороше бъ, безженной, а у меня онъ будетъ за служителя, и кромѣ меня и Никифора сея тайны вѣдать никто не будетъ[...] Пожалуй,

---

[162] Приняты такие условные сокращения: I — Письма царевича Алексея Петровича к его родителю государю Петру Великому. Одесса, 1849; II — Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г.В. Есиповым. М., 1861; III — Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1862. Вып. 3; IV — Государю батюшке // Правда. 1973. 11 февр. (Заметка о том, что найдены неизвестные письма царевича Алексея; одно из них приведено.)

яви милосердие к души моей, не даждь умрети без покаяния: мнѣ онъ не для чего инаго, только для смертнаго случая такожде и здоровому для исповѣди тайной..." (II, 40).

Сравниваем с письмами Петра I — как будто мы попали в иной речевой мир! Письма царевича Алексея орфографически упорядочены — настолько, насколько они могли быть упорядочены в начале XVIII в. Царевич был знаток церковной письменности, проникся ее строгой нормативностью и писал, как надо, как требовал обычай (хотя этот обычай для бытовой речи был еще с точки зрения нашего века весьма шатким).

Написания царевича говорят о выполнении определенных традиционно закрепленных правил, они мало сообщают о произношении автора. Можно сказать, что эти письма орфографически скрытны. Поэтому догадываться о фонетической стороне речи царевича приходится по незначительным его промахам. И догадки наши всегда остаются неуверенными и "колебательными".

Есть, конечно, данные и бесспорные. Например: царевич, в отличие от отца, не различал <ѣ> и <э>. В наиболее ходовых словах, в широкоупотребительных грамматических формах "чин" буквы ѣ выдерживается, но ни в одной позиции нет господства правильных написаний. Человек, который пишет *повѣдѣмъ, опредѣлѣнъ* (III, 26—27), конечно, не различает <ѣ> и <э>[163].

Одна из особенно примечательных особенностей произношения Петра I — твердый долгий [ш:] на месте *щ*. Как с этим у царевича? Буква *щ* употребляется строго по норме. Видимо, и звук отвечал норме. Ведь если бы он был необычным с точки зрения узуса, то это проявилось бы или в особом употреблении буквы *щ* (как Петр I использовал ее в глаголе *сшить*), либо в особых подменах этой буквы (как Петр I вместо *щ* использвал то *шъш*, то *шш*, то другие обозначения). У царевича Алексея этого нет, значит, этот звук у него был "в норме"... Впрочем... Один раз прорвалось: *обешалъ* I, 24. Описка? Случайно рука недописала букву *щ*? Или хорошая орфографическая дисциплинированность помогала скрыть, что он произносит [ш:] вместо [ш':] или [ш'ч'], а здесь это прорвалось?

Просторечные формы типа *об арми* у царевича не в чести: обе конечные буквы выписываются как положено: *въ Саксонии* III, 33, *ісъ Померании* III, 30, *въ собрании* III, 40 и мн. др. Но есть и проговорки: *о своемъ здрави* III, 30. Видимо, и эта просторечная черта не совсем была чужда ему, но он знал, что она не красит его речь или по крайней мере письмо.

Изредка прорывается ́иканье, но не по умению писать верно, а потому что оно и в речи было не частый гость — об этом согласно говорят все документы эпохи. У царевича читаем: *Изволь быть у Акулишѣ... Увидимся у Акулиши...* II, 30; мена опять замаскирована грамматикой; что́ здесь: перепутаны окончания или нейтрализованы

---

[163] Не является ли запоздалым отзвуком ѣ написание: *о погодьѣ* I, 35? Изображено [иэ] или [jэ]?

гласные двух типов? *Вам не чимъ его удержать...* II, 50. Йканье? Или церковно-славянская форма *чимь* (твор. п.)?

Один разъ царевич признался, что он склонен *г* произносить как фрикативный: *до сегъ мѣстъ і даѣхалъ...* I, 77. Произносится, конечно, [х]. Буква *г* прочно связана у писавшего с фрикативным звуком: в позиции различения — [γ], а в конце слова, в позиции нейтрализации — [х].

Всякие трудные иностранные слова сын пишет, не в пример отцу, более внимательно, с уважением к их звучанию — и здесь сказалась выучка, данная церковно-славянским языком, умение выдерживать единство написания. Он пишет: *Изъ Карлсъбада* III, 36, *Въ Волѳенбитель, от герцоха Вольѳенбительскаго* III, 31, *изъ Брауншвейга* III, 37, *Осмотрелъ фартецию кругомъ Китая от приказу артиллерии... и болварк совсемъ* [готов] *и уже пусшки поставлены* IV[164].

Здесь интересны не только заимствованные слова, с которыми царевич поступает хорошо, но и написание *пусшки.* Сразу два признания: что [с] перед [ш] меняется на [ш], получается долгий согласный [шш], но в соседстве с еще одним согласным долгота сокращается, так что *сшк*=[шк].

Для обозначения конечных губных мягких согласных исправно применяется мягкий знак; но вот проскользнуло: *семь тысячь* I, 45, 56, *восемь* I, 57. Описка? Случайность? Признание в обычном произношении?

Дадим еще текст и прокомментируем его: "Доношу тебѣ, Государь: пісали ко мнѣ все [=всѣ!] аѳицеры, посланные для провіянта, что поляки провіянта давать не хотятъ[...] Зѣло они говорили съ противностью, чтобъ аѳицеровъ і драгунъ вывесть і провіянту не збирать; аднакажь то учинили, чтобъ провіянта да [=до] указу твоего не збирать, а аѳицеромъ і драгуномъ быть да указу там; і о семъ какъ изволишь: збирать ли, іли нѣтъ? А я къ аѳицеромъ пісалъ, чтобъ до указу твоево обождали. Зѣло мнѣ печально, что не могу учинить по указу твоему: істинно, какъ возможно старался, чтобъ зделать, да невозможно было" (III, 48—49).

Совершенно нелепое смешение букв ѣ и *е*: местоимение *всѣ* изображено как *все*! Лучшее доказательство, что царевич был равнодушен к этому различию. Сменяются поколения, сменяются речевые навыки... (Обратим еще внимание на написание *зделать*).

Много признаков аканья: *аѳицеры, аѳицеровъ, аднакажь да* (=*до*)... Нет, оказалось не так много.

Аѳицеромъ, драгуномъ — формы с церковно-славянским окончанием *-омъ* (дат. мн.), но так как оно по звучанию при аканье совпадает с русским окончанием *-ам,* то это и след аканья. *Збирать, зделать* — фонетические передачи согласных.

Вот и все, что мы можем рассматривать как отступление от норм начала XVIII в. в этом тексте. Царевич научился (церковнославянский язык помог) ценить нормативность в языке. Трудно сказать, в каких случаях это была нормативность только письменная,

[164] Газетный текст, передача подлинника неточная.

в каких случаях она охватывала и произношение, но тяга к норме несомненна. Читать книги старинного письма, делать из них выписки, обмениваться книгами — все это было в привычках царевича.

Приблизившись к речевому миру царевича, мы поняли: слияние пурпурной и лиловой систем было связано с тем, что лиловая дала некоторые очень важные свои фактические нормы (аканье, [о] после мягких и т.д.), а пурпурная предъявила свое требование нормативности. Царевич Алексей умел ценить это требование.

В своем речевом дуэте Петр и Алексей дополняли друг друга. У одного — динамичные нормы лиловой системы (иногда плохо отграниченные от просторечия), у другого — понимание значения нормы и желание подчинить ей живую речь.

Б.И. Куракин

Куракин, князь Борис Иванович, действительный тайный советник, генерал-майор, лейб-гвардии Семеновского полка подполковник, дипломат...

Годы жизни: 1676 (родился в Москве) — 1727 (умер в Париже). Восприемниками его при рождении были сам царь Федор Алексеевич и царевна Екатерина Алексевна. Еще ребенком назначен был в спальники к царю Петру Алексеевичу и начал учиться грамоте; ученье это окончилось через два года.

Очевидно, он не мог хорошо усвоить путем систематического учения язык "книг церьковных", но из этого не следует, что он и другим путем, самостоятельным прилежным чтением, не мог его усвоить. Он был книгочий и библиофил: за границей "он постоянно покупает много книг".

Языковая среда, в которой рос Б.И. Куракин, — та же, что языковая среда Петра Великого. Он участвовал "и в его потехах, и в его первых серьезных предприятиях. В 1691—1693 гг. он был в потехах под Семеновским, в 1694 г. — под Кожуховым..." В 1691 г. князь Б.И. Куракин женился на Ксении Федоровне Лопухиной, родной сестре Евдокии Федоровны, первой жены царя Петра. Участвовал в азовском походе 1694 г. (подпрапорщик Семеновского полка); потом послан Петром в Италию учиться "наукъ навтичных" (навигационных).

В Венеции он "учился наукъ математических; выучился аретьметики, геометріи теорики [т.е. теоретической], 5 книгъ Евклидеса, геометріи практики, тригонометріи планы [т.е. на плоскости?], астрономіи часть до навтики [относящаяся?], механики, фортификаціи"; научился, кроме того, итальянскому языку. У него вообще были большие способности к изучению иностранных языков.

Б.И. Куракин участвовал во взятии Шлиссельбурга (1702); он сражался в отряде, которым командовал Петр I. Он был свидетелем того, как "по взятии того города начали дѣлать Санктъ-Петербургъ и того же лѣта к осени сдѣлали". Участвовал в битве при Полтаве, командуя Семеновским полком.

Предполагают, что после опалы на Алексея Петровича Б.И. Ку-

ракин уничтожил переписку с ним (он "по жене был дядею царевича"). Вообще же от Б.И. Куракина осталось огромное рукописное наследие[165].

Куракин пестрил свою речь иноязычными словами; писал их и латиницей, и по-русски. Итальянское, английское, немецкое, французское произношение Куракина вряд ли было очень хорошо. Об этом говорит большая вариативность в передаче иноязычных слов (и многие из этих вариантов — крайне неточны). Иногда вариантность связана с влиянием разных языков". Он пишет *коньюктура* (лат. *coniuctura*) и *конжюнктура* (фр. *conjoncture*), *неутральный* (итал. *neutrale*) и *нейтральный* (нем. *neutral*), *габинетъ* (итал. *gabinetto*) и *кабинетъ* (фр. *cabinet*)"[166].

Но далеко не всегда виновник разнобоя в передаче чужих слов — многоязычие Куракина. Большей частью действует установка, свойственная его времени; если слово не встречается в Священном писании, то оно стабильной орфографии не имеет. Пиши как хочешь. "...Кн. Борис Иванович пишет фамилию известного английского государственного деятеля Пультенея то Полткній, то Полтиній, то Пулте, то Пальто, и только дважды обмолвился правильною формою..." (с. XXI).

Свои дневники и всякие другие личные бумаги Куракин выполнял скорописью. Надписные буквы *с* и *з*, *т* и *д* не различаются, т.е. обозначены одинаково. Здесь надписные буквы мы печатаем курсивом; выбирается всегда та буква (*с* или *з*, *т* или *д*), которая отвечает стандартному орфографическому виду слова. Буква ѣ передается несколькими различными написаниями — ими же передается вообще ѣ, при надписных буквах не передается никогда. Поэтому здесь ѣ ставится при надписных буквах только там, где орфографически он традиционно (для XVIII в.) писался. В некоторых случаях у Куракина буквы *а* и *о* плохо различимы: хвост у буквы идет слишком высоко для *а* и слишком низко для *о;* в этих случаях мы над буквой *а* или *о* ставим черту: *послāль, московскōі* и под.

Приведем отрывок из римского дневника Б.И. Куракина: "Все амбашадуры, врими бывающие, как цесарской гишпанской ѳранцуской ідругие, імеютъ привилежие полное: все іхпровезиони ічто| потребъное доіх: домовъ: вина, мяса, сена,| дров, хлеба івворотехъ інигде пошълинъ не пъ|латитъ іпропускаютъ безпошълин, также| жбири [*sbirro* — полицейский служитель] николи немогутъ| ксудутех людей взять, которые у них выс|луге іли подіх протекциею ѣсть, нежели когда| случитъся которому винному, хотя инеподіхъ| протекциею, припойманиі жбиров утъти ким| ізтех персонъ надворъ, никто взять того| несмеѣтъ инаприклад хотяб кто кого зако|лолъ шпагою іушелъ надворъ, немогутъ| съдвора взять, іпотом ежели он, імбаша|дур, похочетъ отсъвоего двора вольна| учинить, вывезши тайна вон ізгородаівыпу|сътить.

---

[165] Опубликовано в 10-ти томах "Архива князя Ф.А. Куракина" (Под. ред. М.И. Семевского. М., 1890—1902). К сожалению, публикаторы не сохранили орфографию автора.

[166] *Смольников В.Н.* [Предисловие] // Архив кн. Ф.А. Куракина. Саратов, 1893. Кн. 4. С. XXI.

ѣсть обычаи вриме многие римъ|ские князья живутъ подпротекциею| других потентатов, какъ цесāря, короля| ѳранцуского ігишпанского ідругихъ || которымъ никто екъстреординальнога неможет| учинить нетокмо кто іноі ісамим| всемъ колежиемъ престола римъского;| также ідругие многие всяких чинов вриме| для своеі логасти [?] [лёгости?]| живутъ подпротекциею| тех персонъ| івсе живущие подпротекциею которога| потенътата імеютъ назнак уворотъ| своих гербъ того потенътата, | іприна[д]лежатъ насебя вовсякомъ суде доам| башадуру того потентата, анедоримъ|ского суда.

і когда ежели тому амбашадуру бываетъ какая| противность одворā римъского, тогда все те| принцы ізнатное шляхетъсътъво повинны| кнему съѣхавшись, вовсемъ способсътъвовать| апāчето імбашадуры чинят нанещастъливые| случие [№ !] вобор[он]у себе іберутъ подпротекъ|цию своего суврана інаслужбу. Когда| бываетъ воканция, тоѣсть междупапешъ|сътъво, тогда бываютъ кординалы все собра|ны вполацыватикану ісидятъ ажъ пока|местъ будетъ кто избранъ впапы, ітех| времян всегда бываетъ вриме немалое смятение,| ітогда всепринцы іпослы вдомех своих сколько могут| собрать іметь вдомех своих людеі вружьѣ,| ітогда те подпротекцию бывающиѣ, бывают| притех своих послахъ воохрониеѣ| также івсеживущиеѣ| вриме бываютъ вармахъ|

ѣсть то политика для ребелиі пополи римской,| апаче для интересу своего государсътъва || потому что выбираютъ папъ івтомъ| вовсемъ силеѣтъца теми послами одво|ров івсякоі выбираетъ своеі стороны| съклонного, аобще все послы смотреть| универсального інтересу, чтоб папу невыбралі| умнаго ірост[о]ропъного ісмелаго| імо[ло]дого очень, івсегда желаютъ простаго"[167].

Орфография текста почти безупречна. Это — большая редкость для XVIII в. Текст написан на русском, обыденном, бытовом языке. Нет архаичных глагольных форм; среди именных встречаем *в домехъ* (=*в домѣхъ*), *в воротехъ*, о таких формах скажем позднее. Прилагательные имеют обычную русскую (не церковно-славянскую) флексию: *царской, гишпанской, французской* (им. ед. муж.).

Одно отступление от традиционной орфографии проведено почти последовательно: вместо ѣ пишется *е*. В цитированном отрывке можно было ожидать по традиционной орфографии около 30 слов с буквой ѣ; из них только один случай, когда ѣ стоит верно (по традиционной норме): *съѣхавшись*. В остальных случаях — везде *е* вместо ѣ.

Более того: иногда Куракин смутно помнил, что где-то в подобных случаях нужна буква ѣ, но не мог вспомнить где именно. Из двух глаголов *есть* (существует) и *ѣсть* (вкушать) он с буквой ѣ пишет первый: *ѣсть обычай в Риме; под іхъ протекциею ѣсть; ѣсть то политика...* Ср. еще: *тоѣсть*. Такая же ошибка в слове

[167] Архив Куракиных. Отд. письменных источников Государственного Исторического музея (4). Старая опись. Ед. хр. 3. Л. 20 об. — 21 об. (Пользуюсь случаем принести запоздалую благодарность работникам Отдела письменных источников Исторического музея, которые в 1967—1968 гг. учили меня читать скоропись XVIII в.)

смѣѣтъ: помнит, что должна быть буква ѣ, да запамятовал где. На всякий случай написал ее и в глаголе *силѣѣтъца*. Кажется, стоит она часто в конце имен; поэтому Куракин пишет: *надо написать*: *живущиѣ, бывающиѣ, воохроненіѣ*.

Но вспоминает он о букве ѣ редко. Это важно для того, чтобы понять, каков навык письма у Куракина. Будь у него главенствующей, самодостаточной зрительная память, он бы помнил, где в церковных текстах пишется ѣ; уж глаголы-то *есть* и *ѣсть* он бы затвердил "на глаз". Но, видно, в орфографии глаз у него был не алмаз. А в живой речи он не находил поддержку для правильного писания буквы ѣ.

Петр I знал фонему <ѣ>, а Куракин — нет.

Ориентация на живую речь видна и в таких написаниях: *одвора=от двора, одворовъ=от дворовъ;* удвоения звуков нет — мы уже говорили, что это характерная черта для лиловой системы. Говорили: [адвара́], [адваро́ф], это было фонетическое написание конструкций с предлогом *от*[168].

О безударном вокализме говорят такие написания: *вывезши тайна, воохроненіѣ*. Куракин акал. Но письменно не любил в этом признаваться.

Почему же так редко прорывалось это аканье? Разве это не противоречие: Куракин полностью свободен от порабощения орфографической традицией, ѣ он изгнал. Куракин полностью порабощен орфографической традицией: он, акая, везде пишет традиционное *о* (в безударных позициях).

Может быть, у него глаз был наметан и он писал по зрительному впечатлению? Мы видели, что это не так. Пренебрежение к букве ѣ — ясное тому доказательство. Может быть, у него слух был наметан? Иного нельзя предположить. То есть: в церковно-славянском языке прочно держалось оканье. Это была прочная для церковно-славянского языка норма. И, может быть, в пурпурной системе. Для Куракина, человека очень способного в речевых умениях, этого было достаточно, чтобы усвоить норму. А особое произношение <ѣ> было расшатано и исчезало из церковной речи, как и из бытовой. Так мы объясняем себе это противоречие (мнимое) в речи Куракина.

Отметим еще, что с иностранными словами он не церемонится: *амбашадуры* (послы) у него то и дело ходят в *имбашадурах*.

Последнее: *екъстреординальнога... Экий колидор! Экий секлетарь!* Влияние просторечной фонетики. Она требовала диссимиляции нескольких [р] в одном слове[169].

Обратим внимание на написания иноязычных слов. Исконное *о* передается в русских записях (не всегда, но и не в единичных случаях) как *у*: *кумъпані* и др. (см. дальше). Напротив, исконное *у* не передается буквой *о* (*бурмистры, куранты*).

---

[168] Явно разговорно написание *утьти* (*-уйти*). Здесь-то, наверное, был двойной, долгий согласный [т:], не так ли?

[169] Иногда просторечная норма и побеждала. В "Словаре Академии Российской" читаем: *Велблюдъ*, в просторечии *верблюдъ* (Ч. 1. С. 584). В XVIII в. просторечные явления глубоко проникали в литературный язык и иногда укоренялись в нем.

Исконное *а* иногда (но не очень редко) передается буквой *о*: *воканция, кординалы* (и *кардиналы*; см. дальше).

Чтобы показать еще ряд таких случаев, приводим такой отрывок[170]: "26-го маия из Риму поехали в Вилиажатуру на одно местечко при горох, от Риму 12 миль которого в техъ гарах[171] многих принцов ѣсть деревни, построенные с полатами Великими и садами изрядноми, а паче всего с дивными фонтанами, играми водяными, которым подобно не можно быть на свете, и также для добраго воздуха тот спасеш [*spasso* — удовольствие] имѣют. И в том месте жили по іюнь т.е. число римскаго колендаря, а стояли в деревни кардинала Урсини, в которою бытъность мне коштовало всякой день по червонному и со всею фомилиею и с лошадьми. И видели виллю князя Понфилия, которая называется Бельведере, в которой видели предивные жоки или игры водяные, водою арганы играютъ два куранта, да в одной полате, которая вся убрана музаікою из розных камушков зделана гора каменъная, по которой сидятъ 9 девъ со фълетами, которые играют же, а под горою арханы и те девы играют одне и с органами вместе розных два танца || Тут же с приходу зделанъ одинъ зверь — ченътавро, а по нашему полкан, с рогом, которой трубить так громко, что слышать на три и на четыре версты по погоде...

Вилля принципа Бургеэя называется Монте-Драгон, в которой сатъ и полаты преизрядные, также и воды играгельные, только не таковы, как в Бельведере"[172]. Здесь: *колендаря, фомилиею, Понфилия, полате.* Здесь же: *музаікою*[173], *Урсини* (=*Орсини*) (любопытен разнобой: *арганы, арханы, сорганами*).

При всем разнобое наблюдается описанная выше тенденция: *а* менять на *о*, *о* менять на *у*. Правда, *о* — большей частью в безударных положениях. Но если Куракин писал гласные, ориентируясь на слуховые (церковно-славянские) впечатления, то, вероятно, и заимствования он тоже передавал, ориентируясь на слух. Почему же *о* стало заместителем *а*? Может быть, в итальянском языке граница гласных верхнего и среднего подъема, среднего и нижнего подъема проходит "выше", чем в русском языке (см. схему).

[170] Разделение на слова, принятые в подлиннике, не передаем; не выделяем выносные буквы (в конце слова выносные согласные буквы узнать можно по тому, что после них нет ъ).

[171] Может быть, *при го́рах*, но *в гора́х*?

[172] Архив Куракиных. Ед. хр. 3. Л. 22 об. — 23.

[173] Два написания при *горох* и *в гарах*, вероятно, отражают колебания ударения: *горох — гарах*.

Есть такой участок (т.е. та степень поднятия языка), который для итальянца — область [о] (ниже прерывистой линии), а для русского XVIII в. — [у] (выше сплошной линии). Также не совпадают границы [о — а].

Для обозначения определенной степени подъема Б.И. Куракин употребляет букву *а*; для русского те же участки — выше области [а] — он эту степень подъема обозначает буквой *о*. Может быть, так.

Так пестро сплелись в языке Б.И. Куракина бытовое (иногда даже просторечное) произношение и церковно-славянское, так причудливо отразились в его речи иноземные фонетические образы.

М.В. Ломоносов

Произношение М.В. Ломоносова — это ряд напряжений. Столкнулись: крестьянский диалект и литературная речь, строго преданная норме; церковно-славянское и русское произношение; поэтическая орфоэпия и деловые требования житейского произношения.

М.В. Ломоносов разрешил все эти напряжения.

Он изгнал из своей речи диалектизмы, но его всегда радовала связь высокого книжного выговора с родной ему диалектной речью; высокое в его глазах могло достойно стоять рядом с мужицким.

Он создал теорию, позволившую сочетать те нормы, которые восходят к церковно-славянскому языку, с русскими произносительными нормами.

Он — первый кодификатор русской речи. У него был план, как из этой речи, в потенции литературной, выкристаллизовать литературный язык. Естествоиспытатель, Ломоносов знал: нельзя насиловать натуру. Свой план, как упорядочить речевую стихию, он вывел из наблюдений над этой стихией.

И в то же время Ломоносов — носитель диалектной речи. Он вырос на севере, усвоил севернорусскую диалектную речь; как это отразилось на его роли кодификатора? Уже в начале нашего века А. Грандилевский изучил диалект родины Ломоносова[174]. За 200 лет диалект, конечно, изменился, но вряд ли настолько, чтобы старинные черты его полностью сгладились. Попробуем разобраться, пользуясь наблюдениями Грандилевского, в какой степени Ломоносов, устраивая общерусский литературный язык, оставался сторонником своего диалекта.

В говоре Холмогор, пишет Грандилевский, "многие слова содержат одновременно по нескольку особенностей употребления звуков, так что говорящее лицо бесконтрольно пользуется тем или иным видом словопроизношения". Примеры: *святой, светой, свитой, свётой; несу, нису, нясу, несу; пятнаю, петнаю, питнаю, пётнаю; слеза, слиза, сляза, слеза; глядеть, гледеть, глидеть, глёдеть* (22)[175].

---

[174] *Грандилевский А.* Родина М.В. Ломоносова: Областной крестьянский говор. СПб., 1907 (везде дальше указываются страницы этого издания).

[175] Этот разнобой был у гласных и в ударном положении: *ещé, ещá, ещё, ящé, ящó, ящá, ищé, ищó, ищá, ёщé, ёщё*... (Там же. С. 24). Впрочем, *еще* в предложении чаще всего полуударно

Здесь отмечена типичнейшая черта диалекта — некодифицированность его. Сосуществует несколько, иногда — множество, произносительных (и всяких иных) вариантов, функционально тождественных. Выбор одного из них не определяется целью речевого общения, он в функциональном отношении случаен.

Ломоносов резко разорвал с этим диалектным принципом. Его труды по русской грамматике ясно свидетельствуют об иерархичности его языкового сознания: одна из нескольких речевых возможностей всегда оценивается как наилучшая и возводится в языковой канон. (Такой взгляд не исключает известной гибкости: данная единица наилучшей признается для определенных целей, например для употребления в высоком стиле; в других случаях наилучшей окажется другая единица) Он стремится понять, обосновать, почему одно лучше другого. "Для чего *ширѣ, слабѣе,* лучше *нежели ширѣе, слабѣе*", — спрашивает себя Ломоносов. "*Слабяе* для кокофоніи только худо, а не неправильно", — замечает он, отграничивая "непристойности" фонетические от грамматических (МЛ 7: 611). Материалы к грамматике Ломоносова и сама его грамматика говорят о последовательности ученого: из многих возможностей в каждом случае он стремится выбрать одну и ее узаконивает.

В важнейшем деле — понимания языка как строго кодифицированной целостности — Ломоносов полностью преодолел свою диалектность.

Нет сомнения, что Ломоносов окал. Говор Холмогор, конечно, окающий[176]. Грандилевский его характеризует не очень ясно: "Не слышно в говоре холмогорских крестьян, чтобы было чрезвычайное оканье, не слышно и поражающего слух аканья. Золотая средина того и другого сделала говор холмогорских крестьян наилучшим в Архангельской губернии" (9—10). Оканье — различение <а — о> в безударном положении. Аканье — неразличение. Поэтому "ни аканья, ни оканья" — формула невозможная. Грандилевский настаивает на "умеренности" оканья[177]. "В некоторых случаях, где звук *а* находится не под ударением, например, *старажил, параход, сакваяж* — по большей части это *а* произносится смягченно, будучи приближением к звуку *о,* или, говоря проще, — бывает звук ни чистое *а,* ни чистое *о*" (13).

Исследователь пишет: "До конца XV столетия на родине Михаила Васильевича Ломоносова существовал один только строго новгородский говор без смешения с какими-либо другими наречиями и без особенных искажений. Когда же в конце XV в. на севере России утвердилось московское владычество, тогда и в народном языке стали проявляться элементы московского наречия. Чем далее шло время вперед, тем более и более, конечно, крепли элементы московского говора в холмогорском наречии, так как Холмогоры

---

[176] Акальщиков в Холмогорах дразнят: *был в Маскве, шол па даске, даска тресь! и я упал в грезь.*

[177] То есть, по Грандилевскому, не то оканья, не то аканья. Но речь может идти, конечно, только о типе оканья.

имели живую торговую связь с Москвою. Наконец, широко развившийся в холмогорском крае отхожий промысел еще значительнее ускорил развитие московского элемента в простонародном говоре родины Ломоносова" (3—4).

Было ли такое влияние сильным в начале XVIII в.? Очевидно, нет. Не только потому, что контакты с московскими жителями были нечастыми, но еще более потому, что Москва не имела тогда славы законодательницы и образца в области культуры и языка. Старообрядческий север не хотел московских новшеств — и московского аканья.

Поэтому со своей родины Ломоносов привез в Москву, конечно, оканье. В Славяно-греко-латинской академии, где училось много детей духовенства, где преподаватели были тоже из духовного звания, конечно, господствовало оканье (профессиональная черта "поповской" речи).

В 30 лет он вернулся из Германии в Петербург; в это время отучиваться от произносительных привычек, нажитых в детстве и юности, уже трудно — без особых, без чрезвычайных побудительных причин. А их-то и не было. Акающая речь не считалась тогда единственно литературной. Высокий авторитет церковно-славянского языка покровительствовал оканью и в бытовой речи.

У Ломоносова было острорационалистическое отношение к языку, к его фонетике. Такое отношение было необходимо первому кодификатору. И, как первый кодификатор, он не мог не ценить строго выдержанную норму — оканье, освященное церковной традицией. Тем более, что оканье, повторяем, не расценивалось как отступление от литературности. Надо, наконец, принять во внимание и "благородную упрямку" Ломоносова. Он не был из тех, кто легко поддается чужому влиянию — в своих мнениях и в своих поступках, очевидно и в своем речевом поведении. Все это заставляет признать: Ломоносов сохранил свое окающее произношение и в Москве, и в Петербурге.

Холмогорцы экают. Они, по Грандилевскому, говорят: *взела, петно, езык, везать, светой, петак, десети, ребина, заец, деветь, Василей, Григорей, синей, весенней, третей, проезжей, ворочеть, вынел* и даже *испугалсе, торопилсе, явилсе* (14—15). Эта диалектная черта совпадала с тем, что было в литературном языке, и Ломоносову не было нужды переучиваться[178]. Различия были, может быть, в деталях, Ломоносов колебался, как правильно: *бьютсе* или *бьютса, бьемсе* (МЛ 7). Колебания, видимо, были вызваны диалектным *бьемсе* и литературным *бьемса.*

Во флексиях, как известно, поведение гласных особое. Диалектные *полё, морё, воскресеньё, здоровьё, времё* помогали освоить

[178] В качестве нормы-соперницы Грандилевский указывает в безударных слогах после мягких "отчетливое, явственное произношение ё": *тёпло, дёржать, горёвать, лёжать, озёро, денёг, оружьём, смотрителём, зятём, свадёб, гоголём, честён, саблёй, в третьём, морё, полё, воскресеньё, здоровьё, времё, прибыточён, покойничёк, счастьё* (15).

литературное произношение с [ъ] во флексии[179]; но освоил ли его Ломоносов? Не было ли у него здесь, в заударных слогах, настоящего [о] — диалектного?

В холмогорском диалекте говорят: *худыя, толстыя, кривыя,* вместо *худые, толстые, кривые* (22). В сравнительной форме: *беляя, смеляя* (49). То есть: *худы*[jъ] или *худы*[ja], *беля*[jъ] или *беля*[ja]. Очевидно, для флексий действовал особый закон: после мягких и [j] мог быть безударный гласный непереднего ряда нижнего или среднего подъема (нелабиализованный). Эта закономерность отвечала и литературному языку, но охват ею отдельных словоформ в диалекте и в столичной речи мог быть разным.

Вопрос об окончании прилагательных во мн. числе вызывал яростные и сумбурные споры у грамматистов XVIII в. Тредиаковский предлагал писать: *худыи, синии* (муж. р.), *худые, синие* (жен. р.), *худыя, синия* (ср. р.).

Ломоносов возражает: "Однако я рассуждаю, что такого различия родов, которого в российском языке нет, вновь замышлять не надлежит" (МЛ 7: 86). И разъясняет: ...На *е* множественное окончание во всех родах употребительнее, нежели на *я,* что явствует во всех печатных и рукописных гражданских книгах, от великороссиян сочиненных... а на *и* окончания множественного прилагательных в книгах от великороссиян сочиненных и переведенных, нигде видеть мне не случалось. Что ж надлежит до неявственного произношения последнего письмени в тихих разговорах, то, хоть слухом и трудно распознать, однако сие бывает явно в двух случаях: 1) когда один другому издали кричит, 2) в письменах..." (МЛ 7: 86).

Итак, Ломоносов, впервые в нашей науке, обращается к... полному стилю! Он не отрицает, что в тихих разговорах произносится нечто неясное, ослабленное — громкие разговоры затем и понадобились, что только в них можно услышать *е*! Позднейшие теоретические построения обнаружили, что полный стиль — вещь ненадежная. Как речь, отличающаяся от обычной, он не имеет непрерывной, повседневно продолжающейся прочной традиции. И ему приписать можно что угодно.

Мы полагаем, что главными опорами у Ломоносова здесь были: во-первых, навыки церковно-славянского произношения (букву *е* принято употреблять "в письменах", а значит, и в высоком, церковно-славянском, произношении, к буквам склоняющемся); во-вторых, диалектные привычки Ломоносова. Здесь объединились престижная рекомендация церковной речи и поддержка живого, народного (диалектного) выговора. И Ломоносов дает одну общую рекомендацию: писать *е* или *я* (фонетически безразлично — то или другое).

Грандилевский застал цоканье уже разрушенным; диалектная архаика и здесь лучше сохранилась у женщин. "Звук *ц* на языке

---

[179] Ср. у Грандилевского: "В выражениях: *я иду* (куда?) *в поле* и *я был* (где?) *в полѣ* — всегда существует та разница, что в первом случае говорится *в полѣ,* а в другом именно *в полѣ,* т.е. чистое *е*" (16).

земляков Ломоносова пользуется глубокими симпатиями; его особенности употребления составляют такого рода украшение деревенской речи, которое характеризует желание говорящего показать себя ласковым и любящим, простым и невзыскательным. Поэтому звук *ц* особенно предпочитается в женском разговоре, среди девиц по преимуществу. Что касается мужчин, особенно молодежи, то они изъяты из этого подчинения звуку *ц* и для них необязательно пользоваться им[180], хотя бы даже в самой интимной беседе. В распоряжении мужчин имеется звук *ч*, употребление которого очень ограничено для девиц и лишь немного более предоставлено женщинам. Звук *ц* в говоре холмогорских крестьян так часто употребляется на месте *ч*, особенно среди лиц женского пола, что правильное словопроизношение делается исключением (*цёрный, цёрт, цетыре, цертá, цегó, цто, пець, ноць* и т.д.)" (32—33).

На то, что [ч'] — новоприобретенный звук, намекают и такие наблюдения Грандилевского: "Насколько *ц* для холмогорской девицы или женщины является орудием лучшего выражения нежности, простоты и ласки, настолько и звук *ч* среди мужской половины населения служит излюбленным показателем грамотности, начитанности, знакомства с умными и книжными людьми. Поэтому, когда девица или женщина выразит пристрастие к звуку *ч*, в деревенском мнении то будет смешно, когда мужчина слишком пристрастится к *ц*, тоже не избежит насмешки" (33).

Если действительно цоканье было свойственно в прошлом холмогорцам, то удивительно, как полно преодолел Ломоносов эту черту своего родного диалекта. Ни следа от нее! Ни следа — не только в области практического употребления, но и в эмоциональной оценке [ц] и [ч]. В "Риторике" Ломоносов делит звуки на те, которые пригодны для изображения вещей и действий сильных, громких, великолепных, и на те, которые более пристойны для изображения всего нежного и мягкого (МЛ 7). Здесь бы и могли проявиться диалектные пристрастия Ломоносова! Нет, он и [ц], и [ч] относит к звукам мужественно-великолепным.

Возможно, вместо [ш'] Ломоносов произносил [ш]. В говоре: *шшука, шшотка, смушшáть, пúшша, вéшши, шшокá* (34). Рядом с согласным долгота не сохраняется: *точильшик, молотильшик, пильшик, ямшик* (34)[181].

В трудах же Ломоносова такие записи: *обманшикъ, -шица, печальшикъ, -ца, расказшикъ, -щица, временьшикъ* (МЛ 7: 650).

Может быть, непривычностью Ломоносова к городскому произношению вызваны написания: *гремящы — шумящы, спящы — шу-*

---

[180] О том, что в говоре существовало (в начале XX в.) гиперупотребление [ч'], свидетельствует словарь, приложенный к очерку Грандилевского. В нем находим: *черква* (=*церковь*) (297). Такое гиперпристрастие к [ч'] характерно для "цокальцев", которые решили отказаться от цоканья.

[181] Но рядом существуют: *щелушить, щелуха, щастье, щет* и др. (34). Характерная для говора многовариантность (влияние литературного языка).

мящы (МЛ 7)[182]. По Грандилевскому, холмогорцы говорят: *гремящы, спящы* (5)... Звук [ы] мог появиться только после твердого [ш]).

В говоре холмогорцев встречаются слова "с безразлично употребляемою твердостию и мягкостию согласных. Так, крестьяне скажут: *семь, голуп, картофель*... скажут и *сем, голуп, картоф*" (39). Формы *семь, голуп*, совпадающие с литературными; *картофь*, пришедшее в говор уже в XIX в.[183], — все это факты, вероятно, сравнительно новые. Именно потому, что они легко объясняются как возникшие под внешним (для говора) влиянием. Твердость губных в конце слова, вероятно, была издавна свойственна говору. Тогда факты, которые были выше истолкованы в качестве проявления петербургской нормы в произношении Ломоносова, имеют два источника : они — из диалекта, с детства известного Ломоносову, но они же хорошо сошлись с петербургской нормой.

"Безразлично скажут крестьяне: *двери* и *дьвери, Двина* и *Дьвина, скотник* и *скотьник, родник* и *родьник*, но уже изредка только произнесут: *отьведать, ботьвинья*..." (39). Далее Грандилевский говорит об "одинаково частом произношении слов *ротственник* и *ротьственник, бедствие* и *бетьствие*..." (39). Отмечено такое произношение: *госьти, косьти, осьпица* (41). В трудах Ломоносова встречаем такие написания: *средьняго* VII, 673, *каланьча* VII, 674, *ветьви* VIII, 103, *весьти странныя* VIII, 474. О мягкости согласного перед другим согласным говорят и такие написания: *свадбѣ, князми, во тмѣ, возмите* (МЛ 7). Здесь мягкость зубных перед губными — фонематична, не зависит от позиции (ср. *свадьба, князь, тьма, возьму*). И орфография велит ее обозначать: *свадьбе* и т.д. Почему Ломоносов не обозначает? А потому, что все равно, есть мягкий знак или нет его, будет произнесен мягкий зубной — он в слабой позиции, здесь невозможен твердый. Так мы по написаниям без твердого знака узнаем о мягком произношении согласных[184].

В совокупности эти факты говорят о системе позиционного смягчения, свойственного литературной норме (фиолетовой системе и более поздним, вплоть до желтой).

Мягкий согласный [р'] до XX в. остался любимцем в Холмогорах. "Слова: *церковь* и *церьковь, перво* и *перьво, серп* и *серьп*,

---

[182] Другое объяснение: такие написания, с сочетанием *щы*, встречались в старопечатных церковных текстах и предполагали чтение: *гремя*[шт]*ы*. Эта орфографическая (для нецерковной речи условная) традиция была использована Ломоносовым (но почему так редко? Это скорее напоминает случайную оплошность, может быть раскрывающую произношение, а не сознательную ориентацию на высокий образец).

[183] В 1840-х годах его по царскому указу стали насаждать принудительно; вспыхнули картофельные бунты. До этого народ картофеля не знал.

[184] Поэт Михаил Кузмин. Художник Николай Кузьмин. Фамилия одна и та же: [куз'м'ин]. Почему же в начале XX в. можно было обойтись без мягкого знака, а позднее — нельзя? Потому что в начале XX в. (желтая система), мягкость [з'] в этой позиции была обязательной. Об этом как раз говорит отсутствие *ь*. (Вспомним: как раз на этом переломе, от старой нормы к новой, возник гиперизм — произношение *социал*[з']*м*.)

зеркало и *зерькало, кормить* и *корьмить*... пользуются в холмогорском наречии совершеннейшим равноправием, бóльшее же преимущество дается лишь словам: *верьх, двóрьник, гóрьница, пóрьча, корьзúна, дéрьгать, черьвяк* с их мягким видом..." (39). И Ломоносов любил [р'] в этих же позициях; он говорил: *дерьгаю, дерьгивалъ, сверькаю, кочерьга, верьба, харьчь* VII, 671, *зерькало* VIII, 10, *верьх, церькви, серьпы, перьвый, черьвь* VIII, 54 и т.д., Ломоносов говорил, как его односельчане и как его современники-горожане. Нормы совпали.

В литературном языке, в лиловой системе, замена [ч'] на [ш] перед [н] и [н'] была близка к позиционной или была позиционной. В холмогорском говоре, вероятно, она была позиционной. Мы сомневались в позиционности этой мены, когда говорили о литературном языке, потому что не нашли случаев, когда мена приводила бы к омонимии. В диалекте такие случаи есть. Холмогорцы говорят *тошно,* и это означает: а) 'мучительно, больно' (ср. литературное *тошно, тошен*); б) 'верно' (ср. литературное *точно, точен*) (284). Ср. перечень слов с [шн] вместо литературного [чн]: *привышно, полномошно, тошно...* (34).

Но, как человек книжный, владевший высоким стилем (где буквы *чн* читались как [ч'н]), Ломоносов, бесспорно, в пурпурной системе произносил *ве*[ч'н]*ый, бесконе*[чн]*ый* и т.д.[185]

У холмогорцев фонемное сочетание "шипящая+свистящая" произносится как долгий свистящий: *ругаесся, дересся* 41, *ругаисся, борисся, справляесся* 31, *муской, волской* 28. Мы помним, что в XVIII в. такое произношение было принято (как один из возможных вариантов) и в литературно говорящей среде. В простом стиле оно, возможно, было свойственно и Ломоносову.

Непроизносимые согласные у холмогорцев частью совпадали с теми, кто знал литературный язык, а частью были незнакомы ему. Холмогорцы говорили: *балосьво* 27, *сресьво* 28, *опчесьво* 30, 222, *сиросьво, богасьво, довольсво* 31, *очесьво* (*отчество*) 31, 226 , *листва* (*лиственницы*) 184 (?). То есть <ств> реализовалось сочетанием [св]. Литературному языку (и языку Ломоносова) это было чуждо.

Холмогорцы говорили: *кресьяна* 31, *запясье* 154, *заперьсье* (обшлаг рукава) 153, *кресьянствовать* 180, *охвосье* (худая часть зерна) 226, *усьяна* (жители устьев Северной Двины) 290. Это тоже нелитературно[186]. У Ломоносова нет следа такого чередования.

В говоре есть и такие чередования, которые сближали его с литературной (лиловой) речью: *троска* (тросточка) 31, 285, *невеска* 31, *примоски* (подмостки) 252, *хлеский* (больно секущий) 293, *музыканка* (музыкантша) 29, *очесливый* (почтительный) 226,

---

[185] Грандилевский показывает, что в холмогорском говоре XX в. перебивали друг друга разные нормы — произношение с [чн] уже было известно. Это и неудивительно: диалект уживается с разными нормами. Важно, что одна из допустимых норм состояла в том, что всякое <чн> приравнивается к [шн].

[186] Хотя мы помним, что В.К. Тредиаковский считал эту норму литературной.

пакосный, посный 31, *хресный* 32. Ср. у Ломоносова рифмы типа *честный — чудесный.*

Сравнивая вокализм и консонантизм говора с фонетикой литературного языка, видим: вокализм не так контрастен литературной норме, как система согласных; цоканье; иные позиции для непроизносимых согласных: [ш] вместо [ш'] или [ш'ч']; последовательная замена шипящих на свистящие в позиции после свистящих — все это существенные отличия от литературной нормы. Тем более важно заметить, что эти консонантные отличия были полностью преодолены Ломоносовым. Консонантная упорядоченность литературной речи была уже настолько стабильна, что заставляла преодолевать даже значительные различия. С другой стороны, Ломоносов сам и был одним из главных устроителей этой стабильности, этой нормы. Нигде, ни одним словом Ломоносов не обидел свой диалект. И нередко, отдавая должное литературному языку, он хвалил и свой холмогорский (окающий) говор. Он пишет: "Россійской языкъ можно раздѣлить на три діалекта: 1) московской, 2) поморской, 3) малороссійской. Первой главной и при дворѣ и въ дворянствѣ употребительной и особливо въ городахъ, близъ Москвы лежащихъ. Другой нѣсколько склоненъ ближе къ старому славенскому и великую часть Россіи занялъ" (МЛ 7: 608). О поморском сказано с любовью: свой говор, родной. Одно достоинство — близок славенскому, высокому языку, другое — повсюду он, великую часть России занял.

Уже с детства Ломоносов знал, что есть два языка: один слышал в церкви, другой — в быту. В церкви произносят по буквам, "читком" (холмогорское слово, означает: речитативом) (МЛ 7: 298). Разграничение этих двух произношений проходит через все работы Ломоносова. Он предполагал писать: "О произношеніи писменъ россійскихъ въ простыхъ разговорахъ. О произношеніи писменъ въ штилѣ" (МЛ 7: 609).

"Pronunciatio Ruthena, — восклицает он, — duplex censeri debet, simplex et oratoria [Русское произношение должно рассматриваться двояко — простое и ораторское]: 1) *ишчезаетъ,* 2) *исчезаетъ*" (МЛ 7: 623).

Два стиля в произношении — этой мысли не оставил Ломоносов и позднее, когда в области лексики он увидел три стилевых разграничения. То, что было в конце XVII в. фонетическими особенностями двух языков, в первой половине XVIII в. стало фонетическими приметами двух стилей: высокого и среднего. В пределах одного языка. О том, как Ломоносов плодотворно участвовал в этой работе, было нами уже достаточно рассказано.

В каждом стихе каждый из четырех четных слогов получает свою долю ударности, так как для него приготовлено отдельное слово. И пусть оно служебное, безударное в обычной речи — здесь и оно предлог для особого ударения (*ко́ль=сколько, насколько;* служебное слово, подчинительный союз).

Ямбический метр понят здесь как задание, которое подлежит неукоснительному выполнению. Неукоснительность не всегда полу-

чается, материал — язык — сопротивляется: в русском языке одно ударение приходится в среднем не на два, а на три слога. Но стремление именно такое: все четные слоги обязаны быть ударны.

В основе такого построения стиха лежит определенное отношение к поэтическому языку: метр прилагается к тексту как нечто внешнее для текста. Само чтение таких стихов по степени искусственности не уступает силлабике.

Проходит немного времени, и стих у М. Ломоносова становится иным. Тот же четырехстопный ямб, но звучание его совсем иное:

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет:
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет. (1747)

Нет обязательных четырех ударений в строке, стихи движутся, живут. И это от того, что явились пиррихии? Да, оттого, что сам стих понят по-иному: не как подчиняющийся метру, а как рождающий в своем свободном движении метр. Число ударений — от пяти до двух:

Что ж се? Диане я прекрасной (5)
Уже последую в лесах, (3)
От коей хитростью напрасной (3)
Укрыться хочет зверь в кустах! (4)
Уже и купно со денницей (3)
Великолепной колесницей (2)
В безоблачных странах несусь! (3)
Блаженство, мыслям непонятно! (3)
Благополучен многократно, (2)
Когда не тщетным сном я льщусь! (4) (1751)

Силлабический стих строится так: дан слоговой каркас, словесный текст должен ему подчиниться. Например, 13-сложник: семь слогов произносятся речитативом, они выравниваются по силе; затем — цезура. Седьмой слог всегда соответствует концу слова. Цезура обозначается паузой, или разрывом интонационной плавности, или усилием предцезурного ударения. Затем — вторая часть стиха, шесть слогов, тоже выравненных скандированием либо речитативом; иначе говоря — все они на одном уровне громкости. Последнее ударение (на втором слоге с конца стиха) — сильнее других. Текст всегда должен подчиняться схеме. Схема накладывается на текст как нечто внешнее по отношению к нему. Талант поэта (например, такого мастера силлабики, как А. Кантемир) мог замаскировать насильственность этого сожительства, но не преодолеть ее.

Первые стихотворения, которые Ломоносов написал четырехстопным ямбом (конец 30-х — начало 40-х годов), продолжают эту традицию. Есть ямбический метр: ⏑–⏑–⏑–⏑(⏑), и он должен неукоснительно выполняться. В стихах Ломоносова этого времени, в каждой строке, четыре слова, неважно — ударны они в бытовой речи или нет. Важно, что они своей отдельностью обеспечивают четыре ударения. (Речь идет о тексте стихотворений, которые не подвергались позднейшей переработке.) И при таких жестких метрических

условиях Ломоносов создавал лирические шедевры:

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы чорна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна...
. . . . . .
Сомнений полон ваш ответ
О том, что о́крест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что́ малейших дале звезд?
Неведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец!

Но вот Ломоносов понял красоту пиррихия, сладость отступления от жесткого каркаса. Теперь для него не всегда повелителен окрик метра. Пиррихий позволил ввести в стих живую, льющуюся интонацию естественной речи. Условия ямба соблюдаются: ударны именно четные слоги в стихе. Но не все. Есть простор для варьирования стихов, для их контрастной смены — в этом и заключалось то объединение поэтической и бытовой звуковой стихии в произведениях Ломоносова, которое характерно для вершинных его произведений.

Филологов XVIII в. отличает эстетическое отношение к языку. И не только к его эстетической функции, но и ко всем его достойным проявлениям. Ломоносов любуется — не может налюбоваться русским языком. Сладостно для него само произношение: "Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы *о* без ударения как *а*, много приятнее" (МЛ 7: 426).

И даже в стихах воспевает литературное произношение:

Великая Москва в языке столь нежна,
Что *а* произносить за *о* велит она...

Но в угоду столичной красоте он не отказался от своего родного оканья. И в отношении к произношению у него было чувство достоинства и "благородная упрямка".

Итоги. 1. Пурпурная система не равна церковно-славянскому языку, но она ориентировалась на церковно-славянский язык. И была далека от лиловой системы. Постепенно они сближались, готовя почву для великого филологического подвига — создания теории трех стилей М.В. Ломоносовым.

2. Сближение этих систем способствовало изменениям в произношении. Например, объединились слова с сочетанием <чн> и слова с сочетанием <шн>. Наличие в одной позиции (перед <н>) и <ш>, и <ч> — причем в пределах одной системы — делало чередование <ч> || <ш> непозиционным или более далеким от позиционного.

3. Падение фонемы <ѣ> — следствие многих причин, главнейшей

из них считаем действие закона Бодуэна де Куртенэ. Но существенным было и то, что ее перестала поддерживать лиловая система, а пурпурная, которая покровительствовала фонеме <ѣ>, постепенно теряла свое первенствующее положение.

4. Впервые было осознано, что лиловая система — не беззаконница, что у нее есть свои закономерности. Становилось ясным, что она готова стать объектом кодификации. Здесь огромное значение имели труды В.К. Тредиаковского. Он впервые в нашей филологии открыл позиционный характер ряда чередований (аканье, мена глухих и звонких согласных, мена [к] на [х] перед смычными шумными). При этом высокий уровень его лингвистического сознания выразился в том, что он всегда, во всех трех случаях, подчеркивал позиционный характер чередования; это видно из цитат, приведенных в нашей книге. Из XVIII в. Тредиаковский протягивает руку И.А. Бодуэну де Куртенэ — между ними никто ни говорил о позиционных чередованиях в русском языке!

Б.А. Успенский писал: "Можно полагать, что в деятельности Тредиаковского заложены предпосылки последующих концепций русского литературного языка, определяющие экстремальные возможности его эволюции. Тредиаковский опережает свое время — и в этом, вероятно, одна из причин непризнания его современниками"[187]. Именно так!

5. В эту эпоху появилась русская филология. Стали проясняться культурные задачи и потребности русского языка.

[187] *Успенский Б.А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1985. С. 198.

Глава седьмая

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Грамматики[1] сидят в ночных колпаках — языки движутся быстро в будущность, к своим неизбежным целям.

О.И. Сенковский[2]

Разнообразны были социальные факторы, в течение трех веков влиявшие на изменения в литературном языке, в его произношении.

Менялись социальные слои, которые имели приоритет в области культуры: царский двор (эпоха Петра I), дворянская интеллигенция, Базаровы, широкие демократические массы. Коренным образом изменился состав людей, причастных к культуре, в 1917 г. Сталкивались речевые манеры социальных групп, доминировали то те, то другие произносительные типы. Все время менялась роль диалектов: то они были предметом отталкивания, то источником желанных новшеств. Поэтому менялось взаимоотношение литературного языка с диалектной речью, с просторечием (т.е. говором городских низов), с профессиональными арго. Перемешивались массы населения — перетирались говоры, становились более проницаемы для литературного влияния. Появились и распространились новые формы общественных контактов, социально значимых форм общения: публичное судоговорение, государственные прения в правительственных учреждениях, распространение школ разного типа и разных форм обучения, научные диспуты, общедоступные курсы, лекции для народа, митинги, кружки самообразования. Все это были очаги разнообразнейших языковых новаций, притяжений и отталкиваний. Вырастали новые промышленные центры, собирали вокруг себя новое население, и формировались в этих центрах-городах новые орфоэпические шаблоны, претендующие на культурное признание. Плодотворным было развитие театра, росла общенародная любовь к нему. Возникали радио и телевидение и, пожалуй, наложили свой отпечаток на произношение. Менялись устные формы существования поэзии. Волнами сменяли друг друга периоды подъема и падения художественного вкуса — это тоже отражалось на литературном произношении. Возникали новые центры русской речи в национальных республиках нашей страны (они стабилизирующе влияли на русский литературный язык и его орфоэпию).

Список социальных факторов, в течение трех веков влиявших на русский литературный язык, на литературное произношение, можно было бы увеличить в два, в три, в четыре раза. Факторы совершенно разнородные, влияние их непредсказуемо-прихотливо... Вероятно, и развитие литературного языка, в частности произношения, пред-

[1] В том числе — фонетисты. — *М.П.*

ставляло собой постоянные метания из стороны в сторону, беспорядочные колебания нормы? Да может ли в этом хаосе вообще существовать норма?

Оказывается, развитие литературного произношения было направленным, последовательным, единым. Социальные воздействия действительно создавали разные произносительные варианты, часто причудливые и неповторимо-индивидуальные. Внутренние законы развития фонетической системы отбирали из этого многообразия то, что отвечало этим законам, налагали "вето" на все, идущее им наперекор. (Впрочем, не на все: изредка этим внутренним законам приходилось отступать под напором внешних обстоятельств.)

Итак, развитие произношения направляли внутренние языковые законы. Было два главных закона.

Закон Бодуэна де Куртенэ. Он формулируется просто: число согласных в русском языке постепенно возрастает, число гласных уменьшается. Сам И.А. Бодуэн де Куртенэ относил свой закон к более древним эпохам, но, как показало наше исследование, он действовал и в последние три века. В определенных позициях число возможных гласных постепенно уменьшается. Гласные нейтрализуются, сливаются. Если во всех позициях гласная фонема сливается с другими, она исчезает из системы языка (судьба ѣ). В определенных позициях число согласных постепенно возрастает. Там, где две фонемы ранее нейтрализовались, сливались в одном звуке, они перестают нейтрализоваться, оказываются возможными в одной позиции.

Закон Бодуэна де Куртенэ — парадигматический. Это звуки, целостные континуумы, которые, позиционно чередуясь, нейтрализуются и таким путем уменьшают число гласных фонем или, наоборот, выходя из нейтрализации, перестав нейтрализоваться, увеличивают их число в данной позиции.

Есть и второй закон: в истории русского языка последнего века некоторые маркированные единицы превратились в немаркированные (глубже наш анализ не проникает). Закон относится и к гласным, и к согласным.

Понятие немаркированности относится к синтагматике; оно касается звуковых признаков, которые функционируют в определенных сочетаниях. Признак является немаркированным при двух условиях: 1) он реализуется в позиции, где противоположный признак невозможен (выбора нет); 2) он (а не его противоположность) является во всех случаях, когда выбора нет. Например, замечаем, что перед твердым дрожащим [р] может быть только твердый же зубной: *тройка, без ведра, изранен.* Нет сочетаний [т'р], [д'р], [н'р]... Не считать ли, что здесь признак твердости — общий для двух сегментов, что он разливается сразу на два согласных? Что один согласный заразил своей твердостью другой? Нет, это неверно: зубной непременно бывает твердым перед всяким дрожащим — и перед твердым, и перед мягким: *три, в ведре, изрезан.* Следовательно, твердость зубного в этой позиции — не знак твердости соседа, а знак независимости от соседа. Он эмансипировался от

обязанности сигнализировать мягкость или твердость. Он по мягкости—твердости — немаркированный.

Вот это рождение немаркированных единиц и можно заметить в конце XIX—XX вв.

Какие же факты обобщаются законом Бодуэна де Куртенэ?

1. Вокальные—невокальные. Фонемы [м — м' — н— н' — л — л' — р — р'] в некоторых позициях выступают как сонорные (вокальные), а в других — как шумные согласные (невокальные). Последнее возможно в позиции не рядом с гласным: *театр, дрянь*. Произношение этих согласных в данной позиции вариативно. Вероятно, во всех системах, описанных в книге, они могли выражаться по-разному: и звонкими сонорными, и звуками с пониженной звонкостью, и глухими согласными. Но направление развития такое: в лиловой, синей, голубой системах они чаще выражены глухими согласными, чем в зеленой—желтой, а в желтой—оранжевой—алой получает особое распространение реализация сонорных в этих позициях звуками полной звучности с мини-гласным в виде стабилизатора. Произносят: *тет*[т^{ъ}р], *дря*[х^{ъ}л]. Таким образом, сонорные в этой позиции завоевали себе полное право выявлять свою сонорность. Получили право на сосуществование стилистические варианты: глухой сонорный (поэтизм) — полнозвучный сонорный слоговой — сонорный с "опорой" на гласный. Закон Бодуэна де Куртенэ здесь удовольствовался этим результатом: возможностью выбирать стилистические варианты.

2. Консонантные — неконсонантные. Фонема <j> выражается в одних позициях согласными (консонантными), в других — гласными (неконсонантными). Именно поэтому закон Бодуэна де Куртенэ, как уже говорилось, эту фонему не преследует и не поощряет.

3. Диффузные—компактные. В XVIII в. из сочетаний [сш], [зш], [шс], [жз] первые два были запретны, а последние два не поощрялись. Может быть, даже были запретны. И так продолжалось до зеленой системы включительно, категорического требования менять [шс] на [сс] нет, но такой обычай очень распространен. Исчез не без влияния закона Бодуэна. Там, где раньше были приемлемы только [с], [з], теперь вместе с ними получили право на жительство [ш], [ж]: *стремишься, не ежься, рижский, меж своих* произносят, не избегая шипящих.

4. Всегда были законны сочетания <мб>, <мп>, <нд>, <нт>. Но постепенно все больше в языке появляется сочетаний и другого типа: рядом с носовым согласный взрывной, не совпадающий с носовым по месту образования. Приказ: после [м] только [б] или [п], но не [т] и [д] (и аналогичный приказ о зубных) — уже и в лиловой системе не звучал вполне категорично, а дальше его категоричность становилась все меньше и меньше. Препоны на сочетаемость в этом случае... нет, не были полностью преодолены (вспомним *Веру Имбер*), но ослабли.

5. Еще о высоких и низких. Сочетания [стн], [здн] — запретны, срединная согласная фонема выражается нулем. Сочетания

[спн], [скн] разрешены: *отпускной, его распнут*. Сочетания [стк], [здк] были (до алой системы) отвергнуты: фонема посредине была представлена нулем. Но сочетание <спк> (*вепсы, она вепска*) вполне легальны. И в том, и в другом случае в определенном окружении оказывается возможным согласный низкой тональности и невозможен согласный высокой тональности (речь идет о взрывных). Постепенно, в ходе изменений литературного произношения, эти ограничения снимаются. Сейчас, в алой системе, чередование согласного с нулем осталось позиционным только в сочетаниях <стн>, <здн>. Но и здесь уже есть прорыв: слово *бездна* с [д]. Движение системы ведет дело к тому, чтобы в описанной позиции был возможен полный набор взрывных: [п], [т], [к]. Это хорошо для закона Бодуэна де Куртенэ.

6. Диезные—недиезные. В ряде позиций возникла возможность противопоставления твердых и мягких (диезных и недиезных) согласных; раньше, до оранжевой системы, такой возможности не было.

7. Прерванные—непрерывные. Перед согласными [к], [т], [ч], [т] был исключен заднеязычный взрывной. Постепенно, от одной системы к другой, эти запреты снимались.

8. Резкие—нерезкие. Нежелательным было сочетание [чн] (в лиловой системе). Оно заменялось на [шн]. Это прошло.

9. Глухие—звонкие. Соотношение глухих и звонких на протяжении трех веков оставалось неизменным.

10. Двойные согласные в XVIII—XIX вв. были "ограниченно годными". От них стремились избавиться. То есть рядом с [н] был нежелателен другой [н], рядом с [в] — другой такой же согласный. И это ограничение становилось постепенно все менее жестким.

Что шло наперекор закону Бодуэна де Куртенэ? Исчезновение или сильное ограничение в употреблении согласных <ѵ>, <ѯ>. Причины — нефонетические: отсутствие особой буквы для обозначения той и другой фонемы, малое количество слов, где эти фонемы были необходимы.

Перейдем к гласным. Какие здесь были процессы "в сторону" закона Бодуэна де Куртенэ, в сторону уменьшения их числа, увеличения, усиления нейтрализации фонем в определенных позициях?

1. Исчезновение из русского языка фонемы <ѣ> (на переломе от лиловой к синей системе).

2. Смена эканья йканьем.

Это — два важнейших события в истории русской фонетической системы последних столетий.

3. Преобразование в произношении заударных флексий. Противопоставление <а, о> — <э, и> в некоторых случаях уступило место неразличению этих фонемных групп[2].

4. Появление диезных гласных — результат усиления влияния согласных на гласные. До нейтрализации дело не дошло, но некото-

---

[2] Вся история с заударными флексиями у нас изложена иначе, чем в работе С.М. Кузьминой (*Кузьмина С.М.* О фонетике заударных флексий // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966). Сильно подозреваю, что права С.М. Кузьмина.

рые различия между гласными смягчились; ср. *зна́н*[ijo], *о зна́н*[ии] или *зна́н*[иɯи] и более позднее *зна́ни*[ў] — *о зна́ни*[и], где различие межу <у> и <и> может заключаться в одной только лабиализации (оба гласных — переднего ряда, верхнего подъема).

Что в судьбе гласных противоречит закону Бодуэна де Куртенэ? Появление (в алой системе) произношения *шары, жара* с [а] в преударном слоге. Число гласных различителей возросло на единицу: раньше, в оранжевой и более давних системах, в данной позиции не было возможно произношение [а].

В пурпурной системе из двух фонем <э> — <о> в определенной позиции была возможна фонема <э> и невозможна <о>. В лиловой, победившей, системе возможны в этой же позиции и <э>, и <о>. Не противоречит ли?.. Нет, закон Бодуэна здесь не задет. Пурпурная и лиловая системы в русском литературном языке существовали одновременно, и победа лиловой системы не означает победу более молодой. Сама ее победа не связана с наличием или отсутствием <о> в данной позиции.

Движение в сторону немаркированных единиц проявилось в желтой, оранжевой, алой системах в двух важнейших процессах: во-первых, в появлении и упрочении в языке твердых согласных, немаркированных по твердости—мягкости, и, во-вторых, в господстве йканья.

В разных языках существуют разные изменения произношения. В чем смысл таких изменений? Не дает ли материал русского произношения в его изменениях за три века возможности хотя бы попытаться ответить на этот вопрос?

Люди окружены океаном самых разных знаков. Естественно было бы предположить, что так же, как человек совершенствуется в использовании транспортных средств, бытового оборудования и т.д., он век за веком овладевает все более высоким умением использовать знаки.

Всякая знакомая система, используемая человеком, несет избыточную информацию. Она необходима: не будь избыточной информации, любая оговорка, ослышка, опечатка, "оглядка" привели бы к приему ложных сообщений. Но как велика должна быть эта избыточная информация, это превышение над уровнем необходимой информации, чтобы речь—письмо воспринимались в данную эпоху, в данном обществе легко, без затруднения? Вероятно, это превышение исторически изменчиво.

Возьмем в качестве примера одежду. Значения "мужчина" — "женщина" в XVIII в. передавались бóльшим количеством примет одеяний, чем в XIX в., и еще меньше этих примет в современном костюме. Ср. женские портреты Рокотова или Левицкого — "Курсистку" Ярошенко и другие женские портреты передвижников — современные джинсовые, брючные и т.д. костюмы женщин. В каждую эпоху есть своя мера признаков, достаточных для того, чтобы "прочесть" костюм.

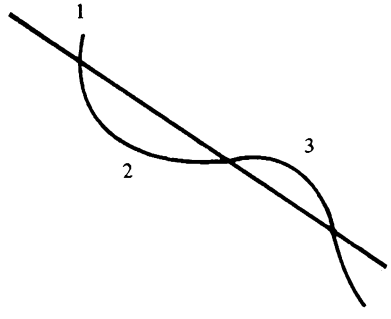
Итак, предполагается, что уровень информации, которую — в среднем — несет звук, исторически изменчив; и он постоянно, от

эпохи к эпохе, понижается. Сам процесс можно представить таким образом[3].

Совершенствуется общественное умение воспринимать знаковые системы; уровень необходимой информации, которая нужна для верного восприятия речи, постепенно для каждой единицы снижается; появляется возможность упростить строение этих единиц-звуков — и, следовательно, слов, поскольку слова состоят из звуков.

Эта потребность упрощения пускает в ход позиционный процесс: в определенных позициях звуки или исчезают, или теряют различительные признаки. Позиционный процесс, как ему и положено, охватывает звуки, подлежащие позиционной замене не в некоторых, а во всех словах, где налицо данная позиция; он не прекращается и тогда, когда уровень нужной пониженной информации достигнут. По известной фольклорной формуле: "он кончает не тогда, когда сыт, а когда — все". Процесс не может быть остановлен, когда достигается желанный уровень средней информации. Признак такой-то утратит свою различительную силу (перестанет нести информацию) только в том случае, если он будет полностью определен, обусловлен позицией, т.е. будет являться неизменно, когда дана позиция, — во всех словах данного языка.

Следовательно, процесс, продолжаясь до своего необходимого завершения, может снизить среднюю информацию произносительных единиц до нежелательного уровня, более, чем это приемлемо в данную эпоху. Тогда вступают в силу другие языковые процессы — повышающие этот уровень. Но и здесь колебание может оказаться чрезмерным, несоизмеримым с исторически определенной "информационной потребностью". Это можно представить схематически (см. схему). Наклонная прямая показывает исторически понижающийся

средний уровень информации, которую несут фонетические единицы. Около этой прямой колеблется волнистая линия. Она изображает реальную информацию, несомую звуками. Участок, отмеченный

[3] Теоретические предположения, изложенные далее, в более полном виде опубликованы в статье: *Панов М.В.* О причинах фонетических изменений // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988.

цифрой "1", показывает уровень, превышающий необходимый; запущен позиционный процесс, снижающий уровень реальной информации (количество битов, в среднем несомых звуком) до желательного уровня. Но позиционное преобразование продолжается, и информация снижается ниже искомого наиболее благоприятного для общения уровня; поэтому включены языковые механизмы, повышающие этот уровень, — часть, отмеченная цифрой "2", и т.д.

Приведем пример такого процесса. Фонетические изменения в русском языке следуют закону Бодуэна де Куртенэ: система гласных упрощается, т.е. гласные несут все меньшую информацию; система согласных усложняется, т.е. они несут все бóльшую информацию. Этот закон проверен для древнейших периодов русского языка XII—XVII вв. Но он действует и в XVIII—XX вв.

Гласные изменения — это волна, которая в основном приходится на XVIII—XX вв.; согласные изменения — волна, которая приходится на конец XIX и на XX в. Гласная волна дает уменьшение информации, притом значительное. Особенно оно значительно при победе йканья. Очевидно, реальный уровень информации спустился ниже желательного. Поднимается другая, "согласная", волна, которая дает увеличение информации, пока еще незначительное, но явно направленное в сторону, противоположную прежней волне.

Характерная деталь. На XX в. падает одна значительная "гласная" перемена: раньше после твердых шипящих передненёбных в первом предударном слоге были возможны три гласных: [э^{ы} — ы — у] — *шары* и *шесты* с [э^{ы}]; *широк; шутить*. По новой норме их четыре: [а — э^{ы}— ы — у] — *шары* (с [а]), *шесты* (с [э^{ы}] или [ы^{э}]); *широк; шутить*. Значит, это "гласное" изменение, попав в волну увеличения информации, изменило закону Бодуэна де Куртенэ и включилось в общую работу по увеличению различителей в известных позициях.

Или рост, или уменьшение информации в каждой волне; это движение единонаправленно и целостно. Напротив, частные социальные причины пестры и разномастны. Видно, что они выступают как вспомогательные средства, актуализированные более глубокой, "информационной", причиной.

Самый общий вывод: все изменения (или почти все) в русском произношении XVIII—XX вв. обусловлены требованием сохранить в языке status quo: та информация, которую несут звуковые единицы в речевом потоке, должна быть близка к уровню необходимой (в данную эпоху, исходя из традиционных навыков общения) звуковой произносительной информации. Меняется требуемый уровень — меняется произношение: оно ищет близости к меняющемуся уровню.

Быть непрестанно изменчивым, чтобы сохранить постоянство, — в этом смысл исторической подвижности языка. По крайней мере его произносительной стороны.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ*

АВ — *Востоков А.Х.* Русская грамматика, по начертанию его же Сокращенной грамматики полнее изложенная. 12-е изд. СПб., 1874. (1-е изд. 1831).

АС — *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений. 2-е изд. М., 1787. Т. 1—10.

АТ — *Томсон А.И.* Общее языкознание. Одесса, 1910.

АШ 11 — *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. [Лекции 1911—1912 гг.] М., 1941. Ч. 1.

БдК — *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Отрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка // Филол. зап. Воронеж, 1882. Вып. 2—3.

ВБ 87 — *Богородицкий В.А.* Курс грамматики русского языка. Варшава, 1887. Ч. 1: Фонетика.

ВБ 13 — *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. Казань, 1913.

ВТ — *Тредиаковский В.Т.* Сочинения. СПб., 1849. Т. 1—7.

ВЧ 1906 — *Чернышев В.И.* Из истории русского правописания // Изв. ОРЯС АН. СПб., 1906.

ВЧ 15 — *Чернышев В.И.* Законы и правила русского произношения. Пг., 1915.

ГД — *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб., 1864. Т. 1.

ГП — *Павский Г.П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Первое рассуждение: О буквах и слогах. СПб., 1850.

ДУ 11 — *Ушаков Д.Н.* Русское правописание. М., 1911.

ДУ 19 — *Ушаков Д.Н.* Краткое введение в науку о языке. М., 1919.

ДУ, НД — *Дурново Н.Н., Ушаков Д.Н.* Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения // Slavia. Praha, 1927. Roč. 6. Seš. 2.

ЕК — *Карский Е.Ф.* Русская диалектология. Л., 1924.

ЙЛ — *Lundell J.A.* Etudes sur la prononciation Russe. Upsala, 1890.

МК — *Катков М.Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка. М., 1845.

МЛ — *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 7; 1959. Т. 8.

*В тексте в сокращениях цифры после двоеточия обозначают страницу.

НГ — *Греч Н.И.* Пространная русская грамматика. СПб., 1830.

ОБ — *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910. [Транскрипция, выполненная А.А. Шахматовым]

ПШ — *Шаров П.Г.* Образцовое русское произношение. М., 1914.

РБ 92 — *Брандт Р.Ф.* Лекции по исторической грамматике русского языка. М., 1982. Вып. 1: Фонетика.

РБ 1904 — *Брандт Р.Ф.* Мнение о русском правописании // Филол. зап. Воронеж, 1904. Вып. 2.

РБ 13 — *Брандт Р.Ф.* Лекции по истории русского языка. М., 1913.

РК — *Кошутић Р.* Грамматика руског језика. Пг., 1919. Ч. 1.: Гласови.

СО 46 — *Обнорский С.П.* Пушкин и нормы русского литературного языка // Тр. юбил. науч. сессии ЛГУ. Секция филол. наук. Л., 1946.

ФБ — *Буслаев Ф.И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858. Ч. 1.

ФК — *Корш Ф.Е.* Русское правописание // Изв. ОРЯС АН. СПб., 1902. Кн. 1.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аблесимов А.А. 303
Аванесов Р.И. 4, 32, 60, 68, 69, 72, 109, 143, 178, 241
Аверьянова А.П. 366, 387, 388
Адодуров В.Е. 350, 351—353, 356
Аксаков И.С. 199
Аксаков С.Т. 226, 248
Александр I 254, 265
Алексей Петрович (царевич, сын Петра I) 378, 418, 420, 422—425
Андроников И.Л. 65
Анна Иоанновна (императрица) 398, 420
Антокольский П.Г. 56
Арапов П.Н. 248
Арнольд Н. 253, 254
Арнольд Ю. 323
Аронсон М. 189
Асеев Н.Н. 27, 36, 44, 55, 56
Ахмадулина Б.А. 58
Ахматова А.А. 251

Багратион П.И. 254
Багрицкий Э.Г. 55, 411, 412
Баженов А.Н. 155
Баран С. 195, 196, 220
Барановский С. 201
Баратынский Е.А. 193, 199, 203, 206, 211, 213, 232, 236, 240, 251, 266
Барсов А.А. 317, 318, 350, 359, 360, 397, 405
Батюшков К.Н. 193, 196, 197, 203, 206—211, 213, 215, 230—232, 240, 248, 251, 252, 266, 276, 417
Бахрушин А.А. 161
Бекетова Е.А. 152
Белинский В.Г. 226
Белый А. 416, 417
Берггольц О.Ф. 54
Бестужев-Рюмин М.П. 379
Бирон Э.И. (герцог Курляндский) 398
Блок А.А. 50, 251, 413
Богородицкий В.А. 100, 101, 103, 111—116, 122, 123, 135, 141, 155, 185, 448
Бодуэн де Куртенэ И.А. 3—5, 11, 21, 22, 25, 40, 48, 53, 54, 58, 87—89, 95, 96, 100, 102, 103, 116, 126, 129, 138, 144, 145, 148, 149, 186, 187, 192, 202, 215, 314, 338, 375, 382, 386, 388, 404, 405, 409, 417, 440, 442, 443, 444, 445, 447, 448
Бонди С.М. 320
Бороздины (актерская династия) 94, 174
Боянус С.К. 54
Браиловский С.Н. 365
Брандт Р.Ф. 100, 102, 106, 107, 112, 114—119, 122, 126, 127, 129, 135, 138—141, 153, 159, 181—186, 213, 281, 371, 381, 382, 449
Брок О. 137, 449
Брянский Я.Г. 301
Булаховский Л.А. 191, 215, 220, 224, 226
Бунаков Н.Ф. 284
Бурлацкий Ф.М. 18
Буслаев Ф.И. 193, 213, 221, 232, 244—246, 449

Варламов К.А. 94
Васильев В.А. 201, 216, 217, 223, 228—230, 237, 238, 240
Васильев В.А. (поручик Васильев) 308, 335, 366
Васильев Л.Л. 346—349, 353—358
Вахтангов Е.Б. 56
Вейнберг П.И. 279
Вельтман А.Ф. 218, 224
Веснины 62, 63
Ветров А. 34
Виноградов В.В. 149, 151, 200, 312, 346, 359, 411
Винокур Г.О. 4, 330
Вознесенский А.А. 58, 59, 78—87
Воинов В. 386
Волоцкая З.М. 235, 239
Вольтер 263
Вольф А. 190
Воронцов М.Л. 379, 393
Воронцова А.К. 393
Востоков А.Х. 194, 195, 215—217, 223, 229, 232, 234, 235, 236, 238, 243, 244, 270, 448
Высокий С.С. 176
Вяземский П.А. 198, 211, 224, 277

Герцен А.И. 223, 239
Глаголев А. 248
Глинка М.И. 248
Глинка Ф.Н. 211
Гловинская М.Я. 47, 52, 126
Гнедич Н.И. 248, 251
Гоголь Н.В. 169, 212
Головин Ф.А. 399
Головнин О. (Брандт Р.Ф.) 100, 181, 381, 382
Горбунов И.Ф. 279
Горецкий В.Г. 283
Горнунг Б.В. 40, 53
Городецкий С.М. 103
Горшкова К.В. 339
Готтес А.О. 201
Грандилевский А. 430—436
Греч Н.И. 195, 203, 216—219, 223, 226, 448
Грибоедов А.С. 142, 211, 223, 224, 226, 228, 233, 250, 263
Григорьев А.А. 252
Грот Я.К. 105, 134, 151, 267
Гумилев Н.С. 109

Давыдов В.Н. 94
Давыдов Д.В. 202, 203, 211, 253
Даль В.И. 90
Данилевский В.В. 356
Данилов Г.К. 15
Дацков И. 249
Дейнека А.А. 63
Дельвиг А.А. 233, 251, 267
Державин Г.Р. 263, 265, 289, 294, 295, 310, 313, 416, 417, 448
Дмитриев И.И. 233, 305, 311
Добролюбов Н.А. 242
Долгорукая Н.Б. 338, 421
Дукельский Н.И. 242
Дурново Н.Н. 4, 5, 96, 104, 105, 107, 110—113, 115, 116, 118, 122, 134, 135, 137, 176, 177, 180, 448
Дурылин С.Н. 159, 167

Евсеева С.Г. 58
Евтушенко Е.А. 58
Екатерина Алексеевна (Екатерина I, императрица) 418, 421
Екатерина II 372, 384, 404
Екатерина Ивановна (племянница Петра I) 420
Елизавета (Елисавета) Петровна (императрица) 397, 404
Елизарова Н.А. 397
Ельчанинов Б.Е. 312
Еремин А.С. 54
Ермолов А.С. 252
Ермолова М.Н. 94, 156, 157
Есенин С.А. 57
Есипов Г.В. 422

Жирмунский В.М. 232—234, 268, 269, 271, 272, 276
Житецкий П.И. 334
Жихарев С.П. 248
Жовтис А.Л. 200
Жуковский В.А. 203, 232, 266

Заболоцкий Н.А. 200
Земская Е.А. 19, 217
Зотов Р. 247
Зощенко М.М. 160

Иванова-Лукьянова Г.Н. 54
Измайлов А.Е. 197, 198, 201, 245
Ильина Н.Е. 4
Ильинская И.С. 4, 170, 175
Инбер В.М. 218
Исаковский М.В. 55

Калнынь Л.Э. 408
Каменский В.В. 56
Кантемир А.Д. 334, 363, 384, 386, 389, 397, 410, 414, 415, 438
Капнист В.В. 289, 295, 296
Карамзин Н.М. 213, 215, 222, 224, 233, 287, 289, 299, 315, 317, 318, 402
Каратыгин В.А. 95, 300
Каратыгина А.М. 190
Карпюк Г.В. 283
Карский Е.Ф. 127, 129, 152, 448
Катенин П.А. 251
Катков М.Н. 215, 232, 234, 236, 242—244, 448
Каченовский М.Т. 193
Кикин А.В. 327
Кирпичников А.П. 91
Кирсанов С.И. 55, 56
Ключевский В.О. 344
Княжнин Я.Б. 288, 289, 294, 295
Кони А.Ф. 154
Конопницкая М. 169
Копьев А.Д. 301—308, 313
Коровин К.А. 395
Короленко В.Г. 108
Корш Ф.Е. 70, 91—93, 96, 97, 105, 106, 111—115, 119, 122, 131, 132, 134, 138, 139, 142, 147, 148, 165, 171, 183, 186, 262, 366, 449
Кошутич Р. 22, 91, 96, 102, 105, 107, 110—121, 126—128, 131, 132, 134, 136, 138, 139, 140, 141, 143, 262, 386, 449
Крижанич Ю. 346
Крупская Н.К. 54
Крученых А.В. 57
Крылов И.А. 198, 224, 265, 312
Кублицкий М.И. 249
Кузмин М.А. 435
Кузнецов П.С. 4
Кузьмин Н.В. 435

Кузьмина С.М. 49, 143, 153, 444
Кузьмина-Караваева Е.Ю. 30, 374
Куракин Б.И. 329, 338, 344, 387, 388, 397, 398, 403, 418, 419, 421, 425—430
Курганов Н.Г. 359
Кюхельбекер В.К. 251

Лажечников И.И. 90, 226
Лапин В. 241, 242
Ларин Б.А. 319, 365, 366, 387
Левашов Е.А. 35
Левин В.Д. 188, 298, 315
Левицкий Д.Г. 445
Ленский А.П. 94
Лермонтов М.Ю. 199, 210, 217, 224, 233, 234, 276, 374
Лихтман Р.И. 421
Лобачевский Н.И. 227
Ломоносов М.В. 12, 191, 286, 287, 297, 298, 318, 325, 328, 331—333, 336, 350, 355, 356, 359, 361—372, 377—379, 383—392, 396, 399, 401, 402, 405, 406, 410, 411, 415, 417, 418, 430—439, 448
Лопухина Е.Ф. 425
Лопухина К.Ф. 425
Луговской В.А. 56
Лудольф Г.В. 319, 365
Лукин В.И. 312
Люнделль Й. 97, 100—107, 110—122, 126—128, 132, 135, 136, 139, 140, 141, 448

Макаров И.И. 357, 358
Мандельштам О.Э. 251
Марин С.Н. 212, 218, 220, 234, 246, 253—265, 279
Мартынов А.Е. 93, 94, 155, 156
Масленникова Л.И. 408
Матвеев Ф.М. 248
Мачтет Т. 200
Маяковский В.В. 17, 21, 53, 56, 57, 120, 200, 251, 386
Медведев С. 334
Медведева И. 300
Мейерхольд В.Э. 56, 95
Меньшиков А.Д. 419
Меньшиков С.А. 336, 337
Мерзляков А.Ф. 189
Миклошич Ф. 371
Михальчи Д.Е. 377
Модзалевские Б.Л. и Л.Б. 267
Монс В. 379
Мориц Ю.П. 58
Мочалов П.С. 249, 250
Музили-Рыжовы (актерская династия) 94, 174
Мурзакевич Н. 378
Мусоргский М.П. 155

Наполеон Бонапарт 265
Нарежный В.Т. 224
Нащокин В.А. 376, 389, 392, 398
Некрасов Н.А. 199, 200, 231, 413
Неплюев И.И. 379
Николев Н.П. 376
Никулина-Косицкая Л.П. 94, 155, 156
Новаковский В. 214
Новиков Н.И. 395

Обнорский С.П. 16, 96, 225—227, 258, 269, 274—276, 308, 309, 449
Огарев Н.П. 199
Ожегов С.И. 53, 149, 151
Озаровская О.Э. 141, 150
Озеров В.А. 247, 248, 301
Окуджава Б.Ш. 58
Олеарий А. 346
Олимпов К. 37
Орлов А.И. 98, 99
Островский А.Н. 89, 160, 161, 168, 173, 226, 369
Остужев А.А. 249

Павел I 254
Павский П.Г. 182, 194, 195, 201, 203, 214—216, 218, 221, 223, 228—230, 235, 238, 245, 246, 281, 448
Пастернак Б.Л. 36, 37, 56, 251
Паузе И.В. 377, 392
Пауфошима Р.Ф. 408
Пекарский П.П. 356
Перетц В.Н. 365, 366, 376, 379, 385, 402
Петерсон М.Н. 4
Петр I (Петр Великий) 302, 324, 327, 329, 338—340, 344—346, 356, 357, 359, 372, 378, 384, 386—388, 408, 418—423, 425, 441
Петрашевский М.В. 217
Петров В.П. 288, 292—294
Петров К.П. 239
Петровский Д. 56
Пильняк Б. 34
Писемский А.Ф. 154
Плетнев Н.А. 267
Погодин М.П. 232
Погорелов В. 302
Полевой Н.А. 89, 90, 142, 249
Полежаев А.И. 203, 211
Поливанов Е.Д. 52, 155
Поликарпов Ф. 350
Полоцкий С. 334, 378, 412—414, 416
Полуденский П.С. 317
Попов А.Н. 52
Порудоминская Н.С. 40
Потебня А.А. 165, 212, 234, 239, 268
Прасковья Федоровна (жена Алексея Петровича, невестка Петра I) 420
Прокопович Ф. 320
Прокофьев А.А. 55, 86
Прокофьев С.С. 62, 63
Прутков (Козьма Прутков) 213

Пушкин А.С. 190, 193, 203—206, 209, 210, 215, 224, 225, 231, 233, 238, 244, 251—253, 261, 266—278, 311, 333
Пыляев М.И. 188

Радищев А.Н. 417
Раевский Н.Н. 397
Рейсер С. 189
Реформатская М.А. 59, 73—77
Реформатская Н.В. 77
Реформатский А.А. 4, 5, 36, 38, 46, 53, 59, 65—77, 143, 337, 363, 381
Розанов И.Н. 267
Рокотов Ф.С. 445
Ромодановский Ф.Ю. 387
Россиев П. 167
Ростопчина Е.П. 246, 247
Румянцева Е.М. 336
Румянцев-Задунайский П.А. 336
Рыжова В.Н. 159, 172—175

Савина М.Г. 94
Садовская О.О. 96, 159—168, 170, 173, 232
Садовские (актерская династия) 94
Садовский М.М. 161, 162
Садовский М.П. 161
Садовский П.М. 63
Свербеев Д.Н. 250
Светлов М.А. 86, 411, 412
Светов В.П. 298, 306
Свит Г. 222
Северянин И. 334
Сельвинский И.Л. 55, 86
Семевский М.И. 426
Семенова К.С. 248, 250, 300
Сенковский О.И. 441
Сидоров В.Н. 3, 4, 12, 168, 170, 175
Скальковский К. 190
Смирницкий А.И. 11
Смирнов Н.А. 359, 364, 398
Смольников В.Н. 426
Соснора В.А. 58
Соссюр Ф. де 3, 11
Столетов Е. 379
Стрепетова П.А. 94
Суворов А.В. 337, 356, 373
Суворов В.И. 356, 357
Сумароков А.П. 320, 321, 330, 334, 353, 363, 364, 366, 367, 370—373, 375, 383, 384, 386—390, 394, 395, 397, 399, 402, 410, 448
Сухомлинов М.И. 243, 357, 358
Сухотин А.М. 4, 91

Таиров А.Я. 95, 249
Татищев В.Н. 388
Твардовский А.Т. 55, 57
Терентьев И. 56
Тихонов Н.С. 27, 56
Тихонравов Н.С. 326
Толстой А.К. 157, 158, 210
Толстой Л.Н. 146, 160, 173, 244, 253, 278—284
Томашевский Б.В. 233, 333, 394, 402, 409, 414
Томсон А.И. 4, 103, 376, 448
Тредиаковский В.К. 320, 321, 325, 331, 336, 350, 353—358, 361, 362, 364, 365, 366, 368, 378, 381—386, 390, 396, 399, 406, 410, 415, 436, 440, 448
Трубецкой Н.С. 122, 124, 145, 162
Трутовский В.Ф. 407
Тургенев А.И. 224
Тургенев И.С. 191
Турчанинова Е.Д. 94, 159, 168—175
Тынянов Ю.Н. 251
Тютчев Ф.И. 193, 199, 233, 234, 252

Успенский Б.А. 318, 349—351, 353, 360, 440
Ушаков Д.Н. 4, 15, 46, 70, 96, 97, 104, 105, 107, 110—113, 115, 116, 118, 122, 127, 132, 134, 135, 137, 140, 159, 172, 175—178, 180—182, 448
Ушаков Н.Н. 57

Фалев И.А. 54
Фант Г. 23
Федин К.А. 97
Федотова Г.Н. 94
Фет А.А. 413
Филиппов В. 161, 168
Финк Ф. 122
Фонвизин Д.И. 302, 379
Фортунатов Ф.Ф. 3, 4, 124
Фофанов К.М. 152

Халле М. 23
Хемницер И.И. 289, 292, 311
Херасков М.М. 288, 289, 294, 296, 297
Хлебников В.В. 251
Хмельницкий Н.И. 195, 197, 201, 225, 245, 250
Храповицкий А.В. 384, 403

Цуканов М. 168

Черных П.Я. 15, 16
Чернышев В.И. 53, 54, 92, 93, 102, 106, 108, 111—113, 115—117, 119, 120, 122, 127—129, 132, 138, 148—150, 152, 153, 183, 212, 226, 379, 448
Чехов А.П. 369
Чюмина О. 152

Шаров П.Г. 97, 106, 107, 110—120, 126, 127, 129, 131, 140, 141, 148, 449
Шахматов А.А. 5, 92, 105, 110—113, 115—120, 122, 128, 129, 137—141, 145, 147, 148, 183, 184, 448, 449

Шаховской А.А. 250
Шевченко Т.Г. 411
Шевырев С.П. 193, 194, 203, 220, 232, 269, 358, 360
Шереметев Б.П. 399
Шершеневич В. 334
Шишков А.С. 289, 290, 292—294, 297, 302, 304, 306, 311, 314, 315, 317
Шлецер А. 370, 387, 404
Шляпников М.А. 334
Шоу Б. 170
Шпет Г.Г. 5

Щеглова С. 378, 379
Щедрин С.Ф. 248
Щепкин В.Н. 4
Щепкин М.С. 246, 247, 250
Щепкина Е. 335
Щерба Л.В. 16, 54, 134, 139
Щипачев С.П. 55

Энгельгардт Н. 215
Эфрос Н.Е. 156, 157

Южин-Сумбатов А.И. 94

Языков Н.М. 211, 251
Якобсон Р.О. 3, 23, 124
Яхонтов В.Н. 57, 59, 60, 62
Яшин Д. 55

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

От автора 3

Глава первая. **Вступительная** 5

Глава вторая. **Середина XX века** 15
Общая характеристика периода 15
Состав фонем 22
Функционирование фонем 28
Согласные 28
Гласные 47
Фонетика заимствованных слов 51
Ленинградское произношение 53
Влияние диалектов 54
Художественная речь 55
Фонетические портреты 59

Глава третья. **Вторая половина XIX — начало XX в.** 89
Общая характеристика периода 89
Состав фонем 96
Функционирование фонем 100
Согласные 100
Гласные 130
Фонетика заимствованных слов 146
Петербургское произношение 149
Влияние диалектов 153
Художественная речь 155
Фонетические портреты 159

Глава четвертая. **Первая половина XIX века** 188
Общая характеристика периода 188
Состав фонем 193
Функционирование фонем 202
Согласные 202
Гласные 232
Фонетика заимствованных слов 244
Петербургское произношение 245
Влияние диалектов 246
Художественная речь 247
Фонетические портреты 253

Глава пятая. **Вторая половина XVIII века** 286
Общая характеристика периода 286

Глава шестая. **Первая половина XVIII века** 319
Общая характеристика периода 319
Состав фонем 338

Функционирование фонем 369
Согласные 369
Гласные 394
Фонетика заимствованных слов 408
Петербургское произношение 410
Влияние диалектов 411
Художественная речь 411
Фонетические портреты 418
Глава седьмая. **Заключительная** 441
Принятые сокращения 448
Указатель имен 450

Научное издание

Панов Михаил Викторович

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ XVIII–XX вв.

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *В.С. Матюхина*
Художник *А.П. Дегтярев.* Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*
Технический редактор *Л.Н. Богданова.* Корректор *Т.И. Шеповалова*

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ № 46 338

Подписано к печати 31.01.90. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл.печ.л. 28,5. Усл.кр.-отт. 28,5. Уч.-изд.л. 34,5
Тираж 2200 экз. Тип.зак. 2168. Цена 7 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12